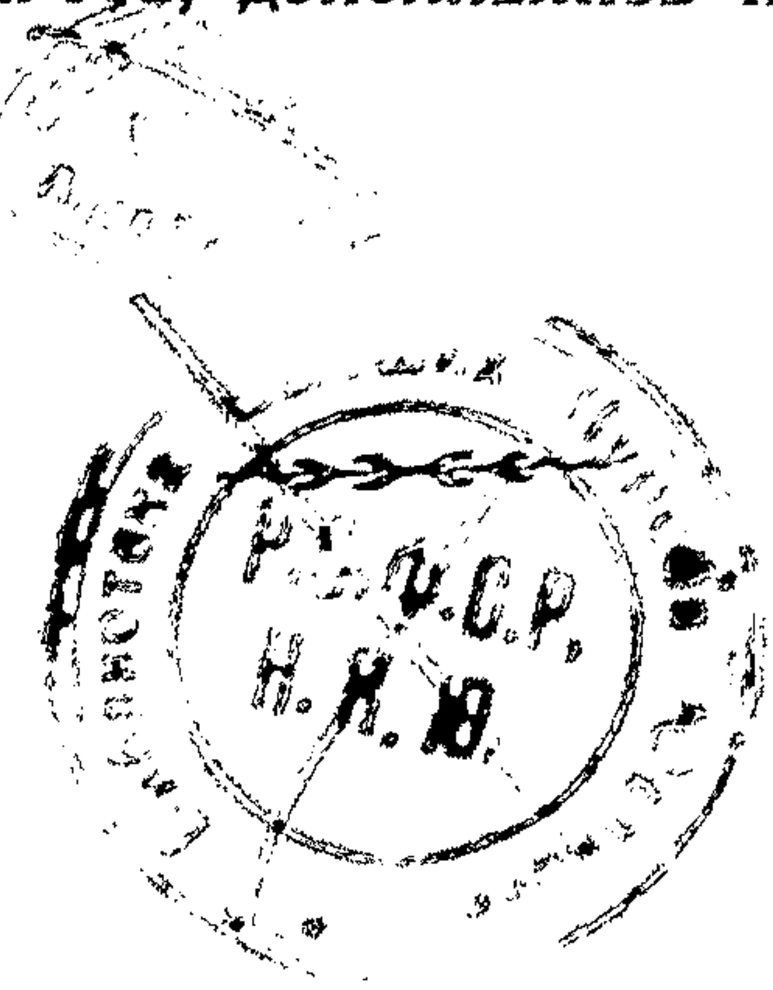
С. А. АНДРЕЕВСКІЙ.

ЗАЩИТИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

ЧЕТВЕРТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе юридическаго книжнаго склада „ПРАВО".
1909.

БИБЛИОТЕКА
Высочайше
учреждённого
Императорского Вольного Экономического Общества

12997

Тип. В. Безобразова и Ко. В. О., Б. пр., д. № 61.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Объ уголовной защитѣ.

(Читано въ конференціи помощниковъ прис. повѣренныхъ группы Бунковскаго).

Господа! Я обращаюсь преимущественно къ молодежи. То, что я вамъ скажу, есть не только выводы моего опыта, но и разъясненіе той идеи, которую я примѣнялъ къ дѣлу защиты. У васъ можетъ получиться впечатлѣніе, будто я говорю только лично о себѣ. Выбросьте это изъ головы! Если можно, то забудьте даже меня, какъ автора бесѣды. Но вникните хорошенько въ то, что я говорю.

Между прочимъ, я возстаю противъ рекламы и актерства. Если вы будете смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія быстраго успѣха и хорошей платы за дешевый трудъ, то я заранѣе признаю себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ. Ибо извѣстно, что нѣтъ болѣе ходкаго товара, какъ издѣлія Александровскаго рынка или художественныя произведенія, выставляемыя въ трехмарковомъ базарѣ. Но если мы начнемъ разсуждать объ истинномъ искусствѣ, о талантѣ, о служеніи правосудію и объ интересахъ тѣхъ несчастныхъ, которые ввѣряютъ намъ свою участь, то я, безъ малѣйшихъ уступокъ, останусь неколебимымъ во всемъ, что я предложу вашему вниманію.

Я долженъ, прежде всего, рѣзко выдѣлить защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ отъ защитниковъ по гражданскимъ.

Юристами можно назвать только знатоковъ *гражданскаго права*. Они завѣдуютъ особою областью общежитія, для которой вѣковымъ опытомъ,—можно сказать почти наукою,—

выработаны условныя нормы отношеній по имуществу. Это чрезвычайно хитрая механика, въ которой хорошій техникъ, помощью одного, едва примѣтнаго, винтика, можетъ остановить или пустить въ ходъ цѣлую фабрику. Въ этой области нужно превосходно знать какъ общую систему, такъ и всѣ ея подробности.

Иное дѣло—криминалисты. Всѣ они—диллетанты, люди свободной профессіи, потому что даже уголовный кодексъ, съ которымъ имъ приходится орудовать, есть не болѣе, какъ многорѣчивое, а потому шаткое и перемѣнчивое разматываніе на всѣ лады основныхъ десяти заповѣдей Божіихъ, извѣстныхъ каждому школьнику. Поэтому отъ уголовныхъ защитниковъ не требуется ровно никакого ценза. Подсудимый можетъ пригласить въ защитники кого угодно. И этотъ первый встрѣчный можетъ затмить своимъ талантомъ всѣхъ профессіоналовъ. Значитъ, уголовная защита, прежде всего,—не научная спеціальность, а искусство, такое же независимое и творческое, какъ всѣ прочія искусства, т. е. литература, живопись, музыка и т. п.

Поэтому-то и уголовные защитники имѣютъ популярность своего рода „избранниковъ“ толпы,—не то поэтовъ, не то драматическихъ любовниковъ, не то чарующихъ баритоновъ... Они фигурируютъ на эстрадѣ; у нихъ развиваются актерскіе инстинкты... И въ этомъ—ихъ проклятіе! Они весьма легко увлекаются мишурою и необычайно быстро пошлѣютъ... Но пошлость уголовнаго адвоката, увлекающагося дешевымъ успѣхомъ, неизмѣримо ниже пошлости актера, который торопится завоевать успѣхъ тѣмъ же путемъ, т. е. угожденіемъ своему залу. У актера есть, по крайней мѣрѣ, оправданіе въ томъ, что онъ объединяетъ себя съ призракомъ фантазіи: „что онъ Гекубѣ, что ему Гекуба!“ А уголовный защитникъ объединяетъ себя съ весьма живымъ субъектомъ, сидящимъ за его спиною,—и, по правдѣ сказать,—метать громы изъ-за этого субъекта, принимать благородныя позы и кипѣть за него правдивымъ негодованіемъ—приходится только въ самыхъ рѣдкихъ, даже исключительныхъ случаяхъ. А уголовники считаютъ своимъ священнымъ долгомъ дѣлать это чуть ли не *каждый разъ*...

Выходитъ нѣчто самое гадкое, что только можно себѣ представить: продажное негодованіе, наемная страсть...

Поприще очень скользкое. И я желалъ бы подѣлиться *своимъ опытомъ съ тѣми, кто вступаетъ на этотъ путь.*

Не буду останавливаться на дѣлахъ съ косвенными уликами. Здѣсь каждый защитникъ, по мѣрѣ своихъ силъ вооружается логикою и находитъ выходъ изъ лабиринта.

Дѣла эти вообще нетрудны, потому что у насъ и коронный судъ, и *присяжные никогда* не принимаютъ на свою совѣсть сомнительныхъ доказательствъ. Однако же, въ сложныхъ процессахъ, съ уликами коварными и соблазнительными, добиться правды способенъ только художникъ, чутко понимающій жизнь, умѣющій вѣрно понять свидѣтелей и объяснить истинныя бытовыя условія происшествія.

Но *большинство уголовной практики составляютъ* процессы, гдѣ виновность, передъ закономъ, несомнѣнна. И вотъ въ этой именно области наша русская защита сдѣлала, на судѣ присяжныхъ, наибольшія завоеванія проповѣдью гуманности, граничащей съ милосердіемъ. Пусть надъ нами смѣются иностранцы! Но я принимаю за наилучшій аттестатъ нашей трибуны ироническое замѣчаніе французовъ: Les criminels sont toujours affranchis en Russie; on les apellent: nestschastnii" т. е. „въ Россіи всегда оправдываютъ преступниковъ,—ихъ называютъ несчастными". Всегда—не всегда. Однако-же едва-ли въ какомъ государствѣ найдется болѣе человѣческій, болѣе близкій къ жизни, болѣе глубокій, по изученію души преступника, судъ, чѣмъ нашъ судъ присяжныхъ. И *это вполнѣ совпадаетъ съ нашей литературой, которая,* при нашей отсталости во всѣхъ прочихъ областяхъ прогресса,—чуть ли не превзошла европейскую ничѣмъ инымъ, какъ искреннимъ и сильнымъ чувствомъ человѣколюбія. Западъ невольно смущается передъ этою широкою, теплою и мягкою волною всепрощенія, идущею съ Востока. Практическіе иностранцы, съ теченіемъ времени, перестаютъ

глумиться, начинаютъ задумываться и уже почти готовы признать свѣжесть славянскаго генія, ибо вѣдь изъ самой передовой страны стараго запада, изъ Франціи, раздался афоризмъ: „tout comprendre c'est tout pardonner“—все понять—значитъ все простить. И вотъ, даже французамъ невольно напрашивается выводъ: „а пожалуй, русскіе понимаютъ лучше нашего“...

Сдѣлавшись судебнымъ ораторомъ, прикоснувшись, на судѣ присяжныхъ, къ „драмамъ дѣйствительной жизни“, я почувствовалъ, что и я, и присяжные засѣдатели,—мы воспринимаемъ эти драмы, включая сюда свидѣтелей, подсудимаго и бытовую мораль процесса, совершенно въ духѣ и направленіи нашей литературы. И я рѣшилъ говорить съ присяжными, какъ говорятъ съ публикой наши писатели. Я нашелъ, что простые, глубокіе, искренніе и правдивые пріемы нашей литературы въ оцѣнкѣ жизни слѣдуетъ перенести въ судъ. Я за это взялся съ такимъ же логическимъ разсчетомъ, съ какимъ, напримѣръ, техники рѣшили воспользоваться громадною силою водопадовъ для электричества. Нельзя было пренебрегать столь могущественнымъ средствомъ, воспитавшимъ многія поколѣнія нашихъ судей въ ихъ домашней обстановкѣ. Я зналъ, что ихъ души уже подготовлены къ воспринятію тѣхъ именно словъ, которыя я имъ буду говорить.

Этотъ пріемъ не составляетъ моего открытія. Я имѣлъ поучительныхъ предшественниковъ. Называю ихъ вполнѣ опредѣленно: Урусовъ и Кони. Урусовъ первый создалъ свободный литературный языкъ защитительной рѣчи. Кони первый внесъ въ судебныя пренія литературно-психологическіе пріемы въ широкихъ размѣрахъ, но, увы,—сдѣлалъ это въ цѣляхъ обвиненія, а потому поневолѣ пріурочивалъ свою психологію къ готовымъ сентенціямъ уложенія о наказаніяхъ. Помнится, Кони, когда ему приходилось бороться съ искусительными доводами защиты въ пользу милосердія, называлъ эти доводы „жестокою сентиментальностью“. Но я съ гораздо большимъ правомъ могу назвать его проку-

рорскую психологію „сентиментальною жестокостью“, ибо результатомъ его душевнаго анализа всегда являлось „лишеніе правъ“. Мнѣ вообще кажется, что прокуроръ можетъ пользоваться психологіей лишь для изобличенія неправды въ показаніяхъ подсудимаго, но когда полное и откровенное сознаніе на-лицо, то глубокое изслѣдованіе души преступника можетъ быть благопріятно только для защиты.

Примѣръ этихъ двухъ ораторовъ убѣдилъ меня, что пріемы художественной литературы должны быть внесены въ уголовную защиту полностью, смѣло и откровенно, безъ всякихъ колебаній.

Вѣдь судебные уставы Императора Александра II-го сдѣлали громадный переворотъ. Они предоставили присяжнымъ засѣдателямъ произносить обвинительныя или оправдательныя рѣшенія, не стѣсняясь никакими доказательствами, единственно по убѣжденію ихъ совѣсти (ст. 754). Столь нашумѣвшее недавно случайное и необщеобязательное опредѣленіе Сената насчетъ сознанія подсудимаго не можетъ измѣнить установившагося хода вещей, ибо это было бы равносильно отмѣнѣ реформы. Слишкомъ ясный и точный законъ—превыше всякихъ мимолетныхъ толкованій, подмывающихъ его твердыню. Законъ остается незыблемъ.

Съ тѣхъ поръ примиреніе правосудія съ душою преступника сдѣлалось основнымъ мотивомъ уголовной защиты. Изъ этого до очевидности ясно, что художественная литература, съ ея великими раскрытіями души человѣческой, должна была сдѣлаться основною учительницею уголовныхъ адвокатовъ. „Проникновенная“ психологія и вытекающая изъ нея,—часто неожиданная для рутинныхъ взглядовъ,—этика—вотъ два могущественнѣйшихъ оружія въ рукахъ того, кто долженъ „милость къ падшимъ призвать“.

Излишне распространяться о глубочайшихъ открытіяхъ въ психологіи преступленія, сдѣланныхъ, напримѣръ, Шекспиромъ и Достоевскимъ. Но вообще вся художественная литература неизмѣримо болѣе содѣйствовала смягченію взглядовъ на преступника, нежели дѣятельность знаменитѣйшихъ филантроповъ-практиковъ. Эти филантропы только

облегчали отбытіе наказаній, помогали устраненію нѣкоторыхъ физическихъ мукъ, улучшали тюремный бытъ и т. п. Но литература дѣйствовала гораздо радикальнѣе: она примиряла общество съ самою личностью нарушителя законовъ. Не стану этого доказывать подробно. Приведу ближайшіе, современные факты.

Возьмите хотя бы два разсказа Чехова, „*Злоумышленникъ*“ и „*Бѣда*“. Герой перваго разсказа крестьянинъ Григорьевъ отвинчивалъ гайки, которыми рельсы прикрѣпляются къ шпаламъ, иными словами умышленно повреждалъ желѣзнодорожный путь съ явною опасностью для пассажировъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1081 ст. уложенія. Во второмъ—купецъ Авдѣевъ, членъ ревизіонной комиссіи одного крахнувшаго банка, подписывалъ подложные отчеты, т. е. судился за преступленіе, предусмотрѣнное 1154 ст. уложенія. Чеховъ не юристъ. Но кто же,—даже самый лучшій изъ насъ—по тѣмъ двумъ обвиненіямъ, которые я назвалъ, когда бы то ни было произнесъ въ судѣ что нибудь, до такой степени яркое и простое, до такой степени обезоруживающее всякую возможность преслѣдованія этихъ двухъ преступниковъ (Григорьева и Авдѣева), какъ то, что написалъ Чеховъ въ этихъ двухъ коротенькихъ разсказахъ?!

А въ чемъ же тайна? Только въ томъ, что Чеховъ правдиво и художественно нарисовалъ передъ читателемъ бытовыя условія и внутреннюю жизнь этихъ двухъ, выражаясь по нашему, своихъ „кліентовъ“.

И рѣшительно то же самое мы должны дѣлать въ каждой уголовной защитѣ.

Мнѣ возразятъ, что писатель свободно создаетъ образы, почерпаемые изъ своей фантазіи, тогда какъ адвокатъ прикованъ къ фактамъ дѣйствительности. Но позвольте мнѣ назвать это возраженіе просто глупостью,—одною изъ тѣхъ старыхъ глупостей, которыя, подъ вліяніемъ привычки, превращаются какъ бы въ истину. Вѣдь я говорю о *художественной* литературѣ, которая всегда, какъ бы она фантастична ни была, имѣетъ въ своей основѣ самую *настоящую*, самую глубокую *правду* жизни. Поэтому уголов-

ный адвокатъ, если онъ художникъ, т. е. человѣкъ проницательный и чуткій, находится даже въ гораздо лучшихъ условіяхъ, нежели писатель. Онъ имѣетъ подлинную натуру, которую ему нѣтъ надобности ни маскировать, ни передѣлывать. Какъ портретъ есть самая благодарная тема для живописца (портретами обезсмертилъ себя Веласкецъ), такъ и подлинное дѣло есть наилучшій матеріалъ для художника слова, какимъ непремѣнно долженъ быть защитникъ въ судѣ.

Одинъ мой товарищъ, конечно, вполнѣ искренно предостерегалъ одного подсудимаго, желавшаго обратиться къ моей защитѣ. „Вѣдь Андреевскій—поэтъ, а не адвокатъ“—сказалъ онъ. „Вамъ нужно поискать кого нибудь болѣе серьезнаго“. Съ моей точки зрѣнія, это былъ невольный комплиментъ. Въ переводѣ на мой языкъ, это значило: „Андреевскій слишкомъ уменъ, найдите кого нибудь поглупѣе“. А кліентъ все таки испугался и послушался...

И я прекрасно понимаю всесиліе этой рутины. Вѣдь даже мой благосклонный критикъ, присяжный повѣренный Ляховецкій, надѣливъ меня всевозможными достоинствами, оговорился, однако, что я все-таки „не адвокатъ чистой крови“. Вѣроятно, и это—намекъ на поэзію, ибо я не догадываюсь, какимъ образомъ уголовный защитникъ можетъ быть „адвокатомъ чистой крови“? Что ему для этого нужно? Иное дѣло цивилисты У нихъ дѣйствительно умы совершенно спеціальные. Здѣсь можно говорить о расѣ, о юристахъ „по крови“. Но уголовники?!

И кому бы, казалось, а ужъ никакъ не критикамъ уголовныхъ защитниковъ клепать на поэзію. Вѣдь, Плевако, въ защитѣ Качки, какъ лучшимъ доводомъ, воспользовался разборомъ некрасовскаго стихотворенія „Ѣду ли ночью по улицѣ темной“; Адамовъ неоднократно эксплуатировалъ стихотвореніе Никитина: „Вырыта заступомъ яма глубокая“. А Потѣхинъ оправдалъ Кожевникова, зарѣзавшаго свою любовницу, даже посредствомъ... музыки, доказывая присяжнымъ, какую невыразимую печаль на сердцѣ вызываютъ мотивы вальса „Дунайскія волны“.

Скажу прямо: чѣмъ менѣе уголовные защитники юристы

по натурѣ, тѣмъ они драгоцѣннѣе для суда. Гражданскій судъ имѣетъ дѣло съ имуществами, а уголовный—съ людьми. Уголовный защитникъ призванъ ограждать живыя людскія особи отъ мертвыхъ формъ заранѣе готоваго и общаго для всѣхъ кодекса. Если уголовный защитникъ будетъ такимъ же зашнурованнымъ или, придерживаясь Ляховецкаго, „чистокровнымъ“ юристомъ, какъ прокуроръ, судьи и секретарь, то ни одного житейски допустимаго и понятнаго приговора не получится. Уголовный защитникъ, если онъ является чуткимъ, правдивымъ, искреннимъ бытописателемъ и психологомъ, всегда будетъ дорогъ для суда, всегда будетъ выслушиваться съ уваженіемъ и вниманіемъ, ибо сами судьи сознаютъ, что ихъ привычка къ формамъ мертвитъ ихъ совѣсть, удаляетъ ихъ отъ потребностей жизни, которымъ они желали бы служить а потому каждое вѣрное, свѣжее слово, приходящее къ нимъ изъ-за стѣнъ суда, заставляетъ ихъ прислушиваться къ голосу дѣйствительности, интересуетъ ихъ, смягчаетъ поневолѣ ихъ сердце. Юриспруденція нужна уголовному защитнику не какъ нѣчто существенное, а какъ нѣчто вполнѣ элементарное, вродѣ правилъ грамматики для писателя, ученическихъ чертежей для живописца, позицій для танцора и т. п. Присутствіе этого знанія должно быть почти незамѣтно въ главныхъ задачахъ его дѣятельности.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи у меня есть антагонисты. Мнѣ передавали такое сужденіе: „уголовная защита есть работа упорная, грубая, *совершенно антихудожественная*. Едва открывается засѣданіе, какъ уже слѣдуетъ помышлять о кассаціонныхъ поводахъ“... Очевидно, подобное сужденіе можетъ принадлежать только дѣльцамъ, лишеннымъ художественнаго таланта, т. е. такимъ уголовнымъ спеціалистамъ, которые теперь годятся лишь для второстепенныхъ услугъ, т. е. для консультацій, писанія жалобъ и т. п., но не для рѣшительной минуты словеснаго спора. Адвокаты этого рода напоминаютъ старинныхъ докторовъ, которые всегда напускали на себя важность, любили тянуть леченіе—и никогда настоящимъ образомъ не понимали сущности недуга. Такихъ людей теперь найдется немного.

Въ русской адвокатурѣ уже былъ очень большой и, въ сущности, трагическій талантъ этого направленія—А. В. Лохвицкій, совершенно недосягаемый для современныхъ эпигоновъ того же типа. И этотъ первоклассный уголовный юристъ, человѣкъ съ громадной эрудиціей, изобрѣтательностью и остроуміемъ—проигралъ свою кампанію передъ реформеннымъ судомъ. Онъ не переставалъ удивляться до своихъ послѣднихъ дней, какимъ образомъ люди легкомысленные, „но съ божественнымъ огнемъ“, съ искреннимъ и живымъ дарованіемъ, преуспѣвали больше, чѣмъ онъ. А Лохвицкій былъ добрый и хорошій человѣкъ, но только ослѣпленный старою вѣрою.—Что-же теперь можно сдѣлать съ этою вѣрою? Судебная реформа, съ отмѣною письменнаго производства, формальныхъ доказательствъ и множества инстанцій, положила предѣлъ кляузѣ. Новый уставъ идеально простъ. Любой помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ одинъ годъ, много въ два, овладѣетъ всею техникою судебнаго засѣданія, со всевозможными кассаціонными поводами. Современному защитнику-криминалисту, конечно, *необходима* эта подготовка, но она такъ несложна, что о ней и говорить не стоитъ. Сколько-нибудь даровитый человѣкъ будетъ въ то же время и превосходнымъ знатокомъ всѣхъ законныхъ правъ защиты, включая сюда уголовное уложеніе и пропечатанныя подъ каждою статьею разъясненія Сената.

Поэтому—ставить на *первый планъ* свои глубокія познанія въ этой простой юриспруденціи могутъ только мистификаторы, надѣющіеся морочить кліентовъ. Старыя времена миновали. Насталъ судъ жизни, а не мертвой формалистики. И то, что эти господа называютъ защитой, есть только „волокита“. Бумажное сутяжество удается имъ гораздо лучше, чѣмъ живое слово, и сколько-бы они ни доказывали свою необходимость и важность въ отправленіи правосудія — они, въ лучшемъ случаѣ, достигнутъ только хорошаго заработка, но судебными ораторами, въ истинномъ и благородномъ значеніи этого слова, никогда не будутъ.

Возвращаюсь къ литературѣ.

Я уже упоминалъ о двухъ превосходныхъ разсказахъ

или, вѣрнѣе,—„уголовныхъ защитахъ“ Чехова. Но возьмемъ писателя въ другомъ вкусѣ. Вотъ вамъ газетный фельетонистъ, пишущій чуть не ежедневно, о чемъ попало, на скорую руку,—Дорошевичъ. И этотъ самый Дорошевичъ разобралъ, въ нѣсколькихъ фельетонахъ „Россіи“, запутаннѣйшее дѣло Скитскихъ такъ живо, логично, ясно, просто и талантливо, съ такою находчивостью и бытовою правдивостью въ объясненіи всѣхъ кажущихся недоразумѣній, такъ ловко объединилъ всѣ части своего изслѣдованія, представилъ такую любопытную и цѣльную картину всего дѣла, что, если бы его фельетонъ попалъ въ сборники адвокатскихъ рѣчей, онъ превзошелъ бы всѣ извѣстныя мнѣ образцовыя рѣчи нашихъ адвокатовъ по дѣламъ съ косвенными уликами! Помнится, закончивъ чтеніе этихъ фельетоновъ, я кому-то сказалъ: „теперь я до очевидности понимаю, что Скитскихъ осудить невозможно. И къ чему послѣ этого еще разъ продѣлывать сложную комедію суда? Слѣдовало бы теперь просто это дѣло свыше прекратить“.

Да что Дорошевичъ! Мнѣ попадались репортерскія замѣтки, увѣряю васъ, болѣе живыя, умныя и даровитыя, нежели рѣчи защитниковъ по тѣмъ же дѣламъ.

И волей-неволей приходится сказать, что среди всѣхъ насъ, уголовныхъ защитниковъ, въ нашемъ довольно-таки показномъ сословіи,—увы, не слишкомъ-то много людей съ интереснымъ, сильнымъ умомъ и съ обаяніемъ оригинальнаго, истиннаго дарованія.

Однако же, мы все-таки шумимъ, создаемъ себѣ имена... Чѣмъ это объясняется? Объясняется это громаднымъ плюсомъ, который каждый изъ насъ имѣетъ надъ каждымъ дѣятелемъ прессы,—а именно: намъ дана—живая аудиторія и живой звукъ голоса. Эти два условія вмѣстѣ составляютъ такой чувствительный рычагъ, который самое ничтожное наше усиліе передаетъ публикѣ сразу во сто кратъ, въ сравненіи съ его дѣйствительнымъ значеніемъ. Самая дешевая мысль, самая пошлая сентенція, выраженныя *устно* передъ *слушателями,* производятъ сразу неизмѣримо большее дѣйствіе, нежели геніальнѣйшее изреченіе безсмертнаго человѣка, изображенное имъ для *читателей на бумагѣ*...

Вотъ секретъ нашего незаконнаго успѣха. Вотъ, чѣмъ объясняется то, что въ нашей корпораціи самые средніе люди, обладая одною только развязностью рѣчи, могутъ иногда, при нѣкоторыхъ честолюбивыхъ махинаціяхъ, попасть даже въ знаменитости. Но, конечно, отъ такихъ знаменитостей ни подсудимые, ни, тѣмъ болѣе, преданія, достоинство и дальнѣйшее развитіе адвокатуры ровно ничего не пріобрѣтаютъ.

Меня спросятъ: что же, по вашему, дѣлать? Писателямъ, что ли, поступать въ присяжные повѣренные?

Нѣтъ! Конечно, нѣтъ... Каждый, по природѣ, находитъ свое призваніе. Объ этомъ и говорить нечего. Однако, въ этомъ вопросѣ, казалось бы, можно было бы до чего нибудь додуматься... Бѣда въ томъ, что писатели не умѣютъ говорить, а адвокаты почти не умѣютъ правдиво, чутко и художественно воспроизводить и разъяснять жизнь. Вотъ, если бы соединить то и другое...

Такъ я думалъ и такъ, по мѣрѣ данныхъ мнѣ силъ, я дѣйствовалъ. Идеальный защитникъ, какимъ онъ рисуется въ моемъ воображеніи, это именно—*говорящій писатель*. Вы, конечно, сблизите мое опредѣленіе съ опредѣленіемъ Кони: прокуроръ, это-- *говорящій судья*. Но каждый *судья*, поневолѣ, долженъ быть прямолинейнымъ, тогда какъ *писатель* можетъ съ полною свободою изслѣдовать глубочайшіе вопросы жизни. И въ этой задачѣ—непочатый край для гуманитарныхъ завоеваній уголовной защиты въ будущемъ.

Предвижу еще такое возраженіе: вѣдь писатель изображаетъ нормальныхъ людей, а защитникъ говоритъ только о преступникахъ. Но каждый преступникъ выростаетъ среди нормальныхъ людей, и для того, чтобы объяснить преступника, адвокатъ неминуемо долженъ, прежде всего, съ глубокою правдивостью художника понять и опредѣлить всѣхъ его окружавшихъ. Безъ этого немыслимо объяснить преступленіе.

Впрочемъ, у меня есть еще одинъ рѣшающій аргументъ. Достаточно сказать, что даровитѣйшій представитель уголовнаго права, профессоръ Листъ, поддался обаянію художника моралиста Л. Толстого, протянулъ ему руку и разошелся съ нимъ только въ незначительныхъ мелочахъ.

Кажется, моя мысль не должна вызвать недоразумѣній. Адвокаты-художники или „говорящіе писатели“ желательны, по моему, во всевозможныхъ дѣлахъ, какъ въ чисто-юридическихъ, такъ и въ повседневныхъ, ибо они вездѣ будутъ наилучшимъ образомъ помогать выясненію истинныхъ потребностей жизни. Но въ особенности они важны въ такъ-называемыхъ „громкихъ процессахъ“, волнующихъ все общество и требующихъ достойнаго отклика со стороны адвокатуры, въ предѣлахъ справедливости. Вѣдь криминалисты особенно любятъ попадать въ такія дѣла. Повседневная работа служитъ имъ лишь подготовкою для этой роли и впослѣдствіи будничная практика отъ нихъ понемногу отпадаетъ. Вообще же для уголовной защиты, не считаясь съ выдающимися дарованіями, скорѣе всего полезны образованные, умные, искренніе, добрые люди, а менѣе всего нужны казуисты или же пустые фразеры, самодовольно предлагающіе публикѣ истрепанные „цвѣты краснорѣчія“. Но къ этому вопросу я еще возвращусь.

Разскажу вкратцѣ ходъ моей дѣятельности. Вначалѣ, когда я былъ еще въ прокурорскомъ надзорѣ, я чувствовалъ себя очень странно. Часто отказывался отъ обвиненій Обвинялъ съ такимъ безпристрастіемъ, что защитнику ничего не оставалось говорить. А между тѣмъ, у меня получалось наибольшее количество обвиненій... Наконецъ, судьба меня вывела на мою настоящую дорогу. Я дебютировалъ, какъ защитникъ, въ дѣлѣ Зайцева, которымъ и начинается мой сборникъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого дебюта меня остановилъ въ корридорѣ суда Юлій Шрейеръ, тогдашній „король репортеровъ“, какъ его называли, — и спросилъ: „вы ничего не знаете?“—„А что?“—„Да я написалъ цѣлый фельетонъ о вашей защитѣ, я ее назвалъ событіемъ, я васъ назвалъ замѣчательнымъ явленіемъ въ адвокатурѣ“.—„Гдѣ же это? Я не читалъ“.—Въ нѣмецкомъ „Герольдѣ“. Я вамъ пришлю номеръ“.—„Очень вамъ буду благодаренъ“.—И дѣйствительно, Шрейеръ прислалъ мнѣ газету съ этой восторженной статьей.

Послѣ дѣла Зайцева стенографы стали приходить на каждую мою защиту. Газетчики заказывали имъ мои рѣчи, потому что онѣ, по своей удобочитаемости, нравились публикѣ. Ни съ одной редакціей я не былъ знакомъ. Съ Суворинымъ встрѣтился впервые лѣтъ черезъ десять послѣ моего вступленія въ адвокатуру, т. е., когда всѣ рѣчи моей книги, въ хронологическомъ порядкѣ, со включеніемъ процесса Мироновича, были уже цѣликомъ помѣщены въ разныхъ газетахъ. Упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы отдѣлить себя отъ современныхъ нравовъ, когда пріятельскія отношенія съ сотрудниками газетъ составляютъ первую заповѣдь карьеры...

Практика моя установилась и все шло самымъ обыкновеннымъ образомъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ часто доводилось защищать въ Московскомъ и Саратовскомъ округахъ. Я участвовалъ въ процессахъ со многими молодыми защитниками, преимущественно изъ Москвы. Этимъ начинающимъ адвокатамъ я какъ то полюбился. Они мнѣ говорили, что мои пріемы имъ кажутся такими любопытными и свѣжими, что имъ хотѣлось бы знать, какъ я говорилъ по многимъ предыдущимъ общезвѣстнымъ дѣламъ. Газеты затерялись; хорошо было бы все это собрать. Они-то и побудили меня выпустить сборникъ, о чемъ я упомянулъ въ первомъ изданіи. Я не особенно надѣялся на эту книгу и полагалъ, что она выйдетъ какою-то промежуточною: юристы будутъ къ ней равнодушны, потому что она литературная, а литераторы, — потому что она адвокатская.

Оцѣнка юристовъ вышла очень любопытною. Спасовичъ первый сказалъ: „Это книга анархическая. Она ведетъ къ извращенію правосудія“. Отзывъ краткій, но въ высшей степени прозорливый. Несмотря на это, Спасовичъ, однако, постоянно посылалъ ко мнѣ почти всѣхъ своихъ кліентовъ и удостоилъ меня приглашеніемъ въ сотрудники на одну изъ своихъ послѣднихъ, по его убѣжденію, самыхъ важныхъ защитъ, по дѣлу Бѣлякевича.

Далѣе, бывшій товарищъ предсѣдателя Кичинъ сказалъ мнѣ, что купилъ мой сборникъ для канцеляріи и весь его

прочелъ. „Странное дѣло!“—замѣтилъ онъ,—„когда читаешь ваши защиты, то кажется, будто все какъ то вышло само собою, и никто не виноватъ. И только впослѣдствіи вдругъ хлопнешь себя по лбу и воскликнешь: „да какъ же это!“ И тогда видишь, что такъ нельзя“. Я на это нашелся только возразить: „почему же вы полагаете, что были правы не тогда, когда находились подъ впечатлѣніемъ рѣчей, а лишь послѣ того, какъ ударили себя по лбу?“

Затѣмъ, Кони очень одобрялъ рѣчи съ эстетической точки зрѣнія, но точно также находилъ ихъ не юридическими. Да проститъ мнѣ мой знаменитый другъ! При всемъ уваженіи къ нему, какъ къ прокурору, судьѣ и профессору, я думаю, что самъ онъ гораздо болѣе художникъ, моралистъ и литераторъ, нежели юристъ.

Наконецъ, Арсеньевъ, узнавъ, что я готовлю сборникъ, просилъ меня непремѣнно прислать ему экземпляръ, говоря, что онъ желалъ бы написать о моихъ защитахъ статью. Я, конечно, поторопился исполнить его просьбу. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, никакой статьи не появлялось и, при встрѣчѣ въ Шекспировскомъ кружкѣ, Арсеньевъ сказалъ мнѣ, что у него не нашлось для статьи никакихъ матеріаловъ... И дѣйствительно, юристу здѣсь трудно было разойтись. Затѣмъ, вдругъ, при одной изъ слѣдующихъ встрѣчъ, Арсеньевъ объявилъ мнѣ, что онъ перечиталъ книгу и уже приготовилъ статью... Отзывъ Арсеньева извѣстенъ. Оцѣнка была литературная. Въ ней было высказано весьма много лестнаго для меня, какъ для художника и психолога. Будучи человѣкомъ принципіальнымъ, К. К. сдѣлалъ только нѣсколько поправокъ къ моей легкомысленной этикѣ...

Таковъ былъ приговоръ авторитетныхъ юристовъ. Я его ожидалъ, и онъ меня не смутилъ. Я уже упомянулъ, что скептически отношусь къ наукѣ уголовнаго права. Наука эта во всякомъ случаѣ условная и временная, подлежащая безконечному таянію въ будущемъ... Быть можетъ, въ концѣ концовъ, она сведется, для всего человѣчества, къ такому же безформенному и нестрашному кодексу, какъ тотъ, по которому судятся присяжные повѣренные въ своемъ Со-

вѣтѣ... Конечно, это еще ужасно далеко, а все-таки предсказывать это дозволительно и работать въ этомъ направленіи не постыдно.

Между тѣмъ, книга моя разошлась, и вскорѣ я имѣлъ великое утѣшеніе. Въ какой бы уголокъ я ни пріѣзжалъ по дѣлу, я встрѣчалъ товарищей, которые относились ко мнѣ не какъ къ защитнику, извѣстному имъ только по имени, а какъ къ человѣку, уже близкому имъ душевно по всему тому, что они нашли въ моемъ сборникѣ. Я убѣждался, что моя книга знакома имъ отъ начала до конца. Они дѣлились со мною впечатлѣніями, цитировали любимыя мѣста и обдавали всего меня нѣжными взглядами. Эти простыя, искреннія признанія не могутъ сравниться ни съ какими овaціями...

Но, кромѣ того, обнаружилось, что, вопреки высокомѣрному отзыву юристовъ, сборникъ мой оказался очень полезнымъ въ примѣненіи къ судебной практикѣ. Въ первый же годъ изданія я получилъ изъ Томска, отъ неизвѣстнаго мнѣ судебнаго слѣдователя, негодующее письмо противъ моихъ плагіаторовъ. Незнакомый защитникъ моихъ интересовъ сообщилъ мнѣ, что томскіе адвокаты безцеремонно выдаютъ слова, заимствованныя изъ моихъ рѣчей, за свои и что одинъ защитникъ даже дословно повторилъ мою рѣчь по какому-то однородному дѣлу, замѣнивъ только имена участвовавшихъ лицъ, да сверхъ того пригласилъ на эту защиту множество дамъ и торжествовалъ свой успѣхъ. Я немедленно же отвѣтилъ этому милому корреспонденту, что сердечно благодарю его за столь ревнивое отношеніе къ моей книгѣ, но что я не только не намѣренъ препятствовать заимствованіямъ, а напротивъ, сочту себя счастливымъ, если рѣчь, сказанная мною за одного подсудимаго, принесетъ нѣкоторую пользу и многимъ другимъ. Со времени этого письма прошло много лѣтъ, и вотъ не далѣе, какъ въ настоящемъ году, присяжный повѣренный Марголинъ, встрѣтившись со мною въ Сенатѣ, сказалъ мнѣ: „Если бы вы знали, С. А., какъ васъ обворовываютъ! Вы рѣдко бываете въ судѣ, а я постоянно заглядываю въ уголовныя залы и почти постоянно, слушая молодыхъ адво-

катовъ, встрѣчаю въ ихъ рѣчахъ знакомыя тирады изъ вашихъ защитъ!“ И онъ мнѣ привелъ, для примѣра, одно мое сравненіе. Я едва его вспомнилъ, но, придя домой, дѣйствительно, нашелъ его въ моемъ сборникѣ...

Что же можетъ быть утѣшительнѣе?! Я убѣдился, что рѣчь, сказанная мною болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, еще молода и свѣжа, когда я уже старъ...

Но этотъ же сборникъ, казалось бы, такъ удачно послужившій практикующимъ адвокатамъ, возбудилъ, именно на петербургскомъ уголовномъ корридорѣ, такія сужденія, которыя, съ теченіемъ времени, создали злосчастному автору этой книги весьма коварную и прочно установленную характеристику, не имѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью. Характеристика распространяется такъ усердно, что наконецъ одинъ случай, о которомъ я разскажу ниже, вынуждаетъ меня кое что возразить.

Я уже упоминалъ объ упрекахъ въ поэзіи. Въ добавокъ къ этому обвиненію, критикующіе меня товарищи, съ моимъ сборникомъ въ рукахъ, доказываютъ своимъ собесѣдникамъ, что у меня, въ сущности, получается очень мало оправданій, и что, слѣдовательно, я защитникъ, можетъ быть, и любопытный для слушателей, но едва ли полезный для подсудимаго.

Объясняю по этому поводу, что, издавая свой сборникъ, я вовсе не преслѣдовалъ такихъ цѣлей, какими, напримѣръ, задается изобрѣтатель чудесныхъ пилюль, прилагающій къ своему средству благодарственныя письма всевозможныхъ лицъ, получившихъ исцѣленіе,—ради наибольшаго сбыта предмета своей торговли. Я группировалъ, просто-на-просто, дѣла, интересныя и содержательныя въ бытовомъ и психологическомъ отношеніи. Дѣла трудныя, а, слѣдовательно, дающія менѣе шансовъ на благопріятный исходъ, всегда бываютъ содержательнѣе дѣлъ легкихъ. При этомъ я имѣлъ возможность собрать только процессы, записанные стенографически. Вообще же, въ моей практикѣ было многое множество оправданій, въ особенности—по заурядным дѣ-

ламъ съ присяжными, съ собственнымъ сознаніемъ, по приглашеніямъ изъ тюрьмы *).

Всѣ эти пересуды я, конечно, оставилъ бы безъ вниманія, какъ и прежде, если бы не прибавился еще одинъ характерный фактъ. По одному дѣлу въ мои руки досталось письмо, въ которомъ доказывалось, что я непригоденъ для защиты, потому что я „холоденъ, какъ ледъ“; что, „изобразивши тонко, поэтически и художественно, какъ подсудимый могъ дойти до преступленія, я мало сдѣлаю для того, чтобы оправдать его“.

Это письмо заинтересовало меня по чрезвычайно характерному соединенію на этотъ разъ всѣхъ возможныхъ мотивовъ для отвода отъ меня. Какъ видите, здѣсь приведены два обвиненія, о которыхъ я уже говорилъ (поэзія, отсутствіе заботы объ оправданіи), и, кромѣ того, добавлено еще третье: холодность.

Вполнѣ принимаю это третье обвиненіе. Я шелъ сознательно къ тому, чтобы его заслужить. Я зналъ, что люди, не испытавшіе на себѣ тягостей уголовной защиты, или праздные зрители судебной залы, или, наконецъ, поверхностные и шаблонные адвокаты—осудятъ меня за недостатокъ „пафоса“. Но, по правдѣ сказать, ни однимъ изъ этихъ трехъ мнѣній я нисколько не интересовался. Я слишкомъ ясно видѣлъ, что, для пользы дѣла, нѣтъ болѣе вѣрнаго пути, какъ тотъ, котораго я рѣшилъ держаться. Сейчасъ перейду къ подробнымъ объясненіямъ, но позвольте ранѣе привести отзывъ обо мнѣ Спасовича, совершенно противоположный тому, который былъ провозглашенъ въ упомянутомъ письмѣ. На обѣдѣ послѣ Крожскаго дѣла,

*) На лекціи были, кромѣ того, перечислены не вошедшія въ сборникъ общеизвѣстныя, разнообразныя и очень сложныя дѣла, въ которыхъ я участвовалъ, окончившіяся оправданіемъ. Все это дѣла, такъ сказать, „ломовыя“ и притомъ архиюридическія, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что мнѣ ставится въ упрекъ подъ видомъ „поэзіи“. Подобные-же упреки уже повторились въ печати по моему адресу, еще до опубликованія этой лекціи. Спѣшу успокоить моихъ компетентныхъ критиковъ, *престижемъ ходкаго адвоката* въ ихъ смыслѣ, т. е. внѣ условій, облагораживающихъ въ моихъ глазахъ эту дѣятельность, *я нисколько не дорожу*.

когда чествовались участники процесса, Спасовичъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Примите нашу благодарность, дорогой, чувствительный, нервный Сергѣй Аркадьевичъ! Вы обладаете чудною способностью эмоціонировать и, такъ сказать, изъ камней исторгать слезы...“ („Застольныя рѣчи“, Спасовича. Лейпцигъ, 1903). Спасовичъ множество разъ меня слушалъ, онъ читалъ всѣ мои рѣчи. На его авторитетъ, кажется, можно мнѣ сослаться.

Но какъ же мнѣ помирить оба эти отзыва?

Думаю, что тѣ цѣнители мои, о которыхъ говорится въ письмѣ, смѣшиваютъ двѣ совершенно различныхъ способности: самому плакать—или вызывать слезы у другихъ, самому задыхаться и кипѣть отъ волненія—или подымать тревогу въ чужихъ сердцахъ...

А вѣдь заурядная публика, дѣйствительно, всегда это смѣшиваетъ и всегда такъ судитъ. Если защитникъ „пускаетъ слезу“ въ голосѣ, то „уголовная дама“ сейчасъ же начинаетъ сморкаться и думаетъ: „какая у него душа!“ Если адвокатъ вдругъ затараторитъ, по выраженію Пассовера, какъ „истерическій барабанъ“,—и въ теченіе цѣлаго часа, безъ передышки, нагородитъ всякой цвѣтистой чепухи, самъ не сознавая, что онъ произноситъ,—но сдѣлаетъ это со страстью и съ чисто-актерскимъ негодованіемъ, то публика, присутствующая только на преніяхъ, непремѣнно, въ концѣ, ошалѣетъ и скажетъ: „Вотъ сила! Чего только не можетъ сдѣлать со своими слушателями этотъ человѣкъ!“

Но мы-то, стоящіе у самыхъ источниковъ ожидаемаго приговора, мы, говорящіе непосредственно передъ судьями и читающіе въ ихъ глазахъ,—мы должны же сознаться, что вся эта „манера“ годится только для шума, для рецензентовъ, да для ловли неопытныхъ кліентовъ изъ публики,—но вовсе не для самихъ судей...

Напротивъ. Не только судей коронныхъ, но и присяжныхъ всегда коробитъ отъ каждаго актерскаго пріема защиты. Если попадаются присяжные, сколько нибудь развитые и сознающіе свое достоинство, то, по моимъ наблюденіямъ, они, видя, что защитникъ впадаетъ въ театральныя интонаціи, всегда испытываютъ нѣкоторую неловкость

и тотчасъ же либо опускаютъ глаза, либо стараются глядѣть по сторонамъ, чтобы не смущать защитника, прибѣгающаго къ ненужнымъ пошлостямъ... *) И неужели наши уголовные адвокаты, расточающіе дешевые эффекты передъ публикой, никогда не чувствовали, что ихъ важнѣйшіе слушатели вовсе не нуждаются въ этомъ напускномъ пафосѣ? Я смѣло называю этотъ пафосъ „напускнымъ“, т. е. порожденнымъ дурною профессіональною привычкою, а вовсе не исходящимъ отъ природной пылкости оратора, потому что естественное негодованіе не можетъ расточаться съ одинаковою силою въ самыхъ противоположныхъ дѣлахъ: и за убійцу, весьма непривлекательнаго, и противъ убійцы, самаго несчастнаго, и за мошенника, вполнѣ изобличеннаго, и за человѣка, ни въ чемъ неповиннаго. А для защитника, который пріучается выигрывать дѣла только темпераментомъ, ничего другого и не остается, какъ изображать волненіе... Ибо, если онъ попробуетъ настоящимъ образомъ анализировать дѣло и станетъ говорить членораздѣльными періодами, то это выйдетъ у него такъ плохо, что не только присяжные засѣдатели, но и достолюбезные для него зрители въ глубинѣ залы слушать его перестанутъ.

Говоря передъ судьями, въ особенности въ трудныхъ дѣлахъ, я всегда чувствовалъ, что мнѣ, прежде всего, нужно было бороться съ какъ бы уже готовымъ недовѣріемъ ко всему, что мнѣ придется сказать. Являлась потребность убѣждать судей самымъ тономъ моей рѣчи, что я не фигляръ, и не фокусникъ, намѣревающійся незамѣтно отводить имъ глаза, а что я собесѣдникъ, желающій попросту помочь имъ въ ихъ задачѣ. Согласятся—хорошо, не согласятся—ихъ воля. Поэтому мои слушатели вскорѣ испытывали полную свободу отъ всякихъ искусственныхъ гипнозовъ, и съ той минуты уже ни одно мое слово не пропадало даромъ. И я

*) Моя рукопись была уже отдана въ печать, какъ мнѣ попался нижеслѣдующій восхитительный афоризмъ Андрея Бѣлаго о томъ отвращеніи, какое у него вызываетъ шаблонный пафосъ ораторовъ: „Когда говорятъ, что днемъ свѣтло, а ночью темно, *дрожа отъ чувства, наливаясь кровью отъ напряженія,* хочется воскликнуть: „неправда“. (Хроника журнала „Міръ искусства“ 1903 г. № 15).

всѣми своими нервами всегда старался до конца удержать за собою ихъ довѣріе. Мнѣ постоянно приходилось слѣдить за собою и даже самые, можно сказать, „раздирающіе душу“ доводы я передавалъ, по возможности, просто, дабы въ этихъ опаснѣйшихъ и важнѣйшихъ моментахъ защиты не нарушить ни единымъ неосторожнымъ звукомъ образовавшейся связи между судомъ и мною. Судъ всегда прекрасно понималъ и цѣнилъ мое заглушенное волненіе, а о публикѣ я рѣшительно никогда не думалъ.

И вотъ откуда возникла легенда о моей холодности.

Кстати, скажу объ отличіи краснорѣчія *судебнаго* отъ *политическаго*. Въ печати, въ обществѣ, а отчасти и въ нашей средѣ существуетъ шаблонное смѣшеніе уголовныхъ ораторовъ съ ораторами политическими. Мнѣ попадались критическія замѣтки, въ которыхъ авторитетно утверждалось, будто главная задача защитника должна заключаться въ той „страстной силѣ“, которая покоряетъ себѣ „двигательные импульсы человѣка“. При этомъ упоминались Цицеронъ, Демосѳенъ, Гладстонъ, Гамбетта и Лассаль, т. е. ораторы, создавшіе себѣ имя рѣчами политическими, а вовсе не адвокатскими.

Необходимо разсѣять это недоразумѣніе.

Ораторъ политическій, дѣйствительно, долженъ покорять себѣ волевые инстинкты массы и заставлять ее поступать сейчасъ же, согласно своему внушенію. Его задача активная и *положительная:* „сдѣлайте то-то“. Здѣсь и энергія, и страсть, и паѳосъ вполнѣ умѣстны, а подчасъ и необходимы. Толпа, которую нужно двинуть, требуетъ бича. Нужно всѣхъ объединить; нужно тѣхъ, которые еще колеблются, загнать въ общее стадо. Индивидуальности должны исчезнуть въ желаніи большинства. Кромѣ того, политическій ораторъ говоритъ во имя общества. Почва для сочувствія у него на половину готова. Онъ добивается того, чего должны желать и его слушатели. Онъ, естественно, волнуется въ виду ожидаемаго общаго блага. Поэтому и въ тѣхъ рѣдкихъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя затрогиваютъ политическіе вопросы, всѣ наши ораторы по самой природѣ вещей, говорили страстно, чувствуя себя объединенными съ желаніями лучшихъ общественныхъ силъ.

Но всегдашняя задача уголовнаго защитника—прямо противоположная. Ему нужно отстаивать узкіе интересы отдѣльнаго лица противъ общества. Общественная масса уже готова задавить отдѣльнаго человѣка,—необходимо эту массу задержать, умилостивить, заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, воздержаться отъ осужденія. Нужно достигнуть, чтобы она ничего не сдѣлала этому человѣку, чтобы она сказала: нѣтъ. Слѣдовательно, цѣль *отрицательная*.

Какая же тутъ возможна аналогія?

Подумайте въ самомъ дѣлѣ: вамъ дана личность, рѣшительно ни на кого не похожая, и на эту личность нападаетъ общественная власть, во имя предполагаемаго сходства всѣхъ людей вообще. Значитъ, если только судъ не пойметъ этой *отдѣльной* души, то подсудимый погибнетъ, безъ малѣйшаго милосердія! Какъ же, спрашивается, возможно въ такихъ условіяхъ щеголять *общими* мѣстами. Вѣдь между судомъ и подсудимымъ существуетъ еще цѣлая бездна взаимнаго непониманія. Да вы сами знаете ли еще своего кліента? Часто ли навѣщали его въ тюрьмѣ? Разъяснили ли, въ задушевной бесѣдѣ съ нимъ, всѣ мучительно-темные вопросы, создаваемые жизнью, совершенно заново, рѣшительно въ каждомъ отдѣльномъ преступленіи? Добились ли вы толку? А что, если и вы сами ничего не понимаете? Великолѣпны будутъ прені!

Я убѣжденъ, что защитникъ, сумѣвшій проникнуть въ душу подсудимаго, постигшій въ ней какъ дурное, такъ и хорошее, словомъ, слившійся съ подсудимымъ внутренно,—почти въ каждой защитѣ невольно оторопѣетъ передъ тѣмъ, какъ трудно будетъ ему вынести на свѣтъ, передъ далекія, незнакомыя лица судей, все то интимное, почти непередаваемое, чѣмъ онъ преисполненъ, вслѣдствіе искреннѣйшаго общенія съ преступникомъ, на правахъ его единственнаго на свѣтѣ исповѣдника и охранителя...

Поэтому почти нѣтъ такого дѣла, гдѣ бы путь къ приговору могъ показаться защитнику настолько легкимъ, ровнымъ и пріятнымъ, что можно было бы сразу пуститься по немъ вскачь, на лихомъ конѣ, съ молодецкой посадкой и съ кликами героя, заранѣе торжествующаго побѣду...

Кажется, распространяться на эту тему нѣтъ болѣе надобности. Sapienti sat.

Нашъ судъ присяжныхъ, хотя и заимствованъ изъ Франціи, но на дѣлѣ проявилъ столько національной своеобразности, что сходство осталось въ однѣхъ формахъ. Каковы бы ни были несовершенства нашего суда, но онъ такъ новъ, свѣжъ и молодъ, что у него есть громадное преимущество всякой здоровой молодости: ему принадлежитъ будущее. Этотъ судъ вызвалъ къ жизни и адвокатуру, которая поневолѣ должна была создавать новыя формы. Французскіе образцы для насъ совсѣмъ непригодны. Если бы французская адвокатура, создавшая въ прошломъ столько чудесныхъ ораторовъ, предстала предъ нашимъ „судомъ совѣсти“, то она оказалась бы „старой крысой“. Въ ней дѣйствительно есть много архаическаго. Языкъ напыщенный, чуждый нашимъ простымъ вкусамъ. Пріемы увертливые, отдающіе тонкой кляузой, которыми и до сихъ поръ щеголяютъ хитроумные и элегантные „мэтры“, вродѣ Деманжа. Слогъ совсѣмъ особенный, ненатуральный, съ какимъ-то специфическимъ профессіональнымъ запахомъ, какимъ, напримѣръ, обдаетъ васъ въ аптекѣ, съ ея латинскими снадобьями. Чувствуется уже отжившее и ненужное мороченье публики. Французскому адвокату, по исторической традиціи, присвоено лицемѣріе. Французскіе судьи весьма буржуазны, консервативны и вообще строги, но, ради обмѣны двухъ противоположныхъ мнѣній, съ точки зрѣнія государственной справедливости, за французскимъ адвокатомъ укрѣплено право реплики, не подлежащее ничьимъ придиркамъ. Ни одинъ французскій адвокатъ не подвергается порицанію собственно за принятіе того или другого дѣла. Мало того. Если, напримѣръ, подсудимый прибѣгнетъ къ неловкой лжи, то публика совершенно свободно разсмѣется; если же поднимется адвокатъ и заступится за эту ложь, то публика сохранитъ къ нему уваженіе. Такъ было еще недавно въ дѣлѣ Эмберовъ. Когда Тереза клялась, что Крауфорды существуютъ, то публика хохотала. Но когда всталъ Лабори и гаркнулъ: „я это докажу!“,—всѣ хотя и сознавали, что это враки, безмолвно подчинились. И это понятно. Въ этомъ случаѣ страна

чтитъ въ адвокатѣ свое общественное учрежденіе: его лицемѣріе неприкосновенно, оно составляетъ, такъ сказать, его публичное право.

Но у насъ все это не годится.

У насъ, при самомъ введеніи реформы, сложилось такое убѣжденіе, что, если уже отнынѣ будетъ судъ совѣсти, то и защита должна быть „по совѣсти“. На первыхъ же выдающихся адвокатовъ, при малѣйшемъ ихъ разъединеніи со взглядами общества, посыпались упреки. Брошена была въ наше сословіе кличка, прославившая Евгенія Маркова: „прелюбодѣй мысли“. Щедринъ, подмѣтивъ слишкомъ развязную болтливость нѣкоторыхъ изъ нашей братіи, заклеймилъ этотъ типъ защитника фамиліею „Балалайкинъ“.

Ничего нельзя было подѣлать. Нашъ поистинѣ прогрессивный уголовный судъ силою самой жизни указалъ всѣмъ участникамъ процесса, что отъ каждаго изъ нихъ, прежде всего, потребуются искренность и правда. И требованіе это уже останется самымъ существеннымъ навсегда.

Въ сущности, надо сказать, что утвержденное вѣками торжественное лицемѣріе французскихъ адвокатовъ ровно ни къ чему не ведетъ. Судьи прослушаютъ „брехунца“ (какъ у насъ малороссы прозвали адвокатовъ) и все-таки каждый разъ сдѣлаютъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Великолѣпная, театральная ложь ударяетъ только по сводамъ залы, но не по сердцамъ судей. И если бы французская адвокатура ознакомилась съ лучшими изъ нашихъ рѣчей, то увидѣла бы, насколько новы созданныя нами формы защиты. Въ особенности, ее бы поразили наши работы въ изслѣдованіи души преступника. Вѣдь психологія французскихъ адвокатовъ не идетъ далѣе одной стереотипной фразы, повторяемой рѣшительно въ каждомъ дѣлѣ: „посмотрите на подсудимаго: развѣ онъ похожъ на вора, убійцу, поджигателя и т. д...“ Но ссылка на внѣшность подсудимаго, какъ на лучшій доводъ въ его пользу, равносильна сознанію, что его внутренній міръ совершенно недоступенъ для защитника.

Давно извѣстно, что ораторы „не рождаются, а дѣлаются“, т. е. что внѣшнія качества рѣчи каждый можетъ пріобрѣсти. Слѣдовательно, важнѣе всего лишь то, чтобы у будущаго оратора была, прежде всего, голова, имѣющая высказать нѣчто значительное. Публика же до сихъ поръ этого не понимаетъ. Большинство думаетъ, что, если человѣкъ способенъ говорить безъ запинки, то, значитъ, онъ ораторъ. И вотъ почему *болтуновъ* смѣшиваютъ съ *ораторами*. Это одинъ изъ величайшихъ абсурдовъ.

Отъ болтливости слѣдовало бы также лечиться, какъ отъ заиканія. Непроизвольное изверженіе словъ также пагубно, какъ и непроизвольная ихъ задержка. Ораторомъ можетъ быть названъ лишь тотъ, кто достигнетъ полнаго сочетанія плавности рѣчи съ цѣлесообразностью каждаго произносимаго слова. Но въ совершенномъ видѣ такое сочетаніе рѣшительно никому не дается отъ природы. Нужно работать надъ собою, нужно покорять себѣ языкъ, дисциплинировать его. Величайшіе ораторы древности, Демосѳенъ и Цицеронъ, никогда не полагались на импровизацію и писали заранѣе свои рѣчи отъ слова до слова. Кромѣ того, они долго вырабатывали свой слогъ прилежнымъ изученіемъ поэтовъ. Да, именно поэтовъ,—не въ обиду будь сказано тѣмъ, кто протестовалъ противъ затѣи А. Я. Пассовера читать Пушкина въ собраніяхъ нашихъ помощниковъ. Ибо настоящая поэзія есть, прежде всего, точность и благозвучность языка, а слѣдовательно, она содержитъ два существенныхъ качества, необходимыхъ оратору, какъ воздухъ для дыханія. Неужели Демосѳенъ и Цицеронъ читаются въ гимназіяхъ для того, чтобы пріучать гимназистовъ къ воздѣйствію на „волевые импульсы толпы“... Конечно, авторы эти изучаются лишь какъ образцы слога, близкаго, по своей точности и мелодіи, къ языку поэтовъ. Вспомните первые звуки рѣчи противъ Катилина: „Quousque tandem, Catilina“... Вѣдь это стихъ. Это настоящій ямбъ, какъ „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины“... А восклицаніе: „O, tempora! O, mores!“— это настоящая гармонія.

И знаете ли вы, что вашъ руководитель, А. Я. Пассоверъ—одинъ изъ утонченнѣйшихъ гастрономовъ по части

слога. Даже къ Пушкину, который, кажется, превышаетъ въ этомъ отношеніи писателей всего міра, онъ однажды придрался. Онъ указалъ мнѣ, съ недоумѣніемъ и досадою, у Пушкина одну строку, правда, всего одну, которую онъ откопалъ:

„Пора. Перо покоя проситъ."

„Помилуйте", сказалъ онъ,—„въ четырехъ словахъ четыре „п" и три „р"... Это непостижимо!"

Итакъ, древніе ораторы совершенствовали свой слогъ, приглядываясь къ образцамъ литературы. То же слѣдуетъ дѣлать и намъ.

Помню, лѣтомъ 1897 года, мнѣ попались заграницею въ „Figaro", чрезвычайно любопытныя статьи „La littérature et le barreau". Въ нихъ проводилась параллель между беллетристикой и адвокатскими рѣчами. Авторъ доказывалъ, что законы успѣха въ этихъ двухъ областяхъ искусства совершенно одинаковы. Здѣсь я узналъ, что всѣ лучшіе французскіе адвокаты писали свои рѣчи. О Жюль Фаврѣ, напримѣръ, сообщалось, что онъ приготовлялъ свои фразы съ величайшимъ трудомъ, сердился и ломалъ перья. А между тѣмъ, его кудрявое краснорѣчіе весьма быстро отцвѣло и теперь уже вызываетъ насмѣшку. Авторъ приходитъ къ выводу, что какъ въ литературѣ, такъ и въ ораторскомъ искусствѣ, остается свѣжимъ и переживаетъ всякія моды только простой, сжатый и ясный языкъ, чуждый безвкусныхъ украшеній.

Приведу нѣсколько афоризмовъ Квинтиліана: „писать рѣчи надо всякій разъ, когда это будетъ возможно"; „природа не желаетъ производить быстро на свѣтъ ничего большого,—всякое прекрасное дѣло соединено съ трудностями"; „люди необразованные или мужики не долго затрудняются, съ чего имъ начать"; „умѣніе говорить экспромтомъ — лучшій результатъ ученія и своего рода самая богатая награда за долгіе труды".

Что касается предварительной работы, то и у насъ всѣ знаменитые защитники писали свои рѣчи заранѣе, или цѣликомъ, какъ Спасовичъ, или въ видѣ конспектовъ, или „оазисами", какъ говорилъ о себѣ Плевако, который, впро-

чемъ, въ послѣднее время, тоже сталъ ихъ писать цѣликомъ, ибо, тотчасъ послѣ преній, передаетъ полную рукопись въ газеты. Здѣсь подробности зависятъ отъ индивидуальностей. Важно только то, чтобы вся идея защиты была заранѣе глубоко продумана.

Содержаніе рѣчи должно быть пріурочено къ тому, чего могутъ требовать и ожидать,—чѣмъ могутъ наиболѣе интересоваться судьи въ моментъ преній. Нѣтъ ни малѣйшей надобности повторять имъ то, что они уже знаютъ. Слѣдуетъ обобщить картину дѣла и сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы попутно были затронуты всѣ больныя мѣста и получились отвѣты на самые щекотливые и тревожные вопросы. Преподать эту архитектонику защиты нѣтъ никакой возможности. Она дается чутьемъ, талантомъ и, такъ сказать, духовнымъ глазомѣромъ, который указываетъ вамъ на соотвѣтствіе между частями и цѣлымъ.

Я долженъ теперь сказать нѣчто обыденное, старое, вѣчное. Когда къ вамъ приходитъ кліентъ, не цѣпляйтесь за него, не уродуйте самого себя размышленіемъ: „какъ бы тутъ можно было извернуться?“. Лукавство или развязная софистика рѣдко побѣждаютъ, да и въ случаѣ успѣха, не приносятъ отрады. Ставьте вопросъ иначе. Спросите себя, всесторонне ознакомившись и съ бумагами, и съ человѣкомъ: „что есть справедливаго въ объясненіяхъ?“. Если есть хоть кусочекъ справедливости, возьмитесь за одинъ этотъ кусочекъ, предваривъ кліента, что все остальное не годится. И только съ этого исходнаго пункта начинайте работу. Разъ вы зададитесь такою цѣлью, то всѣ законы впослѣдствіи приложатся сами собой.

Для меня, въ каждомъ принимаемомъ дѣлѣ, самое интересное было—добиться правды. Сотрудники мои знаютъ, какъ я пытливо изслѣдую кліента, какъ безпощадно анализирую улики и сколько дѣлъ отвергаю. Мнѣ попадалось много дѣлъ съ весьма благодарнымъ матеріаломъ для спора, и самое содержаніе спора уже легко складывалось въ моей головѣ, но я чувствовалъ, что настоящая правда все таки не на сторонѣ подсудимаго. И тогда я отсылалъ его къ другимъ. Но видно уже „глазъ у меня дурной“, ибо

и въ другихъ, иногда весьма искусныхъ рукахъ, всѣ эти дѣла, въ концѣ концовъ, оканчивались трагично. Я этимъ не хвастаюсь и не вижу въ этомъ никакой добродѣтели. Я просто не способенъ къ лживымъ изворотамъ; мой голосъ, помимо моей воли, выдастъ меня, если я возьмусь развивать то, во что не вѣрю. Я нахожу всякую неправду глупою, ненужною, уродливою и мнѣ какъ-то скучно съ нею возиться. Я ни разу не сказалъ передъ судомъ ни одного слова, въ которомъ бы я не былъ убѣжденъ. Впрочемъ, я думаю, никто изъ моихъ читателей никогда не почувствовалъ фальши въ моихъ объясненіяхъ. *Этимъ я сразу, въ первый и послѣдній разъ, возражаю всѣмъ моимъ критикамъ, осуждавшимъ меня за принятіе тѣхъ или другихъ дѣлъ.* Какъ-то, въ Вильнѣ, одинъ изъ пріятелей моего кліента, послѣ преній, сказалъ мнѣ: „что бы о васъ ни думали, но каждый, слушающій васъ, поневолѣ чувствуетъ: этотъ человѣкъ говоритъ правду". И ни отъ кого другого я не слышалъ отзыва, болѣе для меня цѣннаго, болѣе соотвѣтствующаго тому, къ чему я всегда стремился.

Дѣйствительно. Въ правдѣ есть что-то развязывающее руки, естественное и прекрасное. Если вы до нея дощитесь, то какой бы лабиринтъ нелѣпыхъ взглядовъ и толкованій ни опутывалъ дѣло, вы всегда будете себя чувствовать крѣпкимъ и свободнымъ. Если даже дѣло проиграется, то вы испытаете лишь нѣчто вродѣ ушиба отъ слѣпой матеріальной силы. Вамъ будетъ жалко судей, которые были обмороченны слишкомъ громоздкимъ скопленіемъ чистовнѣшнихъ помѣхъ, заслонившихъ отъ нихъ истину. Я всегда оставался упрямымъ во всѣхъ тѣхъ (сравнительно весьма немногихъ) случаяхъ, когда судъ со мною не соглашался. И почти всегда время оправдывало меня *).

Нѣкогда печать упрекала меня въ томъ, что въ своихъ рѣчахъ я создаю фантастическіе литературные образы, вовсе не соотвѣтствующіе тѣмъ живымъ подсудимымъ, кото-

---

*) На лекціи было упомянуто о моемъ участіи въ дѣлахъ Мяневича, Назарова и Тальмы и объ окончательномъ исходѣ этихъ дѣлъ, послѣ ихъ разрѣшенія судебными мѣстами.

рыхъ защищаю. Наибольшіе упреки достались мнѣ за Иванова и Августовскаго. Я не возражалъ. Я зналъ, что правда была на моей сторонѣ, и, какъ всегда, „съ меня было довольно сего сознанія“. Я питаю отвращеніе къ, такъ называемой, „сентиментальности“ и къ пріемамъ дурного вкуса, отъ которыхъ, по выраженію Тургенева, „воняетъ литературой“. Для меня, повторяю, „правда жизни“ всегда представлялась такою разительною, цѣнною находкою, что я никогда бы не дерзнулъ портить ее своими измышленіями. Она всегда бывала для меня и глубже и оригинальнѣе ходячихъ литературныхъ сюжетовъ. Поэтому я ее тщательно оберегалъ во всѣхъ доставшихся мнѣ дѣлахъ.

И здѣсь время защитило меня. Разскажу вамъ объ Иановѣ и Августовскомъ. Отъ Иванова я получилъ письмо изъ тюрьмы. По какимъ то случайностямъ я откладывалъ со дня на день просьбу о допущеніи меня къ свиданію, хотя и носилъ его письмо въ карманѣ. Какъ-разъ въ это время мнѣ встрѣтился, въ одномъ обществѣ, Владиміръ Соловьевъ. Не помню, какой именно разговоръ заставилъ меня вспомнить о письмѣ Иванова, и я его прочелъ всѣмъ присутствующимъ. Соловьевъ накинулся на меня: „и неужели вы до сихъ поръ не были у него! Такое письмо могъ бы написать только Достоевскій... Это во всякомъ случаѣ выдающійся, интересный человѣкъ. Спѣшите къ нему и непремѣнно берите защиту“. Я сказалъ, что и безъ того упрекаю себя за невольное запаздываніе. — Вѣроятно, многіе помнятъ, что поднялось въ печати послѣ моей рѣчи!.. Однако же, спустя три года, когда эта рѣчь появилась во второмъ изданіи моего сборника, однажды ко мнѣ, на рождественскія святки, пришелъ неизвѣстный студентъ Ярославскаго лицея и объяснилъ, что у нихъ, въ товарищескихъ преніяхъ обсуждалась моя защита въ связи съ обвинительнымъ актомъ и другими напечатанными документами. Молодежь, первоначально поддавшаяся газетнымъ рецензіямъ, пришла къ полному согласію со мною насчетъ Иванова и просила этого студента выразить мнѣ свое сочувствіе. Вотъ отъ кого—и въ какой интимной формѣ—я получилъ удовлетвореніе...

Что̀ касается Августовскаго, то всего лишь три года тому назадъ отъ одного золотопромышленника, изъ глубокой Сибири, я узналъ, что Августовскій еще бодрствуетъ и работаетъ, что всѣ его знаютъ по моей книгѣ, и что онъ въ эту книгу попалъ весь, живьемъ,—такимъ, какимъ и до сихъ поръ остается.

И какъ послѣ всего этого не преклониться передъ глубокою народною мудростью, которая вѣщаетъ: „все минется, одна правда останется“.

Тема бесѣды такая неисчерпаемая, что слѣдовало бы себя ограничить. Но я еще не успѣлъ высказать всего существеннаго.

Русское судебное краснорѣчіе возникло при необычайно благодарныхъ условіяхъ. Въ нашу среду попали замѣчательныя умственныя и художественныя силы. Въ шестидесятые годы закипѣла такая общественная работа, что выдающіеся ученые и люди съ литературнымъ талантомъ покинули свои библіотеки и кабинеты для живого судебнаго дѣла. Языкъ первыхъ защитъ оказался пестрымъ и разнообразнымъ, безъ какой бы то ни было сложившейся профессіональной окраски; ничего узко-сословнаго, что уже ясно замѣчается въ старой европейской адвокатурѣ, здѣсь еще не было. Но всѣ рѣчи отличались содержательностью. Видно было, что онѣ исходятъ отъ умовъ широкихъ, самостоятельныхъ, развитыхъ и богато одаренныхъ. Эти первые образчики нашего краснорѣчія создавались сообща: профессорами, литераторами, свѣтскими людьми съ европейскимъ образованіемъ, а также даровитѣйшими самородками изъ демократіи. Нѣчто вѣское, значительное и живое слышалось въ каждомъ доводѣ. Адвокатура сразу выросла и вызвала невольное вниманіе суда. Въ то же время печать зорко слѣдила за ея нравственнымъ достоинствомъ. Такимъ образомъ, даже самые зачатки пошлости и безпринципности вытравливались въ пріемахъ нашей трибуны съ первыхъ же лѣтъ ея существованія.

Теперь уже трудно вспомнить и перечислить адвока-

товъ, которые даже никогда болѣе не попадутъ въ исторію нашего сословія, но которые говорили передъ судомъ такъ интересно, благородно и культурно, что нынѣшнія газетныя знаменитости передъ ними оказались бы совершенно ничтожными. Возьмите старыя газеты и, быть можетъ, вамъ попадутся умные тексты этихъ позабытыхъ защитъ.

И, главное, на что я хочу указать,—ничего актерскаго въ этихъ рѣчахъ не было. Языкъ Спасовича ярокъ, но простъ, и никакихъ мелодраматическихъ пріемовъ у него нѣтъ. Въ самыхъ трогательныхъ мѣстахъ онъ робѣлъ, а не декламировалъ. Плевако—византіецъ и риторъ по природѣ, но и онъ поднимаетъ интонацію лишь въ самые сильные моменты рѣчи, какъ дѣлалъ это и Урусовъ. И оба эти оратора увлекали аудиторію не внѣшними пріемами, а внутреннею прелестью своего дарованія.

Но о большинствѣ тѣхъ чудесныхъ пришельцевъ въ наше сословіе теперь приходится сказать: „иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...“ Дождемся ли мы новаго прилива такихъ же крупныхъ умственныхъ и художественныхъ силъ?

Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, поприще наше скользкое. Слѣпая масса публики, правда, торопѣетъ передъ адвокатами и, въ случаѣ бѣды, легко отдается имъ въ руки, вѣруя въ ихъ могущество. Но все развитое общество невольно держитъ ихъ въ подозрѣніи. Я имѣлъ случай сближаться съ лучшими и замѣчательнѣйшими дѣятелями нашего времени въ области искусства и мысли. Я пользовался ихъ симпатіями, почти—дружбою. И что же? Я всегда чувствовалъ, что званіе „адвокатъ“ мнѣ какъ бы извинялось. Конечно, я никогда не оправдывался, сознавая, что, если бы поднялся споръ, то я сумѣлъ бы отстоять свое достоинство. И все-таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Но я и тутъ не уступилъ. Время ихъ сгладило...

Вотъ какъ трудно покорять истинное „общественное мнѣніе“ въ пользу адвокатуры!

Послѣ этого вы легко поймете, какъ досадно и обидно наблюдать все, что появилось вдругъ, на смѣну труднымъ, но поистинѣ блестящимъ начинаніямъ нашей адвокатуры, въ послѣднее время.

Все, отъ чего слѣдовало бы очищать наше сословіе, какъ отъ вреднѣйшихъ плевелъ, мѣшающихъ его нравственному росту и авторитету, расплодилось съ поразительною силою. Сформировалась крѣпкая школа рекламы и актерскаго пустозвонства.

Нужно ли объяснять, что реклама есть лавочный, торгашескій пріемъ, совершенно несовмѣстимый съ какою бы то ни было умственною дѣятельностью, претендующею на общественное уваженіе и довѣріе... И вотъ, въ уголовной адвокатурѣ, т. е. въ учрежденіи, которое даже при лучшихъ намѣреніяхъ его представителей все-таки подозрѣвалось обществомъ a priori въ своекорыстіи и продажности,—реклама пустила такіе глубокіе корни и дала такіе пышные плоды, что нѣтъ уже силы, которая истребила бы эту растительность. Если реклама вообще довольно быстро даетъ осязательные практическіе результаты,—то какъ же винить начинающую молодежь за то, что она, ради скорѣйшаго заработка и славы по уголовнымъ дѣламъ, прибѣгаетъ къ мудрымъ пріемамъ, созданнымъ старшими, и добивается, прежде всего, помѣщенія своего имени въ газетныхъ листкахъ? Въ послѣдніе годы я сдѣлался случайнымъ читателемъ этихъ листковъ и теперь только узналъ, какъ широко, съ какою постыдною и жалкою страстью разростается эта реклама. Я увидѣлъ, что множество невѣдомыхъ защитниковъ то и дѣло пропечатываются въ газетахъ, съ ихъ именами и отчествами и съ упоминаніемъ о произнесенныхъ ими „блестящихъ и горячихъ рѣчахъ“.

Эти два эпитета раздаются столь щедро, что получается впечатлѣніе, будто происходитъ необычайный наплывъ геніевъ въ наше сословіе... Но я-то, достаточно посидѣвшій на своемъ вѣку возлѣ всякаго рода извѣстностей, очень хорошо понимаю значеніе этихъ двухъ терминовъ: „блестящая“ рѣчь—значитъ, старался говорить для публики, а не для судей; „горячая“ рѣчь,—значитъ, хорошенько не понялъ дѣла и не сумѣлъ его объяснить, а разсчитывалъ взять притворнымъ волненіемъ и поддѣльнымъ чувствомъ. А въ общемъ произносилъ шаблонныя фразы, знакомыя каждому изъ учебниковъ и плохихъ романовъ.

Такимъ образомъ, новѣйшая школа имѣетъ три заповѣди: первая—„реклама“, вторая — „паѳосъ“, какъ поддѣлка чувства, и третья — „общія мѣста“, какъ замѣна ума. И больше—ровно ничего не требуется.

Что же получается въ результатѣ? Получаются люди, которые сами себя разславили и которые этимъ очень довольны.

Но скажите по совѣсти: интересуется ли кто бы то ни было изъ людей компетентныхъ тѣмъ, что скажетъ подобная „знаменитость“ по дѣлу, доставшемуся въ ея руки? Я думаю, что нѣтъ никакой возможности интересоваться рѣчью, которая каждому среднему человѣку извѣстна заранѣе. Каждый изъ насъ, прочитавши о происшествіи въ газетахъ, даже не изучая его подробностей, весьма легко угадаетъ, на чемъ будетъ „ѣздить“ подобный защитникъ. И никогда не ошибется. Всѣ мы, безъ затрудненія, предусмотримъ, что рѣчь защитника будетъ „блестящая и горячая“, въ вышеуказанномъ мною смыслѣ, и что, такимъ образомъ, на сценѣ суда произойдетъ самое банальное изображеніе защиты, съ ея общеизвѣстною и надоѣвшею ролью, какъ роль „Дамы съ камеліями“. Привычные рецензенты судебно-театральной залы будутъ вполнѣ удовлетворены. Слава защитника не увеличится, но и не уменьшится, ибо сама эта слава, разъ уже она *сдѣлана*, имѣетъ тѣ же качества неувядаемости, какъ и восковая кукла.

А смогли ли бы вы когда нибудь предусмотрѣть, что скажутъ Спасовичъ, Урусовъ, Александровъ, Жуковскій? Нѣтъ. Потому-то ихъ появленіе и участіе въ дѣлѣ всегда составляли событіе безъ всякихъ самодѣльныхъ анонсовъ. Это были умы самобытные, творческіе и способные открывать новое,—яркіе и рѣдкіе, какъ брилліанты. А тѣ, которые нынче такъ усиленно предлагаютъ себя публикѣ,—развѣ это не самые ординарные умы?

Я говорилъ о поразительной скудности талантовъ среди „уголовниковъ“. Между тѣмъ, въ кадры цивилистовъ продолжается постоянный притокъ людей широко, образованныхъ, замѣчательно умныхъ, прямо выдающихся. Но ими

ни печать, ни общество не занимаются. И наша корпорація поневолѣ должна получать свою аттестацію „о всѣхъ и за вся“, отъ тѣхъ товарищей-„любителей“, которые подвизаются на видныхъ для всей Россіи подмосткахъ уголовной сцены. Положеніе для этихъ „корифеевъ“, надо сознаться, довольно отвѣтственное и едва ли ими сознаваемое, а для всѣхъ прочихъ—чрезвычайно неудобное...

Предвижу множество возраженій. Отвѣчу только на самыя опасныя и коварныя, какія мнѣ приходятъ въ голову.

Мнѣ могутъ сказать: „новая адвокатура вовсе не помышляетъ о томъ, чтобы сказать нѣчто новое и удивить какихъ нибудь тонкихъ цѣнителей. Она заботится, прежде всего, о подсудимомъ и отдаетъ ему всю свою душу. Она ближе къ жизни и она преуспѣваетъ, въ смыслѣ побѣдъ, гораздо болѣе нежели всѣ ваши излюбленные ораторы“.

Казалось бы, болѣе сильнаго возраженія и придумать нельзя.

Но все это вздоръ. *Во первыхъ*, сколько бы теперешняя адвокатура ни помышляла о томъ, чтобы сказать нѣчто новое, она этого не сдѣлаетъ, не потому, что не хочетъ, а потому, что не можетъ. *Во вторыхъ*, она вовсе не ближе къ жизни, потому что она и не трудится и не задумывается надъ изученіемъ жизни, а только, понюхавъ слегка, на какихъ ноткахъ можно сыграть выгодную роль, торопится захватить каждое дѣло съ благодарнымъ сюжетомъ и „жарить во всю“ бенефисные монологи, даже не соображаясь съ тѣмъ, насколько они подходятъ къ данному случаю. Она даже не постѣснится исказить дѣло только для того, чтобы подогнать его подъ свое задуманное выигрышное „амплуа“. *Въ третьихъ*, она вовсе не влагаетъ въ дѣло своей души, а только припускаетъ къ нему свой искусственный жаръ. Всѣ эти пламенныя защиты я назвалъ бы „физическими“, а не „интеллектуальными“. Извѣстно, что даже величайшіе трагики нисколько не тратили своей души, ибо отличались великолѣпнымъ здоровьемъ и дол-

голѣтіемъ. Слѣдовательно, о нашихъ заурядныхъ лицедѣяхъ и говорить нечего. Наконецъ, *въ четвертыхъ*,—и это самое главное. Новая адвокатура не только не преуспѣваетъ въ *смыслѣ* побѣдъ, но, *если взять статистику*,—проигрываетъ немилосердно. Секретъ заключается лишь въ томъ, что, подъ сѣнью рекламы, она трезвонитъ о своихъ побѣдахъ и затушевываетъ свои проигрыши. Я бы могъ привести доказательства и цифры, но для этого нужно было бы назвать процессы и дѣйствующихъ лицъ. Вредить никому не хочу. Держусь добродушнаго и безсмертнаго изреченія нашего коллеги Сермягина: „дай Богъ нажить всякому“. Но убѣжденъ, что теперешняя система защиты никакого вліянія на правосудіе не оказываетъ. Она годится лишь для дѣлъ, которыя сами собою выигрываются. Да и въ этихъ случаяхъ подчасъ вредитъ, ибо развязная заносчивость адвокатовъ, предвкушающихъ побѣду, иногда смущаетъ самыхъ добросовѣстныхъ судей.

Не отрицаю, что каждый изъ главныхъ дѣятелей рекламнаго періода имѣетъ свои достоинства. И если бы они, по примѣру своихъ товарищей предыдущаго времени, предоставили самой жизни сдѣлать имъ оцѣнку, то и предѣлы ихъ дѣятельности соотвѣтствовали бы ихъ природнымъ способностямъ. Теперь же они, благодаря искусственнымъ мѣрамъ, занимаютъ въ корпораціи совершенно неподобающее имъ мѣсто и оттѣсняютъ въ сторону уже возникшія, болѣе свѣжія и гораздо болѣе сильныя дарованія, которыя не желаютъ прибѣгать къ ихъ пріемамъ. Вся эта крѣпкая сѣть телеграфно-рецензентской агентуры, да еще таможни, устроенныя и въ домѣ предварительнаго заключенія, и на границѣ провинціальнаго импорта, съ цѣлью распредѣленія уголовнаго товара только между извѣстною группою лицъ—все это указываетъ на глубокое разложеніе нашихъ нравовъ. О прежнемъ рыцарскомъ отношеніи между товарищами, среди которыхъ теперь существуетъ подобная ловля дѣлъ, конечно, уже и говорить не приходится. Эта безцеремонность не встрѣчаетъ у насъ откровеннаго протеста, хотя отовсюду слышится подавленный ропотъ. Но мнѣ бояться нечего. Я фаталистъ, за дѣлами не гоняюсь, газет-

наго шума не ищу и, кромѣ того—такъ беззавѣтно люблю всякій истинный талантъ, что къ его оцѣнкѣ никакія личныя отношенія ни въ какой области искусства у меня не могутъ примѣшаться. Въ этомъ вопросѣ у меня нѣтъ ни враговъ, ни друзей.

И если бы отъ меня потребовали, чтобы я въ самомъ сжатомъ видѣ опредѣлилъ, какая же существуетъ разница въ нашемъ дѣлѣ между истиннымъ искусствомъ и мишурою, то я бы отвѣтилъ: *истинное искусство* это—простота, искренность, содержательность и оригинальность, въ отличіе отъ *мишуры*, которая есть вычурность, фальшь, пустословіе и банальность. Сообразно этому опредѣленію я и предложилъ бы вамъ оцѣнивать лицъ, подвизающихся у насъ на поприщѣ судебнаго краснорѣчія.

Но пора кончить.

Реклама завершитъ когда-нибудь свой циклъ и, какъ всякое отрицательное явленіе жизни, со временемъ, по волѣ судебъ, принесетъ свою пользу, ибо самый титулъ „знаменитости“, наконецъ, опошлѣетъ. И это уравняетъ людей, дастъ имъ больше свободы и увѣренности въ естественной и справедливой оцѣнкѣ ихъ трудовъ.

Мнѣ кажется, что, вслѣдствіе указанныхъ мною особенностей нашего правосудія, русскіе судебные ораторы должны занять видное мѣсто не только въ исторіи общественнаго развитія, но и въ исторіи словеснаго искусства. Давно уже мнѣ приходитъ въ голову одно сравненіе. Въ Сорбоннѣ надъ анатомическимъ театромъ, существуетъ старинная надпись: „his est locus, ubi mors in vitam proficit“, т. е. „вотъ мѣсто, гдѣ смерть служитъ на пользу жизни“. Въ соотвѣтствіе этому, чуть ли не съ начала моей дѣятельности, я мысленно читаю надъ судебнымъ зданіемъ слѣдующія слова: **„вотъ мѣсто, гдѣ преступленіе служитъ на пользу общества“**. Конечно,—не въ томъ смыслѣ, что здѣсь наказываются преступники, а въ томъ, что здѣсь изучаются причины преступленія, дабы общество научалось ихъ избѣгать.

Какая громадная задача! Какіе для этого нужны крупные таланты!

И мнѣ кажется, что исполнить эту задачу могутъ только судебные ораторы, равные нашимъ лучшимъ писателямъ, по глубокому и правдивому изображенію жизни, по благородной и художественной простотѣ слова.

Ноябрь 1903 г.

Отдѣлъ I.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЖИЗНИ.

Дѣло Зайцева.

Дѣло Зайцева.

Убійство въ мѣняльной лавкѣ на Невскомъ просп., въ домѣ Бенардаки.

24-го ноября 1878 года, около 3 часовъ пополудни, по Невскому проспекту, въ д. № 84, въ мѣняльной лавкѣ купца Лямина, приказчикъ послѣдняго, Красильниковъ, 17-ти лѣтъ, найденъ былъ лежащимъ на полу за выручкою въ лужѣ крови, съ тяжкими ранами на затылочной части головы и съ слабыми признаками жизни. У головы его лежалъ средней величины, новый, окровавленный топоръ; ящики выручки были открыты и изъ нихъ похищено было 1,500 руб. кредитными билетами, серебряною монетою и процентными бумагами. По осмотру врача оказались у Красильникова на затылкѣ и верхней части головы три зіяющія раны, три раны на правой сторонѣ головы, проникающія толщу кожи, безъ поврежденія костей, 10 ранъ на тыльной поверхности рукъ, все больше на пальцахъ, а указательный палецъ правой руки совершенно отсѣченъ, 17-я рана на правой щекѣ, — и врачъ заключилъ, что раны на затылкѣ и верхней части шеи, по своей глубинѣ, положенію и поврежденію важныхъ для жизни органовъ, слѣдуетъ считать тяжкими, представляющими большую опасность для жизни, и что для нанесенія этихъ ранъ потребовалось отъ 7 до 8 отдѣльныхъ ударовъ топора. Первыми указаніями на то, кто могъ быть виновникомъ этого преступленія, послужили показанія хозяина лавки Лямина, мальчика, 13 лѣтъ, Дремина, служившаго при лавкѣ, и околодочнаго надзирателя Рогачева, которые объяснили, что 24 ноября, около полудня, когда въ лавкѣ находился одинъ только Ляминъ, къ нему вошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ, попросилъ размѣнять на мелочь 20 коп. и, получивъ желаемое, вышелъ на улицу, а Ляминъ черезъ окно увидалъ, что входившій стоитъ на панели противъ окна съ лоткомъ, на которомъ находились рамки. Въ половинѣ второго Лямина ушелъ изъ лавки, оставивъ въ ней своего приказчика Красильникова и Дремина. Около 4 часовъ за обѣдомъ ему дали знать о случившемся. и, когда онъ вошелъ въ лавку, то нашелъ Красильникова плавающимъ въ крови, а ящики выручки раскрытыми, и въ нихъ не доставало бумагъ и денегъ на 1,500 р. Вскорѣ послѣ ухода Лямина, Дремина

замѣтилъ черезъ окно, на которомъ выставлены процентныя бумаги, какого-то торговца рамками, который разсматривалъ выставку. Скоро начало темнѣть, и Красильниковъ, желая зажечь газъ и, не найдя спичекъ, послалъ за ними Дремина, который, выходя, увидалъ, что продавецъ рамокъ стоитъ въ томъ-же положеніи, около окна ихъ лавки, а когда чрезъ $^1/_4$ часа онъ возвратился въ лавку, то замѣтилъ, что тотъ-же торговецъ рамками вышелъ изъ лавки, посмотрѣлъ въ окно и пошелъ по панели къ московскому вокзалу. Войдя въ лавку, Дреминъ не нашелъ за прилавкомъ Красильникова, подумалъ, что онъ для шутки прячется отъ него, а потому зашелъ за выручку, гдѣ увидалъ Красильникова лежащимъ среди лужи крови. На всѣ вопросы Красильниковъ что-то промычалъ, а затѣмъ уже не издавалъ никакого звука. Дреминъ выбѣжалъ на улицу и, встрѣтившись съ околодочнымъ надзирателемъ Рогачевымъ, разсказалъ ему о случившемся. Рогачевъ, въ началѣ 4 ч. проходя мимо лавки Лямина, увидалъ на панели чей-то лотокъ съ рамками, но хозяина лотка видно не было. Рогачевъ приказалъ дворнику д. № 84 убрать лотокъ въ дворницкую и самъ вошелъ въ ворота того-же дома. Очень скоро прибѣжалъ подъ ворота Дреминъ и разсказалъ о случившемся. Все это дало возможность предполагать, что виновникомъ преступленія долженъ быть торговецъ рамками, бросившій свой лотокъ на панели, вслѣдствіе чего полиція начала розыски среди торговцевъ съ лотками, и отъ Кривобарскаго было дознано, что недавно сталъ торговать рамками Павелъ Зайцевъ, квартиру котораго онъ и указалъ. Красильниковъ, вечеромъ того-же 24 числа, на вопросы слѣдователя съ трудомъ отвѣтилъ, что, въ началѣ 4 часа дня, когда въ лавкѣ находился только одинъ онъ, вошелъ молодой человѣкъ и попросилъ размѣнять 20 к.; когда онъ, Красильниковъ, нагнулся къ ящику, чтобы достать мѣдныя деньги, вошедшій нанесъ ему въ голову топоромъ нѣсколько ударовъ, послѣ чего онъ впалъ въ безпамятство. Нанесшій удары былъ блондинъ, лѣтъ 18 или 19, безъ усовъ и бороды, одѣтый въ шубу. Къ 10 ч. вечера сыскною полиціею задержанъ былъ продавецъ рамокъ Зайцевъ, при выходѣ его изъ трактира, находящагося на углу Щербакова переулка. При обыскѣ у Зайцева были найдены деньги 1,541 р. 32 к. Зайцевъ тотчасъ же сознался, что найденныя деньги онъ похитилъ изъ мѣняльной лавки на Невскомъ, причемъ предварительно нанесъ топоромъ нѣсколько ударовъ въ голову бывшему въ лавкѣ приказчику. Около пяти лѣтъ тому назадъ онъ привезенъ былъ землякомъ извозчикомъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, въ Петербургъ и попалъ мальчикомъ въ башмачную лавку къ купцу Павлову, у котораго по контракту долженъ былъ прожить пять лѣтъ на всемъ готовомъ, а затѣмъ выйти на жалованье. Недѣли за полторы до совершенія преступленія, Павловъ отказалъ ему отъ мѣста и прогналъ отъ себя за то, что какъ-то вечеромъ, послѣ запора лавки, онъ ушелъ изъ дома часа на два безъ спроса. Не имѣя въ карманѣ ничего, онъ пошелъ къ одному изъ покупателей Павлова, получилъ съ него по счету 30 руб. и на эти деньги рѣшилъ начать торговлю папиросами или какими либо мелочами. Знакомый его Кривобарскій, тоже молодой торговецъ, встрѣченный имъ въ Пассажѣ,

посовѣтовалъ торговать рамками. При посредствѣ другого торговца, Филиппова, онъ выхлопоталъ право на торговлю, купилъ лотокъ, товаровъ на 12 рублей и поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ Кривобарскимъ; но дня чрезъ три Кривобарскій перешелъ отъ него на другую квартиру. Деньги были уже истрачены, торговля шла плохо; выручалъ онъ барыша копѣекъ 20 въ день, не больше. Тогда у него явилась мысль что нибудь сдѣлать, хоть убить кого нибудь, но имѣть деньги, и хоть немного, но пожить всласть. Дня за три до 24 числа, онъ купилъ столярный топоръ, желая сдѣлать подножки къ лотку, и держалъ его у себя за кроватью; 24 числа, выйдя изъ дому, взялъ топоръ съ собою, положилъ его въ прорванный карманъ пальто и пошелъ торговать. Торговалъ на Невскомъ, отъ Литейной до Надеждинской. Проходя мимо мѣняльной лавки на Невскомъ, онъ задумалъ взять деньги, лежавшія за стекломъ. Онъ зашелъ въ лавку размѣнять тамъ 20 к., потомъ, стоя у окна, видѣлъ, какъ часу въ 4 приказчикъ остался въ лавкѣ одинъ; тутъ онъ рѣшилъ совершить задуманное и вошелъ въ лавку размѣнять 20 к. Когда приказчикъ нагнулся давать деньги, онъ ударилъ его топоромъ по головѣ, по какой сторонѣ, не помнитъ. Приказчикъ закричалъ и упалъ. Тогда онъ бросился къ прилавку, выдвинулъ ящикъ, взялъ лежавшее тамъ серебро, затѣмъ отворилъ другой ящикъ, взялъ деньги и билеты, съ выставки на окнѣ тоже взялъ одинъ билетъ и вышелъ изъ лавки. Придя на квартиру, онъ засталъ тамъ своего товарища Крундышева, пригласилъ его идти съ собою гулять, переодѣлся въ хорошее платье и вмѣстѣ съ Крундышевымъ пошелъ въ трактиръ, но по дорогѣ зашелъ въ парикмахерскую, выстригся и завился. Въ трактирѣ напились чаю, потомъ пошли въ публичное заведеніе въ Щербаковомъ переулкѣ, гдѣ у него была знакомая дѣвушка. Подаривъ этой дѣвушкѣ серьги, стоившія 3 рубля, Зайцевъ пригласилъ ее идти съ собою, но въ заведеніе ихъ почему-то не пустили, а дѣвушка попросила ихъ подождать ее у воротъ, пока она попросится у хозяйки. Они зашли опять въ трактиръ, пили пиво; ему, Зайцеву, было очень скучно, и чтобъ развеселиться, онъ попросилъ завести машину. Черезъ нѣсколько времени они вышли изъ трактира, и у воротъ онъ былъ задержанъ полиціей.

Красильниковъ къ утру слѣдующаго числа умеръ.

На этомъ основаніи Зайцевъ обвинялся въ убійствѣ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и съ цѣлью ограбленія.

Есть, гг. присяжные засѣдатели, нѣчто горькое и безутѣшное въ положеніи человѣка, для котораго не только не существуетъ никакой надежды на оправданіе, но и почти нѣтъ надежды на снисхожденіе. Спрашивается: къ чему его судить? Зачѣмъ предоставлять слово защитѣ? Сдѣлано дѣло грубое, жестокое, возмутительное; виновный не оправ-

дывается, вашъ взглядъ готовъ. Не проще ли, теперь же отпустить васъ въ совѣщательную комнату?—Но я полагаю, что судъ поручилъ мнѣ защиту подсудимаго не для того, чтобы я оставался безмолвнымъ; да и самая защита, мнѣ думается, учреждена не напрасно. Когда совершается какое нибудь преступленіе, то предполагается, что всѣ и каждый заинтересованы въ наказаніи виновнаго. Отъ имени общества, отъ имени *всѣхъ* прокуроръ возбуждаетъ преслѣдованіе, онъ предъявляетъ свое обвиненіе подсудимому. Здѣсь, его устами говорятъ *всѣ* противъ *одного*. Не забудьте: всѣ—противъ одного... въ судѣ! Какой же бы это былъ судъ, еслибы за этого одного не поднимался ничей голосъ, еслибы у этого одного не было никакого орудія для борьбы со всѣми?! Это орудіе—дарованная закономъ защита. Наша роль трудная, но необходимая. Общественное возмездіе, прежде чѣмъ покарать, должно одуматься; оно обязано взвѣсить свой тяжелый шагъ и выслушать противъ себя всѣ возможныя возраженія, какія только можетъ создать человѣческая мысль. Если послѣ такихъ возраженій оно ничуть не поколеблется, ни отъ одного своего вывода не откажется, ни въ одномъ своемъ чувствѣ не смягчится,—то, что бы мы ни думали о рѣшеніи, мы назовемъ его обдуманнымъ, взвѣшеннымъ.

Еще недавно преступленіе Павла Зайцева было предметомъ изумленія цѣлаго Петербурга. Теперь этотъ призракъ, взволновавшій столицу, поставленъ передъ вами: прежде, чѣмъ прогнать его отъ себя, вглядитесь въ его черты, изучите его физіономію и характеръ, постарайтесь объяснить себѣ его происхожденіе. Прокуроръ правъ, что послѣ слуховъ, ходившихъ объ этомъ дѣлѣ въ городѣ, вы, при самомъ открытіи засѣданія, должны были испытать нѣкоторое разочарованіе. Вы, вѣроятно, ожидали встрѣтить холоднаго, рѣзкаго, наглаго, ужаснаго человѣка съ звѣрскимъ выраженіемъ лица: этотъ блѣдный, грустный, робкій—даже добродушный мальчикъ, смиренно ожидающій своей участи, совсѣмъ не годится въ герои прочитаннаго сегодня обвинительнаго акта. Быть можетъ, вы съ нимъ ближе познакомитесь и объясните себѣ такое противорѣчіе, если

я вамъ вкратцѣ передамъ его жизнь и постараюсь возстановить передъ вами все, что онъ могъ испытывать, выполняя свое страшное дѣло.

Однажды, пять лѣтъ тому назадъ, по Невскому, мимо памятника Екатерины, проходилъ извозчикъ съ четырьмя мальчиками. Встрѣтивъ эту группу, вы, вѣроятно, бы прошли мимо, не задавшись мыслью: что это за люди? Но глазъ купца Павлова угадалъ въ этихъ мальчикахъ товаръ. Павловъ узналъ отъ извозчика, что мальчики привезены изъ далекой деревни для обученія; онъ выбралъ на удачу одного изъ нихъ для своей башмачной лавки. Это и былъ 13-лѣтній Павелъ Зайцевъ. Мальчикъ былъ пристроенъ въ лавку на все готовое. Онъ долженъ былъ даромъ прислуживать и работать въ теченіи пяти лѣтъ, а послѣ того поступить на жалованье. До этой желанной поры, передъ преступленіемъ, Зайцеву оставалось всего два мѣсяца; онъ не дотянулъ... И вотъ какъ это случилось. Не будемъ говорить о томъ, пользовался ли Зайцевъ у купца Павлова лаской, хорошимъ руководствомъ, были ли вокругъ него дорогіе и близкіе люди—было ли все то, что развиваетъ и воспитываетъ наше сердце,—оставимъ это въ сторонѣ; все же для Зайцева здѣсь было гнѣздо, хотя чужое и жесткое. Работа идетъ, какъ заведенная машина; у него есть обезпеченный и знакомый уголъ, рядомъ—хозяйскія дѣти и хозяйская семья; надъ нимъ тяготѣетъ, имъ управляетъ хозяйская власть, онъ не задумывается надъ жизнью, тревожныя мысли не посѣщаютъ его голову, кровь течетъ ровно—онъ въ колеѣ.—И купецъ Павловъ имъ доволенъ: мальчикъ тихій, добрый, не вороватый, послушный—словомъ, хозяинъ рѣшительно ничего дурного о немъ сказать не можетъ, онъ называетъ его поведеніе „безукоризненнымъ“. Такъ дѣло идетъ четыре слишкомъ года. Около минувшей Пасхи, для Зайцева, послѣ наступленія семнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ весною, настали первыя искушенія... Тайкомъ отъ хозяина, грязно, безъ иллюзій, эта весна была отпразднована съ пивомъ и водкой въ Щербаковомъ переулкѣ. Незавидное упоеніе! Но среди сѣрой, сухой и холодной полусиротской жизни, въ эти ранніе годы,—такія

минуты все таки были способны казаться для Зайцева привлекательными. Можно ли назвать непростительнымъ, если мальчика туда потянуло опять и опять?.. Начинаются отлучки, аккуратный мальчикъ загуливаетъ. Хозяину это не съ руки: вѣдь онъ не отецъ и не мать, чтобы пожурить, но пожалѣть, переждать и помиловать: его торговля страдаетъ отъ этихъ отлучекъ. Онъ выругалъ Зайцева разъ, другой, на третій—выгоняетъ его. Зайцевъ проситъ хозяина обождать нѣсколько дней, пока онъ сыщетъ себѣ мѣсто, но въ эти дни успѣваетъ выпросить у хозяина прощенье и остается. И въ это время Зайцевъ, кромѣ отлучекъ, ни въ чемъ не провинился: онъ не кралъ, не злобствовалъ, не грубилъ. Но въ концѣ концовъ Павловъ, недовольный прогулами, разсчитываетъ Зайцева. Онъ остался безъ всего. До сихъ поръ его жизнь была чистая. Но теперь, по чувству самосохраненія, онъ дѣлаетъ первый безчестный поступокъ: еще ранѣе, будучи на мѣстѣ, Зайцевъ разнесъ многимъ покутелямъ товаръ со счетами; счеты эти были до сихъ поръ не оплачены—и вотъ, какъ будто отъ имени Павлова, онъ пошелъ къ двумъ изъ покупателей и получилъ по счетамъ 41 р. 50 к.; онъ бы могъ сходить и къ другимъ, но этого не сдѣлалъ: онъ только желалъ себя обезпечить. Что же теперь ему оставалось предпринять? Поступить на другое мѣсто? Для этого нужны знакомства—ихъ у него не было. Родныхъ, которые бы пріютили, не было также; есть у него въ Петербургѣ дядя, но далекій, троюродный—у этого дяди въ обученіи служитъ конфетчикомъ его маленькій братъ,—но самъ Зайцевъ переросъ уже тѣ года, когда дѣти начинаютъ учиться кондитерскому мастерству. Ѣхать въ деревню? Но каково туда показаться и что тамъ съ собою дѣлать? Не забудьте, гг. присяжные засѣдатели, что всѣ эти вопросы долженъ былъ обсуждать Зайцевъ, будучи брошеннымъ на улицу. Человѣкъ, брошенный на улицу, это—все равно, что блуждающая звѣзда, которою ничто не управляетъ: она можетъ своимъ ударомъ разрушить всякое препятствіе на своемъ пути и сама объ это препятствіе разрушиться. Мысли такого человѣка не текутъ подобно нашимъ. Человѣческія правила, понятія о долгѣ кажутся

ему чѣмъ-то исчезнувшимъ въ туманѣ; онъ слышитъ шумъ, онъ видитъ огромные дома или лица прохожихъ, но той мягкой точки зрѣнія, съ которой на все это смотримъ мы,— у него нѣтъ: его окружаетъ что-то живое, но безучастное, враждебное, готовое также веселиться или еще пожалуй посмѣяться надъ нимъ, когда его не станетъ... Будущая недѣля, мѣсяцъ, годъ—для него такіе страшные призраки, что онъ объ нихъ не смѣетъ и подумать; онъ отгоняетъ отъ себя попытку заглянуть въ нихъ, хотя знаетъ, что они навѣрное настанутъ. И вотъ, такой-то внутренній міръ носилъ въ себѣ Зайцевъ, когда онъ очутился съ 40 рублями, безъ угла и крова, среди улицъ Петербурга. Когда 40 рублей составляютъ все, что мы имѣемъ для нашей жизни,— тогда мы ими не дорожимъ. Зайцевъ пошелъ въ публичный домъ. Тамъ онъ встрѣтилъ знакомаго, который пообѣщалъ ему устроить ручную торговлю рамками съ лотка. Изъ бывшихъ у Зайцева денегъ 12 рублей пошло на лотокъ, товаръ и жестянку; кромѣ того, онъ купилъ себѣ шубу, нанялъ квартиру и сталъ торговать. Спустя недѣлю, онъ однажды высказалъ товарищу своему, что „этимъ трудно прокормиться“. И дѣйствительно, эти аляповатыя рамки изъ раковинъ—великъ ли на нихъ спросъ?—Куда дѣвались прежній вѣрный кусокъ хлѣба, привычная обстановка, сдерживающая власть хозяина, и впереди—если не ясные, то всегда спокойные дни? А теперь онъ, со своимъ лоткомъ, все же остается человѣкомъ, брошеннымъ на улицѣ. Все тотъ же содомъ въ головѣ, то же мотанье безъ пріюта. Онъ ни на кого не золъ, онъ никому не завидуетъ, онъ остался такимъ же тихимъ, добрымъ: только внутри у него что-то замерло, и люди не кажутся ему такими, какъ прежде. И вотъ, такому человѣку уже не далеко до заразы, присущей темнымъ угламъ общественной жизни. Зараза эта— тонкая, какъ микроскопическій міазмъ—называется преступною мыслью. Она западаетъ въ голову и отравляетъ организмъ. Есть для этого и благопріятная обстановка.

Въ ноябрьскій день Зайцевъ стоитъ со своимъ лоткомъ у окна мѣняльной лавки; онъ видитъ на витринѣ деньги: билеты, серебро, золото; онъ знаетъ, что эти деньги

дадутъ все; они его притягиваютъ къ себѣ... Конечно, я не скажу, что здѣсь наступаетъ естественный и дозволительный переходъ къ убійству! Я бы умиралъ съ голоду и этого не сдѣлалъ; никто бы изъ васъ, никто бы изъ присутствующихъ здѣсь никогда этого не сдѣлалъ,—но вѣдь у насъ не то прошлое, не то дѣтство, не то воспитаніе, не то развитіе, не та участь и не тѣ года, что у подсудимаго! А теперь, когда мы измѣряемъ его злую волю, мы должны жить его прошлымъ и думать его мыслями. Для того, чтобы вы могли быть нелицепріятными судьями, я бы попросилъ васъ, гг. присяжные засѣдатели, перемѣнить обыкновенную въ подобныхъ случаяхъ точку зрѣнія. Вы смотрите теперь вовсе не въ ту сторону, куда смотрѣлъ подсудимый. Вамъ все представляется изуродованный трупъ, вы ослѣплены его видомъ, вы все думаете: Господи! какъ это жестоко! Можно ли было на это рѣшиться? Вѣдь онъ зналъ, вѣдь онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ это больно и мучительно.—Нѣтъ! Онъ объ этомъ не думалъ, онъ прогонялъ отъ себя всѣ эти мысли. Онъ былъ ослѣпленъ деньгами и объ нихъ думалъ. Онъ чувствовалъ, что для завладѣнія деньгами нужно совершить нѣчто ужасное, но онъ, вѣроятно, даже побоялся назвать въ своихъ мысляхъ по имени это ужасное; онъ, вѣроятно, подумалъ „нужно *удалить* сидѣльца“, а не *убить*. Онъ зналъ, что удалять его будетъ не легко, страшно, что у него память отшибетъ на это время, что онъ будетъ опьяненъ, хлороформированъ, какъ во время операціи, но онъ думалъ—несчастное заблужденіе всѣхъ убійцъ,—что послѣ операціи онъ будетъ здоровъ, что онъ купитъ счастье всей жизни. На этомъ счастьи онъ сосредоточивалъ свои мечты, отмахиваясь отъ того кашмара, который предстояло еще преварительно перенести. Нервы разгуливались, голова пьянѣла отъ мыслей; воля и самообладаніе куда-то уходили, сторонясь отъ этого несчастнаго, зараженнаго, отравленнаго. Зайцевъ незадолго до убійства купилъ топоръ... Для чего онъ купилъ топоръ—это не вполнѣ выяснилось, но вы можете думать, что—для убійства. „Какъ у него руки не дрожали, когда онъ покупалъ это страшное орудіе?“,

спросите вы. Очень просто: онъ думалъ—вѣдь это еще не самое преступленіе, мало-ли на что можетъ пригодиться топоръ? Что-жъ, что я покупаю? Сдѣлаю подножки для лотка... А не то брошу... Къ сожалѣнію, Зайцевъ не психологъ. Онъ не зналъ, что, купивъ послѣ такихъ мыслей топоръ, онъ попадалъ въ кабалу къ этой глупой вещи, что топоръ съ этой минуты станетъ живымъ, что онъ будетъ безмолвнымъ подстрекателемъ, что завтра онъ будетъ служить осязательнымъ слѣдомъ вчерашняго умысла и будетъ самъ проситься подъ руку. При такомъ анализѣ, я, по совѣсти, не могу здѣсь признать заранѣе обдуманнаго намѣренія. Для заранѣе обдуманнаго намѣренія необходимъ, какъ мнѣ кажется, крѣпкій, какъ сталь, ничѣмъ непоколебимый и неотвратимый умыселъ. Въ года Зайцева—онъ едва перешагнулъ возрастъ не полнаго разумѣнія,—при его характерѣ, такой неуклонности и зрѣлости злой воли предположить нельзя. Воля его могла постоянно колебаться. У него могли украсть съ лотка топоръ; онъ, быть можетъ, другого бы и не купилъ, подумавъ „не судьба“. Кто нибудь, нежданный знакомый, могъ въ самый день убійства подойти къ нему на Невскомъ и сказать: „Павелъ! пойдемъ, я тебѣ нашелъ хорошее мѣсто“—и Зайцевъ, я почти увѣренъ, не совершилъ бы преступленія. Но ничего этого не случилось. Купленный топоръ остался у Зайцева, и дѣйствительно, однажды, въ благопріятную минуту, когда въ лавкѣ никого, кромѣ Красильникова, не оставалось, этотъ топоръ искусилъ его. Зайцевъ спустился по тремъ ступенькамъ, вошелъ въ лавку и—сдѣлался убійцей... Какъ трепетало въ эти невыносимыя минуты его сердце, какъ рябило въ его глазахъ, какъ холодѣла его спина—объ этомъ никто не знаетъ... Намъ пересчитываютъ раны, измѣряютъ ихъ дюймами, слѣдятъ за поворотомъ топора—какъ будто все это принималось въ расчетъ, какъ будто все это увеличиваетъ вину, или вообще имѣетъ какое нибудь значеніе! Посмотрите на разбитые вагоны послѣ крушенія поѣзда: кажется, сколько времени и труда нужно было употребить на то, чтобы расщепить эти кресла, поломать печи, разбить окна! А между тѣмъ,

все было дѣломъ одного мгновенія. Здѣсь дѣйствовала такая же страшная, слѣпая сила:—Зайцевъ теперь навѣрное не можетъ себѣ составить никакого представленія ни о времени, употребленномъ на преступленіе, ни о количествѣ ударовъ. Поступокъ Зайцева называютъ дерзкимъ. Это не дерзость—а глупость, это—слѣпота возбужденія. Именно глупость: идти съ улицы, днемъ, на убійство въ мѣняльную лавку, прозрачную какъ фонарь и посѣщаемую также часто, какъ аптека. И какъ всякой глупости — безумному рѣшенію Зайцева повезло: нужно же, чтобы на эти именно мгновенія никто въ лавку не вошелъ! Можно ли назвать такое нелѣпое убійство заранѣе обдуманнымъ? Да развѣ тотъ, кто все заранѣе обдумалъ, будетъ такъ неосмотрителенъ?

По совершеніи преступленія, Зайцевъ, по его собственному выраженію, „выкатился“ изъ лавки съ награбленными деньгами. И вотъ, онъ уже убійца, хмѣль у него прошелъ, имъ овладѣло равнодушіе, съ темнымъ сознаніемъ, что его постигло большое несчастіе... Онъ возвращается домой, застаетъ тамъ товарища, идетъ съ нимъ къ парикмахеру, завивается, толкается изъ трактира въ публичный домъ и обратно, но ему все не по себѣ. Товарищъ смѣется, танцуетъ, а онъ нѣтъ. „Мнѣ что-то скучно“, думаетъ онъ вслухъ и заказываетъ завести органъ. Онъ все ждетъ, что за нимъ придутъ, но никуда не бѣжитъ, не скрывается. „Все равно придутъ“, думаетъ онъ. И дѣйствительно, за нимъ приходятъ, и онъ покорно отдается въ руки правосудія, безпрекословно возвращая награбленное. Спрашивается: гдѣ же то счастье, котораго онъ ожидалъ? Для чего онъ все это сдѣлалъ?..

Убійство, гг. присяжные засѣдатели, есть несчастье, старое, какъ земля. Еще со временъ Каина люди не могутъ искоренить этого зла. Этотъ общественный недугъ подкрадывается къ человѣку, какъ чума, нападаетъ на его мозгъ, дѣлаетъ безчувственнымъ его сердце и, распоряжаясь его руками, заставляетъ его дѣлать то, отъ чего онъ самъ впослѣдствіи приходитъ въ ужасъ и невольно отталкиваетъ отъ себя своихъ собратьевъ. Надо имѣть

откровенность сознаться, что наказанія не помогаютъ дѣлу. Творя нашъ судъ, мы ходимъ во тьмѣ и дѣйствуемъ больше по инстинкту, потому что не можемъ придумать никакого иного порядка, никакихъ другихъ средствъ. Будемъ же осторожны, не забывая, что во всѣхъ дѣлахъ такого рода мы всегда судимъ о совершенно непостижимомъ для насъ состояніи человѣческой души.

Вы правы, гг. присяжные засѣдатели, сокрушаясь объ участи Красильникова. Но что же ожидаетъ Зайцева? Правда, послѣ вашего приговора онъ возвратится въ тюрьму. Онъ будетъ живъ сегодня и завтра, и мѣсяцъ, и годъ; но затѣмъ онъ станетъ примѣчать, что у него нѣтъ ни воздуха, ни воли, ни желаній, ни привязанности, ни будущаго—онъ замѣтитъ, что онъ въ дѣйствительности не живетъ; тогда онъ увидитъ, что онъ умеръ и припомнитъ, что онъ умеръ именно сегодня, послѣ вашего приговора... Такую-то коварную смерть даетъ виновнику уголовное наказаніе... Провожая Зайцева въ это безотрадное будущее, пробѣгая его короткую жизнь, припоминая изъ-за чего, изъ-за какого сплетенія обстоятельствъ погибъ этотъ, по природѣ своей, честный, смирный и добрый мальчикъ, я не могу не выразить, что я въ такой же мѣрѣ жалѣю его, какъ и покойнаго Красильникова. Если хотя кто нибудь изъ васъ раздѣлитъ мои чувства къ подсудимому, то я буду считать что я исполнилъ возложенную на меня задачу.

Судъ поставилъ на разрѣшеніе присяжныхъ два вопроса: одинъ о продумышленномъ убійствѣ съ корыстною цѣлью, а другой — объ убійствѣ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, посредствомъ *случайно* взятаго топора. На первый вопросъ присяжные отвѣтили отрицательно, а на второй — «да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». Судъ опредѣлилъ: сослать Зайцева въ каторжныя работы на восемь лѣтъ.

Дѣло Августовскаго.

Дѣло Августовскаго.

Побѣгъ изъ ссылки и убійство кухарки.

1878 года, 10-го февраля, полиціей 4-го участка Спасской части было обнаружено, что въ домѣ № 10-й, въ квартирѣ № 8-й, по Подъяческой улицѣ, скрывается у своей жены Августовскій, который, въ 1874 году, былъ высланъ, вслѣдствіе распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, административнымъ порядкомъ, сначала въ одинъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи, а потомъ въ Новгородскую губернію и 29-го октября 1877 года бѣжалъ изъ города Бѣлозерска. Получивъ такое извѣстіе, околоточный надзиратель, Блохинъ, узнавъ отъ дворника Степанова, что Августовскій, дѣйствительно, находится въ квартирѣ № 8-й, вошелъ съ черной лѣстницы въ кухню этой квартиры, гдѣ служанка Ѳедорова сказала ему, что Августовскій находится заграницей. Не удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, Блохинъ сталъ снова спрашивать, и Ѳедорова сказала объ Августовскомъ такъ: «Онъ здѣсь, но говоритъ, что на все рѣшился, и кто первый явится, тотъ цѣлъ не будетъ». По извѣщеніи о происшедшемъ помощника пристава Слуцкаго, въ квартиру Августовской вошли: помощники пристава Слуцкій, Будбергъ, околоточные надзиратели Блохинъ, Куликовскій, городовые Осинчукъ, Васильевъ и дворники Степановъ, Дмитріевъ и Леонтьевъ. При обыскѣ въ квартирѣ, состоящей изъ четырехъ комнатъ и кухни, Августовскаго не оказалось, причемъ, по показанію Степанова, маленькія дѣти Августовскаго кричали, что «папы нѣтъ». Тогда Слуцкій обратилъ вниманіе на большой запертый платяной шкафъ, въ которомъ, по словамъ Куликовскаго, слышенъ былъ шорохъ, и вотъ Слуцкій нѣсколько разъ предложилъ Августовскому, присутствіе котораго въ шкафу онъ подозрѣвалъ, выйти изъ шкафа, угрожая въ противномъ случаѣ послать за слесаремъ и открыть шкафъ отмычкою. Такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то Куликовскимъ велѣно было отодвинуть отъ стѣны шкафъ и колыхать его въ одну и въ другую сторону: но, замѣтивъ, что задней стѣнки у шкафа нѣтъ, Куликовскій тотчасъ же увидѣлъ спрятавшагося въ шкафу человѣка, который потомъ выбѣжалъ въ одной сорочкѣ и исподнемъ платьѣ.

То былъ Августовскій. Онъ находился въ весьма возбужденномъ состояніи, выражался весьма рѣзко, казался выпившимъ, представлялъ видъ чрезвычайно взволнованнаго человѣка; глаза его были налиты кровью и ужасно сверкали. На предложеніе идти въ участокъ, Августовскій убѣдительно просилъ подождать возвращенія жены, которая находилась въ то бремя въ окружномъ судѣ и должна была вернуться черезъ часъ. Будбергъ согласился и оставилъ Августовскаго подъ наблюденіемъ Блохина, Куликовскаго, городовыхъ и дворника Степанова. Между тѣмъ, въ квартиру Августовскаго явились сначала отставной поручикъ Беклемишевъ, а потомъ и Августовская. Около трехъ часовъ дня, по показанію Беклемишева, онъ засталъ слѣдующую картину: Августовскій былъ безъ сюртука, имѣлъ видъ ужасно взволнованнаго человѣка и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ. По возвращеніи въ то время Будберга, Августовскому предложено одѣться и идти въ участокъ. Околоточный Куликовскій показалъ, что Августовскій надѣлъ брюки и сталъ ходить по комнатѣ, нѣжно напѣвая; руки держалъ въ карманахъ брюкъ, просилъ Куликовскаго сѣсть, пристально всматриваясь въ него. Потомъ принялся укладывать книги въ сундукъ, пилъ вино и далъ дѣтямъ выпить. Вернувшись изъ ватерклозета, Августовскій сталъ мыть руки и лицо, а потомъ, держа въ рукѣ полотенце, остановился въ дверяхъ, ведущихъ изъ дѣтской въ корридоръ и, по объясненію Блохина, велѣлъ служанкѣ своей Ѳедоровой, подать ему большой ножъ, на что та отвѣтила: «Подамъ, баринъ». Тогда онъ сказалъ ей: «Подай хлѣба», и Ѳедорова принесла изъ кухни хлѣба на тарелкѣ, и когда ставила на столъ, то въ это мгновеніе Августовскій ударилъ Ѳедорову кинжаломъ въ лѣвую сторону груди, сказавъ: «Вотъ тебѣ!», и убилъ ее на мѣстѣ. Ѳедорова не успѣла даже крикнуть, упала на полъ и черезъ двѣ минуты умерла. Августовскій, дойдя до порога, бросилъ кинжалъ и сталъ кричать: «Прокурора мнѣ, вяжите мнѣ руки, я совершилъ преступленіе», а по словамъ Будберга, Августовскій прибавилъ: «И въ Сибирь меня, на каторгу». Его связали; онъ успокоился, поникъ головою и, показывая на трупъ Ѳедоровой, сказалъ: «Уберите отсюда эту женщину, чего она ждетъ». Свидѣтель Милошевичъ показалъ, что слышалъ отъ городовыхъ, что Августовскому прочитанъ былъ протоколъ, въ которомъ было сказано, что «Авдотья на него донесла» и что послѣ этого онъ ее убилъ. Въ протоколѣ, дѣйствительно, значится слѣдующее: «Высланная кухарка отъ имени Августовскаго, Авдотья Ѳедорова, объявила Блохину, что баринъ ея выразился такъ: «Кто первый осмѣлится явиться, то цѣлъ не будетъ». Протоколъ этотъ былъ прочитанъ Августовскому въ квартирѣ его жены. Относительно мотивовъ преступленія, жена подсудимаго показала, что мужъ ея, послѣ побѣга изъ Бѣлозерска, рѣшился скрыться заграницу и увѣренъ былъ въ успѣхѣ настолько, что не допускалъ даже мысли попасться снова въ руки полиціи. Когда же она, по просьбѣ полицейскихъ, спросила мужа, какъ могла узнать о немъ полиція, Августовскій отвѣтилъ: «Я знаю, кто ей сказалъ, ужъ мнѣ объ этомъ сказали». Подсудимый заявилъ судебному слѣдователю, что о моментѣ удара онъ рѣшительно ни-

чего не помнитъ, и что причины нанести этотъ ударъ онъ не знаетъ. По заключенiи предварительнаго слѣдствiя по этому дѣлу, судебный слѣдователь получилъ, 11-го марта, секретное извѣщенiе, въ которомъ управленiе петербургской сыскной полицiи увѣдомляло судебнаго слѣдователя о существованiи тайной переписки между Августовскимъ и его женою. При обыскѣ въ квартирѣ г-жи Августовской обнаружены были данныя, служащiя къ объясненiю образа дѣйствiй Августовскаго, какъ во время совершенiя имъ преступленiя, такъ и въ продолженiе предварительнаго слѣдствiя. Въ письмѣ, отъ 22-го февраля, Августовскiй сообщаетъ женѣ, что прочиталъ всѣ показанiя и продолжаетъ такъ: «Вижу, что ты сдѣлала капитальную глупость, сказавъ, что я тебѣ у окна сказалъ: я знаю, кто донесъ, мнѣ это сказали. — Этимъ ты подтвердила, что я зналъ, что я дѣлалъ, и метилъ. Однимъ поправить можно, это тѣмъ, что на разспросы твои, я прибавилъ: «Это твои сообщили родненькiе, но что ты объ этомъ не хотѣла показать судебному слѣдователю». Высказывая ненависть, не выражая нигдѣ ни малѣйшаго раскаянiя или сожалѣнiя къ своей жертвѣ, Августовскiй, въ то же время, тщательно заботится о томъ, чтобъ скрыть мотивы своего преступленiя, отвлечь отъ него вниманiе, настаиваетъ на отсутствiи мотивовъ къ убiйству. Эта система притворства выработана имъ весьма тщательно и составляетъ сущность тайной его переписки съ женою. Систему обмана относительно мотивовъ убiйства, Августовскiй простираетъ и на защитниковъ, къ которымъ посылаетъ свою жену. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ: «Обоимъ, т. е. Спасовичу и Соколовскому, нужно разсказать, что никакой причины не было на убiйство: ни пользы, ни связи, ни отношенiй; просто могъ сдѣлать только въ безумiи и припадкѣ». «Скажи: ахъ, что онъ выстрадалъ! что онъ выстрадалъ! Давно пора бы потерять разсудокъ». На отсутствiи причинъ къ убiйству построена вся система защиты Августовскаго. Онъ знакомится съ законными условiями невмѣняемости, а для того, чтобъ изучить всѣ признаки сумасшествiя, онъ внимательно читаетъ книгу Винслова «Болѣзни мозга», въ которой дѣлаетъ болѣе ста отмѣтокъ карандашомъ. Потомъ, остановившись на припадкѣ умопомѣшательства, онъ приготовляетъ систему. Потомъ Августовскiй добивается попасть на испытанiе въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и надѣется подкупить врачей. Послѣ того, какъ планъ Августовскаго былъ открытъ, онъ объяснилъ судебному слѣдователю, что книгу о душевныхъ болѣзняхъ ему передалъ какой-то арестантъ; что онъ, Августовскiй, — не сумасшедшiй и признаетъ себя виновнымъ въ убiйствѣ; что онъ не желаетъ объяснять почему, въ письмѣ отъ 22-го февраля, онъ просилъ жену «напирать на сумасшествiе»; точно также и другiя мѣста своей переписки Августовскiй объяснить отказался, причемъ заявилъ, что готовъ на пари, что завтра покончитъ съ собою, и что, еслибъ желалъ прикидываться сумасшедшимъ, то у него на это много данныхъ. Находясь на испытанiи въ больницѣ св. Николая Чудотворца, Августовскiй пытался первое время представить изъ себя сумасшедшаго, называлъ себя апостоломъ Iосифомъ, потомъ выставлялъ себя за пророка и ясновидящаго, а

потомъ, когда докторъ Дюковъ замѣтилъ ему, что онъ, Августовскій, по ошибкѣ или незнанію изображаетъ изъ себя сразу двѣ противоположныя формы психическаго разстройства, то Августовскій призналъ свое притворство за шутку. Дюковъ замѣтилъ, что выдающимися качествами Августовскаго является «хитрость, доходящая до двуличноти», причемъ Августовскій ловко умѣетъ показываться добрымъ, кроткимъ и прямодушнымъ, тогда какъ на дѣлѣ является нерѣдко совсѣмъ противоположное. Потомъ Августовскій былъ освидѣтельствованъ въ III-мъ отдѣленіи петербургскаго окружного суда, гдѣ врачи Майдель, Чечоттъ и Литвиновъ нашли его вполнѣ здоровымъ.

Онъ обвинялся въ побѣгѣ изъ ссылки и въ убійствѣ Ѳедоровой.

Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ доказывали, что Августовскій, этотъ человѣкъ „выше средняго развитія“, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, изъ мести, убилъ женщину. Вамъ говорили, что онъ при слѣдствіи пытался выдать себя за сумасшедшаго, но былъ уличенъ въ притворствѣ и признанъ психически здоровымъ. Это лукавство убійцы, кроткій образъ потерпѣвшей и намеки на дурную репутацію подсудимаго—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ обвиненіе такимъ грознымъ и мощнымъ, что оно кажется неуязвимымъ. И, однако, мы должны сознаться, что для дѣла, вполнѣ очевиднаго, разбирательство было слишкомъ подробно, рѣчь обвинителя неувѣренна и пространна. Въ этомъ процессѣ есть, по-англійскому выраженію, какой-то „спрятанный скелетъ“, опасный для цѣлей прокуратуры, и, послѣ всего мною слышаннаго, я все еще рѣшаюсь высказать опасеніе, что вашъ обвинительный приговоръ противъ Августовскаго можетъ погрѣшить противъ житейской правды. Только въ смыслѣ этого предостереженія я и постараюсь развить свою защиту.

Когда я получилъ отъ суда порученіе защищать Августовскаго, то я сознавалъ, что мнѣ невозможно заставить Августовскаго отказаться отъ его собственныхъ воззрѣній на дѣло. Я предоставилъ ему полную свободы въ системѣ оправданій на судебномъ слѣдствіи, но сохранилъ и за собою полную самостоятельность защиты. Поэтому между нами во многихъ случаяхъ, не будетъ никакой солидарности, и мое объясненіе предъ вами будетъ отчетомъ о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и выводахъ.

Есть, гг. присяжные засѣдатели, начала неписанной справедливости, которыя убѣгаютъ отъ буквы закона и отъ казенныхъ нравоученій. Начала эти безформенны и трудно передаваемы, но они чувствуются сердцемъ и совѣстью. Ихъ нельзя сочинить въ кабинетѣ юриста или психіатра; ихъ можно постигнуть, окунувшись съ головою въ дѣйствительность. Юристы опредѣляютъ нормы вмѣняемости, психіатры создаютъ классификацію душевныхъ страданій, но мы часто видимъ, что простой человѣкъ, призванный въ составъ присяжныхъ засѣдателей, отвергаетъ самые категорическіе выводы юристовъ и экспертовъ. Подсудимаго, не отнесеннаго ни къ какимъ категоріямъ невмѣненія, онъ, на своемъ языкѣ житейскаго здраваго смысла, называетъ „страннымъ“, и это слово такимъ бременемъ ложится на его совѣсть, что его рука не поднимается на обвиненіе. Да! „странный человѣкъ“, говорятъ присяжные—не такой, какъ всѣ эти будничныя лица, съ которыми мы ежедневно имѣемъ дѣла и сношенія; тѣ — одинаково съ нами смотрятъ на жизнь, съ ними можно столковаться, у нихъ каждая черта напоминаетъ знакомыя, обыденныя, общія всѣмъ намъ черты, а у этого какъ будто искажены нормальныя чувства, въ немъ что-то неладно, что именно, — мы не знаемъ, но это не тотъ отвѣтственный гражданинъ, съ котораго мы привыкли взыскивать на нашемъ общественномъ судѣ—отдайте его подъ опеку, ушлите въ больницу, но не поручайте его нашему возмездію... Я не говорю, чтобъ непремѣнно эти мысли вызывалъ въ васъ Августовскій, но я хочу замѣтить, что ваше присутствіе среди насъ, судебныхъ спеціалистовъ, всегда держитъ насъ въ дисциплинѣ, заставляетъ насъ опасаться, что такія воззрѣнія могутъ у васъ мелькнуть, возникнуть, заставляетъ насъ всестороннѣе и осторожнѣе изучать дѣло. Есть и другая драгоцѣнная черта въ житейскомъ народномъ судѣ: это чувство вашей близости къ подсудимому — чувство, отъ котораго вы не можете освободиться, не взирая на свое временное судейское званіе. Вы сознаете, что сюда, въ этотъ храмъ закона, гдѣ засѣдаютъ его постоянные служители — подсудимый пришелъ оттуда же, откуда и вы — съ воли, изъ водоворота

жизни. Вы не забываете этой жизни въ судѣ, вы въ нее переноситесь, проходите, переживаете ее съ подсудимымъ, и бываетъ иногда, что вы съ ужасомъ узнаете въ подсудимыхъ самихъ себя, вы доходите до мысли, что и васъ могло бы постигнуть такое же страшное горе. И ужъ, конечно, тогда, при такомъ сознаніи, никакая сила не вырветъ у васъ обвинительнаго приговора. Вотъ почему на вашемъ судѣ, въ самомъ отчаянномъ положеніи, не отнимается у подсудимаго лучъ надежды, и самый исходъ процесса остается непроницаемою тайною до послѣдней минуты. Такимъ образомъ я полагаю, что вопросъ о виновности Августовскаго остается еще открытымъ и я безъ смущенія приступаю къ своей задачѣ.

Обыкновенный пріемъ сужденія состоитъ въ томъ, чтобъ о виновности подсудимаго заключать по его поступкамъ. Главнымъ образомъ взвѣшиваются дѣянія, и потомъ уже не признается особенно интереснымъ изслѣдовать, каковъ самъ по себѣ человѣкъ, который ихъ совершилъ. Свойства подсудимаго, въ силу его преступленія, признаются извѣстными a priori, какъ выводъ изъ логической посылки. Но здѣсь, въ дѣлѣ Августовскаго, мы слѣдуемъ иному пріему. Свидѣтели и доказательства, относящіеся къ событію убійства, менѣе привлекаютъ наше вниманіе, чѣмъ свидѣтели и доказательства, разъясняющіе личность Августовскаго. Личность эта является такимъ замѣтнымъ фактомъ въ процессѣ, что въ немъ мы почерпаемъ болѣе данныхъ для выводовъ, чѣмъ въ обстоятельствахъ внѣшнихъ. И, дѣйствительно, надъ этою личностью стоитъ остановиться и призадуматься.

Я нисколько не намѣренъ идеализировать Августовскаго и не буду сочинять „психологическаго романа“. Подсудимый, безспорно, имѣетъ несчастіе принадлежать къ числу людей, которые не внушаютъ симпатіи. Его собственная жена въ одномъ изъ писемъ говоритъ: „Ты имѣешь способность всѣхъ отъ себя отталкивать“ — и это настолько вѣрно, что я думаю, Августовскій едва ли бы могъ представить на судъ свидѣтеля, который бы далъ о немъ восторженный отзывъ. Да я и не задаюсь мыслью украшать

Августовскаго; я бы только желалъ его изучить и вѣрно понять его характеръ. Но при этомъ спѣшу добавить, что если Августовскому не удастся быть привлекательнымъ, то надо быть вдвое зорче къ тому, чтобъ дурное впечатлѣніе не повліяло на правильную оцѣнку его дѣйствій. Человѣкъ тяжелый и неуживчивый можетъ быть и въ дѣйствительности чаще другихъ бываетъ — несчастнымъ. На мой взглядъ Августовскій представляется человѣкомъ съ ненормально кипучимъ и безпокойнымъ внутреннимъ міромъ. У него есть привычки и внѣшніе пріемы, обличающіе несомнѣнное и постоянное переполненіе мозга самыми быстрыми порывистыми впечатлѣніями. Вслушайтесь въ его рѣчь, замѣтьте его мимику, голосъ и жесты, вглядитесь въ его лицо, въ его всегда возбужденное, напряженное выраженіе. Наконецъ, вспомните его бумаги, письма... Я видѣлъ многое-множество писемъ, но, признаюсь, такихъ никогда не встрѣчалъ; это цѣлыя газеты, а не письма. Рукописи Августовскаго загромождаютъ дѣло и притомъ рукописи давняго происхожденія, слѣдовательно, не подготовленныя для настоящаго дѣла. Очевидно у этого человѣка есть болѣзненная потребность стенографировать внутреннія впечатлѣнія, неудержимо, обильно наплывающія въ его душу. Его просьбы и заявленія многословны до невѣроятности. Слогъ его торопливъ, безпорядоченъ и въ большинствѣ случаевъ теменъ. Эксперты, не безъ основанія, въ этихъ письменныхъ доказательствахъ, взятыхъ изъ эпохи, предшествующей преступленію, видѣли указанія на нѣкоторыя „странности въ образѣ мышленій Августовскаго“. Давно уже высказана истина, что слогъ человѣка—это онъ самъ, и если внутренняя жизнь Августовскаго также сбивчива и туманна, невѣрна и поспѣшна, какъ его письма и рѣчи, то вотъ уже основаніе, чтобъ поглубже призадуматься надъ этимъ дѣломъ. Замѣтьте, сверхъ того, что всѣ эти фоліанты, замѣтки и наброски Августовскаго, которые взяты къ слѣдствію, не были вызваны у него потребностью творчества или научныхъ занятій, а всѣ они сосредоточены на самомъ Августовскомъ, на его судьбѣ и дѣлахъ. Какое же заключеніе о личности Августовскаго мы выносимъ изъ этого письменнаго интимнаго матеріала?

Не было и не будетъ въ жизни Августовскаго болѣе рѣшительныхъ и торжественныхъ минутъ, какъ тѣ, которыя онъ переживаетъ теперь. Настало время выяснить разъ навсегда: каковы его пороки? Гдѣ гнѣздится причина его неуживчивости? Что съ нимъ дѣлать и куда его дѣвать? Какія возможны разумныя средства воздѣйствія на его капризную и своеобразную, повидимому, необузданную натуру? Всѣ эти вопросы крайне серьезны. Поэтому я не рѣшусь допустить никакого пристрастія въ оцѣнкѣ личности подсудимаго. Пусть онъ слушаетъ меня, какъ посторонняго, и вынесетъ изъ этого дѣла дѣйствительный урокъ. Какимъ же, повторяю, человѣкомъ онъ рисуется по дѣлу? Пылкость его воображенія, его нервность и раздражительность признаны всѣми. Но, сверхъ того, я укажу на одну черту, которая говоритъ не въ пользу подсудимаго: онъ человѣкъ до крайности себялюбивый — строгій и требовательный къ другимъ и нѣсколько пристрастный къ себѣ, человѣкъ, надо въ этомъ сознаться, склонный, самымъ искреннимъ образомъ, воображать себя лучшимъ, чѣмъ онъ въ дѣйствительности. Вспомните эпизодъ, въ дневникѣ Августовскаго, гдѣ онъ изъ далека, за сотни верстъ, въ разлукѣ, подозрѣваетъ свою жену въ измѣнѣ. Не касаясь вопроса объ основательности подозрѣній, считая излишнимъ вносить въ защиту семейныя недоразумѣнія, я думаю, что горе, несуществующее, воображаемое, нисколько не бываетъ меньше дѣйствительнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда мы переживаемъ его въ душѣ со всѣмъ ужасомъ правды? Извѣстно, что не внѣшніе факты, а ихъ отраженія въ насъ составляютъ нашу жизнь и съ этой точки зрѣнія я отношу сокрушеніе Августовскаго объ утратѣ любимой жены къ самымъ горькимъ днямъ его жизни. Реальнѣе пережить это несчастіе, какъ пережилъ его Августовскій въ своемъ воображеніи — невозможно. Нравственныя и плотскія терзанія, сочетанія картинъ и мыслей, грустныхъ, нѣжныхъ, возмутительныхъ, пошлыхъ, отчаянныхъ — все это изумляетъ насъ въ дневникѣ Августовскаго по необычайной силѣ, чуткости, изворотливости и живости фантазіи. Болѣе страстнаго, непостижимаго, безпощаднаго упоенія

своимъ горемъ я не могу себѣ представить. И какой жестокій судъ надъ женою?! Она одна во всемъ виновата, виновата кругомъ безъ права на возраженіе. При всемъ богатствѣ фантазіи Августовскаго, въ его всестороннемъ обсужденіи предполагаемаго факта мы замѣчаемъ, однако, рѣзкій пробѣлъ: нигдѣ нѣтъ ни малѣйшей попытки, хотя мелькомъ, хотя въ видѣ вопроса, хоть на минутку—предположить, что, быть можетъ, онъ самъ былъ отчасти виноватъ. Онъ даже не спрашивалъ себя—измѣнялъ ли онъ женѣ! Вотъ каково пристрастіе Августовскаго къ себѣ, каково его ослѣпленіе собою! Это—недостатокъ, но надостатокъ, дѣлающій подсудимаго еще болѣе достойнымъ сожалѣнія. Сознаніе своихъ ошибокъ и пороковъ составляетъ для насъ облегчающій противовѣсъ гнетущей тяжести горя. Когда говоришь себѣ: я отчасти виноватъ, я заслужилъ... тогда не столь жестокою кажется судьба. И я увѣренъ, что, еслибъ Августовскій прямѣе взглянулъ на свои отношенія къ женѣ, сколько нибудь спокойно ихъ взвѣсилъ, еслибъ онъ хотя маломальски былъ способенъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ, то онъ никогда бы не дошелъ до тѣхъ раздирающихъ душу мыслей и ощущеній, съ которыми насъ знакомитъ его дневникъ. Откровенно назвавъ Августовскаго несправедливымъ, я съ такимъ же убѣжденіемъ скажу, что эта несправедливость у него не злонамѣренная и преступная, а болѣзненная. Причина ея заключается въ ненормальной силѣ и ложномъ направленіи его фантазіи. Всякая неудача, бѣда, опасность выростаютъ въ его глазахъ въ такія чудовища, что онъ теряется. Онъ имъ, этимъ неудачамъ и несчастіямъ, читаетъ горячіе монологи негодованія и въ эти минуты окончательно утрачиваетъ способность оглянуться на себя, обсудить свое отношеніе къ событію, поискать въ себѣ причины для его объясненій. Вспомните, напримѣръ, поразительный фактъ, сообщенный экспертомъ Литвиновымъ. Послѣ освидѣтельствованія на судѣ, въ бесѣдѣ съ экспертомъ наединѣ въ минуты, когда подсудимый былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ „нравственно“ подкупить врачей, на вопросъ врача о его чувствахъ къ убитой, Августовскій далъ о ней самый рѣзкій отзывъ. Августовскій и теперь не лицемѣ-

ритъ; онъ не можетъ воспитать въ себѣ раскаянія за свой безотчетный поступокъ. Не стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, надъ этимъ задуматься? Вѣдь сѣтовать на иного человѣка, карать его такъ же странно, какъ бить ученика за то, что онъ не понимаетъ урока. Не выбьете вы изъ души Августовскаго вашими наказаніями убѣжденія, для многихъ страннаго, но съ его стороны вполнѣ искренняго убѣжденія, что онъ правъ.

Итакъ, Августовскій оказывается человѣкомъ съ больнымъ воображеніемъ, человѣкомъ порывистымъ, пылкимъ, недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Онъ склоненъ самымъ мрачнымъ образомъ преувеличивать значеніе всякой несправедливости окружающихъ и потомъ—человѣкъ слѣпой къ себѣ, страждущій самообольщеніемъ.

И вотъ, такой-то человѣкъ, лѣтомъ 1874 года, былъ неожиданно схваченъ безъ суда и расправы, на Петергофскомъ вокзалѣ, по распоряженію администраціи, и отправленъ на житье въ Олонецкую губернію. За что? я не знаю... Говорятъ, намекаютъ, что онъ—человѣкъ стяжательный, корыстный, вовлекалъ въ невыгодныя сдѣлки... Но мало ли такихъ людей? Кто въ наше время можетъ похвастаться нелюбостяжаніемъ? Долженъ ли я „обѣлять“ въ этомъ отношеніи Августовскаго? Я полагаю, что нѣтъ, потому что я сталъ бы въ прямое противорѣчіе съ вашимъ судомъ: вы никогда не обвиняете тѣхъ, чья вина не доказана. Но каковы же должны быть улики противъ Августовскаго, если его, при всемъ нерасположеніи къ нему властей, даже ни разу не предали суду. Произнося свою рѣчь передъ судьями, я могъ бы закрыть прошедшее Августовскаго отъ любопытныхъ взоровъ двумя словами: „онъ не судился, онъ не преступникъ“. Но если бы я и пожелалъ быть откровеннымъ, безпощаднымъ къ подсудимому, то я все-таки не могъ бы васъ удовлетворить, потому что я самъ ничего не знаю, не знаю, съ чѣмъ бороться, что опровергать... Я искренно сожалѣю, что нахожусь въ такомъ положеніи. Я могу только замѣтить, что высшіе представители администраціи, утверждая докладъ о дѣйствіяхъ Августовскаго, вызывающихъ необходимость ссылки, могли поступать съ полною увѣрен-

ностью, что они ограждаютъ общество отъ вреднаго члена, и въ то же время гдѣ нибудь, въ подонкахъ министерства, могла гнѣздиться невѣдомая для нихъ клевета, мелкая месть чиновника, изъ которой незамѣтно могъ вырости весь докладъ.

Лишенный права и возможности обсуждать, за что былъ сосланъ Августтвскій, я, однако, обязанъ разсмотрѣть, какъ эта ссылка должна была отразиться на Августовскомъ, подѣйствовать на него. Въ нашей жизни, гг. присяжные засѣдатели, мы встрѣчаемъ надъ собою только двѣ власти: власть закона и власть судьбы. Законъ выражаетъ общую волю, онъ дѣйствуетъ открыто—мы его уважаемъ. Всякій знаетъ, какъ онъ долженъ поступать, какъ сообразовать свою дѣятельность, чтобъ, пользуясь благами закона, не оскорблять его и не подвергаться его ударамъ. Подобно тому, какъ есть дѣти, которыя, безъ всякихъ строгостей вырастаютъ въ хорошихъ людей, есть и взрослые, для которыхъ карательные законы совершенно излишни: никогда не читая ихъ, они законовъ не нарушаютъ. Но есть натуры, буйныя, шаткія въ нравственныхъ началахъ, натуры по выраженію одного оратора, „ястребиныя“, которыя требуютъ, чтобъ угрозы закона были откровенны и очевидны, какъ маяки, какъ столбы и заборы, чтобъ ихъ можно было обходить, не спотыкаясь, чтобъ можно было миновать подводные камни. И вотъ, для такихъ то натуръ законъ, при малѣйшей неопредѣленности, превращается въ судьбу. Извѣстно, какъ мы всѣ относимся къ судьбѣ. Чѣмъ заслужить ея милость и гнѣвъ—неизвѣстно. Отчего я родился бѣднымъ, а другой богатымъ? Отчего сгорѣлъ мой домъ, а не домъ сосѣда? За что у меня отнято послѣднее, а тому, кто имѣетъ, дается все больше и больше?.. На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ. Напряженіе мыслей, догадки ни къ чему не ведутъ. Человѣкъ въ своемъ суевѣріи изобрѣтаетъ иногда примѣты, чтобъ угадывать приближеніе судьбы: онъ радуется хорошимъ и огорчается дурными... Онъ всегда живетъ въ тягостномъ невѣдѣніи. Августовскій—человѣкъ суевѣрный, пылкій, склонный преувеличивать всякое горе и ослѣпляться насчетъ своихъ достоинствъ. Августовскій долженъ былъ

встрѣтить полицейскаго на Петергофскомъ вокзалѣ, какъ посланника роковой случайности. И съ тѣхъ поръ—мы это достаточно знаемъ, чтобъ это признать—для него начались дѣйствительно невыносимые годы. Онъ постоянно задается вопросами: „что онъ сдѣлалъ?“, и передъ нимъ нѣтъ приговора, который бы разрѣшалъ его недоумѣніе. Фантазія Августовскаго—эта опасная прислужница, этотъ лучшій адвокатъ его въ собственныхъ глазахъ—фантазія его разыгрывается все болѣе и болѣе въ томъ направленіи, что онъ—невинный страдалецъ, мученикъ по ошибкѣ и клеветѣ. Его бумаги и жалобы, какъ мольбы къ судьбѣ, не получаютъ разрѣшенія. Его переселяютъ изъ города въ городъ, не допуская, однако, на родину, куда онъ просился. Онъ дѣлалъ попытки бѣжать—его ловили. Наконецъ, въ отвѣтъ на его послѣднее, самое настойчиво прошеніе, приказано было перевести его въ самый отдаленный край. Онъ былъ ошеломленъ. Какъ сонный въ кошмарѣ дѣлаетъ отчаянное усиліе, чтобъ возвратить себѣ дыханіе и способность движенія, такъ Августовскій на рискъ, отлучившись на минуту отъ полицейскихъ, спрятался въ бочкѣ. Вы слышали, какъ онъ жилъ потомъ въ чуланѣ, въ сундукѣ, какой тяжкій путь сдѣлалъ онъ пѣшкомъ, въ ненастное осеннее время, пробираясь къ Петербургу. Захвативъ съ собою повѣстку о своемъ задержаніи, Августовскій, по обыкновенію, для памяти или въ видѣ облегченія, въ эти трудныя минуты испещряетъ повѣстку монологами и восклицаніями негодованія. Въ этихъ наброскахъ есть одна характерная фраза: „Я рѣшилъ, что я могу, что я въ правѣ сдѣлать преступленіе“. Дѣйствительно, съ его точки зрѣнія, это было понятно: сдѣлать какое нибудь преступленіе—лишь бы всему этому положить конецъ, лишь бы не даромъ страдать. Однако, и это испытаніе миновало: онъ прокрался до Петербурга и укрылся въ семьѣ, въ надеждѣ бѣжать за границу.

Мы, наконецъ, подошли къ главному вопросу въ дѣлѣ—къ факту преступленія. Я не раскаяваюсь въ обширности моего вступленія, потому что судьи всегда должны подходить къ преступленію, по возможности, проникшись прошлымъ подсудимаго и его обстановкою. Вы знаете, что слу-

чилось съ Августовскимъ. Его прослѣдили, узнали о его прибытіи въ Петербургъ отъ дворника, и въ его квартиру внезапно вошло цѣлое войско полицейскихъ и дворниковъ. Я не стану описывать этой сцены: она, вѣроятно, надолго запечатлѣлась въ вашей памяти. Когда я читалъ объ арестѣ Августовскаго въ обвинительномъ актѣ, мнѣ на время показалось, что описаніе этого событія принадлежитъ перу защитника. Авторъ, поневолѣ, незамѣтно для себя, отмѣчалъ все трогательное. Не безъ иронін обвинитель поставилъ въ кавычки выраженіе околоточнаго Кулпковскаго, что онъ услыхалъ въ шкафу „человѣческій шорохъ". Въ самомъ дѣлѣ, что за волшебная тонкость слуха—различать человѣка по шороху!.. Не безъ состраданія къ подсудимому отмѣчено въ обвинительномъ актѣ и то обстоятельство, какъ старшая дочь Августовскаго погрозила пальчикомъ осталь. нымъ дѣтямъ, когда они чуть не выболтали полицейскимъ что папа дома. Что дѣлать? Я совершенно понимаю въ моемъ почтенномъ противникѣ эти чисто человѣческія чувства.

Когда обо всемъ этомъ читаешь, кажется, будто, самому пишущему хочется, чтобъ обыскъ обошелся безъ несчастья, чтобъ отца не взяли изъ семьи... Но изъ всѣхъ подробностей задержанія Августовскаго, не знаю почему, на меня сильнѣе всего дѣйствуетъ та минута, когда подошли къ шкафу и начали его шатать изъ стороны въ сторону. Въ этомъ шкафу, гг. присяжные засѣдатели, былъ человѣкъ. у этого человѣка билось сердце!... Чѣмъ должно было закипать это сердце? Оно закипало болью, униженіемъ и яростью. Августовскій долженъ былъ чувствовать себя мышью, которую загнали подъ мебель и которую придавятъ метлою, какъ только она покажется на глаза... Онъ долженъ былъ спрашивать себя: „какой же, вѣроятно, я преступникъ, если за мною такая погоня!.." Добавьте къ тому, что онъ самымъ искреннимъ образомъ считалъ себя невиновнымъ. Но вотъ шкафъ отклонился, свѣтъ ударилъ и показалъ его полицейскимъ въ одной короткой ночной рубахѣ... Онъ вышелъ. Прислушивайтесь же къ тому, что у него въ душѣ, вообразите себя на мѣстѣ Августовскаго, на мѣстѣ этого подсудимаго, который въ 10, въ 50 разъ чувствительнѣе каж-

даго изъ насъ, у котораго и въ спокойномъ состояніи всегда существуетъ извѣстная нестройность впечатлѣній, всегда въ головѣ есть маленькій хаосъ. Какой же долженъ былъ быть этотъ хаосъ въ такія минуты! Какая рѣшимость могла бросить зерно и зрѣть въ этомъ потерянномъ? Составленъ былъ протоколъ о задержаніи Августовскаго. Вопросъ о чтеніи протокола былъ выигранъ нами на судебномъ слѣдствіи. Оказывается, что его едва ли читали подсудимому. Но допустимъ, что читали. Въ этомъ протоколѣ, между прочимъ, говорится, будто передъ арестомъ высланная отъ Августовскаго кухарка передала пришедшимъ его угрозы. Эти слова выражаютъ передачу порученія Августовскаго, но не доносъ. Мнѣ кажется, и въ ушахъ Августовскаго указанное мѣсто протокола не могло прозвучать иначе. Онъ могъ счесть, что кухарка отвѣтила неосторожно на допытываніе пришедшихъ, но изъ этого же протокола было ясно, что кухарка пугала полицію, что не она направила полицію на его квартиру, что она отвѣчала тѣмъ, которые уже пришли, но кто ихъ прислалъ — этотъ главный вопросъ оставался для Августовскаго тайною. Но обвинитель полагаетъ, что съ минуты прочтенія протокола весь гнѣвъ Августовскаго обрушился на кухарку, и онъ нашелъ единственное преступное облегченіе въ мысли, что онъ ее погубитъ. Говорятъ, въ теченіе трехъ часовъ зрѣла эта мысль; у подсудимаго было время одуматься. Да еслибъ мнѣ внезано объявили, что меня усылаютъ въ Колу, и я долженъ разстаться съ семьей, я бы въ теченіе цѣлаго дня не успокоился! Быть можетъ, приходили бы и уходили знакомые, говорили бы со мною, но, быть можетъ, что я въ послѣдствіи ничего бы этого не припомнилъ забылъ и то, о чемъ я говорилъ, и все, что я дѣлалъ. Вѣренъ ли такой взглядъ обвинителя? Походитъ ли онъ на правду? О чемъ именно — о томъ ли могъ думать Августовскій? Онъ вышелъ, онъ былъ пойманъ. Послѣ ряда долгихъ неудачъ и гоненій, тайный, робкій, мучительный, осторожный двухмѣсячный трудъ Августовскаго — этотъ трудъ самоосвобожденія погибъ. Онъ опять передъ этими представителями судьбы, гнѣва которыхъ онъ не понимаетъ, и притомъ въ положеніи неизмѣримо худ-

шемъ, чѣмъ когда нибудь прежде. Онъ бѣгаетъ изъ угла въ уголъ съ налитыми кровью глазами... Архангельская губернія! Опять разлука съ семьей... На этотъ разъ не выберешься... Неужели?.. За что же, за что?... Когда онъ добьется правосудія?.. Нѣтъ все это сонъ! Такихъ несправедливостей не бываетъ!... И потомъ у него хватитъ энергіи бѣжать и оттуда, а можетъ быть и съ ближайшаго пункта... Да, все это пустяки... Надо продолжать укладываться... И онъ увязываетъ сундуки. Минутная самоувѣренность заставляетъ его насвистывать пѣсни. Онъ ободряетъ себя, пьетъ вино, даетъ его дѣтямъ. Онъ выпросилъ не брать его до пріѣзда жены. Быть можетъ, за этотъ промежутокъ времени онъ еще импровизируетъ побѣгъ... Нѣтъ, ихъ слишкомъ много: уйти некуда. И вотъ возвращается встревоженная, испуганная жена. Опять допустимъ, что жена имѣла съ Августовскимъ тотъ разговоръ у окна, на который ссылается обвинитель. Съ чисто женскимъ любопытствомъ жена напоминаетъ Августввскому вопросъ: „Кто же могъ донести? выдать?“ Самолюбивый, недопускающій, чтобъ его могли обойти, признающій себя тоньше всѣхъ, Августовскій не желалъ уронить себя. Онъ отвѣчаетъ на-обумъ: „я знаю, мнѣ сказали“. Онъ хвастался; въ то время онъ ровно ничего не зналъ. Лишь въ послѣдствіи онъ писалъ къ женѣ: „а вѣдь потомъ *оказалось*, что это она, кухарка ..“ Въ данное же время это была туманная минутная мысль. Голова была тяжела и пуста, отъ біенія сердца темнѣло въ глазахъ. Августовскій продолжаетъ бравировать присутствующихъ: онъ умывается, какъ будто сегодня ничѣмъ не отличается отъ вчера, какъ будто жизнь идетъ своимъ чередомъ, онъ дѣлаетъ физическія отправленія, не стѣсняясь посторонними, будто онъ одинъ и никого не видитъ... Но время идетъ, предлога медлить нѣтъ, наступаютъ рѣшительныя минуты, когда нужно подчиниться и пойти за ними... Въ эти минуты всѣ затихли на мѣстахъ, никто не поднимался первый, всѣ должны были чего-то ждать. Воздухъ въ этихъ комнатахъ былъ напоенъ электричествомъ. Всякій, рѣшительно всякій, долженъ былъ сознавать, что этотъ человѣкъ просто, спокойно не пойдетъ, не можетъ пойти; что онъ еще

не все сдѣлалъ, не сдѣлалъ чего-то главнаго, безъ чего онъ не уйдетъ. Здѣсь дѣйствовалъ непостижимый законъ роковыхъ сплетеній судьбы. Никто не заикнулся поторопить Августовскаго, смутно сознавая его странное право на что-то невѣроятное. Августовскій читалъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ молчаливыхъ взорахъ этотъ заразительный токъ общихъ неопредѣленныхъ ожиданій обѣщанной и неминуемой грозы. И болѣе всѣхъ другихъ сознавалъ онъ, что въ немъ поднялась страшная сила, не растративъ которую, онъ не можетъ, съ покорностью агнца, переступить порога своего жилища. Но что же сдѣлать съ кинжаломъ въ карманѣ? Онъ мѣряетъ огненнымъ взоромъ одного полицейскаго... Не его ли хватить? Но чѣмъ же онъ хуже другихъ, а вѣдь всѣхъ не накажешь! Уничтожить жену, чтобъ съ ней болѣе не разставаться?.. Кухарка!,. она менѣе всѣхъ виновата. Но тѣмъ страшнѣе будетъ для присутствующихъ, тѣмъ гаже я буду въ своихъ собственныхъ глазахъ... И вотъ — прыжокъ съ кинжаломъ въ рукахъ, ударъ попалъ въ сердце — Авдотья Ѳедорова тихо вздохнула и умерла на мѣстѣ... Если бы эта мысль объ убійствѣ не пришла Августовскому мгновенно, какъ безумный соблазнъ, еслибъ она мутила и приковывала его къ себѣ отъ чтенія протокола до послѣдней минуты, то она сдѣлала бы въ душѣ Августовскаго такой подъемъ злобы, который бы миновалъ не скоро. И, однако, подсудимый немедленно послѣ преступленія изнемогаетъ. Его крики: „я убійца! Зовите прокурора! Вяжите меня!“ развѣ не выражаютъ его собственнаго изумленія по поводу результатовъ его поступка? Не слышится ли въ этихъ крикахъ жалобы на неожиданное несчастіе? Августовскій бросаетъ кинжалъ въ сторону и говоритъ: „Теперь я больше никого не трону“. Не ясно ли изъ этихъ словъ, что всѣмъ присутствующимъ угрожала равная опасность, и что ударъ упалъ на кухарку случайно?

Объяснивъ событіе преступленія по-своему, какъ я его понимаю, я думаю, что мнѣ не предстоитъ никакого труда согласовать мое мнѣніе съ экспертизою. Если вы вдумаетесь въ заключеніе экспертовъ, то увидите, что мы

почти не расходимся. Прежде всего, эксперты нашли данныя дѣла неполными для постановки точнаго мнѣнія. Потомъ, всѣ они признали въ Августовскомъ сильнѣйшую степень душевнаго волненія, при которомъ чувство въ такой степени преобладало надъ волею, что послѣдней бороться съ первымъ было чрезвычайно трудно, потому что и сознаніе въ подобныя минуты, обыкновенно, представляется „затемненнымъ“. Если это научное мнѣніе перевести на языкъ жизни, то выйдетъ, что воля оставалась въ такой ничтожной дозѣ, что мы вправѣ назвать ее кабинетною фикціей и сказать, что въ дѣйствительности ея не было. Припомните самое авторитетное слово экспертизы — мнѣніе профессора Балинскаго: онъ сказалъ, что мотивъ мести въ настоящемъ случаѣ вовсе не необходимъ для объясненія событія, и что Августовскій въ своемъ раздраженіи могъ также легко броситься на кого нибудь другого изъ присутствующихъ, помимо кухарки. Но что же это значитъ? Человѣкъ стоитъ передъ множествомъ людей, изъ которыхъ онъ готовъ поразить каждаго, не давая себѣ отчета, за что именно! Наконецъ, экспертъ Дюковъ заявилъ намъ, что Августовскій дѣйствовалъ въ такой обстановкѣ, при такомъ сплетеніи обстоятельствъ, что, будь самъ экспертъ на его мѣстѣ, онъ, быть можетъ, или отравился бы или же вышелъ изъ этого невыносимаго положенія посредствомъ того отчаяннаго поступка, на который рѣшился подсудимый. Такимъ образомъ, ученый, не находя никакихъ потологическихъ явленій, съ точки зрѣнія науки, въ тоже время, какъ человѣкъ и гражданинъ, заявляетъ вамъ, что въ данномъ положеніи вещей, подсудимаго должна оправдывать не болѣзнь, а бытовая сторона дѣла. И вотъ, мнѣ представляется, что мысленно всѣ мы окружаемъ трупъ молодой и невинной Авдотьи Ѳедоровой, и вы, судьи, спрашиваете у меня, защитника: неужели оставить это преступленіе безнаказаннымъ? На это я вамъ отвѣчу самымъ вѣрнымъ и точнымъ сравненіемъ, какое приходитъ мнѣ въ голову. Не все ли равно, господа, еслибъ эту дѣвушку убила молнія? Совершенно столько же самообладанія было въ той силѣ, которая ее поразила, и, по счастью, такъ же легка

была минутная кончина. Такое невольное несчастіе народъ и религія называютъ грѣхомъ, и, Богъ вѣсть, на душѣ ли Августовкаго *лежитъ этотъ* грѣхъ..,

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по поводу притворнаго сумашествія. Этотъ эпизодъ дѣла, мнѣ кажется, получилъ невѣрное освѣщеніе вслѣдствіе недостаточно глубокаго взгляда на положеніе подсудимаго передъ судомъ. Всякій преступникъ, а убійца особенно, чувствуетъ себя отчужденнымъ отъ общества. Идя на судъ, онъ не вѣритъ, чтобъ его могли вполнѣ понять: отсюда невольная боязнь, легко опровержимая ложь — эти жалкія средства падшихъ и пойманныхъ передъ судомъ довольныхъ и свободныхъ. Отсюда, быть можетъ, проистекаютъ и тѣ пріемы борьбы съ правосудіемъ, къ которымъ прибѣгъ Августовскій, и вы согласитесь, что для него, послѣ всѣхъ неудачъ его жизни было извинительнѣе, чѣмъ для всякаго другого, опасаться чрезмѣрной строгости суда. Никто при этомъ, однако, не подумалъ о томъ, къ какому тяжкому и мучительному средству прибѣгъ этотъ человѣкъ — для чего же? Для того, чтобъ оправдать свой невольный поступокъ, въ которомъ онъ, по своему убѣжденію, не сознавалъ, не чувствовалъ себя виновнымъ. Онъ даже не просилъ оправданія, онъ готовилъ себѣ больницу умалишенныхъ! Невольно изумляешься, до какой степени онъ свыкся съ неприглядною обстановкою, которую посылаетъ ему судьба! Вспомните, какъ онъ провелъ послѣдніе 6 лѣтъ: ссылка, тюрьма, домъ умалишенныхъ—это ужасно! Жизнь все время везетъ его подъ темнымъ тунелемъ и никакъ не вывезетъ на свѣтъ. Не искупилъ ли онъ заранѣе этими испытаніями ту минутную вспышку, за которую мы его судимъ? Не безъ робости упоминаю объ этомъ, потому что Августовскій имѣетъ несчастіе не вызывать сочувствія даже къ своимъ дѣйствительнымъ страданіямъ. Въ обвинительномъ актѣ, съ оттѣнкомъ глумленія приводится то письмо Августовскаго къ женѣ, гдѣ онъ проситъ ее сказать адвокату, „что выстрадалъ! что выстрадалъ!“ Между тѣмъ, я могу смѣло и съ убѣжденіемъ повторить передъ вами тѣ же слова: да, дѣйствительно, что выстрадалъ, что выстрадалъ Августовскій! Или, помните вы, какъ вчера, когда читалось письмо, гдѣ

подсудимый вычисляетъ грозящія ему каторжныя работы— публика смѣялась...А подумайте, къ чему этотъ человѣкъ готовился, когда писалъ это письмо!

Гг. присяжные засѣдатели! Когда-то, къ соблазну цѣлаго языческаго міра, Спаситель отпустилъ блудницу, сказавъ ей: иди и больше не грѣши. Этотъ божественный приговоръ исправилъ цѣлую жизнь. Это простое средство—пощадить, дать вольно подышать—ни разу не было еще испробовано относительно Августовскаго. Быть можетъ, въ этомъ таится секретъ его исправленія... По крайней мѣрѣ, прежняя система заставляла его только ожесточаться и падать все глубже. Быть можетъ, вы рискнете испытать это новое средство... Но если ваши взгляды разойдутся съ моими, у васъ есть возможность облегчить участь подсудимаго, признавъ, что онъ нанесъ смертельную рану, не разсчитывая непремѣнно на убійство. На это есть нѣкоторыя данныя. Подсудимый могъ задаться странною мыслью совершить какое бы ни было преступленіе; убійство не было для него необходимо. Притомъ, экспертъ Дюковъ заявилъ вамъ, что мышечная сила подсудимаго необыкновенно велика, и что его рука, въ минуту запальчивости, невольно можетъ увлечь его дальше, чѣмъ онъ желаетъ. Такое рѣшеніе согласовалось бы съ тою системою, которой всегда держались ваши предшественники. Они всегда старались вычесть подсудимому изъ грозящаго ему за преступленіе наказаніе все то, что перенесено имъ въ видѣ непосильныхъ горестей раньше суда.

Присяжные засѣдатели признали Августовскаго виновнымъ въ самовольной отлучкѣ изъ мѣста ссылки и въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, но дали ему снисхожденіе. Судъ приговорилъ обвиненнаго къ ссылкѣ на поселеніе въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя.

Дѣло Евдокіи Вольфрамъ.

Дѣло Евдокіи Вольфрамъ

Покушеніе на отравленіе мужа.

По обвинительному акту обвинялись дворянинъ Валеріанъ Игнатьевъ Козловскій. 18 лѣтъ, жена бывша го студента Института Путей Сообщенія Евдокія Васильева Вольфрамъ, 22 лѣтъ, и сынъ унтеръ-офицера Иванъ Фадѣевъ Масловскій, 17 лѣтъ.

Козловскій въ томъ, что, задумавъ лишить жизни бывшаго студента Института Путей Сообщенія Федора Вольфрама, пригласилъ съ этой цѣлью, 4 марта 1883 года, Вольфрама въ трактиръ, а оттуда въ питейный домъ и, напоивъ его до пьяна, подъ предлогомъ свести его къ женѣ, завелъ его на лѣстницу дома №39—1, по Забалканскому проспекту, и тамъ, упавшему отъ опьяненія Вольфраму, влилъ въ ротъ азотной кислоты изъ находившейся при немъ, Козловскомъ, склянки съ названною жидкостью, причемъ, однако, вышеупомянутое намѣреніе его не было приведено въ исполненіе по независящимъ отъ Козловскаго причинамъ и лишь велѣдствіе незначительнаго количества кислоты, проникшей въ пищепроводъ ужэ въ разбавленномъ слюною видѣ;

Вольфрамъ — въ томъ, что, не участвуя въ совершеніи Козловскимъ вышеописаннаго дѣянія его, — угрозами лишить себя жизни или покуситься на жизнь мужа своего Федора Вольфрама, склонила Валеріана Козловскаго на убійство мужа ея, Федора Вольфрама, причемъ указала ему на кислоту, какъ на средство для выполненія этого замысла, и разъяснила ему способъ, коимъ предстояло привести въ исполненіе внушенное ему ею, Евкодіею Вольфрамъ, намѣреніе;

Масловскій — въ томъ, что, не принимая личнаго и непосредственнаго участія въ содѣянномъ Козловскимъ покушеніи на жизнь Федора Вольфрама, — зналъ о намѣреніи Козловскаго лишить Вольфрама жизни посредствомъ отравленія его бывшей при Козловскомъ кислотой, находился 4 марта въ подъѣздѣ дома № 39—1, по Забалканскому проспекту, и, имѣя возможность воспрепятствовать Козловскому въ совершеніи его злодѣянія, намѣренно допустилъ оному совершиться.

Означенныя преступленія предусмотрѣны — для Козловскаго 9 и 1453 ст. улож. о наказ., для Вольфрамъ 9, 13 и 1451 ст. и для Масловскаго 9, 14 и 1453 ст. того же уложенія.

Гг. присяжные засѣдатели! Когда мнѣ вспоминается, что я долженъ защищать передъ вами Евдокію Вольфрамъ, сознавшуюся въ покушеніи на отравленіе своего мужа, то, рядомъ съ этимъ, мнѣ вспоминаются и мнѣнія, что подобныя доказанныя преступленія слѣдовало бы судить покороче и примѣнять дѣйствующій законъ. Говорятъ: къ чему эти продолжительные допросы, чтеніе документовъ, экспертиза и, въ особенности, эти разглагольствованія сторонъ, когда фактъ на лицо? Прокуроръ обыкновенно говоритъ: это—черное, защитникъ доказываетъ: это—бѣлое; передъ присяжными остается нѣчто сѣрое, и они часто въ туманѣ выносятъ оправданіе. Мало того: нерѣдко на судѣ происходитъ соблазнительное увѣнчаніе порока, и негодяи попадаютъ въ герои. Нѣтъ! ужъ лучше, при сознаніи, отпускать присяжныхъ прямо въ совѣщательную комнату.—Но, гг. присяжные засѣдатели, кто разсуждаетъ такимъ образомъ, думая охранять законъ, тотъ подкапывается подъ нашъ самый лучшій, самый дорогой законъ — подъ уставы 20 ноября. Они, эти уставы, создали обязательное, въ извѣстныхъ случаяхъ, подробное изслѣдованіе преступленія, несмотря, на сознаніе подсудимаго, и это необходимо, потому что судъ присяжныхъ есть судъ общественный, у дверей котораго толкутся живыя нужды и недуги времени. Голосъ ихъ долженъ быть выслушанъ... Если-бы судъ былъ замкнутъ отъ наружнаго свѣта и жизни, какъ замкнутъ почтовый ящикъ, еслибы ему было также безразлично содержаніе вступающихъ въ него дѣлъ, какъ этому ящику безразлично содержаніе бросаемыхъ въ него писемъ, тогда можно было бы отправлять правосудіе механически, только прикладывая къ дѣламъ штемпель закона. Но вы, совершенно незнакомые съ юриспруденціей и доступные только живому голосу правды—вы такъ судить не можете. Вы видите, что передъ вами постановили незнакомаго вамъ ранѣе человѣка, и вы знаете, что вы въ правѣ распорядиться остаткомъ его жизни. Понятно, что и этотъ человѣкъ имѣетъ несомнѣнное право ознакомить васъ съ первою половиною своей жизни прежде, чѣмъ вручить вамъ остальную. И какъ

важно это знакомство съ личностью судимаго человѣка! Какъ важно прослѣдить тѣ наболѣвшія неустройства въ обществѣ, въ водоворотѣ которыхъ человѣкъ закружился... Настоящій процессъ особенно поучителенъ: въ немъ характерно даже то время, въ которое ему суждено слушаться. Не далѣе, какъ въ трехъ послѣднихъ засѣданіяхъ своихъ петербургское юридическое общество обсуждало проекты двухъ законодательныхъ реформъ: объ устройствѣ участи незаконнорожденныхъ дѣтей и о разлученіи супруговъ. И вотъ вамъ приходится сегодня судить незаконнорожденную Евдокію Вольфрамъ, которая, вслѣдствіе неразлучимости съ мужемъ своимъ, при невыносимой совмѣстной жизни, сдѣлалась преступницей. Какъ санитары принимаютъ предварительно мѣры оздоровленія противъ грозящихъ смертныхъ случаевъ, такъ и наши юристы указываютъ на больныя мѣста нашего общественнаго устройства, грозящія ежедневными бѣдами. Дайте лучшее устройство—и бѣдъ не случится. И, конечно, для устраненія въ будущемъ горестныхъ случаевъ, подобныхъ дѣлу Вольфрамъ, работа въ этомъ направленіи гораздо разумнѣе и плодотворѣе, нежели примѣненіе карающей власти суда. Дайте незаконнымъ дѣтямъ семью, облегчите при тяжкомъ разладѣ разлученіе супруговъ—вотъ чему, прежде всего, научаетъ насъ сегодняшнее дѣло. Но, пожелавъ нашимъ юристамъ успѣха въ законодательныхъ реформахъ, обратимся теперь къ нашей непосредственной задачѣ. Мы имѣемъ дѣло не съ предварительными мѣрами, а съ фактомъ, уже совершившимся, т. е., вѣрнѣе, не съ оконченнымъ фактомъ, а съ покушеніемъ, но, во всякомъ случаѣ, съ уголовнымъ дѣломъ, требующимъ рѣшенія судей.

Рѣдкое дѣло ближе затрагиваетъ вопросы морали: оно почти непосредственно соприкасается съ нѣсколькими заповѣдями. Понятно, что при такомъ обвиненіи нравственный портретъ подсудимой имѣетъ почти рѣшающее значеніе. Еслибы держаться обвинительной рѣчи, то Вольфрамъ представилась бы такою: это—злая, ехидная и своевольная женщина; она, прежде всего, похотлива до забвенія всякихъ человѣческихъ чувствъ; когда ей нуженъ любовникъ, она

ни во что не ставитъ семью: пускай мужъ вздыхаетъ по ней и нѣжно любитъ ее—его горе и его чувство для нея ничтожны, если она испытываетъ потребность связи съ другимъ; да и этотъ другой для нея только — игрушка; она противъ воли впутаетъ его въ свои сѣти, толкнетъ его на злодѣяніе, сама спрятавшись въ тѣни, а потомъ, въ случаѣ опасности, отвернется и отъ него. Это—чума, отравляющая все, къ чему она прикасается. Избавьте насъ отъ этой женщины безъ вѣры и закона—и пусть на ея примѣрѣ, на той участи, къ которой вы ее приговорите, упрочится, въ назиданіе для другихъ, брачный союзъ: этотъ приговоръ оздоровитъ наши семейные нравы, онъ дастъ намъ возможность, принеся въ жертву одинъ уродливый типъ, спасти и предостеречь тѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя, быть можетъ, уже стоятъ на дорогѣ къ такому же глубокому паденію...

Оно, конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, пріятно и полезно поймать образцоваго, типичнаго злодѣя и, въ назиданіе прочимъ, подвергнуть его вивисекціи на судѣ. Но невозможно одно: невозможно карать плоды фантазіи, когда живые образцы громко протестуютъ противъ своего сходства съ вымышленнымъ портретомъ.

Я долженъ сдѣлать два общихъ замѣчанія. Не судите Вольфрамъ по ея внѣшности и манерамъ. У нея есть рисовка, въ ея словахъ можно встрѣтить множество ребяческихъ противорѣчій, которыя вовсе не заслуживаютъ серьезныхъ сопоставленій, сдѣланныхъ прокуроромъ. У нея живо работаетъ фантазія, чувства очень подвижны, она легко переходитъ отъ плача къ смѣху. Вы наблюдали у нея и тотъ, и другой. И однако-же: развѣ обильныя слезы ея были притворны? Развѣ смѣхъ ея можетъ насъ заставить забыть все то, чего она натерпѣлась въ жизни?.. Другое замѣчаніе. Отреченіе потерпѣвшаго мужа отъ показаній мы нисколько не принимаемъ за великодушіе. Онъ предпочелъ молчать — говорятъ: какой порядочный человѣкъ! Но еще вопросъ: почему онъ выбралъ молчаніе? Казалось бы, еслибы онъ хотѣлъ быть великодушнымъ—ему бы слѣдовало говорить, выразить это великодушіе въ добромъ словѣ. Не потому ли онъ молчитъ, что самъ боится обли-

ченій, что онъ совѣстится своего присутствія въ этомъ дѣлѣ? Недаромъ онъ въ прошлое засѣданіе не явился, а для того, чтобы добыть его на этотъ разъ, прокурорскій надзоръ чуть не устроилъ за нимъ наблюденіе, разыскивая его по ночлежнымъ пріютамъ. И такъ, одно молчаніе не даетъ права дѣлать выводы, а если уже ихъ дѣлать, то скорѣе — въ неблагопріятномъ смыслѣ для потерпѣвшаго. А теперь, чтобы ознакомиться съ Евдокіей Вольфрамъ, обратимся къ ея біографіи.

Что бы тамъ ни говорили, біографія эта начинается трогательно. Какъ пишется въ сказкахъ о несчастныхъ дѣтяхъ, подсудимая не знала ни отца, ни матери. Неизвѣстно, отъ кого происшедшая, по всей вѣроятности—плодъ связи помѣщика съ „крестьянской дѣвицей“, она помнитъ себя трехъ лѣтъ отъ роду, помѣщенную уже въ начальное патріотическое училище, куда ее отдала графиня Шереметева. 11-ти лѣтъ ее перевели въ ремесленное училище, которое должно было приготовить изъ нея рукодѣльницу — швею или портниху, дѣвушку, живущую своимъ трудомъ— по классу, близкую къ прислугѣ. Отсюда, послѣ 14-ти лѣтняго пребыванія въ этихъ двухъ школахъ, закрытыхъ, какъ монастырь, она была выпущена на улицы Петербурга—„на волю“, полною госпожею этой воли. „Ни своего угла, ни одного друга въ мірѣ!“, восклицаетъ Вольфрамъ въ написанной ею исповѣди.

И вотъ, если вы хотите имѣть случай наблюдать въ самой благопріятной обстановкѣ, въ самомъ чистомъ видѣ, природные наклонности, душевныя потребности Вольфрамъ, то приглядитесь, прежде всего, къ этой минутѣ въ ея жизни, когда безъ семьи, безъ надзора и совѣта, она осталась одинокая, въ столицѣ, передъ цѣлою свѣтью всякихъ дорогъ. Прослѣдите, куда она пойдетъ? Что выберетъ? Еслибы мы, не зная того, что случилось впослѣдствіи, взялись ей предсказывать, то, конечно, всего менѣе могли бы предсказать ей законный бракъ. Она не имѣла поводовъ дорожить своею дѣвственностью. У нея не было родителей, которыхъ бы могла огорчить ея неосторожность. Еслибы Вольфрамъ была воплощенная похоть (какъ старались дока-

зать здѣсь), она бы вошла, какъ очередная, въ ходячую галерею женщинъ Невскаго проспекта, для которыхъ существуетъ только трактиръ, чужая постель и анатомическая лабораторія. Она туда не пошла. Еслибы затѣмъ у Вольфрамъ была развита практическая жилка, она бы смекнула, что слѣдуетъ подорожить собою, кокетливо убрать себя на сбереженные рубли и затѣмъ продать себя не за дешевую цѣну, попасть въ сожительницы, прижить ребенка и, въ случаѣ размолвки, обезпечить себѣ ренту процессомъ въ судѣ. Она и такъ не поступила. Она инстинктивно искала того, что у нея отняло общество: семьи. Да, представьте, эта разрушительница семейныхъ принциповъ, по странному противорѣчію, начала съ того, что искала именно семьи! Незаконнорожденная, она нашла и семью незаконную. Она пошла съ довѣріемъ на ночлегъ къ первому встрѣчному студенту, который въ одну безпріютную ночь заговорилъ съ нею на улицѣ, какъ она думала, съ человѣческимъ, безкорыстнымъ участіемъ. Ей шелъ только 17-й годъ: она была — дитя, покинувшее, нѣсколько мѣсяцъ тому назадъ, закрытыя стѣны школы. И съ первой ночи она осталась вѣрна этому первому встрѣчному цѣлыхъ пять лѣтъ! И если мы вспомнимъ извѣстные уже намъ факты этой совмѣстной жизни, то надо изумляться не тому, что къ концу 5-го года вѣрность Вольфрамъ поколебалась, а тому, что преданность ея была такъ упорна. Это упорство преданности возможно было только въ женщинѣ, которая дорожила всякимъ подобіемъ семьи. Когда студентъ Вольфрамъ предложилъ ей безмездно, на правахъ человѣческихъ, свой уголъ, она ошалѣла отъ радости. Ничего подобнаго она прежде не знала. Начальница школы, хотя и любила ее, но имѣла къ ней отношенія официальныя, которыя оборвались внѣшнимъ образомъ; господа, портниха, у которыхъ она успѣла поработать, имѣли къ ней отношенія только платныя: за трудъ. И вдругъ ей говорятъ: эта комната — твоя, наша; живи въ ней, какъ дома; помогай, работай, но это въ твоей волѣ; заболѣешь, устанешь — тебя не прогонятъ, ты здѣсь любима... Впервые на нее пахнуло тѣмъ, что каждый изъ насъ имѣлъ въ домѣ родителей, что имѣлъ

каждый сирота въ родственной семьѣ, заступившей ему родную; Вольфрамъ отдалась своему будущему мужу безъ всякой физической любви. Приходится приводить нѣсколько щекотливыя доказательства, но вы ихъ поймете. Вы знаете, что Вольфрамъ обвѣнчалась, только два года спустя. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ вѣнца она выкинула семимѣсячнаго мертваго ребенка и уже затѣмъ беременѣла постоянно. Основываясь на этой рѣзкой чертѣ, раздѣляющей до-брачное сожительство съ послѣ-брачнымъ, вы можете повѣрить интимному заявленію, переданному мнѣ подсудимою, что признаки женской зрѣлости появились у нея только въ день вѣнца; а, слѣдовательно, вы убѣдитесь и въ томъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, предшествующихъ браку, Вольфрамъ приносила себя въ жертву любовнику, оставаясь къ нему физически равнодушной. Но она видѣла въ любовникѣ товарища, своего человѣка, импровизированнаго родственника и рѣшилась закрѣпить связь. Правда, блаженства любви она не испытала, правда и то, что студентъ Вольфрамъ былъ круглый бѣднякъ и уже рѣзко обозначенный пьяница, потому что еще до женитьбы перенесъ бѣлую горячку, но все же это былъ спутникъ, впервые устранившій отъ нея бездомность; дружба, привычка, совмѣстныя бѣды—все ихъ сближало. Она рѣшилась пойти съ нимъ дальше, рука объ руку, на худшее и лучшее.

Мы знаемъ начало ихъ супружеской жизни. И здѣсь представляется случаи для наблюденія, какая натура сказывается въ Евдокіи Вольфрамъ? Есть ли это натура своекорыстная, жадная къ довольству и счастью, хотя бы они покупались чужимъ горемъ? Бродятъ ли въ ней инстинкты самые вредные въ общежитіи, жажда къ матеріальнымъ благамъ до забвенія всякой нравственности? И волей-неволей приходится отвѣтить, что она—женщина, по преимуществу, душевная, живущая сердечными привязанностями. Вспомните нищету, которую она дѣлила съ мужемъ на дачѣ въ Полюстровѣ, зимою, беременная, въ нетопленной комнатѣ, растапливая на щепкахъ снѣгъ и питаясь одной теплой, талой водой. Конечно, она могла бы жить лучше, не имѣя на плечахъ мужа. А почему они

такъ бѣдствовали? Мужъ не только ничего не зарабатывалъ, но почти каждый день былъ пьянъ. Свидѣтели всѣхъ періодовъ супружества, при всей сдержанности, соединяются въ одномъ: выпивалъ часто, почти каждый день, бывали промежутки дня въ два, доходилъ до безсвязной рѣчи, пропивалъ съ себя вещи. Кто же помогалъ перебиваться? Жена работала у Лебекъ, шила бѣлье у Срезневскихъ; жена посылалась просить пособіе; жена (вы помните сочувственное показаніе г. Саблера) съ любовью завертывала въ бумагу холодное жаркое, хлѣбъ для „своего Феди“. Три раза онъ пропивалъ деньги, добытыя для платы за лекціи; жена въ четвертый разъ внесла ихъ насильно сама. Онъ пропилъ деньги, собранныя для отправленія его на Кавказъ, чуть было не пропилъ всѣ деньги, полученныя на поѣздку въ Таганрогъ для изысканій,—жена спасла остатки, заложила съ себя все, собрала для него, какъ она говоритъ, „копѣйками“ и отправила его. Сама осталась ни съ чѣмъ.

Могло ли это долго продолжаться: все съ одной и ничего съ другой стороны? Первая длинная разлука могла поднять этотъ вопросъ. Теперь она наступила. Но, быть можетъ, этотъ вопросъ и теперь бы не возникъ, если бы Вольфрамъ не влюбилась первою настоящею любовью и, притомъ, тою знойною любовью, которую въ ней подняла ея дѣйствительно жаркая кровь. Скажу объ этомъ темпераментѣ, объ этой крови. Здѣсь потачка со стороны Вольфрамъ своей страсти какъ бы противорѣчитъ тому облику женщины душевной по преимуществу, какой мы видѣли ранѣе. Но это противорѣчіе только кажущееся. Не лицемѣря передъ собой, Вольфрамъ сознаетъ, что страсть у нея зажглась, между прочимъ, и въ крови, а не гдѣ нибудь внѣ ея организма. Но эта страсть у нея связана съ еще большимъ увлеченіемъ души и преданностью сердца. Вѣдь взгляните, между кѣмъ раздѣлена вся жизнь Вольфрамъ. Пять лѣтъ она принадлежитъ мужу и послѣ, полтора года, безъ поворота, до настоящей минуты, Козловскому. Недаромъ она писала Козловскому: кромѣ мужа, ни одинъ мужчина пальцемъ меня не коснулся! Наконецъ,

любовь ея дѣтски-наивна, сентиментальна. Если бы вы ознакомились съ ея повѣстью, видѣли ея виньетки, слышали ея романическій языкъ, страницы, полныя величайшей сентиментальности—отчасти въ этомъ стилѣ написано слышанное вами письмо: „цѣлую тебя предсмертнымъ поцѣлуемъ!“—вы бы убѣдились окончательно, что грубая, животная страсть никогда не могла бы вылиться въ такія формы. Здѣсь еще говорили: но развѣ не безстыдство, что Вольфрамъ первая разожгла Козловскаго, — вѣдь этотъ юноша и не думалъ о ней! Такого упрека я рѣшительно не понимаю. Вѣдь когда намъ нравится женщина, которая насъ не замѣчаетъ, мы первые стараемся привлечь ея вниманіе. Козловскій понравился Вольфрамъ, она этого не скрыла, она показала ему свое чувство—и больше ничего. Вольфрамъ старше, развитѣе его, наконецъ, жизненнѣе, цѣльнѣе—она въ этой встрѣчѣ, поневолѣ, заняла роль болѣе дѣятельную, какая обыкновенно достается мужчинѣ. Козловскій очень скоро поддался обоянію, и наступила равноправная взаимность.

Но посмотрите дальше: эта женщина безстыдная и своевольная, какою ее старались изобразить, (чего мы не раздѣляемъ), но, во всякомъ случаѣ, женщина пылкая.—сколько она переволновалась и передумала прежде, чѣмъ рѣшилась измѣнить мужу! Вы бы ознакомились съ ея душевною борьбою, если бы заглянули въ ея повѣсть. Она переворочала въ своей головѣ важнѣйшіе вопросы человѣчества, переслушала всевозможные взгляды на измѣну, обращалась за совѣтомъ къ пожилымъ людямъ; вы помните боязливое показаніе старца-богомаза; по пословицѣ: „кто въ совѣтѣ, тотъ въ отвѣтѣ“, онъ старался отклонить отъ себя наставительныя бесѣды съ Вольфрамъ, но для васъ, я думаю, было прозрачно, что онѣ были; Вольфрамъ боролась, сколько могла, даже вырывалась изъ объятій, въ которыя ее тянуло... И это въ домахъ Сивкова, гдѣ юноши съ женщинами спятъ рядомъ, въ смежныхъ комнатахъ, съ настежь открытыми во всю ночь дверьми... И это ради мужа, который оставилъ ее нищею и голодною, истреблялъ въ теченіе 4 лѣтъ всѣ ея заработки, не сдѣ-

лалъ ничего, достойнаго ея благодарной памяти... Такъ пусть же хотя въ этомъ отношеніи будетъ признано за Вольфрамъ право на уваженіе, и пусть этой нищей студентки устыдятся тѣ необличенныя развратницы, которыя и понынѣ пользуются славой чистыхъ женъ и которыя передъ тайной измѣной не испытали и сотой доли подобныхъ колебаній!

Прежде, чѣмъ облизиться съ Козловскимъ, Вольфрамъ написала мужу, будто уже измѣнила. Говоря объ этомъ письмѣ, она театрально выразилась: „написавъ его, я возвысилась въ своихъ глазахъ!“. Эта драматическая фраза, ложно понятая, возбудила негодованіе прокурора. „Возвысилась въ своихъ глазахъ“ значитъ, однако, вовсе не то, чтобы Вольфрамъ считала паденіе возвышеніемъ. Она возвысилась, по ея мнѣнію, потому, что, наконецъ, поняла безплодность и даже унизительность прежней своей преданности человѣку, который только эксплоатировалъ ее и ничего не давалъ въ обмѣнъ. Это—напыщенно, но, въ существѣ, понятно. Мужъ, какъ и водится, не повѣрилъ даже ея сознанію. Онъ равнодушно медлилъ отвѣтомъ. Только черезъ мѣсяцъ онъ писалъ: „Да, насколько я тебя знаю, одно прозваніе любовницы, послѣ законной жены, показалось бы тебѣ омерзительнымъ“. Такой отзывъ мужа, послѣ многолѣтняго сожительства съ Вольфрамъ въ безцеремонныхъ кружкахъ молодежи, достаточно оттѣняетъ ея нравственную опрятность. Письмо растрогало измѣнницу. Вольфрамъ, вообще жалостлива, добра, отходчива. Она чуть было не рѣшила порвать связь съ Козловскимъ и все скрыть отъ мужа. Но одинъ пріятель истолковалъ ей письмо мужа въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ удержать ее при себѣ, какъ няньку, работницу и пособницу въ пріисканіи средствъ. Вольфрамъ ожидала пріѣзда мужа съ неопредѣленнымъ чувствомъ разбитой прежней привязанности, съ новою, чуждою для него любовью въ груди.

Мужъ вернулся. Онъ соскучился, былъ ласковъ. Жалѣя его, Вольфрамъ въ первое время и сознавалась, и не сознавалась ему. Она рѣшилась бороться съ собой, принадлежать ему, обусловивъ свою близость съ нимъ его отка-

зомъ отъ пьянства. Онъ сдержалъ себя на одну недѣлю. Дальше пошла прежняя жизнь. Они перестали жить, какъ супруги. Вольфрамъ уже не стѣснялась; она не только подтвердила свое сознаніе въ измѣнѣ, но возобновила связь съ Козловскимъ и открыто говорила мужу, когда съ нимъ ночевала. И мужъ продолжалъ держать при себѣ эту совершенно чуждую ему женщину! Любилъ ли онъ жену? Говорятъ: любилъ, а она его ненавидѣла. Я этому не вѣрю. Любовь должна же выразиться на дѣлѣ! Я вижу: она о немъ хлопотала, для него работала, доставала ему одежду и пищу—значитъ, любила, хотя бы какъ друга. А онъ? Что, какую малость онъ сдѣлалъ для нея? А какъ онъ обиралъ ее, какъ бросилъ безъ помощи! Развѣ это любовь? Вотъ и теперь: онъ узналъ объ ея измѣнѣ. Что же: этотъ ударъ разбудилъ его? Искалъ ли онъ удовлетворенія у Козловскаго? Мстилъ ли ему? Старался ли задобрить жену, измѣнить свои привычки, уберечь, увезти, окружить довольствомъ и заботами? Ничего, ничего... Онъ въ теченіе восьми лѣтъ не можетъ кончить курса, а онъ—способный... Нѣтъ! Онъ ея не любилъ, онъ только нуждался въ ней. Зная о связи жены, онъ говорилъ съ мудростью и равнодушіемъ: „дура! вздумала связаться съ мальчишкой!“ Онъ только хотѣлъ прекратить шалости своей прислужницы. А если онъ ея не любилъ любовью мужа, за что онъ держалъ ее на цѣпи, не давалъ развода? Мало того, онъ убивалъ въ ней послѣднее чувство. Вотъ что онъ пропилъ изъ ихъ нищенскихъ пожитковъ: 4-го января—брюки, 18-го—пледъ, 19-го—скунсовый воротникъ, 22-го—10 аршинъ ситцу, 26-го—дамскую шубку, 6-го февраля—пикейное одѣяло... Но вотъ что ужасно: здѣсь уже пропиты и чужія, краденыя вещи. Да, онъ кралъ. Былъ въ этомъ уличенъ и сознался. Кралъ въ пьяномъ видѣ, а въ послѣдній разъ утащилъ въ трезвомъ видѣ 2 руб. у своихъ хозяевъ. Вы помните сцену, когда его обыскали и нашли деньги. Подсудимая, хотя и выражается напыщенно, всегда имѣла душу благородную. Она отшатнулась окончательно. У нихъ уже не было ни угла, ни одежды. Она убѣжала отъ мужа; онъ отыскалъ ее, прибилъ на улицѣ и повелъ за собой, растрепанную, въ

слезахъ... Она пробовала добиваться развода, разсчитывала на его „объявку“ въ полицію, никакихъ законныхъ путей не знала,—иначе къ чему ей посягать на него? Вѣдь ей нужно было только себя оторвать. Она мстить не думала!

Неужели, скажутъ мнѣ, вы находите отсюда естественнымъ остановиться на мысли объ отравленіи мужа? Вы сами говорили, что нужно судить человѣка по дѣламъ. Оглянитесь же на дѣло своей кліентки! Полюбуйтесь! Гдѣ благородство чувствъ? Гдѣ ея хорошая душа? Еще бы, пожалуй, она задушила мужа или пырнула ножемъ въ порывѣ гнѣва: это было бы какъ-то понятнѣе, какъ-то менѣе гадко. А вѣдь она избрала отраву, средство холодное и обдуманное, да еще подослала несчастнаго юношу, а сама спряталась... Вспомните, какъ отвернулась отъ нея вся молодежь ея кружка: отравительница... чужими руками... фи! гадкая, коварная... Отвернитесь отъ нея, скажутъ мнѣ, и вы...

Нѣтъ, гг. присяжные, я не отвернусь, я еще ближе стану къ ней, еще усерднѣе, буду просить васъ. Она, конечно, не услышитъ отъ меня похвалы своему поступку. Онъ еще остается на ней пятномъ, которое такъ бы хотѣлось снять съ ея души, способной увлекаться хорошимъ.

Я не оставлю въ ея воспоминаніи моего сочувствія тому, что въ ней было дѣйствительно дурно. Я привѣтствую и власть, которая призвала ее къ отчету передъ судомъ, и тюрьму, которая заставила ее сосредоточиться, одуматься и написать исповѣдь. Но я буду отстаивать Вольфрамъ до конца. Насчетъ яда я скажу, что, если онъ средство не благородное, за то онъ—средство робкое, въ особенности такой полу-ядъ, какой былъ выбранъ въ настоящемъ случаѣ: о немъ было только извѣстно, что это средство жгучее, вредоносное, но не завѣдомо вѣрное. Вообще, тутъ какъ бы на всякій случай оставлялся шансъ неудачи. Да и шла Вольфрамъ къ Козловскому съ иной мыслью, глубоко-разстроенная, съ мыслью покончить съ собою. Разсчитывать заранѣе, что дѣло повернется иначе—она никакъ не могла. Вы помните совѣщаніе и затѣмъ ужасную ночь, когда Вольфрамъ проходила до свѣту, дрожа и желая оста-

новить союзника и нигдѣ не встрѣчая его (было условлено, что онъ приступитъ къ дѣлу по выходѣ изъ трактира). Утромъ Вольфрамъ пришла къ хозяйкѣ, рѣшительно не зная, случилось ли что-нибудь ночью. Вдругъ она узнала, что мужъ приходилъ во дворъ. Какъ она обрадовалась! Она обрадовалась, что дѣло не совершилось, что ни она, ни Козловскій—не преступники, не приняли грѣха на душу! Вѣдь ей предстояла та же безвыходная жизнь, но она была готова идти ей на встрѣчу даже съ радостью, счастливая тѣмъ, что она не запятнала себя преступленіемъ. И о такой женщинѣ можно смѣло сказать, что она—не злодѣй!.. Теперь, почему же Козловскій попалъ въ исполнители? Я отвергаю, чтобы Вольфрамъ пряталась: Козловскій все хотѣлъ выгораживать ее, но она постоянно, въ письмахъ къ нему, умоляла допустить ее выдать правду. Когда же на совѣщаніи Козловскій вызвался самъ ее спасти отъ мужа, то эта преданность любовника, готоваго стать изъ-за-нея въ драматическое положеніе, слишкомъ соблазнила сентиментальную Вольфрамъ. Ей трудно было устоять отъ соблазна видѣть Козловскаго героемъ. И вообще, это преступленіе, нелѣпо задуманное, несомнѣнно отзывается полудѣтской мелодрамой. По счастью, вреда не только не произошло, но, какъ мы видѣли, при данныхъ обстоятельствахъ, опасности и не могло быть. Итакъ, чудовищная мысль, пронизавъ, не дала взрыва. Да и горючаго матерьяла было недостаточно. Руководительницей была женщина, не настойчивая въ злѣ и незлопамятная.

Переходя къ итогамъ, я скажу вамъ: вы призваны удалять негодныхъ, исторгать изъ общества плевелы. Можете ли вы, по совѣсти, отнести къ такимъ плевеламъ Е. Вольфрамъ? Вѣдь нравственная пригодность человѣка опредѣляется не только отсутствіемъ дурныхъ дѣлъ, но и въ особенности — тѣми испытаніями, искушеніями, которымъ съумѣлъ человѣкъ противустоять. Легко тому ходить прямо, кому не обо что было и спотыкаться. Вспомните жизнь Вольфрамъ. Осиротѣлая, бездомная, безъ руководства любящихъ близкихъ и опытныхъ людей, выпущенная въ полудѣтскомъ возрастѣ на улицы Петербурга, она по природ-

ному хорошему инстинкту, вошла въ жизнь прямой, честной дорогой. Вращаясь, затѣмъ, въ средѣ людей самыхъ вольныхъ нравовъ, она осталась чистой женщиной и не сдѣлалась падшею. Терпя крайнюю нужду, она никогда, никогда не посягнула на чужое! Связанная съ мужемъ вѣчно пьянымъ, который создалъ для нея жизнь, полную жертвъ и отреченій, она была его терпѣливой и вѣрной спутницей до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія. Измѣняя такому мужу, подъ вліяніемъ сильной страсти,—она страдала отъ сознанія нарушаемаго долга. Такую женщину рука не подымется выбросить. Что касается того преступнаго часа въ ея жизни, который запятналъ ее, то, гг. присяжные засѣдатели, за ея прожитыя несчастія и испытанія, за ту дрожь внутреннихъ укоровъ, которую она испытывала въ тѣ минуты, когда въ безвыходномъ положеніи рѣшилась на злодѣяніе, и въ особенности за ту радость, которую она ощутила, когда преступленіе не удалось, за ея однажды согрѣшившую, но привязчивую, глубокую душу ея—простите ее.

Всѣ подсудимые оправданы.

Дѣло Мироновича.

Дѣло Мироновича.

Убійство Сарры Беккеръ.

Обвинительный актъ.

28-го августа 1883 года, въ воскресенье, около 9 часовъ утра, въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. № 57, въ кассѣ ссудъ, принадлежащей отставному подп. Ивану Иванов. Мироновичу, номинально числящейся за мѣщанкой Филипповой, было обнаружено убійство еврейской дѣвочки Сарры Стеръ Беккеръ, проживавшей вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, отст. военнымъ писаремъ Ильею Стеръ Беккеромъ въ означенной кассѣ ссудъ, гдѣ отецъ служилъ приказчикомъ, а дочь помогала ему въ занятіяхъ по конторѣ. Дворъ помянутаго дома представляетъ собою четырехъугольникъ, ограниченный зданіями корпуса и флигеля, съ воротами обращенными на Невскій проспектъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ направо изъ-подъ воротъ колонная лѣстница ведетъ во 2-й этажъ, на площадкѣ котораго имѣются одна противъ другой двое дверей: одна направо въ контору домовладѣльца Николаева, а другая, налѣво, въ кассу ссудъ Мироновича. Эти послѣднія двери, запирающіяся внутреннимъ замкомъ, а извнутри желѣзнымъ крючкомъ и снабженныя колокольчикомъ, издающимъ звонъ при самомъ отпираніи и запираніи дверей, предшествуютъ другимъ дверямъ, за которыми начинается узкій, довольно длинный коридоръ, заканчивающійся дверью въ самую контору кассы и имѣющій справа глухую стѣну и слѣва одну дверь въ кухню и другую, рядомъ съ первою, въ комнатку, сосѣднюю съ кухней. Контора кассы представляетъ собою просторную, свѣтлую комнату съ двумя окнами на дворъ, приспособленную для пріема посѣтителей. Она разгорожена перилами, вслѣдъ за которыми стоитъ витрина, наполненная драгоцѣнными вещами и запирающаяся внутреннимъ замкомъ, ключикъ котораго обыкновенно виситъ на гвоздикѣ, вбитомъ въ ножку витрины; отступя шага два отъ нея, помѣщается обыкновенный, съ ящиками, письменный столъ. Въ той же комнатѣ изъ вещей, обращающихъ на себя вниманіе, находится несгораемый шкафъ и большой шкафъ со стеклянными дверцами, наполнен-

ный заложенными вещами, ключъ отъ котораго обыкновенно виситъ на гвоздикѣ, вбитомъ въ стѣну около самого шкафа. Кромѣ дверей изъ коридора, контора имѣетъ еще двѣ другія двери: однѣ въ главное помѣщеніе ссудной кассы, во вторую подъ-рядъ расположенную комнату, предназначенную для храненія принятыхъ въ залогъ вещей и носящую названіе кладовой, — и другія, обыкновенно запертыя, въ комнату, сосѣднюю съ кухней. Въ первой кладовой стоитъ высокій комодъ съ 6 ящиками, наполненными принятыми въ залогъ золотыми и серебряными вещами, и два шкафа съ разными платьями, которыя висятъ также и по стѣнамъ; во второй кладовой хранится исключительно одежда. Помянутая выше маленькая комнатка, смежная съ конторой, кромѣ мягкаго дивана и двухъ стульевъ, никакой болѣе мебели не имѣетъ. Рядомъ съ ней расположена кухня, имѣющая трое дверей: однѣ въ только что описанную комнату, другія въ корридоръ, а третьи въ маленькій узенькій корридорчикъ, ведущій въ ватеръ-клозетъ и, наконецъ, дверное отверстіе безъ дверей въ послѣднюю, полутемную комнатку, отдѣляющуюся отъ сейчасъ упомянутаго корридорчика перегородкой, не доходящей до потолка.

Въ этой-то маленькой, полутемной комнатѣ кассы ссудъ, заставленной мягкою мебелью, и найденъ былъ 28-го августа, утромъ, совершенно уже холодный трупъ Сарры Беккеръ съ явными признаками насильственной смерти. Покойная лежала навзничъ поперекъ большого мягкаго кресла, стоящаго подъ стѣной противъ дверного отверстія въ кухню, въ своемъ праздничномъ платьѣ, въ чулкахъ и полусапожкахъ. Голова ея съ расплетенною косою и всклокоченными на лбу волосами покоилась на ручкѣ кресла и ручкѣ рядомъ стоящаго дивана. Согнутая въ локтѣ лѣвая рука сжимала конецъ вязаннаго шерстяного платка, часть котораго была втиснута въ роть; правая же, полусогнутая въ локтѣ съ крѣпко сжатыми пальцами, лежала на правой сторонѣ живота. Обнаженныя выше колѣнъ ноги были раздвинуты такимъ образомъ, что лѣвая находилась въ прямомъ положеніи и поддерживалась ручкой кресла, свѣшиваясь отъ колѣнъ внизъ, а правая, нѣсколько отодвинутая до колѣна, лежала на сидѣньѣ кресла, отъ колѣна свѣшиваясь внизъ и опираясь ступней о полъ. На лбу покойной, надъ правою бровью, зіяла большая рана неправильнаго очертанія, проникающая до кости; лѣвое вѣко немного припухшее и въ верхней части покрыто синевою; лѣвое ухо посинѣвшее и внутри запачкано кровью, а назади этого уха, въ нѣсколькихъ мѣстахъ и на рукахъ усмотрѣны ссадины кожи. По снятіи трупа съ кресла, на томъ мѣстѣ, гдѣ приходилась голова, особенно лѣвая часть ея и плечо, на чехлѣ оказалось большое свѣжее пятно крови, а на полу подъ этимъ мѣстомъ, между ручками кресла и дивана, найдено одно большое и нѣсколько маленькихъ пятенъ отъ капавшей крови. На самой ручкѣ кресла и въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ задней части покойной, оказалось совершенно сырое пятно неокрашенной жидкости, на другой же ручкѣ кресла и на спинкѣ его — кровяныя пятна и помарки. Одежда покойной состояла изъ черной шерстяной накидки, въ правомъ карманѣ которой найденъ ключъ отъ входной двери въ кассу ссудъ, а въ лѣвомъ карманѣ яблоко; изъ лиловой шерстяной юбки и такой же кофты; изъ бѣ-

лой полотняной рубашки и такихъ же панталонъ. Какъ рубашка, такъ и панталоны, въ мѣстахъ соотвѣтствующихъ заднему проходу, оказались выпачканными мочею и испражненіями, выступившими въ большемъ количествѣ. При первоначальномъ осмотрѣ тѣла покойной, произведенномъ въ самомъ помѣщеніи кассы ссудъ 28-го августа, на наружной поверхности лѣвой кисти руки и между пальцами .правой руки было найдено небольшое количество черныхъ волосъ, которые въ тотъ же день утеряны, и уцѣлѣлъ только одинъ волосъ, вынутый уже на другой день врачемъ при вскрытіи тѣла покойной изъ правой руки ея. По судебно-медицинскому осмотру тѣла покойной Сарры Беккеръ оказалось слѣдующее: покойной, повидимому, около 13 или 14 лѣтъ отъ роду, роста, сообразно возрасту, средняго, тѣлосложенія умѣреннаго. Волоса на головѣ черные, длинные. Лѣвый високъ, верхнее вѣко лѣваго глаза и середина носа — сине-багроваго цвѣта, такъ что багровость произошла какъ бы отъ одного ушиба. У наружнаго угла лѣвой брови на багровости находится ссадненіе кожи, покрытое запекшеюся кровью. Правая половина лба, на пространствѣ квадратнаго вершка, сине-багроваго цвѣта, съ припухшей кожею; внизу этой багровости, надъ правою бровью, находится рана съ неровными, разорванными краями, длиною около дюйма, имѣющая неправильную трехъугольную форму; въ глубинѣ этой раны прощупывается кость. На правой скулѣ пятно синебагроваго цвѣта, овальной формы. Правое ухо побагровѣвшее. На поверхности раковины лѣваго уха пятно синяго цвѣта, а за нимъ двѣ раны: одна изъ нихъ расположена на средней части раковины и идетъ по направленію сверху внизъ, длиною около дюйма; вторая, параллельная первой и расположенная немного ниже ея, находится на самой головѣ, тоже по направленію сверху внизъ, длиною въ дюймъ. На лѣвой щекѣ, соотвѣтственно углу нижней челюсти — поверхностное ссадненіе кожи на пространствѣ въ гривенникъ, окруженное сине-багровостью. На слизистой оболочкѣ верхней и нижней губъ въ серединѣ ихъ находится по небольшой ссадинѣ съ чечевичное зерно. На лѣвой сторонѣ верхней части шеи — двѣ поверхностныя ссадины кожи, и ближе къ серединѣ—небольшая царапина, длиною около дюйма, Грудная клѣтка развита правильно; грудныя железы дѣтски развиты и едва возвышаются надъ уровнемъ тѣла. На наружной поверхности нижней трети лѣваго предплечья, въ косомъ направленіи, идетъ извилистая царапина, длиною въ два вершка, переходящая на внутренней сторонѣ того же предплечія и оканчивающаяся болѣе глубокимъ ссадненіемъ. На пальцахъ лѣвой руки послѣднія суставы темнобагроваго цвѣта. На тыльной поверхности кисти правой руки, у основанія мизинца и четвертаго пальца находятся двѣ глубокія ссадины кожи, величиною съ горошину. Между большимъ и указательнымъ пальцами покойной остался одинъ волосъ. По сравненію этого волоса съ волосами, вырванными изъ головы покойной, они, будучи положены на бѣлую бумагу, оказались повидимому одинаковаго цвѣта и качества. На нижнихъ конечностяхъ кромѣ небольшого синебагроваго пятна на самой колѣнной чашкѣ и двухъ небольшихъ ссадинъ, никакихъ поврежденій незамѣчено. Половые органы покойной найдены совершенно нетронутыми. По взрѣзѣ черепной кожи, подъ всей

правой половиной ея оказалось громадное изліяніе крови, расположенное въ слояхъ кожи и клѣтчатки; черепныя кости оказались разбитыми: большая трещина начиналась отъ середины праваго большого крыла височной кости, пересѣкала вѣнечный шовъ и направлялась къ правому темянному бугру, переходила черезъ него и оканчивалась въ серединѣ затылочной кости; кромѣ этой трещины, на правой темянной кости находится сдавленіе съ трещиною въ кости, длиною въ дюймъ, параллельно большой трещинѣ. При этомъ врачи Горскій, Герингъ, Добрынинъ и Янпольскій, производившіе вскрытіе трупа покойной Сарры Беккеръ, дали заключеніе, что 1) ей было нанесено смертельное поврежденіе черепныхъ костей, которое, сопровождаясь сотрясеніемъ мозга и потерею сознанія, было ближайшею причиною смерти ея, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, была ускорена задушеніемъ посредствомъ воспрепятствованія доступа атмосфернаго воздуха въ дыхательныя пути; 2) указанное въ первомъ пунктѣ безусловно смертельное поврежденіе черепа, судя по свойству раны, подтековъ и прочихъ поврежденій на головѣ и лицѣ, нанесено какимъ либо твердымъ, тяжелымъ, тупымъ и длиннымъ орудіемъ, въ родѣ палки; при этомъ ударовъ нанесено было немного, не болѣе 2 — 3. По мнѣнію врачей, предъявленный имъ при вскрытіи желѣзный прутъ (обломокъ газовой трубы), найденный при осмотрѣ кассы ссудъ въ кухнѣ, на плитѣ, могъ подходить къ этой цѣли; 3) что касается задушенія, то, принимая во вниманіе найденныя за ухомъ раны, которыя по свойству своему относятся къ разрывнымъ и ссадненія слизистой оболочки на губахъ, — голову убитой удерживала за лѣвое ухо правая рука посторонняго лица, которое въ то же время производило лѣвою рукою давленіе какимъ либо мягкимъ предметомъ, въ родѣ платка, на полость рта; 4) по отсутствію какихъ-либо поврежденій, какъ на наружныхъ, такъ и на внутреннихъ половыхъ частяхъ, промежности ягодицахъ, вокругъ задняго прохода и ненарушенію дѣвственной плевы, должно заключить, что Сарра Беккеръ невинности не лишена; 5) что касается вопроса о томъ, могло ли быть въ данномъ случаѣ покушеніе на изнасилованіе, то результаты судебно-медицинскаго осмотра не даютъ права разрѣшить этотъ вопросъ въ ту или другую сторону, но отсутствіе видимыхъ знаковъ или слѣдовъ поврежденій на нижней части туловища, наружныхъ половыхъ частяхъ и нижнихъ конечностяхъ, исключаетъ предположеніе о попыткѣ къ изнасилованію. При этомъ, говоря о попыткѣ къ изнасилованію, врачи имѣютъ въ виду попытку реальную, оставляющую по себѣ наружные слѣды или поврежденія на тѣлѣ; 6) убійство сопровождалось слабыми попытками сопротивленія; 7) оно совершено, по всей вѣроятности, однимъ лицомъ; 8) тотчасъ же послѣ нанесенія, указанныхъ въ первомъ пунктѣ смертельныхъ поврежденій черепа, у пострадавшей признаки жизни могли проявляться въ крикахъ, стонахъ и судорожныхъ движеніяхъ; 9) перелолненіе желудка непереваренною еще пищею указываетъ на то, что смерть послѣдовала вскорѣ послѣ принятія пищи, приблизительно не болѣе двухъ часовъ.

Тщательный осмотръ всего помѣщенія ссудной кассы Мироновича и

находившагося въ ней инвентаря установилъ, что единственная входная дверь въ кассу, запиравшаяся внутреннимъ замкомъ, а извнутри желѣзнымъ крючкомъ, оказалась отпертою безъ взлома и безъ всякаго поврежденія. За исключеніемъ комнаты, гдѣ лежало тѣло покойной Сарры Беккеръ, нигдѣ во всемъ помѣщеніи кассы, ни на столахъ, ни на полу, ни на мебели, ни на другихъ предметахъ не усмотрѣно ни кровавыхъ пятенъ, ни брызговъ или помарокъ, ни другихъ какихъ либо слѣдовъ борьбы или признаковъ совершеннаго здѣсь преступленія. Вся мебель, многочисленное и разнообразное имущество кассы, словомъ вся внутренняя обстановка кассы оказались въ томъ видѣ, какъ и до совершенія преступленія. Одно не гармонировало съ этою обычною картиною — это найденныя въ комнатѣ, смежной съ конторою, на диванѣ, 10 просроченныхъ квитанцій на заложенныя въ кассѣ ссудъ Мироновича вещи крестьянина Грязнова и вексель его же на имя Мироновича въ 50 руб. Документы эти, вмѣстѣ съ однимъ еще векселемъ Грязнова въ 50 р., по объясненію Мироновича, хранились въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола, откуда, вѣроятно, были вынуты преступникомъ и брошены или забыты здѣсь. Даже упомянутый выше шкафъ со стекляннымъ дверцами и витрина, стоящіе въ конторѣ, оказались неповрежденными и попрежнему исправно запертыми, а ключи отъ нихъ висящими на своихъ мѣстахъ, т. е. ключъ отъ шкафа висѣлъ на гвоздикѣ, вбитомъ въ стѣну около шкафа, а ключикъ отъ витрины висѣлъ на гвоздикѣ, вбитомъ въ ножку витрины. Какъ въ шкафѣ, такъ и въ витринѣ хранятся разныя золотыя и серебряныя вещи, которыя, по объясненію Мироновича и его приказчика Ильи Беккера, оставались невыкупленными и непроданными съ аукціона, а потому и поступившими въ собственность кассы. Вещи, находившіяся въ витринѣ — золотые и серебряные часы, браслеты, медальоны, крестики, ложки, солонки, цѣпочки, кольца и т. п., лежатъ въ порядкѣ, расположенныя симметрично, и незамѣтно, чтобы кто либо рылся въ этой витринѣ. Тѣмъ не менѣе, по осмотрѣ ея Мироновичъ заявилъ о пропажѣ изъ витрины нѣкоторыхъ вещей, какъ-то: золотыхъ мужскихъ часовъ, стоющихъ 100 руб., брошки съ камнями, стоющей около 100 руб., медальона, стоющаго около 100 руб., двухъ дамскихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ около 35 руб., мужскихъ серебряныхъ часовъ, стоющихъ около 10 руб., серебрянаго портсигара и золотыхъ серегъ, стоющихъ около 20 руб., а всего на сумму около 400 рублей. Всего же хранилось въ витринѣ вещей, по объясненію Мироновича на 1,000 руб., а по объясненію его приказчика, Беккера, на 1,500 руб. При осмотрѣ, затѣмъ, письменнаго стола, ключи отъ котораго оказались на немъ же, денегъ въ немъ найдено всего 1 руб. 62 коп. мѣдью; въ ящикѣ же, въ которомъ хранились вышеупомянутые векселя и квитанціи Грязнова, другого векселя его не оказалось. При этомъ Мироновичъ объяснилъ, что кромѣ векселя и квитанцій, изъ письменнаго стола пропало около 50 руб. денегъ. Наконецъ, висящее въ кладовой въ огромномъ количествѣ разнаго рода платье, и хранящіяся въ 6 ящикахъ комода, стоящаго въ первой кладовой, разныя золотыя и серебряныя вещи, — часы, браслеты,

ризы отъ образовъ, подстаканники, медальоны и проч., — найдены въ порядкѣ и не перерытыми. По провѣркѣ всего принятаго въ залогъ имущества по квитанціоннымъ книгамъ, за исключеніемъ вещей, хранящихся въ витринахъ и въ шкафѣ со стеклянными дверцами, имущество это оказалось все въ наличности. Количество вещей въ витринѣ и въ шкафѣ не могло быть повѣрено тѣмъ же способомъ, такъ какъ вещи эти, оставшіяся не выкупленными и не проданными съ аукціона, поступили уже въ собственность владѣльца кассы.

Дальнѣйшій порядокъ всей внутренней обстановки кассы ссудъ, крайне загадочная кража нѣсколькихъ только золотыхъ вещей изъ запертой витрины, совершенная, очевидно, съ помощью ключа отъ нея же, повѣшеннаго затѣмъ преступникомъ съ непонятною заботливостію на прежнемъ мѣстѣ, столь же загадочное оставленіе въ комнатѣ, смежной съ конторой, 10 разорванныхъ просроченныхъ залоговыхъ квитанцій и векселя въ 50 руб. отъ имени Грязнова, содержавшагося съ 9-го іюля 1883 г. подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, положеніе тѣла убитой дѣвочки и нахожденіе его не у входа въ кассу и не въ конторѣ, гдѣ совершена кража, а лишь въ третьей, уединенной комнатѣ, наконецъ, отсутствіе во всемъ помѣщеніи кассы слѣдовъ борьбы покойной съ убійцею, привело къ предположенію о томъ, во-первыхъ, что убійство Сарры Беккеръ совершено не съ цѣлью ограбленія кассы ссудъ, а изъ какихъ либо иныхъ, личныхъ видовъ на покойную, причемъ лишь для отвода замаскировано похищеніемъ денегъ и нѣсколькихъ вещей изъ витрины, и во-вторыхъ, что преступленіе это совершено лицомъ, близко знакомымъ съ расположеніемъ кассы ссудъ и съ образомъ жизни покойной. Исходя изъ этого положенія, явившагося въ свою очередь результатомъ осмотра мѣста преступленія, предварительное слѣдствіе направлено было, прежде всего, къ разъясненію отношеній существовавшихъ между покойною Саррою Беккеръ и лицами, наиболѣе близко къ ней стоящими, и въ этомъ отношеніи оно привело къ раскрытію слѣдующихъ данныхъ.

Хозяинъ покойной, Мироновичъ, по собственному его объясненію въ 1859 г. поступилъ въ штатъ петербургской полиціи, начавъ службу съ должности квартальнаго надзирателя второго квартала Литейной части, затѣмъ, при преобразованіи полиціи, онъ назначенъ былъ приставомъ 1-го участка Московской части и на этой должности оставался года 2 — 3 и впослѣдствіи былъ переведенъ во 2-й участокъ Литейной части, гдѣ прослужилъ 3 — 4 года и въ 1871 г. оставилъ службу въ полиціи по собственному желанію. По выходѣ въ отставку онъ занимался разными дѣлами, которыми можно нажить деньги — торговлей, учетомъ векселей, отдачею денегъ въ ростъ и т. п. Въ мартѣ 1882 г. онъ открылъ ссудную кассу подъ фирмою петербургской мѣщанки Марьи Петровой Филипповой, своей любовницы, и пригласилъ къ себѣ въ конторщики Илью Стеръ Беккера, съ жалованьемъ 50 руб. въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ для него и его семейства. До 1883 г. Беккеръ съ своей семьей, въ томъ числѣ съ дочерью отъ перваго брака Саррою Беккеръ, проживалъ въ кассѣ ссудъ Мироновича и затѣмъ, по его настоянію, переѣхалъ съ семьею въ Сестро-

рѣцкъ и остался въ кассѣ съ одною Саррой, которая помогала ему въ занятіяхъ по конторѣ, за что Мироновичъ положилъ ей 5 р. жалованья въ мѣсяцъ. Съ тѣхъ поръ Илья Беккеръ и дочь его Сарра проживали въ кассѣ ссудъ Мироновича совершенно одни, безъ всякой прислуги; кушанье имъ готовила кухарка портного Дителя, проживающаго въ томъ же домѣ, Рахиль Чеснова. Въ первое время послѣ переѣзда семьи Беккера въ Сестрорѣцкъ, къ нему нѣсколько разъ приходилъ ночевать старшій сынъ его Моисей, служащій у переплетчика Бородина, по Коломенской ул., но Мироновичъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ Беккеру не пускать къ себѣ на ночь сына. На возраженіе Беккера, что, если ему скучно ночевать одному, то какъ же можетъ ночевать въ кассѣ одна дочь его, Сарра, въ томъ случаѣ, когда ему придется уѣхать въ Сестрорѣцкъ къ семьѣ,— Мироновичъ отвѣчалъ, что это его дѣло, и что въ такихъ случаяхъ онъ цѣлый день будетъ сидѣть въ кассѣ самъ, а на ночь будетъ приходить къ ней сынъ дворника. Что касается самого Мироновича, то онъ бывалъ ежедневно въ кассѣ съ 9 часовъ утра до 10 часовъ вечера, а иногда и до 11, и затѣмъ уходилъ ночевать къ себѣ на квартиру въ собственный домъ на Пескахъ, по Болотной ул., подъ № 4.

Такимъ образомъ, кругъ близкихъ къ Саррѣ людей, имѣвшихъ свободный доступъ въ кассу, ограничивался отцемъ ея и хозяиномъ кассы Мироновичемъ, да изрѣдка навѣщавшимъ братомъ Моисеемъ Беккеръ. Знакомство ея съ многочисленными кліентами кассы не шло дальше переговоровъ по закладу вещей, и то всегда въ присутствіи отца или Мироновича. Никто посторонній не переступалъ порога кассы для личныхъ свиданій съ Саррою, которая всѣми свидѣтелями была охарактеризована какъ дѣвочка, почти совершенный еще ребенокъ и притомъ безукоризненнаго поведенія. Благодаря своей бойкости и смышленности, маленькая Сарра вскорѣ усвоила себѣ занятія отца по конторѣ и сдѣлалася его правою рукою, но въ то же время она обратила на себя вниманіе Мироновича, который сталъ оказывать ей свое расположеніе и ласки въ гораздо большей степени, чѣмъ это казалось бы слѣдовало по отношенію къ посторонней дѣвочкѣ, дочери его приказчика. Эти ласки не ускользнули отъ вниманія отца, но пока они выражались въ однихъ маленькихъ подаркахъ и гостинцахъ или мелкихъ деньгахъ на покупку сластей, или, наконецъ, въ томъ, что Мироновичъ гладилъ по головѣ Сарру, то отецъ не придавалъ этому серьезнаго значенія и приписывалъ такое расположеніе Мироновича желанію его вознаградить Сарру за ея услужливость. Но однажды, недѣли за двѣ до убійства дочери, отецъ Беккеръ случайно былъ свидѣтелемъ слѣдующаго. Какъ-то послѣ обѣда Мироновичъ прилегъ на стульяхъ въ первой кладовой комнатѣ отдохнуть, а Беккеръ сѣлъ читать въ комнатѣ направо отъ кухни; по прошествіи нѣкотораго времени, желая посмотрѣть, что дѣлается въ конторѣ, Беккеръ пошелъ туда потихоньку, чтобы не разбудить Мироновича, и, войдя въ комнату, къ удивленію своему увидѣлъ чрезъ отворенную дверь въ кладовую, что на стульяхъ лежитъ Мироновичъ, а около него стояла Сарра, которую онъ обнялъ одною рукою и цѣловалъ ея лицо. Замѣтивъ отца, Мироновичъ сейчасъ же оставилъ Сарру. Бек-

керъ стѣснялся сказать что либо за это Мироновичу, но когда послѣдній ушелъ, то онъ сталъ бранить дочь, говоря, что она уже не маленькая, ей 13 лѣтъ... на что она отвѣтила: «что я стану дѣлать, когда онъ бяжется ко мнѣ, призвалъ меня къ себѣ, обнялъ и сталъ цѣловать», при этомъ она добавила: «ну его къ черту, онъ мнѣ надоѣлъ, отправь меня лучше въ Сестрорѣцкъ».

Жена столяра Бочкова и кухарка ея Михайлова, знавшія семейство Беккера уже нѣсколько лѣтъ и особенно любившія маленькую Сарру, удостовѣряютъ, что ровно за недѣлю до убійства Сарра пришла къ нимъ погостить по приглашенію Бочковой, но пришла довольно поздно. часу въ 9-мъ. На вопросъ Бочковой, отчего она такъ поздно пришла, Сарра отвѣчала, что ей стало скучно и хозяинъ ей ходу не даетъ, все пристаетъ къ ней съ худыми словами и не позволяетъ поговорить съ кѣмъ нибудь даже на лѣстницѣ. Разговорившись, затѣмъ, она стала разсказывать свидѣтельницамъ, что Мироновичъ пристаетъ къ ней съ разными похабными словами, говоритъ ей о женщинахъ, которыя ночью шляются по панели, что онъ ей проходу не даетъ ей ни причесаться, ни одѣться; когда она начинаетъ чесаться, то онъ треплетъ ее за косы, и на вопросъ ея, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ: «хочу баловаться». Хватаетъ ее то за бокъ, то за нижніе мѣста, ревнуетъ ее ко всѣмъ мужчинамъ. Однажды работавшій у него скорнякъ Лихачевъ, просилъ ее сходить къ Мироновичу за папироской для него и когда она пошла къ Мироновичу, то послѣдній сказалъ ей: «ты вѣрно дала ему себя поцѣловать, за то и ходишь теперь за папироской». Когда однажды Мироновичъ, продолжала разсказывать Сарра, сталъ приглаживать свои волосы, то она спросила его, зачѣмъ онъ примазывается, на что онъ отвѣтилъ: «хочу нравиться хозяину», понимая подъ словомъ «хозяинъ» ее, Сарру, а она ему на это отвѣтила: «какому хозяину вы можете нравиться, вы одному шуту можете понравиться, а не мнѣ». По словамъ Сарры, Мироновичъ подарилъ ей однажды серьги, изъ которыхъ одну она потеряла, а Мироновичъ нашелъ и не возвратилъ ея; кромѣ того, онъ еще обѣщалъ подарить ей браслетъ, но за что — не говорилъ. Разсказывая обо всемъ этомъ, Сарра плакала. Тогда свидѣтельница спросила ее, зачѣмъ въ такомъ случаѣ она не уйдетъ отъ Мироновича? На что Сарра отвѣтила, что ей жалко своего стараго отца, что отецъ объ этомъ не знаетъ, и что еслибы она разсказала отцу, то онъ не сталъ бы изъ-за нея жить у Мироновича и потерялъ бы мѣсто; при этомъ она прибавила, что она остается въ кассѣ Мироновича недолго, до новаго года.

Скорнякъ Лихачевъ удостовѣрилъ, что однажды, въ августѣ 1883 г., когда онъ работалъ въ кассѣ ссудъ Мироновича, вошелъ къ нему въ комнату сперва Мироновичъ, а потомъ пришла туда Сарра и что-то сказала Мироновичу — вѣроятно она пришла дать ему отвѣтъ въ исполненіи порученія его; тогда Мироновичъ сталъ гладить ее по головѣ. Видя это, свидѣтель спросилъ Мироновича, къ чему онъ такую маленькую дѣвочку такъ ласкаетъ и на это Мироновичъ отвѣтилъ: «можетъ быть пригодится» и потомъ, похлопавъ ее по плечу, сказалъ: «ну, ступай, ступай», послѣ чего она ушла. Наконецъ, Рахиль Чеснова, готовившая кушанье на Беккеръ,

характеризуя Сарру какъ дѣвочку разсудительную, скромную, безукоризненнаго поведенія и притомъ какъ совершеннаго еще ребенка, находившаго удовольствіе въ игрѣ съ маленькими дѣтьми хозяина Чесновой и ювелира Брандта, удостовѣряетъ, что вскорѣ послѣ отъѣзда семьи Беккеръ въ Сестрорѣцкъ, Сарра, заходя къ ней ежедневно за купаньемъ, неоднократно говорила, что Мироновичъ все разсказываетъ ей о своихъ любовницахъ, о томъ, что онъ съ своей женой не живетъ и что у него есть нѣсколько любовницъ, называла его «разбойникомъ», говорила, что его ненавидитъ, что ничего бы не взяла, чтобы жить у него въ кассѣ ссудъ, что она остается здѣсь только изъ-за старика отца,, что ей лучше бы хотѣлось уѣхать въ Сестрорѣцкъ или лучше даже цѣлый день сидѣть и работать, чѣмъ жить въ кассѣ ссудъ. За что именно Сарра ненавидѣла Мироновича — она не объяснила свидѣтельницѣ, хотя та объ этомъ ее и разспрашивала. Кромѣ того, Сарра однажды говорила, что Мироновичъ хочетъ отказать ея отцу отъ мѣста и предложить ей 10 или 15 рублей въ мѣсяцъ и готовый столъ, но что она на это не согласилась; что если-бы даже Мироновичъ предлагалъ ей тысячу, то и въ этомъ случаѣ она не осталась бы у него. За нѣсколько дней до убійства Сарра пришла къ свидѣтельницѣ веселая и объяснила, что она уже недолго остается жить здѣсь и что отецъ обѣщалъ исполнить ея желаніе и посылаетъ ее въ Сестрорѣцкъ, гдѣ она быть можетъ и останется навсегда. Наконецъ, въ субботу, 27-го августа, часа въ 4 дня, Сарра пришла къ свидѣтельницѣ за купаньемъ и сказала ей, между прочимъ, что она чувствуетъ какую-то необъяснимую тоску, что она хотя и просила отца наканунѣ ѣхать въ Сестрорѣцкъ, но отецъ ей такъ отвѣтилъ, что она и сказать не можетъ. На разспросы о причинѣ этой тоски Сарра отвѣчала, что и сама не знаетъ; затѣмъ простилась и ушла.

Таково было, по описанію свидѣтелей, положеніе покойной Сарры Беккеръ въ кассѣ ссудъ Мироновича и отношеній ея къ нему. Стѣсняясь быть вполнѣ откровенною съ отцомъ изъ опасенія возстановить противъ него Мироновича, она тѣмъ не менѣе скрывала истинную причину, неоднократно упрашивая отца увезти ее въ Сестрорѣцкъ и въ послѣдній разъ подтвердила тоже эту просьбу передъ послѣдней поѣздкой его къ семьѣ, 26-го августа, и тотъ обѣщалъ исполнить въ скоромъ времени ея желаніе. Эти опасенія или, вѣрнѣе сказать, предчувствія опасности, внушавшіяся личностью Мироновича покойной Саррѣ Беккеръ, были, повидимому, далеко не безъосновательны и оправдываются нравственной характеристикой его, сдѣланной лицами, основательно знакомыми съ прошлой и теперешней жизнью Мироновича. Такъ, по объясненію его бывшихъ сослуживцевъ, колл. ассес. Виктора Новицкаго и колл. ассес. Алексѣя Меницкаго, Мироновичъ еще по службѣ извѣстенъ былъ какъ сослуживцамъ, такъ и обывателямъ своего участка за человѣка, чрезвычайно жаднаго къ деньгамъ, грубаго, дерзкаго, «отъявленнаго взяточника», дѣлавшаго по словамъ Новицкаго, «набѣги на скопцовъ», проживающихъ въ его участкѣ и къ тому же за большого любителя до женщинъ. Онъ тогда былъ уже женатъ, но имѣлъ любовницъ и кромѣ того состоялъ въ связи съ одною сестрою своей жены, прижилъ съ

нею дочь и сына, которыхъ послѣ смерти сестры жены взялъ къ себѣ на воспитаніе. Въ свое время о дѣйствіяхъ Мироновича была напечатана будто бы цѣлая брошюра, которая вскорѣ послѣ этого была изъята изъ обращенія, а авторъ ея былъ высланъ изъ Петербурга. Будучи болѣе 20 лѣтъ женатымъ, Мироновичъ до послѣдняго времени имѣлъ двухъ любовницъ: петербургскую мѣщанку М. П. Филиппову, съ которой состоитъ въ связи лѣтъ 15-16 и прижилъ съ нею 5 дѣтей, и петербургскую ремесленницу М. Я. Федорову, съ которой живетъ уже 7 лѣтъ. Жена его проживаетъ въ имѣніи въ Гдовскомъ уѣздѣ и пріѣзжаетъ къ нему на зимніе мѣсяцы. По отзывамъ Федоровой и Филипповой, Мироновичъ крайне скупой человѣкъ, тяжелаго и сердитаго характера; онъ совсѣмъ не даваль денегъ Федоровой и она содержала себя передѣлкою и починкою платьевъ, заложенныхъ въ ссудной кассѣ Мироновича и оставшихся не выкупленными, за что и получала отъ него вознагражденіе, но при этомъ всегда въ обрѣзъ; за все время сожительства онъ подарилъ ей золотые часы и цѣпочку съ брошкою, стоющіе, все вмѣстѣ, 27 руб., которыя она и отработала ему потомъ шитьемъ. Филиппова сперва содержала себя стиркою бѣлья, а затѣмъ открыла меблированныя комнаты: ей хотя и даваль деньги Мироновичъ, но рѣдко и мало — по рублю и не болѣе двухъ. Наконецъ, по объясненію Бочковой и Михайловой, Мироновичъ очень любилъ молоденькихъ женщинъ, которымъ, по выраженію свидѣтельницъ, «проходу не даваль» своимъ поведеніемъ съ ними при всякомъ удобномъ случаѣ.

Показаніями отца покойной И. Беккера, дворниковъ дома № 57 по Невскому П. Щетнева, К. Захарова и В. Прохорова, а также старшаго дворника Мироновича Н. Кирилова и плотника Константинова установлено, что во время поѣздокъ Беккеръ въ Сестрорѣцкъ, Мироновичъ никогда не оставлялъ кассы на попеченіе одной дѣвочки Сарры; въ такихъ случаяхъ онъ цѣлый день проводилъ въ кассѣ самъ, при чемъ, если ему нужно было куда отлучаться, то онъ поручалъ Прохорову или Захарову присмотрѣть за кассой, за что даваль имъ на чай, а на ночь всегда присылаль въ кассу Кирилова или Константинова, которые и ночевали въ кассѣ; при этомъ онъ обыкновенно утромъ, уходя изъ дома, приказываль дворнику или плотнику приходить въ кассу вечеромъ еще при себѣ, послѣ чего уже самъ уходилъ, оставивъ въ кассѣ дворника, который, въ свою очередь, уходилъ изъ кассы не раньше, какъ по приходѣ туда, на другой день, Мироновича. Не смотря на такой, заведенный самимъ Мироновичемъ, порядокъ, онъ во время послѣдней поѣздки Беккера въ Сестрорѣцкъ, продолжавшейся съ 26 до 28 августа, двѣ ночи кряду на 27-ое и на 28-ое не только своего дворника въ кассу ссудъ ночевать не посылалъ, но и мѣстныхъ дворниковъ не предупредилъ, что въ кассѣ ночуетъ одна дѣвочка Сарра, которая въ эту послѣднюю ночь и была убита. Отклоненіе, допущенное Мироновичемъ отъ этого порядка, столь несвойственное его опытности и предусмотрительности, представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что еще въ субботу утромъ, т. е. 27-го августа, самъ онъ, будучи по дѣлу у знакомаго своего Казиміра Янцыса, проживающаго въ томъ же домѣ № 57 по Невскому, на вопросъ его, здѣсь ли онъ ночуетъ, т. е. въ кассѣ ссудъ,

отвѣчалъ: «нѣтъ, дворника присылаю». Поэтому на другой день утромъ, узнавъ отъ Мироновича объ убійствѣ Сарры, Янцысъ спросилъ его: «гдѣ же дворникъ былъ», и, получивъ отвѣтъ, что дворника онъ не посылалъ, былъ крайне удивленъ этимъ и тутъ же замѣтилъ Мироновичу: «какъ же вы могли оставить ребенка въ кассѣ на ночь», на что Мироновичъ отвѣчалъ: «да она сама сказала, что не нужно посылать». Но отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ свидѣтеля.

Далѣе, показаніями свидѣтелей: портнихи Федоровой, скорняка Лихачева, швейцара дома № 57 Менкулло, управляющаго этимъ домомъ Севастьянова, дворника Прохорова и служащихъ въ конторѣ домовладѣльца Николаева, Ипатова, Алелекова, Неустроева и Повозкова обнаружено, что 27-го августа, около 7 час. веч., въ ссудную кассу Мироновича пришелъ скорнякъ Лихачевъ для того, чтобы заканчивать начатую имъ ранѣе работу, и засталъ тамъ Мироновича и Сарру Беккеръ, принимавшихъ залогъ отъ какого-то посѣтителя. Увидѣвъ Лихачева, Мироновичъ объяснилъ ему, что теперь нельзя работать, и приказалъ зайти на слѣдующій день въ половинѣ восьмого утра, послѣ чего Лихачевъ сейчасъ же ушелъ. Въ началѣ девятаго часа вечера пришла въ кассу портниха Федорова для закладa пальто и застала тамъ Мироновича и Сарру Беккеръ однихъ: Мироновичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, а Сарра, услыхавъ ея приходъ, подошла къ рѣшеткѣ; она казалась очень скучною и видимо старалась не смотрѣть на Мироновича: нужно было достать деньги для Федоровой изъ письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ Мироновичъ, то она, не подходя къ столу, стала съ боку, выдвинула ящикъ и, доставъ оттуда деньги, передала Федоровой, которая сейчасъ же ушла и ни о чемъ не разспрашивала Сарру, такъ какъ стѣснялась присутствія Мироновича. Затѣмъ въ началѣ десятаго вечеромъ, Прохоровъ, бывшій въ ту ночь дежурнымъ въ домѣ № 57 видѣлъ какъ Сарра вышла изъ воротъ на проспектъ и тутъ же встрѣтилась съ какою то неизвѣстною молодою женщиною въ шляпкѣ, съ зонтикомъ и съ маленькимъ сакъ-воякемъ. Другихъ примѣтъ онъ не замѣтилъ. Женщина эта ѣхала на извозчикѣ по направленію отъ Знаменской площади, подозвавъ Сарру рукой къ себѣ, сошла съ извозчика и онѣ остановились на панели; поговоривъ не болѣе двухъ минутъ, онѣ разстались; неизвѣстная женщина поѣхала на извозчикѣ по направленію къ Аничкову мосту и больше Прохоровъ ее ужъ не видѣлъ, а Сарра перешла черезъ Невскій въ молочную лавку, откуда минутъ черезъ 20 вернулась назадъ. Былъ ли еще въ то время Мироновичъ въ кассѣ или онъ ушолъ оттуда къ себѣ домой, Прохоровъ не знаетъ, такъ какъ, оставаясь все время у воротъ, онъ не замѣтилъ, когда Мироновичъ ушелъ въ тотъ вечеръ домой. Но швейцаръ Менкулло, стоящій на парадной лѣстницѣ дома № 57, объясняетъ, что приблизительно въ началѣ десятаго часа вечера онъ видѣлъ, какъ Мироновичъ вышелъ изъ воротъ и направился по Невскому къ Знаменью. Въ исходѣ десятаго часа вечера служащій въ конторѣ домовладѣльца Николаева, Ипатовъ, возвращался изъ бани домой въ контору, помѣщающуюся на одной лѣстницѣ съ кассою Мироновича, противъ

послѣдней увидѣлъ сидѣвшихъ на лѣстницѣ двухъ какихъ то женщинъ еврейскаго типа, изъ которыхъ одна была дѣвочка, а другая не то женщина, не то дѣвочка, средняго роста, въ темномъ платьѣ и въ черномъ платкѣ, головы и лица которой онъ не разсмотрѣлъ. Войдя въ контору, Ипатовъ вспомнилъ, что у него нѣтъ папиросъ, и пошелъ за ними въ лавочку, гдѣ пробылъ минутъ 5, причемъ, какъ проходя въ лавку, такъ и возвращаясь назадъ, опять видѣлъ тѣхъ же женщинъ и замѣтилъ имъ что онѣ сидятъ на дорогѣ, на что дѣвочка возразила: «а вамъ что за дѣло, развѣ я обязана вамъ отчетъ отдавать». На что Ипатовъ отвѣчалъ: «я не требую отъ васъ отчета, да вы не на мѣстѣ сидите, на дорогѣ, и я не знаю, кто вы такія». Тогда дѣвочка, указавъ рукою на дверь кассы Мироновича, отвѣчала: «я здѣсь живу», послѣ чего Ипатовъ сказалъ ей: «такъ шли бы въ свою квартиру, тамъ бы и говорили», и съ этими словами ушелъ къ себѣ въ контору, а Сарра Беккеръ, такъ какъ это была она, и другая женщина остались на лѣстницѣ. Почти вслѣдъ за возвращеніемъ Ипатова, другіе служащіе въ той же конторѣ, Алелековъ и Повозковъ, отправились въ баню, но, спускаясь съ лѣстницы, никого уже тамъ не видѣли. На улицѣ они встрѣтили управляющаго домомъ Севастьянова, пріѣхавшаго на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги, приходящемъ въ 10 часовъ вечера. Севастьяновъ вошелъ поужинать въ гостинницу «Москва», а оттуда ушелъ къ себѣ на квартиру, помѣщающуюся надъ ссудной кассой Мироновича, и вскорѣ легъ спать. Алелековъ и Повозковъ возвратились домой изъ бани въ 12 часовъ ночи, причемъ ворота нашли запертыми, но калитка была отперта и дворникъ Прохоровъ былъ внутри двора; на лѣстницѣ, ведущей въ контору, никого не было. Положивъ свое бѣлье, Алелековъ и Повозковъ сейчасъ же вновь ушли пить чай въ трактиръ, гдѣ пробыли до часу ночи. При возвращеніи ихъ назадъ калитка была уже заперта и на лѣстницѣ опять не было никого. Затѣмъ, всѣ служащіе въ конторѣ Николаева легли спать, и всю ночь какъ они, такъ и управляющій Севастьяновъ ни шума, ни крика въ кассѣ Мироновича не слыхали. По объясненію Прохорова, ворота оставались не запертыми до 12 часовъ ночи, послѣ чего они запираются ручкой внутри двора, такъ что снаружи во дворъ пройдти нельзя, не позвонивъ дворнику, а со двора можно выйти на улицу незамѣтно для дворника. Поэтому, Прохоровъ, хотя и былъ дежурнымъ въ ночь на 28-е августа, но не знаетъ, выходилъ ли кто нибудь ночью изъ воротъ; къ тому же онъ отлучался въ 12 часу тушить лампы на лѣстницѣ. Что касается до лицъ, входившихъ въ теченіе ночи снаружи на дворъ, то это были всѣ мѣстные жильцы, въ числѣ которыхъ онъ Мироновича не видалъ и никому постороннему калитки не отворялъ, а также не отворялъ воротъ для проѣзда какого либо экипажа. Въ позднѣйшемъ своемъ показаніи, данномъ уже послѣ того, какъ онъ оставилъ службу, въ домѣ № 57 и уѣхалъ на родину въ Тверскую губернію, откуда былъ вытребованъ сыскною полиціей для передопроса, Прохоровъ объяснилъ, что, будучи уже въ деревнѣ, онъ вспомнилъ о такомъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто въ ночь на 28-е августа. Ночью, когда онъ спалъ на дворѣ подъ воротами, въ которомъ часу не знаетъ, его разбудила какая-то женщина съ малень-

кимъ сакъ-вояжемъ въ рукѣ, лица которой и костюма не замѣтилъ; онъ ей отперъ калитку, и она, сунувъ ему въ руку 20 коп. серебряною монетою, вышла за ворота; поѣхала ли она дальше или пошла пѣшкомъ и въ какую сторону, онъ не видалъ. Была ли эта женщина та самая, которая съ вечера проѣзжала на извозчикѣ мимо дома № 57 и разговаривала съ Саррой, онъ также не знаетъ, такъ какъ примѣтъ ея онъ не разглядѣлъ. Къ этому Прохоровъ дополняетъ, что онъ долженъ по правдѣ сказать, что онъ въ вечеръ на 28-е августа былъ выпивши, а потому и не могъ все упомнить — около 11 часовъ онъ выпилъ у швейцара Менкулло, жена котораго была именинница, сороковку водки.

Это послѣднее объясненіе Прохорова пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если его сопоставить съ показаніемъ Устиньи Егоровой, кухарки ювелира Брандта, живущаго въ томъ же домѣ, которая объясняетъ, что въ ночь на 28-е августа она спала въ кухнѣ, обращенной окномъ во дворъ; отъ сильной зубной боли она проснулась, когда было не ранѣе 12-ти часовъ ночи — она объ этомъ заключаетъ изъ того, что газъ на лѣстницѣ былъ уже потушенъ. Выбившись изъ силъ отъ страшной зубной боли, она сѣла у окна завѣшаннаго до половины не плотною кисейной занавѣской, и въ это время увидѣла, что во дворѣ у ледника, какъ разъ напротивъ окна кухни, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно Мироновичъ оставляетъ свою лошадь съ шарабаномъ, пріѣзжая на немъ въ сосѣднюю кассу, стоитъ небольшая лошадь запряженная въ шарабанъ; какъ лошадь, такъ и шарабанъ были очень похожи на лошадь и шарабанъ Мироновича. Свидѣтельница навѣрное не знаетъ, была ли это лошадь Мироновича, но положительно удостовѣряетъ, что она совершенно отчетливо видѣла на дворѣ у ледника лошадь и шарабанъ благодаря тому, что дворъ слегка освѣщался свѣтомъ отъ лампады, горѣвшей въ квартирѣ у образовъ по случаю субботы. Спустя часъ времени послѣ того, Егорова, продолжая сидѣть у окна, такъ какъ зубы ея не унимались, но глядя постоянно въ окно, вдругъ услыхала стукъ колесъ и копытъ по мостовой двора и тогда, взглянувъ въ окно, увидѣла, что на томъ самомъ шарабанѣ, который стоялъ у ледника, сидитъ мужчина и ѣдетъ по двору. Онъ проѣхалъ въ ворота и уѣхалъ со двора. Взглянувъ мелькомъ на неизвѣстнаго, Егорова не успѣла разсмотрѣть его примѣтъ и также не знаетъ, кто это былъ и откуда вышелъ, но, тѣмъ не менѣе, замѣтила, что онъ одѣтъ былъ «какъ баринъ, а не какъ кучеръ».

~~Въ полномочіи вполнѣ трезвымъ себя не признаетъ.~~

По поводу показанія свидѣтельницы Егоровой слѣдствіемъ установлено, что въ шарабанѣ на лошади безъ кучера пріѣзжаетъ въ домъ № 57 по Невскому проспекту одинъ только Мироновичъ, который, обыкновенно, и оставляетъ свою лошадь съ шарабаномъ на дворѣ у ледника, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ — по объясненію свидѣтельницы Егоровой, — она видѣла лошадь съ шарабаномъ въ ночь на 28-е августа, и что кромѣ Мироновича держатъ лошадей еще домовладѣлецъ Николаевъ и докторъ Афонасьевъ; послѣдній самъ не живетъ въ этомъ домѣ, но пріѣзжаетъ туда въ свою лечебницу. Но какъ Николаевъ, такъ и Афонасьевъ ѣздятъ съ куче-

рами и экипажей своихъ на дворѣ у ледника никогда не оставляютъ; къ тому же Николаевъ въ то время былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на ярмаркѣ, а Афонасьевъ проживалъ на дачѣ.

Кромѣ свидѣтельницы Егоровой, рѣшительно никто болѣе изъ свидѣтелей лошади и шарабана на дворѣ дома № 57 по Невскому проспекту въ ночь на 28-е августа не видалъ. Такъ изъ показаній свидѣтелей — швейцара означеннаго дома Менкулло, жены его Екатерины Менкулло и бывшихъ у нихъ въ эту ночь въ гостяхъ кондуктора Николаевской желѣзной дороги Антона Лупинаса, швейцара Знаменской гостинницы Петра Яселаписа и кондуктора той же гостинницы Доминика Верблючевича видно, что Лупинасъ, Яселанисъ и Верблючевичъ пробыли въ гостяхъ въ квартирѣ швейцара Менкулло до начала 2-го часа ночи, послѣ чего жена швейцара проводила ихъ до калитки, которую имъ отперъ дворникъ Прохоровъ, при этомъ, проходя по двору, она лошади и шарабана на дворѣ у ледника не видала. Точно такжке не видали шарабана и лошади возвращавшіеся послѣ 12 часовъ ночи въ контору домовладѣльца Николаева, — служащіе Алелековъ и Повозковъ.

28-го августа, въ 9 часу утра, скорнякъ Лихачевъ, согласно приказанію Мироновича, данному наканунѣ вечеромъ, явился въ ссудную кассу и, найдя дверь не запертою, прошелъ въ контору, куда, почти вслѣдъ за нимъ, вошла мѣщанка Анна Пальцева, которую, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пригласила Сарра Беккеръ, чтобы отдать ей въ работу платье. Постоявъ немного въ конторѣ и видя, что никто къ нимъ не выходитъ, — они дали знать старшему дворнику Щеткину, который, взявъ съ собою своихъ подручныхъ, обошелъ все помѣщеніе кассы, и, выйдя въ кухню. увидалъ черезъ дверное отверстіе трупъ Сарры Беккеръ, лежавшей въ маленькой полутемной комнатѣ на креслѣ въ томъ положеніи, какъ это описано выше. Объ обнаруженномъ тотчасъ было заявлено наружной и сыскной полиціи. Первымъ прибылъ на мѣсто преступленія прикомандированный къ 1-му участку Московской части коллежскій секретарь Черняк, минутъ черезъ 10 послѣ котораго явился владѣлецъ кассы Мироновичъ. которому на дворѣ еще было сказано, что Сарра Беккеръ убита. Повидимому сильно взволнованный этимъ извѣстіемъ, онъ, не заходя въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ, прошелъ прямо въ контору, гдѣ встрѣтился съ Чернякомъ. Осмотрѣвъ витрину черезъ стекло и выдвинувъ затѣмъ въ письменномъ столѣ два ящика, онъ заявилъ Черняку о пропажѣ изъ витрины нѣкоторыхъ вещей и изъ письменнаго стола какихъ-то бумагъ, послѣ чего заглянулъ въ кладовую, но подробно вещей не осматривалъ. Вскорѣ послѣ Мироновича прибылъ отецъ покойной, Илья Беккеръ, пріѣхавшій съ утреннимъ поѣздомъ Финляндской желѣзной дороги изъ Сестрорѣцка. По прибытіи затѣмъ на мѣсто сперва старшаго помощника пристава 1-го участка Московской части Сакса, а потомъ самого пристава этого участка Рейзина, ими между прочимъ осмотрѣнъ былъ трупъ убитой, причемъ оба они пришли къ тому убѣжденію, сложившемуся въ нихъ подъ вліяніемъ положенія тѣла убитой, что покойная была изнасилована. Выйдя подъ этимъ впечатлѣніемъ въ комнату, гдѣ находился

Мироновичъ, приставъ Рейзинъ, обращаясь къ послѣднему, воскликнулъ: «какое страшное преступленіе, убійство съ изнасилованіемъ!» На это Мироновичъ, не видѣвшій еще трупа, отвѣтилъ: «какое тутъ изнасилованіе, тутъ изнасилованія нѣтъ, тутъ не можетъ быть изнасилованія!» Крайне озадаченный такимъ отвѣтомъ, Рейзинъ спросилъ Мироновича: «почемъ же вы можете знать, что тутъ нѣтъ изнасилованія, когда отказываетесь взглянуть на убитую?,» на что Мироновичъ опять отвѣтилъ: «полноте, какое тутъ изнасилованіе, зачѣмъ ее изнасиловать, некому было». На предложеніе затѣмъ пристава Рейзина осмотрѣть и провѣрить имущество въ кладовой, Мироновичъ выразилъ непонятную для присутствовавшихъ безпечность, сказавъ съ увѣренностью, что тамъ ничего не пропало. При этомъ онъ все время былъ сильно взволнованъ, ни минуты не посидѣлъ, постоянно ходилъ и говорилъ: то съ напускною развязностью и совершенно не кстати разсказывалъ о своей прежней полицейской службѣ, то вдругъ внезапно переходилъ къ совершившемуся преступленію, выражая сожалѣніе къ покойной... Но въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ, онъ, не смотря на многократныя приглашенія, не пожелалъ войти, отзываясь нервностью, и вошелъ туда только одинъ разъ, и то вслѣдствіе категорическаго предложенія прокурора С.-Петербургской судебной палаты Муравьева. Когда же приставъ Рейзинъ, найдя въ комнатѣ, смежной съ конторою, на диванѣ вышеупомянутыя 10 квитанцій и вексель Грязнова, обратилъ вниманіе Мироновича на эти документы, то онъ, осмотрѣвъ ихъ, высказалъ увѣренность, что убійство совершено Грязновымъ, что онъ знаетъ послѣдняго за мерзавца, и что это непремѣнно его дѣло; при этомъ онъ сталъ даже предлагать свои услуги, говоря, что онъ, какъ сыщикъ, легко можетъ розыскать Грязнова. Отъ предположенія о виновности Грязнова въ убійствѣ Мироновичъ не отказался даже и тогда, когда получено было вполнѣ вѣрное свѣдѣніе, что Грязновъ, содержащійся въ домѣ предварительнаго заключенія съ 9-го іюня, не имѣлъ никакой возможности совершить это преступленіе, говоря, что изъ тюрьмы можно уйдти ночью, и что, если и не самъ Грязновъ, то кто нибудь изъ его близкихъ, по его порученію, могъ это сдѣлать. При этомъ Мироновичъ нѣсколько разъ и особенно обращалъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что наканунѣ онъ унесъ изъ ссудной кассы ровно въ 9 часовъ вечера.

Изложенія обстоятельства настоящаго дѣла послужили основаніемъ къ заподозрѣнію отставного полковника Мироновича въ томъ, что, имѣя намѣреніе лишить невинности малолѣтнюю Сарру Беккеръ и воспользовавшись для этого послѣдней поѣздкой отца ея въ Сестрорѣцкъ, во время которой она двѣ ночи съ 26-го на 27-е и съ 27-го на 28-е августа ночевала въ ссудной кассѣ одна, онъ въ эту послѣднюю ночь пытался лишить ее невинности, но не успѣлъ, въ этомъ вслѣдствіе, вѣроятно, съ ея стороны сопротивленія и поэтому, будучи раздраженъ этой неудачей и опасаясь неизбѣжнаго оглашенія столь позорнаго для него, какъ для пожилого и семейнаго человѣка, дѣянія, — рѣшился лишить ея жизни, а затѣмъ уже, дабы придать убійству характеръ разбоя, — самъ вынулъ изъ витрины разныя вещи и изъ письменнаго стола деньги и подбросилъ вексель

и квитанціи Грязнова, будучи убѣжденъ, что послѣдній находится на свободѣ, — въ надеждѣ отклонить отъ себя подозрѣніе и оставить таковое на Грязновѣ, прошлое котораго уже опорочено судимостью.

Но Мироновичъ не призналъ себя виновнымъ въ этомъ преступленіи и, между прочимъ, показалъ: что никакого намѣренія воспользоваться невинностью Сарры Беккеръ онъ не имѣлъ и никогда ей особенныхъ ласкъ и расположенія своего не выражалъ, но цѣнилъ ее какъ дѣвочку честную, способную и весьма полезную для его конторы. Считая Сарру еще дѣвочкой, онъ дѣйствительно, въ отсутствіи отца ея, никогда не оставлялъ ссудной кассы на попеченіи ея одной, а всегда или самъ находился въ кассѣ, или въ случаѣ своего ухода, поручалъ мѣстнымъ дворникамъ присматривать за кассой до своего возвращенія; на ночь же обыкновенно присылалъ своего дворника, который и ночевалъ въ кассѣ вмѣстѣ съ Саррой. Двѣ послѣднія ночи онъ дворника не посылалъ въ ссудную кассу, такъ какъ, во 1-хъ, надѣялся на прочные запоры кассы и былъ увѣренъ, что Сарра никому постороннему дверей не откроетъ, а во 2-хъ, потому, что отвѣтственнымъ лицомъ за цѣлость кассы былъ Беккеръ, который и долженъ былъ бы вознаградить за убытки, если бы таковые были причинены ему во время отлучки послѣдняго. 27-го августа ровно въ 9 часовъ вечера онъ ушелъ изъ кассы, приказавъ Саррѣ запереть дверь на крючекъ, и вмѣстѣ съ любовницей своей Федоровой, которая передъ этимъ принесла ему отданное ей въ починку пальто, отправился къ себѣ на квартиру — въ свой домъ по Болотной улицѣ на Пескахъ, куда прибылъ, вѣроятно, не позже 10-ти часовъ вечера: шли они сперва по Невскому проспекту до Лиговки, потомъ по Лиговкѣ поѣхали въ вагонѣ конно-желѣзной дороги и на углу Слоновой и Болотной, выйдя изъ вагона, пошли дальше пѣшкомъ. Не доходя до своего дома, онъ разстался съ Федоровой и приказалъ послѣдней принести къ нему на квартиру пластырь для фонтанели, отданный ей раньше для нарѣзки въ кружки, — самъ отправился домой и, имѣя при себѣ ключъ отъ парадnаго хода, прямо прошелъ въ свою квартиру, гдѣ въ то время находилась воспитанница его 11-ти лѣтняя дѣвочка Марія и приходившая только присматривать за нею жена управляющаго его домомъ старуха Наталья Иванова; никакой комнатной прислуги онъ тогда не держалъ и всѣ необходимыя услуги по квартирѣ исполнялъ его старшій дворникъ Николай Кирилловъ, проживающій вмѣстѣ съ младшимъ дворникомъ Семеномъ Васильевымъ и временно находившимся у него плотникомъ Николаемъ Константиновымъ въ дворницкой на дворѣ. Отпустивъ старуху Иванову и приказавъ дворнику Кириллову приготовить самоваръ, онъ вышелъ со свѣчей на парадную лѣстницу, такъ какъ по его разсчету, уже должна была придти Федорова, которую онъ, дѣйствительно, и встрѣтилъ тамъ и взявъ отъ нея пластырь, передалъ ей машинку съ порошкомъ отъ клоповъ, послѣ чего Федорова сейчасъ же ушла, а онъ вернулся въ квартиру, заперъ дверь и, передавъ дворнику сапоги и платье, напился чаю и легъ спать въ одной комнатѣ съ воспитанницей Маріей и вскорѣ заснулъ. Всю ночь онъ рѣшительно никуда не отлучался и всталъ на другой день утромъ въ 6 часовъ, а въ 7 часовъ пришелъ къ нему его хорошій знакомый

Иванъ Павловъ Срамотко, занимающійся покупкою и продажею старыхъ вещей, съ которымъ онъ чай пилъ, и около 8 часовъ отправился вмѣстѣ съ нимъ на своей лошади въ шарабанѣ къ коллежскому ассесору Подускову, проживающему по Пушкинской улицѣ, съ цѣлью просить его содѣйствія къ розысканію офицера Пороховникова, который передъ тѣмъ обманулъ его, заложивъ въ его ссудной кассѣ за 200 руб. ничего не стоющій билетъ симбирскаго банка, причемъ пока онъ находился въ квартирѣ Подускова, Срамотко ожидалъ его на шарабанѣ. Затѣмъ, подвезя Срамотко до Невскаго проспекта, онъ уже одинъ поѣхалъ въ свою ссудную кассу, гдѣ и узналъ объ убійствѣ Сарры Беккеръ. Осмотрѣвъ кассу, онъ убѣдился, что она не разграблена, но, тѣмъ не менѣе, обнаружилъ пропажу нѣсколькихъ цѣнныхъ вещей изъ витрины — однихъ золотыхъ и однихъ серебряныхъ мужскихъ часовъ, двухъ золотыхъ дамскихъ медальоновъ, брошки, серегъ, портъ-сигара и ложки, всего на сумму около 400 руб., и изъ письменнаго стола денегъ около 50 руб. и одного векселя на 50 руб. выданнаго крестьяниномъ Павломъ Грязновымъ; другой же вексель на такую же сумму и 10 квитанцій ссудной кассы на заложенныя вещи Грязнова, которые передъ этимъ хранились въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола, оказались лежащими на диванѣ въ смежной комнатѣ съ конторой. Первоначально, въ виду пропажи этихъ векселей и квитанцій, онъ былъ убѣжденъ въ виновности въ убійствѣ Сарры Беккеръ Грязнова, такъ какъ послѣдній интересовался своими вещами и хотѣлъ ихъ выкупить, хотя впрочемъ, ни квитанціи, ни векселя не имѣли никакого значенія, такъ какъ первыя были давно просрочены, а по векселямъ нечего было взять съ Грязнова. Впослѣдствіи же, узнавъ, что Грязновъ не могъ совершить этого преступленія, такъ какъ содержался подъ стражею, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе, но, тѣмъ не менѣе, допускаетъ, что убійство могло быть совершено въ интересахъ Грязнова, т. е. опять-таки съ цѣлью похищенія векселей и квитанцій кѣмъ нибудь изъ лицъ близкихъ къ Грязнову: однимъ изъ такихъ могъ быть нѣкто Похитоновъ. Наконецъ, отказавшись отъ этого мнѣнія, Мироновичъ высказалъ предположеніе, что убійцею Сарры Беккеръ могла быть и женщина, на что указываетъ показаніе свидѣтеля Ипатова, видѣвшаго Сарру въ 10 час. вечера на лѣстницѣ съ какой-то женщиной; а такъ какъ женщина та, по словамъ Ипатова, походила по типу на еврейку, то у него рождается подозрѣніе въ убійствѣ на кухарку ювелира Брандта — еврейку Рахиль Чеснову, которая, какъ самъ онъ замѣчалъ, была очень дружна съ покойной и поэтому легко могла воспользоваться ея простотою и, выманивъ отъ нея вещи и деньги, затѣмъ убить ее.

Допрошенные по ссылкѣ на нихъ обвиняемаго Мироновича нижепомѣнованные свидѣтели объяснили:

Любовница Мироновича — Марья Федорова, что дѣйствительно 27-го августа, въ 9 час. вечера, она принесла въ ссудную кассу Мироновича пальто, которое онъ отдалъ ей въ починку, и Мироновичъ, взявъ отъ нея это пальто, приказалъ ей подождать немного, говоря, что онъ сейчасъ выйдетъ и вмѣстѣ пойдутъ домой. Находя неловкимъ ожидать Мироновича на лѣстницѣ, Федорова вышла на Невскій проспектъ, и пошла по напра-

вленію къ Знаменью, а минутъ черезъ 5 ее догналъ Мироновичъ и затѣмъ они отправились дальше. Проходя мимо булочной, Мироновичъ купилъ два сдобныхъ хлѣба, изъ которыхъ одинъ далъ Федоровой, которая при этомъ попросила его дать ей денегъ на ужинъ, такъ какъ у нея не было ни копѣйки, и онъ далъ ей 20 коп., сказавъ, что завтра онъ дастъ ей больше. Дойдя до Лиговскаго канала, они сѣли въ вагонъ, въ которомъ доѣхали до угла Слоновой и Болотной улицъ, а затѣмъ пошли пѣшкомъ по направленію къ дому Мироновича. Дорогою Мироновичъ просилъ Федорову принести ему пластырь для фонтанели, который онъ раньше далъ ей нарѣзать въ кружки, при этомъ прибавилъ, чтобы она не входила къ нему въ квартиру, такъ какъ у него теперь живетъ дочь, а чтобы положила пластырь подъ ступеньку его лѣстницы. Затѣмъ они разстались. Придя домой, Федорова, не раздѣваясь, взяла пластырь и сейчасъ же пошла въ домъ Мироновича, который отворилъ ей дверь своей квартиры и, взявъ отъ нея пластырь, передалъ ей машинку и порошокъ отъ насѣкомыхъ, послѣ чего она сейчасъ же ушла обратно и, проходя мимо какого-то часового магазина, видѣла, что тогда было половина одиннадцатаго вечера.

Жена управляющаго домомъ Мироновича, Наталья Иванова, и воспитанница его, дѣвочка Марья — что 27-го августа Мироновичъ вернулся къ себѣ на квартиру приблизительно въ 10 часовъ вечера и сказалъ Ивановой, что она можетъ ложиться спать, послѣ чего она и пошла къ себѣ. Затѣмъ дворникъ подалъ самоваръ. Мироновичъ и его воспитанница напились чаю и легли спать, причемъ послѣдняя скоро заснула, и что дальше было — не знаетъ.

Старшій дворникъ Мироновича, Николай Кирилловъ — что 27-го августа, утромъ, Мироновичъ приказалъ ему заложить лошадь въ шарабанъ и, привязавъ ее у воротъ, отправиться самому пѣшкомъ въ ссудную кассу и ждать тамъ его пріѣзда, такъ какъ, по его словамъ, Беккеръ старикъ съ его разрѣшенія поѣхалъ въ Сестрорѣцкъ навѣстить семью. Кирилловъ пришелъ въ кассу въ девятомъ часу утра и засталъ уже тамъ пріѣхавшаго раньше его Мироновича, который побранилъ его за то, что онъ запоздалъ; приказалъ ему сидѣть въ кассѣ, пошелъ самъ пить чай къ Янцысу. Вернувшись въ кассу минутъ черезъ двадцать, онъ приказалъ Кириллову отвести лошадь домой, отпречь ее и сходить въ окружной судъ за гербовой бумагой, которую и принести ему. По исполненіи этого порученія, Мироновичъ отпустилъ Кириллова домой, приказавъ ему приготовить самоваръ къ 11 часамъ вечера. Вслѣдствіе этого Кирилловъ въ 10 час. поставилъ самоваръ и сталъ въ кухнѣ ожидать возвращенія Мироновича, который пришелъ въ половинѣ или 40 минутъ одиннадцатаго и, взявъ отъ Кириллова изъ кухни черезъ окно самоваръ и передавъ ему сапоги (въ комнаты же онъ обыкновенно дворниковъ не пускалъ), сказалъ Кириллову, что онъ больше ему не нуженъ. Тогда Кирилловъ заперъ кухню и, выйдя съ подручнымъ своимъ Васильевымъ на улицу, увидѣлъ, что закрываютъ трактиръ, т. е., что 11 часовъ вечера, поэтому онъ потушилъ всѣ лампы и, заперевъ дверь парадной лѣстницы, ключъ отъ которой взялъ къ себѣ, пошелъ

въ дворницкую въ подвалѣ спать. Уходилъ ли куда ночью Мироновичъ — Кириллову неизвѣстно, но онъ очень легко могъ уйти и вернуться незамѣтно для дворниковъ слѣдующимъ способомъ: имѣя постоянно при себѣ ключъ отъ своей квартиры, онъ могъ пройти по парадной лѣстницѣ на черный ходъ, оттуда на дворъ, со двора же на улицу, такъ какъ калитка не запиралась, а всегда была только на цѣпи. Но Кирилловъ удостовѣряетъ, что въ эту ночь Мироновичъ на лошади никуда не уѣзжалъ, такъ какъ ключи отъ каретнаго сарая и отъ конюшни были у Кириллова, и ни онъ самъ ни подручный его, Васильевъ, не закладывали для Мироновича лошади, не отпирали воротъ, и что, вообще, во всю эту ночь Мироновичъ не призывалъ ихъ къ себѣ. На другой день Кирилловъ около 6 часовъ утра пришелъ въ кухню, и едва успѣлъ налить воду въ самоваръ, какъ Мироновичъ отворилъ окошко изъ комнаты въ кухню и спросилъ его, готовъ ли самоваръ? Вскорѣ затѣмъ прошелъ къ Мироновичу черезъ кухню его знакомый Срамотко, вмѣстѣ съ которымъ онъ и уѣхалъ со двора на шарабанѣ въ началѣ 9 часа утра.

Отставной унтеръ-офицеръ Иванъ Павловъ Срамотко, — что 28-го августа, часовъ въ семь утра, онъ зашелъ по дѣлу къ Мироновичу, котораго засталъ уже вставшимъ, но еще не одѣтымъ. Мироновичъ жаловался, что офицеръ Пороховниковъ заложилъ ему за 200 руб. ничего не стоющій билетъ саратовско-симбирскаго банка и просилъ его съѣздить съ нимъ къ Пороховникову, чтобы поговорить по этому дѣлу. Срамотко согласился, и въ девятомъ часу они отправились вмѣстѣ въ домъ Мурузи, гдѣ жила Пороховниковъ, но оказалось, что онъ переѣхалъ въ домъ № 11 по Пушкинской улицѣ, поэтому они поѣхали въ означенный домъ, но и тамъ Пороховникова не нашли. Послѣ этого Мироновичъ приглашалъ Срамотку ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ ссудную кассу, но тотъ за неимѣніемъ времени отказался и Мироновичъ одинъ поѣхалъ въ кассу.

Коллежскій ассесоръ Подусковъ — что 28-го августа, въ 9 часу утра, къ нему въ квартиру вошелъ Мироновичъ, съ которымъ его знакомство ограничивалось одними поклонами, и сказалъ ему: «у тебя стоитъ Пороховниковъ, на что онъ отвѣчалъ, что Пороховниковъ дѣйствительно нанялъ было у него комнату, но вчера онъ ему, отказалъ. На вопросъ же Подускова: въ чемъ дѣло? Мироновичъ, который былъ крайне взволнованъ и раздраженъ, разсказалъ, что Пороховниковъ заложилъ ему за 200 рублей акціи какого-то банка, которыя ничего не стоятъ, и при этомъ онъ, сжавъ кулаки, закричалъ: «если я его встрѣчу мошенника, то я его убью!» Зная Мироновича за человѣка богатаго, Подусковъ спросилъ его: «неужели ему такъ дороги 200 рублей», на что онъ отвѣтилъ, что ему не дороги 200 руб., а «важно то, что его, честнаго, благороднаго человѣка надули», и потомъ онъ сталъ просить Подускова помочь ему розыскать Пороховникова. Опасаясь оставаться одинъ-на-одинъ съ Мироновичемъ, вслѣдствіе его чрезвычайно раздраженнаго состоянія, Подусковъ хотя и сомнѣвался въ томъ, чтобъ такое его волненіе было вызвано потерею 200 рублей, тѣмъ не менѣе изъявилъ свое согласіе на все, что только онъ потребуетъ, лишь бы поскорѣе отвязаться отъ него, послѣ чего Мироновичъ уѣхалъ.

Прослѣженное такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, поведеніе обвиняемаго Мироновича съ 9-ти часовъ вечера 27-го августа до 9-ти часовъ утра 28-го августа, не только не заключало въ себѣ ничего подозрительнаго, но даже, казалось бы, должно было исключить совсѣмъ виновность его въ убійствѣ Сарры Беккеръ, особенно въ виду показанія старшаго дворника Кириллова и вполнѣ согласнаго съ нимъ показанія младшаго дворника Семена Васильева о томъ, что въ ночь на 28-е августа Мироновичъ никуда рѣшительно на лошади не уѣзжалъ. Но именно достовѣрность этихъ свидѣтельскихъ показаній въ значительной степени подрывается, во 1-хъ, изложеннымъ уже выше показаніемъ свидѣтельницы кухарки Егоровой, во 2-хъ показаніемъ ночевавшаго въ эту ночь въ дворницкой вмѣстѣ съ дворниками Кирилловымъ и Васильевымъ плотника Николая Константинова, который удостовѣряетъ слѣдующее: въ ночь на 28-е августа Константиновъ ночевалъ въ дворницкой дома Мироновича вмѣстѣ съ дворниками Кирилловымъ и Васильевымъ и съ сыномъ своимъ Гурьяномъ: ночью, — въ которомъ часу не знаетъ, въ дворницкой раздался звонокъ, отъ котораго онъ проснулся и видѣлъ, что младшій дворникъ Васильевъ вышелъ изъ дворницкой и не возвращался минутъ 15 или 20; придя затѣмъ въ дворницкую, Васильевъ сказалъ, — что «пріѣхалъ баринъ и что онъ откладываетъ лошадь». Послѣ этого старшій дворникъ ходилъ наверхъ но былъ тамъ самое малое время и, вернувшись легъ спать. На очной ставкѣ свидѣтели Константиновъ и Васильевъ остались при своихъ показаніяхъ. Свидѣтель же Гурьянъ Николаевъ — сынъ Константинова — объяснилъ: что въ означенную ночь онъ спалъ крѣпко, ни разу не просыпался и поэтому не слыхалъ былъ ли звонокъ, и выходилъ ли изъ дворницкой кто либо изъ дворниковъ.

Независимо отъ этого, изъ показанія свидѣтелей митавскаго мѣщанина Менделея Гершовича и крестьянина Алексѣя Короткова видно: что 27-го августа часовъ въ 9 вечера въ мастерскую портного Дателя, гдѣ служитъ подмастерьемъ Гершовичъ, зашелъ знакомый послѣдняго Коротковъ, служащій подмастерьемъ у портного Соловьева—на углу Загороднаго проспекта и Щербакова пер. Окончивъ свою работу Гершовичъ въ началѣ 10 часа вышелъ вмѣстѣ съ Коротковымъ на Невскій проспектъ и, остановившись у дома № 57, они стали разговаривать. Въ это время изъ воротъ вышелъ Мироновичъ съ какой-то женщиной и пошелъ по направленію къ Знаменской церкви, но, пройдя не болѣе домовъ трехъ, Мироновичъ вернулся назадъ уже безъ женщины и, подойдя къ Гершовичу, спросилъ послѣдняго — передѣлываетъ ли онъ самъ пиджакъ и брюки, возвращенные ему Мироновичемъ, какъ плохо сдѣланные? Получивъ затѣмъ утвердительный отвѣтъ отъ Гершовича, Мироновичъ сейчасъ же вошелъ въ ворота дома № 57, но куда именно онъ отправился — Гершовичъ и Коротковъ не видали. Сами они стояли у воротъ не долго, не болѣе 10 — 15 минутъ, и потомъ разошлись по домамъ. При нихъ Мироновичъ изъ воротъ обратно не выходилъ.

Таковы были обстоятельства настоящаго дѣла, раскрытыя первоначальнымъ, предварительнымъ слѣдствіемъ, которое уже предположено было

закончить, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, 29-го сентября 1883 года, въ 3 часа дня, къ приставу 3-го участка Московской части г. С.-Петербурга Гордану явилась неизвѣстная молодая женщина, прилично одѣтая, и назвавшись дочерью дворянина Тверской губерніи Екатериной Николаевой Семеновой, объявила, что убійство Сарры Беккеръ совершила она съ цѣлью ограбленія кассы ссудъ, вслѣдствіе безумной любви къ отставному поручику Михаилу Михайлову Безаку, которому она и передала послѣ убійства похищенныя ею вещи и деньги. — Въ тотъ же день Семенова была препровождена въ управленіе с.-петербургской сыскной полиціи, гдѣ она подтвердила свою явку съ повинною, а затѣмъ на допросѣ у судебнаго слѣдователя въ чрезвычайно подробномъ показаніи своемъ, продолжавшемся нѣсколько дней, объяснила слѣдующее: Происходя изъ дворянъ Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи, она въ дѣтствѣ, лишилась отца, который, за подлогъ векселей, былъ сосланъ по суду въ Архангельскую губернію и вмѣстѣ съ сестрой своей, Александрой, осталась при матери, которая, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, вскорѣ отдала ихъ обѣихъ на воспитаніе — Александру купцу Дикову, а ея генеральшѣ Софьѣ Корсаковой. Въ матеріальномъ отношеніи ей жилось тамъ хорошо, но нравственно ее нерѣдко оскорбляли, давая чувствовать ея бѣдность, называя испорченной и пр. Во время нахожденія ея у генеральши Корсаковой у нея были гувернантки, кромѣ того съ ней занималась сама г-жа Корсакова и ея сыновья, но образованіе ея шло безъ всякой системы, такъ сказать, скачками. На 15 году г-жа Корсакова отдала ее въ пансіонъ Устимовичъ въ г. Твери, гдѣ также съ матеріальной стороны ей жить было хорошо, но и здѣсь также оскорбляли ея самолюбіе, говоря, что она бѣдная, что она должна быть «тише воды — ниже травы», а когда бывало она, не желая быть хуже другихъ богатыхъ воспитанницъ одѣтою, перевернетъ на изнанку свое платье и перешьетъ, то надъ ней смѣялись, говоря: «голь на выдумки хитра». Пробывъ въ пансіонѣ Устимовичъ одинъ годъ и не окончивъ образованія, она, по распоряженію г-жи Корсаковой, была помѣщена въ городѣ Москвѣ въ Серпуховскомъ пріютѣ, гдѣ ее заставляли учиться шить, стирать бѣлье, мыть полы — словомъ, она попала въ чернорабочія. Эта рѣзкая перемѣна жизни не прошла для нея безслѣдно: неприглядная обстановка пріюта, вставаніе въ 6 час. утра, крайне плохая пища, постоянныя работы ее сильно тяготили и вліяли на ея характеръ, дѣлая его неровнымъ и вспыльчивымъ. Иногда она безпрекословно подчинялась всѣмъ требованіямъ, иногда же возмущалась, говорила дерзости наставницамъ, однажды чуть было не поколотила начальницу. По прошествіи года Семенову навѣстила мать и вслѣдствіе ея просьбы взяла ее изъ Серпуховскаго пріюта съ тѣмъ, чтобы отправить ее въ Петербургъ къ своимъ родственникамъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы она побывала у г-жи Корсаковой, которая, узнавъ о ея рѣшеніи, подарила ей немного платья и затѣмъ простилась съ ней ужъ навсегда, какъ выражается Семенова, отпустила ее съ Богомъ на всѣ четыре стороны. Пріѣхавъ въ Петербургъ одна, такъ какъ мать по неимѣнію средствъ не могла ей сопутствовать, Семенова прямо оттуда

отправилась въ Царское Село къ своему дядѣ, учителю Игнатію Ленкевичу, который принялъ ее радушно и охотно сталъ подготовлять ее къ экзамену на учительницу. Спустя годъ она успѣшно выдержала экзаменъ при царскосельской мужской гимназіи и была назначена учительницей народной школы въ деревнѣ Озерахъ, отстоящей въ 6 верстахъ отъ станціи Елизаветино Балтійской желѣзной дороги. Тогда ей было ровно 17 лѣтъ. Прошелъ первый годъ учительства Сереновой, наступилъ экзаменъ, на которомъ присутствовалъ попечитель школы, царско-сельскій предводитель дворянства Платоновъ, и остался доволенъ успѣхами учениковъ. Съ тѣхъ поръ г. Платоновъ и его семейство стали принимать участіе въ Семеновой, приглашали ее къ себѣ въ деревню, старались доставить ей удовольствія. Но однообразная деревенская жизнь и занятія народной учительницы скоро надоѣли Семеновой, она стала часто ѣздить въ Петербургъ и пользоваться столичными удовольствіями, которыя вначалѣ для нея были очень заманчивы. Затѣмъ она заболѣла разстройствомъ умственныхъ способностей и была помѣщена на излеченіе въ какую-то больницу, откуда ее взяли къ себѣ въ деревню гг. Платоновы и тамъ она поправилась. Послѣ этого она проживала нѣкоторое время вмѣстѣ съ матерью своей въ имѣніи графа Менгдена, гдѣ мать ея, при содѣйствіи тѣхъ же Платоновыхъ, получила мѣсто кастеляншн, а по возвращеніи оттуда въ Петербургъ поступила гувернанткой къ дѣтямъ Чемерзина. Находясь на этомъ мѣстѣ, она однажды, гуляя въ Пассажѣ, познакомилась съ военнымъ докторомъ, который ей понравился; она вступила съ нимъ въ связь и онъ лишилъ ее невинности. Это дошло до генерала Чемерзина, и она потеряла мѣсто. Съ тѣхъ поръ она занимала въ разныхъ домахъ мѣста гувернантки, бонны, компаньонки, сестры милосердія, занималась письмоводствомъ, при этомъ очень часто мѣняла мѣста и занятія и нигдѣ подолгу не оставалась, отчасти благодаря своему неуживчивому характеру, отчасти по винѣ лицъ, у которыхъ она служила. За это же время она находилась въ связи съ нѣсколькими молодыми людьми, была беременна и выкинула мертваго младенца. Въ маѣ мѣсяцѣ 1883 года она случайно познакомилась въ ресторанѣ Палкина съ отставнымъ поручикомъ Михаиломъ Михайловымъ Безакомъ, служившемъ въ это время въ штатѣ с.-петербургской полиціи, вскорѣ безумно влюбилась въ него и безотчетно отдалась ему, сдѣлавшись послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, готовымъ исполнять всѣ его желанія. Вначалѣ и Безакъ отвѣчалъ ей взаимностью, но спустя недолгое время между ними произошла размолвка: Безакъ объявилъ ей, что онъ человѣкъ бѣдный, имѣетъ жену и ребенка, проживавшихъ въ то время въ Выборгѣ, которыхъ обязанъ содержать, что поэтому онъ не можетъ помогать ей, и что, если ей угодно, то она можетъ поступить на содержаніе къ какому нибудь богатому человѣку. Семенова сильно огорчилась этимъ, покушаясь даже отравиться, но благодаря во-время оказанной ей помощи при содѣйствіи того же Безака выздоровѣла, вновь помирилась съ Безакомъ и даже временно поселилась у него на дачѣ — по Черной Рѣчкѣ. Но, не смотря на это примиреніе, обращеніе съ ней Безака значительно перемѣнилось: онъ сдѣлался холоденъ, невѣжливъ, грубъ, однажды бро-

силъ въ нее сапогомъ и разсѣкъ ей губу. Изъ-за этого она оставила его и рѣшилась обратиться къ градоначальнику съ просьбою оказать ей помощь къ пріисканію средствъ къ жизни. Опоздавъ къ пріему градоначальника, она встрѣтила въ канцеляріи чиновника Владиміра Павлова Разумихина, который, узнавъ о ея безвыходномъ положеніи, далъ ей 3 рубля и рекомендательное письмо къ своей женѣ, проживающей въ то время на дачѣ, въ которомъ рекомендовалъ принять Семенову въ гувернантки къ дѣтямъ. Г-жа Разумихина привѣтливо приняла Семенову и дала ей отвѣтное письмо къ мужу, съ которымъ она и явилась къ послѣднему. Между ними завязался дружескій разговоръ, и въ тотъ же вечеръ она имѣла связь съ Разумихинымъ и осталась у него ночевать. Послѣ этого случая она опять сошлась съ Безакомъ, такъ какъ — по ея словамъ — со времени знакомства съ нимъ никогда не переставала любить его. Между тѣмъ, Безакъ былъ оставленъ за штатомъ и пересталъ получать жалованье; у Семеновой никакихъ занятій не было и матеріальное положеніе ихъ съ каждымъ днемъ ухудшалось. Постоянныя сѣтованія Безака на критическое положеніе, просьбы и требованія добыть откуда нибудь денегъ, его неясныя сперва намеки, а затѣмъ вполнѣ категорическіе подговоры къ совершенію преступленія, ради обогащенія, при взаимномъ ихъ желаніи пожить въ свое удовольствіе, вскорѣ вовлекли Семенову въ цѣлый рядъ мелкихъ преступленій, совершенныхъ частью ею одною, частью при содѣйствіи Безака. Такъ: въ августѣ мѣсяцѣ Семенова похищаетъ въ меблированной квартирѣ — на Малой Подъяческой улицѣ, изъ комнаты жильца, судебнаго розсыльнаго при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ Эйсымонта — фракъ, брюки и мундиръ, въ карманѣ котораго были свидѣтельство, выданное Эйсымонту отъ предсѣдателя окружнаго суда и два ордера того же предсѣдателя на имя Эйсымонта на полученіе по каждому изъ нихъ по 4 р. 50 к., и вещи эти кромѣ документовъ, закладываетъ въ ссудныхъ кассахъ, а деньги передаетъ Безаку, разсказавъ ему о способѣ пріобрѣтенія ихъ. Изъ квартиры своей знакомой г-жи Павловской она похищаетъ золотые часы съ цѣпочкою и передаетъ Безаку, который закладываетъ ихъ, и на замѣчанія ея, что вотъ она уже и между своими знакомыми начинаетъ позорить себя — утѣшаетъ ее, говоря, что это пустяки. Далѣе, изъ квартиры доктора Кохапова она похищаетъ часы, подстаканникъ и печатку и, наконецъ, при участіи Безака, въ меблированной квартирѣ, на углу Невскаго пр. и Литейнаго, изъ комнаты жильца, дворянина Горскаго, похищаетъ часы съ цѣпочкой и медальономъ. Кромѣ кражъ они прибѣгали къ другимъ способамъ добыть деньги: такъ — выдавая себя, Безакъ за полицейскаго офицера по фамиліи Семеновъ, а Семенова за сестру его, — путемъ такого обмана они выманиваютъ отъ торговца въ Александровскомъ рынкѣ Мухина 18 рублей подъ закладъ свидѣтельства Семеновой, выданнаго ей для свободнаго проживанія тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; когда же затѣмъ свидѣтельство это понадобилось Семеновой, то она выманила таковое отъ Мухина, давъ ему взамѣнъ похищенныя у Эйсымонта вышеупомянутыя свидѣтельство предсѣдателя окружнаго суда и два ордера,

при чемъ для того, чтобы увѣрить Мухина въ законности своего поступка. она представила Мухину записку, подписанную будто бы Эйсымонтомъ, котораго она назвала своимъ зятемъ, въ каковой запискѣ Эйсымонтъ просилъ, будто бы, Мухина возвратить Семеновой свидѣтельство и взять взамѣнъ такового его видъ и два ордера. Съ теченіемъ времени жажда богатства въ нихъ увеличивается и Семенова подъ вліяніемъ подговоровъ Безака рѣшается даже на убійство съ цѣлью ограбленія. Для осуществленія этого намѣренія они вмѣстѣ покупаютъ въ магазинѣ Санъ-Галли на Невскомъ проспектѣ, противъ памятника Императрицы Екатерины — гимнастическую гирю, какъ орудіе убійства, съ которой Семенова не разставалась, пося ее сперва за корсажемъ, — по ея словамъ для красоты бюста, а затѣмъ въ кожаной сумкѣ. Однажды, гуляя въ Таврическомъ саду, они оба пробовали эту гирю, ударяя ею о скамейку, отъ чего на послѣдней остались два небольшія углубленія, и на память объ этомъ эпизодѣ Безакъ написалъ карандашемъ сбоку скамейки число. Съ гирею этою она являлась въ квартиры извѣстныхъ ей за богатыхъ людей — купца Брауера и г. Яхонтова съ цѣлью, будто бы, убить ихъ и завладѣть ихъ имуществомъ, но у нея не хватило рѣшимости для этого преступленія. Между тѣмъ, страсть ея къ Безаку, поджигаемая временными размолвками и наступавшими затѣмъ примиреніями, возрастала все болѣе, Безакъ становился съ каждымъ днемъ требовательнѣе, наконецъ, объявилъ ей, что ему необходимы деньги для поѣздки къ семьѣ въ Выборгъ и далъ ей свои серебряные часы для того, чтобы она заложила ихъ гдѣ нибудь, а самъ остался ожидать въ Финляндской гостинницѣ — на Выборской сторонѣ — въ которой она тогда занимала номеръ. Это было вечеромъ 27-го августа 1883 года. Побывавъ въ нѣсколькихъ еврейскихъ ссудныхъ кассахъ и найдя ихъ запертыми по случаю субботы, — Семенова отправилась затѣмъ на извозчикѣ въ кассу ссудъ, помѣщающуюся на Невскомъ проспектѣ, въ домъ № 57, куда прибыла около 10 час. вечера. У воротъ означеннаго дома она встрѣтила еврейскую дѣвочку, впослѣдствіи оказавшуюся Саррой Беккеръ, которая, узнавъ о цѣли ея пріѣзда, объявила ей, что касса заперта, и посовѣтовала пріѣхать на другой день утромъ. Семенова уѣхала было, но вспомнивъ, что въ гостинницѣ ее ожидаетъ Безакъ, она вернулась къ тому же дому и, оставивъ извозчика у воротъ, отправилась въ ссудную кассу Мироновича въ надеждѣ упросить дѣвочку Сарру Беккеръ дать ей сейчасъ хотя немного денегъ. На лѣстницѣ, ведущей въ кассу ссудъ, она догнала Сарру и стала разговаривать съ ней. Въ это время мимо нихъ два раза прошелъ по лѣстницѣ какой-то человѣкъ въ квартиру, расположенную противъ ссудной кассы. Уступая просьбамъ Семеновой, Сарра Беккеръ повела ее въ кассу, отперевъ дверь ключемъ, который вложила затѣмъ обратно въ замокъ съ внутренней стороны, и взявъ отъ нея часы Безака, дала ей 3 рубля. Въ это время у Семеновой явилась мысль убить Сарру и обворовать кассу: въ сильномъ волненіи, блѣдная и дрожащая, она попросила Сарру дать ей воды, и когда та, поставивъ лампочку на плитѣ въ кухнѣ, вынесла ей въ корридоръ стаканъ воды, она нанесла ей въ томъ же корридорѣ ударъ гирею по

головѣ, отчего Сарра упала на полъ, обливаясь кровью и неистово крича о помощи. Оттащивъ немного въ сторону лежавшую на полу Сарру, она нанесла ей еще нѣсколько ударовъ гирею по головѣ, а потомъ отнесла ее въ маленькую комнатку на-лѣво изъ кухни и, положивъ на креслѣ, налегла на нее своимъ тѣломъ и зажала ей ротъ платкомъ. Во время борьбы Сарра укусила ей указательный палецъ правой руки. Убѣдившись, что Сарра уже мертвая, она сняла съ пальца покойной два ключа и, обмывъ руки въ кухнѣ, но съ окровавленными рукавчиками и съ кровоточной раной на пальцѣ, ощупью пошла въ контору, оставивъ лампочку съ убавленнымъ свѣтомъ въ кухнѣ. Тамъ въ темнотѣ похитила она изъ письменнаго стола деньги и вынула какія-то бумаги, которыя бросила тутъ же или въ корридорѣ, захвативъ съ собой лишь одинъ какой-то вексель. Затѣмъ, изъ запертой витрины не отпирая ее ключемъ, а просунувъ руку между крышкою и боковою стѣнкой, она похитила двое мужскихъ и двое дамскихъ часовъ, медальонъ, брошку, ложку, портепгаръ, портмоне для серебряныхъ монетъ и двѣ коробочки маленькихъ запонокъ для рубахъ и, положивъ все это вмѣстѣ съ только что заложенными часами Безака и съ окровавленной гирею въ свою сумку, хотѣла уже уходить, какъ вдругъ кто-то хлопнулъ дверью противоположной квартиры и спросилъ, гдѣ 9-й №, на что послышался отвѣтъ, что тамъ не этотъ номеръ, а вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь кассы и извозчикъ, привезшій Семенову, спросилъ, здѣсь ли его пассажирка? Приказавъ извозчику уходить и сказавъ ему, что она сейчасъ выйдетъ, Семенова оставила кассу и, давъ дворнику 20 к., на томъ же извозчикѣ отправилась въ «Финляндскую гостинницу». Войдя въ свой номеръ, она сейчасъ разсказала Безаку о совершенномъ ею преступленіи и передала ему сумку съ украденными деньгами и вещами, послѣ чего они немедленно стали собираться и уѣхали въ гостинницу Кейзера на Васильевскомъ островѣ, причемъ, переѣзжая Тучковъ мостъ, она по совѣту Безака выбросила въ воду окровавленную гирю, рукавчики и захваченный ею въ кассѣ вексель. Изъ гостинницы Кейзера, пройдя пѣшкомъ до Невы, они на лодкѣ переѣхали Неву и отправились въ ресторанъ Дюссо, гдѣ поужинали и потомъ вернулись въ ту же гостинницу. Тамъ между ними рѣшено было, что Безакъ отправится въ Гельсингфорсъ сбыть украденныя вещи, а Семенова проведетъ нѣсколько дней въ дер. Озерахъ у знакомыхъ крестьянъ и будетъ ожидать извѣстій отъ Безака. Согласно этому уговору, Семенова, взявъ отъ Безака 5 р. и золотые дамскіе часы, съ утреннимъ поѣздомъ Балтійской желѣзной дороги поѣхала на станцію Елизаветино, а оттуда въ дер. Озерки, гдѣ остановилась въ домѣ крестьянина Максима Николаева, съ семействомъ котораго была хорошо знакома еще съ тѣхъ поръ, какъ служила учительницей. Въ деревнѣ, по словамъ Семеновой, ее постоянно преслѣдовали видѣнія совершеннаго ею преступленія, по ночамъ она спать не могла, съ нетерпѣніемъ ждала письма отъ Безака и, не дождавшись, 9-го сентября вернулась въ Петербургъ, гдѣ безъ всякихъ занятій и постоянно мѣняя квартиры, прожила до 29-го сентября, т. е. до дня ѣзки съ повинной. За это время, по неимѣнію средствъ, она сперва

заложила въ кассѣ ссудъ Нахамова вышеупомянутые золотые дамскіе часы и пальто свое, а квитанцію продала знакомому татарину Менкину; 17-го сентября похитила у акушерки Вольрондъ альбомъ съ фотографическими карточками и 24-го сентября у знакомой своей г-жи Погожевой золотые часы, о чемъ и увѣдомила послѣднюю запискою, прося извиненія у нея за этотъ поступокъ и оправдываясь безвыходнымъ положеніемъ. Наконецъ, 29-го сентября, не дождавшись письма отъ Безака и видя изъ этого, что онъ ее бросилъ, а съ другой стороны узнавъ, что въ убійствѣ Сарры Беккеръ неосновательно обвиняется Мироновичъ — Семенова рѣшилась признаться въ этомъ преступленіи и принесла явку съ повинною.

По предъявленіи врачамъ, производившимъ вскрытіе тѣла Сарры Беккеръ, той части показанія Семеновой, въ которой заключается описаніе совершеннаго ею убійства, гг. Горскій, Герингъ, Добрынинъ, и Янпольскій объяснили, что поврежденія, найденныя у умершей на головѣ, могли быть нанесены и гимнастическою гирею. Объясненіе же Семеновой о задушеніи ею Сарры Беккеръ, съ цѣлью скорѣйшаго прекращенія ея жизни, представляются не вполнѣ согласнымъ съ тѣми данными, которыя обнаружены вскрытіемъ трупа, и противорѣчатъ высказанному по этому предмету заключенію о способѣ задушенія, изложенному въ пунктѣ III-мъ мнѣнія (т. I. л. 23).

Въ виду показанія Семеновой, 6-го октября 1883 года въ селѣ Жаръ, Псковской губерніи, въ имѣніи тетки своей, г-жи Посниковой, былъ задержанъ агентомъ спб. сыскной полиціи отставной поручикъ Михаилъ Михайловъ Безакъ, который, какъ въ объясненіи, данномъ имъ въ сыскной полиціи, такъ затѣмъ и на предварительномъ слѣдствіи, отрицая всякую прикосновенность къ убійству Сарры Беккеръ, а также подстрекательство Семеновой на убійство кого бы то ни было и участіе въ совершенныхъ ею кражахъ и другихъ преступленіяхъ, между прочимъ, показалъ, что онъ, дѣйствительно, состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Семеновой, которая въ бесѣдахъ съ нимъ неоднократно высказывала, что она желаетъ быть богатой, составить себѣ, какъ она выражалась — «діавольское состояніе» — и этимъ состояніемъ купить его, Безака; что для достиженія этой цѣли она не остановится ни передъ какими средствами, ни даже передъ убійствомъ; часто говорила ему намеками о какихъ-то темныхъ способахъ къ наживѣ и во время ихъ размолвокъ стращала его тѣмъ, что онъ находится вполнѣ въ ея рукахъ и что, поэтому, долженъ быть солидарнымъ съ нею. На замѣчаніе же его, что пріобрѣтеніе богатства путемъ преступленія ведетъ къ наказанію, — она возражала, что у нея есть средство избѣгнуть наказанія, а именно: будто бы многіе заявятъ, что она сумасшедшая и судъ ее оправдаетъ. Какими матеріальными средствами располагала Семенова — ему неизвѣстно, но онъ подозрѣваетъ ее въ томъ, что она занимается кражами; самъ онъ существовалъ закладомъ своей мебели и другихъ вещей. Гимнастическая гиря дѣйствительно была куплена ими въ магазинѣ Санъ-Галли, но не какъ орудіе убійства, а единственно для гимнастики, такъ какъ, по словамъ Семеновой, какой-то докторъ совѣтовалъ ей заниматься гимнастикой, разсказаннаго же ею эпизода съ гирею

въ Таврическомъ саду никогда не было. Искренно любя свою жену и вступивъ въ связь съ Семеновой единственно для удовлетворенія половыхъ потребностей, такъ какъ жена его въ то время была больна и проживала въ Выборгѣ, — Безакъ, несмотря на навязчивость Семеновой и угрозы ея местью въ случаѣ разрыва съ нею, рѣшилъ окончательно порвать съ нею связь и 27-го августа въ послѣдній разъ отправился съ нею въ Финляндскую гостинницу, чтобы возвратить ей ея квитанціи на заложенныя вещи. Не заставъ ея дома, онъ сталъ ожидать ее въ номерѣ. Около 11-ти часовъ вечера Семенова возвратилась, повидимому, чѣмъ то сильно взволнованная, но крови ни на платьѣ ея, ни на рукахъ онъ незамѣтилъ, а еслибы и увидѣлъ на ней кровь, то не удивился бы. такъ какъ незадолго передъ этимъ она выкинула и часто бывала въ крови. Войдя въ номеръ, она вынула изъ своего сакъ-вояжа и показала ему нѣсколько десятковъ рублей и разныя вещи — портъ-сигаръ, медальонъ, брошку, часы и др., сказавъ, что получила ихъ отъ сестры. Онъ же, не повѣривъ, сразу высказалъ ей, что она эти вещи и деньги украла, и объявилъ, что онъ не желаетъ быть солидарнымъ съ нею и уѣзжаетъ въ Выборгъ: изъ-за этого между ними произошла ссора, при чемъ Семенова потребовала отъ него непремѣнно сбыть означенныя выше вещи, угрожая запутать его въ дѣло, въ случаѣ если онъ ее оставитъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ невиннымъ участникомъ кражи, совершенной Семеновой, Безакъ, вынужденъ былъ исполнить ея требованіе относительно сбыта вещей, но при этомъ ему и въ голову даже не приходило, чтобы вещи эти могли достаться Семеновой путемъ убійства, и сама она ему объ этомъ ничего не говорила. Они тотчасъ оставили Финляндскую гостинницу и переѣхали на Васильевскій Островъ, въ гостинницу Кейзера; причемъ, переѣзжая Тучковъ мостъ, Семенова сходила съ извозчика, сказавъ, что ей нужно поправить платье, но что она дѣлала — Безакъ не разглядѣлъ. Изъ гостинницы Кейзера они ѣздили ужинать къ Дюссо; при переѣздѣ на лодкѣ черезъ Неву, Семенова выбросила въ воду какой то свертокъ. Какъ въ Финляндской гостинницѣ, такъ и въ гостинницѣ Кейзера, Семенова умывалась, на что Безакъ особаго вниманія не обратилъ. Утромъ они разстались: Семенова, взявъ изъ вышеозначенныхъ денегъ и вещей 6 рублей и дамскіе золотые часы, отправилась по Балтійской желѣзной дорогѣ въ деревню Озера, а Безакъ, получивъ остальныя деньги и вещи, повезъ продавать послѣднія въ Гельсингфорсъ, гдѣ и продалъ изъ нихъ портсигаръ и медальонъ за 100 марокъ, въ магазинѣ Фагеруса, брошку и ложку въ магазинѣ Молико за 100 марокъ двое часовъ — какому-то часовщику за 30 марокъ, а прочія не знаетъ кому. Изъ Гельсингфорса онъ поѣхалъ въ Выборгъ къ женѣ, а оттуда къ теткѣ своей, г-жѣ Поснико-вой, въ село Жаръ, Псковской губерніи. При этомъ Безакъ представилъ какой-то порошокъ, которымъ, по его объясненію, Семенова угрожала отравить его въ случаѣ разрыва съ нею, и въ подтвержденіе того, что она не только не была съ нимъ вполнѣ откровенна, но даже обманывала его — привелъ слѣдующій случай: однажды въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ передалъ Семеновой запечатанные уже въ ящикѣ дамскіе золотые часы его

тетки, г-жи Посниковой, стоющіе 200 рублей, прося ее отправить эту посылку на почту, что и исполнено было Семеновой, но потомъ оказалось, что г-жа Посникова получила, вмѣсто часовъ, двѣ мѣдныхъ монеты въ 1 и 2 коп. при собственноручной запискѣ Семеновой такого содержанія: «не обвиняйте укравшаго посылку, а украла я, потому что ѣсть надо. Е. Семенова».

Допрошенные по поводу показанія Безака гельсингфорскіе золотыхъ дѣлъ мастера Мелинъ и Фагерусъ и часовыхъ дѣлъ мастеръ Эбергъ объяснили, что въ концѣ августа или въ началѣ сентября, по новому стилю, неизвѣстный молодой человѣкъ, схожій съ предъявленнымъ имъ фотографическимъ портретомъ Безака, продалъ первому изъ нихъ брошку изъ оникса и серебряную вызолоченную ложку за 100 финскихъ марокъ, второму — серебряный портсигаръ и золотой медальонъ за 125 марокъ, причемъ предъ Эбергомъ продавецъ этотъ называлъ себя инженеромъ изъ Свеаборга и говорилъ, что намѣревается вскорѣ выѣхать на югъ Россіи. Изъ числа купленныхъ вещей Мелинъ ложку уже продалъ кому-то или сплавилъ, Фагерусъ — медальонъ продалъ ювелиру Кадинскому, въ Петербургѣ, а Эбергъ — сереряные часы продалъ кому-то, а золотые, разобралъ, и крышки продалъ золотыхъ дѣлъ мастеру въ Петербургѣ, Нордстрему. Свидѣтели Кадинскій и Нордстремъ подтвердили сдѣланную на нихъ ссылку, причемъ послѣдній добавилъ, что купленный имъ, корпусъ золотыхъ часовъ онъ уже сплавилъ. По предъявленіи затѣмъ отобранныхъ у Мелина, Фагеруса и Кадинскаго брошки, медальона и портсигара обвиняемому Мироновичу и бывшему конторщику его Ильѣ Беккеру — послѣдніе признали брошку и медальонъ за несомнѣнно принадлежащіе ссудной кассѣ Мироновича и взятые изъ витрины, относительно же портсигара высказали сомнѣніе. Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, направленнымъ къ провѣркѣ показаній Семеновой и Безака, обнаружено: I. Что по произведенному самой Семеновой, въ присутствіи судебнаго слѣдователя и понятыхъ, опыту — изъ запертой витрины (взятой изъ ссудной кассы Мироновича), безъ помощи ключей, и тѣмъ способомъ, какъ объяснила ранѣе Семенова, т. е. просунувъ руку между крышкою и переднею стѣнкою витрины, возможно вынуть только вещи, лежащія у самой передней стѣнки. Придвигая же съ помощью ложки дальше лежащіе предметы, можно вынуть таковые, но при этомъ сдвигаются съ своихъ мѣстъ другія лежащія на днѣ витрины вещи. Что же касается вещей, лежащихъ у крайней стѣнки витрины, — то вынуть ихъ указаннымъ способомъ нѣтъ никакой возможности. II. Что по химико-микроскопическому изслѣдованію пятенъ внутри сакъ-вояжа Семеновой, въ которомъ, по ея словамъ, она спрятала послѣ убійства Сарры Беккеръ окровавленную гирю, — признаковъ крови въ нихъ не найдено. III. Что случая покупки одной гимнастической гири въ магазинѣ Санъ-Галли лѣтомъ 1883 г. совсѣмъ не было; равнымъ образомъ, розыскъ гири у Тучкова моста оказался безуспѣшнымъ. Но въ Таврическомъ саду, въ указанномъ Семеновою мѣстѣ, найдена скамейка, на которой оказались два едва замѣтныя углубленія и сбоку неразборчиво

написанная карандашемъ надпись, въ родѣ 21 или 27 авг. IV. Что 27-го августа около 12 часовъ ночи, Семенова и Безакъ поспѣшно выѣхали изъ Финляндской гостинницы и провели нѣсколько часовъ въ ту же ночь въ гостинницѣ Кейзера на Васильевскомъ островѣ, но при этомъ ни въ одной изъ этихъ гостинницъ, послѣ ихъ выѣзда, ничего подозрительнаго не усмотрѣно, крови на Семеновой не замѣчено, а въ умывальникахъ прислуга видѣла только грязную воду. V. Что 28-го августа, вечеромъ, Семенова прибыла въ дер. Озера и до 9-го сентября проживала въ домѣ крестьянина Максима Николаева; за все это время она была спокойная, веселая, имѣла отличный аппетитъ и хорошій сонъ, гуляла, нѣсколько разъ была на вокзалѣ, разсказывала семейству Николаева, что вышла замужъ за Безака, котораго называла «Мишей», ждала письма отъ него. Никакихъ царапинъ или поврежденій на рукахъ у нея не было, и ни одинъ палецъ у нея не былъ повязанъ. Никакихъ часовъ съ собою не привозила и никакихъ кровяныхъ пятенъ или помарокъ на ея платьѣ не замѣчено. VI. Что 10-го сентября Семенова заложила въ ссудной кассѣ Нехамовъ, ни Менкинъ никакихъ кровяныхъ пятенъ на означенномъ мѣхомъ пальто дамскіе часы и пальто, а квитанціи продала татарину Менкину, который выкупилъ эти вещи и продалъ на рынкѣ неизвѣстному лицу. Ни Нехамовъ, ни Менкинъ никакихъ кровяныхъ пятенъ на означенномъ пальто не видали. VII. Что затѣмъ между 10 — 15 сентября Семенова, вмѣстѣ съ какой-то неизвѣстной дамой заходила въ ссудную кассу Мироновича, гдѣ въ то время находился еще конторщикъ Беккеръ съ сыномъ своимъ Моисеемъ и чрезвычайно подробно разспрашивала Беккеровъ объ обстоятельствахъ убійства Сарры Беккеръ, просила показать комнату, въ которой Сарра была убита спрашивала, что украдено изъ кассы и даже пробовала приподнять крышку витрины. Объ этой бытности своей въ кассѣ Семенова сама прежде не объясняла. VIII. Что въ ночь съ 27-го на 28-е сентября Семенова ночевала у знакомаго своего дворянина Немирова, была въ веселомъ расположеніи духа, между прочимъ, разспрашивала объ убійствѣ Сарры Беккеръ, и ушла отъ него 28-го сентября около 11 часовъ утра. IX. Что въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца въ село Жаръ, Порховского уѣзда, Псковской губерніи, въ имѣніе г-жи Посниковой, прибылъ Безакъ, который пробылъ тамъ до 5-го октября. Передъ этимъ г-жа Посникова дѣйствительно получила отъ Безака посылку, въ которой вмѣсто ожидаемыхъ часовъ оказались двѣ мѣдныя монеты и означенная выше записка. X. Что объясненіе Семеновой относительно совершенныхъ ею кражъ у гг. Эйсымонта, Павловской, Горскаго, Вольрондъ, Каханова и Погожевой, а также относительно обманнаго полученія отъ торговца Мухина денегъ и паспорта — нашли себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ этихъ лицъ и ихъ прислуги, при чемъ всѣ эти преступленія оказались совершенными при тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, какъ объяснила Семенова. XI. Что по показаніямъ лицъ, близко знакомыхъ съ Семеновой, какъ-то матери ея и сестры, дяди Лепковича, семейства Платоновыхъ, г-жи Погожевой, технолога Абадіаса, дворянина Немирова и др., Семенова послѣ болѣзни разстройствомъ умственныхъ способностей хотя и поправилась физи-

чески, но рѣзко измѣнилась въ нравственномъ отношеніи: характеръ ея изъ самаго скромнаго и тихаго, сдѣлался вспыльчивымъ, неровнымъ и лживымъ; она стала вести предосудительный образъ жизни, легко сводя знакомство съ разными молодыми людьми; но особенно выдающейся чертою въ ней была наклонность ко лжи, которая до такой степени вошла въ ея привычку, что знакомые ея потеряли всякую вѣру къ ея словамъ. Излюбленными темами ея повѣствованій о разныхъ небывалыхъ и невѣроятныхъ происшествіяхъ были разсказы о томъ, что за ней ухаживаетъ какой нибудь богатый купецъ или знатный графъ, который ради нея готовъ развестись съ женой, что у нея есть женихъ, или что она вышла замужъ и пр.; а однажды она совершенно серьезно увѣряла своего знакомаго Немирова, что она дочь одного индійскаго князя, живущаго въ Америкѣ.

Хотя, такимъ образомъ, произведеннымъ изслѣдованіемъ подтвердились далеко не всѣ объясненія Семеновой, нѣкоторыя же изъ нихъ, касающіяся описанія самого убійства Сарры Беккеръ и способа похищенія вещей изъ витрины, даже совсѣмъ опровергнуты ранѣе установленными данными, тѣмъ не менѣе, въ виду, главнымъ образомъ, поспѣшнаго выѣзда Семеновой и Безака изъ Петербурга въ ночь убійства и розысканія по ихъ указанію нѣсколькихъ принадлежащихъ ссудной кассѣ Мироновича вещей, Семенова и Безакъ были привлечены къ слѣдствію: первая въ убійствѣ Сарры Беккеръ съ цѣлью ограбленія ссудной кассы, въ кражахъ платья, часовъ и другихъ вещей у Эйсымонта, Павловской, Горскаго Вольрондъ, Каханова, Погожевой, въ мошенничествѣ относительно Мухина и въ присвоеніи отданныхъ ей Безакомъ для отсылки часовъ Посниковой, а второй въ укрывательствѣ означеннаго убійства и вещей, и документовъ, украденныхъ у Эйсымонта и Павловской, въ участіи съ Семеновой въ кражѣ у Горскаго и въ мошенничествѣ относительно Мухина.

Изъ нихъ Семенова признала себя виновною во всѣхъ преступленіяхъ, за исключеніемъ лишь присвоенія часовъ Посниковой и показала согласно съ прежними своими объясненіями, присовокупивъ, что, по возвращеніи изъ дер. Озеръ, она хотя и была въ ссудной кассѣ Мироновича, но объ убійствѣ Сарры Беккеръ не разспрашивала. А Безакъ, не признавая себя виновнымъ ни въ одномъ изъ приписываемыхъ ему преступленій, между прочимъ, показалъ: что весь оговоръ его Семеновою есть гнусная ложь и клевета, взведенная на него изъ мести за разрывъ съ нею интимныхъ отношеній, на которыя она всѣми силами напрашивалась. Поставляемый ему въ улику отъѣздъ въ Финляндію въ ночь 28-го августа былъ рѣшенъ имъ уже давно, такъ какъ онъ уже давно собирался навѣстить жену въ Выборгѣ и обѣщалъ пріѣхать къ ней въ концѣ августа. Вещи, полученныя имъ отъ Семеновой, онъ сбылъ въ Гельсингфорсѣ, такъ какъ считалъ неприличнымъ для себя, какъ для бывшаго полицейскаго офицера, сбывать ихъ въ Петербургѣ или Выборгѣ, гдѣ его знали: къ тому же, въ Гельсингфорсѣ онъ хотѣлъ было въ этотъ разъ выкупить подаренные ему покойнымъ его отцомъ часы и женою кольцо. Не чувствуя за собой никакой вины, онъ спокойно и беззаботно проводилъ время въ домѣ тетки

своей, Посниковой, въ селѣ Жаръ, къ которой онъ пріѣхалъ изъ Выборга погостить, за неимѣніемъ опредѣленныхъ занятій, и тамъ внезапно былъ арестованъ агентомъ сыскной полиціи, объявившимъ ему, что его вызываетъ къ себѣ градоначальникъ по дѣламъ службы. По доставленіи его въ Петербургъ и по объявленіи ему въ управленіи сыскной полиціи, что на него падаетъ обвиненіе въ укрывательствѣ убійства Сарры Беккеръ, съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ, до такой степени это его поразило. Успокоившись нѣсколько, онъ имѣлъ свиданіе съ начальникомъ сыскной полиціи Путилинымъ, который, предъявивъ ему показаніе Семеновой объ убійствѣ Сарры Беккеръ, посовѣтовалъ не спорить противъ ея показанія, говоря, что этимъ онъ только повредитъ себѣ, такъ какъ показаніе Семеновой вполнѣ. будто-бы подтверждено свидѣтелями, причемъ старался убѣдить его, что убійство совершено не Мироновичемъ, а Семеновой, хотя онъ, Безакъ, и заявилъ, что ему безразлично, — кто изъ нихъ убійца. Подъ вліяніемъ этого разговора онъ и подтвердилъ фактъ покупки гири, котораго въ дѣйствительности не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, Безакъ, былъ крайне удивленъ предупредительностью и внимательностью чиновниковъ сыскной полиціи относительно Семеновой и съ своей стороны полагаетъ, что едва ли она пользовалась бы такимъ покровительствомъ означенной полиціи, если бы дѣйствительно была убійцею. Хорошо зная Семенову, Безакъ убѣжденъ, что она не способна на убійство. Изъ представленнаго обвиняемымъ Безакомъ письма, написаннаго имъ отъ 16-го августа 1883 года къ женѣ въ Выборгъ, видно, что дѣйствительно онъ извѣщалъ ее этимъ письмомъ о пріѣздѣ своемъ къ ней 28-го или 29-го августа, и о томъ, что онъ прежде проѣдетъ въ Гельсингфорсъ, чтобы побывать на могилѣ отца и выкупить тамъ часы и кольцо. При дальнѣйшемъ слѣдствіи было обнаружено, что между 10 — 15 сентября, т. е. задолго до появленія Семеновой, мѣщанинъ Сергѣй Грачевъ, прежде содержавшій лабазъ въ домѣ Мироновича, встрѣтивъ на улицѣ знакомаго своего мѣщанина Ивана Аладинскаго, который въ это время былъ безъ мѣста, пригласилъ его зайти на другой день въ трактиръ, на углу 10-й и Болотной ул., сказавъ, что онъ желалъ бы съ нимъ потолковать. По приходѣ въ условленное время въ означенный трактиръ, Грачевъ и Аладинскій усѣлись въ отдаленіи отъ другихъ посѣтителей и стали разговаривать о своихъ дѣлахъ. Узнавъ, что Аладинскій нуждается въ средствахъ, Грачевъ сказалъ, что онъ можетъ указать ему способъ заработать много денегъ; что для этого, онъ, Аладинскій, долженъ отправиться къ женѣ Мироновича и заявить ей, что онъ принимаетъ на себя убійство Сарры Беккеръ, и что онъ можетъ явиться къ ней подъ предлогомъ снять лабазъ. На вопросъ удивленнаго этимъ Аладинскаго — какъ же можно рѣшиться на такой поступокъ? — Грачевъ отвѣчалъ, что жена Мироновича дастъ ему за это пять тысячъ рублей. Но такъ какъ Аладинскій не согласился на это предложеніе, то они и прекратили дальнѣйшіе разговоры по этому предмету. Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Грачевъ отрицалъ показанія Аладинскаго, а на очной ставкѣ опять они остались при своихъ показаніяхъ.

Съ другой стороны слѣдствіемъ было обнаружено, что появленіе Семеновой въ настоящемъ процессѣ было какъ бы извѣстно впередъ и ожидалось еще задолго до того, какъ она принесла свою явку съ повинною въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Такъ предупрежденные въ послѣднее время отецъ убитой, Илья Беккеръ, и сынъ его, Моисей Беккеръ, между прочимъ, объяснили: первый, что 4-го сентября 1883 года, при распечатаніи ссудной кассы Мироновича, привозившій послѣдняго изъ дома предварительнаго заключенія въ ссудную кассу агентъ сыскной полиціи Баневичъ высказалъ, что рано или поздно откроется убійца Сарры Беккеръ и обнаружится невиновность Мироновича, а жена Мироновича неоднократно высказывала свидѣтелю еще въ то время, когда мужъ содержался подъ стражей: что явится «другая убійца, т. е. женщина, которая окажется виновною въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Моисей Беккеръ — что онъ самъ видалъ нѣсколько разъ агента Баневича и Мироновича, послѣ освобожденія его изъ подъ стражи. Между тѣмъ, въ виду объясненій, какъ самой Семеновой, такъ и многихъ свидѣтелей, о бывшей у нея прежде психической болѣзни, были затребованы свѣдѣнія по этому предмету изъ разныхъ столичныхъ больницъ; причемъ оказалось, что Семенова находилась на излеченіи въ слѣдующихъ больницахъ: съ 11-го марта по 28-е іюля 1878 года въ больницѣ св. Николая Чудотворца, куда поступила съ рѣзкими признаками мрачнаго умопомѣшательства; 8-го мая того же года была свидѣтельствована въ Петропавловской больницѣ и оставлена до выздоровленія, а 28-го іюля выписана изъ означенной больницы, по просьбѣ матери еще не вполнѣ здоровою; съ 5-го по 9-е іюля, съ 28-го августа по 29-е сентября 1879 г., съ 15-го ноября по 2-е декабря 1880 г. въ Калинкинской больницѣ, гдѣ пользовалась; первый разъ отъ слизистыхъ сифилистическихъ папулъ, второй разъ отъ явленій кондиломатознаго періода сифилиса, а третій разъ отъ бородавокъ на половыхъ частяхъ: съ 3-го октября по 26-е ноября 1879 г. въ Александровской больницѣ, гдѣ пользовалась отъ тифа; съ 13-го февраля по 7-е апрѣля 1881 года въ Маріинской больницѣ, въ которую поступила съ параметритомъ, послѣдовавшимъ, по ея словамъ, послѣ выкидыша. Кромѣ того, 29-го мая 1883 г. частный врачъ Александро-Невской части Діатроптовъ былъ приглашенъ къ Семеновой для оказанія ей помощи отъ самоотравленія, но никакихъ рѣзкихъ признаковъ отравленія у нея не нашелъ. По его совѣту, Семенова 30-го мая была доставлена въ Рождественскіе бараки, гдѣ свидѣтельствовавшій ее врачъ замѣтилъ въ ней признаки разстройства умственныхъ способностей. Въ тотъ же день она была переведена въ пріемный покой Александро-Невской части, гдѣ ее освидѣтельствовалъ врачъ Діатроптовъ, и хотя психическаго разстройства въ ней не замѣтилъ, но нашелъ ее въ состояніи крайняго возбужденія. По просьбѣ Семеновой, она была въ тотъ же день отдана на поруки Безаку.

При освидѣтельствованіи Семеновой 1-го октября 1883 года частнымъ врачемъ Казанской части Петровскимъ оказалось: она тѣлосложенія умѣреннаго; лѣвое глазное яблочко выпячивается болѣе праваго, верхнее вѣко этого глаза нѣсколько парализовано; складки лица не симметричны

и правый уголъ рта ниже лѣваго. Кромѣ того, на указательномъ пальцѣ лѣвой руки найденъ пигментированный рубецъ зажившей ранки, происхожденіе которой опредѣлить нельзя; ранка могла произойти, какъ отъ внѣшняго насилія — какъ-то: отъ укуса, укола и т. п., такъ равно и отъ нарыва; время происхожденія его — недѣли двѣ-три тому назадъ. Семенова жаловалась на частые спазмы горла, боль груди и бывшее у нея въ послѣднее время продолжительное кровотеченіе послѣ выкидыша. Рѣчь ея связна, правильна, говоритъ быстро, часто смѣется, часто забываетъ то, что говорила. По ея словамъ, вслѣдъ за убійствомъ ей часто видѣлась покойная Сарра Беккеръ, одѣтая въ бѣломъ. При этомъ врачъ Петровскій высказалъ, что изъ всего вышеизложеннаго, при паралитическихъ явленіяхъ въ области головныхъ нервовъ и предшествовавшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ психическомъ разстройствѣ, можно съ вѣроятностью заключить, что умственныя способности Семеновой находятся въ не нормальномъ состояніи, и что сознаніе ея въ убійствѣ Сарры Беккеръ есть идея бреда, хотя нельзя отвергать и того, что Семенова, будучи психически больна, совершила убійство. Затѣмъ 23-го ноября Семенова была освидѣтельствована докторомъ медицины Балинскимъ, который далъ слѣдующее заключеніе: основываясь на томъ, что Семенова, въ 1878 году, находилась въ больницѣ св. Николая Чудотворца, что вслѣдъ за этою болѣзнью появилась рѣзкая перемѣна ея характера, и началось нравственное ея паденіе, что въ 1879 и 1880 годахъ она страдала сифилисомъ, и что въ маѣ 1883 года врачи, подавая ей помощь при самоотравленіи, замѣтили въ ней состояніе психическаго болѣзненнаго возбужденія, а врачъ, свидѣтельствовавшій ее немедленно послѣ ареста, замѣчалъ, равнымъ образомъ, нѣкоторыя явленія, указывающія на мозговыя страданія — докторъ Балинскій нашелъ необходимымъ помѣстить Семенову на испытаніе въ спеціальномъ заведеніи для душевнобольныхъ, добавивъ, что при личномъ его освидѣтельствованіи Семенова отвѣчала на вопросы совершенно логично и правильно, но упомнила о приступахъ безотчетной тоски и веселости. Согласно съ этимъ заключеніемъ, Семенова 11-го декабря 1883 года была помѣщена на испытаніе въ отдѣленіи для душевнобольныхъ арестованныхъ при временной загородной больницѣ (близъ станціи Удѣльной Финляндской желѣзной дороги), въ которой находилась по 22 мая 1884 года. При этомъ спеціально наблюдавшій ее мѣстный ординаторъ, докторъ Дмитріевъ, пришолъ къ тому заключенію, что во время пребыванія въ больницѣ Семенова не представляла явленій опредѣленной формы душевной болѣзни, но существующіе у нея физическіе признаки и бывшій у нея психозъ указываютъ на то, что у нея несомнѣнно существуетъ психопатическое сложеніе.

15-го января 1884 года обвиняемый Безакъ былъ освобожденъ изъ дома предварительнаго заключенія и отданъ подъ надзоръ полиціи, а черезъ нѣсколько дней извѣстіе объ этомъ дошло до Семеновой, находившейся въ то время въ вышеупомянутой загородной больницѣ. По удостовѣренію доктора Дмитріева, Семенова сперва порадовалась освобожденію Безака, но вслѣдъ затѣмъ съ ней сдѣлался сильный приступъ плача. 25-го

января она обратилась съ собственноручнымъ заявленіемъ къ судебному слѣдователю, въ которомъ объяснила, что береть назадъ свое сознаніе въ убійствѣ Сарры Беккеръ, и кто совершилъ это преступленіе — ей неизвѣстно. Сознаніе свое она сдѣлала ложно, единственно съ намѣреніемъ отмстить Безаку. Вещи она получила въ ночь преступленія на лѣстницѣ передъ ссудной кассой отъ какого-то мужчины. Въ помѣщеніи кассы она слышала какой-то неясный шумъ, хотѣла войти и позвонила; изъ кассы вышелъ неизвѣстный мужчина, котораго она за темнотою не разглядѣла, и, узнавъ о цѣли ея прихода, велѣлъ ей подождать, а самъ вошелъ въ кассу и вскорѣ затѣмъ вынесъ ей свертокъ съ деньгами и золотыми вещами, прося поскорѣе уходить. Подозрѣвая, что въ кассѣ творится что-то недоброе, она сперва хотѣла позвать дворника, но деньги и золото перевѣсили: она выбѣжала на улицу и поѣхала въ Финляндскую гостинницу, гдѣ ее ожидалъ Безакъ. Черезъ нѣсколько дней, будучи въ дер. Озерахъ, она прочла на станціи Елизаветино въ газетѣ «Новости» описаніе убійства Сарры Беккеръ, и тогда только, узнавъ объ этомъ преступленіи, почувствовала себя нѣсколько виновной. Нѣкоторую вину она приписывала и Безаку, такъ какъ, если-бы онъ ея не ждалъ съ деньгами, то она, быть можетъ, и не подорожила бы никакими свертками. Не получая, затѣмъ, никакихъ извѣстій отъ Безака и заподозривъ его въ томъ, что онъ ее покинулъ, она изъ желанія отомстить ему приняла на себя вину въ убійствѣ Сарры Беккеръ и оговорила его. Это заявленіе она подтвердила и при допросѣ ея судебнымъ слѣдователемъ 26-го января, присовокупивъ, что никакихъ болѣе объясненій она давать не желаетъ. Но затѣмъ, узнавъ о вторичномъ заарестованіи Мироновича, которое имѣло мѣсто 28-го января 1884 г., Семенова, по удостовѣренію того-же доктора Дмитріева, сдѣлалась задумчивою и сосредоточенною, а 15-го февраля показала на допросѣ у судебнаго слѣдователя, что вновь подтверждаетъ свое собственное сознаніе въ убійствѣ Сарры Беккеръ, заявленіе о невиновности ея въ этомъ признаетъ новѣрнымъ и отказывается объяснить причину, побудившую ее сдѣлать это заявленіе. 18-го апрѣля Семенова выразила желаніе видѣться съ судебнымъ слѣдователемъ и, по прибытіи послѣдняго въ загородную больницу, объяснила ему, что она подтверждаетъ заявленіе свое отъ 25-го января. Никакого участія въ убійствѣ Сарры Беккеръ она не принимала, Безакъ никогда не подговаривалъ ее ни на какое убійство. Намѣренія убить Яхонтова и Браувера она не имѣла .Никакой гири у нея не было. Получивъ деньги и вещи указаннымъ ею способомъ отъ неизвѣстнаго мужчины, она передала ихъ Безаку, сказавъ, что онѣ краденныя, и что имъ необходимо скрыться, такъ какъ ихъ могутъ преслѣдовать. На вопросъ же Безака, какъ ему объяснить происхожденіе этихъ вещей, въ случаѣ если ихъ поймаютъ, посовѣтовала сказать, что вещи остались ей по раздѣлу отъ сестры. Въ Финляндской гостинницѣ и въ гостинницѣ Кейзера она умывалась, чтобы освѣжиться, такъ какъ была взволнована и у нея сильно болѣла голова. Около 14-го сентября она была въ ссудной кассѣ Мироновича и разспрашивала объ обстоятельствахъ убійства Сарры Беккеръ, но пришла туда одна, и никакой дамы съ ней не было.

Наконецъ, въ собственноручномъ заявленіи своемъ отъ 9-го мая, вполнѣ подтвержденномъ и при допросѣ ея судебнымъ слѣдователемъ 11-го мая, Семенова объяснила, что 27-го августа 1883 г., вечеромъ, въ Финляндской гостинницѣ Безакъ передалъ ей свои часы, прося заложить ихъ, такъ какъ ему необходимы деньги для поѣздки въ Выборгъ. Съ этими часами она отправилась сперва въ ссудную кассу на Большомъ проспектѣ и, найдя ее запертою, поѣхала въ кассу ссудъ, помѣщающуюся на Невскомъ проспектѣ въ домѣ № 57, которая, какъ ей было извѣстно, закрывалась позже другихъ. Приказавъ извозчику ожидать ее у воротъ, она пошла въ означенную кассу и нѣсколько разъ позвонила, но такъ какъ ей никто не отворилъ, то она стала спускаться съ лѣстницы, и тамъ ей попалась на встрѣчу дѣвочка, впослѣдствіи оказавшаяся Саррою Беккеръ, которая ее спросила: не въ кассу ли она звонила? Отвѣтивъ утвердительно, она остановилась съ Саррою на лѣстницѣ и начала просить ее дать ей денегъ подъ залогъ часовъ. Но Сарра сказала, что при всемъ желаніи не можетъ исполнить ея просьбы, потому что отецъ ея уѣхалъ и не оставилъ ей денегъ. На вопросъ же Семеновой, когда отецъ ея вернется, она отвѣтила: «можетъ быть сегодня, можетъ быть завтра», и съ этими словами вошла въ кассу и заперла за собою дверь на крюкъ. Въ это время на дворѣ послышались чьи-то шаги. Думая, не извозчикъ ли это ея разыскиваетъ, Семенова поднялась выше по лѣстницѣ и увидѣла, что къ дверямъ кассы подошелъ какой-то мужчина и позвонилъ; на вопросъ Сарры: «кто тамъ», онъ сказалъ: «я, отворяй», послѣ чего двери отворились, и онъ вошелъ въ кассу. Принявъ неизвѣстнаго за отца Сарры Беккеръ, Семенова сошла на дворъ и, взглянувъ на окна судной кассы, увидала въ одномъ изъ нихъ небольшой свѣтъ, и въ то же время къ другому окну подошла мужская фигура и затворила окно. Со двора она медлила уходить и хотѣла вернуться въ кассу, разсчитывая на то, что отецъ Сарры сдастся на ея убѣдительную просьбу и выручитъ ее. Пока она стояла у небольшого зданія, расположеннаго по серединѣ двора, пришелъ дворникъ и погасилъ огонь на лѣстницѣ. Тогда было около 11-ти часовъ вечера. Спустя нѣсколько минутъ послѣ ухода дворника, Семенова снова пошла въ кассу и, когда стала подниматься по лѣстницѣ, услыхала крикъ дѣвочки Сарры, раздававшійся изъ передней комнаты кассы ссудъ. Предполагая, что это закладчикъ такъ жестоко бьетъ свою дочь, она смѣло подошла къ дверямъ кассы и нѣсколько разъ позвонила, но отвѣта не послѣдовало, а крикъ продолжался, и ей даже послышалось, что дѣвочка кричала «караулъ». Тогда она позвонила еще разъ, послѣ чего послышались шаги въ передней кассы, и ее спросили: «кто тамъ», на что она сказала: «отворите». Вѣроятно, услыхавъ женскій голосъ, ей рѣшились отворить: на порогѣ показался мужчина и грубо спросилъ ее, что ей нужно? «Я слышала здѣсь шумъ и хотѣла позвать дворника», произнесла Семенова. «А вы зачѣмъ здѣсь были?» спросилъ мужчина, пріотворивъ болѣе дверь и видимо струсивъ. На это она отвѣтила, что ожидала возвращенія отца дѣвочки, чтобы заложить часы, такъ какъ ей нужны деньги, «а вмѣсто отца, продолжала она,—вы, кажется сюда забрались, и сейчасъ позову дворника». Тогда

онъ схватилъ ее за руку и предложилъ войти въ кассу, но она отказалась, говоря, что боится. «Я вамъ ничего не сдѣлаю худого, но мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ, а на лѣстницѣ неудобно», произнесъ онъ. «Значитъ я не ошиблась, говоря, что вы забрались въ квартиру; а что вы сдѣлали съ этой дѣвочкой?»—спросила Семенова. «Ровно ничего, отъ испуга съ ней сдѣлался только обморокъ, надо воспользоваться временемъ, я съ вами подѣлюсь, если вы будете молчать», отвѣтилъ неизвѣстный. Семенова согласилась подождать его на лѣстницѣ, послѣ чего онъ вошелъ въ кассу и, пробывъ тамъ не болѣе 20 минутъ, вынесъ и вручилъ ей свертокъ въ газетной бумагѣ, сказавъ, что «здѣсь есть вещи и деньги, но помните, если попадетесь, то будете отвѣчать». Пока человѣкъ этотъ уходилъ въ кассу, Семенова, боясь, чтобы онъ, вернувшись, не ударилъ ее чѣмъ нибудь, ко времени его выхода изъ кассы зажгла спичку (при ней были шведскія спички, такъ какъ она курила тогда) и освѣтила лицо неизвѣстнаго, черты котораго хорошо врѣзались въ ея памяти. Получивъ означенный свертокъ и положивъ его въ сакъ-вояжъ, она тотчасъ ушла и, давъ дворнику у воротъ 20 к., на первомъ попавшемся извозчикѣ отправилась въ «Финляндскую гостинницу», гдѣ и передала Безаку сакъ-вояжъ съ бывшими въ немъ вещами и деньгами, не говоря ему еще тогда о случившемся. Но самъ онъ, видя ея волненіе, посовѣтовалъ немедленно уѣхать. Передъ отъѣздомъ она умылась, такъ какъ у нея болѣла голова. Въ гостинницѣ Кейзеръ, разбирая вещи и деньги, Безакъ нашелъ какой-то векселъ, который былъ потомъ выброшенъ въ воду при переѣздѣ черезъ Неву. Ужиная у Дюссо, она стала разсказывать Безаку, какими путями ей достались вещи и деньги, но онъ просилъ не вдаваться въ подробности и утѣшалъ говоря, что отвѣчать ни за что ей не придется. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, узнавъ изъ газетъ, что въ ночь на 28-е августа въ ссудной кассѣ Мироновича совершено убійство дѣвочки Сарры Беккеръ, Семенова стала сильно опасаться за себя и за Безака, сообразивъ, что опять они полученными вещами роковымъ образомъ связаны съ этимъ преступленіемъ. Между тѣмъ, Безакъ не давалъ ей никакихъ свѣдѣній о себѣ и, взявъ деньги и вещи, оставилъ ее на произволъ судьбы. Такой образъ дѣйствій Безака вызвалъ въ ней чувство злобы къ нему и желаніе мести, что и было первою побудительною причиною къ тому, что она рѣшилась принять на себя вину въ убійствѣ Сарры Беккеръ и оговорить Безака. Съ этою цѣлью она стала всѣми способами разузнавать подробности этого преступленія и заходила въ кассу, гдѣ обстоятельно разспрашивала обо всемъ отца убитой. Въ эту послѣднюю бытность въ кассѣ она встрѣтилась съ какою-то неизвѣстной дамой, которая, выходя изъ кассы, пошла вмѣстѣ съ ней по Невскому пр. и пригласила ее въ булочную Андреева на чашку кофе. Дорогой неизвѣстная разсказывала ей, что знаетъ Мироновича и его жену и очень жалѣетъ ее, что они люди богатые и отблагодарили бы довольно крупной суммой того, кто взялъ бы на себя вину въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Съ своей стороны Семенова высказалась неизвѣстной дамѣ, что ей легко было бы взять на себя это преступленіе, чѣмъ видимо, заинтересовала даму, и та стала ее увѣрять,

что она не только ничего не потеряетъ, но даже выиграетъ, такъ какъ, когда она и арестованною будетъ, Мироновичи пришлютъ ей денегъ. При выходѣ изъ булочной, неизвѣстная просила адресъ Семеновой, но она ей не дала и вообще свиданія съ этой дамой болѣе не имѣла; тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ надежда на полученіе крупнаго денежнаго вознагражденія явилась для Семеновой второй побудительной причиной къ принятію на себя вины въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Отвѣтственность ея не пугала, такъ какъ она, во-первыхъ, была увѣрена, что современемъ выяснится ея невинность, во-вторыхъ, — разсчитывала на то, что разъ она была уже въ больницѣ душевно-больныхъ, то признаютъ, что преступленіе она совершила подъ вліяніемъ умственнаго разстройства. Впослѣдствіи, будучи уже арестованною и находясь однажды въ камерѣ судебнаго слѣдователя Ашанина на допросѣ, она случайно увидѣла зашедшаго въ эту камеру человѣка, по голосу и по наружности котораго тотчасъ признала въ немъ того самаго неизвѣстнаго мужчину, который передалъ ей деньги и вещи у дверей ссудной кассы въ ночь убійства Сарры Беккеръ, и спросила Ашанина: «Это Мироновичъ?», на что слѣдователь отвѣтилъ утвердительно и продолжалъ снимать съ нея допросъ, не обративъ вниманія на сильное волненіе ея при видѣ Мироновича. Она долго медлила произносить имя убійцы, въ надеждѣ на то, что Мироновичъ вознаградитъ ее за ту услугу, которую она ему оказала; она даже хотѣла написать объ этомъ женѣ Мироновича, но раздумала. Вдумываясь въ свое положеніе, она видитъ теперь, что Мироновичъ «съ хитростью стараго сыщика сдѣлалъ ей первую ловушку, передавая вещи», а самъ сталъ вести ловкую комедію, разыгрывая невинную жертву, и не только не принесъ ей никакой признательности за оказанную ему услугу, а рѣшился даже въ своихъ показаніяхъ порицать ея личность. Съ другой стороны — въ разсчетахъ своихъ на сумасшествіе она ошиблась, такъ какъ доктора признаютъ ее здоровою. Поэтому, послѣ глубокаго размышленія, Семенова рѣшается открыть истину и прямо заявляетъ, что убійство Сарры Беккеръ совершилъ Мироновичъ. По предъявленіи Семеновой, 23-го мая 1884 г., въ конторѣ дома предварительнаго заключенія шести арестантовъ, по возрасту и наружному виду болѣе или менѣе похожихъ между собою и въ штатскихъ платьяхъ, Семенова сразу признала въ числѣ ихъ обвиняемаго Ивана Иванова Мироновича за того самаго человѣка, который въ ночь убійства Сарры Беккеръ передалъ ей вещи.

По освидѣтельствованіи Семеновой въ спб. окружномъ судѣ 30-го іюня 1884 года, эксперты-доктора баронъ Майдель, Чеччотъ и Фрей дали заключеніе, что Семенова въ настоящее время не обнаруживаетъ признаковъ безумія или сумашествія, но съ давнихъ поръ обнаруживаетъ явленія психопатическаго свойства сложенія. Такое состояніе, не имѣя опредѣленной формы психическаго разстройства, представляетъ собою такую болѣзненную почву, на которой легко могутъ возникать припадки умоизступленія или безпамятства. Однако, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, эксперты не могутъ сказать, находилась ли Семенова когда, въ особенности въ августѣ и сентябрѣ 1883 г., въ подобномъ состояніи.

На основаніи изложеннаго, Мироновичъ, 50 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что вечеромъ 27-го августа 1883 года, въ гор. С.-Петербургѣ, въ содержимой имъ въ домѣ № 57 по Невскому пр. кассѣ ссудъ, безъ обдуманнаго намѣренія, а въ раздраженіи, лишилъ жизни дочь своего конторщика, отставного военнаго писаря, 13-ти лѣтнюю дѣвочку Сарру Стеръ-Беккеръ посредствомъ причиненія ей какимъ либо орудіемъ безусловно-смертельнаго поврежденія черепныхъ костей и задушенія платкомъ.

Семенова, 27 лѣтъ — въ томъ, что, придя для заклада часовъ вечеромъ, 27-го августа 1883 года, въ кассу ссудъ въ домѣ № 57 по Невскому проспекту и заставъ совершившееся въ этой кассѣ убійство 13-тилѣтней дочери отставного писаря Сарры Беккеръ, слыша крики Сарры, зная, что жизнь ея въ опасности и имѣя возможность предотвратить убійство обращеніемъ за помощью къ стороннимъ лицамъ и полиціи, съ корыстною цѣлью, а именно: принявъ за молчаніе отъ лица, совершавшаго убійство, 50 руб. и вещей на сумму около 400 руб., завѣдомо допустила содѣяніе означеннаго убійства.

Безакъ, 24 лѣтъ — въ томъ, что, не принимая непосредственнаго участія въ убійствѣ Сарры Беккеръ, но зная отъ Семеновой о совершеніи этого убійства, не только не донесъ власти объ этомъ преступленіи, но принялъ отъ Семеновой, завѣдомо для него находившіяся въ кассѣ ссудъ, гдѣ убита Сарра Беккеръ, вещи и деньги и затѣмъ деньги издержалъ, а съ вещами скрылся въ Гельсингфорсъ, гдѣ сбылъ ихъ, называясь чужимъ именемъ, причемъ онъ, Безакъ, считалъ эти деньги и вещи за ограбленныя убійцею и принятіемъ означенныхъ вещей и денегъ, отсутствіе которыхъ изъ кассы ссудъ придавало убійству, совершенному въ запальчивости иной характеръ, убійства съ цѣлью ограбленія, препятствовалъ обнаруженію по дѣлу истины и изобличенію виновныхъ въ убійствѣ лицъ.

Кромѣ того, Семенова обвиняется въ томъ, что въ теченіе августа и сентября 1883 года въ Петербургѣ тайно похитила: а) у доктора Кахановa часы, печатку, подстаканникъ и другія вещи на сумму менѣе 300 руб; б) у вдовы колл. секр. Павловской часы съ цѣпочкою, стоющіе менѣе 300 руб.; в) у судебнаго разсыльнаго Эйсымонта разное платье на сумму менѣе 300 руб., свидѣтельство, выданное ему предсѣдателемъ окружного суда и два ордера того-же предсѣдателя на полученіе по каждому изъ нихъ по 4 р. 50 к.; г) у акушерки Вольрантъ — альбомъ съ фотографическими карточками на сумму менѣе 300 руб., и д) у жены врача Погожевой — часы, стоющіе менѣе 300 руб. Во-2-хъ, въ томъ, что въ августѣ 1883 года въ Петербургѣ, съ цѣлью обратно получить отъ торговца Мухина заложенный ею у него паспортъ за 18 р., предложила Мухину, взамѣнъ паспорта, похищенное ею у Эйсымонта свидѣтельство и два ордера предсѣдателя окружного суда, ложно увѣривъ Мухина, что она свояченица Эйсымонта, который далъ ей эти документы, именно для обмѣна на ея паспортъ, въ доказательство чего представила Мухину подложно составленную ею отъ имени Эйсымонта записку.

Безакъ — въ томъ, что, не принимая непосредственнаго участія въ

кражахъ, совершенныхъ Семеновою у Эйсымонта и Павловской, онъ уже послѣ совершенія ихъ принялъ отъ Семеновой похищенныя вещи и воспользовался ими, зная о способѣ ихъ пріобрѣтенія.

Наконецъ, Семенова и Безакъ обвиняются, во-1-хъ, въ томъ, что въ іюнѣ 1883 г., въ Петербургѣ присвоили и сбыли въ свою пользу золотые часы, стоющіе менѣе 300 руб., ввѣренные Безаку и принадлежащіе мѣщанкѣ И. М. Посниковой, отославъ ей вмѣсто нихъ двѣ мѣдныя монеты, и во-2-хъ, въ томъ, что въ августѣ 1883 г. въ Петербургѣ, выдавая себя; Безакъ — за полицейскаго офицера по фамиліи С е м е н о в ъ, а Семенова — за сестру послѣдняго путемъ такихъ ложныхъ увѣреній, выманили у торговца Мухина подъ залогъ паспорта Семеновой 18 руб. и, въ-3-хъ, въ томъ, что въ томъ же августѣ, въ Петербургѣ, тайно похитили у дворянина Горскаго часы съ цѣпочкою и медальономъ, стоющіе менѣе 300 руб. Преступленія подсудимыхъ подведены: относительно Мироновича подъ 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ., относительно Семеновой подъ 1 ч. 14 и 2 ч. 1455, 1656, 1657, 1667, и 1682 ст. улож. о наказ., а относительно Безака подъ 2 ч. 14, 2 ч. 1455, 14, 1656 и 1657 ст. улож. о наказ.

При первомъ слушаніи дѣла на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей поставлены были слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ ли отставной подполковникъ П. И. Мироновичъ въ томъ, что вечеромъ 27-го августа 1883 года въ содержимой имъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ № 57, кассѣ ссудъ, вслѣдствіе внезапно явившагося порыва гнѣва, ярости или страсти, намѣренно лишилъ Сарру Беккеръ жизни, душилъ ее, всунувъ ей въ ротъ платокъ, и причинилъ ей какимъ либо твердымъ орудіемъ безусловно смертельное поврежденіе черепныхъ костей, отъ чего Сарра тутъ же умерла? О т в ѣ т ъ: Да, виновенъ.

2) Доказано ли, что дворянка Семенова, подойдя, вечеромъ 27-го августа 1883 года, къ двери ссудной кассы, помѣщавшейся въ домѣ № 57, по Невскомъ проспекту, и убѣдясь, что въ ней другимъ лицомъ совершается, въ порывѣ гнѣва, ярости или страсти, намѣренное убійство и имѣя возможность помѣшать совершенію убійства, позвавъ постороннихъ лицъ или заявивъ о томъ полиціи, ничего не предприняла, а, получивъ отъ убійцы деньги и вещи, допустила лишить жизни Сарру Беккеръ? О т в ѣ т ъ: Нѣтъ. но доказано.

3) Если описанное во второмъ вопросѣ дѣяніе не доказано, то доказано ли, что дворянка Семенова, зная о совершеніи 27-го августа 1883 года, безъ всякаго со стороны ея участія, другимъ лицомъ въ порывѣ гнѣва, ярости или страсти убійства Сарры Беккеръ: а) приняла отъ убійцы деньги и вещи и, не представивъ ихъ надлежащей власти, умышленно способствовала сокрытію личности виновнаго, и б) для сокрытія этой личности, въ концѣ сентября 1883 года, явясь въ полицію съ повинною, ложно объявила себя виновною въ убійствѣ Сарры Беккеръ? О т в ѣ т ъ: Да, доказано.

4) Если Семенова совершила описанное во второмъ или въ третьемъ вопросѣ дѣяніе, то доказано ли, что она дѣйствовала въ состояніи умопомѣшательства во время совершенія дѣянія: а) изложеннаго во вто-

ромъ вопросѣ, и б) изложеннаго въ третьемъ вопросѣ? Отвѣтъ: Да, доказано.

5) Виновенъ ли отставной поручикъ Безакъ въ томъ, что, зная о совершеніи 28-го августа 1883 года, безъ всякаго съ его стороны участія, другимъ лицомъ въ порывѣ гнѣва, ярости или страсти намѣреннаго убійства Сарры Беккеръ, принялъ деньги и вещи, завѣдомо для него находившіяся въ рукахъ убійцы во время совершенія убійства, и не представилъ ихъ подлежащей власти, деньги издержалъ, а вещи продалъ въ Гельсингфорсѣ, чѣмъ и способствовалъ сокрытію личности виновнаго? Отвѣтъ: Да, виновенъ.

Остальные 14 вопросовъ касались кражъ, мошенничества и подлога. Семенова признана виновною по всѣмъ касающимся ея обвиненіямъ, а Безакъ лишь только по двумъ.

Мироновичъ и Безакъ были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ: Мироновичъ въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ, Безакъ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Относительно Семеновой судъ, на основаніи 95 и 96 ст. улож. о наказ., постановилъ считать ее свободною отъ суда и содержанія подъ стражею.

По кассаціонной жалобѣ Мироновича обвинительный приговоръ о немъ присяжныхъ былъ отмѣненъ, и дѣло слушалось вторично, причемъ судился уже одинъ Мироновичъ. Приговоръ о наказаніи Безака за укрывательство убійства былъ также кассированъ, и, согласно разъясненію Сената, Безакъ былъ присужденъ лишь къ наказанію за укрывательство кражи.

Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Процессъ, дѣйствительно знаменитый, ждетъ, чтобы вы сказали о немъ свое слово—на этотъ разъ, вѣроятно, послѣднее. Въ этомъ важномъ и запутанномъ дѣлѣ мы вовсе не желали бы уйти въ благопріятныя для насъ потемки, чтобы въ нихъ найти выигрышъ дѣла. Нѣтъ! Мы желали бы предложить вамъ честное пособіе нашего опыта, дать вамъ въ руки ясный свѣтильникъ, съ которымъ бы вы, вмѣстѣ съ нами, обошли всѣ дебри слѣдственнаго производства и вышли бы изъ него путемъ правды. Не слѣдуетъ забывать, что дѣло объ убійствѣ Сарры Беккеръ останется историческимъ въ судебныхъ лѣтописяхъ; оно получитъ свою славу, какъ важное искушеніе для судебной власти впасть въ ошибку. Осужденіе же невиннаго или одна только возможность его—есть уже общественное несчастіе, которое слѣдуетъ изучить и ярко отмѣтить, чтобы погрѣшности, которыя его

вызвали, больше не повторялись. Поэтому, я надѣюсь, вы будете къ намъ внимательны.

Нужно замѣтить, что всѣ мы находимся теперь въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ при первомъ слушаніи процесса Съ великою мудростью поступилъ Сенатъ, что онъ заставилъ судить одного Мироновича. Въ томъ видѣ, какъ дѣло ставилось въ первый разъ, никогда нельзя было разрѣшить его правильно. Тогда прокуроръ выставлялъ на скамью подсудимыхъ двухъ взаимно-исключающихъ убійцъ — Мироновича и Семенову—и говорилъ: „выбирайте любого! Мнѣ который нибудь останется". И хотя для формы, Мироновичъ именовался исполнителемъ убійства, а Семенова попустительницей, но всякій чувствовалъ, что между ними будетъ отчаянная борьба, и что лжи не будетъ конца. Сенатъ разсѣкъ это противоестественное сплетеніе Мироновича и Семеновой, и, въ сущности, сенатскій указъ, если смотрѣть далѣе формальностей, говоритъ преслѣдующимъ властямъ: „будьте откровеннѣе въ пріемахъ". И теперь, дѣйствительно, легче. Хотя Семенова и Безакъ отрѣзаны, но цѣлость картины не нарушена. Напротивъ, съ выпаденіемъ этихъ участниковъ, для насъ отпадаетъ политика размежеванія защитъ, и мы можемъ трактовать о нихъ съ болѣе легкимъ сердцемъ, не опасаясь имъ повредить. Второе преимущество теперешняго разбирательства — общее обогащеніе наше въ пріемахъ критики. Когда прежніе присяжные вынесли свой приговоръ, то не только никто не успокоился, что судьи вынесли разгадку, но, напротивъ,— всѣ принялись работать надъ этимъ дѣломъ съ новымъ усердіемъ: ученые стали опровергать экспертизу, публицисты критиковали судебныхъ дѣятелей, беллетристы придумывали разсказы, въ которыхъ по-своему разгадывали судебную драму, всякій, кто могъ, высказывался печатно, и даже находились любители, которые сочиняли защитительныя рѣчи за Мироновича—увы!—послѣ обвинительнаго приговора. Всѣ эти матерьялы были въ нашемъ распоряженіи при подготовкѣ къ дѣлу, и теперь, когда я буду почти дословно повторять убѣжденную защиту моего товарища, сказанную имъ въ первый разъ, я буду все-таки

чувствовать себя крѣпче, потому что многіе изъ его доводовъ были раздѣлены тѣми, кто послѣ него работалъ надъ дѣломъ, и такимъ образомъ доводы эти, отраженные въ зеркалѣ чужого ума, перестали быть эфемерными, перестали быть изобрѣтеніемъ защиты: они получили обликъ правды.

Послѣ всего, что я извлекъ изъ этого матерьяла, я имѣлъ возможность сдѣлать свой выводъ; онъ сталъ для меня ясенъ, какъ для судьи, который больше не колеблется. И затѣмъ уже, не страшась никакихъ сюрпризовъ отъ противниковъ нашихъ, я зналъ, что ничто на судѣ не можетъ повредить подсудимому. Передъ нами было прежнее обвиненіе присяжныхъ. Мы передъ нимъ преклоняемся и убѣждены, что оно произнесено по совѣсти. Но тѣ присяжные не имѣли того громаднаго придатка опыта, которымъ мы владѣемъ теперь. И притомъ: какія же воздѣйствія были на ихъ совѣсть! Мы должны эти воздѣйствія разобрать. Наученные первымъ страшнымъ урокомъ, мы должны, „то же слово, да инако молвить“. Убѣжденная защита есть законный противникъ и слѣдственной власти, и прокурорскаго надзора, и обвинительной камеры. Она въ правѣ сказать имъ: до сихъ поръ вы работали безъ насъ; но мы пришли, и какъ люди свѣжіе, обозрѣвъ то, что вы сдѣлали, мы ясно видимъ, какъ вы глубоко ошиблись; все, что вы нашли и усмотрѣли, только сбиваетъ съ дороги. Истина вовсе не тамъ, гдѣ вы ее искали. Вотъ въ какой сторонѣ, вотъ гдѣ она, по нашему убѣжденію, эта истина! Поэтому мы не можемъ ограничиться блужданіемъ только по той дорогѣ, куда насъ влечетъ обвиненіе, и согласиться, что въ одномъ сомнѣніи насчетъ Мироновича сосредоточены теперь всѣ вопросы дѣла. Нѣтъ! Мироновичъ здѣсь, по нашему мнѣнію, не больше, какъ бѣльмо на глазу слѣдственной власти, которое ей мѣшало видѣть правду и которое мы намѣрены снять съ этого глаза. И если мы достаточно вооружены для подобной операціи, то, конечно, такая защита будетъ самою правильною, какъ потому, что этимъ путемъ совѣсть судей очищается отъ всякихъ сомнѣній, такъ и потому, что нѣтъ совершеннѣе возраженія со сто-

роны подсудимаго прокурору, какъ ясный отводъ обвиненія къ опредѣленному другому лицу, какъ простая формула: „вы меня приняли за другого“.

Желалось бы мнѣ, чтобы и защита моя была такъ же ясна для васъ, какъ эта короткая формула. Но матерьяла много. Спрашивается: какъ поступать съ нимъ? Мнѣ вспоминаются слова, сказанныя профессоромъ Эргардтомъ прокурору: если вы будете выдергивать мелочи, вы цѣлаго никогда не поймете. Поэтому нужно вооружиться системой. И первые вопросы, безъ которыхъ нельзя дальше двинуться, капитальные вопросы въ дѣлѣ: 1) время убійства, 2) цѣль и способъ убійства, по указаніямъ трупа.

Займемся временемъ. Съ вопросомъ времени я не намѣренъ обращаться такъ, какъ здѣсь дѣлали на судебномъ слѣдствіи, потому что время у человѣка въ обыденной жизни ускользаетъ, когда онъ не вооруженъ часами и не слѣдитъ по стрѣлкамъ. Понятіе о скорости у каждаго индивидуально. Время возможно устанавливать только тогда, когда есть твердыя границы. Такими границами я беру: закрытіе буфета въ Финляндской гостинницѣ—въ 12 час. ночи, и прибытіе вечерняго поѣзда Николаевской ж. д. въ 10 ч. вечера, съ опозданіемъ въ 11 минутъ, по наблюденію пассажира Севастьянова. Между этими предѣлами можно прибѣгать къ приблизительному разсчету. Итакъ, о времени убійства мы можемъ судить: по прибытіи Семеновой съ вещами, взятыми съ мѣста преступленія, въ Финляндскую гостинницу; по свѣдѣніямъ о послѣднемъ пріемѣ пищи Саррой Беккеръ; и по времени, когда Сарра сидѣла съ Семеновой на лѣстницѣ передъ кассой.

По первому способу. Извѣстно, что Семенова пришла съ вещами, добытыми немедленно послѣ убійства, въ Финляндскую гостинницу, около 12 часовъ ночи и ровно въ 12, когда запирался буфетъ (значитъ это часъ — вѣрный) — уже сбѣгала съ лѣстницы вмѣстѣ съ Безакомъ, чтобы уѣхать въ другую гостинницу. Въ 12 ровно она убѣгала, но когда же именно пріѣхала? Положимъ на ея краткую бесѣду съ Безакомъ, на умываніе и на уплату по счету минутъ 15 (такъ какъ, по сло-

вамъ прислуги, она пробыла очень недолго); выйдетъ, что она могла пріѣхать въ 12 безъ $^1/_4$. Подвигаясь отъ этого срока еще назадъ, мы должны задаться вопросомъ: какъ долго она ѣхала отъ кассы? По нашему опыту ѣзды отъ кассы до Финляндской гостинницы 20 минутъ. Вычитая эти 20 м. изъ $^3/_4$ 12-го, мы видимъ, что она вышла изъ-подъ воротъ кассы въ 11 ч. 25 м., или около $^1/_2$ 12-го. Но вещи взяты изъ витрины послѣ убійства и притомъ омытыми руками. Кладемъ на умываніе, на выборъ вещей отъ 5—10 минутъ. Вычитаемъ ихъ изъ 25 минутъ 12 го—выходитъ, что около $11^1/_4$ ч. Сарра испустила духъ. Это приблизительная минута смерти. Первый ударъ, конечно, могъ быть нанесенъ гораздо ранѣе, потому что продолжительности агоніи мы не знаемъ.

По другому способу. Дворникъ Прохоровъ видѣлъ Сарру, возвращавшуюся ужинать, въ началѣ 10-го. Минутъ 20 спустя, т. е. около $^1/_2$10-го она возвращалась и затѣмъ, не успѣвъ сдѣлать постель и лечь, была убита. По заключенію врачей, она умерла maximum черезъ 2 часа послѣ пріема пищи. Опять выходитъ: умерла около $^1/_2$ 12-го, но, быть можетъ, и около $^1/_4$ 12-го, потому что врачи брали maximum. Значитъ, несмотря на приблизительность разсчета, выводы по обоимъ способамъ совпадаютъ.

Но эти два способа не указываютъ другого очень важнаго момента, когда убійца вошелъ въ кассу? На это намъ отвѣчаютъ показанія Ипатова, Севастьянова, Алелекова и Повозкова. Ипатовъ видѣлъ на лѣстницѣ передъ кассой, около 10 часовъ, женщину, разговаривавшую съ Саррою. И въ томъ сознаніи, которому не вѣрятъ, и въ одномъ изъ тѣхъ показаній, которымъ вѣрятъ—Семенова не отвергаетъ, что эта женщина была она. Объ этомъ, впрочемъ, и спорить нечего, потому что самъ обвинительный актъ это признаетъ. Въ сознаніи своемъ Семенова утверждаетъ, что вслѣдъ за уходомъ Ипатова, она вошла вмѣстѣ съ Саррой въ кассу для совершенія убійства. Въ другомъ же показаніи она говоритъ, что въ ту минуту, (т. е. послѣ ухода Ипатова) неизвѣстный убійца разогналъ ихъ и пошелъ за Саррой въ кассу. Такимъ образомъ, кого бы ни считать

убійцей, Семенову, или неизвѣстнаго (впослѣдствіи Мироновича), нужно признать, что моментъ ухода обѣихъ женщинъ съ лѣстницы, вслѣдъ за удаленіемъ Ипатова, есть въ то же время моментъ входа убійцы въ кассу. Поэтому нужно только твердо установить, когда мимо женщинъ прошелъ Ипатовъ. Это время можно провѣрить съ точностью. Какъ только Ипатовъ вошелъ съ этой же лѣстницы въ контору, напротивъ кассы, дожидавшіеся его Алелековъ и Повозковъ вышли, и уже на лѣстницѣ женщинъ не было. Алелековъ и Повозковъ пошли по Невскому и на разстояніи пяти минутъ ходьбы, на углу Николаевской, встрѣтили Севастьянова, который пріѣхалъ съ поѣздомъ въ 10 ч. 11 м. и успѣлъ отойти отъ вокзала то же почти разстояніе, въ 5—6 минутъ ходьбы. Значитъ, женщины скрылись въ самомъ началѣ 11-го—значитъ, тогда же вошелъ убійца въ кассу.

Итакъ, убійца вошелъ въ кассу въ началѣ 11-го, Сарра умерла въ $^1/_4$ или $^1/_2$ 12-го. Прошу помнить и то, что, по этимъ выводамъ, Семенова пробыла въ вечеръ убійства возлѣ самой кассы болѣе часу.

Обращаемся теперь ко второму, едва ли не самому пикантному въ дѣлѣ вопросу: о цѣли и способѣ убійства по указаніямъ трупа.

Въ каждомъ знаменитомъ, по своей загадочности, процессѣ, есть свой знаменитый пустякъ, который всѣхъ сбиваетъ съ толку. Въ нашемъ дѣлѣ такой пустякъ—поза убитой Сарры Беккеръ: она найдена мертвою на креслѣ, съ задранною юбкою и раздвинутыми ногами. Этотъ образъ, случайный, какъ фигура на стѣнѣ отъ литого воску, ослѣпилъ всѣ власти. Всѣ, пріѣдя на мѣсто преступленія, сказали себѣ въ одинъ голосъ: здѣсь было изнасилованіе! Это первое впечатлѣніе было такъ сильно, что впослѣдствіи, какія бы разительныя возраженія противъ него ни возникали, слѣдственная власть роковымъ образомъ къ нему возвращалась и продолжала поддерживать это воображаемое изнасилованіе. Я называю его воображаемымъ, потому что не вижу рѣшительно ни одного довода въ его пользу. Врачи-эксперты установили съ самаго начала—и это блистательно

подтвердилось къ концу дѣла вчера—что Сарра умерла отъ ударовъ по черепу, что смерть ея была ускорена задушеніемъ, и что ея половые органы остались неприкосновенными. Врачи тогда же заключили, что данныя эти исключаютъ предположеніе о попыткѣ къ изнасилованію. Мы слышали какъ не понравилось это заключеніе, какъ выпрашивался у врачей какой-нибудь намекъ на изнасилованіе. Имъ говорили: неужели нельзя признать хотя отдаленной мысли объ изнасилованіи? Они отвѣтили: мы въ мысляхъ не читаемъ... Но дайте, по крайней мѣрѣ, обвиняемаго; быть можетъ на немъ остались слѣды борьбы.—Нѣтъ! его вчера осматривали.—„Пожалуй, пересмотримъ сегодня“. И Мироновича вторично раздѣли и обслѣдовали: ничего, рѣшительно ничего нѣтъ. Тогда врачи категорически высказали что они исключаютъ попытку изнасилованія. Но настойчивость прокурорскаго надзора не унималась. Черезъ четыре мѣсяца прокуроръ пишетъ слѣдователю предложеніе—мы его здѣсь прочли—гдѣ врачамъ внушается, что они, конечно, пропустили *не* передъ словомъ „исключаютъ“, т. е. конечно, написали совершенно обратное тому, что думали. Врачи защищаются: они писали не навыворотъ, они держатся перваго мнѣнія, они не пропускали частицы *не*, они *исключаютъ* попытку изнасилованія. И съ такимъ-то висящимъ въ воздухѣ, не оставляющимъ слѣдовъ посягательствомъ на цѣломудріе, Мироновичу приписывается одинъ изъ самыхъ мерзостныхъ поступковъ, и этотъ воображаемый поступокъ выставляется мотивомъ убійства, за которое его прямо предаютъ суду!

Но на судѣ, при первомъ слушаніи дѣла, неожиданнымъ союзникомъ обвиненія выступилъ профессоръ Сорокинъ. Экспертизу его называли блестящею: прилагательное это я готовъ принять только въ одномъ смыслѣ—экспертиза эта, какъ все блестящее, мѣшала смотрѣть и видѣть. Вѣрнѣе было бы назвать ее изобрѣтательною. Дѣйствительно, экспромтомъ, ознакомившись съ дѣломъ только на судѣ, подчинить своей мысли объ изнасилованіи матеріалъ, повидимому, самый неблагодарный для такого вывода — на это нужна была большая изобрѣтательность. Профессоръ Со-

рокинъ,—въ этомъ мы глубоко убѣждены—присутствуя на судѣ, слушая все, что происходило, поддался невольному увлеченію мыслью объ изнасилованіи. Но онъ въ то же время понялъ, что экспертиза предварительнаго слѣдствія не годится не только для реальной, но даже и какой нибудь идеальной попытки изнасилованія: вѣдь въ самомъ дѣлѣ, кто же, задавшись цѣлью изнасилованья, начнетъ прямо съ смертоносныхъ ударовъ по головѣ, да потомъ еще станетъ придушивать свою жертву, не касаясь къ половымъ частямъ?! Ужъ это будетъ походить на желаніе изнасиловать мертвую... Профессоръ Сорокинъ сообразилъ, что эти пріемы убійцы надо перевернуть: сперва душилъ, заглушая крики, потомъ — пробрался къ половымъ частямъ, а затѣмъ—получивъ отвращеніе отъ изверженій, нанесъ удары и убилъ: такъ еще можетъ что нибудь выйти... И, какъ всегда бываетъ въ случаѣ подобныхъ вдохновенныхъ открытій, профессоръ Сорокинъ нашелъ все, что хотѣлъ видѣть. Ученый намѣтилъ въ своемъ умѣ составныя положенія своей догадки; они сложились, на первый взглядъ, чрезвычайно удачно; соблазнъ ихъ высказать, сдѣлать открытіе—былъ слишкомъ великъ, и почтенный профессоръ, человѣкъ живой и воспріимчивый, поддался этому соблазну. Но теперь все очарованіе этой находки разсѣялось. Доказано, что душеніе не могло предшествовать нанесенію ударовъ; что на лицо всѣ признаки смерти отъ трещины на черепѣ. У профессора Сорокина совсѣмъ не осталось его картины. Главное положеніе, что вся драма убійства происходила на креслѣ—рухнуло. Выяснилось, что Сарра принесена на кресло изъ другого мѣста и положена на него почти мертвою; борьбы здѣсь не было, потому что чехолъ оставался неподвиженъ, и пятна крови спокойно просачивались съ чехла на матерію кресла. Противъ этого и выдумать ничего нельзя! Кровяные слѣды пальцевъ на чехлѣ, которыми профессоръ Сорокинъ снабжалъ убійцу въ дорогу къ половымъ частямъ, оказались пальцами дворниковъ, а пикантное пятнышко на кальсонахъ, единственное, величиною съ чечевичное зерно—признано оттискомъ клопа. При самомъ тщательномъ обслѣдо-

ваніи въ началѣ, въ виду страховъ, разсказанныхъ Саксомъ, и при тщательномъ осмотрѣ теперь—все нижнее бѣлье убитой оказывается дѣвственнымъ отъ прикосновеній убійцы. Въ четвертый разъ къ нему приглядывались микроскописты—и ровно ничего: ни крови, ни сѣмени. Мало того, драма на креслѣ разбита безспорнымъ положеніемъ, къ которому примкнулъ, въ концѣ концовъ, и профессоръ Сорокинъ, что первый ударъ нанесенъ въ вертикальномъ положеніи. Что же осталось отъ гипотезы, отъ прежней экспертизы профессора Сорокина? Экспертиза эта оказалась наскоро сшитымъ саваномъ для Мироновича; но Мироновичъ не умеръ; работа профессора не ушла съ нимъ въ темный гробъ, и теперь, разсмотрѣвъ ее при свѣтѣ, мы видимъ, какъ она была сдѣлана не по росту Мироновичу, какъ она плоха, какъ рвутся ея нити... съ окончательнымъ и громкимъ паденіемъ изнасилованія на вчерашней экспертизѣ. Мы полагали, что обвинители сами отрезвятся, мы начинали складывать бумаги, готовились выиграть бой безъ сраженія. Что же вышло? Выпрашивалась экспертиза на предварительномъ слѣдствіи—значитъ ею дорожили; опирались на гипотезу профессора Сорокина въ прошломъ засѣданіи, какъ на краеугольный камень—значитъ, въ ней черпали силу. Теперь всѣ послѣднія надежды, которыми питались съ самаго начала, исчезли: между обвиненіемъ и подсудимымъ открывается ничѣмъ не наполненная пропасть—отсутствіе связей между убійцей и трупомъ, отсутствіе похотливыхъ прикосновеній къ дѣтскому тѣлу, отсутствіе повода къ убійству. Но обвинителямъ это нипочемъ: Мироновича можно и безъ всего этого обвинять; проиграна экспертиза—долой экспертизу; ничего не нужно; никакія препятствія не существуютъ... Воздухоплаватели!.. Прокуроръ рисуетъ въ своемъ воображеніи свои картины, не имѣющія ни одной опоры въ вещественныхъ слѣдахъ, дѣлаетъ предположенія, признанныя профессоромъ Эргардтомъ „изъ всѣхъ невозможныхъ невозможностей самыми невозможными!“—и недопущенныя никѣмъ изъ другихъ ученыхъ. А гражданскій истецъ говоритъ прямо: намъ довольно одного мотива. Лакомился на ребенка—и убилъ.

Но за что же? Не касаясь къ ребенку, не пытаясь завладѣть имъ, не получивъ никакого отпора, ни одной царапины? Нѣтъ, такъ разсуждать невозможно. Мало ли кому чего хочется отъ живого существа, а другіе его убиваютъ. Вамъ хотѣлось поскорѣе наслѣдство получить отъ стараго богача, а его убиваетъ воръ—и васъ будутъ судить только потому, что вы не огорчены его смертью? Развѣ допустимо уличать однимъ мотивомъ, когда самаго факта не существуетъ?

Итакъ, поза убитой случайная. Покойная принесена въ каморку изъ другой комнаты, гдѣ нанесены первые удары. Убійца, вѣроятно, оттаскивалъ свою жертву изъ передней, гдѣ слышнѣе и опаснѣе были крики. И если онъ хотѣлъ ее затащить въ скрытый уголокъ, то черезъ кухню онъ попадалъ неминуемо въ каморку. Здѣсь, прямо, подлѣ двери—фатальное кресло. Къ нему-то прямо, на обѣихъ рукахъ, было донесено тѣло и сложено поперекъ кресла-какъ всегда складываютъ ношу. И вотъ почему получилась поза, съ одной стороны совершенно не пригодная для изнасилованія, а съ другой — поза, напоминающая скабрезныя картинки, потому что короткія юбки задрались, и ноги на покатой ручкѣ кресла раздвинулись.

Выходитъ, что факта посягательства на честь Сарры Беккеръ нѣтъ. Въ другомъ дѣлѣ этого было бы совершенно достаточно для присяжныхъ. Но здѣсь формальнымъ правомъ пользоваться нельзя. Нужно разбирать еще многое. И главнѣе всего—дальнѣйшую исторію заблужденія съ Мироновичемъ.

Когда пришли въ помѣщеніе кассы, то нашли дѣвочку въ описанной нами позѣ, и притомъ въ заброшенной, въ самой отдаленной комнатѣ отъ мѣста, гдѣ находилась касса и вещи. По всему казалось, что убійца былъ свой человѣкъ, потому что нигдѣ никакихъ взломовъ не было (полиція привыкла къ взломамъ) и еще потому, что не было даже видимыхъ слѣдовъ кражи. Нужно было вѣрить Мироновичу на слово, что въ конторкѣ похищено 50 руб., и что въ витринѣ не достаетъ нѣсколькихъ цѣнныхъ вещицъ. Витрина была заперта, ключики висѣли на мѣстахъ, убыли

вещей, безпорядка—не было замѣтно. Люди вообще лѣнивы думать, да и не всегда достаточно тонки для этого. Поэтому извинительно было съ перваго раза остановиться на томъ, что казалось, по рутинѣ, всего проще: кражи не видать, раздвинутыя ноги на лицо—значитъ изнасилованіе; взломовъ не было слѣда, значитъ—убійца свой человѣкъ; свой человѣкъ—значитъ Мироновичъ. И всѣ отъ мала до велика, отъ младшаго полицейскаго чина до прокурора судебной палаты Муравьева, такъ именно и разсудили. Мироновичъ, не выходя изъ кассы, въ тотъ же день былъ арестованъ. Заблужденіе это, какъ я говорю, можетъ быть еще названо понятнымъ. Но не понятна при этомъ еще одна улика, воздвигнутая въ то же время противъ Мироновича, а именно—векселя Грязнова. Любопытно теперь читать то мѣсто обвинительнаго акта, гдѣ говорится, что убійство было совершено изъ какихъ-то личныхъ видовъ на покойную, и только для отвода замаскировано похищеніемъ вещей и векселей Грязнова! Особенно хорошо это „замаскировано“. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, нашли, что было изнасилованіе, и добавляютъ, что оно было замаскировано. Между тѣмъ, стоило сдвинуть Саррѣ ноги, задернуть юбку, ударить разъ, другой по стекламъ витрины, и весь слѣдственный синедріонъ былъ бы за тридевять земель отъ изнасилованія. Но Мироновичъ этого не сдѣлалъ хотя, вѣроятно, и очень бы хотѣлъ отвести глаза властямъ. Онъ, по мнѣнію противниковъ нашихъ, поступилъ такъ: дѣвочку онъ оставилъ съ поднятыми юбками, стекла витрины пожалѣлъ, а придумалъ приписать убійство одному изъ своихъ безчисленныхъ должниковъ, Грязнову, и для этого одинъ векселъ Грязнова и его просроченныя квитанціи вынулъ изъ ящика и бросилъ на диванъ въ комнатѣ, смежной съ кассой! Какая удивительная психологія! Предполагаютъ, что Мироновичъ послѣ убійства, когда у него весь міръ долженъ былъ завертѣться въ головѣ, изъ всѣхъ живущихъ на свѣтѣ людей почему-то остановился на одномъ какомъ-то Грязновѣ, котораго онъ давнымъ-давно не видѣлъ, и до того потерялъ способность думать о чемъ либо другомъ, что все свое гнусное дѣло оставилъ, говоря

языкомъ прислуги, нисколько не прибраннымъ, и возмечталъ, что однимъ подбросомъ грязновскаго векселя и его квитанцій на диванъ онъ все свалитъ на Грязнова! Не только психологически это несостоятельно, но несостоятельно и практически въ глазахъ всякаго, кто изучалъ или просто наблюдалъ пріемы убійцъ, маскирующихъ свое преступленіе. Ни одинъ убійца не отведетъ вамъ своего дѣла на одно какое либо ясно опредѣленное лицо, т. е. именно на А или Б. Онъ вамъ отведетъ его на цѣлый алфавитъ, на всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ людей, чтобы растерялись и кинулись въ разныя стороны. Для того, чтобы отводить подозрѣніе на опредѣленное лицо, нужно было быть слишкомъ увѣреннымъ, что сразу же не оборвешься; нужно достовѣрно знать, что подставляемый убійца во время совершенія преступленія находился въ подходящихъ для подозрѣнія условіяхъ. Особенно строго нужно было все это взвѣшивать тому убійцѣ, который не намѣревался бѣжать, а хотѣлъ оставаться на мѣстѣ и во всемъ давать отчетъ. Мироновичъ давно не видалъ Грязнова: онъ могъ думать, что тотъ умеръ, давно уѣхалъ и т. п., слѣдовательно, все сразу могло рушиться. Все это долженъ былъ знать Мироновичъ и на такую поддѣлку не могъ пойти. Но лучше всего то, что Мироновичъ вовсе не оберегалъ слѣдовъ этой мудреной и нелѣпой поддѣлки и рисковалъ совершенно ее потерять. Извѣстно, что документы Грязнова далеко не сразу нашлись. Первые пришедшіе ихъ не видали. Самъ Мироновичъ на нихъ не указывалъ. Нашелъ ихъ приставъ Рейзингъ совершенно случайно. Не найди онъ ихъ—они могли бы такъ же улетѣть, какъ волосы Сарры улетѣли съ окна вмѣстѣ съ бумажкой, на которой они лежали.

По всему этому документы Грязнова не могли, не должны были на здравый взглядъ казаться или считаться уликой противъ Мироновича. Въ самомъ дѣлѣ, видѣть маскировку изнасилованія кражей,—тамъ, гдѣ самая фигура перваго изъ этихъ преступленій оставлена нетронутой, тамъ, гдѣ не дано ни одного явнаго признака присутствія вора, гдѣ весь успѣхъ отвода былъ связанъ съ какими-то бумажками, которыя могли исчезнуть или быть выброшенными до прихода Мироновича—все это ужасно искусственно и безжизненно.

Но поставьте вопросъ наоборотъ— скажите себѣ, что Мироновичъ не виновенъ,—и вамъ станетъ совершенно понятно поведеніе Мироновича при нахожденіи векселей Грязнова. Мироновичъ приходитъ въ свою кассу, застаетъ полицію и наталкивается на загадочное убійство съ кражей. Никакихъ слѣдовъ преступника; нельзя даже догадаться, кто здѣсь былъ и какъ дѣйствовалъ. Болѣе всѣхъ заинтригованъ самъ хозяинъ кассы—Мироновичъ,—человѣкъ осторожный и скупой. Онъ ошеломленъ: какъ это его обошли? Онъ, кромѣ того, растерянъ и огорченъ: вѣдь убили дѣвочку, которую въ нѣкоторомъ родѣ ему довѣрилъ ея отецъ! Но теперь представьте, что въ такомъ положеніи Мироновичъ вдругъ слышитъ отъ пристава Рейзинга, что нашлись какія-то бумаги. Онъ кидается: какія?—Документы Грязнова.—Ну, слава Богу, хоть какая нибудь ниточка нашлась! Тогда Мироновичъ кипятится и торжествуетъ: это навѣрное Грязновъ—о, господа, это такой мошенникъ! Онъ на все способенъ. Это онъ сдѣлалъ! (Нужно замѣтить, что Мироновичъ всѣхъ неисправныхъ должниковъ привыкъ считать первыми злодѣями и мошенниками)--и онъ выражаетъ мысль, что это убійство—продѣлка Грязнова. Узнаютъ, что Грязновъ былъ въ тюрьмѣ и не могъ убить—тогда Мироновичъ, боясь потерять послѣднюю нить, настаиваетъ, что, вѣроятно, Грязновъ подослалъ другого, но когда и это падаетъ, онъ разубѣждается. Что можетъ быть натуральнѣе? Человѣкъ ошибся. Словомъ, какъ поддѣлка со стороны Мироновича убійства другимъ лицомъ, векселя Грязнова безсмыслены, потому что были другія настоятельныя и болѣе легкія средства отвести глаза; но какъ простая ошибка его въ объясненіи себѣ убійства, для него непонятнаго, эпизодъ съ этимъ документомъ весьма понятенъ. Изъ этого только можно заключить, что въ полицейскихъ способностяхъ изслѣдованія дѣла Мироновичъ не далеко ушелъ отъ прочихъ своихъ товарищей по службѣ. Кстати, мы здѣсь же имѣемъ превосходный примѣръ: помощникъ пристава Саксъ, увидавъ раздвинутыя ноги Сарры Беккеръ, рѣшилъ безповоротно, что тутъ было изнасилованіе, и не только изнасилованіе, но онъ былъ готовъ пари держать, что доктора найдутъ

изуродованныя половыя части—полнѣйшее растлѣніе. И, однако же, на другой день это документально опровергалось—такъ же документально, какъ подозрѣніе Мироновича противъ Грязнова опровергалось справкою изъ тюрьмы. И я не понимаю, почему Саксъ можетъ ошибаться, а Мироновичъ не имѣетъ на это никакого права?

Такимъ образомъ, если въ первый день картина мѣста преступленія могла, при поверхностомъ взглядѣ внушить преслѣдующей власти мысль объ изнасилованіи, то съ другой стороны, именно откровенность этой картины уже тогда должна была предостеречь слѣдователя отъ увлеченія этой мыслью. Натуральнѣе всего было задаться вопросомъ: да ужъ не вздоръ ли это изнасилованіе? Ужъ больно простъ долженъ быть насилователь, который въ такой степени не замаскировалъ своего дѣла. Но предположеніе, будто одно нахожденіе документовъ Грязнова означало маскировку Мироновичемъ изнасилованія, уже тогда показывало, что слѣдственная власть такъ поддалась предвзятой идеѣ, что отъ нея трудно ожидать трезваго взгляда на всѣ послѣдующія, имѣющія открыться данныя.

Такъ и случилось. На второй день слѣдствія открыли разительный фактъ, что Сарра Беккеръ невинна и неприкосновенна. Открытіе это должно было образумить обвинителей, но передъ нимъ уже не останавливались. Тогда выступаетъ новое обстоятельство, которое еще громче и рѣшительнѣе говоритъ за Мироновича, а именно на третій день слѣдствія обнаруживается его alibi: дворники Кирилловъ и Захаровъ, няня Наталья Ивановна, дѣвочка Маша и сожительница Мироновича Федорова въ согласныхъ и правдивыхъ показаніяхъ удостовѣряютъ, что Мироновичъ въ вечеръ и въ часы убійства былъ далекъ не только отъ мѣста преступленія, но и отъ мысли о преступленіи. Онъ вышелъ изъ кассы въ 10-мъ часу, когда Сарра была еще жива, догналъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кассы свою давнишнюю сожительницу и направился въ свой домъ въ Болотную. Того же Мироновича въ 10 ч. съ небольшимъ видятъ входящимъ къ себѣ домой всѣ домашніе. Онъ раздѣвается, надѣваетъ халатъ, мѣняетъ сапоги на туфли и пьетъ

чай. Разставаясь съ нимъ, Федорова видитъ на часахъ ближайшаго магазина $^1/_2$ 11-го. Но и послѣ того Мироновичъ пьетъ чай съ дѣвочкой Машей. Я настаиваю, что всѣ эти показанія согласны. Даже въ обвинительномъ актѣ признавалось, что прослѣженное, шагъ за шагомъ, поведеніе обвиняемаго не внушало подозрѣнія. Пріемъ, употребленный здѣсь, сбивать свидѣтелей на минутахъ, провѣрять время экспертами по движенію конки,— это пріемъ искусственный, софистическій. Не дай вамъ Богъ, чтобы когда нибудь, если васъ привлекутъ безвинно, къ вамъ самимъ примѣнили этотъ способъ въ первый разъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Этимъ средствомъ все низведешь ко лжи, ни въ чемъ не получишь достовѣрности. Я ссылаюсь не на вычисленіе, а на другое—на бьющее впечатлѣніе правды въ честныхъ лицахъ свидѣтелей, на ихъ полное безстрашіе передъ мелочнымъ допросомъ, и на отсутствіе для нихъ повода лгать. Всѣ ручаются съ непоколебимой твердостью за большой промежутокъ времени, проведеннаго Мироновичемъ у нихъ на глазахъ, между 9 и 11 часами. А вы знаете уже, что въ началѣ 11-го убійца вошелъ въ кассу.

Не должны ли были эти свидѣтели разсѣять мысль объ обвиненіи Мироновича? Мироновичу, какъ захваченному врасплохъ и неожиданно, не было никакой возможности внушить или подготовить эти показанія. Въ нихъ нѣтъ и слѣда пристрастія: Федорова рисуетъ намъ Мироновича и скучнымъ, и суровымъ, но въ правдѣ отказать ему не можетъ; дворники и няня сообщаютъ свѣдѣнія только до того часа, въ который, дѣйствительно, видѣли Мироновича: за ночь Мироновича они не ручаются и даже сами доказываютъ возможность безконтрольной отлучки Мироновича изъ дому въ серединѣ ночи. Можно ли поэтому не довѣрять этимъ людямъ? Не выгоднѣе ли было Мироновичу, если бы онъ ихъ подстраивалъ, заручиться ихъ защитою на всю ночь, чѣмъ добиться ихъ свидѣтельства въ свою пользу только на спорные и сравнительно ранніе часы? Да и была ли бы у нихъ такая непринужденность въ передачѣ подробностей, еслибы они выдумали все то, о чемъ показываютъ.

Но слѣдствіе продолжаетъ держаться своей мысли. Оно

ищетъ, не подрывается ли чѣмъ нибудь и такое alibi? Нѣтъ ли чего нибудь, что могло бы вернуть Мироновича въ кассу послѣ того, какъ онъ изъ нея вышелъ? Тогда всплываютъ Гершовичъ, Устинья Егорова и Константинова. Что мнѣ говоритъ о нихъ? Гершовичъ показываетъ, будто Мироновичъ, проводивъ женщину въ 9 час., затѣмъ на его глазахъ вернулся во дворъ кассы; но самъ-то свидѣтель простоялъ послѣ этого ухода на своемъ мѣстѣ всего 2—3 минуты, и не знаетъ, не вышелъ ли Мироновичъ тотчасъ опять на Невскій. Спрашиваю я: подрываетъ ли этотъ свидѣтель остальныхъ, которые не упускали Мироновича изъ виду? Да и Сарра была еще до 10 час. жива, одна, на виду у другихъ свидѣтелей. Или Устинья Егорова? Вѣдь она Мироновича даже не называетъ, показываетъ о какомъ-то шарабанѣ въ первомъ часу, когда все давно было кончено, о видѣніи, обставленномъ условіями зубной боли, тьмы во дворѣ, за преградой кисейной занавѣски. Ну, развѣ и это данное идетъ въ какое нибудь сравненіе съ предыдущими, съ данными оправданія? А Константиновъ? Просыпается въ дворницкой на нѣсколько секундъ, усталый послѣ дороги, и ему кажется, что дворники говорятъ, будто баринъ пріѣхалъ, когда тѣ говорятъ, что пришелъ. А сынъ его Золотовъ, спящій тутъ же, всей этой сцены не слышитъ. Этотъ Константиновъ такой же „свой человѣкъ“ у Мироновича, какъ и прочіе дворники. Неужели его одного нельзя было уломать на ложное показаніе? Неужели бы его не поддержалъ сынъ? Не ясно ли здѣсь простое, обыденное недоразумѣніе, ошибка.

Сравните же первыхъ и вторыхъ свидѣтелей: которые яснѣе, тверже, доказательнѣе? Можно ли колебаться въ выборѣ?

Казалось бы: что же дальше? Сарра Беккеръ въ половыхъ частяхъ не повреждена,—Мироновичъ въ часы убійства былъ дома. Былъ еще только 4-й день слѣдствія. Еще было своевременно заняться настоящимъ, а не фантастическимъ убійцей. Но что же дѣлаютъ? На что тратятъ время? Изслѣдуютъ нравственныя качества Мироновича и его отношенія къ Саррѣ Беккеръ. Спрашивается, ну къ чему это?

Вѣдь еслибы онъ былъ скверный человѣкъ, то все-таки вечеръ убійства онъ провелъ дома; еслибы онъ былъ мужчина самый лакомый до женщинъ, еслибы онъ даже заглядывался на Сарру Беккеръ или мимоходомъ трогалъ ее, или даже намѣчалъ ее себѣ въ будущія любовницы, то все-таки въ настоящемъ случаѣ онъ на нее не нападалъ и не поругалъ ея чести. Повторяю: къ чему же намъ его прошлое, его вкусы, его привычки, тайны его постели, его старческія связи и т. п. Кому нужна эта громоздская декорація изъ совсѣмъ другой оперы—это декорація изъ „Отелло“ когда идетъ балетъ „Два вора“? Вотъ это-то и есть то, что одинъ нашъ славный ораторъ назвалъ „извращеніемъ судебной перспективы“: ненужнымъ заслоняютъ зрѣніе, а главное упускаютъ.

Но разберемъ эту напрасную работу. Чисто искусственное приведеніе Мироновича къ мнимому преступленію противъ Сарры Беккеръ ведется издалека. Прежде всего говорится, что Мироновичъ человѣкъ вообще скверный. Я ни слова противъ этого не скажу. Вопросъ о хорошихъ и дурныхъ людяхъ безконеченъ. Иной выросъ на тучномъ черноземѣ, подъ солнцемъ—и кажется хорошъ; другой жилъ въ болотѣ и вышелъ много хуже. Вы знаете, какая трясина—вся прошлая служба Мироновича, все, на чемъ онъ воспитывался. Быть можетъ, еслибъ онъ былъ дворянином, чистой бѣлой кости, да былъ выхоленъ въ дѣтствѣ, окруженъ гувернантками, зналъ бы литературу, имѣлъ бы какіе нибудь таланты — быть можетъ, онъ избралъ бы другую карьеру. Но иное дано ему было отъ жизни. И если онъ дурной человѣкъ, то, вѣроятно, все-таки хотя нѣсколько лучше нарисованнаго здѣсь портрета. Но пусть онъ и такимъ остается. Это не идетъ къ дѣлу... Біографія Мироновича въ обвинительномъ актѣ заканчивается слѣдующими словами: онъ слылъ за человѣка, дѣлавшаго набѣги на скопцовъ, проживавшихъ въ его участкѣ, и, къ тому же, за большого любителя женщинъ. „Большой любитель женщинъ... дѣлаетъ набѣги на скопцовъ...“,—можно подумать, что Мироновичъ, какъ фанатикъ сластолюбія, искоренялъ скопцовъ за ихъ равнодушіе къ женскому полу!.. Но ока-

зывается, что здѣсь говорится о взяткахъ. Спрашивается: причемъ взятки въ изнасилованіи?.. Отчаянное же сластолюбіе Мироновича доказывается такими фактами: имѣя больную жену, онъ сошелся съ женщиной, съ которой затѣмъ жилъ 15—16 лѣтъ и прижилъ отъ нея пять дѣтей, а когда эта женщина устарѣла, онъ сошелся съ другой, отъ которой хотя дѣтей и не имѣлъ, потому что и лѣта уже не тѣ, но съ которой живетъ по супружески уже лѣтъ пять. Притомъ, однако, онъ не утратилъ способности любоваться и другими хорошенькими женщинами. Спеціально же виды Мироновича на Сарру Беккеръ представлены въ такомъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, невѣрномъ освѣщеніи: онъ старался оставить Сарру при себѣ одну и потому отправилъ Илью Беккера въ Сестрорѣцкъ; Беккеръ незадолго до преступленія видѣлъ, какъ Мироновичъ, лежа на креслахъ, обнималъ и цѣловалъ его дочь, на что ни дочь ничего не отвѣтила, ни отецъ не протестовалъ; мѣщанкамъ Бочковой и Михайловой Сарра за недѣлю до убійства будто бы жаловалась, что Мироновичъ ей разсказываетъ о своихъ любовницахъ, пристаетъ съ ласками, что отецъ этого не знаетъ — иначе бы не допустилъ (какъ это похоже на предыдущее!), что Мироновичъ помадится, старается ей нравиться, „но можетъ понравиться только одному шуту“ и страшно ее ревнуетъ ко всякому. Разсказывая это, Сарра будто бы плакала и говорила, что съ Новаго года она уйдетъ. Однако, ни отцу, ни ближайшей къ себѣ женщинѣ, еврейкѣ Чесновой, Сарра Беккеръ о приставаніи Мироновича не сообщала. Затѣмъ выставляютъ маленькихъ дѣтей, которыя, будто бы, наблюдали, что Сарра была въ день смерти грустна. Наконецъ, приводится, что на ночь убійства Мироновичъ, вопреки всегдашнему правилу, не прислалъ въ кассу дворника — и такимъ образомъ, выходитъ или получается впечатлѣніе, будто Мироновичъ, какъ коршунъ, издавна чертилъ круги вокругъ этого цыпленка — Сарры, и наконецъ-таки, уединивъ и оставивъ ее беззащитною, заклевалъ.

Не трудно убѣдиться, что все это освѣщеніе отношеній Мироновича къ Саррѣ — невѣрное. Прежде всего, Мироновичъ не заклевалъ Сарру, потому что того, чего по мнѣ-

нію сплетенъ онъ добивался у Сарры, онъ не тронулъ. Но затѣмъ во всѣхъ этихъ показаніяхъ очень легко отдѣлить искусственное наслоеніе. Съ одной стороны оказывается, что даже, по словамъ отца, Сарра относилась къ поцѣлуямъ и объятіямъ Мироновича не съ крикомъ, который нужно было заглушать просовываніемъ платка чуть не до желудка, а очень мирно и наивно. Значитъ, если правда, что Мироновичъ имѣлъ виды на Сарру, то попытка къ сближенію вовсе не была бы обставлена такъ странно, что Сарра, едва отворивъ дверь, не успѣвъ снять ватерпруфъ, найдена была съ раздробленною головою и нетронутыми половыми частями. Съ другой стороны, въ показаніяхъ сорокалѣтнихъ мѣщанокъ совершенно ясенъ ретушъ. И какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите требовать, чтобы сорокалѣтнія кумушки, которымъ извѣстно, что Сарра найдена на креслѣ съ раздвинутыми ногами, чтобы онѣ совладали съ своимъ воображеніемъ... Это вещь невозможная! И вы видите, какъ онѣ пересолили. Онѣ усердствуютъ доказать, что Мироновичъ ревновалъ Сарру рѣшительно ко всякому, даже къ скорняку Лихачеву, и что онъ ее берегъ для себя. Но возможно ли было Мироновичу ревновать Сарру къ скорняку Лихачеву — къ этому свидѣтелю съ волнообразнымъ носомъ, и рядомъ не ревновать къ своимъ красивымъ и молодымъ дворникамъ, которыхъ онъ посылалъ ночевать съ дѣвочкой. Также точно заблуждаются дѣти насчетъ грусти Сарры Беккеръ; впечатлѣнія эти образовались, очевидно, заднимъ числомъ, когда маленькіе друзья Сарры вспомнили, что это былъ послѣдній день ея жизни. Но мы имѣемъ факты: Сарра въ этотъ день играла, была въ праздничномъ платьѣ, съ аппетитомъ передъ смертью поужинала, въ ея карманѣ найдены незатѣйливыя лакомства—подсолнечныя сѣмечки, недоѣденное яблоко,—выходитъ, что здѣсь было именно то, о чемъ говоритъ Тургеневъ: — „человѣкъ не предчувствуетъ своего несчастія, какъ бѣлка, которая чиститъ себѣ носъ въ то самое мгновеніе, когда стрѣлокъ въ нее цѣлится...“ И то, что дворникъ на эту ночь не былъ присланъ, тоже совершенно лишено значенія умышленной западни со стороны Мироновича. Давно уже чуть

не вся публика въ одинъ голосъ порѣшила съ этой уликой тѣмъ соображеніемъ, что и въ предыдущую передъ убійствомъ ночь дворникъ не ночевалъ, а въ ту ночь Мироновичъ ничего не сдѣлалъ: значитъ—это случайность. И правда: Сарра тяготилась присылкою дворниковъ, они сами показали, что она отъ нихъ запиралась. Въ послѣднее время она возмужала и не прибѣгала къ этой мѣрѣ. Но все же дворникъ ее стѣснялъ. Запоры были такъ крѣпки, Сарра была такъ расторопна, съ зимы до осени она успѣла зарекомендовать себя такой самостоятельной слугой,—почему же и не снизойти къ ея просьбѣ? Словомъ, для Мироновича вопросъ о дворникахъ успѣлъ утратить свою настоятельность: страхуешь 10 разъ—не горитъ, на 11-й разсудишь—авось и такъ уцѣлѣетъ: анъ тутъ-то и пожаръ. Развѣ это не натурально? И развѣ вы не слышите самой искренней ноты въ отвѣтѣ Мироновича на вопросъ Янцыса въ то самое утро, когда открылось преступленіе: „Почему не было дворника?“ — „Сама просила не присылать“. Кромѣ того, Мироновичъ въ этотъ день имѣлъ заботы съ Порховниковымъ и векселями Янцыса. Онъ могъ и забыть о дворникѣ. И развѣ вы не хотите понять раскаяній Мироновича въ это утро за послабленіе Саррѣ или за свою неосторожность? Не понимаете чувства, съ которымъ онъ приникъ къ плачущему Беккеру со словами: „самъ знаю, что золотой былъ ребенокъ—что же дѣлать!“

Я затѣмъ совершенно опускаю цѣлый рядъ показаній о выраженіи глазъ Мироновича, его голосѣ, походкѣ и прочихъ признакахъ волненія, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ власти, прибывшія на мѣсто преступленія—все это я называю полицейской психологіей и не придаю ей никакого значенія. Даръ чтенія въ чужой душѣ принадлежитъ немногимъ, да и тѣ немногіе ошибаются. А здѣсь мы встрѣчаемся и съ наблюдательностью очень сомнительной тонкости: мы видимъ, что даже наглядные факты оцѣниваются грубо и неумѣло — гдѣ ужъ тутъ до чтенія по глазамъ?! Вспомните только слѣдующее: на утро послѣ фатальной ночи, Мироновичъ, какъ мы знаемъ, въ свой обычный часъ, рано утромъ, пьетъ свой чай такъ же спокойно, какъ и на-

канунѣ передъ сномъ. Изъ дому онъ отправляется розыскивать Порховникова, который задолжалъ ему 200 р., не застаетъ его въ домѣ Лисицына и ѣдетъ въ Пушкинскую улицу, но и тутъ узнаетъ отъ Подускова, что Порховниковъ скрылся. Мироновичъ ругается и негодуетъ, какъ истинный скупецъ, и на замѣчаніе, что сумма долга очень не велика, Мироновичъ произноситъ типическую фразу, типическое оправданіе людей его профессіи: „не сумма важна, а важно то, что меня, честнаго человѣка—надули!“ И представьте, что это раздраженіе Мироновича приводится какъ доказательство его душевнаго потрясенія послѣ убійства! Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезно считаться съ такой психологіей: придираются къ голосу Мироновича и слышатъ въ немъ ноты виновности, и на фактъ, поражающій фактъ, доказывающій его невиновность, закрываютъ глаза. Этотъ фактъ тутъ же рядомъ, а именно: вотъ эта самая озабоченность Мироновича получить долгъ съ Порховникова. Развѣ она была возможна и мыслима, еслибы Мироновичъ убилъ передъ тѣмъ ночью Сарру Беккеръ? Развѣ онъ могъ серьезно интересоваться этимъ долгомъ? Да вѣдь еще какъ настойчиво — поѣхалъ въ одинъ домъ на Преображенскую улицу (слѣдовательно минуя роковую кассу), а потомъ вернулся въ Пушкинскую улицу (тоже мимо кассы)—точно ничего злополучнаго и не бывало.

Вѣдь еслибы онъ убилъ, онъ зналъ бы, что касса была всю ночь отпертою, что она и теперь открыта, что, можетъ быть, изъ нея уже все растаскано и онъ теперь нищій,—что тамъ слѣды его ужаснаго дѣла. Его должно было мучить: знаютъ ли уже? Пришелъ ли кто нибудь? Его бы противъ воли туда потянуло. Гдѣ же тутъ до Порховникова? Откуда бы взялась прежняя энергія преслѣдовать должниковъ? Не ясно ли, что этотъ человѣкъ продолжаетъ свою нормальную жизнь, что ему въ эти минуты никакая бѣда еще не снилась... А разгадчики дѣла на все это даже не обращаютъ вниманія! Я утверждаю, что вы нигдѣ не найдете убійцу, который бы такъ неподражаемо разыгралъ невинность въ это утро, именно этими поисками Порховникова, какъ разыгралъ ее Мироновичъ, а не найдете потому.

что такъ именно могъ поступить только дѣйствительно невинный.

Сообразите, наконецъ, что Мироновичъ отъ начала до конца ни отъ одного своего слова не отступился, ни разу не солгалъ и не впалъ въ противорѣчіе. А для виновнаго срокъ былъ слишкомъ великъ, чтобы не соблазниться и не солгать. Вспомните только, какъ другіе въ этомъ дѣлѣ запортовывались и мѣняли показанія! Сопоставьте его поведеніе наканунѣ убійства и на другой день; вспомните, что ни одной царапины ни на лицѣ, ни на рукахъ у него не было; обратите вниманіе на то, что у него былъ сдѣланъ полицейскій обыскъ—и весь гардеробъ его оказался налицо; ни малѣйшаго скандальнаго пятнышка на бѣльѣ (а будь здѣсь неодолимая страсть — пятна секретнаго происхожденія непремѣнно бы нашлись), ни одной скрытой, окровавленной или замытой одежды. Вспомните, наконецъ, что Сарра Беккеръ невинна. Не ясно ли, что все, чѣмъ стараются опутать Мироновича, спадаетъ съ него какъ шелуха; что въ этомъ обвиненіи нѣтъ ни одной живой, осмысленной, проникающей въ нашу совѣсть, улики; что всѣ онѣ, эти улики, не что иное, какъ собраніе восковыхъ фигуръ. Нѣтъ никакой внутренней силы, нѣтъ истины въ этомъ обвиненіи!

Но самыя важныя доказательства невиновности Мироновича еще впереди.

Намъ осталась еще одна громадная улика, занявшая четыре дня судебнаго слѣдствія. Она состоитъ въ томъ, что въ этомъ процессѣ есть весьма подозрительная г-жа Семенова, которая, однако, по мнѣнію прокурорскаго надзора, едва ли убила Сарру Беккеръ. Странная улика! Если въ Семеновой и не распознали убійцу, то чѣмъ тутъ виноватъ Мироновичъ?

Попробуемъ, однако, задаться вопросомъ: кто убилъ?

Мы уже знаемъ, что цѣль убійства была искажена слѣдствіемъ съ самаго начала, благодаря призраку изнасилованія. Мы видѣли, что изнасилованія не было, но все это можно было видѣть и раньше. Не говоря уже о положеніи тѣла поперекъ кресла, о половой неприкосновенности,

самый костюмъ Сарры показывалъ, что она погибла, какъ сторожъ кассы, неосторожно впустившій вора. Она найдена въ томъ нарядѣ, въ какомъ вошла съ улицы, съ ключемъ отъ своего жилища въ карманѣ. Она, очевидно, имѣла дѣло съ кѣмъ-то, кто не могъ располагаться въ кассѣ какъ дома, кто долженъ былъ съ минуты на минуту уйти. Это былъ посторонній.

Затѣмъ: украдены вещи. Кто говоритъ вамъ, что здѣсь былъ грабежъ поддѣльный, тотъ забываетъ, что поддѣльный грабежъ всегда старается бить въ глаза, и что только послѣ настоящаго вора можно найти такую обстановку, когда не знаешь: былъ онъ тутъ или нѣтъ? Потому что поддѣльный грабежъ не можетъ рисковать сомнѣніемъ, а настоящее преступленіе только сомнѣнія и добивается. Вѣдь Мироновичъ, будто бы поддѣлавшій грабежъ, вначалѣ ничѣмъ не могъ его доказать! Еще еслибы онъ вынулъ изъ кассы заложенныя вещи, то пропажу ихъ можно было бы доказать книгами. Но украдены вещи изъ витрины, которымъ инвентаря не было, и Беккеръ даже отказывался признавать пропажу большинства вещей: не всплыви онѣ впослѣдствіи чудомъ, никто бы ни повѣрилъ, что онѣ были да сплыли. Такъ никто грабежа не поддѣлываетъ! И это не могло не внушить мысли, что грабежъ былъ настоящій.

Поэтому, послѣ первыхъ ложныхъ шаговъ противъ Мироновича, слѣдствіе должно было кинуться въ сторону—искать неизвѣстнаго. Кто былъ этотъ неизвѣстный? Задача найти его въ нашей обширной столицѣ конечно, была трудна. Онъ могъ и не найтись. Могло статься, что убійство на Невскомъ не было бы раскрыто. Какъ это ни неловко, это лучше привлеченія невиннаго....

Были ли указанія на неизвѣстнаго? Да, были. Азбучное слѣдственное правило состоитъ въ томъ, что-бы искать послѣдняго, кто видѣлъ убитаго и говорилъ съ нимъ. Этотъ послѣдній, кто видѣлъ Сарру Беккеръ, былъ намѣченъ сразу. То была какая-то женщина, но она сразу же пропала. Съ самаго начала на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ передъ слѣдователемъ зіяла непроницаемая тайна. Обстоятельство

это тѣмъ болѣе должно было подмывать любопытство, что жизнь, характеръ, вкусы, всѣ знакомства покойной были выяснены. Это была дѣвочка, усердная къ долгу сторожа и кассира, осторожная, недовѣрчивая,—близкихъ у нея не было,—знакомыхъ мы можемъ перечесть. И вотъ мы узнаемъ, что передъ самою смертью Сарра Беккеръ разговаривала на лѣстницѣ передъ кассой съ какой-то женщиной и притомъ настолько долго и охотно, что когда Ипатовъ хотѣлъ ихъ разогнать, то дѣвочка возразила: „а вамъ что за дѣло? развѣ я обязана вамъ давать отчетъ?“ Женщина эта была, по описанію Ипатова, моложавая — не то женщина, не то дѣвочка—повидимому еврейскаго типа. Но тогда же выяснилось, что это не была Чеснова, единственная знакомая Сарры въ этомъ родѣ—женщина рослая, нисколько не похожая на дѣвочку. Кто же, спрашивается, была эта женщина?

Вопросъ этотъ конечно, не мы первые поднимаемъ. Онъ всѣмъ приходилъ въ голову, и я здѣсь говорю не о казенномъ пріемѣ, который выражается словами: „за всѣми принятыми мѣрами женщина, разговаривавшая съ Саррой Беккеръ, осталась неразысканною“. Намъ, впрочемъ, говорили, что ея и не искали. Но я спрашиваю: какъ съ этимъ громаднымъ пробѣломъ возможно было ни разу не разочароваться въ походѣ противъ Мироновича, ни разу не сказать себѣ: да вѣдь пока я этой женщины не найду, все, что я дѣлаю, можетъ оказаться чепухою! Въ самой глубинѣ задачи торчитъ еще громадный иксъ, а слѣдствіе уже дописываетъ послѣднія цифры отвѣта. Удивительное ослѣпленіе передъ непогрѣшимостью первой догадки, пришедшей въ голову, безъ всякой внутренней тревоги передъ пробѣлами первостепенной важности! Ну, представьте, что мы бы съ вами, прослѣдя шагъ за шагомъ послѣдній день убитой, вдругъ бы наталкнулись на эту женщину, отъ которой Ипатовъ просто не могъ отцѣпить покойную! Неужели бы насъ не тревожили вопросы: чѣмъ и съ какою цѣлью расположила она къ себѣ этого недовѣрчиваго ребенка въ такіе поздніе часы, на порогѣ кассы, которую дѣвочка такъ боязливо оберегала? Почему всѣ другіе знакомые объявились и най-

дены, а этой нѣтъ? Вѣдь шумъ объ убійствѣ былъ такъ великъ, что почти каждый человѣкъ въ столицѣ о немъ зналъ, а черезъ недѣлю—знала вся Россія: особенно знали тѣ, которые зачѣмъ нибудь бывали въ кассѣ и должны были въ нее возвращаться. Зачѣмъ же эта женщина, если она невинна, не пришла за своимъ закладомъ, не пришла посвидѣтельствовать о послѣднихъ минутахъ бѣдной дѣвочки? Вотъ уже нѣсколько дней проходитъ, а женщина эта какъ въ воду канула! Было ли бы это возможно, еслибы она была чиста?.. Да, по нашему мнѣнію, мысль эта не должна была давать слѣдователю покоя: разумомъ и совѣстью долженъ онъ былъ почуять, что не спроста исчезла эта загадочная фигура, сидящая передъ нимъ у самаго входа въ преступленіе!! И всякая энергія противъ Мироновича должна была ослабнуть, и слѣдователь долженъ былъ тревожиться неминуемымъ, темнымъ вопросомъ о женщинѣ. И кто объ этомъ не тревожился, тотъ не можетъ не выслушать громкаго упрека въ односторонности!

Но были и другіе поводы считать все дѣло сплошнымъ хаосомъ тайны до открытіи этой женщины. Дворникъ Прохоровъ видѣлъ въ тотъ же самый вечеръ передъ убійствомъ, что Сарра Беккеръ, отправляясь ужинать, была остановлена на Невскомъ какою-то молодою, прилично одѣтою женщиною, съ зонтикомъ и сакъ-вояжемъ. Поманивъ Сарру рукой, она поговорила съ ней не болѣе двухъ минутъ и уѣхала. Опять тайна. Такихъ знакомыхъ и пріятельницъ, какъ описанная Прохоровымъ женщина, Сарра Беккеръ не имѣла. Кто же это былъ? Почему эти двѣ загадочныя женщины мелькаютъ передъ самымъ убійствомъ? Одна, по словамъ Прохорова, въ шляпкѣ, другая, по описанію Ипатова, въ платкѣ (а можетъ быть Ипатову накинутый вуаль показался платкомъ?) Ужъ не одна ли та же эта женщина? Но какъ ихъ связать между собою? Почему первая вскорѣ отъѣхала, а вторая такъ упорно сидѣла на лѣстницѣ передъ кассой, точно провожая Сарру на смерть? Потемки, полныя потемки!—И опять невольная потребность получить разъясненіе тайны ни отъ кого другого, какъ отъ женщины.

Ровно черезъ мѣсяцъ и одинъ день послѣ убійства, слѣ-

дователь получаетъ извѣстіе, что въ полицію явилась какая-то молодая, прилично одѣтая женщина (какъ это напоминаетъ описаніе Ипатова и Прохорова!) и созналась въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Что бы сказалъ себѣ, получивъ это извѣстіе, знаменитый слѣдователь Порфирій, идеальный слѣдователь Достоевскаго? Онъ сказалъ бы: „наконецъ-то! Я зналъ, что отсюда получится свѣтъ... Я былъ увѣренъ, что это дѣло можетъ разъяснить только какая-то женщина, исчезнувшая изъ-подъ глазъ полиціи. Она будетъ долго кружить вокругъ да около и прятаться, но ее будетъ тянуть къ намъ — и она прійдетъ. Она пришла. Такъ и быть должно. Теперь мы все непонятное постигнемъ“... Вотъ что бы онъ сказалъ.

А что сказали объ этомъ извѣстіи въ нашемъ дѣлѣ? Читайте сами въ обвинительномъ актѣ: „таковы были обстоятельства настоящаго дѣла, раскрытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, которое предположено уже было закончить (быстрота-то какая эфектная — въ одинъ мѣсяцъ уже было ясно), какъ вдругъ неожиданно явилась женщина и т. д...“. Понимаете ли вы теперь, гг. присяжные засѣдатели, всю непростительность этого „неожиданно“?! Именно — непростительность, потому что какъ возможно было бы не ожидать того, безъ чего все было во мракѣ, безъ чего нельзя было двигаться впередъ? Это выраженіе „неожиданно“ характеризуетъ и пріемъ, на который могло разсчитывать это самое драгоцѣнное для раскрытія истины лицо, всплывшее наконецъ въ дѣлѣ. Пріемъ былъ такой, какой уготованъ всякому нежданному гостю. Все готово, улики связаны, si non e vero e ben trovato — Мироновичъ въ тюрьмѣ, и вдругъ—такая новость! Сразу отнеслись къ Семеновой недовѣрчиво, а когда взглянули на нее—моложавую, прилично одѣтую, въ шведскихъ лайковыхъ перчаткахъ, то невольно улыбнулись иронически. Недовѣріе это вызывалось, очевидно, тѣмъ удивительнымъ соображеніемъ, что убійца можетъ быть только сильный, съ узловатыми руками, растрепанными волосами и вообще скорѣе — мужчина, чѣмъ эта наивная на видъ и моложавая женщина (не то женщина, не то дѣвочка, по выраженію Ипатова).

Посмотрѣли и рѣшили, что не она убійца, и стали записывать ея показаніе, какъ бредъ взбалмошной барышни. Я еще разъ съ глубокимъ убѣжденіемъ долженъ отмѣтить эту черту нашихъ представителей полицейской и слѣдственной власти—ихъ наклонность съ необыкновенною легкостью полагаться на свою психологію, физіономистику и на внѣшнія впечатлѣнія. Я увѣренъ, что такъ же, какъ одинъ видъ раздвинутыхъ ногъ Сарры Беккеръ рѣшилъ вопросъ объ изнасилованіи, такъ одна внѣшность Семеновой разубѣдила власти въ ея виновности. Я отмѣчаю эту черту потому, что она поистинѣ пагубная. Казалось бы сама жизнь дала достаточно уроковъ. Вспомните дворянскихъ дѣтей Эдельбера и Полозова, изъ которыхъ одинъ имѣлъ прелестное лицо дѣвушки, и которые судились за убійство ямщика; вспомните великолѣпнаго Юханцева, оказавшагося воромъ; даму большого свѣта Гулакъ-Артемовскую, обвиненную въ мошенничествахъ и подлогахъ; гвардейца Ландсберга, сосланнаго за убійство съ цѣлью грабежа, наконецъ — дѣвицу Островлеву, обвинявшуюся въ ограбленіи извозчика. Да мало ли примѣровъ! Пора бы, кажется, держаться нѣсколько пессимистическаго, но мудраго правила: все въ наше время возможно!

Я сказалъ, что Семенову слушали нехотя. Но когда изъ ея устъ полились разоблаченія разительныя (чего, впрочемъ и слѣдовало ожидать), когда она своимъ разсказомъ освѣтила, какъ молніей, все, что было въ потемкахъ, когда въ ея рѣчи забилась искренняя нота исповѣди, когда, наконецъ, она выдала вещи, добытыя преступленіемъ—тогда дѣлать было нечего. Даже такое прочное предубѣжденіе, какъ предубѣжденіе противъ Мироновича, было сломано. Онъ былъ выпущенъ. Но не надолго... И вотъ, этого второго возврата къ Мироновичу я уже никакъ не могу понять. Я не могу объяснить себѣ: какъ это случилось, чтобы послѣ такого сознанія, какъ сознаніе Семеновой, изъ этого дѣла съумѣли еще сдѣлать загадку. Прокурорскій ли надзоръ не съумѣлъ отрѣшиться отъ первоначальной близорукой идеи своей о виновности Мироновича, или слѣдователь поддался давленію, или Мироновичъ, освѣщенный бенгаль-

скимъ огнемъ во всѣхъ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ, оказался фигурою, которая могла раздражать общественныя страсти и сбивать съ толку самаго благонамѣреннаго судью, или экспертиза въ прошлое засѣданіе, пустившись фантазировать, поддержала заблужденіе, или пренія виноваты—я не знаю. Но я вижу, за сознаніемъ Семеновой, еще цѣлые томы слѣдственныхъ упражненій; я вижу, какъ его портили три четверти года, отъ сентября до іюня, какъ портили его въ предыдущее засѣданіе—и, однако же, несмотря на все это, я и до сихъ поръ, если хочу что нибудь понять въ дѣлѣ, обращаюсь именно къ этому сознанію, и только въ немъ одномъ нахожу отвѣты на всѣ недоумѣнія.

Да, Семенова разсказываетъ, что она одна убила Сарру Беккеръ. Безакъ въ это время лежалъ на диванѣ въ Финляндской гостинницѣ, поджидая ее съ добычей. Семенова кормила его кражами, но обѣщала сдѣлать и нѣчто побольше. На этотъ разъ она сдержала слово. Она вбѣжала къ нему, вся въ слѣдахъ убійства, и бросила ему деньги и вещи. Онъ выругался, что мало досталось, но испугался преслѣдованія—и они пустились бѣжать къ Кейзеру. Послѣ безсонной ночи, они оба рано утромъ скрылись въ разные концы изъ Петербурга.

Такова простая развязка мудренаго дѣла. Она останется навѣки единою возможною — единою потому, что двухъ истинъ не бываетъ.

И дѣйствительно: да прежде всего — кто же такая госпожа Семенова? Это женщина съ преступнымъ прошлымъ, совершившая пять кражъ и два мошенничества, женщина безжалостная въ отношеніи всѣхъ, кромѣ своего Миши, для котораго она даже обкрадывала своихъ добрыхъ знакомыхъ, и притомъ, что важнѣе всего—она та самая женщина, которая въ послѣдній часъ передъ убійствомъ сновала возлѣ кассы и сперва подзывала къ себѣ Сарру на извозчикѣ, а потомъ, въ послѣдній часъ передъ смертью, сидѣла съ ней передъ дверью кассы, и наконецъ—та самая, которая тотчасъ послѣ убійства убѣжала отъ теплаго трупа со всѣми вещами, добытыми преступленіемъ! Вѣдь все это

факты безспорные, признаваемые прокуроромъ. Какіе тутъ еще вопросы, какое лукавое мудрствованіе допустимо здѣсь?!.. Къ подобному лицу вѣдь невозможно было и относиться иначе, какъ къ убійцѣ! Такому лицу говорятъ прямо: „вы виновны; если можете — оправдывайтесь“, — а ужъ никакъ не поступаютъ съ нимъ наоборотъ, т. е. послѣ сознанія, стараются его выгородить, боятся убѣдиться въ его правдивости. А эта боязнь сквозитъ во всей провѣркѣ сознанія Семеновой. „Въ самомъ дѣлѣ“ говорятъ: „да, дѣйствительно,— и гирю пробовала на скамейкѣ Таврическаго сада, и время совпадаетъ, и раны знаетъ и палецъ укушенъ, и всѣ вещи взяла, и мылась два раза въ ночь, и скрылась тотчасъ“... Кажется, ну, чего бы еще?.. И начинаются возраженія...

Я думаю, что, еслибы вообще сознающіеся убійцы подвергались такому невѣроятному экзамену, какому подвергалась Семенова подъ руководствомъ прокурора судебной палаты г. Муравьева, то виновныхъ никогда бы не оказывалось. Вѣдь убійца бываетъ въ помѣщеніи своей жертвы мимоходомъ, дѣйствуетъ впопыхахъ, и вы найдете во множествѣ старыхъ дѣлъ, по которымъ виновные уже сосланы, что убійцы зачастую многаго не помнили — ни количества ударовъ, ни даже многихъ своихъ дѣйствій вообще. А здѣсь—малѣйшее запамятованіе зачисляютъ въ противорѣчіе. Но это бы еще ничего. Въ системѣ провѣрки параллельно дѣйствуетъ двоякій пріемъ: Семенова чего нибудь не помнитъ — дѣлаютъ выводы, что она не знаетъ, она невинна; Семенова что нибудь разительно ясно передаетъ— говорятъ: она заучила! Такъ вѣдь никогда не переспоришь, потому что противъ насъ играютъ безъ проигрыша. И главное — многихъ провѣрокъ боятся, положительно боятся, чтобы не встрѣтить подтвержденія. Такъ, напр., было прежде всего со ссадинами за ухомъ Сарры Беккеръ: ссадины эти признаны окончательною экспертизою ничтожными и ни въ какомъ отношеніи не интересными. Семенова забыла о нихъ упомянуть. И вотъ за все предварительное слѣдствіе, когда она такъ охотно вызывалась все разъяснить, ни разу не спросили ея объ этихъ ссадинахъ, а прямо въ обвинительный актъ внесли, что ея сознаніе опровергается умолча-

ніемъ о ссадинахъ! Далѣе, говорятъ: вотъ Семенова пишетъ, что она главныя поврежденія нанесла въ передней и затѣмъ тащила Сарру, а ни тамъ, ни по дорогѣ крови нѣтъ. Насколько хорошо осматривали полы въ кассѣ въ первый разъ — видно изъ того, что слѣдственная власть сама себѣ не вѣрила и тщательно осмотрѣла полы во второй разъ (въ первомъ протоколѣ, составленномъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, вовсе не значится, чтобы полы осматривались). Г. Саксъ, увѣряющій, что онъ смотрѣлъ, далеко не равенъ доказательному судебному акту, особенно въ этомъ дѣлѣ! Но полы кассы въ передней и кухнѣ невѣроятно грязны, какъ признаетъ второй осмотръ. Входившихъ въ кассу при обнаруженіи убійства просто и не перечислить. Слѣды, если только они не исчезли цѣликомъ въ видѣ кровяныхъ брызгъ на одеждѣ убійцы,—слѣды могли быть, при отсутствіи разсѣченныхъ ранъ, самые ничтожные, могли растереться на торной дорогѣ у входа, гдѣ каждый пролагалъ ступню. Во всякомъ случаѣ, первоначальнаго акта осмотра половъ у насъ нѣтъ. И такимъ образомъ, слѣдственная власть въ собственной небрежности черпаетъ доказательства противъ Семеновой! Но главная разительная черта правды въ показаніи Семеновой какъ разъ въ томъ и состоитъ, что Семеновой нѣтъ никакого дѣла до того, гдѣ, по мнѣнію слѣдователя, должна быть кровь. Еслибы ее подучили, то суфлеръ могъ бы опустить другія подробности, но ужъ насчетъ главнаго — насчетъ самого мѣста драмы—наставилъ бы ее въ совершенствѣ. Но Семенова не актриса, а настоящая убійца, и она не заглядываетъ въ тетрадку слѣдователя, чтобы сообразоваться съ тѣмъ, что ему нужно, а сама открываетъ ему, какъ происходило преступленіе въ дѣйствительности. Оттого она и указываетъ совершенно новый пунктъ драмы. И, слѣдовательно, мы можемъ только сказать: поучайтесь и убѣдитесь еще въ тысячный разъ, что не всегда находится кровь тамъ, гдѣ нанесенъ первый ударъ; на будущее время будьте осторожнѣе съ этимъ вопросомъ; не слѣдуйте рутинѣ, да тщательнѣе производите осмотры. Далѣе, возражаютъ противъ гири. Говорятъ: гири не было, это—выдумка, была газовая

труба. И здѣсь опять Семенова самостоятельна, какъ лицо, разоблачающее тайну дѣйствительности. Она опять знать не хочетъ вещественныхъ доказательствъ слѣдователя,—и представьте: наука за нее! Экспертъ проф. Монастырскій, вызванный, въ это засѣданіе впервые самимъ обвиненіемъ— проф. хирургіи, *вторитъ Семеновой: орудіе было шарообразное:* отъ длиннаго орудія получились бы совершенно иные расколы черепа. Но этого мало. У Семеновой, несмотря на всякое поощреніе ко лжи, есть извѣстный стыдъ, — она считаетъ для себя невозможнымъ отрицать то, что, по ея мнѣнію, доказано помимо нея. Она не можетъ себѣ представить, чтобы не повѣрили, напр., пробамъ гири на скамейкѣ Таврическаго сада, чтобы и эти видѣнные нами знаки считались за поддѣлку. Какая, подумаешь, роскошь поддѣлки!. И она не можетъ отвязаться отъ гири. Въ самомъ послѣднемъ своемъ показаніи, въ томъ, гдѣ, уже по стопамъ Безака, она валитъ на Мироновича, и тамъ она говоритъ: „Гиря у меня дѣйствительно была, мнѣ ее подарилъ Безакъ, я ее забыла гдѣ-то въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ я *проживала*“. И представьте, *на этомъ стоитъ* точка. Слѣдователь даже не распрашиваетъ; „въ какихъ именно комнатахъ она проживала?“ Онъ ей такъ легко позволяетъ отдѣлаться отъ орудія убійства. Также легко дали исчезнуть гирѣ и въ тотъ періодъ, когда Семеновой еще вѣрили, когда она въ первомъ искреннемъ показаніи созналась, что бросила ее въ Неву у Тучкова моста. Здѣсь мы только теперь узнали, что гири тогда совсѣмъ не искали, а въ обвинительномъ актѣ написано, что ея не нашли. А будь надобность найти гирю, во вредъ Мироновичу, къ изобличенію его, такой ли бы розыскъ мы видѣли! Но я, впрочемъ, думаю, что, если-бы тогда же нашли гирю, то стали бы говорить: она подброшена, потому что за мѣсяцъ она должна была бы уйти въ почву дна. Нѣтъ гири — Семенова говоритъ неправду, *есть гиря—опять неправда и поддѣлка.* Нѣтъ выхода, нѣтъ въ этомъ дѣлѣ оправданія Мироновичу! Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пріемовъ провѣрки словъ Семеновой былъ пріемъ провѣрки ея показаніи о витринѣ. Вначалѣ, какъ извѣстно, было между прочимъ чрезвычайно трудно

нонять, какимъ образомъ похищены вещи изъ витрины: все въ ней казалось въ порядкѣ, замокъ былъ не поврежденъ, маленькій ключикъ висѣлъ на особомъ гвоздикѣ, на своемъ мѣстѣ. Вы помните, какъ по этому поводу острили полицейскіе надъ Мироновичемъ: какой, подумаешь, аккуратный воръ! Какъ онъ о хозяинѣ заботится, даже ключикъ на свое мѣсто повѣсилъ. Иронія эта, кстати сказать, была достаточно безсмысленна, потому что, если представить себѣ, что такъ устроилъ самъ Мироновичъ, то это было бы съ его стороны ни съ чѣмъ несообразно: запирать маленькимъ ключикомъ ящикъ витрины, когда большой входъ во всю кассу оставляется на всю ночь отпертымъ. Но какъ бы тамъ ни было, способъ похищенія изъ витрины оставался загадкою. И вдругъ Семенова всѣмъ этимъ господамъ открываетъ глаза: я сбоку просунула руку подъ крышку запертой витрины, она вѣдь отгибается... Въ голову никому это не приходило! Ни Мироновичу, ни полиціи, ни слѣдователю, который даже не пріобщалъ витрины къ вещественнымъ доказательствомъ. Понятно, послѣ такого неожиданнаго указанія, слѣдователь потребовалъ витрину. Сдѣлали опытъ: дѣйствительно, рука Семеновой свободно проходитъ подъ запертую крышку и описываетъ подъ витриной дугу въ $4^1/_2$ вершка. Кажется, что оставалось послѣ этого, какъ не ударить себя по головѣ и сказать: да, вотъ она, настоящая хозяйка дѣла! Но нѣтъ! По непостижимому противодѣйствію, даже такимъ доказательствамъ не вѣрятъ, даже и это открытіе встрѣчается недружелюбно. Я говорю недружелюбно, потому что была предпринята провѣрка настолько несостоятельная, что отъ нея заранѣе нельзя было ожидать разъясненія, а можно было только разсчитывать на путаницу. Посудите сами: Семенова говоритъ: „я брала ближайшія вещи къ краю; въ другое отдѣленіе, хотя тамъ и нѣтъ перегородки, моя рука не достигала“. Тогда слѣдователь призываетъ Мироновича и Беккера и спрашиваетъ ихъ: гдѣ лежали похищенныя вещи?. Конечно каждый изъ нихъ отвѣчаетъ различно. И совершенно натурально, потому что каждый видѣлъ ихъ въ разномъ положеніи. Вѣдь эти вещи передвигались, онѣ не лежали въ гнѣздахъ, не были при-

биты къ своимъ мѣстамъ, ихъ продавали, замѣщали новыми... Ну, что это за провѣрка? И какъ странно было спрашивать Беккера о томъ, гдѣ лежалъ, напр., украденный медальонъ, когда онъ вначалѣ говорилъ, что никакого медальона изъ витрины не украдено. А тутъ вдругъ показалъ, что во второмъ отдѣленіи, подальше отъ Семеновой. И Мироновичъ тоже прекрасенъ въ этомъ эпизодѣ: чѣмъ ему рисовать мѣстонахожденіе вещей поближе къ рукѣ Семеновой (разъ уже говорятъ, что они между собою спѣлись), онъ, по совѣсти, рисуетъ, какъ помогаетъ ему память, и въ одномъ, и въ другомъ отдѣленіи. Но могъ ли онъ черезъ полтора мѣсяца поручиться, что вспоминаетъ вѣрно, что безъ него или Беккеръ, или его дочь не переложили вещи на вершокъ дальше въ ту или другую сторону, или изъ одного отдѣленія въ другое?.. Такова была эта знаменательная провѣрка показанія Семеновой о витринѣ. Я думаю, когда слѣдователь предъявилъ Семеновой эти результаты своей работы и спросилъ ее: „ну, что вы на это скажите?“— ей оставалось только руками развести: „Я своею рукою брала вещи, а они меня хотятъ въ этомъ разубѣдить!“ И она дѣйствительно въ этомъ родѣ отвѣтила; она написала: „я не знаю, что это все значитъ, но я доставала вещи тѣмъ именно способомъ, какъ я показывала раньше“. — Что же еще возражаютъ противъ сознанія Семеновой съ фактической стороны? Говорятъ: она не вѣрно показываетъ о бумагахъ Грязнова. Объ этихъ бумагахъ она сказала: я ихъ бросила тутъ же въ кассѣ или въ корридорѣ. Сама она говоритъ, что не помнитъ. Чего же хочетъ отъ нея слѣдователь? И въ обыденный жизни, когда собираешся въ дорогу, не всегда вспомнишь, куда что отбросишь, а здѣсь вѣдь побѣгъ съ мѣста убійства! И нужно ли говорить, что Семенова почти вѣрно вспомнила: бумаги найдены на диванѣ, въ комнаткѣ, имѣющей открытую дверь въ тотъ же корридоръ, о которомъ говоритъ Семенова. Она могла, уходя, автоматически присѣсть на этотъ диванъ и потомъ совсѣмъ забыть, что она садилась. Могли эти бумаги валяться между дверью и диваномъ, могли быть приподняты и для порядка брошены на диванъ кѣмъ ни-

будь изъ всякаго люда, нахлынувшаго въ кассу послѣ преступленія. Еще возражаютъ: въ помояхъ Финляндской гостинницы прислуга, спрошенная черезъ мѣсяцъ, не припоминаетъ крови, татаринъ, купившій пальто Семеновой, не помнитъ крови. Это все доказательства невинности! Мироновича, напримѣръ, до истеченія сутокъ всего осматривали; нигдѣ крови не нашли и говорятъ: онъ виновенъ. У Семеновой, черезъ мѣсяцъ, не могутъ возстановить кровь черезъ свидѣтелей, которымъ и въ голову не приходило думать о крови—и говорятъ: она невинна. Вотъ ужъ можно *сказать истинное безпристрастіе*...

Мы видѣли, что всѣ эти возраженія не подрываютъ сознанія Семеновой ни на іоту, а многія закрѣпляютъ его. Но какія за то есть въ этомъ сознаніи подробности, прямо обличающія виновность! Возьмите такую мелочь: Семенова говоритъ, что передъ убійствомъ она дала Саррѣ Беккеръ рецептъ отъ насморка, который дѣвочка и спрятала въ свое портъ-моне. Послѣ убійства, когда Семенова вынимала ключи изъ платья покойной, выпало это портъ-моне. Семенова вспомнила, что тамъ ея рецептъ и захватила портъ-моне съ собою, а потомъ бросила его въ Неву. И дѣйствительно, мы узнали, что у Сарры Беккеръ было портъ-моне, которое послѣ убійства исчезло. Никто не спохватился, что у маленькаго финансиста былъ свой маленькій портфель. И никто не смогъ бы объяснить, зачѣмъ эта бездѣлица понадобилась убійцѣ. А между тѣмъ убійца ее взялъ. Только Семенова даетъ объясненіе, почему взяла. Не видно ли поэтому, что она была въ самыхъ глубокихъ тайникахъ этого дѣла? Далѣе: вы помните подробный протоколъ осмотра кухни. Мы слышали это мелочное описаніе, тамъ на полкѣ значились: и щепотка соли, и еврейская книга, и банка, и крошки хлѣба, и подстаканникъ, и какая-то повѣсть—вещи пестрыя, которыя никакъ не удержишь въ памяти и не сольешь въ полную картину. Но тамъ есть мелочь, на которую я нарочно не обращалъ вашего вниманія, хотя она есть, и это подтвердитъ г. предсѣдатель. И вотъ, вы—судьи, ваша роль, конечно, отвѣтственнѣе, чѣмъ роль наемницы, которая должна разучить дѣло для принятія на себя убійства. Пом-

нитe ли вы, напримѣръ, этотъ осмотръ кухни настолько чтобы отвѣтить на вопросъ: чѣмъ пахло въ кухнѣ? Конечно, нѣтъ. А Семенова сразу отвѣтила: лукомъ и рыбою. И тамъ, въ томъ осмотрѣ, о которомъ я говорю, въ перемежку съ другими вещами и далеко не рядомъ, названы: головки чесноку и остатки рыбы. Скажутъ: она просто отвѣтила такъ, потому что рѣчь шла о еврейской кухнѣ. Но тотъ, кого ловятъ на лжи, всегда трусливъ. Семенова могла опасаться, что тамъ былъ пролитъ керосинъ или существовалъ какой нибудь другой запахъ, могла запнуться. И если она такъ увѣренно отвѣтила, то это лишь потому, что она нюхала тотъ воздухъ, гдѣ было убійство.—Нѣтъ! Чѣмъ болѣе изучаешь сознаніе Семеновой, тѣмъ болѣе дивишься тому, какія сокровища въ немъ разсыпаны для вѣрнаго возстановленія происшествія. Даже кажущіяся противорѣчія въ немъ примиряются удивительно самымъ ходомъ разсказа. Такъ, всегда указывали ту странность, что, по словамъ Семеновой, Сарра, введя ее въ кассу, заперла дверь на крюкъ и ключъ оставила извнутри въ замкѣ. Семенова на этомъ настаивала. Между тѣмъ, ключъ найденъ въ карманѣ покойницы. Какъ же это вышло? Но послушайте разсказъ Семеновой—и вы поймете. Семенова говоритъ, что кто-то постучалъ въ дверь, Сарра нагнулась и посмотрѣла въ скважину замка (значитъ, само собою, вынувъ ключъ)—и затѣмъ, когда обернулась къ Семеновой, то сейчасъ же послѣдовалъ первый смертоносный ударъ. Понятно, что взволнованная до послѣдняго напряженія силъ, Семенова помнитъ, что Сарра смотрѣла въ скважину (потому что въ эту минуту она и надумала рѣшиться на убійство), но ужъ, конечно, за тѣмъ, что дѣлала Сарра съ ключемъ и куда его опустила—Семеновой некогда было слѣдить. А между тѣмъ, самое заглядываніе въ скважину замка объясняетъ намъ, что при этомъ именно Сарра и положила ключъ въ карманъ. Такъ вотъ какое это показаніе Семеновой!.

И это еще все только мелочи. Но что все это въ сравненіи съ главнымъ, чего требуетъ совѣсть судьи—въ сравненіи съ общимъ впечатлѣніемъ отъ разсказа Семеновой. Мы понимаемъ, что вамъ, не имѣющимъ права судить Се-

менову, тяжело было его слушать. Ужасомъ правды вѣетъ отъ этого показанія! Подставной убійца, который бы за деньги согласился наклеветать на себя, никогда ничего подобнаго вамъ не разскажетъ. Притомъ самъ обвинитель утверждаетъ, что Семеновой ничего не платили. Она, видите ли, съ голоду дѣлаетъ эти разительныя откровенія... Подставной убійца можетъ заучить подробности, но онъ въ нихъ никогда не вдохнетъ жизни, не съумѣетъ связать части въ цѣлое, въ особенности въ такой мозаикѣ подробностей, какими обставлена смерть Сарры Беккеръ. Но только настоящій убійца скажетъ вамъ, напримѣръ, что онъ послѣ преступленія шарилъ въ темныхъ комнатахъ, пользуясь свѣтомъ изъ сосѣднихъ квартиръ; для того, который выдумалъ свое сознаніе, не страшно было бы и со свѣчкой прохаживаться... Только дѣйствительный виновникъ передастъ вамъ всѣ предварительныя тревоги изслѣдованія, можно ли приступить къ дѣлу; для наемника этотъ процессъ не знакомъ, и онъ его или сократитъ, или вовсе опуститъ; только настоящій—опишетъ правдиво беззаботное состояніе своей жертвы, вспомнитъ разговоръ съ ней и такой эпизодъ, какъ практическій совѣтъ дѣвочки отдѣлаться отъ извозчика черезъ проходной дворъ; фальшивому убійцѣ эти мелочи не нужны, да у него и воображенія не хватитъ. Только виновный найдетъ эти слова для передачи слышанныхъ звуковъ, какъ выраженіе Семеновой: „она закричала какимъ-то болтающимся языкомъ“—выраженіе, признанное профессоромъ Монастырскимъ передающимъ въ точности послѣдствія сотрясенія мозга. Но въ сознаніи Семеновой есть психологическіе факты еще болѣе потрясающіе. Она говоритъ: „когда рука Сарры оказалась на ощупь холодною, тогда я встала. Съ лица у меня струился потъ, такъ какъ я была въ пальто и шляпѣ“. Вотъ она, неподражаемая правда! Тотъ, кто описывалъ бы убійство съ помощью воображенія, тотъ могъ бы сказать: съ меня струился холодный потъ, я весь содрагался отъ ужаса и т. п. Но только тотъ, кто продѣлалъ всю гимнастику убійства, только тотъ въ состояніи такъ просто объяснить, какъ ему мѣшало, какъ его грѣло теплое платье. А дальше? Когда Семенова

описываетъ мученія своей совѣсти въ деревнѣ Озерахъ и призракъ убитой, она пишетъ: „Сарра меня преслѣдовала,— то бокомъ, то прямо смотрѣла на меня или стояла въ своемъ длинномъ ватерпруфѣ со шлейфомъ“. Да, здѣсь Семенова просто даетъ вамъ руками осязать видѣніе своего мозга! Извѣстно, что Сарра Беккеръ найдена убитою въ чужомъ, не по росту длинномъ ватерпруфѣ. Кто видѣлъ ее мелькомъ, на плохо освѣщенной лѣстницѣ, или кто видѣлъ ее мертвою на креслѣ, гдѣ ватерпруфъ подъ нею сбился—тому не пришло бы и въ голову обратить на это вниманіе, представить себѣ движущуюся фигуру покойной въ этомъ нарядѣ. Но тотъ, кто съ ужасною мыслью въ душѣ, жадными глазами, за спиной дѣвочки, слѣдилъ за ней, когда она беззаботно двигалась въ этомъ нарядѣ по кассѣ—тотъ, конечно, до послѣдняго своего дня не забудетъ шлейфа Сарры Беккеръ! Но— довольно...

Вспоминая послѣ всего этого непринятіе сознанія Семеновой и усилія къ его разрушенію, я увѣренъ, что эти слѣдственные пріемы попадутъ, непремѣнно попадутъ въ исторію. Бывали случаи ошибокъ—бывало, что невиннаго притягивали, а виновнаго не могли найти. Но такого случая, чтобы виновный бралъ штурмомъ слѣдственную власть, какъ неприступную цитадель, осыпая ее градомъ неотразимыхъ доказательствъ противъ себя, и чтобы его все-таки отбили и побѣдоносно прогнали на свободу—такого случая, я думаю судебная лѣтопись не знаетъ отъ своего рожденія!!

Общественное мнѣніе было очень заинтересовано вопросомъ: дѣйствительно ли одна Семенова могла совершить убійство? Не помогалъ ли ей Безакъ? Сомнѣніе это было порождено слухомъ, что Семенова тщедушная и эксцентрическая барышня, которая наговариваетъ на себя изъ романтической мести къ Безаку или даже за деньги. Но и это сомнѣніе вполнѣ устраняется все тѣмъ же сознаніемъ Семеновой, въ которомъ развитіе ея преступленія излагается очень просто. Она дѣйствительно убила одна. Она вѣдь и прежде всегда выходила одна на добычу для своего любовника. Ее привязывала къ нему сильная физическая страсть, горестная, какъ запой. По словамъ Семеновой, Безакъ дѣ-

лался все требовательнѣе. Она чувствовала, что онъ ускользаетъ, и что его нужно насытить деньгами. Красть по мелочамъ выходило и мало, и безпокойно. Невольно напрашивалась мысль дать ему надолго и побольше. Но какъ это сдѣлать? Обокрасть ночью магазинъ? Но Семенова чувствовала себя совершенно неспособною дѣлать взломы, уничтожать тяжкіе запоры. А такъ, безъ взломовъ, грабить вволю вѣдь можно только тогда, когда устранишь хозяина — убьешь... Убійство? Конечно, нужно именно это преступленіе. Такое глубокое паденіе для своего любовника имѣетъ свою порочною сладость: „какою я дѣлаюсь для него скверною! Чего я только не въ состояніи для него сдѣлать!“ Такая женщина, какъ Семенова, страстная до болѣзни, всегда видитъ подвигъ въ своей жертвѣ для любовника, какъ бы ни была гнусна эта жертва. Она заботиться только объ одномъ: доказать свою, ничѣмъ неистребимую привязанность. Притомъ убійство закрѣпитъ связь еще другими, очень глубокими узами — тайною преступленія, и на этой привязи можно будетъ держать Безака всю жизнь. Еще раньше Семенова какъ-то намекнула Безаку, что она начинаетъ для него позорить себя между своими знакомыми, ихъ обкрадываетъ. Она дала почувствовать свои жертвы. Онъ ее утѣшилъ, что это пустяки. Теперь она похвасталась, что она такъ или иначе обогатитъ его и даже пойдетъ на убійство. И стоило Безаку недовѣрчиво улыбнуться, процѣдить сквозь зубы: „куда тебѣ!“ (что онъ и сдѣлалъ, по ея словамъ)—и тогда Семенова должна была возгорѣться неизлечимою рѣшимостью. И вотъ она храбрится не на шутку: „дай мнѣ только орудіе... купимъ болтъ“. Покупаютъ болтъ. Семенова говоритъ, что она затѣмъ дѣлала попытки убить нѣсколькихъ богачей. Дѣйствительно, подтвердилось, что она къ нимъ заходила при довольно странныхъ условіяхъ. Вы слышали случай съ Брауэромъ, помните Яхонтова—капиталиста, съ драгоцѣнными перстнями на рукѣ. Онъ показалъ, что Семенова приходила къ нему будто за пособіемъ, держала себя странно, вошла взволнованная, подъ вуалью. Но, конечно, никто мыслей Семеновой тогда не читалъ. Это были ея репетиціи—репетиціи входить къ лю-

дямъ съ ужаснымъ замысломъ. Идея крѣпла, а неудачи раздражали и роняли ее передъ Безакомъ (да, передъ Безакомъ это постыдно!). А между тѣмъ необходимость въ деньгахъ уже назрѣла до крайности. Безаку не съ чѣмъ было ѣхать на другой день къ женѣ. А она все еще труситъ, все еще ничего не заработала. Въ крайній срокъ, 27-го августа она рыскаетъ по Петербургу, толкается изъ одной кассы въ другую, ибо ростовщики были всегда излюбленными жертвами такихъ героевъ: — и вдругъ видитъ, что въ кассѣ Мироновича хозяйничаетъ одна дѣвочка. Какой соблазнъ! Она подлащивается къ ней, успѣваетъ ее очаровать и проникаетъ съ ней въ кассу. Здѣсь она убѣждается, что никого больше нѣтъ. И страшно... и жаль дѣвочку... но какъ подмываетъ... другого такого случая не будетъ... Теперь или никогда... Остальное извѣстно: она убила. Слѣдуетъ ей отдать справедливость, что въ описаніи убійства она нисколько себя не прикрашиваетъ и не сентиментальничаетъ. Она передаетъ только тотъ естественный ужасъ, который врожденъ у каждаго къ этому нечеловѣческому дѣйствію. Когда все кончилось, она поняла, какъ это почти всегда бываетъ, и чего никогда не предвидитъ ни одинъ убійца,—что нѣчто самое чрезвычайное, самое важное уже случилось, — что ею уже израсходовано такое возбужденіе, послѣ котораго только бы скорѣе бѣжать, и цѣль, для которой все было сдѣлано будто блѣднѣетъ. Она сознаетъ, что подвигъ уже исполненъ. Послѣ убійства она идетъ къ кассѣ; денегъ мало; на деньги всего болѣе и разсчитывали—а ихъ всего 50 р. Но и это теперь не кажется важнымъ. Кругомъ стоятъ тяжелые запертые шкафы, въ нихъ цѣнныя вещи — гдѣ ужъ все это брать! Вотъ развѣ взять изъ витрины нѣсколько цѣнныхъ вещицъ, собственно, чтобы доказать Мишѣ. Много-то и брать нельзя: у Семеновой только сумка черезъ плечо. Но только сдѣлать это надо потише, безъ всякаго шуму... А тамъ скорѣе вонъ отсюда... И она выбѣжала изъ кассы съ легкимъ багажемъ, но цѣнностью все-таки около 400 р.

И какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся обстановка кассы, что здѣсь была и распоряжалась женщина, и при-

томъ женщина порывистая, непослѣдовательная. Женщина видна и въ этомъ обиліи ударовъ по черепу 13-ти-лѣтней дѣвочки, и въ робости при похищеніи, и въ избѣжаніи взломовъ, и въ этомъ разслабленномъ равнодушіи къ барышу отъ преступленія. Есть разсказъ: „Двойное убійство въ улицѣ Morgue“—загадочное убійство, котораго никто не могъ понять. Впослѣдствіи открылось, что его совершила обезьяна. Я не дѣлаю сближеній, оскорбительныхъ для г-жи Семеновой, хотя, послѣ Дарвина, тутъ и обижаться нечѣмъ. Но я думаю, что загадочности этого дѣла, непонятности его для властей много содѣйствовала самая личность убійцы, т. е. Семеновой, этой темной и странной женщины.

Безакъ въ исполненіи убійства не участвовалъ. Его alibi удостовѣрено прислугой Финляндской гостинницы. Очевидно, если бы онъ былъ на мѣстѣ преступленія, онъ бы скорѣе прикончилъ Сарру и ужъ, конечно, больше бы укралъ.

Послѣ преступленія любовники свидѣлись, и Безакъ все узналъ; онъ зналъ и ранѣе, зачѣмъ Семенова гуляетъ въ городѣ. Наступившая ночь не дала счастья. Чѣмъ бы утѣшиться и отдохнуть—только и въ головѣ, что бѣжать. Даже поѣсть хорошо нельзя. Вы помните со словъ свидѣтеля Альквиста, швейцара гостинницы Кейзера, какъ въ ночь преступленія металась и не находила покоя эта чета—Семенова и Безакъ. Швейцаръ уснуть не могъ—такъ они были ему подозрительны. Онъ чувствовалъ „преступники!“ Мы чувствуемъ изъ его показанія „преступники!“ На утро виновные скрылись изъ Петербурга въ разные концы!

Когда же затѣмъ Семенова убѣдилась, что не только ея права на Мишу преступленіемъ не упрочены, но что онъ совсѣмъ отъ нея прячется, тогда она не выдержала: она пришла съ повинною.

Безакъ, захваченный въ расплохъ, во всемъ подтверждалъ показаніе Семеновой; онъ только зашивалъ бѣлыми нитками свое знаніе объ убійствѣ.

Мнѣ остается разсмотрѣть: почему Семенова взяла назадъ то сознаніе свое, котораго держалась, безъ малѣй-

шихъ отступленій, цѣлыхъ четыре мѣсяца. Причина этого поворота видна въ дѣлѣ ясно, какъ на ладони. Есть доказательства, что Семенова никогда бы этого не сдѣлала. Виноватъ всему Безакъ, и вотъ какъ это вышло.

Когда Семенову отправили въ больницу душевно-больныхъ, а Безаку дали свободно читать все слѣдственное производство, то онъ увидѣлъ изъ этого производства, что дѣло принимаетъ весьма недурной оборотъ; что Семеновой вопреки его ожиданіямъ, будто не вѣрятъ; что въ каждомъ словѣ ея сомнѣваются; что изъ такого обстоятельства, какъ одна или двѣ гири были куплены у Санъ-Галли, дѣлаютъ цѣлое событіе—и онъ понялъ, что его отступленіе назадъ не только не повредитъ ему, но будетъ привѣтствовано. Тогда, начитавшись дѣла и надумавшись, Безакъ даетъ слѣдователю новое показаніе, въ которомъ такъ и пишетъ: „теперь, насколько я знакомъ съ дѣломъ, я описываю мое предположеніе, какъ могло быть совершено убійство“. И здѣсь впервые является фабула о томъ, что Семенова могла натолкнуться на посторонняго убійцу, который ей вынесъ вещи за то, чтобы она молчала, и кромѣ того далъ ей дальнѣйшее обѣщаніе обезпеченія, если ей удастся роль убійцы“. Все это доподлинно заключается въ показаніи Безака отъ 4-го января 1884 г. Эта небылица, придуманная Безакомъ, имѣла успѣхъ необычайный. Очень скоро, 17-го января, Безакъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. У него и ранѣе были сношенія съ Семеновой, а на свободѣ сношенія эти были еще легче. Къ Семеновой въ больницу ходили ея мать и сестра. Только путемъ вліянія Безака и можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что, черезъ недѣлю послѣ его освобожденія, 25-го января, Семенова прислала слѣдователю свой первый отказъ отъ сознанія. Очевидно, всѣ инструкціи Безака были соблюдены ею въ точности: убійцу, на котораго она будто бы натолкнулась въ кассѣ, она называетъ еще „неизвѣстнымъ“. Вѣроятно, ей улыбнулась мысль, что такимъ образомъ никто не пострадаетъ. „Но Безакъ предвидѣлъ, что этотъ „неизвѣстный“ будетъ сигналомъ возвращенія къ Мироновичу. Онъ и тутъ не ошибся: Мироновича опять взяли въ тюрьму. Когда Семенова объ этомъ узнала,

она сдѣлалась сосредоточенною и задумчивою; она увидала, что дѣло не остается въ туманѣ, какъ она предполагала, а вновь падаетъ всею тяжестью на невиннаго. Тогда, 15-го февраля, она вновь заявила слѣдователю, что она поддерживаетъ свое первоначальное сознаніе. Къ маю, однако, ея прыть остыла—и какъ было не остыть при такомъ противодѣйствіи!—и она уже въ разныхъ редакціяхъ проводитъ все ту же безаковскую басню... Въ моемъ экземплярѣ обвинительнаго акта, противъ того мѣста, гдѣ излагаются эти перипетіи дѣла о сознаніи и несознаніи Семеновой, рукою Мироновича сдѣлано восклицаніе, вырвавшееся изъ глубины души: „вотъ какъ она ихъ мечетъ!“. Дѣйствительно, ужасно положеніе человѣка, участью котораго играла эта женщина, какъ монетой: орелъ—свобода, рѣшетка—тюрьма!

Дальнѣйшихъ показаній Семеновой я не стану разбирать серьезно. Право, мнѣ было бы неловко, если бы такой авторъ, какъ Безакъ, могъ подумать, что онъ хотя на минуту покорилъ меня своимъ вымысломъ. Противъ этой басни возражаютъ и жизнь, и здравый разсудокъ, и практика прежнихъ преступленій. Мы знаемъ, что, когда убійцу застигаетъ случайный свидѣтель, убійца рефлективно, не размышляя, убиваетъ и этого свидѣтеля: такъ поступилъ Даниловъ съ Поповымъ, такъ поступилъ Ландсбергъ съ Власовою—такъ всѣ должны поступать, если не хотятъ сознаваться, потому что убійца, который еще дорожитъ свободою, не можетъ выпустить гулять по свѣту живую улику противъ себя—тогда его вся послѣдующая жизнь будетъ вѣчнымъ мученіемъ. Но чтобы убійца могъ любезно поднести случайной свидѣтельницѣ свертокъ съ золотыми вещицами, и не справившись, кто она такая, проводилъ бы ее до воротъ—нѣтъ, это только г. Безакъ можетъ такъ придумывать! Наконецъ, вспомните, что, по ариѳметическому вычисленію, Семенова пробыла въ кассѣ часъ слишкомъ—для одного полученія подарка этого черезчуръ много.

Я сказалъ, что самъ не буду подробно возражать на варіаціи г-жи Семеновой. Но ей всегда бы могъ возразить самъ Мироновичъ, если бы она ихъ держалась. Онъ могъ бы сказать ей:

„Вы доводите себя только до порога кассы, но никакъ не хотите войти въ нее для убійства? Но почему вы были тамъ, а меня никто не видѣлъ? Почему я на слѣдующее утро спокойно дома пилъ чай, а вы метались всю ночь по городу и вамъ кусокъ въ горло не лѣзъ? Почему я вышелъ изъ дому на обычную работу и думалъ о моихъ должникахъ, а вы чуть не на разсвѣтѣ бѣжали изъ Петербурга? Почему то, зачѣмъ, будто я пришелъ въ кассу, осталось неприкосновеннымъ, а то, къ чему вы добирались—у васъ въ рукахъ, всѣ до единаго плоды преступленія? И что вы тамъ дѣлали цѣлый часъ? Скажите, что это за чудеса, и причемъ я тутъ? Ужъ не выходитъ ли, что я собственно для васъ и убивалъ?.. Нѣтъ ужъ не стѣсняйтесь, — войдите туда, войдите, г-жа Семенова, и станьте на это проклятое мѣсто, гдѣ вы сдѣлали самое ужасное, самое горькое дѣло вашей жизни!“...

Такъ мы объясняемъ себѣ убійство Сарры Беккеръ. Заканчивая защиту,—что бы насъ ни ожидало,—мы должны заявить горячую благодарность тѣмъ ученымъ, литераторамъ и представителямъ высшаго суда, которые содѣйствовали разъясненію истины въ этомъ процессѣ. О личности Мироновича по-прежнему молчу. Но если бы онъ и былъ грѣшенъ, возможно ли поэтому разсчитываться съ нимъ за дѣянія другого? И гдѣ же? Въ судѣ, отъ котораго и падшій поучается справедливости, потому что здѣсь онъ долженъ услышать высокія слова: „получи и ты, грѣшный, свою долю правды, потому что здѣсь она царствуетъ, и мы говоримъ ея именемъ“. Всякое раздраженіе противъ Мироновича должно смолкнуть, если только вспомнить, что онъ вынесъ. Его страданій я не берусь описывать. Онъ часто самъ не находилъ словъ и только судорожно сжималъ кулакъ. Противъ кого? Роптать безполезно: чиновники—люди, они могутъ ошибиться... И еслибы въ первый разъ Мироновичъ былъ оправданъ, а Семенова обвинена, то ему оставалось бы только удовольствоваться тѣмъ, что гроза миновала. Но теперь, когда всѣ разбѣжались, и одному Мироновичу подброшено мертвое тѣло несчастной дѣвочки, присяжные, оправдывая Мироновича, рискуютъ

объявить, что виновныхъ никого нѣтъ. И если они не смутятся этимъ рискомъ, тогда Мироновичъ будетъ хотя отчасти отмщенъ. Приговоромъ этимъ присяжные скажутъ тому, кто создавалъ это дѣло, кто руководилъ имъ, они скажутъ этому руководителю, и это его, конечно, огорчитъ: вы, не кто иной, какъ вы,—выпустили настоящихъ виновныхъ! И вѣрьте, господа, что даже тѣ, въ комъ есть остатокъ предубѣжденія противъ Мироновича, и тѣ встрѣтятъ оправданіе его съ хорошимъ чувствомъ. Все забудется въ сознаніи свободы, въ радостномъ сознаніи, что русскій судъ отворачивается отъ пристрастія, что русскій судъ не казнитъ безъ доказательствъ!

Мироновичъ былъ оправданъ присяжными, и протестъ прокурора оставленъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

Дѣло Ольги Афанасьевой.

Дѣло Ольги Афанасьевой.

Покушеніе на утопленіе мужа.

Въ гор. С.-Петербургѣ, въ ночь съ 5-го на 6-е марта 1891 г., городовой 4 уч. Московской части Яковъ Куриленко, стоявшій на посту у Введенскаго моста, услыхалъ въ началѣ 2-го часа слабый крикъ, какъ бы со стороны Введенскаго канала, который вскорѣ затѣмъ прекратился, почти одновременно съ этимъ онъ увидалъ, что по набережной Введенскаго канала отъ военно-сухопутнаго госпиталя шла какая-то женщина въ черной кацавэйкѣ, повязанная платкомъ. Поровнявшись съ Куриленко, женщина эта спросила его, какъ ей пройти въ Заротную улицу. Замѣтивъ по голосу, что женщина чѣмъ-то была взволнована, Куриленко спросилъ ее, не случилось ли чего, и получивъ отъ нея отрицательный отвѣтъ, сталъ объяснять ей дорогу, какъ вдругъ вновь раздался крикъ съ той-же стороны; Куриленко пошелъ туда по набережной Введенскаго канала. Между тѣмъ, означенная женщина, не ограничившись полученными ею отъ Куриленко разъясненіями, вторично остановила его на Введенскомъ мосту и просила хорошенько разсказать ей дорогу на Заротную улицу, такъ какъ она не поняла первыхъ его указаній. Въ отвѣтъ на эту просьбу Куриленко показалъ ей рукою направленіе, котораго она должна держаться, а самъ ускореннымъ шагомъ пошелъ впередъ. Приближаясь къ Александровскому мосту, онъ услыхалъ уже ясный крикъ о помощи. «Помогите, спасите меня!» На окликъ его — кто и откуда кричитъ, тотъ же голосъ отвѣтилъ: «здѣсь въ канавѣ». Немедленно подойдя къ тому мѣсту, Куриленко увидалъ на противоположной сторонѣ канавы какого-то человѣка, который держась руками за бревно набережной, барахтался въ водѣ. Это было въ семидесяти саженяхъ отъ Введенскаго и 30-ти саженяхъ отъ Александровскаго мостовъ. Тотчасъ же доставъ спасательный кругъ, Куриленко, съ помощью другихъ лицъ, вытащилъ неизвѣстнаго на берегъ, который оказался крестьяниномъ Павломъ Афанасьевымъ; онъ былъ въ нетрезвомъ видѣ, но все сознавалъ и тутъ же сказалъ, что его бросили въ каналъ. По доставленіи Афанасьева въ Обуховскую городскую больницу, онъ пояснилъ помощнику пристава Саросѣку, что къ каналу его подвела

жена, Ольга Афанасьева, служившая кухаркою по Заротной ул., въ д. № 24, а какой-то мужчина, назвать котораго онъ не захотѣлъ, перебросилъ его черезъ перила въ воду.

Въ ту же ночь, розыскомъ, произведеннымъ помощникомъ пристава Саросѣкомъ, личность неизвѣстнаго, бросившаго Афанасьева въ каналъ, была обнаружена — онъ оказался запаснымъ канониромъ 1-й резервной артиллерійской бригады Михаиломъ Кузьминымъ — любовникомъ Ольги Афанасьевой. Саросѣкъ задержалъ его въ ту же ночь и при этомъ отобралъ у него письмо отъ 6-го марта 1891 г., на имя Митрофановой. Въ этомъ письмѣ Кузьминъ говоритъ о своей «чувствительной душевной любви» къ Афанасьевой, «безъ которой не «помнитъ себя», не видитъ свѣту и добрыхъ людей; проситъ не забывать ихъ «страданье» и «до прихода его никого не любить».

На предварительномъ слѣдствіи Афанасьевъ объяснилъ, что онъ женатъ на Ольгѣ Митрофановой 3 года и жилъ съ нею до поступленія ея осенью 1890 г. на мѣсто по Заротной улицѣ, въ д. № 24 хорошо, а съ этого времени, бывая у нея черезъ одинъ-два дня, сталъ замѣчать, что она его обманываетъ, и что у нея есть любовникъ. Вечеромъ 5-го марта онъ былъ у жены вмѣстѣ съ братомъ ея Яковомъ Митрофановымъ. Когда послѣдній пошелъ домой, и онъ собрался было уходить, то жена задержала его, высказавъ желаніе проводить его, а вслѣдъ затѣмъ принесла сороковку водки и заставила его выпить. Когда водка была выпита, она надѣла на себя кофту, покрылась платкомъ и пошла его провожать. Вела она его по какимъ то неизвѣстнымъ улицамъ, причемъ на замѣчаніе его, что они, кажется, не такъ идутъ, отвѣтила — «все равно и тутъ выйдемъ»; черезъ часъ, приблизительно, они вышли на какую-то набережную. Здѣсь подъ предлогомъ естественной надобности, жена отошла отъ него, какъ вдругъ въ это время кто-то схватилъ его за туловище и черезъ перила бросилъ въ каналъ. Въ тотъ же моментъ, какъ только неизвѣстный схватилъ его, онъ закричалъ женѣ, но послѣдняя не подошла къ нему и не отозвалась. Брошенный съ набережной въ каналъ, онъ съ головою погрузился въ воду и не утонулъ только потому, что умѣлъ плавать и, поднявшись на поверхность воды, успѣлъ схватиться рукою за раму водосточной трубы. И въ это время онъ не переставалъ кричать о помощи; но жена его не подошла къ нему. Городовой Куриленко, по предъявленіи ему Ольги Афанасьевой, призналъ ее за ту женщину, которая спрашивала у него дорогу на Заротную улицу.

Подручный дворникъ д. № 24, на Заротной улицѣ, крестьянинъ Ивановъ, показалъ, что Афанасьева пошла провожать своего мужа въ 12-мъ часу ночи и назадъ вернулась одна въ 2 часа ночи, а передъ тѣмъ, въ 6-мъ часу вечера, по указанію свидѣтелей Александрова, Петерса и др., она заходила на квартиру Кузьмина и, не заставъ его дома, просила передать ему, что у него была «Ольга», и что она ждетъ его по очень нужному, извѣстному ему, дѣлу въ трактирѣ на Заротной улицѣ. Когда Кузьминъ пришелъ домой и узналъ объ этомъ, то немедленно ушелъ и возвратился домой только въ два часа ночи.

Служащіе въ трактирѣ Сидорова, по Заротной ул., крестьянинъ Клепиковъ и мѣщанинъ Савичевъ удостовѣрили, что 5-го марта, около 10-ти часовъ вечера, Афанасьева и Кузьминъ были у нихъ въ трактирѣ, при чемъ Афанасьева пришла раньше Кузьмина и, переговоривъ съ нимъ, ушла одна, а онъ пошелъ послѣ нея, минутъ черезъ 15-ть.

Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ объяснили: Ольга Афанасьева — что вечеромъ 5-го марта она, дѣйствительно, ходила провожать своего мужа, но, дойдя до Александровскаго моста, оставила его и вернулась домой потому, будто бы, что онъ сталъ требовать отъ нея денегъ, а потомъ измѣнила это объясненіе, сказавъ, что мужъ сталъ приставать къ ней, чтобы тамъ же, на улицѣ, имѣть съ нею половое сношеніе. На возвратномъ пути она ни къ одному городовому не подходила и не спрашивала, какъ ей пройти на Заротную улицу, вернулась домой еще до 12-ти часовъ, въ доказательство чего сослалась на своихъ хозяевъ, Нечаевыхъ. Затѣмъ, не отрицая, что въ началѣ вечера того же 5-го марта была въ трактирѣ Сидорова, она заявила, что ходила туда не для встрѣчи съ Кузьминымъ, а чтобы взять оттуда оставленные ею мѣшокъ и бутылку пива. — Однако, заявленіе это на слѣдствіи не подтвердилось; относительно же ухода ея изъ дому съ мужемъ и возвращеніи назадъ, Нечаевы показали, что она (Афанасьева) пошла около 12-ти часовъ ночи и говорила, что проводитъ своего мужа, который уѣзжаетъ въ деревню, а вернулась не ранѣе двухъ часовъ ночи, и на вопросъ Нечаева, проводила ли мужа, отвѣтила: «пьяный былъ, такъ что на ракушкахъ ползъ; то самъ хотѣлъ топиться, то меня хотѣлъ топить».

Кузьминъ — что Афанасьева онъ бросилъ въ каналъ съ тѣмъ, чтобы утопить его, и сдѣлалъ это при содѣйствіи Ольги Афанасьевой, по ея подговору, которая много разъ просила его извести мужа, такъ какъ онъ ей былъ противенъ. Вечеромъ 5-го марта она пригласила его въ трактиръ Сидорова, помѣщавшійся въ домѣ напротивъ квартиры Нечаевыхъ, и сказала, чтобы въ 12-ть часовъ ночи онъ поджидалъ ее около ихъ дома, — что у нея теперь сидитъ мужъ, котораго она подпоитъ, и затѣмъ, когда выйдетъ съ нимъ чтобы онъ слѣдовалъ за ними на Введенскій каналъ, гдѣ они общими силами его и утопятъ. Согласившись на это, онъ въ $^1/_2$11-го часа вышелъ изъ трактира, сходилъ переодѣться и потомъ сталъ прохаживаться по Заротной улицѣ въ ожиданіи Афанасьевой и ея мужа. Наконецъ, они вышли. Онъ пошелъ сначала впереди ихъ, а потомъ, при поворотѣ на Введенскій каналъ — сзади. Афанасьевъ, видимо, былъ пьянъ, потому что шатался. — Когда Афанасьева остановилась съ нимъ возлѣ перилъ, которыя шли вдоль канала, онъ подошелъ къ Афанасьеву и, схвативъ его сзади, бросилъ въ воду, послѣ чего немедленно отправился къ себѣ на квартиру, а Афанасьева къ себѣ, на квартиру Нечаевыхъ. Отобранное у него письмо написано имъ къ Афанасьевой еще до совершенія этого преступленія, но онъ не успѣлъ переслать его къ ней.

На основаніи вышеизложеннаго, крестьянка дер. Дебежи, Старорусскаго уѣзда, Ольга Митрофанова Афанасьева, 24 лѣтъ, и запасной канониръ

1-й резервной артиллерійской бригады Михаилъ Кузьминъ, 30 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что въ г. С.-Петербургѣ, сговорившись лишить жизни крестьянина Павла Афанасьева — мужа поименованной обвиняемой Ольги Митрофановой, они, съ этою цѣлью, въ ночь на 6-е марта 1891 года, напоили его пьянымъ и, заведя на набережную Введенскаго канала, бросили его въ воду, но смерть не послѣдовала, потому что Афанасьевъ умѣлъ плавать и успѣлъ схватиться за раму водосточной трубы, сталъ кричать о помощи и посторонними людьми былъ вытащенъ изъ канала, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ отношеніи Афанасьевой 9, 13, 1451 ст. улож., а въ отношеніи Кузьмина 9, 13, 1454 и 3 п. 1453 ст. улож.

Подсудимая на вопросъ о виновности отвѣтила: «Я сама не знаю, виновата я, или нѣтъ». Кузьминъ поддерживалъ свое показаніе.

Гг. присяжные засѣдатели! Это дѣло очень трудное, во-первыхъ, потому, что оно очень отвѣтственно, а во-вторыхъ, потому, что въ немъ замѣшана страсть. По части важности преступленія мы находимся на второй ступенькѣ сверху, т. е. въ судѣ присяжныхъ только одно отцеубійство важнѣе того преступленія, которое мы теперь судимъ. Отцеубійство—самое важное преступленіе и затѣмъ сейчасъ же, какъ я сказалъ, однимъ только номеромъ ниже,—лишеніе жизни мужа или жены. Все остальное, подвѣдомое суду присяжныхъ,—все это мелкота въ сравненіи съ нашимъ дѣломъ. Значитъ, отвѣтственность и защиты, и самихъ судей въ этомъ дѣлѣ великая. И дѣйствительно, никто не позавидуетъ ни нашему, ни вашему положенію.— А затѣмъ выступаетъ второе осложненіе настоящаго дѣла,—страсть. Объ этомъ-то явленіи человѣческой природы намъ и придется сказать нѣсколько словъ, потому что объ уликахъ разсуждать нечего.

Подсудимые оба винятся: и онъ и она, и любовникъ и невѣрная жена. Я, по крайней мѣрѣ, не могу принять въ иномъ смыслѣ отвѣтъ Афанасьевой, на вопросъ предсѣдателя о виновности, какъ за сознаніе. Она сказала: „я и виновата, и не виновата“; она все время заливается слезами и не пытается поддерживать своего прежняго разсказа. Но можетъ показаться, будто подсудимые валятъ другъ на друга. Кузьминъ объясняетъ, что его подговорила Афанасьева, „извести ея мужа“; напротивъ, Афанасьева настаи-

ваетъ на томъ, что мужъ у нея былъ добрый, что это нужно было Кузьмину, что она на это „слова ему не давала“, что она этого страшилась и только на все закрывала глаза. Если судить со стороны, то правильнѣе всего будетъ сказать, что оба говорятъ правду, потому что обоимъ такъ кажется,—совершенно искренно кажется,—будто виноватъ, собственно, другой. Такъ всегда бываетъ и въ любви, и въ ссорахъ, и въ пререканіяхъ, и въ драмахъ, въ преступленіяхъ между мужчиной и женщиной. Послушайте влюбленныхъ. Каждый говоритъ: „я люблю искреннѣе, глубже, лучше,—а онъ или она и понять моей любви не можетъ!“ Послушайте разсорившихся супруговъ. Каждый говоритъ: „онъ одинъ или она одна всему виною, всему причиною, а я тутъ почти не причемъ“. Слѣдовательно, съ этимъ взаимнымъ сваливаньемъ вины особенно считаться нечего. Общая страсть, общее дѣло, общая вина. Еслибъ не дорога и не любезна была Кузьмину Афанасьева, что бы она ни напѣвала ему, онъ бы не пошелъ для нея на страшное дѣло, еслибы не былъ дорогъ и любезенъ Кузьминъ для Афанасьевой, и она бы точно также не послушалась его навѣтовъ или сама не заговорила съ нимъ въ одинъ ладъ объ одной и той же общей мысли, которая одинаково близка была сердцу обоихъ. Значитъ, тутъ ни онъ для нея не былъ зміемъ-искусителемъ, ни она — для него, а былъ здѣсь третій змій-искуситель, который водилъ и ворочалъ обоими, это была—страсть.

Когда рѣчь идетъ о любовной страсти, то мы должны совершенно забыть, что здѣсь дѣйствующими лицами являются кухарка, дворникъ и простой крестьянинъ. И счастье, и горе, и сила любви во всѣхъ слояхъ человѣчества одинаковы. Два тончайшихъ умника нашего столѣтія сошлись на одномъ и томъ же изреченіи: „есть блага“, сказали они, „лучшія блага жизни, — которыя равно доступны всѣмъ людямъ, безъ различія между богатыми и бѣдными, образованными и необразованными: это — любовь, молодость и здоровье“. Любовь... И такъ, я говорю, романъ дворника и кухарки ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ романовъ міра. Ихъ сближеніе управляется тѣми же волненіями крови и тѣмъ же безуміемъ сердца.

И здѣсь, какъ въ большинствѣ случаевъ, любовь началъ первый—мужчина. Мы очень затрудняемся вѣрить Кузьмину, будто въ него первая влюбилась и затѣмъ постоянно до конца завлекала его Афанасьева. Одинъ изъ васъ, гг. присяжные, своими вопросами опровергъ Кузьмина: свидѣтель изъ трактира удостовѣрилъ, что за Афанасьевой всегда посылалъ Кузьминъ, а что, по ея порученію, никогда за Кузьминымъ ходить не случалось. Въ письмѣ Кузьмина вы слышали фразу: „ты вчера со мною была что-то неласкова“. Все это показываетъ, что заискивалъ Кузьминъ. Это въ порядкѣ вещей. Мужчина созданъ, чтобы любить, женщина — чтобы быть любимой. Поэтому любовныя рѣчи, любовныя письма, вовлеченіе въ страсть болѣе свойственны мужчинамъ. Такъ было и здѣсь. Афанасьева приглянулась Кузьмину: онъ это ей выразилъ, сказалъ, сообщилъ ей свое увлеченіе. Дальше-больше. Онъ сталъ обдавать ее страстными рѣчами, зналъ часы, когда она выходила на улицу, и все на нее жадно смотрѣлъ и повторялъ все то же: что для него постыла работа и жизнь, и что у него на умѣ все только она, она одна—Ольга Афанасьева. Ольгу это прохватило: Она жила съ мужемъ счастливо, никакихъ волненій не знала. И вдругъ она видитъ, что, если для своего мужа она была привычной подругой, то для Михайлы Кузьмина она становится какимъ то блаженствомъ! Она дурѣетъ сама, и сама начинаетъ „свѣта не видѣть“, кромѣ какъ въ Михайлѣ. Молодая баба не знаетъ покоя. Михайлу удаляютъ изъ дома, но онъ ей пишетъ и, по счастью, у насъ сохранился образчикъ его письма, которое подтверждаетъ, какъ онъ ей кружилъ голову. Письмо это вызвало здѣсь улыбку, благодаря своей стихотворной формѣ. Но и рифмы—одно изъ средствъ соблазна. А въ то же время Михайло говоритъ въ письмѣ о своей „душевной чувствительной любви“; говоритъ, что безъ Ольги „онъ не помнитъ себя, не видитъ свѣту и добрыхъ людей“; говоритъ о своемъ „страданіи“—и проситъ Ольгу „до его прихода никого не любить“... .Вотъ вамъ, въ какомъ положеніи очутилась эта женщина: у нея мужъ, который ее постоянно навѣщаетъ, а тутъ извольте еще оставаться Михайлѣ вѣрною

и никого другого не любить... Не ясно ли, что этотъ несчастный, великодушный мужъ, помимо своей воли, въ равной мѣрѣ терзалъ этихъ обоихъ, очумѣвшихъ отъ страсти? Кому первому принадлежитъ мысль объ удаленіи мужа — не все ли равно, когда это дѣло было такое близкое, такое общее, когда болѣзнь страсти равно захватила обоихъ? И нужно еще сказать, что страсть разжигалась препятствіями: то мужъ навѣщалъ жену, то Михайлу прогнали изъ дому, и пришлось встрѣчаться на сторонѣ, при чужихъ, такъ какъ Михайло долженъ былъ взять уголъ въ общежитіи. Понятно, что влюбленные разгорались все пуще и пуще. Успѣй они побыть вмѣстѣ дольше, безъ помѣхи,—быть можетъ, хотя немного утихла бы въ нихъ первая лихорадка. А здѣсь, какъ на зло, все сложилось такъ, чтобы они послѣдній разсудокъ потеряли.

Въ каждой душевной болѣзни (а страсть—одна изъ коварныхъ болѣзней) нормальныя чувства ослабѣваютъ: привязанность къ своей жизни, уваженіе и состраданіе въ чужой жизни—все это куда-то пропадаетъ. И вотъ, вы видѣли, вы знаете, что случилось. Повторять эти разсказы подсудимыхъ о прогулкѣ на Введенскій каналъ и о сбрасываніи Аѳанасьева въ воду не приходится. Очень правдоподобно объясненіе Ольги, что она, собственно, „слова“ на утопленіе своего мужа Михайлою „не давала“,—что она и хотѣла, и не хотѣла этого,—что она, чисто по-женски, несмотря на свою крѣпкую комплекцію, сказала Михайлѣ: „только, чтобы я ничего не видала“... Оба дѣйствовали, очертя голову.

Теперь: великое счастье! случай помогъ! Бѣды не случилось.

Оба подсудимые стоятъ дикіе, несчастные, передъ своимъ злымъ дѣломъ. Оба видятъ, до какого горя, до какихъ ужасовъ они дошли. Неужели они стали злодѣями, и ничто ихъ спасти не можетъ? И весь прежній чадъ отшибло — и безъ-исходное несчастье впереди... Что съ ними, съ людьми хорошими, сдѣлала страсть? Куда ихъ завела? Казалось бы, сама судьба пришла имъ на выручку. Самъ пострадавшій, будучи спасенъ, не хотѣлъ ихъ выдавать, и у него въ полиціи чуть ли не силою изъ самаго сердца выр-

вали необходимость дать хотя первыя необходимыя указанія, по которымъ раскрыли все остальное. Онъ какъ бы понималъ, что они „сами не свои“, онъ ихъ въ душѣ прощалъ, говорилъ: „Богъ съ ними!“. Теперь и собственныя сердца подсудимыхъ угомонились; тюрьма, судъ окончательно разсѣяли тотъ туманъ, въ которомъ они забыли и свою совѣсть, и различіе между добромъ и зломъ. Теперь бы, казалось, они могли вынести изъ этого дѣла урокъ, памятный на всю жизнь, и стать не только хорошими людьми, какими они и прежде были, но даже—лучшими, навсегда исправленными. И вотъ ихъ будущее въ вашихъ рукахъ. Повторяю: тяжела наша задача, но не завидны и ваши обязанности.

Вы видѣли, что здѣсь былъ романъ даже съ посланіями въ стихахъ. Слова Кузьмина о его „чувствительной любви“ и „страданьи“ напоминаютъ мнѣ другое чувствительное стихотвореніе Екатерининскаго времени, одну старинную пѣсню, нѣсколько потѣшную по слогу, но правдивую и видимо пережитую. Въ ней сказано, что „чувство страсти безъ бѣдъ, безъ злой напасти“ нигдѣ на свѣтѣ не существуетъ. Поэтому дальше спрашивается: „уже ли для печали намъ боги сердце дали, способное любить?“ И въ заключительномъ уныломъ припѣвѣ выражается желаніе совсѣмъ отдѣлаться отъ этого плачевнаго дара небесъ: „возьмите, боги, сердце назадъ... назадъ... назадъ!“ Я думаю, также точно готовы были бы отречься отъ своихъ сердецъ этотъ дворникъ и эта кухарка, склоняющіе передъ вами свои повинныя головы, и я еще не знаю, легко ли вамъ будетъ опустить мечъ на эти головы, нѣкогда обезумѣвшія, а теперь—совсѣмъ здоровыя.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были поставлены вопросы согласно обвиненію, поддерживаемому прокуроромъ. Послѣ долгихъ совѣщаній они вернулись въ залъ засѣданія съ отвѣтами, которые вызвали совѣщаніе судей и разъясненіе предсѣдательствующаго; затѣмъ, по просьбѣ присяжныхъ, были поставлены относительно Афанасьевой еще два дополнительныхъ вопроса о виновности ея въ попустительствѣ и недонесеніи, и присяжные снова удалились въ комнату совѣщаній.

Наконецъ, они признали Кузьмина виновнымъ въ покушеніи на умышленное убійство, остановленное по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, а Ольгу Афанасьеву виновной въ попустительствѣ покушенія на убійство мужа, и судъ приговорилъ обоихъ обвиненныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе: Кузьмина въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а Афанасьеву — въ не столь отдаленныя.

Дѣло Иванова.

Дѣло Иванова.

Убійство невѣсты.

Обвинительный актъ.

18-го февраля 1891 года, около 7 часовъ вечера, запасный рядовой 89-го пѣхотнаго Бѣломорскаго полка, Александръ Гавриловъ Ивановъ, явившись въ домъ № 3 по 2-ой линіи селенія Охтенскаго порохового завода, на квартиру невѣсты своей, колпинской мѣщанской дѣвицы Анастасіи Алексѣевой Назаренко, послѣ непродолжительнаго разговора, лишилъ ее жизни ударомъ складного ножа, направленнымъ въ лѣвую сторону груди.

На возникшемъ по этому поводу предварительномъ слѣдствіи выяснилось нижеслѣдующее: 18-го февраля, въ 5 часу пополудни, къ Анастасіи Назаренко, проживающей съ шестилѣтнимъ братомъ своимъ, Степаномъ, въ мезонинѣ указаннаго выше дома, зашли ея знакомая хозяйка дома, Настасія Ивановна Иваненкова, и крестница послѣдней, Анастасія Фролова Вострикова. Вслѣдъ за ними къ Назаренко пришелъ и женихъ ея, съ которымъ она познакомилась за недѣлю до того, Александръ Гавриловъ Ивановъ. Онъ видимо, былъ не въ духѣ и оказался чѣмъ-то озлобленнымъ: сбросивъ пальто на ноги Иваненковой, которая лежала на кровати, онъ быстро подошелъ къ Назаренко, поздоровался съ нею и подалъ ей цвѣтокъ. принесенный со свадьбы Матвѣя Петрова (по прозвищу Чигорина), на которой былъ шаферомъ. Но Назаренко, взглянувъ на цвѣтокъ и говоря, что онъ нехорошъ, не приняла его; тогда Ивановъ бросилъ цвѣтокъ на полъ, стошелъ въ уголъ, сѣлъ за столъ и, взявъ Степана Назаренко на колѣни, сталъ читать книгу. Вслѣдъ за тѣмъ къ Назаренко зашли еще двѣ женщины, Настасья Степанова Котлукова и Прасковья Афанасьева Терехова, при чемъ первая изъ нихъ, обращаясь къ Иванову, спросила его: «что же вы не танцуете, вѣдь вы прямо со свадьбы?» Когда же Ивановъ отозвался, что потанцовалъ бы, да музыки нѣтъ, Котлукова возразила, что и музыка найдется и, взявъ подносъ, начала бить по немъ рукою, какъ будто въ бубны. Тогда Иваненкова, поднявшись съ кровати и желая подшутить надъ Ивановымъ, стала плясать съ Котлуковой,

при чемъ обѣ онѣ прикидывались пьяными. Ивановъ все время сидѣлъ молча, насупившись и, по словамъ Иваненковой, смотрѣлъ на пляшущихъ «звѣремъ». Вскорѣ, однако, пляска прекратилась; Котлукова, Терехова и Иваненкова ушли, при чемъ послѣдняя позвала съ собою Назаренко, которая еще до прихода Котлуковой, тихонько шепнула ей на ухо, что женихъ ей кажется страннымъ, что она боится не пьянъ ли онъ, и что не рѣшается остаться съ нимъ одна. Отвѣтивъ на приглашеніе Иваненковой словами: «сейчасъ приду», Назаренко осталась, однако, у себя въ комнатѣ и стала вмѣстѣ съ Востриковой разсматривать фотографическія карточки; Ивановъ же, обращаясь къ Назаренко, сказалъ: «мнѣ нужно съ вами поговорить, пускай выйдетъ народъ». Тогда Вострикова начала собираться и позвала Назаренко съ собою, но послѣдняя тихонько отвѣтила ей: «какъ же могу уйдти, когда онъ здѣсь»; послѣ того Вострикова вышла изъ комнаты, въ которой остались Ивановъ, Назаренко и братъ ея, Степанъ, но только что они спустились внизъ и вошли въ кухню проживавшей въ нижнемъ этажѣ того же дома Иваненковой, какъ на верху послышался страшный и раздирающій крикъ. Вострикова, Иваненкова, Котлукова, а затѣмъ и другіе жильцы дома выбѣжали во дворъ и съ ужасомъ увидѣли, что по лѣстницѣ спускается Анастасія Назаренко съ крикомъ: «караулъ, спасите!»; рубашка у нея была въ крови, она держалась рукою за грудь и замѣтивъ Иваненкову, бросилась ей прямо на шею со словами: «спасите меня, посмотрите меня зарѣзалъ женихъ!» Чувствуя, что Назаренко начинаетъ слабѣть, Иваненкова съ Тереховой взяли ее подъ руки и стали вести къ себѣ въ комнату; въ сѣняхъ Назаренко остановилась, оперлась руками объ ларь, но вслѣдъ затѣмъ, видимо изнемогая, стала переступать порогъ; тутъ силы ее оставили, и она упала мертвая на полъ, у входной двери въ квартиру Иваненковой. Одѣта была Назаренко только въ юбку и рубашку; на лѣвой сторонѣ ея груди, между 2-мъ и 3-мъ ребрами, зіяла колотая рана, длиной около одного дюйма, углубляющаяся чрезъ всю подкожную клѣтчатку въ грудную полость; рана эта, какъ оказалось при судебно-медицинскомъ вскрытіи трупа покойной, проникала въ околосердечную сумку, а затѣмъ въ лѣвое предсердіе, которое пробито было насквозь. Кромѣ описанной раны, нанесенной ножемъ и составлявшей по заключенію врача, непосредственную причину смерти Назаренко, на большомъ пальцѣ лѣвой ея руки оказался поверхностный свѣжій порѣзъ, который могъ быть причиненъ въ то время, когда покойная защищалась рукою отъ наносимыхъ ей ударовъ. Что же касается Александра Иванова то послѣдній остался въ комнатѣ Назаренко, и прибывшій немедленно на мѣсто происшествія помощникъ пристава Полюстровскаго участка засталъ его за столомъ гдѣ онъ, сидя, читалъ какую-то книгу. Замѣтивъ помощника пристава, который вошелъ въ комнату покойной вмѣстѣ съ проживавшимъ у Иваненковой Яковомъ Харченко, Александръ Ивановъ всталъ и, подавая складной ножъ, остріе котораго, длиною около 4-хъ дюймовъ, покрыто было кровью, заявилъ, что онъ убилъ свою невѣсту, Анастасію Назаренко, изъ ревности, потому что она «гадкая женщина». Затѣмъ онъ спросилъ: «жива ли она?», и, узнавъ, что она умерла, сталъ съ плачемъ

просить позволенія посмотрѣть на убитую и проститься съ нею. Просьба Иванова была уважена; тогда онъ опустился на колѣни передъ трупомъ Назаренко, поцѣловалъ ее въ щеку, говоря: «прости , Настя, видитъ Богъ, какъ я тебя любилъ!» Затѣмъ Ивановъ сталъ разсказывать со слезами о своей любви къ покойной, о намѣреніи жениться на ней, не смотря на непродолжительность своего знакомства съ покойной; далѣе Ивановъ, указывая на то, что, зайдя 18-го февраля къ покойной, онъ засталъ ее пьянствующую въ компаніи женщинъ, которыя сводили ее съ любовниками; не будучи въ состояніи перенести этого равнодушно онъ сгоряча нанесъ Назаренко одинъ ударъ имѣвшимся при немъ ножомъ. Какъ указано выше, единственнымъ очевидцемъ той кровавой расправы, которая происходила въ квартирѣ покойной, былъ шестилѣтній братъ ея Степанъ Назаренко; по словамъ его, когда послѣ ухода Анастасіи Вострикової, покойная осталась у себя въ комнатѣ вмѣстѣ съ Ивановымъ, послѣдній потребовалъ, чтобы и его Степана, удалить изъ квартиры, а когда покойная возразила, что ему некуда уходить ночью, то Ивановъ, обратившись къ ней, спросилъ, любитъ ли она его или нѣтъ? Назаренко, говоря: «еще любить рано», встала со стула и отошла къ комоду. Вслѣдъ затѣмъ и Ивановъ вскочилъ со стула, схватилъ Назаренко за руку и затащилъ въ уголъ къ стѣнѣ подъ образа и сталъ бить ее по щекамъ руками. Назаренко, обороняясь, закричала «караулъ», тогда и онъ, Степанъ, бросился заступаться за сестру и сталъ наносить кулаками удары Иванову по животу; наконецъ, Назаренко вырвалась изъ рукъ Иванова и побѣжала къ двери; Ивановъ погнался за нею; но она успѣла отворить двери и выскочить на лѣстницу, вслѣдъ за нею выбѣжалъ и онъ, Степанъ, не замѣтивъ ножа въ рукахъ Иванова, но съ лицомъ, а отчасти и платьемъ, забрызганнымъ кровью. Независимо отъ приведенныхъ выше обстоятельствъ, при которыхъ Назаренко убита была Ивановымъ, слѣдствіемъ добыты были данныя, указывающія, съ одной стороны, на характеръ отношеній, существовавшихъ между ними, съ другой же стороны, на совокупность тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ Ивановъ задумалъ лишить жизни Назаренко.

Въ 1885 г. онъ принятъ былъ на дѣйствительную военную службу и зачисленъ рядовымъ въ 89-й пѣхотный Бѣломорскій полкъ; черезъ три года онъ переведенъ былъ въ штабъ 23-й пѣхотной дивизіи младшимъ писаремъ, а въ январѣ 1889 года назначенъ былъ старшимъ писаремъ старшаго разряда. Въ этотъ періодъ времени, по отзывамъ товарищей своихъ по службѣ, Петра Лихторовича, Василія Останчука и др., Ивановъ сильно пьянствовалъ, игралъ въ карты, а ночи проводилъ чаще въ домахъ терпимости, чѣмъ въ командѣ. Познакомившись съ ключницей одного изъ публичныхъ заведеній, чаще всего посѣщаемыхъ солдатами, Ольгою Воюевой, Ивановъ, не смотря на то, что она была не красива, не молода и больна, вступилъ съ нею въ любовную связь, которая, по словамъ Сергѣя Смыкова, Николая Голубина и Михаила Кириллова, объяснялась просто тѣмъ, что знакомство это доставляло извѣстныя матеріальныя выгоды Иванову, такъ какъ Воюева снабжала его бѣльемъ, угощала и кормила. Продолжая означенную связь, Ивановъ познакомился съ молодою дѣвушкой, Кларой Табановой,

которая служила бонною у начальника штаба дивизіи, полковника Гершельмана, и вскорѣ полюбилъ ее, а уже въ 1889 году сдѣлалъ ей предложеніе. Не смотря на неодобреніе со стороны родныхъ и знакомыхъ, которые считали Иванова человѣкомъ бѣднымъ и легкомысленнымъ, Клара Табанова согласилась выйти за него замужъ, питая къ нему самое неограниченное довѣріе, и, повидимому, страстно любила его. Ивановъ, однако, считая ее своей невѣстой, все откладывалъ свадьбу до времени окончанія срока военной службы. Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Табановой, говоря постоянно о своей беззавѣтной любви къ ней, о томъ, что она нужна ему, какъ «чистый воздухъ», какъ «свѣтлый день», Ивановъ изображалъ себя вѣрнымъ ея другомъ, охраняющимъ ее отъ опаснаго вліянія окружающихъ, готовымъ пожертвовать для нея всѣмъ, даже своей любовью, еслибы того потребовало ея счастье. Жалуясь на свою судьбу, на несправедливую злобу и незаслуженныя преслѣдованія, онъ, между прочимъ, указываетъ на то, что кто сдѣлалъ зло, тому онъ отомститъ самымъ ужаснымъ образомъ. Говоря о своихъ кутежахъ и пьянствѣ, слухи о которыхъ доходили до Табановой, Ивановъ объясняетъ ихъ грустью, которая овладѣла имъ въ отсутствіи любимой Клары. Въ то же самое время, на ряду съ возвышенными разсужденіями, съ анализомъ своихъ чувствъ, съ изображеніемъ своего нравственнаго облика, съ постоянными намеками на свою исключительную честность, благородство и готовность къ самопожертвованіямъ, Ивановъ нерѣдко проситъ Табанову о присылкѣ ему денегъ, которыми она, повидимому, ему помогала. Просьбы эти о снабженіи деньгами высказываются между прочимъ, среди увѣреній о любви, преданности и готовности на всякія жертвы; онѣ повторяются особенно часто въ то время, когда Ивановъ подвергается дисциплинарнымъ взысканіямъ; иногда же онъ просто ссылается на то, что деньги нужны ему на удовольствія и на уплату долговъ. Изъ дѣла, кромѣ того, видно, что любовь къ Кларѣ Табановой шла у Иванова параллельно съ очевиднымъ стремленіемъ и склонностью къ наслажденіямъ, къ вину и картамъ. Вслѣдъ за назначеніемъ старшимъ писаремъ, онъ позволяетъ себѣ цѣлый рядъ излишествъ, повлекшихъ за собою неоднократныя взысканія. 19-го декабря 1889 г., по приговору полкового суда, Ивановъ, за самовольную отлучку, пьянство и игру въ карты послѣ неоднократныхъ дисциплинарныхъ взысканій, лишается унтеръ-офицерскаго званія и переводится въ разрядъ штрафованныхъ, а 14-го іюня 1890 года, по такому же приговору, онъ, за самовольную отлучку и умышленное покитіе «казенныхъ вещей», подвергается одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца. Вскорѣ по отбытіи этого наказанія, Ивановъ уволенъ былъ въ запасъ арміи, и съ намѣреніемъ осуществить современемъ свое обѣщаніе — жениться на Табановой, уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Поселившись на квартирѣ у Петра Адамова, онъ, при его содѣйствій, поступилъ слесаремъ на Охтенскій пироксилиновый заводъ, на которомъ проработалъ, однако, не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Въ средѣ новыхъ своихъ товарищей по работѣ и по квартирѣ онъ не пріобрѣлъ, однако, любви и уваженія, отстраняя отъ себя всѣхъ своей необыкновенной дерзостью, вспыльчивостью и нахальствомъ, нанося побои каждому, въ случаѣ малѣйшаго оскорбленія,

безцеремонно обращаясь съ чужою собственностью и постоянно похвалялся своею физическою силой. Недовольный, напримѣръ, тѣмъ, что завѣдывающій артельнымъ столомъ Егоръ Чепраковъ не хотѣлъ кормить его даромъ, Ивановъ, разсердившись, вынулъ ножъ, который носилъ всегда при себѣ въ карманѣ. и угрожалъ ему таковымъ, говоря, что «смерти не боится, такъ какъ тѣло у него крѣпкое». Проработавъ на заводѣ около четырехъ мѣсяцевъ, Ивановъ, который продолжалъ поддерживать переписку съ Кларою Табановой, поѣхалъ къ ней въ Ревель на нѣсколько дней, говоря, что ѣдетъ за невѣстою, но вскорѣ вернулся одинъ, такъ какъ сестра Табановой не хотѣла отпустить ее въ С.-Петербургъ. Съ тѣхъ поръ переписка его съ невѣстою прекратилась; въ то же время онъ пересталъ заниматься работою и хотѣлъ пріискать себѣ мѣсто конторщика; каждый день онъ уходилъ куда-то изъ дому, возвращаясь поздно вечеромъ пьяный, при чемъ, однако, никому не было извѣстно, откуда онъ бралъ деньги. Таковъ былъ образъ жизни Иванова, когда въ началѣ февраля, онъ познакомился съ Анастасіею Назаренко. 9-го февраля Ивановъ возвращался въ дилижансѣ на Охту съ крестьянином Яковомъ Егоровымъ Ларм, съ которымъ проживалъ на одной квартирѣ; въ дилижансъ вошла высокая молодая женщина, оказавшаяся Назаренко, и, обращаясь къ Ларм, попросила его пересѣсть къ краю и освободить ей мѣсто въ серединѣ, объяснивъ при этомъ что она недавно *сломала руку* и ѣдетъ изъ больницы. Ивановъ, сидя напротивъ Назаренко, вступилъ съ нею въ разговоръ, и, повидимому, заинтересовался ея судьбою, несчастьемъ, которое ее постигло. Въ разговорѣ онъ неожиданно обратился къ ней съ *вопросомъ*: *есть ли у нея женихи и согласна ли она будетъ* выйти за него замужъ? Словамъ этимъ Назаренко не придала значенія, приняла ихъ за шутку; но, выходя изъ дилижанса, на вопросъ Иванова, разрѣшитъ ли она ему навѣстить ее, такъ какъ онъ серьезно намѣренъ свататься къ ней, изъявила на это свое согласіе. Затѣмъ Назаренко ушла, а Ивановъ вмѣстѣ съ Ларм вернулся къ себѣ на квартиру, при этомъ, однако, онъ ничего не говорилъ о встрѣчѣ въ дилижансѣ, такъ что Ларм не придалъ разговору его съ Назаренко никакого значенія и счелъ его просто за шутку со стороны Иванова, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ выпивши. Между тѣмъ, по словамъ самого Иванова, Назаренко дѣйствительно произвела на него глубокое впечатлѣніе, она ему чрезвычайно понравилась, а мысль жениться на ней «глубоко запала въ его душу». На слѣдующій день, утромъ, 10-го февраля, узнавъ отъ одного изъ своихъ товарищей, что потомственная почетная гражданка Елизавета Никольская знакома съ хозяйкою дома, гдѣ жила Назаренко, Ивановъ отправился къ ней, разсказалъ о встрѣчѣ своей въ дилижансѣ и просилъ ее быть его свахою, но Никольская отказалась и стала отсовѣтывать Иванову жениться на Назаренко, говоря, что она уже «занята,» имѣетъ любовника, буфетчика Ивана Прокофьевича, съ которымъ прижила ребенка. Отвозя послѣдняго въ Воспитательный домъ, она тогда именно переломила себѣ руку при паденіи изъ дилижанса, который опрокинулся. Тогда Ивановъ, не настаивая на томъ, чтобы Никольская была его свахою, заявилъ, что въ такомъ случаѣ: «Назаренко ему не невѣста», но все-таки онъ еще

сходить къ ней. Слышанное отъ Никольской поколебало его, но ненадолго; на слѣдующій день, въ девятомъ часу утра, онъ одинъ отправился къ Назаренко, долго стучался въ двери ея квартиры, но она его не приняла, такъ какъ въ комнатѣ у нея не было еще убрано, и, выйдя на площадку, поговорила съ нимъ, прося зайти черезъ часъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, Ивановъ, зайдя вторично къ Назаренко, сдѣлалъ ей предложеніе, которое было принято, и при этомъ рѣшено было устроить свадьбу поскорѣе; возникало только одно затрудненіе, состоящее въ томъ, что ни у Назаренко, ни у Иванова не было денегъ, которыя они рѣшили добыть во что бы то ни стало; при этомъ, какъ видно изъ объясненій Иванова, Назаренко выказывала надежду на полученіе необходимыхъ средствъ отъ своей матери; она, повидимому, серьезно отнеслась къ предложенію Иванова, такъ какъ вскорѣ послѣ его ухода, просила совѣта у Настасьи Иваненковой: выйти ли ей замужъ за Иванова, или отказать ему; зная что Назаренко дѣвушка бѣдная, служившая когда-то въ горничныхъ, а въ послѣднее время не имѣющая опредѣленныхъ занятій, и что она дѣйствительно находится уже болѣе года въ любовной связи съ буфетчикомъ въ офицерскомъ собраніи на пороховыхъ заводахъ, Иваномъ Прокофьевичемъ, отъ котораго въ началѣ января 1891 года прижила ребенка, Иваненкова отвѣтила ей, что «лучше пристроиться», чѣмъ «возиться» съ женатымъ уже любовникомъ. Соглашаясь съ этимъ, Назаренко сказала, что Ивановъ ей нравится, но она не совѣтовалась еще съ матерью. И дѣйствительно, 13-го февраля, пріѣхавъ къ своей матери, которая проживала тогда въ пажескомъ корпусѣ, занимаясь тамъ стиркою бѣлья, Анастасія Назаренко разсказала ей о встрѣчѣ съ Ивановымъ, о томъ, что онъ сватается къ ней и служитъ на пироксилиновомъ заводѣ, гдѣ получаетъ по 1 руб. 20 коп. въ день. Выслушавъ разсказъ дочери, Ѳедосья Назаренко отказалась дать ей рѣшительный отвѣтъ и обѣщала заѣхать къ ней въ воскресенье, чтобы познакомиться съ женихомъ. Однако, уже 14-го февраля она пріѣхала къ Анастасіи и, узнавъ, что Ивановъ желаетъ не только «сыграть свадьбу» на средства невѣсты, но требуетъ кромѣ того, чтобы деньги были и послѣ свадьбы, посовѣтовала дочери отказать жениху. Между тѣмъ, Ивановъ, со своей стороны, сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы приготовить все, необходимое для свадьбы, которую предполагалъ устроить въ пятницу на той же недѣлѣ. 15-го февраля, онъ, утромъ, явился къ своей отдаленной родственницѣ, старушкѣ Аграфенѣ Трофимовой Новиковой, и, разсказавъ ей, что собирается жениться, просилъ помочь ему деньгами и подыскать посаженаго отца. Тогда Новикова отправилась съ Ивановымъ къ старинному своему знакомому Петру Степанову Кудрявцеву: послѣдній согласился быть посаженымъ отцомъ и далъ 10 рублей Новиковой, которая передала эти деньги Иванову на расходы. Затѣмъ, выйдя отъ Кудрявцева, Ивановъ отправился къ Анастасіи Назаренко, сообщилъ ей о результатахъ своихъ хлопотъ и на извозчикѣ повезъ ее къ матери. Пріѣхавъ къ Ѳедосьѣ Назаренко уже подъ вечеръ, Анастасія зашла къ ней, прося выйти на улицу, гдѣ дожидается женихъ. Не будучи одѣта, мать ей отказала въ этомъ; тогда Анастасія стала съ плачемъ жаловаться на то, что не можетъ отвязаться отъ

Иванова, просила мать выйти сейчасъ къ нему и объявить отказъ ему; просьба эта осталась, однако, безуспѣшною; Анастасія ушла, но въ тотъ же вечеръ, въ 11-мъ часу ночи, явилась вторично къ своей матери, говоря, что женихъ возилъ ее къ своимъ родственникамъ, которые дали согласіе на бракъ, а теперь ждетъ ее у воротъ и хочетъ ее повидать. Выйдя за ворота, Ѳедосья Назаренко пригласила Иванова къ себѣ на квартиру. Послѣдній сталъ усиленно просить, чтобы она согласилась на бракъ съ Анастасіею и чтобы она сейчасъ отправилась къ его роднымъ для перегово-ровъ о предстоящей свадьбѣ. Въ виду неотступныхъ просьбъ Иванова, Ѳедосья Назаренко согласилась и поѣхала съ нимъ и дочерью къ Петру Кудрявцеву, куда вскорѣ явилась и Аграфена Новикова. Здѣсь они уговорились о свадьбѣ, которую предполагалось устроить до масляницы, если Иванову удастся достать денегъ, а въ противномъ случаѣ послѣ Пасхи. Оттуда они ушли всѣ вмѣстѣ. Ѳедосья Назаренко изъ разговоровъ съ дочерью тогда же заключила, что Ивановъ ей нравится и что она непрочь была бы выйти за него замужъ, не смотря на полное отсутствіе у него всякихъ средствъ. На замѣчаніе, сдѣланное ей по этому поводу матерью, Анастасія Назаренко возразила: «мама, Богъ дастъ, будемъ сыты; мы будемъ работать». Послѣ означеннаго разговора Ѳедосья Назаренко разсталась съ дочерью, которая отправилась къ себѣ на квартиру въ сопровожденіи Иванова. Послѣдній, однако, въ слѣдующіе затѣмъ дни пришелъ, повидимому, къ заключенію о необходимости отложить свадьбу, въ виду невозможности достать денегъ, о чемъ онъ и сообщилъ своей невѣстѣ. Высказанное Ивановымъ, 15-го февраля, твердое намѣреніе устроить свадьбу, во что бы то ни стало, до масляницы, поколебалось, между нимъ и Назаренко возникаетъ въ этотъ промежутокъ времени нѣкоторая размолвка, на что указываетъ, между прочимъ, найденное въ ея квартирѣ не отправленное письмо на имя Ѳедосьи Назаренко; въ письмѣ этомъ Анастасія сообщаетъ своей матери, что свадьба разошлась потому, что Ивановъ просилъ отложить ее до Пасхи, чтобы не занимать денегъ. Указывая далѣе на то, что она отчасти рада такому исходу, она въ концѣ письма присовокупляетъ, что рѣшилась дать отказъ безъ вѣдома матери, замѣтивъ изъ ея поведенія, что и она противъ этого брака. Изъ дѣла, кромѣ того, видно, что уже въ это время среди жиличекъ дома, гдѣ проживаетъ Назаренко, стали распространяться слухи о томъ, что Ивановъ пьяница и картежникъ, а по словамъ Анастасіи Иваненковой, и любовникъ Назаренко былъ противъ брака ея съ Ивановымъ и по этому поводу страшно на нее сердился. Что же касается Иванова, то его также, повидимому, стали тревожить разсказы Никольской о поведеніи Назаренко. 16 февраля, вечеромъ, на дѣвичникѣ у товарища своего, Максима Петрова (Чигорина), и затѣмъ 17 февраля, на его свадьбѣ, Ивановъ, какъ будто съ желаніемъ узнать что нибудь о Назаренко, показывалъ присутствовавшимъ фотографическую ея карточку, называя ее при этомъ своей невѣстой, и хотя онъ, повидимому, веселился, довольно много пилъ и танцовалъ, но 17 февраля, вечеромъ, Петрова поразило то, что онъ былъ угрюмъ и задумчивъ. На слѣдующій, день, утромъ, Ивановъ опять пришелъ въ гости къ Петрову,

но до того, встрѣтившись съ одной изъ бывшихъ на свадьбѣ дѣвушекъ, Екатериною Антоновою, сталъ разспрашивать ее о томъ, знаетъ ли она «Настью» (Анастасію Назаренко), и правда ли, что она съ кѣмъ то живетъ, «на что Антонова возразила ему, что, дѣйствительно, слышала объ этомъ отъ Иваненковой. У Петрова Ивановъ пилъ немного, такъ что, уходя отъ него въ 6 часу вечера, онъ не былъ пьянъ, а только «навеселѣ». Наконецъ, въ 7 часу пополудни онъ явился къ Анастасіи Назаренко.

Совокупность всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ, выяснившихся на предварительномъ слѣдствіи изъ показаній допрошенныхъ въ качествѣ свидѣтелей Анастасіи Иваненковой, Якова Харченко, Степана и Ѳедосьи Назаренко, Анастасіи Востриковой, Аграфены Трофимовой Новиковой, Петра Кудрявцева, Якова Лармъ, Петра Фаддѣева Лихторовича, Петра Петрова Адамова, Павла Иванова Щершова, Клары Табановой и другихъ, а также изъ результатовъ осмотра, приложенныхъ къ дѣлу писемъ Иванова, Табановой и Назаренко — послужила основаніемъ для привлеченія Александра Гаврилова Иванова къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго.

Не признавая себя виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Александръ Ивановъ показалъ, что онъ лишилъ жизни Назаренко, находясь въ состояніи запальчивости и раздраженіи, вызванныхъ тѣмъ, что онъ обманулся въ ней и въ ея чувствахъ. При этомъ Ивановъ далъ подробныя объясненія, сущность которыхъ состоитъ въ нижеслѣдующемъ: познакомившись случайно въ дилижансѣ съ Анастасіею Назаренко при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, онъ вступилъ съ нею въ разговоръ, сейчасъ же вздумалъ жениться на ней и тутъ же въ дилижансѣ сдѣлалъ ей предложеніе, говоря подъ видомъ шутки, что, такъ какъ она сломила одну руку, то у нихъ будетъ пара здоровыхъ рукъ, а третья останется еще въ запасѣ. Назаренко, повидимому, сочувственно отнеслась къ его предложенію, изъявила полное согласіе на то, чтобы онъ прислалъ къ ней сваху, и сообщила ему свой адресъ. Рѣшившись жениться на ней во что бы то ни стало, Ивановъ на слѣдующій день отправился къ Елизаветѣ Никольской, прося ее быть свахою; послѣдняя, однако, не одобрила его выбора и отказалась принять посредничество въ этомъ дѣлѣ, говоря, что у Назаренко есть уже любовникъ, съ которымъ она прижила дѣтей. Уйдя отъ Никольской, Ивановъ отправился по ея совѣту, къ рабочему Симину, который, однако, одобрилъ его намѣреніе жениться на Назаренко. Въ виду этого, приписывая неодобрительный отзывъ Никольской о Назаренко просто сплетнямъ, онъ на другой день, въ 8 часу утра, отправился къ Назаренко, чтобы прямо объясниться съ нею. Она, однако, извинилась, что не можетъ принять его сейчасъ, такъ какъ у нея ночевала сестра и онѣ еще не одѣты, при этомъ просила его зайти черезъ полчаса. Не зная, что въ дѣйствительности у Назаренко въ тотъ день ночевалъ любовникъ, въ чемъ ему пришлось убѣдиться только впослѣдствіи, онъ зашелъ къ ней черезъ часъ и, «за чаемъ», объяснялся ей въ любви, увѣрилъ въ твердомъ намѣреніи жениться на ней и просилъ разсказать ему откровенно, не была ли она до того съ кѣмъ либо близко знакома. Назаренко призналась ему тогда, что ее обольстилъ какой-то конюхъ, но она не пожелала выйти

за него замужъ. Съ своей стороны и онъ разсказалъ ей о своей связи съ Кларою и обѣщалъ забыть прошлое подъ условіемъ, однако, что она будетъ любить его. Заставляя ее повторять много разъ слово «люблю тебя», онъ осыпалъ ее поцѣлуями и страстно и беззавѣтно полюбилъ ее, но при этомъ страшная ревность и злоба закипѣла въ немъ при мысли, что былъ уже счастливецъ, который раньше его насладился ея красотою; тогда же рѣшено было устроить свадьбу до масляницы, при чемъ Анастасія обѣщала на другой же день поѣхать къ роднымъ, чтобы объявить имъ о помолвкѣ и просить мать свою помочь имъ деньгами. Затѣмъ Ивановъ ушелъ и посѣтилъ Назаренко только на слѣдующій день вечеромъ; они тогда долго сидѣли, строили планы на будущее, а Назаренко увѣряла его, что была уже у матери и сестеръ, показывала имъ фотографическую карточку, при чемъ онъ имъ очень понравился и родные изъявляютъ полное согласіе на ихъ бракъ. Тогда Ивановъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы пріискать посаженаго отца, которымъ, благодаря содѣйствію Аграфены Новиковой, согласился быть Петръ Кудрявцевъ. Однако, ихъ тутъ же постигла неудача: мать Анастасіи Назаренко, соглашаясь справить свадьбу и дать дочери приданое, отказалась, однако, помочь ей деньгами, ссылаясь на то, что у нея другія дочери, о которыхъ также слѣдуетъ позаботиться. Несмотря на это, 15 февраля, вечеромъ, Ивановъ поѣхалъ съ Назаренко и ея матерью къ Кудрявцеву, куда также привезъ и Аграфену Новикову. Невѣста его всѣмъ очень понравилась, но его непріятно поразило то, что на разспросъ посаженаго отца о ея занятіяхъ и образѣ жизни, она отвѣтила, что служила въ горничныхъ, тогда какъ прежде увѣряла его, что состоитъ портнихою. Послѣ продолжительнаго разговора рѣшено было, наконецъ, устроить свадьбу до масляницы, при чемъ Ивановъ взялся достать гдѣ нибудь денегъ; затѣмъ, уже поздно ночью, они разошлись; Ивановъ отправился съ Анастасіею пѣшкомъ на Пороховые, куда они дошли въ шестомъ часу утра. Анастасія раздѣлась; поставила самоваръ, они долго сидѣли вмѣстѣ, много цѣловались, и Ивановъ, будучи увѣренъ, что она, дѣйствительно, любитъ его, уходя въ 10 часовъ утра, взялъ съ собою всѣ документы, необходимыя для вѣнчанія. 16 и 17 февраля онъ опять заходилъ къ Назаренко, возвратилъ ей документы и сказалъ, что денегъ нигдѣ достать не могъ, такъ что свадьбу придется отложить до Пасхи, съ тѣмъ, чтобы скопить къ тому времени денегъ. При этомъ онъ просилъ Назаренко увѣдомить родныхъ телеграммою о томъ, что свадьба отложена. Но уже въ эти посѣщенія, продолжившіяся недолго, такъ какъ 16-го февраля Ивановъ былъ на дѣвичникѣ у Матвѣя Петрова, а на слѣдующій день въ качествѣ шафера на ого свадьбѣ, — у него возникли нѣкоторыя подозрѣнія въ искренности Анастасіи; и такъ 16 февраля, сидя у нея въ комнатѣ, онъ замѣтилъ, что братъ ея Степанъ открылъ шкафъ, въ которомъ стояло много порожнихъ бутылокъ отъ водки. Анастасія какъ разъ вышла тогда изъ комнаты; воспользовавшись этимъ, онъ спросилъ Степана, кто покупаетъ водку; послѣдній отвѣтилъ, что Настинъ женихъ; тогда только онъ замѣтилъ впервые, что на стѣнѣ виситъ фотографическая карточка какого-то мужчины. На

вопросъ его, «кто это», Назаренко, не опуская глазъ, отозвалась, что на карточкѣ изображенъ знакомый ея матери буфетчикъ изъ комитетскаго собранія, который иногда навѣщаетъ ее. Затѣмъ, при посѣщеніи 17 февраля, Ивановъ засталъ Назаренко, не въ духѣ; она сообщила ему, что слышала много дурного о немъ, что онъ картежникъ и пьяница. По ея словамъ, всѣ отговаривали ее быть его женою; а она, услышавъ неблагопріятные отзывы о немъ, выразилась: «тогда онъ мнѣ не женихъ, если онъ такой». Подозрѣнія Иванова усилились еще на свадьбѣ у Матвѣя Петрова (Чигорина), гдѣ отъ бывшихъ тамъ дѣвушекъ, въ особенности же отъ Екатерины Антоновой, онъ узналъ, что Назаренко, дѣйствительно, имѣетъ любовника, съ которымъ продолжаетъ видѣться. Встревоженный этими словами, онъ на слѣдующій день сталъ разспрашивать про Назаренко сестру Силина, которая подтвердила эти слухи, добавивъ, что любовникъ подарилъ Назаренко ротонду, даже провелъ у нея послѣднюю ночь. Подъ вліяніемъ всего этого, онъ 18 февраля, въ 7 часу, отправился къ Назаренко и засталъ ее въ обществѣ подвыпившихъ женщинъ, которыя разсказывали всякія сальности; похабные и циническіе ихъ разсказы, разгульныя пѣсни и пляска окончательно озлобили его, тѣмъ болѣе, что сама Назаренко крайне неприлично держала себя; она была весела и, повидимому, также пьяна, смѣялась и говорила такія вещи, которыхъ онъ не ожидалъ услышать отъ нея. «Возмущенный этимъ до глубины души», онъ выпилъ холодной воды, взялъ шестилѣтняго Степана Назаренко на колѣни и сталъ читать ему вслухъ лежавшую на столѣ книгу. Женщины, однако, не унимались, наконецъ, чрезъ нѣкоторое время, онѣ устали и собрались уходить при чемъ, однако, позвали за собою Назаренко. Къ крайнему удивленію Иванова, послѣдняя не только согласилась на ихъ предложеніе, но даже, намекая на то, что пора ему уходить, отозвалась, что надо будетъ запереть квартиру. Охриплымъ голосомъ онъ попросилъ ее остаться, такъ какъ долженъ переговорить съ нею наединѣ. Она, однако, возразила, что между ними секретовъ нѣтъ, а потому онъ можетъ говорить съ нею при всѣхъ. Это вывело его окончательно изъ себя; онъ закричалъ: «прошу васъ остаться». Назаренко испугалась; между тѣмъ женщины ушли изъ ея квартиры, въ которой Ивановъ очутился наединѣ съ Назаренко. Подойдя къ ней, онъ просилъ ее объяснить, «что все это значитъ, за что она его мучитъ»? Она отвѣтила: «неужели, благодаря васъ, я не должна никого принимать», и присовокупила, что, если это ему не нравится, то онъ можетъ не ходить къ ней. Тогда онъ сталъ упрекать ее въ томъ, что она «гадкая грязная женщина, такъ какъ она и произвела развратъ въ семьѣ»; при этомъ онъ разсказалъ ей все то, что слышалъ про ея любовника, и указывалъ на необходимость подумать о будущемъ, ссылаясь на то, что она вѣдь любитъ его, и что такъ не обращаются съ женихомъ. Назаренко возразила: «а кто вамъ сказалъ, что я васъ люблю, когда еще будете женихомъ, а пока нѣтъ». — «Теперь я вѣрю, что все слышанное про тебя — правда, закричалъ Ивановъ, значитъ ты меня гонишь?» — «Да убирайтесь же вонъ», былъ ея отвѣтъ. Тогда разъяренный Ивановъ не выдержалъ, схватилъ ножъ и, когда Назаренко остановилась на серединѣ комнаты немного бокомъ къ

нему, со словами: «умри же несчастная!», нанесъ ей ударъ въ грудь, чувствуя при этомъ, какъ ножъ по рукоятку ушелъ во что-то мягкое. Назаренко посмотрѣла ему въ глаза, схватила за ножъ рукою, разжавъ которую, съ визгомъ бросилась на лѣстницу вслѣдъ за шестилѣтнимъ братомъ своимъ Степаномъ, который съ плачемъ сталъ убѣгать изъ комнаты уже въ тотъ моментъ, когда Ивановъ, подойдя къ Назаренко, замахнулся на нее ножемъ. Тогда только Ивановъ созналъ, что совершилъ нѣчто ужасное и, бросивъ ножъ, заплакалъ. Въ дополнительныхъ своихъ объясненіяхъ, обвиняемый Ивановъ, кромѣ того, подробно передаетъ обстоятельства, касающіяся отношеній его съ Кларою Табановою, которую онъ, по его словамъ, горячо и страстно любилъ, и рѣшился прекратить съ нею всякія отношенія только потому, что, по дошедшимъ до него слухамъ, она вышла замужъ. При этомъ всѣ излишества свои и злоупотребленія, повлекшія столь невыгодныя для него послѣдствія во время военной службы, обвиняемый объясняетъ любовью къ Табановой и тоскою по поводу разлуки съ нею; многія же изъ постигшихъ его неудачъ онъ приписываетъ также несправедливости, зависти, интригамъ со стороны сослуживцевъ и непосредственнаго начальства.

На основаніи всего вышеизложеннаго, запасный рядовой 89 пѣхотнаго Бѣломорскаго полка, Александръ Гавриловъ Ивановъ, 27 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что 18-го февраля 1891 года, въ гор. С.-Петербургѣ, въ д. № 3 по 2 линіи селенія Охтенскаго порохового завода, онъ, умышленно, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, лишилъ жизни невѣсту свою кол-пинскую мѣщанскую дѣвицу Анастасію Алексѣеву Назаренко, нанеся ей ножемъ ударъ въ лѣвую сторону груди, причинившій ей прободающую рану сердца, отъ которой Назаренко сейчасъ же скончалась.

Преступленіе это предусмотрѣно 1 ч. ст. 1455 Улож. о Наказ.

Ивановъ подтвердилъ на судѣ свое сознаніе. Свидѣтели событія преступленія повторили показанія, изложенныя въ обвинительномъ актѣ. Товарищи Иванова разъяснили, что подъ «безцеремоннымъ обращеніемъ съ чужою собственностью» они разумѣли только то, что Ивановъ подбивалъ ихъ, вмѣстѣ съ нимъ, иногда пропивать ихъ деньги и вещи, впрочемъ, и самъ съ ними прокучивалъ на водку иногда послѣднее, что у него было. Наклонность Иванова къ водкѣ оказалась наслѣдственною. Въ архивѣ суда найдено было, по ссылкѣ Иванова, дѣло о его матери, которая, подъ вліяніемъ опьяненія, въ періодъ послѣ родового состоянія, зарѣзала его маленькаго брата. Она была признана дѣйствовавшею въ безсознательномъ состояніи и находилась на излѣченіи въ больницѣ для душевно-больныхъ. Клара Табанова, вызванная прокуроромъ, не явилась въ судъ, и свѣдѣній о вручении ей повѣстки не было доставлено. Защита предъявила суду письмо отъ Клары, полученное подсудимымъ въ тюрьмѣ. Въ этомъ письмѣ Клара выражаетъ Иванову прежнія чувства своей неизмѣнной любви и сожалѣетъ, что не отвѣтила своевременно на его два послѣднія письма.

Главнымъ матеріаломъ судебнаго слѣдствія послужили прочитанныя, по просьбѣ подсудимаго, его обширныя письменныя показанія. Чтеніе этихъ показаній заняло большую половину перваго дня засѣданія.

Вотъ характерные отрывки изъ этихъ показаній. Описаніе перваго посѣщенія Насти:

Жажда встрѣчи съ Настей всю ночь не давала мнѣ покоя. Только и думы было, что о ней одной. Дождавшись утра и напившись, только чаю, я немедлено отправился къ ней, но она не приняла, потому что онѣ съ сестрою не одѣты, и просила зайти черезъ часочекъ или полчаса. Я пришелъ немного попозже. «Ахъ, какъ жалко, что вы не застали сестру, она такъ желала васъ видѣть»; затѣмъ просила садиться, а сама стала приготовлять чай и разговаривать со мною. — «Я и не ожидала, что вы исполните свое обѣщаніе; я думала, что вы шутите!» Я отвѣтилъ, что такъ не шутятъ, и готовъ сдержать свое слово, и что вчера не засталъ Настасью Ивановну, а то бы вчера же и рѣшили все. «Теперь я вѣрю вамъ, что вы хорошій человѣкъ». — «Вы тоже по моему очень, милая и добрая дѣвушка, а потому давайте поговоримте обо всемъ». Она подала чай только мнѣ (сама навѣрно пила раньше). Я пилъ и разсказывалъ ей про себя все, что есть во мнѣ хорошаго и дурного. Недостатки мои она извиняла, прочее одобрила. Не скрылъ отъ нея, что вышелъ недавно со службы, не имѣю никакого богатства, кромѣ костюма, который на мнѣ, и всего самаго необходимаго. Она согласилась, что въ такое короткое время (4 мѣсяца) трудно имѣть что нибудь лишнее, и прибавила, что у одного изъ ихнихъ зятьевъ въ теченіи такого же періода и костюма не было. На свадьбу пошелъ въ чужомъ, а послѣ свадьбы товарищи все разобрали обратно, такъ что мама ся принуждена была все купить ему. Потомъ я спросилъ ее: не брезгаетъ ли она моими грязными, пропитанными масломъ, желѣзомъ и заскорузлыми руками? Она отвѣчала, что, напротивъ, это дѣлаетъ мнѣ честь. Разсказалъ, сколько получаю жалованья (немного больше рубля въ день теперь, а лѣтомъ больше); она сказала, что это не мало обоимъ, и такъ какъ она не взыскательна, то изъ этого можно дѣлать сбереженія. Во все время нашего разговора я не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ. Она временемъ слегка ихъ пожимала. Я поцѣловалъ нѣсколько разъ ея руку, но она старалась не допускать этого, говоря, что она не достойна того. Объяснивъ ей, что вѣжливость допускается каждой женщиной, я еще нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку выше кисти и просилъ ее быть откровенной со мною, какъ я съ ней. Она обѣщала и начала разсказывать, что за нее сватались около 15 жениховъ, но она всѣмъ отказывала. Одинъ же изъ нихъ обманомъ липилъ ее чести, но любить его она не могла все-таки и за недѣлю до свадьбы отказала ему, хотя уже было обрученіе. У нея на пальцѣ обручальное кольцо. Я предложилъ ей вопросъ, почему она носитъ кольцо недостойнаго человѣка, который обманулъ ее и котораго она не любитъ. «Мнѣ жалко его бросить, хотя онъ свое бросилъ въ воду, стараясь сначала изгрызть его зубами». Я просилъ снять кольцо и никогда не надѣвать больше, что она сейчасъ же при мнѣ и сдѣлала, бросивъ его въ цвѣточный горшокъ. Затѣмъ за это, поцѣловавъ руку, просилъ позволить поцѣловать въ губы, но она сказала, что это еще рано. Я напомнилъ, что мы женихъ и невѣста, и что, повидимому, очень любимъ другъ друга. «Вѣдь вы же меня любите?», она молчала. Я повторилъ

вопросъ. «Люблю», чуть слышно отвѣтила она. Я нѣсколько разъ заставилъ повторить это слово и нѣсколько разъ услыхалъ: «люблю... люблю... люблю!» Тогда я обнялъ ее и сталъ цѣловать ея руки, глаза, губы. Она слабо защищалась. Наконецъ, тоже стала отвѣчать. Изъ всего этого она сразу заставила меня полюбить ее сильно, безъ памяти. Я думалъ, что не пожалѣю отдать за нее жизнь мою, по первой надобности. Страшная злоба и ревность закипѣли во мнѣ при мысли, что былъ счастливецъ, который раньше меня наслаждался счастьемъ съ этой милой дѣвушкой... и долго ли это было? Я просилъ еще разсказать что нибудь по этому поводу, но замѣтивъ, что это ей непріятно — она конфузилась и опускала глаза — просилъ извинить и обѣщалъ во всю жизнь никогда не напоминать ей объ этомъ. На это она мнѣ ничего не отвѣтила. Затѣмъ я опять навелъ разговоръ относительно нашей свадьбы и приготовленій къ ней. Она сказала, что завтра поѣдетъ къ мамѣ и прочимъ роднымъ и все разскажетъ. Мать ея будто ни въ чемъ не поперечитъ, и, узнавъ это, на все согласится. Въ особенности, по ея словамъ, обрадуется зять и старшая сестра. Затѣмъ начала показывать и разсказывать, что у нея есть собственности; я сказалъ, что это меня мало интересуетъ, лишь бы мамаша согласилась скорѣй обвѣнчать насъ, т. е. до масляницы, и помочь деньгами, такъ какъ у меня ихъ нѣтъ. «Все, все мама сдѣлаетъ, потому что она меня очень любитъ». Забылъ упомянуть, что когда я откровенно описывалъ себя, я не забылъ упомянуть и о томъ, что и у меня была дѣвушка во время службы, тоже такая же почти внѣшностью, и думаю, что и характеромъ, которая въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ моей службы, дѣлила горькія минуты. Въ увлеченіи виновата была больше Клара (такъ звали ту), чѣмъ я. Она была слишкомъ страстна, а потому мы и увлеклись. Но я ея и по выходѣ со службы не забывалъ, и постоянно переписывался, посылая каждую получку (въ двѣ недѣли разъ) по 3 рубля, такъ какъ они бѣдны. Я очень радъ, что узналъ объ выходѣ ея замужъ за богатаго, хотя пожилого человѣка. Я не имѣю ничего, а потому жениться на лютеранкѣ, да еще непремѣнно въ Ревелѣ (родные сюда одну ее не пускаютъ), не нахожу возможнымъ въ скоромъ времени, а потому всегда предоставлялъ ей полную свободу въ своихъ дѣйствіяхъ, добавилъ, что уже больше мѣсяца не получаю отъ нея никакихъ извѣстій, показалъ ей тогда же свою карточку фотографическую, на которой я снятъ вмѣстѣ съ нею, разсказавъ, что за самовольную отлучку я лишенъ того званія, въ которомъ былъ въ то время.

«Думая уходить отъ Насти, я еще разъ просилъ ее завтра же ѣхать къ мамѣ и стараться скорѣе повернуть все дѣло, такъ какъ до масляницы остается очень мало времени, а тогда вѣнчать не будутъ. Она обѣщала, прося оставить свою карточку ей, а она предложила свою. Я взялъ ея карточку, а свою оставилъ у нея. Затѣмъ сталъ прощаться съ нею, сказавъ, что пойду на вечеринку; она пожелала весело провести вечеръ и больше веселиться. Пожавъ ей руку и поцѣловавъ маленькаго Степу, ея брата, хотѣлъ идти, но Настя, взявъ свѣчу, пошла провожать меня. Спустившись внизъ я не могъ утерпѣть, чтобы не поцѣловать ее, она позволила и

просила только при Степѣ этого не дѣлать, такъ какъ послѣдній все перескажетъ другимъ. Я простился съ Настей и пошелъ»...

На разсвѣтѣ, въ комнатѣ Насти, послѣ совмѣстнаго возвращенія пѣшкомъ, ночью, изъ города на Пороховые:

«Настя заперла на крюкъ нижнюю дверь и мы поднялись и вошли въ ея комнату. Я прозябъ. Подъ утро былъ вѣтеръ и подморозило. Въ комнатѣ тоже было не тепло. Сейчасъ же, раздѣвъ пальто, я сталъ затоплять чугунку, а Настя занялась самоваромъ. Она была очень веселая, вырывала изъ моихъ рукъ лучинки. Гасила спички, которыя я зажигалъ. Наконецъ я растопилъ чугунку. Дровъ было приготовлено много и я ихъ не жалѣлъ. Въ комнатѣ стало тепло. «Вы не приходите сюда, за занавѣску, я буду переодѣваться». Поправивъ ее «ты», а не «вы», изъявилъ готовность. Она переодѣвалась и выглядывала въ промежутокъ между шкафомъ и занавѣской, постоянно предупреждая меня не глядѣть. «Ну, я готова!.. Давай пить чай». Между прочимъ навѣрно не совсѣмъ управилась, если, выставивъ полъ корпуса изъ-за занавѣски, стала что-то снимать изъ-подъ платья. Затѣмъ, сѣвши на кровать, сняла ботинки и одѣла туфли, предлагая и мнѣ сдѣлать то же. Я съ радостью согласился, потому что отъ большой, т. е. многой, ходьбы натеръ ноги. Я сталъ снимать сапоги стоя, но она велѣла сѣсть на кровать. «Только туфлей другихъ нѣтъ... вамъ придется въ чулкахъ». Когда я сталъ снимать другой сапогъ, она меня дернула за руку. Я накренился плечемъ на нее. Она упала головою на подушки и я очутился лицомъ на ея лицѣ. Рука ея обхватывала мою шею и мы страстно и долго поцѣловались. Близость ея тѣла мягкаго, нѣжнаго, безъ корсета, соблазнила меня. Я много и крѣпко цѣловалъ ее въ лицо, шею и грудь. «Довольно, милый, довольно!.. Вѣдь ты хотѣлъ чаю, пойдемъ пить!» Я выпустилъ ее изъ объятій. Она осталась тутъ же (плита недалеко отъ ея кровати; все это отдѣлено отъ общей комнаты занавѣской), а я пошелъ вглубь комнаты къ столу. Она подала чай. Начинало свѣтать. Глаза слипались. Она напомнила про чай. Я выпилъ стаканъ, а отъ булокъ отказались она и я. Она взяла стаканы и опять отошла взадъ. Принесла, поставила и стала къ стѣнѣ рядомъ со мною. Я ее обнялъ за талію и привлекъ къ себѣ. Она была почти нагая. Сквозь тонкую ситцевую блузу и развѣ сорочку внизу, я чувствовалъ даже теплоту и нѣжность ея тѣла. Одна изъ ея ногъ попала между моихъ. Я чуть не увлекся, но, поцѣловавъ ее, сказалъ, что такое положеніе наше неприлично, и хорошо, что насъ никто не видитъ. Она опять стала почему-то просить объщанія не имѣть дѣтей; вообще сдѣлалась какъ ребенокъ: что-то лепетала, говорила шопотомъ. Отъ постоянной близости ея мнѣ стало больно, я оскорбить ее боялся; мнѣ было жалко ея и не хотѣлъ, чтобы она послѣ этого мучилась сомнѣніями. Я попросилъ позволенія у нея лечь на стульяхъ и уснуть немного, но она отказала въ этомъ, говоря, что уже 9-й часъ, къ ней могутъ зайти и проч. Тогда я напомнилъ ей о документахъ. Она изъ комода достала паспортъ и метрическое свидѣтельство. Я спряталъ то и другое въ карманъ. Въ это время кто-то внизу сталъ стучать. «Это Степа стучится... онъ и самъ умѣетъ отворять», сказала Настя. Я сталъ обуваться, а Настя пошла отворить Степѣ

нижнюю дверь. Она обѣщала спать только до 12 час., а потомъ ждать меня, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ городъ: мнѣ по дѣламъ свадьбы, а ей — исповѣдаться и пріобщаться. Попрощавшись съ ней, я отправился на квартиру къ Чигорину»...

«Вотъ все, что могу сказать. Роковая встрѣча и такой же конецъ. Что прошло, того не жалко. Радостей въ жизни не было, а что ожидаетъ впередъ, къ тому достаточно готовъ. Самое худшее не устрашаетъ меня. На все воля Божья! «Судьбы не обойдешь и на конѣ не обскачешь!» Видно судьба моя такая злая! Съ ранняго дѣтства не видалъ материнской ласки и до сихъ поръ всегда и вездѣ былъ чужой. Очень маленькій остался я послѣ смерти отца, который былъ чахоточный и чуть ли не нищій. Смутно помню смерть отца... Мы жили въ подвалѣ (это мнѣ разсказывала сестра — старше меня). Сестру черезъ нѣсколько дней взяла какая-то генеральша, которая и помѣстила ее въ одинъ изъ сиротскихъ пріютовъ, а я до 8-ми лѣтъ влачилъ существованіе свое по чужимъ людямъ. Мать была женщина молодая (сестра моя ей падчерица); служила по мѣстамъ. Меня плохо кормили, за то много колотили, насколько помню. Затѣмъ, по видимому, судьба надо мной сжалилась. Мать моя, въ одинъ прекрасный день, привела меня на Петербургскую сторону въ одинъ очень хорошенькій домикъ, около Александровскаго парка. Тамъ меня встрѣтилъ мужчина, полюбившій меня. Онъ былъ чиновникъ и жилъ съ моей матерью. Отъ него я многому научился. Человѣкъ онъ былъ хорошій, смирный. Я помню, какъ мать выпивала и устраивала ему сцены. Дѣло доходило до драки. Я всегда держалъ сторону «дяди». Долго ли они жили — опредѣлить не могу. Въ одинъ прекрасный день мать мою увезли. Она сошла съ ума, а меня этотъ «дядя» (впослѣдствіи титулярный совѣтникъ Степанъ Ефимовичъ Ивановъ. Въ тотъ годъ, какъ я пошелъ на службу, онъ умеръ. При отправленіи въ полкъ онъ меня благословилъ, какъ отецъ. Служилъ онъ въ канцеляріи градоначальника) привелъ въ канцелярію градоначальника, откуда я былъ препровожденъ въ комитетъ. Затѣмъ былъ опредѣленъ въ ремесленное училище. Учился хорошо. Во всякомъ классѣ былъ первымъ ученикомъ. Меня терпѣли за это, хотя я позволялъ себѣ важныя шалости: по постнымъ днямъ не позволялось пить сырую воду — я поилъ всѣхъ, добывая таковую изъ ватерклозетныхъ ящиковъ. Былъ первый во всѣхъ шалостяхъ. Меня сѣкли розгами, но это не помогало. Наконецъ изъ третьяго класса меня выключили. Я былъ душею возстанія противъ о б и д ч и к о в ъ-учителей и надзирателей. Ночью устроили имъ побоище. Я былъ выключенъ и отданъ въ ученье къ к о н д и т е р у. Затѣмъ учился у слесаря и у токаря. Попалъ потомъ въ Казань. Учился конторскому дѣлу. Прибывъ оттуда въ Петербургъ, занялся письменными работами. Служилъ конторщикомъ. Считаю лишнимъ упоминать лицъ и мѣста. Попалъ на службу. Былъ старшимъ писаремъ и старшимъ въ командѣ писарей, т. е. начальникомъ. Вышелъ со службы рядовымъ.

«Послѣдующія событія извѣстны».

«Били меня люди. Била и бьетъ меня судьба, но совсѣмъ забить не могли. Во мнѣ есть что-то, чего никто не отниметъ отъ меня. Я много

читалъ. Всему выучился самъ изъ книгъ. Училъ и бухгалтерію, и нѣмецкій языкъ. Много другими научными предметами интересовался и читалъ, но все какъ-то у меня не окончено, какъ и сама моя жизнь. Учился — не доучился, служилъ и не дослужилъ, какъ слѣдуетъ, а отслуживши... извѣстно. Вотъ вся моя печальная жизнь и исторія ея».

Изъ второго показанія. Знакомство съ Кларой:

«Клару я узналъ три года тому назадъ, на службѣ. Увидѣлъ ее въ первый разъ въ одно утро, въ квартирѣ начальника штаба 23-й дивизіи, въ каковомъ штабѣ состоялъ писаремъ. Тогда еще не старшимъ, но уже въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Въ прихожей сидѣлъ и ждалъ, когда полковникъ проснется, чтобы передать ему портфель съ бумагами къ подписи и докладу. Въ пріемную вошла дѣвушка, высокая, стройная, совершенная блондинка, свѣжая, розовая, чистенькая, съ дѣтскимъ личикомъ. Я ей поклонился. Она отвѣтила на поклонъ съ улыбкой. «Ахъ, какая прелесть!» подумалъ я и рѣшилъ, что она англичанка. Съ тѣхъ поръ сталъ чаще ходить къ полковнику, даже въ чужую очередь. Меня деньщики и поваръ очень любили. Я имъ писалъ письма, преимущественно любовныя, бралъ на себя хлопоты получать за нихъ разныя деньги, слѣдуемыя имъ отъ штаба, и разсчитываться съ ними, за что они всегда почти приглашали меня на кухню, угощали виномъ, водкой и разными деликатесами. Иногда и барышня эта приходила на кухню. Я узналъ, что она бонна и въ родѣ экономки, завѣдуетъ разными продуктами, и что зовутъ ее Клара, и что служитъ у полковника съ того дня, когда я ее въ первый разъ увидалъ; барыня, т. е. жена полковника, любитъ ее какъ дочь, всегда любуется ею и часто цѣлуетъ. Мнѣ удалось съ ней однажды заговорить. Я приготовился выпить большую серебряную чарку водки, въ это бремя Клара пришла зачѣмъ-то на кухню. Я ей поклонился и, сказавъ: «за ваше здоровье!» осушилъ. Она улыбнулась и замѣтила, что я навѣрно большой пьяница. «Поневолѣ тянешься... барышня, солдатъ я!» Она засмѣялась и выразила свое мнѣніе, что «солдатъ и собака — пара». «Очень удачно и лестно ваше сравненіе, барышня! Собака вообще вѣрна хозяину и другъ человѣка, а солдатъ вѣренъ долгу своему, оба охраняютъ: одна — имущество хозяина, а другой — отечество». Она и съ этимъ согласилась, но сконфузилась и спросила, какъ мое имя, и фамилія? Я отвѣтилъ: «Вамъ не обидно вотъ, а другіе бы обидѣлись моей шуткѣ!.. «Хотите, чтобы я васъ называла Александръ Собакинъ, вмѣсто Ивановъ?..» Спросила и зардѣлась какъ вишня. «Съ большимъ удовольствіемъ, барышня!.. До свиданья... позвольте вашу ручку!» отвѣтилъ я и всталъ, чтобы уйти. «Другому бы не дала... а вамъ могу» и протянула руку, которую я поцѣловалъ и, поклонившись повару и прочимъ, ушелъ.

О своемъ чувствѣ къ Кларѣ:

«Я очень полюбилъ Клару. Полюбилъ ее какою-то особенною любовью. Мнѣ хотѣлось, чтобы она была счастлива. Самъ же я и не думалъ, и отгонялъ отъ себя малѣйшее желаніе обладать ею. Для меня она казалась чѣмъ то недосягаемымъ. Ссорился съ каждымъ, кто позволялъ себѣ говорить о ней очень смѣло. Въ штабѣ и въ квартирѣ начальника штаба

удалось мнѣ вселить къ ней уваженіе. Въ одно воскресенье я зашелъ въ квартиру полковника для того, чтобы написать повару письмо къ женѣ. Я написалъ и хотѣлъ уже уйти, когда подошелъ ко мнѣ деньщикъ и передалъ письмо. Письмо было отъ Клары. Она писала, что любитъ меня уже давно, что не можетъ больше скрывать, что она сама не знаетъ, какъ это случилось: всегда была ко всѣмъ равнодушна и холодна; что я первый и послѣдній, кого она полюбила, и предоставляетъ мнѣ право «смѣяться надъ нею, если хочу, потому что она сама виновата». Нѣсколько разъ прочиталъ это письмо и не въ силахъ высказать, что со мною происходило!»

«Я пересталъ съ того дня пить водку. Бросилъ всѣ дурныя наклонности свои. Совершенно перемѣнился. Начальство и товарищи удивлялись и не могли понять, что со мною сдѣлалось?»

«Я потому нашелъ нужнымъ написать все предыдущее, что безъ этого нельзя понять характеръ связи и отношеній съ Кларой. Изъ всего, мною написаннаго, можно заключить, до какой степени любовь моя къ Кларѣ была родственная и идеальная. Хотя иногда ея ласки и доходили до неприличія, хотя и я позволялъ себѣ тоже самое, и въ этомъ смыслѣ связь наша была «короткою», но ничего больше не случилось. Она во все время оставалась дѣвственницей. Я всегда сомнѣвался въ возможности нашего брака. Бѣдность наша слишкомъ много значитъ. Она не въ состояніи работать и не умѣетъ даже ничего сдѣлать по хозяйству. Я увѣренъ, что она съ готовностью согласилась бы переносить со мной нищету, но я этого не хотѣлъ. У меня было намѣреніе обжиться, что нибудь пріобрѣсти, а тогда уже жениться на ней. Никогда во все время я не стѣснялъ ея въ выборѣ. Если бы нашелся женихъ для нея, я былъ бы очень радъ тому; разумѣется, если бы таковой былъ достоинъ ея. Она и сама не скрывала, что къ ней давно уже сватается богатый старикъ, и что она, для счастья матери, вышла бы за него, но очень любитъ меня, а я, по ея словамъ, дороже всѣхъ для нея. Но вотъ она перестаетъ писать. Не будь къ тому особо важной причины, этого бы никогда не случилось. Она меня въ тюрьмахъ, въ разныхъ несчастіяхъ не забывала, а тутъ я на волѣ и всѣ силы употребляю для скорѣйшаго соединенія... а тутъ вотъ! Я не сразу отчаялся. Продолжалъ писать. Справлялся о ней у сестры. Ту просилъ сообщить о ней. Ни откуда ничего не узналъ. Тогда только вполнѣ я понялъ свое горе. Всѣ мечты разсѣялись! А разъ у человѣка нѣтъ цѣли, то ничего нѣтъ и ничего не надо (по моему). Она мнѣ писала о какомъ то адвокатѣ, у котораго занималась переводами, и который цѣловалъ ея руки и называлъ «дитей». Писала о какой то болѣзни, которую я знаю и могу одинъ только сдѣлать ее здоровой; просила пріѣхать. Я отлично все понималъ! Да пріѣхать-то къ ней было опасно мнѣ. Зло, сдѣланное мнѣ многими, было такъ велико, что, не смотря на незлопамятность и способность быстро забывать обиды, я не могъ простить этого. Я поклялся отомстить (Клара это знаетъ), а затѣмъ раздумалъ и рѣшился лучше избѣгать встрѣчъ. Молчаніе Клары сдѣлалось для меня яснымъ. Съ горечью сознавшись, что мнѣ и слѣдовало этого ожидать, я махнулъ на все рукой и запилъ. Пилъ и не думалъ о будущемъ. Мнѣ стало все равно. Мысль о самоубійствѣ чаще и чаще наполняла меня.

Такъ и рѣшилъ: буду пить, пока есть на что, а тамъ и сдохну!.. Но вышло иначе. Явилась надежда и цѣль».

Судебное слѣдствіе затянулось на весь день до полуночи. На другой день начались пренія.

Постараюсь, гг. присяжные засѣдатели, въ теченіи моей защиты, развить предъ вами, въ чемъ собственно заключается особенный интересъ этого дѣла. А теперь, прежде всего, я желалъ бы пойти навстрѣчу вашему состраданію къ убитой и ни въ чемъ не разойтись съ вашими чувствами. Дѣйствительно, сердце переворачивается, когда вспомнишь объ этомъ ужасномъ зарѣзаніи молодой женщины! Мы знаемъ о покойной, что это была молодая, миловидная мѣщаночка, жившая своею тихою жизнью. Была она горничной, попала въ любовницы къ женатому буфетчику, родила ребенка, отвезла его въ воспитательный домъ, при чемъ, по дорогѣ, сломала себѣ руку, отлежала въ больницѣ, жила на Пороховыхъ заводахъ весьма бѣдно вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ братомъ, любила свою мать и среди своей неказистой жизни, сохранила, однако, свѣжесть, бодрость и ту привлекательность обращенія, которыя сразу подкупили въ ея пользу подсудимаго. Въ эту тихую жизнь вдругъ ворвалась бурная личность Иванова— и черезъ недѣлю со дня первой встрѣчи Настасья Назаренко была уже казнена! Ну, не жестокое-ли, въ самомъ дѣлѣ, это кровопролитіе? Да, жестокое, но... и не странное ли въ то же время? Во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемся съ событіемъ, достойнымъ изученія.

Произошло столкновеніе двухъ жизней. О жизни Настасьи Назаренко, кромѣ того, что мы сказали, кажется, и сказать больше нечего. Но жизнь и личность Иванова гораздо сложнѣе. Если, по нашему мнѣнію, его расправа съ покойной Настасьей была неизмѣримо-суровою и произвольною, то почему же, спрашивается, онъ такъ легко пошелъ на эту расправу? Вотъ въ этомъ-то и заключается особенный интересъ этой любовной драмы. Здѣсь какъ будто

доведено до величайшей своей чистоты кровавое правило нашего времени: „не любишь меня, какъ я того желаю,—такъ отправляйся же на тотъ свѣтъ“. Ивановъ даже такъ и сказалъ, вонзая ножъ въ Настасью: „Такъ умри-же, несчастная!“ И быстрота всей трагедіи поразительная: всего только недѣлю знакомъ съ женщиною, еще и не обладалъ ею и—уже убилъ!

Кромѣ, такъ сказать, оперативной чистоты этого случая, и самая личность подсудимаго глубоко поучительна. Онъ находится какъ разъ на той любопытной границѣ между нормальнымъ и ненормальнымъ человѣкомъ, на которой всѣ заблужденія страстей обыкновенно получаютъ свое самое сильное и яркое выраженіе. Онъ будто цѣликомъ взятъ изъ самыхъ странныхъ романовъ нашей эпохи: въ немъ есть и карамазовская кровь, есть большое сходство съ Позднышевымъ изъ „Крейцеровой сонаты“, онъ отчасти сродни и многого думающимъ жуирамъ, постоянно изображаемымъ французскими писателями. Самая его фамилія „Ивановъ“, подобно заглавію чеховской комедіи, будто хочетъ сказать намъ, что такихъ людей много расплодилось въ наше время. Ивановъ, хотя и военный писарь, но человѣкъ съ большою начитанностью; онъ пишетъ свои показанія очень литературно, безъ всякихъ поправокъ и безъ малѣйшихъ ошибокъ—даже въ знакахъ препинанія, такъ что это соединеніе простого званія съ образованностью помогаетъ еще большей типичности Иванова: въ немъ есть и стихійная сила, и развитая мысль.—Какой же онъ человѣкъ?

Вы видите его наружность. Хотя ему уже 27 лѣтъ, но онъ чрезвычайно моложавъ и миніатюренъ. Онъ смотритъ красивымъ мальчикомъ. Черты лица у него тонкія и правильныя, но въ его круглыхъ глазахъ, большею частію серьезныхъ, мелькаетъ безпокойный огонекъ блуждающей мысли. По роду своихъ занятій, онъ имѣлъ когда-то хорошую карьеру,—былъ старшимъ писаремъ штаба, но затѣмъ сбился съ дороги, за безпутство потерялъ службу, и въ послѣднее время былъ слесаремъ на Пороховыхъ заводахъ.

Обвиненію, повидимому, чрезвычайно нравится идея

представить Иванова ни болѣе, ни менѣе, какъ узкимъ матеріалистомъ, плотоугодникомъ,— „человѣкомъ-звѣремъ“. Приводятся случаи, что онъ пьянствовалъ, картежничалъ, посѣщалъ публичныя заведенія и даже въ сношеніяхъ своихъ съ женщинами не брезгалъ пользоваться отъ нихъ деньгами. Этотъ послѣдній намекъ вызвалъ цѣлый взрывъ негодованія со стороны Иванова. Прочитавъ обвинительный актъ, онъ поторопился въ прошеніи поданномъ суду, отстаивать свою „честь“ противъ опозоренія его нравственной личности. И въ самомъ дѣлѣ, намеки на корыстолюбіе Иванова чрезвычайно неудачны. Есть только факты его денежной безпорядочности, подъ вліяніемъ его несчастной наслѣдственной наклонности къ пьянству. Переписка съ прежнею невѣстою Иванова, Кларой, даетъ прокурору всего какихъ нибудь 10 случаевъ, среди 114 посланій, гдѣ Ивановъ проситъ у Клары, большею частью, по рублю, рѣдко по два и, кажется, всего одинъ разъ три рубля. Въ общей сложности едва ли наберется болѣе 15 рублей. Между тѣмъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, и Клара просила Иванова достать ей 10 р. для ея сестры. Всѣ эти мелочи никуда не годятся для того, чтобы приписать Иванову любовь къ деньгамъ. Тутъ выходитъ явная натяжка. Любилъ бы дѣйствительно этотъ пылкій и умный человѣкъ деньги, —не такія бы крохи пришлось прокурору подбирать въ его жизни, чтобы подтвердить его корыстолюбіе! Нѣтъ! Что бы тамъ ни говорили, а Ивановъ—человѣкъ безкорыстный, и въ этомъ уже первый штрихъ, чтобы усомниться въ его приверженности къ матеріальнымъ благамъ. За деньгами гоняются и деньги добываютъ всякими путями тѣ любители наслажденій, которые умѣютъ всѣмъ наслаждаться безъ горечи и безъ раздумья. А Ивановъ не такой. Его постоянно какой-то червякъ гложетъ. Правда, онъ человѣкъ безпутный. Но пьянствовалъ онъ, чтобы заглушать грустныя мысли, игралъ въ карты, чтобы взволноваться рискомъ, а въ публичные дома ходилъ... чтобъ проповѣдывать идеалы добра падшимъ женщинамъ, которыхъ онъ называлъ своими сестрами! „Поведенія всегда былъ дурного“, говоритъ онъ о себѣ, съ тономъ весьма серьезнаго убѣжденія. При всей

пылкости своей крови и страстности своей натуры, Ивановъ ни въ какомъ случаѣ не былъ развратникомъ или низменнымъ сластолюбцемъ. Онъ гнушается, напримѣръ, обычая, на фабричныхъ свадьбахъ, подавать яичницу для угощенія молодыхъ супруговъ, съ нечистыми намеками на брачную ночь. Тутъ же онъ пишетъ въ своемъ показаніи: „достойны также порицанія пляски замужнихъ женщинъ, изъ числа которыхъ нѣкоторыя имѣютъ замужнихъ дочерей, невѣстъ, а другія—женатыхъ сыновей“. Всѣ эти мысли, не покидающія его и до настоящаго времени, невольно заставляютъ насъ вѣрить ему, что онъ ходилъ въ дома терпимости преимущественно для проповѣдыванія морали. Высокій слогъ и возвышенныя чувства слишкомъ неотвязчиво и упорно проявляются у Иванова всегда, когда, онъ говоритъ или пишетъ о любви, чтобы можно было его заподозрить въ умышленномъ ханжествѣ, въ лукавомъ лицемѣріи. Нѣтъ, все это у него искренно. Онъ принадлежитъ къ типическимъ раздвоеннымъ людямъ нашего времени, которые красиво думаютъ и скверно поступаютъ. Имъ все кажется, что они вотъ здѣсь именно попадаютъ въ самое небо, а они попадаютъ только въ лужу, гдѣ отражается для нихъ небо (сравненіе, кажется, чужое, но все равно—я его уже сказалъ). Въ письмѣ ко мнѣ (представленномъ мною суду) Ивановъ говоритъ: „самъ не знаю, какъ это случилось, что я всегда желалъ дѣлать добро, а выходили однѣ подлости“. Въ своемъ второмъ показаніи онъ объясняетъ: „Много страдалъ отъ горячности. Рѣдко удавалось исправлять ошибки свои, но всегда сознавалъ ихъ“. И еще одна черта: такіе люди, видя постоянное несоотвѣтствіе своихъ дурныхъ поступковъ съ своею хорошею сущностью,—страдаютъ болѣзненною гордостью, страшною обидчивостью. Они оскорбляются съ яростью, почти съ бѣшенствомъ. Въ этомъ случаѣ въ нихъ говоритъ какъ будто вырывающійся изнутри вопль души, которая отчаянно отбивается за свое благородство. Это же есть и у Иванова. „Не смотря на свою внѣшность и малый ростъ“, пишетъ онъ: „люблю постоять за себя. По необходимости вынося всевозможныя униженія и оскорбленія, я сильнѣе

являлъ свои затаенныя чувства, когда къ тому вынуждали". Трудно въ лучшихъ словахъ передать всю горечь этого внутренняго противорѣчія. Словомъ, это—человѣкъ, по натурѣ своей,—печальный *), не смотря ни на водку, ни на карты, ни на свои пляски на вечеринкахъ. Намъ скажутъ: „начитался романовъ и воображаетъ себя героемъ—вотъ и все". Нѣтъ, это вовсе не такъ просто. Самая жажда чтенія и большое количество прочитаннаго показываютъ, что въ душѣ у Иванова поднимались вопросы, и что онъ искалъ чего-то лучшаго **). И хотя его безпорядочная начитанность постоянно и невольно у него проглядываетъ въ сужденіяхъ и разговорахъ, но онъ ею не важничаетъ и даже, въ глубинѣ сердца, онъ ею огорченъ. „Еще будто хуже стало отъ чтенія", сознается онъ; „въ дѣтствѣ было лучше, потому что въ книгахъ прежняя вѣра только спуталась". Вотъ что! Вѣра въ иную жизнь, какое нибудь оправданіе земныхъ несправедливостей—нужны этимъ людямъ, какъ воздухъ, какъ манна небесная... Иначе ихъ умъ, ихъ благородныя страсти, ихъ добрыя чувства становятся имъ только въ тягость, ссорятъ ихъ съ окружающими и дѣлаютъ ихъ невыносимыми въ жизни. И видя себя постоянно огорченными и не попавшими въ цѣль, каждый разъ обманутыми или обращенными на дурную дорогу, они уже начинаютъ считать себя роковыми, т. е. такими, которымъ несчастье на роду написано! И они его принимаютъ, какъ нѣчто должное... Но какъ же, спрашивается, оставаясь живыми, могутъ они не обманываться, каждый разъ,

---

*) Уже послѣ состоявшагося о немъ приговора, Ивановъ сообщилъ мнѣ въ тюрьмѣ, что 28 сентября 1885 года онъ покушался на самоубійство „отъ тоски, отъ того, что жизнь была въ тягость". Въ подтвержденіе его словъ я нашелъ въ „Петербургской Газетѣ", отъ 29 сентября 1895 года, въ отдѣлѣ происшествій, сообщеніе, что, дѣйствительно, 28 сентября Ивановъ отравился фосфоромъ и доставленъ былъ въ больницу. Положеніе больного было признано опаснымъ. По словамъ Иванова, онъ пролежалъ въ больницѣ два мѣсяца. На этотъ интересный фактъ подсудимый не ссылался ни на предварительномъ, ни на судебномъ слѣдствіи. С. А.

**) Въ своихъ письмахъ Ивановъ упоминаетъ о Вольтерѣ, Дидеро, Шекспирѣ, Данте, Шиллерѣ и т. д.

когда счастье будто снова и снова протягиваетъ имъ руку?..

И вотъ такой-то человѣкъ, въ такомъ именно настроеніи, встрѣтился съ простоватою и миловидной Настасьей Назаренко. Онъ предположилъ въ ней олицетвореніе своего, уже несомнѣннаго, неотъемлемаго и высшаго счастья. И здѣсь-то именно его стерегло самое тяжкое горе его жизни. На этомъ онъ уже совсѣмъ и окончательно скрутился.

Но прежде чѣмъ войти въ подробности любовной драмы Иванова съ Настей, необходимо вспомнить его, въ высшей степени своеобразныя отношенія къ Кларѣ. Это былъ самый значительный и едва ли не единственный настоящій романъ въ жизни Иванова. Любовь эта продолжалась три года и теперь еще не кончена... Много задушевнаго, грустнаго и глубокаго было въ этомъ странномъ чувствѣ Иванова. Вы знаете, что Клара была бонной у начальника Иванова въ Ревелѣ, полковника Гершельмана. Вы помните, какъ ее описываетъ Ивановъ: высокая, стройная, совершенная блондинка, свѣжая, чистенькая, съ дѣтскимъ личикомъ — настоящая барышня. Они полюбили другъ друга, но не сразу, а постепенно. Только черезъ семь мѣсяцевъ послѣ знакомства, Клара первая призналась Иванову въ любви, въ письмѣ, которое ему передалъ денщикъ. Между влюбленными возникли небывалыя, невѣроятныя въ ихъ классѣ, отношенія. Три года свиданій, на полной свободѣ, при ласкахъ, самыхъ короткихъ, заходившихъ очень далеко — и въ результатѣ: дѣвственность Клары до настоящей минуты. Ивановъ даже описываетъ эти ласки, ихъ страстность и мучительность, — и съ полнымъ правомъ восклицаетъ: „не знаю, кто бы могъ воздержаться и не соблазниться при всемъ, что я видѣлъ и чувствовалъ!“... Переписка молодыхъ людей подтверждаетъ эту необычайную воздержанность Иванова, его силу воли надъ собою, его страхъ передъ довѣріемъ чистой дѣвушки. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ къ Иванову Клара, совсѣмъ по-дѣтски, проситъ Иванова сказать ей: „чистая ли она еще дѣвушка или нѣтъ“? А Ивановъ также въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ,—въ которыхъ вообще и

всегда называетъ ее не иначе, какъ „чистою“ — спрашиваетъ Клару съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти: „что я требую отъ тебя, кромѣ *чистой* любви?—и тутъ же добавляетъ (какъ можетъ сказать—не обольститель, готовый сбыть свою жертву другому, а только—человѣкъ, сознающій свою невиновность передъ честью дѣвушки): „если бы ты нашла человѣка, котораго бы *я* счелъ тебя достойнымъ, я *окончилъ бы* ваше счастье“.—Думаю, что такихъ примѣровъ господства силы духовной надъ силой животной едва ли много сыщется въ наше время.

Но почему Клара осталась только невѣстою? Почему не состоялся бракъ? Трудно встрѣтить болѣе любопытную психологическую тему, какъ взаимное тяготѣніе этихъ двухъ натуръ, Иванова и Клары, и трудно вообразить болѣе трогательную и тонкую драматическую преграду, какъ та, которая мѣшала ихъ окончательному сближенію. Между ними произошло слѣдующее. Все, что есть въ Ивановѣ теоретически-благороднаго—въ глубинѣ его испорченной, буйной и безпутной натуры—все это въ немъ ясно почувствовала и навсегда беззавѣтно полюбила эта задушевная, чистая сердцемъ, дѣвушка. И онъ, въ свою очередь, это понялъ; онъ проникся къ ней глубочайшею благодарностью и нѣжностью, и пожелалъ, во что бы то ни стало, сдѣлать ее истинно-счастливою. Было одно время, въ самомъ началѣ, когда, впервые убѣдившись въ ея любви, онъ какъ будто на себя понадѣялся: бросилъ пить, началъ заниматься, блистательно пошелъ въ гору по службѣ, но... его несчастныя свойства сдѣлали-таки свое дѣло. Онъ сталъ замѣчать, что его горячность, гордость, вообще какая-то роковая шероховатость, непокладистость и безпутство стали брать верхъ: вокругъ него расплодились враги; пошли интриги, доносы, оскорбительный напрасный судъ и—опять водка, пренебреженіе къ дисциплинѣ, а затѣмъ—разжалованіе въ разрядъ штрафованныхъ, т. е. конецъ всякаго хорошаго будущаго. А Клара все попрежнему его любила и все ему прощала: только она одна. И тѣмъ болѣе онъ благоговѣлъ передъ нею и не смѣлъ завладѣть ея судьбой. Въ немъ было какое-то горькое сознаніе, что

онъ слишкомъ черенъ для ея голубиной чистоты; онъ какъ бы чуялъ невидимую силу, охранявшую Клару: что-то не подпускало его къ ней. Сверхъ того, чисто-житейскія соображенія его пугали: Клара была бѣлоручка, ничѣмъ бы не могла зарабатывать съ нимъ хлѣбъ, не годилась въ хозяйки къ чернорабочему. Ея родные также не одобряли этого брака. Въ послѣднюю разлуку (Клара осталась у родныхъ въ Ревелѣ, а Ивановъ, потерявъ службу, опредѣлился слесаремъ на Пороховые заводы въ Петербургѣ) до Иванова доходили слухи, что Клару прочатъ замужъ за пожилого, но состоятельнаго человѣка. На его три послѣднихъ письма Клара не отвѣтила. Теперь мы знаемъ, что это вышло случайно, и что Клара попрежнему его любила; но для Иванова было уже ясно, что его дѣла сложились безнадежно, и что отъ Клары надо совсѣмъ и навсегда отказаться. Онъ запилъ и сталъ пренебрегать своей работой. И тутъ-то ему встрѣтилась Настя, которую онъ „полюбилъ сразу и почему-то сильнѣе, чѣмъ Клару“. Такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось.

Замѣчательно, что ни съ Кларой, въ теченіе трехъ лѣтъ, ни съ Настей, въ теченіе недѣли, Ивановъ, не смотря на самыя интимныя свиданія, не вступилъ въ половую связь. Между тѣмъ у него была довольно постоянная связь съ извѣстной вамъ ключницей,—некрасивой, немолодой и болѣзненной,—и еще съ какой-то прачкой, также ни въ какомъ отношеніи не интересной. Значитъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина служила ему для удовлетворенія половой потребности, Ивановъ сближался съ нею весьма скоро и просто, не предъявляя особенныхъ требованій на красоту, не гоняясь за разнообразіемъ и не внося въ свои отношенія ничего болѣе, кромѣ обыкновенной доброты и нѣкотораго постоянства. Но какъ только женщина захватывала его глубже, какъ только въ немъ начинало говорить сердце—онъ стремился дѣлать изъ любви вопросъ цѣлой жизни,—онъ называлъ свою избранницу невѣстой, онъ съ величайшими усиліями обуздывалъ свою страсть, въ ожиданіи брака, и мечталъ о соединеніи своей судьбы съ судьбой любимой женщины. Любовь была для этого человѣка чѣмъ-то вели-

чайшимъ въ свѣтѣ. Она отогрѣвала и озаряла для него какимъ-то особеннымъ смысломъ жизнь, казавшуюся столь безотрадною и противорѣчивою для блуждающаго ума. Для многихъ людей нашего времени любовь является тѣмъ же самымъ. Французскій поэтъ Ришпенъ гдѣ-то сказалъ очень мѣтко: „Наши отцы любили, какъ кролики; мы любимъ, какъ змѣи. Наша любовь—это какая-то адская смѣсь острой водки и святой воды. Да, быть можетъ, „острой водки“, т. е. вожделѣнія, страсти, но за то и—„святой воды“, т. е. исканія какого-то идеала. Или, какъ, еще лучше, говоритъ нашъ Достоевскій: „Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай, какъ знаешь, и вылѣзай сухой изъ воды. Красота! Перенести я притомъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы“.

Послѣ этихъ, нелипенныхъ интереса, мыслей, намъ будетъ понятнѣе встрѣча Иванова съ Настасьей Назаренко. Увидѣвъ ее въ дилижансѣ въ первый разъ въ жизни, Ивановъ мгновенно полюбилъ ее и даже тутъ же сдѣлалъ предложеніе. Можно поэтому представить себѣ, какъ она поразила и захватила его всего—съ его сердцемъ, умомъ, воображеніемъ и его пылкою кровью. Скажутъ, пожалуй, что, увидавъ женщину всего одинъ разъ, можно развѣ только влюбиться въ нее, но нельзя полюбить. Но вся исторія поэзіи говоритъ намъ противное. Поэзія—достояніе всѣхъ людей, она не знаетъ аристократизма, и въ дѣлѣ Иванова, который самъ себя считаетъ по натурѣ поэтомъ, я могу назвать извѣстныя и ему имена въ литературѣ: Данте, Ромео, Фаустъ. Всѣ они имѣли глубочайшія привязанности, возгорѣвшіяся съ первой секунды встрѣчи. Есть лица женскія, въ которыхъ взоръ мужчины встрѣчаетъ для души мгновенный приговоръ. Все въ такой женщинѣ отвѣчаетъ на давнишніе запросы сердца. Всѣ ея внутреннія свойства невольно угадываются: ея глаза ручаются вамъ за ея умъ

и сердце, звукъ ея рѣчи откликается на ваши самыя благородныя чувства, и каждое ея движеніе подтверждаетъ угаданную вами высшую чистоту ея натуры. Точно такъ описываетъ свое первое впечатлѣніе и Ивановъ: „ея милая рѣчь, интонація чрезвычайно очаровали. Ея несчастіе возбудило мою жалость, и въ общемъ я нашелъ ее милою, прелестною дѣвушкою, которая можетъ составить мое счастье. Ночью видѣлъ ее во снѣ“.

Передъ этой встрѣчей Ивановъ, какъ мы знаемъ, уже впадалъ въ отчаяніе вслѣдствіе разрыва съ Кларой. Это глубокое, но необъяснимо-грустное и безнадежное чувство не исчезло въ Ивановѣ, но какъ-то волшебно совсѣмъ скрылось на время, сдѣлалось совершенно безплотнымъ и далекимъ, — при первомъ же взглядѣ на Настю. Здѣсь въ ней Ивановъ сразу нашелъ нѣчто совсѣмъ по себѣ, нѣчто такое, чего онъ не только совсѣмъ не боялся, но къ чему онъ шелъ навстрѣчу вполнѣ легко и довѣрчиво, полнымъ ходомъ, безъ оглядки, съ необъяснимымъ увлеченіемъ! И съ первой же минуты встрѣчи глубоко потрясенная душа Иванова не знала передышки. Онъ впалъ въ бредъ о блаженствѣ. Вся эта злосчастная недѣля, отъ начала до конца, была для Иванова истиннымъ пожаромъ сердца, и намъ необходимо прослѣдить ее день за днемъ.

На слѣдующій день Ивановъ побывалъ у свахи. Сваха дала о Настѣ неутѣшительную справку: у нея есть любовникъ, буфетчикъ, отъ котораго было уже дитя. Ослѣпленному Иванову это показалось клеветою. Настойчивость свахи, что это—правда, поколебала его, но ненадолго. Его слишкомъ влекло къ Настѣ. Онъ едва ли и предполагалъ ее дѣвственницей; онъ только радовался ея собственнымъ словамъ, что она „незанята“, т. е., что она теперь никого не любитъ, что она можетъ и, какъ ему казалось, должна полюбить его. Такъ прошелъ первый день послѣ встрѣчи. Ночь прошла въ грезахъ и въ ожиданіи новой встрѣчи. Утромъ онъ былъ уже у Насти.

Первый же разговоръ обдалъ Иванова радостью. Предложеніе было принято, и онъ почувствовалъ взаимность. Онъ началъ съ обожаніемъ цѣловать у Насти руки; она

старалась не допускать этихъ поцѣлуевъ, говоря, что она „того не достойна“. При этомъ она разсказала, что у нея было пятнадцать жениховъ, но она всѣмъ имъ отказывала. Одинъ изъ нихъ „обманомъ лишилъ ея чести“, но она все-таки не могла его любить, и за недѣлю до свадьбы отказала ему. Иванова мучило это прошедшее Насти, и онъ просилъ ее разсказать ему еще что нибудь по этому поводу, но замѣтивъ, что она конфузится и опускаетъ глаза— онъ прекратилъ разспросы. Ивановъ имѣлъ только одно ощущеніе, что любовь этой женщины окружила его; онъ добился отъ Насти слова „люблю!“

Здѣсь умѣстно будетъ обозначить недоразумѣніе, возникшее съ самого начала между этими двумя лицами: Ивановъ дѣйствительно „полюбилъ“ Настю, а Ивановъ Настѣ только „понравился“. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Наружность Иванова могла привлечь Настю; совѣтъ опытной хозяйки, что „лучше пристроиться, чѣмъ возиться съ женатымъ любовникомъ“, могъ ее подвинуть на скорую рѣшимость выйти замужъ. Дѣло это для нея представлялось весьма простымъ и подходящимъ. Она, по всей вѣроятности, искренно радовалась этому случаю. Но она, мнѣ кажется, и не подозрѣвала, какое чарующее и великое значеніе имѣло для Иванова ея простое, сердечное слово: „люблю!“ Въ этомъ отношеніи мужчины всегда платятся за свою самонадѣянность. Увы! это великое слово въ устахъ женщины вовсе не имѣетъ такого великаго значенія... Женщины далеко не такъ скоро привязываются, какъ это думается мужчинамъ. Это слово, сказанное Настей, — было, правда, вполнѣ искреннимъ, но оно еще не было особенно глубокимъ. А Ивановъ уже возмечталъ о полной „гармоніи душъ!“ И съ этой минуты лицо Насти, довѣрчиво открытое для его любви, стало для него единственнымъ источникомъ истины. Что бы о Настѣ вокругъ ни говорили, онъ ждалъ одного: того отвѣта, который онъ прочтетъ на ея лицѣ... Лицо любимой женщины—никогда не можетъ лгать. Оно не лжетъ даже тогда, когда оно говоритъ неправду, потому что, если женщина васъ любитъ, то она знаетъ, что еслибы то, что васъ смущаетъ, и было справедливо, то и

это бы не помѣшало вашему счастью и не имѣло бы для васъ значенія, такъ какъ теперь вы ею любимы, а потому: зачѣмъ вамъ знать истину?.. И въ этомъ случаѣ любящая женщина вполнѣ права... пока она васъ любитъ. Вотъ почему и на этотъ разъ допросъ Иванова о прошедшемъ Насти нисколько не поколебалъ его. Лицо Насти говорило ему, что онъ будетъ счастливъ, и этого ему было совершенно достаточно. Ея опущенные глаза вполнѣ убѣждали его въ томъ, что ему больше ровно ничего не нужно знать. Итакъ, любовь Иванова, начиная съ первой бесѣды съ Настей наединѣ, быстро пошла въ гору. Замѣтимъ, однако что это выраженіе любви на лицѣ Насти было, въ дѣйствительности, только легкой маской любви. Эта маска сама собою слилась бы впослѣдствіи съ живыми чертами Настинаго лица, превратилась бы въ правду; но покамѣсть—она едва-едва держалась и, при малѣйшемъ препятствіи къ дальнѣйшему развитію ея чувства, она могла такъ же легко свалиться съ этого милаго лица, какъ она легко пристала къ нему съ первой минуты объясненій. А для Иванова это уже была истина; это лицо уже глубоко врѣзалось въ его сердце и жгло его, и озаряло радостью... Уйдя отъ Насти, Ивановъ услыхалъ о ней въ трактирѣ неблагопріятные отзывы; товарищи, увидѣвъ ея карточку, говорили ему, что эта особа „не такъ хороша, какъ онъ о ней думаетъ“. Иванову это причинило боль, но не уничтожило его вѣры. Въ тотъ же вечеръ онъ еще разъ увидалъ Настю и условился быть у нея къ ночи. Новая, долгая бесѣда съ Настей до 2 часовъ ночи, еще дальше завлекла Иванова. Онъ „забывалъ все въ мірѣ“...

На четвертый день первая мысль: опять къ Настѣ. Она еще спала, но проснувшись, изъ-за дверей, одобрила его намѣреніе въ тотъ же день хлопотать о немедленной свадьбѣ, до поста. День прошелъ въ розыскахъ посаженой матери. Вечеромъ Настя не пустила его къ себѣ, говоря, что у нея сидитъ хозяйка. Въ немъ на минутку проснулось какое-то подозрѣніе, но поцѣлуй Насти все изгладилъ.

Пятый день — опять розыски крестной для устройства свадьбы. Новое свиданіе съ Настей и совмѣстная поѣздка

къ роднымъ Иванова, къ Настиной матери. Къ своей матери Настя, однако, входила одна и вынесла неутѣшительный отвѣтъ: мать была за отсрочку свадьбы до Пасхи. Благодаря настойчивости Иванова, только къ ночи удалось соединить всѣхъ родныхъ, и всѣ согласились на свадьбу, подъ условіемъ, чтобы самъ женихъ добылъ часть денегъ на расходы. Во время всѣхъ этихъ разъѣздовъ, переходовъ и въ особенности во время ночного путешествія изъ города на Пороховые, близость между женихомъ и невѣстой возростала. Обхвативъ рукою Настю на извозчикѣ, Ивановъ уже считалъ себя неразлучнымъ съ нею. Они пришли къ разсвѣту вдвоемъ въ Настину комнату. Они уже на „ты“. Настя при немъ раздѣвалась, и, откинувшись на подушку, позволила себя поцѣловать въ лицо, шею и грудь. Отъ близости любимой женщины Иванову становилось больно, но онъ совладалъ съ собою и ушелъ въ девятомъ часу утра. Это былъ самый счастливый день. Эти сутки были „апогеемъ любви“. Шестой день Ивановъ до половины проспалъ. Придя къ Настѣ, онъ засталъ ее въ постели. Здѣсь впервые невѣста заговорила объ отсрочкѣ свадьбы. Женихъ, убѣжденный въ прочности своего счастья, готовъ былъ уступить. Но вотъ Настя на минуту вышла изъ комнаты, и ея маленькій братъ, открывъ шкафъ, вынулъ оттуда двѣ сороковки и полуштофъ, уже порожніе.—Кто это покупалъ и пилъ водку?—Степа отвѣтилъ, что покупаетъ „Настинъ женихъ, а пустыя бутылки надо отнести, чтобы получить за нихъ деньги“. Ивановъ по этому поводу пишетъ: „Какъ черная туча, грусть навалилась на душу: неужели это правда?!!“—Но вошла Настя веселая—и разспросы не поднимались съ языка. Однако, Иванова взяло серьезное раздумье. Онъ примолкъ, сталъ похаживаться по комнатѣ и все-таки, не изливъ своихъ сомнѣній, ласково простился съ Настей. Влюбленное сердце боится допытываться, боится нарушить ясную благосклонность дорогого лица, слишкомъ свято для такого сердца выраженіе счастья на этомъ лицѣ! Настя отпустила Иванова со словами: „прощай, дорогой“. Онъ пошелъ на вечеринку; пробовалъ танцовать, но, не окончивъ танца, ушелъ въ смежную комнату и расплакался.

Свиданіе седьмого дня вначалѣ было натянуто. Настя избѣгала его взоровъ. Заговорила о томъ, что ей совѣтуютъ не выходить за него, потому что онъ картежникъ и большой пьяница. Ивановъ напомнилъ, что онъ ей объявилъ о всѣхъ своихъ недостаткахъ въ первой же бесѣдѣ; онъ указалъ ей, что и она просила его не вѣрить разнымъ слухамъ о ней. Тогда Настя повторила, что она любитъ его, и что слухи для нея ничего не значатъ. Опять было все забыто! Опять родное сердце ему принадлежитъ! На прощанье Настя дала ему поцѣлуй.

Отъ нея Ивановъ, вполнѣ убѣжденный, что будетъ ея мужемъ, отправился на свадьбу Чигорина. Вечеръ, ночь и утро слѣдующаго дня Ивановъ провелъ на свадьбѣ. За хлопотами, такъ какъ онъ былъ распорядителемъ, время прошло ни скучно, ни весело. Но разоблаченія насчетъ Насти сыпались со всѣхъ сторонъ. Самая честная изъ заводскихъ дѣвушекъ, Катя, подтвердила связь Насти съ буфетчикомъ и прижитіе отъ него ребенка; еще одна кумушка увѣряла Иванова, что и послѣ знакомства съ нимъ къ Настѣ ходилъ буфетчикъ и даже, вѣроятно, былъ у нея въ эту ночь, такъ какъ утромъ видѣли какого-то мужчину, выходящаго изъ ея дома. Ивановъ и страдалъ, и не вѣрилъ... Вѣдь толки въ этомъ родѣ преслѣдовали его съ самаго начала, а онъ, не смотря на нихъ, былъ такъ счастливъ съ Настей! Вотъ только докончитъ онъ свои обязанности распорядителя, пойдетъ къ Настѣ, увидитъ ее и все разсѣется.

И, наконецъ, онъ направился къ знакомому мезонину.

По многимъ причинамъ, я нахожу совершенно несообразнымъ заключеніе, будто Ивановъ шелъ къ Настѣ въ намѣреніи учинить съ ней расправу и едва ли уже и не съ мыслью убить ее. Ничего подобнаго не было. Прежде всего я вспоминаю вполнѣ искреннія и вѣрныя слова Иванова: „во всемъ и всегда—не въ одномъ этомъ преступленіи—дѣйствовалъ подъ первымъ впечатлѣніемъ. Много страдалъ отъ горячности. Рѣдко удавалось исправлять ошибки свои, но всегда сознавалъ ихъ“. Да не таково было и душевное настроеніе Иванова, чтобъ, направляясь

къ Настѣ, онъ бы уже готовился къ роли мстителя. Слишкомъ для этого у него болѣло сердце. Подозрѣнія противъ Насти не были для него новостью, и, однако же, онъ каждый разъ излѣчивался отъ нихъ, при одномъ взглядѣ на Настю, при одномъ ея словѣ. Теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, онъ нуждался въ этомъ взглядѣ и въ этомъ словѣ. Если онъ шелъ мрачнымъ, такъ потому, что на душѣ было трудно. Онъ вѣрилъ, что его страдающее, недовольное лицо вызоветъ ея жалость и ласковость. Онъ былъ угрюмъ, онъ могъ разсчитывать на рѣзкое объясненіе, на ссору, но только — на ссору возлюбленныхъ, которая впослѣдствіи еще больше сближаетъ. Онъ жаждалъ ея искренности,—ея, еще не отнятой у него, любви, которая его со всѣмъ примиряла.

Но для того, чтобы понять то, что его ожидало у Насти, вспомнимъ, что уже дня за три передъ тѣмъ, Настя, какъ говорится, „начала играть назадъ“. Ослѣпленный Ивановъ могъ испытывать только самыя туманныя и скоропроходящія предчувствія; онъ постоянно возвращался къ надеждѣ, онъ слишкомъ сильно любилъ, чтобъ вѣрить своему горю. Но намъ-то теперь ясно видно, что въ дѣйствительности, Настя отъ него ускользала. Не такова она была въ первые три дня, какъ въ три послѣдніе: тутъ она заговорила и объ отсрочкѣ свадьбы, и о недостаткахъ жениха, о которыхъ знала съ самаго начала, не придавая имъ прежде никакого значенія. Это уже было не то!.. Но почему? Намъ думается потому, что Настя своимъ здоровымъ инстинктомъ вполнѣ обыкновенной и непритязательной женщины успѣла почувствовать, что эта выспренняя, приподнятая любовь къ ней ея жениха приходится ей какъ-то не по мѣркѣ и не сулитъ ей ни добра, ни спокойствія въ будущемъ. Она думала найти болѣе простое счастье. Она бы и полюбила Иванова, и простила ему заурядные недостатки чернорабочаго и сумѣла бы съ нимъ терпѣть нужду, и была бы рада случаю „пристроиться“. Но она угадывала, что Ивановъ—„не ея поля ягода“, что онъ ей не товарищъ, что ему и мерещится-то въ ней совсѣмъ не то, что въ ней есть. И она сообразила, что надо будетъ разойтись; она разсчитывала, что до Пасхи

понемногу дѣло само собою разстроится, и что ей, въ концѣ концовъ, лучше будетъ остаться покамѣстъ „при буфетчикѣ“. Ей предстояли поэтому большія неловкости, и она должна была поневолѣ взять на себя двойственную роль. Ей надо было не упускать буфетчика и невозможно было, послѣ такого поощренія, сразу порвать съ женихомъ, въ которомъ—она это видѣла—чувство къ ней было слишкомъ сильное, еще не обѣщавшее идти на убыль. Ей надо было самой убавлять это чувство, но дѣлать это надо было съ большой осторожностью. Она не разсчитала своихъ силъ... Выраженіе любви, которое такъ легко ложилось на ея черты, когда ей помогало сердце, стало плоше и плоше удерживаться на ея лицѣ: маска начала отклеиваться... Вотъ къ какой женщинѣ направлялся Ивановъ со своимъ переполненнымъ горечью сердцемъ, вотъ къ кому онъ входилъ съ надеждой на душевное исцѣленіе, какъ входятъ вѣрующіе во храмъ со своимъ горемъ.

Войдя, Ивановъ, къ своей досадѣ, засталъ Настю не одну. Надо было съ ней сейчасъ же поговорить, а тутъ были посторонніе. Въ гостяхъ у нея были двѣ или три женщины, возвратившіяся со свадьбы, и она слушала ихъ болтовню. Она подала ему руку, „не глядя на него“. Это, конечно, увеличило его досаду, тревогу, нетерпѣніе остаться наединѣ. Онъ попросилъ воды. Настя съ „холодной миной“ подала ему стаканъ. И это снова укололо его. Онъ примолкъ и, кипя отъ гнѣва, усѣлся съ маленькимъ Степой, чтобы дать понять присутствующимъ, что онъ пришелъ не къ нимъ и не намѣренъ слушать ихъ пьяныя рѣчи. Но и это не подѣйствовало. Подвыпившія бабы начали плясать съ „животной“ улыбкой; а Настя, глядя на нихъ, отъ души хохотала. Ивановъ еще разъ отпилъ воды... Его раздражали, его прямо раздражали, т. е. отпускали ему большими дозами то самое „раздраженіе“, о которомъ, рядомъ съ „запальчивостью“, говоритъ законъ. Освирѣпѣвши, Ивановъ уставился пристальнымъ взглядомъ на Настю. Она сначала не обращала на него вниманія, но, наконецъ, замѣтила этотъ взглядъ, и „должно быть“, говоритъ Ивановъ, „тотъ взглядъ былъ нехорошій“, потому что и хохотъ, и пляска прекратились. До

этой минуты рѣшительное объясненіе съ Настей только мучительно откладывалось для Иванова, впрочемъ, уже съ дурнымъ предвѣщаніемъ равнодушія и холодности со стороны невѣсты. Но и тутъ еще дѣло могло быть поправимо. Иванову, хотя и въ послѣдней степени раздраженія, но все еще мерещилась его прежняя Настя, любимая, хотя и въ нѣсколько непривычномъ для него освѣщеніи. Но вслѣдъ за прекращеніемъ пляски, бабы завели развратные разговоры о получаемыхъ ими отъ мужей удовольствіяхъ, и Настя—чистая Настя—одобряла ихъ своимъ идіотскимъ хохотомъ! „Повидимому, ничто не ново для нея“, думалъ изумленный Ивановъ. Да, къ своему ужасу, онъ это читалъ своими горящими глазами во всей ея фигурѣ, во всѣхъ чертахъ ея лица... Вотъ когда маска свалилась! Настѣ больше не было надобности выдавать себя скромницей и любящей женщиной... Бабы даже намекнули, что и Настя въ эту самую ночь получила „удовольствіе“, и она только слабо возражала или засмѣялась—ничего болѣе! Тогда, наконецъ, охрипшимъ голосомъ Ивановъ попросилъ Настю остаться съ нимъ наединѣ. И она только нашлась отвѣтить: „кажется, у насъ нѣтъ секретовъ“... Дѣйствительно, развѣ онъ самъ всего не видѣлъ? Онъ такъ мучительно жаждалъ и ожидалъ рѣшительнаго объясненія, а невѣста не видитъ въ томъ даже никакой надобности!

Тогда онъ съ крикомъ потребовалъ, чтобы Настя осталась съ нимъ для объясненія. Бабы струсили и вышли... Настя присѣла на стулъ. Начался допросъ. Ивановъ излилъ все, что у него накипѣло... Но на всѣ его обвиненія, высказанныя прерывающимся отъ гнѣва и ревности голосомъ, Настя только молчала и какъ-то гадко улыбалась... Нестерпимо больно становилось Иванову! Вѣдь онъ любилъ Настю, любилъ даже и въ эту минуту! Вѣдь этотъ ни съ чѣмъ несравнимый образъ, вѣдь это невыразимо-дорогое существо врѣзались въ его мозгъ и сердце. Онъ горѣлъ и жилъ Настею, какъ въ бреду, всю недѣлю: Настя къ нему уже приросла, ея жизнь билась въ его крови, хотя между ними и не было связи. Отдирать ее отъ себя значило то же, что рѣзать самого себя! Вѣдь это одно изъ тѣхъ мученій, которымъ мало равныхъ на свѣтѣ! Онъ и

ревнуетъ, и негодуетъ, и видитъ, что его чистая Настя уже погибла, и онъ оскорбляетъ эту другую—сидящую передъ нимъ,—но все еще онъ будто за что-то цѣпляется, ждетъ, безумно надѣется, что она попроситъ пощады, что она какимъ-то чудомъ не ускользнетъ отъ него. Вѣдь такъ недавно... еще вчера... она его любила! Но вотъ Настя встала со стула, вышла на середину комнаты, и въ театральной позѣ, съ поднятыми руками, сказала: „Боже мой, если я такая худая и мать моя, то что вы хотите? Уходите тогда, оставьте меня въ покоѣ“... Этотъ поворотъ объясненія былъ самымъ ужаснымъ: отъ этихъ именно словъ Насти дѣло такъ страшно быстро пошло къ концу.—„Какъ! тебѣ это такъ легко!? Вѣдь ты меня любила“...—„Нѣтъ, вы мнѣ только нравились.—„Ты меня не цѣловала“?—„Нѣтъ!“ Онъ „заскрипѣлъ зубами“. Можно сказать, что только въ эти секунды дикій звѣрь сталъ просыпаться въ этомъ замученномъ до послѣдней возможности человѣкѣ, съ его огненною кровью, съ его буйнымъ характеромъ и, въ то же время, съ его высоко-нравственными требованіями отъ женщины... Тогда-то совершенно внезапно насталъ конецъ. Тогда на искаженномъ лицѣ Иванова Настя вдругъ прочитала свою гибель. Она съ ужасомъ закричала: „уходите“! Ивановъ спросилъ въ послѣдній разъ: „Ты меня гонишь“?! (ножъ былъ уже у него въ рукѣ: вотъ только когда этотъ ножъ, какъ змій, проскользнулъ въ его руку). — Да, убирайтесь вонъ!—„Умри же несчастная“!...

Настя прожила всего нѣсколько минутъ послѣ нанесеннаго ей удара въ сердце. Мнѣ, кажется, нечего, разъяснять вопроса о ножѣ. Доказано, что ножъ не былъ „принасенъ“ Ивановымъ, что онъ издавна и постоянно былъ у него въ карманѣ. Это орудіе только облегчило убійство, только помогло несчастью. Но это несчастіе, вѣроятно, наступило бы и при отсутствіи ножа. Ивановъ могъ убить Настю кулакомъ, задушить ее руками. Ясно только одно: что онъ сдѣлалъ это убійство неожиданно для себя, въ „запальчивости и раздраженіи“, въ роковую минуту жизни, рѣшившую его судьбу и судьбу несчастной женщины.

Прослѣживая развитіе послѣдней сцены, минута за минутой, какъ мы это сдѣлали, приходится еще разъ убѣдиться, какъ трудно бываетъ однимъ какимъ нибудь словомъ опредѣлить мотивъ убійства, совершеннаго подъ вліяніемъ страсти, и притомъ именно въ запальчивости и раздраженіи. Такія опредѣленія, какъ „изъ ревности“, „по злобѣ“, „изъ мести“, „чтобы не принадлежала другому“ и т. д.—всѣ они не исчерпываютъ вопроса. Человѣкъ слишкомъ сложенъ, чтобы поступать въ эти нечеловѣческія и неожиданныя для него минуты по такимъ простымъ рецептамъ. Вотъ и здѣсь: раздробляя на части настроеніе Иванова, вы, пожалуй, найдете отдѣльные признаки всѣхъ этихъ мотивовъ. Была у Иванова и страшная ревность, благодаря возраставшему убѣжденію въ томъ, что Настя измѣняетъ ему съ прежнимъ любовникомъ; былъ и сильный гнѣвъ на нее за то, что она раздражала его черствостью и невниманіемъ послѣ такой задушевной любовной нѣжности; была и горечь глубокой обиды за обманъ, за осмѣяніе его чувствъ, за недостойную игру съ его возвышенною привязанностью. Но всѣ эти побужденія нельзя соединить въ одну какую нибудь понятную цѣль. Или, скажутъ намъ, что это убійство было сдѣлано для того, чтобы Настя никому другому не принадлежала? Не думаю: Ивановъ, убѣдившись въ безнравственности Насти, едва ли бы сталъ впослѣдствіи завидовать ея новому обладателю. Да и что же онъ выигралъ. Что готовилъ и оставлялъ себѣ въ жизни. Вѣдь онъ и себя губилъ преступленіемъ... Онъ самъ бросался въ пропасть. Видно, ужъ очень великая, непреодолимая сила его туда толкнула! Не судите же его по мѣркѣ вашихъ чувствъ, не требуйте отъ него вашей разсудительности, вспомните, что онъ родился отъ матери, зарѣзавшей его брата. Да и вообще вѣдайте, что не одинаково бьется и чувствуетъ сердце людское: въ каждомъ есть свои счастливыя и несчастныя особенности.

Выражаясь самымъ широкимъ образомъ, можно только признать, что Ивановъ совершилъ свое преступленіе подъ вліяніемъ страсти, подъ властью любви, воспаленный счастьемъ, которымъ его одарила любимая имъ женщина, которое проникло во все его существо до мозга костей и

которое затѣмъ было почти мгновенно исторгнуто изъ его сердца съ нестерпимою для него болью словами Насти „уходите вонъ“! Можно сказать безъ особаго преувеличенія, что этими словами, означавшими неожиданный и полный разрывъ, Настя вонзила острый ножъ въ сердце Иванова ранѣе, чѣмъ онъ вонзилъ въ ея сердце свой ножъ. Только никто не видѣлъ раны Иванова, ее нельзя измѣрить дюймами, и никто не можетъ судить о ея болѣзненности. И онъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, самъ защищался отъ ужасающей боли, а намъ кажется, что онъ нападалъ первый.

Когда смертельно раненая Настя выбѣжала изъ комнаты, Ивановъ—уже убійца—съ видимымъ спокойствіемъ сѣлъ за столъ. Но въ дѣйствительности онъ находился въ оцѣпенѣніи. Зажатая рука долго держала ножъ. Наконецъ, Ивановъ его отбросилъ. И тотчасъ же холодная мысль явилась ему отчетливо доложить, что вотъ и теперь, по своему обыкновенію, онъ сдѣлалъ совершенно ненужную „подлость“. Онъ съ тупою покорностью выслушивалъ эти свои безотрадныя мысли. Онъ къ нимъ привыкъ. Онъ только зналъ, что гаже и ужаснѣе того, что теперь случилось, онъ никогда еще не дѣлалъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ, ему сказали, что Настя умерла, онъ пожелалъ проститься съ ней, поцѣловалъ ее и заплакалъ со словами: „Какъ я тебя любилъ“! Это было не болѣе, какъ невольное размягченіе нервовъ,—реакція послѣ напряженія; это былъ послѣдній обрывокъ того любовнаго бреда, изъ котораго онъ не выходилъ столько дней. Прорѣзанное сердце Насти, еще нѣсколько минутъ тому назадъ, казалось, билось одною жизнью съ его собственнымъ сердцемъ. Въ слезахъ своихъ Ивановъ вылилъ изъ души навсегда послѣднія трепетанія своего обманчиваго и обманутаго чувства къ Настѣ. Теперь онъ болѣе не жалѣетъ ея. Онъ въ этомъ случаѣ точь-въ-точь напоминетъ толстовскаго Позднышева изъ „Крейцеровой сонаты“. Ни къ себѣ, ни къ убитой онъ не испытываетъ особенной жалости. Себя онъ судилъ очень строго, и не думайте, чтобы это было лицемѣріе. Напротивъ, онъ вовсе не либералъ, и

наказаніе, по его понятіямъ, дѣло неизбѣжное. И онъ не столько занятъ собой и своей жертвой, сколько мучается надъ вопросомъ: „изъ-за чего и почему все это такъ безотрадно нелѣпо складывается въ его жизни“? Изъ-за чего, напримѣръ, вотъ онъ теперь погибъ?...

Конечно, онъ погибъ—изъ-за любовной страсти, изъ-за того чувства, которое теперь такъ часто и громко заявляетъ о себѣ въ процессахъ, и надъ которымъ такъ мучительно думалъ Толстой, когда писалъ свою „Крейцерову сонату“. Къ чему же пришелъ знаменитый писатель? Онъ нашелъ, что единственное средство избѣгнуть бѣдствій и преступленій отъ любви—это совершенно и навсегда отказаться мужчинамъ отъ женщинъ. Легко ли сказать? Единственное возможное средство, и то—невозможное. Значитъ, дѣло не такъ просто. Многіе благородные мыслители предлагаютъ теперь заняться очищеніемъ нравовъ посредствомъ цѣломудреннаго воспитанія. Но Ивановъ созрѣлъ ранѣе этихъ благихъ начинаній; къ тому же онъ имѣетъ болѣзненно-пылкую кровь. Да еще и неизвѣстно, на сколько поможетъ горю проповѣдь борьбы со страстями. Не глубже ли сказалъ Пушкинъ: „и всюду страсти роковыя, и отъ судебъ защиты нѣтъ“! Впрочемъ, говорятъ, есть защита: наказаніе... Попробуйте его. Возьмите въ свою власть мудреную личность Иванова и на всѣ его недоумѣнія надъ противорѣчіями жизни, на всѣ тревоги его буйнаго, но хорошаго сердца—отвѣтьте обвинительнымъ приговоромъ. И когда это дѣло будетъ для васъ уже вполнѣ ясно, тогда, чтобы воздержаться отъ излишней строгости, вспомните только письмо Клары, полученное Ивановымъ уже въ тюрьмѣ: „Не понимаю, какимъ образомъ такой добрый человѣкъ, какъ ты, могъ совершить такое страшное преступленіе“.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено два вопроса: первый — по обвиненію Иванова въ умышленномъ убійствѣ, и второй — въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи. Присяжные, отвергнувъ первое обвиненіе, признали Иванова виновнымъ по второму, добавивъ: «но, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія». Судъ приговорилъ Иванова къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ*).

---

*) Любопытно сравнить этотъ приговоръ коронаго суда съ таковымъ же по дѣлу Августовскаго, обвиненнаго присяжными засѣдателями въ совершенно однородномъ по закону преступленіи.

Дѣло Богачева.

Дѣло Богачева.

Покушеніе на убійство жены.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: 10-го апрѣля 1892 г. во дворѣ дома № 8, по Владимірской ул., дѣйств. студентъ А. П. Богачевъ нанесъ ножемъ пять ранъ женѣ своей Л. А. Богачевой.

Задержанный на мѣстѣ совершенія преступленія Богачевъ призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на убійство жены своей и затѣмъ объяснилъ на допросѣ у слѣдователя, что 27-го іюля 1890 г. онъ женился на дѣвицѣ Л. А. Глѣбъ-Кошанской, съ которой незадолго передъ тѣмъ познакомился. Бракъ этотъ былъ несчастливъ; между супругами установились такія непріязненныя отношенія, что уже въ половинѣ октября, они разошлись, причемъ Л. А. Богачева поселилась у матери своей П. Глѣбъ-Кошанской. Причины, побудившія ихъ разстаться, супруги Богачевы объяснили различно. По словамъ мужа, разладъ произошелъ вслѣдствіе дурного вліянія на жену ея матери, г-жи Глѣбъ-Кошанской, а также вслѣдствіе стремленія жены поступить на сцену и освободиться отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ нему и его дому. По объясненію же Л. Богачевой и ея матери, причиною разлада было жестокое обращеніе мужа, безпричинная ревность, постоянныя угрозы убить ее и даже покушеніе на убійство. Дурное обращеніе мужа началось черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, когда молодая женщина, по совѣту лѣчившей ее женщины-врача Познанской-Гарфельдъ, не допустила его къ близкимъ отношеніямъ. Постоянныя угрозы мужа довели ее до того, что осенью 1890 г. она отравлялась опіумомъ, но была спасена усиліями врача. Въ октябрѣ 1890 г. она забеременѣла и отъ мужа ушла къ своей матери, жившей въ то время въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько времени съ нею переѣхала въ Москву, гдѣ и родила сына. За мѣсяцъ до родовъ, Богачевъ пріѣзжалъ къ ней въ Москву, и тогда въ чемоданѣ у него она случайно нашла заряженный револьверъ и флаконъ съ синильной кислотой. Во время сожительства съ нею Богачевъ часто грозилъ убить ее, говоря, что за это убійство ему придется провести мѣсяцевъ шесть въ Соловецкомъ монастырѣ.

Женщина-врачъ Познанская-Гарфельдъ подтвердила слова Богачевой о ея болѣзни послѣ свадьбы и послѣдствіяхъ этой болѣзни.

Докторъ М. А. Гольденблюмъ удостовѣрилъ, что осенью 1890 г. онъ, будучи призванъ къ Л. А. Богачевой, нашелъ, что она отравлена опіумомъ, и всю ночь трудился надъ приведеніемъ ея въ чувство и спасеніемъ ея жизни.

Изъ показаній Глѣбъ-Кошанской видно, что Богачевъ постоянно угрожалъ женѣ своей лишить ее жизни и даже два раза покушался убить ее: разъ замахнувшись тяжелой мраморной доской, другой — бросивъ ей въ голову мѣдный чайникъ. Кромѣ того, въ пріобщенныхъ къ дѣлу запискахъ самого Богачева, подъ названіемъ «Страница моей жизни», встрѣчаются слѣдующія фразы: «отъ злобы и ненависти къ ней (Л. Богачевой) у меня кипѣла душа, рука невольно дотрогивалась до рукоятки револьвера, лежавшаго въ карманѣ моихъ фрачныхъ брюкъ. Минута, и всему конецъ. Но, нѣтъ, провидѣніе помѣшало — въ комнату вошли два чиновника».

Родивъ ребенка, Л. А. Богачева жила съ матерью въ Москвѣ, потомъ онѣ переѣхали въ Бѣлостокъ, откуда П. Глѣбъ-Кошанская 17-го марта пріѣхала въ Петербургъ хлопотать о пенсіи и поселилась на Владимірской, въ домѣ № 8, въ меблированныхъ комнатахъ Павловича. Въ первыхъ числахъ апрѣля пріѣхала въ Петербургъ Л. А. Богачева и остановилась въ гостиницѣ «Рига», куда къ ней переселилась ея мать, оставивъ нѣкоторыя вещи у Павловича. Въ первыхъ же числахъ апрѣля А. Богачевъ явился сначала въ дворницкую дома, гдѣ занимала квартиру Павловичъ, а затѣмъ въ ея комнаты, и выдавая себя за начальника сыскной полиціи, разспрашивалъ дворника Самоварова о Павловичѣ, о жильцахъ послѣдней и, въ особенности, о П. Глѣбъ-Кошанской и ея дочери.

10-го апрѣля Л. А. Богачева пріѣхала къ Павловичъ за вещами своей матери, а вскорѣ послѣ нея пришелъ туда же А. Богачевъ. Узнавъ отъ Павловичъ, что Богачевъ тотъ самый человѣкъ, который выдавалъ себя за начальника сыскной полиціи, одинъ изъ жильцовъ Павловичъ, П. Величкинъ, служащій писцомъ въ департаментѣ полиціи, началъ громко и рѣзко упрекать Богачева за присвоеніе себѣ званія начальника сыскной полиціи и грозилъ послать за дворникомъ. До столкновенія съ Величкинымъ Богачевъ не успѣлъ обмѣняться словомъ съ женою своею; она же обратилась къ нему со словами: «Уходите отсюда, васъ здѣсь оскорбляютъ», и первая вышла изъ комнаты, вслѣдъ за нею вышелъ и Богачевъ. Войдя во дворъ, Л. Богачева хотѣла сѣсть на извозчика, а когда мужъ ея выразилъ желаніе ѣхать съ нею, то она ему въ этомъ отказала, боясь, что онъ убьетъ ее. Послѣ этого Богачевъ вынулъ изъ кармана ножъ, повалилъ жену свою на землю и нанесъ ей нѣсколько ударовъ, что видѣли бывшіе на дворѣ и у оконъ свидѣтели.

По показанію Л. Богачевой, она, видя, что мужъ намѣревается перерѣзать ей горло, нагнула голову, а ножъ ударилъ ее по затылку, затѣмъ, когда А. Богачевъ, сваливъ ее на землю, старался ощупать ея сердце и ударить въ него ножемъ, она успѣла схватиться за ножъ, и этимъ измѣнила направленіе удара, такъ что ножъ попалъ ей въ лѣвую грудную железу.

Что, дѣйствительно, Богачевъ старался ударить жену свою ножемъ и, именно, въ грудь, установлено свидѣтелемъ Барашковымъ. Когда на крикъ Богачевой сбѣжались люди, и А. Богачевъ былъ задержанъ дворникомъ дома, онъ сказалъ послѣднему: «тебѣ какое дѣло, это — моя жена. Веди меня къ приставу». По порученію дворника, Богачевъ былъ отведенъ подручнымъ дворника Самоваровымъ въ участокъ и дорогою сказалъ ему: «я зарѣзалъ свою жену».

Л. Богачева была отправлена въ Маріинскую больницу, гдѣ находилась на излеченіи до 10-го іюня. 10-го мая было произведено медицинское освидѣтельствованіе состоянія здоровья Л. Богачевой, причемъ врачъ Юльскій нашелъ, что нанесенныя ей ножемъ раны въ голову, правое плечо, правую руку, локоть, мизинецъ правой руки и лѣвую грудную железу не представляютъ въ данную минуту опасности для жизни и не повлекутъ за собою страданій, а потому должны быть отнесены къ разряду легкихъ.

А. Богачевъ, признавая себя виновнымъ въ покушеніи на умышленное убійство жены своей, говорилъ, что поступокъ этотъ былъ вызванъ раздраженіемъ, въ которомъ онъ находился, вслѣдствіе столкновенія съ Величкинымъ и вслѣдствіе того, что онъ, вообще, былъ возстановленъ противъ своей жены ея прежней жизнью, которая его возмущала. Затѣмъ Богачевъ отказался отъ этого сознанія и заявилъ, что имѣлъ намѣреніе нанести женѣ своей раны, сознался же въ покушеніи на убійство, будучи разстроенъ и не сознавая, что онъ говоритъ.

По дѣлу вызывается 32 человѣка свидѣтелей, изъ нихъ четверо не явилось. Потерпѣвшая Л. Богачева отказалась давать показанія и, громко рыдая, нѣсколько разъ повторяла: «простите его, простите его!»

Подсудимый Богачевъ не призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на убійство жены своей, и судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей, большая часть которыхъ была допрошена при закрытыхъ дверяхъ.

Прежде всего я просилъ бы васъ гг. присяжные засѣдатели, вмѣстѣ со мною, провѣрить тѣ отдаленные факты, которые предшествовали этой печальной исторіи. Вѣдь въ различной оцѣнкѣ этихъ предшествовавшихъ явленій и заключается все разномысліе между сторонами.

Хотя мы разбираемъ дѣло супружеское, а судить мужа съ женою, вообще, считается труднымъ, но здѣсь мы имѣемъ нѣкоторое облегченіе въ томъ, что сожительство между супругами продолжалось всего четыре мѣсяца. За такой промежутокъ времени они могли смѣшаться только механически, но не успѣли еще слиться духовно, и потому ихъ взаимные счеты можно разбирать почти такъ же свободно,

какъ прекаанія постороннихъ людей. Слѣдовательно, мы можемъ углубиться въ изученіе дѣла не безъ надежды на то, что поймемъ, хотя приблизительно, какимъ образомъ сложились отношенія между супругами передъ кровопролитнымъ скандаломъ на Владимірской улицѣ.

Но чего держаться въ этомъ изслѣдованіи? Какой сторонѣ вѣрить?

Не скрою, что вчера я началъ тревожиться за участь подсудимаго, когда мнѣ подумалось, что вы довѣряете показаніямъ матери потерпѣвшей. Ваши вопросы какъ будто клонились къ тому, чтобы поддержать свидѣтельницу и сгладить нѣкоторыя шероховатости въ ея объясненіяхъ. Но вскорѣ ложь въ этомъ показаніи начала съ такою силою выбиваться наружу, что ничего нельзя было подѣлать. Помните ли? Послѣ цѣлаго ряда разоблаченій, вы сами перестали ожидать правды отъ этой свидѣтельницы и уже не обращались къ ней за разъясненіями.

Показаніе самой потерпѣвшей? Но мы лишены его. Она воспользовалась правомъ молчанія, и мы только слышали крикъ ея сердца или, быть можетъ, только крикъ ея разстроенныхъ нервовъ: „простите его!“ Мы глубоко благодарны за эти два слова, мы не забудемъ ихъ, но въ то же время думаемъ, что, вѣроятно, и есть за что простить его... Однако же, намъ было бы легче, если бы жена явилась открыто высказать все, что она знаетъ о мужѣ. Тогда бы намъ, по крайней мѣрѣ, удалось возстановить кое-что изъ ея прежнихъ показаній, въ которыхъ мы находимъ косвенное подтвержденіе словъ подсудимаго. Но этого источника теперь у насъ нѣтъ!

Что же остается? Что выбрать?

Мнѣ думается, что разсказъ подсудимаго даетъ намъ такой цѣльный и послѣдовательный матеріалъ, что его скорѣе всего можно принять въ руководство для объясненія дѣла. Если вычесть нѣкоторыя преувеличенія его мнительной фантазіи, то нужно будетъ сознаться, что основная нота страданія, проходящая чрезъ всѣ его объясненія, ближе всего соотвѣтствуетъ правдѣ.

Итакъ, начнемъ прямо съ брака. Чего ожидали отъ

этого союза: съ одной стороны, женихъ, а съ другой — невѣста?

Женихъ, Богачевъ, прошелъ передъ тѣмъ тяжелую жизнь человѣка, осиротѣвшаго въ дѣтствѣ, небогатаго и кормившагося своими трудами съ половины университетскаго курса. Къ двадцати семи годамъ онъ добился прочнаго положенія, занявъ мѣсто секретаря въ редакціи „Новаго Времени“, доставлявшее ему до двухъ тысячъ рублей въ годъ. Когда такой человѣкъ собирается жениться на бѣдной дѣвушкѣ, то онъ, очевидно, добивается настоящаго семейнаго счастія. Онъ отдаетъ избранной имъ подругѣ всю свою жизнь, вполнѣ уравновѣшанную и завоеванную долгою борьбою. Онъ женится, не иначе какъ по влеченію сердца, по любви.

Теперь, чего же искала невѣста? Луиза Глѣбъ-Кошанская не любила Богачева. Она уже не была дѣвушкой. У нея было приключеніе съ однимъ господиномъ, сосланнымъ въ настоящее время въ Сибирь. Мы знаемъ, что ея бывшій покровитель намѣтилъ для нея театральную карьеру, легко доставляющую тѣхъ новыхъ поклонниковъ, которые должны были его замѣнить. И это пришлось Кошанской по вкусу, какъ потому, что она воображала въ себѣ талантъ, такъ и потому, что любила нравиться. А откуда же легче блистать, какъ не со сцены? Но въ послѣднее время она жила въ большой бѣдности. И вотъ, помимо главнаго, помимо патента на званіе порядочной женщины, послѣ паденія, Кошанская пріобрѣтала съ мужемъ: 1) его деньги для театральныхъ костюмовъ, и 2) его знакомство въ печати для разглашенія ея имени. Правда, женихъ и не подозрѣвалъ, что его берутъ только для этихъ цѣлей, и невѣста нѣкоторымъ образомъ рисковала, что Богачевъ всему этому воспротивится, но онъ казался ей такимъ маленькимъ, тщедушнымъ и влюбленнымъ, что она заранѣе предвидѣла побѣду. Она могла совершенно спокойно разсуждать: „я его не люблю, но онъ мнѣ выгоденъ; будетъ онъ слишкомъ вязнуть ко мнѣ — брошу его; но на первое время онъ во всякомъ случаѣ мнѣ пригодится, да и впослѣдствіи я все-таки буду имѣть званіе дамы...“ Ея лозунгомъ было: „не

хочу быть вѣрной супругой, хочу быть вольной актрисой!“.

Говорю все это такъ увѣренно, потому что вся эта программа была цѣликомъ выполнена. Но вѣдь все это довольно гадко, чтобы не сказать — ужасно... Что же, эта женщина—*прирожденное чудовище что ли? Или общественная* мораль на столько упала, что все это считается обыденнымъ? Я думаю, что Богачева — скорѣе поверхностная и пустая женщина, и что не она одна виновата въ томъ, что сдѣлалась такою. Во-первыхъ, здѣсь уже побывалъ легкомысленный мужчина, который оставилъ слѣды своего обученія; во-вторыхъ—а можетъ быть это и есть во-первыхъ—виновна мать.

Мы не знаемъ, сама ли мадамъ Кошанская разошлась съ мужемъ, или онъ ее бросилъ, но мы видимъ, что за послѣдніе годы она жила на средства своихъ незамужнихъ дочерей, которыя никакихъ опредѣленныхъ занятій не имѣли. Дѣло извѣстное, что когда незамужнія дочери сидятъ на шеѣ у матери, то она мечтаетъ выдать ихъ замужъ и не бываетъ особенно требовательна къ женихамъ. Но когда, наоборотъ, мать питается отъ дочерей, тогда она съ дочерью отдаетъ свой кусокъ хлѣба и потому смотритъ на зятя враждебно. Она, уступая ему дочь, сама наровитъ сѣсть ему на шею, и такъ какъ охотниковъ до такой ноши не много, то въ подобныхъ случаяхъ мать является природною союзницею дочери во всѣхъ распряхъ съ мужемъ; она въ нихъ прямо заинтересована. И если зять дорожитъ женою, то прямой разсчетъ тещи состоитъ въ томъ, чтобы постоянно вырывать у него дочь изъ рукъ, тянуть на свою долю деньги и кормить-ся своею властью.

Вы видите, такимъ образомъ, что планъ будущихъ отношеній къ мужу входилъ, пожалуй, даже болѣе въ интересы матери, нежели дочери. А въ самомъ выполненіи плана наблюдается столько мелкихъ разсчетливыхъ и каверзныхъ изворотовъ, что изобрѣсть ихъ могъ только старый и холодный умъ. Молодая женщина, предоставленная самой себѣ, никогда бы не додумалась до такихъ закорючекъ.

Вспомните, что женихъ вѣнчается для настоящей женитьбы, а невѣста выходитъ замужъ только для сцены. И вотъ, является задача для матери: какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы послѣ благополучнаго вѣнчанія, со слѣдующаго же дня ошарашить мужа чѣмъ нибудь такимъ, изъ чего бы, какъ изъ зерна горчичнаго, выросли и расплодились будущія несогласія, но что-бы, однако же, не произошло и немедленнаго разрыва, ибо на первое время мужъ весьма и весьма нуженъ?

Придумано было великолѣпно. На слѣдующій же день послѣ свадьбы новобрачная требуетъ у мужа отдѣльнаго вида, причемъ и не разберешь, насмѣшка ли это, шутка, жестокость, наглость или кокетство? А мать бросаетъ мысль, будто Богачевъ только подосланъ, за деньги, къ ея дочери ея прежнимъ соблазнителемъ, чтобы формальной женитьбой загладить его грѣхъ! Понимаете ли вы всю ядовитость этой выдумки? Любовникомъ и обольстителемъ его жены,—человѣкомъ, котораго не должны были смѣть называть при немъ—этимъ самымъ человѣкомъ Богачеву колютъ глаза, его попрекаютъ имъ, доказываютъ ему, что онъ только прислужникъ обольстителя — и Богачевъ, никогда не слыхавшій даже его имени, — Богачевъ поставленъ въ такое проклятое положеніе, что у него нѣтъ никакихъ средствъ опровергнуть клевету, потому что доказывать отрицательные факты невозможно...

И понятно, что въ домѣ понемногу начался адъ кромѣшный. Но этого только и требовалось. И въ очень короткое время теща съ женою отвоевали у Богачева все, что имъ было нужно. Самыя неожиданныя для Богачева событія чередовались съ необыкновенною быстротою, а именно: теща съ другою дочерью поселились у новобрачныхъ; жена, вопреки прежнимъ предостереженіямъ жениха, стала открыто рваться къ театру и, тайно отъ мужа, поступила въ драматическую школу; она постоянно пропадала изъ дому; деньги летѣли во всѣ концы; влюбленный мужъ, протестуя и дѣлая сцены, кончилъ тѣмъ, что все дѣлалось по женину. Заказаны были платья; мужъ устроилъ женѣ дебютъ по декламаціи; она провалилась, и онъ былъ въ

восторгѣ, но когда въ „Новомъ Времени“ справедливо оцѣнили ничтожество дебютантки, то Богачевъ, который въ душѣ привѣтствовалъ эту неудачу, вынужденъ былъ нагрубить редактору за этотъ отзывъ, чтобы этимъ доказать женѣ свою нѣжность... Затѣмъ наступили вещи, еще болѣе неожиданныя: жена была отведена въ комнату тещи и отлучена отъ мужа, а когда была обнаружена ея беременность, то начали дѣлать попытки произвести выкидышъ. Наконецъ, въ квартиру Богачева стали навѣдываться мужчины изъ драматической школы, которыхъ онъ не имѣлъ права удалить, потому что теща и жена не позволяли. Тогда Богачевъ самъ бѣжалъ изъ дому.

Естественно, что, подвергаясь всѣмъ этимъ передѣлкамъ, Богачевъ не могъ отвѣчать на нихъ вѣчною любезностью и ангельскою добротою. Онъ, конечно, злился, ссорился и, вѣроятно, былъ несносенъ. Но вѣдь иначе и быть не могло, и причиною разрыва былъ исключительно тотъ скверный замыселъ, ради котораго обвѣнчали Богачева съ дѣвицею Кошанскою, а не какія нибудь провинности со стороны мужа. Легко допускаю, что характеръ у Богачева былъ тяжеловатый и угрюмый, какой обыкновенно бываетъ у людей, сформировавшихся въ одиночествѣ; вполнѣ вѣрю, что Богачевъ не имѣлъ тѣхъ округленныхъ манеръ и улыбающихся глазъ, какими отличаются члены увеселительныхъ кружковъ, смазливые актеры-любители и, вообще, закулисные донъ-жуаны. Но, чтобы онъ былъ извергомъ, чтобы онъ грозилъ убійствомъ, замахивался на жену мраморною доскою отъ столика и т. п., все это—чистѣйшій вымыселъ. Между супругами были только истерическія распри, обычныя сцены изъ семейныхъ драмъ, съ попытками самоотравленія и т. п., но ровно никакого насилія не было. Кухарка Авдотья, ближайшая свидѣтельница всей совмѣстной жизни супруговъ, наблюдавшая ихъ въ небольшой квартирѣ, не слыхала никакого буйства. Свидѣтелю Булацелю и женщинѣ-врачу Познанской Богачева, послѣ разрыва, говорила, что разошлась съ мужемъ вслѣдствіе его несогласія допускать ее на сцену, а не изъ-за его жестокостей и угрозъ. Ей было бы выгоднѣе ссылаться на угрозы,

потому что въ такомъ случаѣ симпатіи были бы на ея сторонѣ, тогда какъ, порываясь къ театру, она рисковала выслушивать наставленія, что семейная жизнь дороже сцены. Но она не могла выдумать никакой другой причины разрыва. Да и вообще, развѣ бы мужъ, сколько нибудь страшный и грозный, дозволилъ продѣлать надъ собою все то, что претерпѣлъ Богачевъ? Не ясно ли намъ, что этотъ мнимо-грозный мужъ былъ только жалкій рабъ?

Но есть еще одна смѣшная подробность, которую возводятъ въ серьезную мораль. Въ первые брачные дни съ женой случилась болѣзнь, которая приписывалась любовному усердію мужа. И вотъ, на этомъ обыденномъ приключеніи сооружается чучело „звѣрской страсти". Позвали докторовъ. Явилась женщина-врачъ и врачъ мужчина; въ качествѣ послѣдняго фигурировалъ опытнѣйшій акушеръ и разумнѣйшій человѣкъ И. М. Тарновскій, который прямо и откровенно сказалъ, что болѣзнь молодой дамы ничему опредѣленному приписать нельзя. Но теща... о, удивительная мать! поторопилась разсказать едва знакомому ей пріятелю Богачева, что мужъ досаждаетъ своими ласками больной женѣ. Молодой слушатель этихъ неожиданныхъ признаній очень резонно отвѣтилъ матери, что излишекъ мужниной любви еще небольшое горе. Но не видите ли вы, гг. присяжные засѣдатели, въ этой тещиной болтовнѣ ясной улики въ томъ, что она никоимъ образомъ не ожидала отъ брака своей дочери настоящей семейной жизни? Иначе: развѣ бы она осмѣлилась говорить объ этомъ? И будь еще ея дочь несовершеннолѣтнею дѣвственницею, на которую бы вдругъ обрушились нераздѣляемые ею грубые инстинкты невоздержаннаго супруга! А то вѣдь въ двадцать четыре года, послѣ любовника—такая нетерпимость и хрупкость!.. Можно ли съ какой бы то ни было точки зрѣнія винить Богачева? Почемъ онъ зналъ, что жена дѣйствительно нездорова? Вѣдь это на лицѣ не написано и никакому контролю не поддается; эти уклоненія легко было принять за кокетство, за испытаніе любви, за игру въ стыдливость, мало ли за что... Но ужъ если дочь пересказываетъ это матери, а мать объ этомъ трубитъ, то, значитъ, что проч-

ая привязанность никогда не входила въ ихъ разсчеты, что это былъ не бракъ, а продажа на срокъ... Поэтому, изъ опасенія, чтобы союзъ этотъ не укрѣпился—тотчасъ же торопятся оглашать малѣйшіе случаи взаимнаго недовольства—даже такого недовольства, которое могло исходить только отъ женщины, явно продавшейся съ отвращеніемъ недовольства, о которомъ во всякомъ другомъ случаѣ было бы стыдно заикнуться.

Какъ бы тамъ ни было, цѣль была достигнута: черезъ четыре мѣсяца Богачевъ, давшій Луизѣ Кошанской свое имя, истратившій на нее все, что имѣлъ, былъ окончательно удаленъ отъ жены и совсѣмъ заброшенъ. Онъ потерялъ свое мѣсто въ редакціи и задолжалъ около тысячи рублей. Онъ былъ болѣе не нуженъ. Теща съ дочерьми удалилась изъ его квартиры и предоставила ему просторное одиночество въ помѣщеніи, за которое онъ уже не былъ въ состояніи платить.

Впрочемъ, Богачевъ еще надѣялся, что, если бы удалось вырвать дочь изъ когтей матери, то изъ нея со временемъ, быть можетъ, вышла бы порядочная жена. По его жалобѣ началось въ Комиссіи прошеній дѣло съ характернымъ заглавіемъ на обложкѣ—„Объ огражденіи жены отъ матери“. Было произведено, по горячимъ слѣдамъ, всестороннее дознаніе о причинѣ супружескихъ раздоровъ, и это дознаніе пришло къ выводу, что „болѣе виновною въ семейныхъ несогласіяхъ должна быть признана Богачева, которая вступила въ бракъ, руководствуясь разсчетомъ, а затѣмъ, поддавшись вліянію своей матери, уклоняется отъ примиренія съ мужемъ, къ чему тотъ дѣлалъ попытки, и даже скрываетъ отъ него мѣсто своего пребыванія“.

Къ этому далекому времени (года за полтора до катастрофы) относится рукопись Богачева „Страничка изъ моей жизни“, изъ которой въ обвинительный актъ выписаны слова: „отъ злобы и ненависти къ ней (къ женѣ—въ Комиссіи прошеній) у меня кипѣла душа, рука невольно дотрагивалась до рукоятки револьвера, лежавшаго въ карманѣ моихъ брюкъ. Минута и всему конецъ, но нѣтъ. Провидѣніе помѣшало: въ комнату вошли два чиновника“. Изъ

этого заключаютъ, что замыселъ на убійство жены еще тогда существовалъ у Богачева. Это не былъ замыселъ. Я не знаю даже, не есть ли это—простое литературное измышленіе. Во всякомъ случаѣ, это была только мимолетная мысль, одна изъ тѣхъ, мгновенно возникающихъ и безслѣдно исчезающихъ мыслей, которыя мелькаютъ у каждаго въ минуты злобы, оставаясь никому невѣдомыми, и которыя только у однихъ литераторовъ ложатся на бумагу — для того, чтобы можно было написать рядомъ съ этимъ: „минута,—и всему конецъ, но нѣтъ, провидѣніе помѣшало“ и такъ далѣе—и насладиться своею „нарядною печалью“.

Но вотъ, что замѣчательно: что послѣ этой минуты протекаетъ цѣлыхъ полтора года полнѣйшаго разобщенія между супругами. И нападеніе Богачева съ ножемъ на жену, послѣ всего случившагося за эти полтора года, является такимъ неожиданнымъ, такимъ безцѣльнымъ, такимъ не похожимъ на того Богачева, котораго мы наблюдаемъ во всемъ этомъ дѣлѣ отъ начала до конца, что постигнуть и объяснить это нападеніе обыкновенными пріемами человѣческой психологіи нѣтъ никакой возможности.

Да вотъ вы сами въ этомъ убѣдитесь изъ моего дальнѣйшаго изложенія. Но прежде посмотримъ, какія чувства имѣлъ Богачевъ къ своей женѣ? Скажутъ, что, вступая въ бракъ, Богачевъ долженъ былъ предвидѣть, на что онъ идетъ, и что поэтому въ своей будущей женѣ онъ, вѣроятно, любилъ одно только тѣло. Могутъ указывать, что сценическая наружность дѣвицы Кошанской, ея временная бѣдность послѣ разлуки съ любовникомъ, ея близость къ театральному буфету въ Ораніенбаумѣ — все это не сулило Богачеву ничего добраго; что по всѣмъ этимъ даннымъ онъ долженъ былъ понять, что невѣста принадлежитъ къ такимъ барышнямъ, которымъ брачный вѣнецъ слишкомъ давитъ голову, а семья скоро надоѣдаетъ; что подобныя головы скорѣе созданы для модной шляпки съ широкими полями, которая запрокидывается сама собою на встрѣчу первому вѣтерку и т. д.

Но всѣ эти соображенія невѣрны. Если каждому другому прошлое невѣсты могло внушить опасеніе, то Бога-

чеву простительно было на этотъ счетъ заблуждаться по той исключительной причинѣ, что онъ зналъ семью Кошанскихъ еще въ дѣтствѣ, въ гимназіи, когда онъ въ Екатеринославѣ видѣлъ двухъ дѣвочекъ возлѣ отца и матери, въ совершенно порядочномъ домѣ, а затѣмъ еще черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтилъ тѣхъ же барышень въ Москвѣ, въ достаточной обстановкѣ—и вотъ эти-то впечатлѣнія заставили Богачева смотрѣть на Кошанскихъ совсѣмъ иными глазами. Тамъ, гдѣ другой бы угадалъ подозрительное гнѣздо авантюристокъ, Богачевъ могъ видѣть только убогій пріютъ разореной честной семьи. Онъ вполнѣ вѣрилъ тѣмъ несчастіямъ, о которыхъ ему разсказывали, и радъ былъ, что можетъ оказать помощь, и вѣрилъ во взаимность этой привлекательной для него и несчастной дѣвушки.

Если бы Богачевъ любилъ въ своей женѣ только наложницу, онъ бы сразу понялъ, что прежде всего нужно задобрить тещу, которая, за извѣстное вознагражденіе и любезности, сдѣлается самымъ вѣрнымъ сторожемъ его наслажденій. Ужъ развратъ—такъ развратъ! Но не того искалъ Богачевъ, и потому, напротивъ, онъ сразу занялъ враждебное положеніе по отношенію къ тещѣ. Онъ думалъ о взаимной любви, о дружбѣ, о семейныхъ радостяхъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ беременности жены, т.-е. отъ событія, котораго ни одинъ развратникъ не привѣтствуетъ. Онъ плакалъ о судьбѣ ребенка. Послѣ всего этого мы можемъ болѣе совсѣмъ не говорить о, такъ называемой, „физической страсти“ Богачева.

Остается еще одинъ вопросъ: почему это Богачевъ могъ такъ долго заблуждаться на счетъ истинныхъ чувствъ къ нему его жены? Развѣ онъ не видѣлъ ясно, что она его не любитъ? Чѣмъ объяснить его слѣпоту и назойливость? И развѣ не гадко съ его стороны это навязываніе себя женщинѣ, которая его отталкиваетъ, въ силу одного только супружескаго права на обладаніе? Не сказывается ли уже въ одномъ этомъ „животность“ Богачева?

Вопросъ мудреный. Говоря о живучести своего чувства къ женѣ, несмотря на постоянныя разочарованія, Богачевъ пишетъ: „пусть объяснятъ это психологи“—и тутъ же при-

бавляетъ, что онъ всегда вѣрилъ въ возможность сближенія съ женою.

Онъ вѣрилъ потому, что онъ былъ обманутъ такимъ орудіемъ, противъ котораго нѣтъ возможности бороться— онъ былъ навѣки обманутъ хотя бы двумя-тремя женскими поцѣлуями, выражавшими любовь. Такіе поцѣлуи несомнѣнно были—и его память сохранила ихъ навсегда, и онъ постоянно возвращался къ нимъ и каждый разъ думалъ, что женщина, которая могла такъ цѣловать его, не можетъ быть для него навсегда потеряна. Дѣло въ томъ, что мужчины, когда они обманываютъ, дѣйствуютъ средствами обыкновенными: обѣщаніями, разговорами. Но женщины орудуютъ средствами необычайными, отнимающими разсудокъ: поцѣлуями и выраженіемъ глазъ. Мужчины въ этой области совсѣмъ не умѣютъ притворяться. Но женщины обладаютъ пагубною тайною „принужденныхъ желаній“. Онѣ и не подозрѣваютъ, какія безумныя фантазіи поселяютъ онѣ въ головѣ мужчины помощью этихъ своихъ простыхъ, природныхъ средствъ. Пора бы серьезно подумать женскому полу объ этомъ вѣковѣчномъ недоразумѣніи — о значеніи „принужденныхъ желаній“...

А теперь возвратимся къ первоначальному разсказу. Съ октября 1890 г. супруги больше не были мужемъ и женою. Послѣ разрыва, жена Богачева часто мѣняла квартиры: она ютилась по меблированнымъ комнатамъ съ матерью и сестрою. Пособій отъ мужа она не принимала. Съ нимъ, очевидно, хотѣли развязаться, потому что онъ сталъ бѣднякомъ; къ женѣ его не принимали; каждое свиданіе должно было возобновить союзъ, а этотъ союзъ съ человѣкомъ, уже, повидимому, навсегда приконченнымъ, и притомъ, союзъ неразрывный — былъ невыгоденъ; лучше было претерпѣть временную нужду, но затѣмъ высмотрѣть что нибудь болѣе подходящее. Богачевъ мучился вопросами: на какія средства существуетъ жена? Какъ она живетъ? Онъ слѣдилъ за ней издалека, разспрашивалъ о ней ея прислугу и зналъ что она, по-прежнему, вращается въ кругу знакомыхъ по театральной школѣ. Одинъ господинъ изъ этого кружка, сановитый, съ титуломъ,—хотя и пожилой, но рослый, крѣп-

кій мужчина, внушалъ ему особенное безпокойство. Однажды Богачевъ встрѣтилъ жену на улицѣ и подошелъ къ ней, но она обратилась къ защитѣ городового, а ему сказала: „вы мнѣ больше не нужны, я и получше васъ найду...“ Онъ стерпѣлъ и сталъ думать, кто бы могъ быть этотъ другой, который его замѣнитъ? И вскорѣ, толкнувшись къ женѣ въ меблированную комнату, куда его сначала не хотѣли впускать, онъ засталъ у ней какъ-разъ того титулованнаго гостя, который ему мозолилъ глаза. Онъ не зналъ денежныхъ средствъ этого ухаживателя, но зналъ, что жена тщеславна, и что подобные господа легко добиваются интимности у женщинъ. Онъ мучился ревностью и обидой, онъ велъ безсмысленную жизнь человѣка, неизвѣстно изъ-за чего разбившаго свое прошлое, и все еще не терялъ надежды на примиреніе. Какъ-то, въ концѣ марта, онъ снова зашелъ къ женѣ, и вдругъ, неожиданно, былъ принятъ ласково, но на другой же день жена и теща исчезли изъ города. Тогда онъ подумалъ, что все кончено, и хотѣлъ заняться пріисканіемъ работы, но въ концѣ мая, опять неожиданно, получилъ отъ тещи письмо съ просьбою прислать или привезти денегъ въ Москву, гдѣ его жена скоро должна родить. Богачевъ снова обрадовался и взволновался. Совсѣмъ задолжалый и обнищалый, онъ обратился къ помощи г. Буренина, сдѣлалъ новое позаимствованіе изъ редакціи, набралъ по мелочамъ, гдѣ только могъ, и повезъ въ Москву семьдесятъ рублей. Жена встрѣтила его необыкновенно нѣжно. „Ея поцѣлуи“, говоритъ Богачевъ, „казались мнѣ тогда такими искренними, что всѣ мои сомнѣнія были разомъ разсѣяны“. И снова запали въ его душу надежды. Между тѣмъ, всѣ деньги были у него тотчасъ же отобраны. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ получилъ отъ жены письмо, дружеское, повидимому, теплое и простое. Но на этомъ письмѣ, точно клякса, была приписка тещи—непостижимая и зловѣщая приписка, идущая въ разрѣзъ со всѣмъ тономъ женинаго письма: теща спрашивала его, зачѣмъ онъ имъ оставилъ ядъ и револьверъ, которые ей „такъ трудно отбирать отъ дочери“. Онъ зналъ, что онъ забылъ у нихъ не ядъ, а содовый порошокъ, что револь-

верь испорченъ и не заряженъ, что этихъ вещей нечего и отбирать, у жены, что ихъ безъ всякаго труда можно выбросить, и этотъ кляузный упрекъ изъ-за пустяковъ ясно предсказывалъ ему, что онъ опять попалъ въ немилость къ тещѣ, которая, вѣроятно, примѣтила его непоправимую бѣдноту и уже предваряетъ его, чтобы онъ не особенно уповалъ на будущее расположеніе къ нему. Дѣйствительно, всѣ вѣсти замолкли. Не зная ничего объ исходѣ беременности, Богачевъ черезъ мѣсяцъ снова поѣхалъ въ Москву, собравъ на этотъ разъ съ величайшими усиліями всего 35 р. Его приняли гораздо суше, хотя деньги, по прежнему, взяли тотчасъ же. Затѣмъ вы знаете, какъ ужасно бѣдствовалъ Богачевъ въ Москвѣ, дожидаясь родовъ (мнѣніе прокурора, будто Богачевъ тогда же высказывалъ женѣ подозрѣніе въ незаконности ребенка, опровергается даже тещею). Вы знаете, что онъ занималъ или выпрашивалъ по десяти рублей у своего бѣднаго товарища по гимназіи, у одного профессора, у адвоката, въ редакціи одной газеты—и всѣ эти крохи относилъ женѣ. И когда, видя, что эти вымученные рубли идутъ не на ребенка, а на тещу, онъ рискнулъ объ этомъ замѣтить, то теща его выгнала совсѣмъ, причемъ, уходя въ оборванномъ платьѣ, онъ слышалъ за собою голосъ жены: „давно пора“... Затѣмъ онъ провелъ нѣсколько ночей подъ открытымъ небомъ и, наконецъ, на все махнувъ рукой, совершеннымъ пролетаріемъ возвратился въ Петербургъ. И въ этомъ пунктѣ надъ женою Богачева опускается занавѣсъ на цѣлыхъ девять мѣсяцевъ—до самой ихъ встрѣчи на Владимірскомъ проспектѣ. За все это время Богачевъ не только ея не видѣлъ, но даже не зналъ ея адреса, потому что съ августа 1891 г она безслѣдно исчезла изъ Москвы.

Въ этотъ періодъ долгаго спокойствія Богачевъ, какъ мы знаемъ, сдѣлалъ наконецъ, рѣшительную попытку „войти въ колею“. Онъ съ большимъ трудомъ снова пріискалъ себѣ постоянное мѣсто—въ лабораторіи Техническаго Комитета и, по отзыву проф. Кучерова, принялся за работу съ тѣмъ избыткомъ усердія, которое возможно

только у человѣка, желающаго именно забыться въ работѣ, отдаться ей одной, чтобы ни о чемъ другомъ не думать. Состояніе его было угнетенное, но трудился онъ безукоризненно. Что дѣлалось внутри его? Какъ знать! Конечно, жилось ему не сладко; онъ былъ разстроенъ и раздражителенъ; онъ зналъ, что онъ связанъ бракомъ на бумагѣ; онъ помнилъ, какую смѣшную роль сыгралъ онъ во всей этой исторіи; онъ зналъ, что у него гдѣ-то есть жена и ребенокъ. Быть можетъ, ему иногда рисовалось возвращеніе раскаявшейся жены, которая возвратитъ ему дитя и пойметъ, что онъ у нея все-таки лучшій другъ. Но о чемъ бы ни думалъ Богачевъ и какъ бы онъ себя ни чувствовалъ, нельзя забывать, что надъ всѣми его иллюзіями и огорченіями работало время, которое, въ угоду обвиненію, не можетъ передѣлать своей природы,—не можетъ содѣйствовать *остротѣ* чувства, а всегда будетъ притуплять его—и здѣсь оно неизбѣжно и постепенно его притупляло въ Богачевѣ.

Указываютъ, что въ концѣ этого періода у Богачева появился ножъ. Случайное происхожденіе ножа вполнѣ установлено проф. Кучеровымъ, который положительно заявилъ на судѣ, что онъ ясно теперь вспомнилъ, какъ дѣйствительно, передъ Пасхою, онъ замѣтилъ Богачеву о необходимости для лабораторіи ножа. Передъ праздниками, получивъ деньги, Богачевъ и купилъ ножъ, тѣмъ болѣе, что подобный ножъ былъ и ему нуженъ въ его одинокомъ хозяйствѣ. Наконецъ, вѣдь, идя съ этимъ ножемъ на Владимірскую, Богачевъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды встрѣтить тамъ жену, и, слѣдовательно, этотъ ножъ былъ на Богачевѣ такимъ же случайнымъ предметомъ, какъ часы, портъ-сигаръ, зубочистка или носовой платокъ. Да кстати, Богачевъ и не обвиняется въ предумышленномъ убійствѣ.

И вотъ, послѣ девятимѣсячнаго спокойствія, вдругъ Богачевъ увидѣлъ на Разъѣзжей, на извозчикѣ, даму, похожую на его жену. Онъ смутился и поторопился справиться въ адресномъ столѣ. Самъ онъ нашелъ только адресъ тещи. Онъ могъ опечалиться этими событіями или

обрадоваться имъ, но оставаться къ нимъ совершенно равнодушнымъ онъ никакъ не могъ. Съ хорошею или дурною цѣлью пріѣхали эти дамы,—все равно: спокойствіе его было нарушено. Или онѣ обѣднѣли—и тогда ему придется дѣлиться съ ними своими небольшими средствами и войти въ долги; или дѣла ихъ поправились, и тогда онѣ, живя въ довольствѣ у него на глазахъ, будутъ терзать его сердце; или быть можетъ, онѣ пріѣхали мириться окончательно. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ разсѣять неизвѣстность. Отправившись въ квартиру тещи, онъ ея не засталъ, но узналъ отъ ея хозяйки, что она живетъ у нихъ одна и хлопочетъ объ отдѣльномъ видѣ для дочери. Значитъ, теща дѣйствуетъ въ прежнемъ духѣ и прячетъ отъ него дочь. Эти хлопоты объ отдѣльномъ видѣ никакъ не могли его миновать, и онъ, вмѣсто формальныхъ сношеній, хотѣлъ сперва переговорить лично съ тещею. Но на его открытое письмо она не отвѣтила. а помимо нея, нельзя было обнаружить и мѣстопребыванія жены. Поневолѣ нужно было вторично навѣдаться на Владимірскую. И вотъ Богачевъ пошелъ туда и совершенно неожиданно наткнулся въ тещиной квартирѣ на свою жену—и черезъ пять минутъ набросился на нее съ ножемъ!

Теперь, гг. присяжные засѣдатели, закроемъ отъ себя на время эту коротенькую сцену между супругами, окончившуюся кровопролитіемъ—и вспомнимъ душевное прошлое Богачева до этихъ минутъ. Вѣдь оно для насъ ясно, какъ на ладони. На основаніи этого прошлаго развѣ бы мы могли предсказать подобную встрѣчу! Вѣдь мы уже видѣли Богачева многое множество разъ лицомъ къ лицу съ самыми ужасными огорченіями отъ его жены, — огорченіями, быть можетъ, во многихъ случаяхъ преувеличенными его мнительностью,—но тѣмъ не менѣе, мучительными, и каждый разъ онъ поражалъ насъ своимъ безсиліемъ и раболѣпствомъ. Вспомнимъ: она прогнала его отъ себя на улицѣ, грозясь отдаться другому — и онъ смиренно отошелъ въ сторону; въ другой разъ она не впускала его къ себѣ въ комнату, когда была наединѣ съ ненавистнымъ ему мужчиной—и онъ молча пережилъ муки ревности; она обману-

ла его ласками въ Москвѣ только для того, чтобы вытянуть у него деньги; она обобрала его до нищенства, и когда его выталкивала теща, она ему сказала вслѣдъ: „давно пора...“ И если во всѣ эти мучительныя минуты онъ не сдѣлался убійцей, то спрашивается, какимъ же образомъ, по логикѣ и психологіи, мы могли бы понять или предсказать, что вслѣдствіе причинъ, гораздо болѣе ничтожныхъ, при душевномъ состояніи, гораздо болѣе уравновѣшенномъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго дѣйствія времени, — Богачевъ вдругъ можетъ посягнуть на жизнь своей жены! Конечно, это совершенно непонятно.

Дѣйствительно, что же произошло въ эти пять минутъ? Увидѣвъ неожиданно вошедшаго мужа, жена нѣсколько смутилась и сдѣлала видъ, что не желаетъ съ нимъ разговаривать. Для Богачева нисколько не было ново, что она держала себя съ нимъ, какъ съ постороннимъ. Правда, писецъ департамента полиціи, одинъ изъ жильцовъ, раздражилъ его своимъ крикомъ и глумленіемъ. Жена сухо замѣтила мужу: „уходите отсюда, васъ здѣсь оскорбляютъ“. Богачевъ могъ быть взбѣшенъ, что этотъ господинъ такъ некстати въ такую минуту его задѣваетъ, но жена была всего менѣе въ этомъ виновна. Весьма естественно, что, желая поддержать свое достоинство, Богачевъ ухватился за права мужа и пожелалъ дать почувствовать присутствующимъ, что онъ не какой-нибудь проходимецъ, а законный властелинъ этой барыни. Злой и сосредоточенный, онъ послѣдовалъ за уходящей женою и захотѣлъ насильно сѣсть съ нею рядомъ на извозчика, опять-таки, чтобы не уронить себя. Но она его оттолкнула и злобно шепнула: „вы подлецъ!“ И вдругъ онъ бросился на нее и сталъ ее рѣзать—и намъ говорятъ, что у него было прямое намѣреніе непремѣнно убить ее! Но по какому же побужденію? Изъ ревности—чтобы она никому другому не принадлежала? Но онъ давно сжился съ хронической ревностью. Вѣдь не могъ же онъ предполагать, что его молодая жена, живя съ нимъ врозь полтора года и оставаясь такъ долго безъ его матеріальнаго пособія, соблюдала супружескую вѣрность. Чувство ревности ничѣмъ острымъ не кольнуло его въ это

свиданіе. Изъ злобы? Но злоба его была вызвана посторонними и могла лишь косвенно обратиться на жену. Или потому, что всѣ его надежды на счастье рушились? Но онѣ уже обрушивались много разъ прежде и гораздо рѣзче, нежели теперь; напротивъ, теперь, при входѣ его, жена была такъ сдержана, что, если бы имъ никто не помѣшалъ, и если бы самъ Богачевъ не былъ вынужденъ держать себя такъ странно и деспотично, можно было бы толкомъ поговорить о семейныхъ вопросахъ... Словомъ, я не вижу рѣшительно никакого понятнаго побужденія для убійства. Не могу же я удовольствоваться тѣмъ казеннымъ разсужденіемъ, что все объясняется ножемъ, и что, когда дѣйствуетъ ножъ, то мы уже непремѣнно имѣемъ дѣло съ убійствомъ. Ножъ вовсе не безусловно смертоносное орудіе; онъ, напримѣръ, весьма часто является участникомъ семейныхъ ссоръ въ простомъ классѣ, потому что у рабочаго человѣка онъ всегда подъ рукою.

Я вижу одно: что Богачевъ разсвирѣпѣлъ до потери сознанія безъ всякой особенной и разумной причины. Слово „подлецъ“, сказанное ему шепотомъ женою, послѣ тяжелыхъ и обидныхъ пяти минутъ, проведенныхъ въ квартирѣ г-жи Павловичъ, взорвало его такъ, что онъ рѣшительно самъ не зналъ, что дѣлалъ, когда выхватилъ ножъ и сталъ неистовствовать надъ женою, нанося ей удары направо и налѣво. Онъ бы точно также могъ топтать ее ногами, колотить полѣномъ, если бы могъ одолѣть ее съ своимъ малымъ ростомъ, и если бы у него было какое нибудь другое орудіе для насилія, кромѣ ножа. Это была та ярость, которая овладѣваетъ нами до боли и часто, въ горячую минуту, обращается на самыя близкія намъ существа. Въ нашей судебной практикѣ почему-то считается неблаговиднымъ ухищреніемъ защиты говорить объ аффектѣ. А между тѣмъ аффектъ есть мгновенное исчезновеніе сознанія, когда, по выраженію одного ученаго, у человѣка „не можетъ быть совѣщанія съ самимъ собою“. Да мы и не настаиваемъ на аффектѣ. Но, по крайней мѣрѣ, не приписывайте же подсудимому намѣренія совершить убійство, когда вы не можете видѣть у него никакого понятнаго намѣренія. Вы пом-

ните, что на первомъ допросѣ, судебный слѣдователь убѣдилъ Богачева посредствомъ знаменитаго аргумента о ножѣ, что подсудимый совершалъ не что иное, какъ убійство. Но подсудимый, какъ только немного успокоился, счелъ себя въ правѣ заявить, что, по совѣсти, онъ ничего не помнилъ, что онъ былъ какъ бы въ столбнякѣ и что онъ опомнился только тогда, когда самъ отошелъ отъ жены.

Мы, впрочемъ, имѣемъ и внѣшніе признаки, что это было только безотчетное излитіе злобы, а не прямое посягательство на жизнь. Рука подсудимаго, хотя и дѣйствовала автоматически, но недостаточность ея энергіи на совершеніе убійства сказалась сама собою: ножъ толкался въ мускулы шеи, въ плечо, въ руки, въ грудную железу, и никуда глубоко не проникалъ. Если бы Богачевъ хоть сколько нибудь понималъ, что онъ дѣлаетъ, и хотѣлъ убить—онъ бы имѣлъ полнѣйшую возможность это сдѣлать. Когда припадокъ миновалъ, онъ самъ покинулъ свою жертву. Она еще была въ его власти, никто еще не подоспѣлъ на помощь. Онъ видѣлъ, что жена не только жива, но еще такъ сильна, что громко кричитъ, вполнѣ сознаетъ свое положеніе, говоритъ о матери, о ребенкѣ, выкрикиваетъ, что она пріѣхала только за вещами, и при этомъ тащится за нимъ и не выпускаетъ изъ рукъ его одежды. Онъ видѣлъ, что она полна жизни и ничто не мѣшало ему ее дорѣзать. Но онъ самъ сталъ уходить отъ нея, вовсе не думая прятаться отъ преслѣдованія. Бѣшенство покидало его, и потому онъ уходилъ отъ жены. Раны оказались легкими—и мы не имѣемъ никакихъ основаній приписывать Богачеву что нибудь большее противъ того, что оказалось въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, это было покушеніе, оставленное подсудимымъ по доброй волѣ, потому что, сколько здѣсь ни путали тѣ дворники и рабочіе, которые сбѣжались на крикъ, но я думаю вы вполнѣ убѣдились, что никто изъ нихъ не оборонилъ потерпѣвшую отъ дальнѣйшаго насилія. Она уже была оставлена самимъ подсудимымъ.

Итакъ, разобравъ это дѣло, мы, можемъ повѣрить подсудимому, что онъ дѣйствовалъ въ состояніи

мгновеннаго потемнѣнія разсудка, что ужасныхъ словъ „надо убить ее“ онъ себѣ не говорилъ и что, на сколько его сознаніе могло слѣдить за его сердцемъ, онъ не помнитъ въ своемъ сердцѣ этого звѣрскаго побужденія. Вслѣдствіе полной оторванности послѣднихъ пяти минутъ отъ всего предыдущаго образа дѣйствій подсудимаго, мы не видимъ въ настоящемъ процессѣ никакого психологическаго интереса. Это была какая-то безсмысленная кровавая потасовка послѣ долгихъ подвиговъ удивительнаго терпѣнія, великодушія и рабства,—одна изъ тѣхъ безсмысленныхъ сценъ, которыя возможны только послѣ напряженныхъ семейныхъ несогласій, поддерживаемыхъ опытной интригантской. Натерпѣлся же Богачевъ отъ этихъ женщинъ! Чего только не натерпѣлся! И не мудрено, если на послѣдней ступенькѣ своего долготерпѣливаго униженія онъ дошелъ, наконецъ, до полнаго столбняка. Вы помните, что изъ этихъ двухъ женщинъ онъ всегда болѣе винилъ мать, нежели дочь. И это еще разъ показываетъ, что въ нападеніи на жену ножъ былъ только орудіемъ ссоры, потому что, по убѣжденію Богачева, вся отвѣтственность за его несчастія падала на другую женщину. Все кончилось кровавымъ скандаломъ, которой годится въ сборникъ обличительныхъ разсказовъ о тещѣ, но совсѣмъ не умѣстенъ въ ряду уголовныхъ процессовъ объ убійствѣ. И если вы припишете Богачеву намѣреніе лишить жену жизни, то я позавидую вашей проницательности, но все-таки не пойму, во имя чего же могло сложиться въ его душѣ подобное намѣреніе?—Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: виновенъ ли дѣйствительный студентъ петербургскаго университета А. П. Богачевъ въ томъ, что 10 апрѣля 1892 г. въ Петербургѣ, во дворѣ дома № 8, по Владимірской улицѣ, вслѣдствіе внезапно возникшаго въ немъ желанія въ состояніи запальчивости и раздраженія — лишить жизни жену свою Луизу Богачеву, онъ намѣренно нанесъ ей пять ранъ ножемъ въ грудь, шею, плечи и руки, но Л. Богачева осталась жива, потому что вслѣдствіе сопротивленія ея при ихъ нанесеніи, раны оказались легкими и потому, что отъ дальнѣйшаго нанесенія ударовъ онъ былъ остановленъ посторонними людьми? Присяж-

ные дали слѣдующій отвѣтъ: «да, виновенъ, но не былъ остановленъ посторонними людьми отъ дальнѣйшаго нанесенія ударовъ».

Окружной судъ призналъ, что Богачевъ обвиненъ въ покушеніи на убійство жены въ запальчивости и раздраженіи, остановленномъ сопротивленіемъ потерпѣвшей, и приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

На этотъ приговоръ защитникомъ была принесена кассаціонная жалоба, въ которой, между прочимъ, указывалось:

Здравый смыслъ присяжныхъ засѣдателей не позволилъ имъ объявить Богачева, согласно указаніямъ суда, совершенно невиновнымъ, хотя они и признали его совершившимъ только добровольно-оставленное покушеніе. Вмѣсто отрицательнаго отвѣта, они, зная о своемъ правѣ давать самые обстоятельные ограничительные отвѣты, предпочли сдѣлать длинную оговорку, которая, по ихъ убѣжденію, превращала дѣяніе Богачева въ добровольно-оставленное покушеніе. Вопросъ, поставленный судомъ, былъ такъ редактированъ, что для выраженія своей мысли, присяжные засѣдатели и не могли болѣе отвергнуть въ этомъ вопросѣ ни одного слова, ибо, если бы они пошли еще далѣе, то имъ бы пришлось отвергнуть и сопротивленіе жены Богачева наносимымъ ей ударамъ, т. е. признать явленіе, невозможное въ дѣйствительности. Вотъ почему, на основаніи 757 ст. Уст. Уг. Суд. судъ, согласно требованію защиты, обязанъ былъ поставить особый вопросъ о добровольно-оставленномъ покушеніи. Точно также надлежало поставить и особый вопросъ о легкихъ ранахъ. Изъ обозрѣнія поставленнаго судомъ вопроса, Правительствующій Сенатъ изволитъ убѣдиться, что, еслибы присяжные, согласно постановленію суда, отвергли въ этомъ вопросѣ только намѣреніе лишить жизни, то и въ этомъ случаѣ рѣшеніе ихъ оказалось бы неопредѣленнымъ, ибо въ вопросѣ суда осталось бы неотвергнутымъ, что подсудимый былъ остановленъ отъ дальнѣйшаго нанесенія ударовъ посторонними людьми и, слѣдовательно, въ результатѣ получилось бы, что подсудимый стремился къ болѣе тяжкимъ поврежденіямъ, которые ему не удались только благодаря постороннему вмѣшательству. Такимъ образомъ является очевидною необходимостью наличность потребованныхъ мною дополнительныхъ, отдѣльныхъ вопросовъ, въ постановкѣ которыхъ однако мнѣ было судомъ отказано. Соединеніе же всѣхъ этихъ вопросовъ въ одинъ, существеннымъ образомъ нарушаетъ 756 ст. Уст. Уг. Суд.

Сенатъ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій.

Дѣло Наумова.

Дѣло Наумова.

Убійство слугою своей госпожи.

Запасной рядовой 108 пѣхотнаго Саратовскаго полка Михаилъ Ивановъ Наумовъ, 32 лѣтъ, обвинялся въ томъ, что въ гор. С.-Петербургѣ, находясь въ услуженіи у проживавшей по Фонтанкѣ въ домѣ № 53 дворянки Каменецъ-Подольской губ., Викторіи Матвѣевны Чарнецкой, онъ, 30 мая 1894 года, умышленно лишилъ ее жизни, схвативъ за горло и произведя на него въ теченіе довольно продолжительнаго времени давленіе, посредствомъ накинутаго на шею полотенца или какого-либо другого, подобнаго предмета, причемъ въ тоже время закрывалъ Чарнецкой ротъ введеніемъ въ полость его посторонняго тѣла и наносилъ ей по лицу, груди и верхнимъ конечностямъ удары кулакомъ, локтемъ, колѣнями, каковыми дѣйствіями своими причинилъ ей, болѣе или менѣе, жестокія предсмертныя мученія, т. е. въ преступленіи. предусмотрѣнномъ 1 и 3 ст. 1455 и 2 п. 1453 ст. улож. о нак.

Для васъ, г.г. присяжные засѣдатели, какъ для судей совѣсти, дѣло Наумова очень мудреное, потому что подсудимый не имѣетъ въ своей натурѣ ни злобы, ни страсти, ни корысти—словомъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы въ каждомъ убійцѣ. Наумовъ—человѣкъ смирный и добродушный. Смерть старухи Чарнецкой вовсе не была ему нужна. Послѣ убійства Наумовъ оставался въ теченіе 12 часовъ полнымъ хозяиномъ квартиры, но онъ не воспользовался ни одною ниткою изъ имущества своей барыни-милліонерки. И когда затѣмъ пришла полиція, то Наумовъ, какъ вѣрный стражъ убитой имъ госпожи, отдалъ двѣ связки ключей, не тронутыхъ имъ до этой минуты. Все оказалось въ цѣлости.

Видимымъ поводомъ къ убійству считается то, что барыня оскорбила Наумова напраснымъ подозрѣніемъ въ кражѣ бутылокъ. Но развѣ на такой побудительной причинѣ можно остановиться для объясненія этого случая?! Развѣ туповатый, ужившивый и выносливый Наумовъ былъ такъ болѣзненно-раздражителенъ, такъ щепетиленъ, чтобы, изъ-за оскорбленнаго самолюбія, броситься на старую женщину, какъ тигръ, давить ей горло, барахтаться съ нею на полу, приканчивать ее до послѣдняго издыханія, а затѣмъ—придумывать, какъ бы спастись отъ постигшей его бѣды—и дѣлать все это въ высшей степени неловко, безъ всякой мысли о побѣгѣ и при помощи такихъ показаній, въ которыхъ онъ не сразу говорилъ, что онъ одинъ только и могъ убить Чарнецкую... Нѣтъ, все это непонятно. Да и самъ Наумовъ не понимаетъ, ради чего это его разобрала такая ярость. Онъ говорилъ слѣдователю: „хотя она меня и оскорбила, но я очень сожалѣю о своемъ поступкѣ“.....— Удивительно странное происшествіе.

А между тѣмъ, предварительное слѣдствіе произведено превосходно. Выяснено рѣшительно все, чѣмъ мы можемъ интересоваться, такъ что мнѣ, какъ защитнику, даже не пришлось вызвать ни одного свидѣтеля въ дополненіе къ прокурорскому списку. А все таки дѣло остается необычайнымъ. Въ немъ необычайно уже и то, что ни одинъ свидѣтель не помянулъ покойную добрымъ словомъ, ни единый человѣкъ не сожалѣетъ объ убитой; точно всѣ понимаютъ, что такая женщина никакъ не могла ужиться среди людей, и что рано или поздно она должна была попасться кому нибудь подъ руку. Всѣ находили ее чудовищемъ, но находили это издалека, чувствуя себѣ независимыми отъ нея. А кто, хотя на время, отъ нея зависѣлъ, тотъ рѣшительно не могъ ея выносить и удалялся. Одному только Наумову пришлось прослужить у Чарнецкой лакеемъ цѣлыхъ семь лѣтъ. И всѣ прекрасно отзываются о Наумовѣ.

Остановлюсь на лживыхъ показаніяхъ Наумова у слѣдователя.

Наумовъ, по своей неразвитости,—настоящій ребенокъ, и

тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ, что онъ провинился помимо своей воли, онъ также трусливъ, какъ дитя. Онъ, сколько умѣетъ, оправдывается передъ старшими. Но всякому зрѣлому человѣку ясно видно, до чего онъ сшиваетъ свою ложь бѣлыми нитками. Когда на него прикрикнутъ, онъ поддакиваетъ. Большинство его объясненій чуть ли не продиктовано слѣдователемъ. Наумовъ, напримѣръ, больше вѣритъ доктору, нежели своей собственной памяти и своимъ глазамъ. Слѣдователь ему говоритъ: „не могла быть убита Чарнецкая черезъ полчаса или черезъ часъ послѣ завтрака: докторъ находитъ, по остаткамъ пищи во рту, что убійство послѣдовало чуть ли не сейчасъ послѣ ѣды“... и Наумовъ пассивно отвѣчаетъ: “ну, тогда такъ и пишите“.— Или, впослѣдствіи, Наумовъ глупо клевещетъ на убитую, будто она отъ него забеременѣла и сама просила его задушить ее, чтобы избавить отъ стыда. На это слѣдователь спокойно возражаетъ: „да вѣдь, по вскрытію, Чарнецкая оказалась дѣвицей“. Тогда Наумовъ сейчасъ же говоритъ: „въ убійствѣ я сознался,—надо же мнѣ что нибудь сказать въ свое оправданіе...“—Прошу васъ, г.г. присяжные засѣдатели, удержите въ своей памяти эти простыя слова; „надо же мнѣ что нибудь сказать въ свое оправданіе“. Смыслъ ихъ тотъ, что я самъ не понимаю, какъ это я сдѣлался виновнымъ.

Мнѣ стоило большого труда добиться, чтобы Наумовъ вѣрно вспомнилъ и откровенно, натурально описалъ сцену убійства. Мнѣ постоянно приходилось его успокаивать и просить о точной правдѣ. И тогда, въ концѣ концовъ, получилось очень живое показаніе. Вотъ какъ это было. Послѣ завтрака, Чарнецкая ушла въ кладовую и занялась провѣркою всякой своей домашней дряни. Она тамъ провозилась съ полчаса, такъ что вышла оттуда въ половинѣ перваго. По словамъ Наумова, она вышла „совсѣмъ почернѣвшая отъ злости—такою, какою онъ ее никогда раньше не видалъ“, и сказала, что недостаетъ 6 бутылокъ вина; что это вино передала ему компаньонка, съ которою онъ имѣлъ шашни; что теперь ему не будетъ пощады; что она его непремѣнно упрячетъ въ Сибирь и сейчасъ же потре-

буетъ дворника. Наумовъ началъ просить, чтобы она успокоилась, онъ говорилъ, что, если бы онъ былъ виноватъ, то признался бы; что онъ у нея давно служитъ и всегда былъ честенъ... Но она не унималась и грозила... Она уже хотѣла идти къ дворнику. „Тогда,—говоритъ Наумовъ,—будто мнѣ всю грудь задавило,—я бросился на нее, перехватилъ по дорогѣ, свалилъ на полъ и сдавилъ ей горло". Она успѣла крикнуть: „ай", и сейчасъ у нея пошла изо рта кровь. „Видя, что въ ней еще остается живность", продолжалъ подсудимый,—„я ее дотащилъ до двери, на которой висѣло столовое полотенце, и наложилъ ей это полотенце на ротъ... Послѣ перваго крика она все время только хрипѣла и ничего не говорила. Когда я ей закрылъ ротъ, она тутъ же, понемногу, вскорѣ и скончалась. За все время она отбивалась руками самую малость. Къ часу она уже померла".

Думаю, что все это безусловно вѣрно. Агонія, т. е. рефлективное дыханіе, длилось не болѣе получаса. Но Чарнецкая съ перваго нажима на горло, уже была невозвратна для жизни. Дѣло уже было непоправимо. Наумову только и оставалось, что дожидаться конца и ускорять его.

Теперь нужно обратиться къ убитой.

Хотѣлось бы мнѣ разбирать личность покойной съ величайшею осторожностью. Но кто бы ни судилъ ее,—никто не найдетъ въ ней ни одной хорошей черты. У нея было барское воспитаніе, знаніе языковъ, природный умъ, полтораста тысячъ годового дохода, цѣлая груда фамильныхъ брилліантовъ—и она жила впроголодь, безъ своего стола, съ однимъ слугою, въ холодной квартирѣ, покупала утромъ и вечеромъ на одну копѣйку сухарей, посылала за половинными обѣдами въ клубъ, носила въ ушахъ двѣ сережки изъ угля и мыла свое бѣлье въ цѣлые пять мѣсяцевъ одинъ разъ всего на 50 коп. Но за это непонятное существованіе намъ бы ее не пришлось осуждать. Скорѣе можно было бы пожалѣть ее, какъ безумную. Вѣдь она глупо отказывалась отъ привольной жизни. Вѣдь она, повидимому, не имѣла никакихъ радостей... Однако, нѣтъ! Радости у нея были...—За недѣлю до смерти, она встрѣтила на Невскомъ ком-

паньонку другой старухи и съ блаженнымъ видомъ разговаривала съ ней о томъ, какъ ей удалось купить очень выгодно черезъ контору Рафаловича на 20 тысячъ процентныхъ бумагъ... Она видѣла счастіе въ томъ, чтобы ни на одну крошку не терять своей громадной, хотя и мертвой, власти,—власти денегъ,—и находила упоеніе въ постоянномъ возрастаніи этой власти. Но и это бы еще ничего: всякій волент любить то, что ему нравится. Да, но Чарнецкая, сверхъ того, любила мучить и пилить каждаго, кому ей приходилось выдавать хоть нѣсколько рублей изъ своего кармана. За оплату хотя бы малѣйшей услуги она считала себя въ правѣ дѣлаться настоящимъ тираномъ. Она была безконечно требовательна къ такимъ людямъ. Она забирала себѣ въ собственность каждое ихъ дыханіе, каждую ихъ минуту, она плевала на ихъ честь, на ихъ свободу, на ихъ сердце—на все, чѣмъ живетъ человѣкъ. Никто не могъ переносить ее. Вы знаете ея гнусную исторію, передъ самой смертью, съ молоденькой компаньонкой Вишневскою изъ за коленкоровыхъ кальсонъ: Чарнецкая осмѣлилась поморить честную дѣвушку открытымъ письмомъ, въ которомъ она дерзко обвиняла ее въ нелѣпой кражѣ, да еще стыдила ее „днями покаянія“,—вооружилась религіознымъ чувствомъ, котораго у нея самой не было и въ помин (какъ не было и вообще никакихъ человѣческихъ чувствъ),—словомъ, нагло и безнаказанно шла противъ всякихъ „божескихъ и человѣческихъ правъ“...

Цѣлыхъ семь лѣтъ (считая его службу у покойнаго брата Чернецкой) Наумовъ терпѣливо переносилъ это чудовище. И не только переносилъ, но у него даже не накоплялось противъ Чарнецкой никакой злобы. Напротивъ, онъ отдался вполнѣ ея деспотизму, онъ ея боялся, какъ школьникъ, (помните, съ какимъ страхомъ онъ срывалъ дрянную каменную пуговку съ своей рубашки, когда Чарнецкая хватилась, что у нея пропала эта пуговка). И онъ, по своему безпомощному тупоумію, былъ, кажется, единственнымъ слугою, котораго можно было бы себѣ вообразить возлѣ подобной старухи. Правда, онъ началъ запивать, живя въ такомъ безпросвѣтномъ углу. Прежніе господа за

нимъ этого не замѣчали и всегда охотно рекомендовали его другимъ, какъ человѣка исправнаго и честнаго. Но этими выпивками только и ограничилось перерожденіе Михайлы Наумова подъ властью Чарнецкой. Онъ продолжалъ служить безупречно и усердно, насколько умѣлъ.

Но онъ былъ все таки человѣкъ. Незамѣтно для него самого, постоянное общеніе съ этимъ выродкомъ угнетало его терпѣливую душу. Онъ держался за свое мѣсто, потому что не былъ особенно ловокъ на услуги, да и къ тому же былъ нѣсколько лѣнивъ: а у такой хозяйки, какъ Чарнецкая, вслѣдствіе ея подозрительности и неопрятности, чистки мало. Жизнь, правда, была у него мертвая, да мало ли что... Онъ и не требуетъ многаго... родныхъ никого на свѣтѣ... любовница Дуня, которую онъ любилъ всей душой. Онъ отдавалъ ей все заработанное. Но она, не Богъ знаетъ какъ, за него держалась... Она бы легко перемѣнила его на другого, если бы нашелся подходящій. Вслѣдствіе всего этого, почему бы и не выносить службу у Чарнецкой... Онъ все выносилъ, а все таки чувствовалъ, что барыня у него со-всѣмъ особенная, другой такой что-то нигдѣ не видно.

И вотъ, угораздило таки эту Чарнецкую напасть на Михайлу Наумова съ угрозами Сибирью, съ обвиненіемъ въ кражѣ, которой онъ и не думалъ совершать. Крѣпко въ немъ сидѣла покорность своей госпожѣ, честно берегъ онъ ея добро. Но когда вдругъ такъ, ни за что, ни про что, напала она на него, „вся почернѣвшая отъ злости“,—когда онъ почувствовалъ, что она все его нутро на изнанку выворачиваетъ,—когда онъ, многотерпѣливый и уступчивый, и самъ наконецъ увидѣлъ (другіе это давно видѣли) что никакой силы не хватаетъ поладить съ такой женщиной—онъ внезапно и неожиданно для себя остервенѣлъ.

И я уже разсказалъ вамъ, какъ онъ ее убилъ.

Что касается продолжительности убійства, то дѣло совершилось гораздо скорѣе, нежели думаютъ. Я и объ этомъ уже говорилъ.

Но, быть можетъ, вы остановитесь на такой мысли: „если бы Наумовъ, не помня себя, и началъ убійство, то—будь онъ человѣкъ добрый,—онъ бы, при первой струѣ

крови изо рта Чарнецкой, остановился и опамятовался... Онъ бы пришелъ въ отчаяніе и не довершилъ своего дѣянія съ помощью полотенца. Здѣсь уже виденъ человѣкъ сознательно-злобный".

Нѣтъ, г.г. присяжные засѣдатели, это невѣрно. Вы были бы правы, если бы судили человѣка вспыльчиваго. Но Наумовъ не такой. Онъ очень добръ, онъ, по выраженію Авдотьи Сивой,—„тише ребенка". Его терпимость къ Чарнецкой была тугая, завинченная очень крѣпко. И эта терпимость вдругъ, въ одну секунду, исчезла, перевернувъ въ его сердцѣ все, чѣмъ до этой секунды онъ жилъ. Въ такихъ случаяхъ возбужденіе не можетъ пройти скоро — слишкомъ большая глубина затронута въ человѣкѣ. Все равно, какъ въ будильникѣ: вѣдь тамъ, въ извѣстную секунду, ничтожный крючечекъ соскакиваетъ съ пружины... не успѣешь глазами моргнуть, такъ это скоро дѣлается... А послушайте затѣмъ, какъ долго и упорно гремитъ будильникъ! И чѣмъ туже была закручена пружина, тѣмъ дольше продолжается звонъ. Такъ и здѣсь: слишкомъ глубоко сидѣли въ Наумовѣ доброта и смиреніе. Соскочивъ съ такого стародавняго пути, не скоро съумѣешь вернуться на свое мѣсто...

Мнѣ ужасно трудно заканчивать мою защиту. Я никогда ничего не прошу у присяжныхъ засѣдателей. Я могу вамъ указать только на слѣдующее: никакихъ истязаній тутъ не было, недоразумѣнія на этотъ счетъ порождены актомъ вскрытія въ связи съ безтолковыми показаніями подсудимаго. Чарнецкая умерла гораздо легче, чѣмъ мы думаемъ: она потеряла сознаніе отъ перваго стѣсненія ея горла. Поэтому всякія истязанія должны быть отвергнуты. Затѣмъ, вы непремѣнно должны отвергнуть также и тотъ признакъ, будто Наумовъ убилъ Чарнецкую, какъ слуга. Обстоятельство это значительно возвышаетъ отвѣтственность, а между тѣмъ Наумовъ тутъ былъ вовсе не въ роли слуги: онъ не желалъ дѣлать кражи, онъ не пользовался ночнымъ временемъ, когда онъ одинъ имѣлъ бы доступъ къ своей хозяйкѣ,—онъ былъ здѣсь просто на просто въ положеніи всякаго, кого бы эта старуха вывела изъ себя своею безнаказанною жестокостью. Онъ дѣйствовалъ не какъ слуга,

а какъ человѣкъ. Поэтому „нахожденіе въ услуженіи“ во всякомъ случаѣ должно быть вами отвергнуто. Но вѣдь убійство все таки остается. Я, право, не знаю, что съ этимъ дѣлать. Убійство—самое страшное преступленіе именно потому, что оно звѣрское, что въ немъ исчезаетъ образъ человѣческій. А между тѣмъ, какъ это ни странно, Наумовъ убилъ Чарнецкую именно потому, что онъ былъ человѣкъ, а она была звѣремъ.

Намъ скажутъ: нужно охранять каждую человѣческую жизнь, даже такую. Прекрасное, но безполезное правило. Пускай повторится подобная жизнь, и она дойдетъ до тѣхъ рукъ, которыя ее истребятъ. Оно и понятно: если явно сумасшедшій, котораго почему нибудь не возьмутъ въ больницу, станетъ убивать кого нибудь на улицѣ, всякій вправѣ убить его въ свою очередь, защищая свою жизнь. Если менѣе явная сумасшедшая, какъ напр. Чарнецкая, будетъ безнаказанно дѣлать всевозможныя гадости и начнетъ, въ припадкѣ своей дикости, царапать своими когтями чью-нибудь душу,—то и такую сумасшедшую убьютъ. Правосудіе тутъ безсильно.

Замѣтили ли вы на погребальномъ богослуженіи одинъ молитвенный припѣвъ: „Господи! Научи мя оправданіямъ Твоимъ“. Это значитъ, что каждый умершій, какъ бы онъ ни былъ чистъ передъ своею совѣстью, все-таки грѣшенъ передъ Богомъ. Но онъ не знаетъ, какъ оправдываться,—и онъ проситъ: „Господи, Научи мя оправданіямъ Твоимъ“... Онъ проситъ самого Бога придумать для него защиту... И я готовъ повторить эту молитву для Наумова.

Первоначально присяжные написали на вопросномъ листѣ: „да виновенъ, но безъ намѣренія лишить жизни“. Вслѣдствіе разъясненія предсѣдателя, что подобная оговорка равносильна оправданію, и что тогда уже слѣдуетъ отвѣтить на весь вопросъ отрицательно, присяжные, послѣ вторичнаго совѣщанія, признали Наумова виновнымъ въ убійствѣ Чарнецкой въ запальчивости и раздраженіи, но не въ качествѣ слуги, и заслуживающимъ снисхожденія. Наумовъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжные работы на 9 лѣтъ

Дѣло Тарновскаго.

Дѣло Тарновскаго.

Убійство Боржевскаго.

(Дѣло разбиралось 20 января 1905 г. въ Гомелѣ, куда оно было перенесено изъ Кіева, гдѣ Тарновскій пользовался общими симпатіями).

Гг. присяжные засѣдатели!

Нѣтъ лучшаго суда для дѣлъ этого рода, какъ вашъ судъ. Видимый законъ—противъ Тарновскаго, потому что онъ выстрѣлилъ въ человѣка. Но тотъ внутренній законъ жизни, который чувствуется нашею совѣстью, ясно говоритъ намъ, что изъ трехъ участниковъ этой драмы Тарновскій несравненно лучше двухъ остальныхъ, т. е. своей жены и ея любовника. За все время, пока тѣ двое безсердечно и своевольно наслаждались, одинъ Тарновскій непрестанно терялся, негодовалъ, мучился. Никто, какъ они—жена и ея любовникъ, хитря и забавляясь, постепенно довели Тарновскаго до такого нелѣпаго состоянія, когда преступленіе дѣлается человѣку столь же необходимымъ, какъ глотокъ воды въ нестерпимой жаждѣ. Съ этимъ бороться уже невозможно...

Къ сожалѣнію, всѣ мужья узнаютъ объ истинномъ качествѣ избранныхъ ими подругъ лишь послѣ того, когда уже пройдутъ черезъ катастрофу и сдѣлаются слѣпыми орудіями отомщенія судьбы. Сколько такихъ мужей я видѣлъ! И каждый разъ думалъ: вотъ, если бы можно было такъ устроить, чтобы полиція и слѣдователь приходили на помощь и вмѣшивались не послѣ, а довыстрѣла. Да вѣдь если бы Тарновскому ранѣе 5 декабря позапрошлаго года дали прочитать все то, что онъ знаетъ теперь изъ предварительнаго слѣдствія о своей супругѣ,—развѣ бы

онъ могъ еще сколько нибудь мучиться изъ-за этой женщины, вѣрить въ нее, оберегать ее, испытывать невыразимую боль отъ мысли, что вмѣстѣ съ нею изъ его груди вырываютъ половину его собственной жизни!..

Но вернемся нѣсколько назадъ и обсудимъ этотъ бракъ.

Одна изъ красивѣйшихъ барышень г. Кіева, графиня Марья Николаевна Оруркъ вышла за Тарновскаго почти дѣвочкой. Можно прямо сказать, что она его обольстила, а онъ въ нее безумно влюбился. Этотъ женихъ былъ въ то время красавецъ и богачъ. Партія была для невѣсты самою блестящею въ городѣ. Тарновскій ни передъ чѣмъ не останавливался. Онъ женился противъ воли родителей и готовъ былъ ради любви на всякія бѣдствія. Съ другой стороны, невѣста едва ли особенно любила жениха. Не говорю, чтобы здѣсь было коварство съ ея стороны или обманъ,—о нѣтъ! А *просто эта женщина, вообще, къ душевной любви* была неспособна. Вы знаете, сколькихъ мужчинъ, страдавшихъ отъ обожанія къ ней, она легко перемѣнила и безмятежно забыла.,. А мужа своего она все время геніально водила за носъ...

Обращаясь къ мужу, я вовсе не намѣренъ представлять вамъ его образцомъ добродѣтели, нравственности и т. п. Къ чему это дѣлать? Вѣдь вамъ нужна правда. А правда состоитъ въ томъ, что Тарновскій былъ человѣкъ самый обыкновенный. Имѣя готовыя большія средства, онъ не предназначалъ себя къ труду, велъ жизнь разсѣянную, любилъ и выпить, и поволочиться за женщинами,—словомъ, получилъ, такъ сказать, въ удѣлъ пріятное существованіе... Можно ли это поставить ему въ вину? Многіе ли бы на его мѣстѣ поступали иначе? Вѣдь почти каждый счастливецъ про себя невольно думаетъ: „слава Богу, что моя жизнь складывается недурно. Другимъ плохо, а мнѣ хорошо. За что это, я не знаю, а все-таки, слава Богу“... И живетъ себѣ въ свое удовольствіе. Такъ думалось и Тарновскому Однако же, не все вышло такъ складно, какъ онъ предполагалъ. Бѣда въ томъ, что у него была истинно-добрая душа и чувствительное сердце. А съ этими свойствами трудно прожить безъ несчастія...

Тарновскаго упрекаютъ въ томъ, что онъ измѣнялъ женѣ. Да, и это бывало. Ему дѣйствительно приходилось имѣть мимолетныя случайныя сношенія съ другими женщинами, но несмотря на это, онъ всегда вѣрилъ и думалъ, что жена ему не измѣняетъ. Почему это такъ дѣлается, почему у мужей существуетъ такая своеобразная справедливость— разсуждать безполезно. Такъ водится на цѣломъ свѣтѣ...

Но объяснить слѣпоту мужей, понять, почему, несмотря на свои легкія измѣны, мужья все-таки вѣрятъ въ непорочность своихъ женъ—очень легко. Мужчины женятся уже испорченными, а берутъ себѣ въ жены невинныхъ дѣвушекъ. На всѣхъ тѣхъ женщинъ, съ которыми они сносятся до и послѣ брака, мужчины смотрятъ, какъ на развлеченіе, какъ на прихоть, какъ на лишнюю рюмку водки. Они убѣждаются, что и всѣ эти женщины легко ихъ забываютъ; что развратъ для нихъ — только заработокъ; что своего сердца ни одна изъ нихъ имъ не открываетъ. Мужчины видятъ и понимаютъ, что едва-ли не любая изъ нихъ (за исключеніемъ безнадежно погибшихъ) готова была бы сейчасъ-же отречься отъ безстыдства, если бы у нея былъ заботливый мужъ, дѣти, свой домъ, честное имя и т. д. Вотъ почему мужья никогда не смѣшиваютъ этихъ женщинъ со своими женами. Они вѣрятъ, что ихъ жены вполнѣ гарантированы отъ разврата всѣмъ укладомъ ихъ семейнаго крова. Для женатаго человѣка раздѣть кокотку самое пустое и привычное дѣло. Но допустить мысль, что ихъ собственная жена, ихъ чистая подруга, мать ихъ дѣтей, носительница ихъ имени рѣшится обнажить себя для какого бы то ни было мужчины—такую мысль они считаютъ явнымъ ужасомъ, нелѣпостью, безумiемъ! И какъ бы подозрительно ни вела себя ихъ жена, самый фактъ ея измѣны представляется имъ все-таки самою неправдоподобною вещью на свѣтѣ. Благодаря этому, всякій вздоръ, который имъ скажетъ супруга, изобличенная чуть не на мѣстѣ преступленія,—кажется имъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ ея невинности.

Тарновскій не составлялъ исключенія.

Но я убѣжденъ, что Тарновскій могъ-бы быть превосходнѣйшимъ мужемъ, если-бы онъ пользовался взаимностью жены. Вы знаете, что въ самый день несчастія, измученный лукавствомъ, сухостью и насмѣшками жены,—едва только она подозвала его къ себѣ, потрепала по щекѣ и сказала: „ну, поцѣлуй меня“,—какъ онъ сразу согласился на самое отвратительное для него условіе примиренія—на ужинъ съ Боржевскимъ. Значитъ: какъ велика была надъ нимъ власть этой женщины! Что же было-бы, если бы онъ обладалъ всегда ея нераздѣльною любовью?! Да ему никогда и не снилось бы прикоснуться къ другой женщинѣ. Мнѣ скажутъ: да вѣдь онъ никогда не зналъ объ ея измѣнахъ. Да. Но въ своей холостой жизни Тарновскій уже былъ избалованъ, хотя-бы случайною, но всегда неподдѣльною страстью отдававшихся ему женщинъ. А въ женѣ онъ скоро почувствовалъ холодность. Онъ рѣшилъ, что такова уже ея натура. Онъ думалъ, что, если она кокетничаетъ съ другими, то дѣлаетъ это по-пусту, что ей, въ сущности, никто не нравится, и потому онъ ей вѣрилъ. Однако же, онъ былъ неудовлетворенъ. И ему иногда нравилось естественное увлеченіе первой попавшейся женщиной, которую онъ вовсе не любилъ, но которая давала ему нѣкоторое утѣшеніе въ его нераздѣленной страсти къ женѣ. Мы теперь видимъ, почему жена не раздѣляла его страсти,—потому что она принадлежала многимъ другимъ, — а онъ чувствовалъ только одно непонятное охлажденіе ея темперамента. Но въ то же время онъ бы сгорѣлъ отъ муки, если бы увѣрился, что эта обаятельная, но холодная къ нему, женщина отдается со страстью другому!

Жена Тарновскаго считала себя созданною для роскоши, кокетства и удовольствій. Она любила театры, ужины, туалеты, заграничныя поѣздки, блестящую жизнь и поклоненіе красивыхъ мужчинъ. Она безгранично повелѣвала мужемъ, выбирала прислугу, и устраивала свои дѣла такимъ образомъ, что мужъ только казался главою дома, тогда какъ вся челядь, подкупленная и запуганная, скрѣпя сердце, обманывала барина. Физически сильный и по природѣ вспыльчивый, Тарновскій, однако же, при неизбѣжныхъ ссо-

рахъ, никогда не имѣлъ силы быть рѣзкимъ съ женою. Онъ съеживался, малодушничалъ и покорялся. Во всѣхъ случаяхъ, когда всякій другой счелъ бы нужнымъ пригрозить, онъ только умѣлъ изливать передъ женою въ слезахъ свои чувства. Изящная и ловкая, владѣющая искусствомъ истерики, Марья Николаевна умѣла дѣлать изъ себя даже страдалицу именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда позволяла себѣ наибольшія наглости... Вотъ въ какое обученіе попалъ мягкосердечный Василій Васильевичъ!

Можно было-бы назвать Марью Николаевну просто чудовищемъ или злодѣйкою, если-бы у нея были признаки того, что мы называемъ чувствительною душою и совѣстью. Но эти два качества были въ ней отъ природы весьма слабо развиты. Цвѣтущая, здоровая, избалованная, она была увѣрена что всѣ ея прихоти естественны и законны. Говорю откровенно: руки опускаются клеймить эту женщину, до того она была убѣждена, что никто не долженъ, не смѣетъ мѣшать ея удовольствіямъ! Что дѣлать? Такою она родилась. „Захочу—полюблю, захочу—разлюблю“... А разлюбить,—или по выраженію горничной Изотовой, „перестанетъ играть комедію“,—и нѣтъ у нея для покинутаго ни жалости, ни грусти, ни доброй памяти...

При такихъ-то обстоятельствахъ, Тарновскій очень скоро послѣ брака получилъ многихъ участниковъ своего супружескаго ложа, и однако же всегда оставался въ какомъ-то необъяснимомъ туманѣ по вопросу о томъ, кто же, собственно, его жена: распутница или блестящая свѣтская дама, кружащая головы всѣмъ и каждому, но тѣмъ не менѣе, совершенно неспособная унизиться до паденія?...

Между тѣмъ, соперники Тарновскаго преблагополучно „срывали цвѣты удовольствія“, періодически возбуждая его ревность, а затѣмъ такъ же благополучно куда-то исчезали и замѣнялись новыми.

Еще одна странная подробность. У Маріи Николаевны всегда водилась замашка подстрекать наиболѣе привлекательныхъ для нея поклонниковъ на ссоры съ мужемъ, доходившія чуть не до дуэли... Точно ей нравилась перспектива сдѣлаться молоденькою вдовою съ безупречнымъ именемъ,

а слѣдовательно и опекуншею дѣтей, т. е. владѣлицею средствъ Тарновскаго. Конечно, я могу это высказать только въ видѣ невольнаго предположенія. Но вѣдь на это наводятъ очень подозрительные факты. Вы знаете, что у Тарновскаго была дуэль съ Толстымъ, затѣвалась дуэль и съ Боржевскимъ. Того и другого толкала на это Марья Николаевна...

Послѣднимъ героемъ Тарновской въ ея совмѣстной супружеской жизни былъ нынѣ умершій Боржевскій. Нужно правду сказать, онъ чрезвычайно подходилъ къ ея вкусамъ. Какъ и она, онъ исповѣдывалъ правило: „жизнь на радость намъ дана“. Какъ и она, онъ любилъ пистолетный спортъ, былъ превосходный стрѣлокъ. Какъ и она, онъ совершенно равнодушно относился ко всякой чужой жизни, мѣшавшей его цѣлямъ. Она подставляла лобъ мужа подъ дуло своихъ поклонниковъ,—онъ выходилъ отъ своихъ любовницъ не иначе, какъ съ заряженнымъ пистолетомъ на случай встрѣчи съ соперникомъ. Молодой, красивый, франтоватый, настойчивый, наглый, чрезвычайно способный на устройство секретныхъ свиданій, Боржевскій весьма быстро сдѣлался физическою прихотью г-жи Тарновской. Они превосходно сладились, устроились, и съ одинаковымъ увлеченіемъ, такъ сказать, выпивали сладкій ликеръ своей страсти. Они втягивались въ нее именно, какъ въ алкоголь. Я говорю о чисто физическомъ свойствѣ этихъ чувствъ (хотя бы и очень напряженныхъ), потому что никакой иной, болѣе глубокой, подкладки тутъ не было. Г-жа Тарновская не признавалась мужу и не рѣшалась на разрывъ, да и г. Боржевскій не разсчитывалъ, чтобы она, даже въ случаѣ развода или вдовства, вышла за него замужъ, потому что, какъ онъ самъ цинически говорилъ,—Тарновская привыкла къ роскоши, а у него не было никакихъ средствъ. Поэтому они рѣшили наслаждаться за спиною мужа. Вы знаете, что обманутыхъ мужей называютъ „рогатыми“. Эту кличку изображаютъ тѣмъ, что шевелятъ двумя поднятыми пальцами надъ головою мужчины сзади. Никогда еще этотъ символъ не казался мнѣ такимъ наглядным, живымъ и понятнымъ, какъ въ дѣлѣ Тарновскаго. Дѣйствительно, чуть только, бывало, Тарновскій отвернется въ сторону—уѣдетъ или засидится

гдѣ,—или жена шмыгнетъ на улицу,—какъ тотчасъ же въ его домѣ, даже въ его спальнѣ, или гдѣ нибудь въ гостинницѣ, или въ купэ вагона, эти два пальца—Марья Николаевна и Боржевскій—начинаютъ весело рѣзвиться, какъ бы выпучивая Тарновскаго изъ-за его спины своимъ сближеніемъ...

Жутко становится за Тарновскаго... Прямой и довѣрчивый, онъ, вскорѣ послѣ знакомства, сошелся съ Боржевскимъ на „ты“. Но, замѣтивъ его усиленное ухаживаніе за женою, онъ настаивалъ, чтобы жена отвадила Боржевскаго отъ дома. Конечно, Тарновскій и Боржевскій могли бы оставаться пріятелями безъ непремѣннаго посѣщенія Боржевскимъ семьи Тарновскаго. Но жена не слушалась. Ввязчивость Боржевскаго стала поразительною. Онъ даже проникъ въ деревню къ женѣ Тарновскаго, когда она тамъ была одна, и эта своевластная супруга имѣла нагласть вызвать мужа телеграммою для медицинской помощи, когда гостившій у нея Боржевскій ранилъ себѣ палецъ... Тарновскіе уѣхали въ Киссингенъ—Боржевскій выросъ передъ ними въ Киссингенѣ, какъ изъ подъ земли... Возвратились въ Кіевъ—тѣ же постоянные визиты. Затѣмъ начинается (знакомое уже Тарновскому по прежнему опыту съ Толстымъ), задираніе его со стороны Боржевскаго. Опять требованіе дуэли! Какая непостижимая глупость! За что, по какому праву Боржевскій лѣзетъ драться съ Тарновскимъ?! Боржевскій, видите ли, любитъ его жену. А та шутитъ надъ мужемъ, надъ его трусостью и не говоритъ ни „да“, ни „нѣтъ“ насчетъ своихъ чувствъ къ Боржевскому. Боржевскій же, грозя побить, и даже убить Тарновскаго, если онъ не приметъ дуэли, тоже не говоритъ ему ничего путнаго о своихъ намѣреніяхъ. Есть отъ чего съ ума сойти!.. И послалъ же Господь Тарновскому неразрѣшимую задачу, въ видѣ этихъ двухъ личностей, способныхъ измотать всякую душу!...

Не стану разбирать безтолковыхъ записокъ и разговоровъ Боржевскаго въ послѣдніе дни передъ развязкою. Никакой мудрецъ не могъ-бы добиться, чего же, наконецъ, хотѣли отъ Тарновскаго его жена и ея пріятель. Одно только было ясно, что, какъ говорятъ всѣ окружающіе, его „травили“...

И вотъ, доведя мужа до невозможности не только выносить присутствіе Боржевскаго, но даже слышать его имя,—жена задумываетъ мирить соперниковъ. Она устраиваетъ совмѣстную поѣздку съ Боржевскимъ въ театръ, а послѣ спектакля въ ресторанъ. И вѣдь подъ какимъ предлогомъ навязывается Тарновскому это испытаніе! Подъ предлогомъ спасенія семейной чести передъ публикой — для того, дескать, чтобы рѣзкій разрывъ съ Боржевскимъ, послѣ прежнихъ пріятельскихъ отношеній, не вызвалъ подозрѣній, будто у жены могъ быть какой нибудь романъ съ Боржевскимъ,—для того, чтобы ея имя осталось чистымъ... И это предлагается неотразимо-ласковымъ женскимъ голосомъ со словами: „поцѣлуй меня“...

Бѣдный Тарновскій согласился и на эту послѣднюю пытку.

Понятно, что, если бы жена захотѣла сохранить мужа и отказаться отъ любовника, она бы сумѣла это сдѣлать. Она бы дала понять Боржевскому, что побаловались довольно, что мужъ слишкомъ страдаетъ, что надо показаться въ театрѣ только во избѣжаніе сплетенъ, а затѣмъ понемногу все должно прекратиться. Но, очевидно, имѣлось въ виду другое,—довести этого несчастнаго, слабаго мужа до бѣшенства. Дѣйствительно, едва только Тарновскій пріѣхалъ съ женою въ театръ и встрѣтился съ Боржевскимъ, какъ почувствовалъ, что Боржевскій на прежнихъ основаніяхъ утверждается въ правахъ домашняго друга. Его самодовольная манера обращаться, любезность къ нему жены были тѣ же. Тарновскій понялъ, что истязаніе продолжается. Чего только не перечувствовалъ онъ за этотъ спектакль!! Я вполнѣ допускаю, что, вырвавшись на воздухъ и сѣвъ на извозчика, Тарновскій, переполненный ненавистью къ сопернику за эти часы мученій, готовый мысленно изуродовать или задушить его, подумалъ вслухъ: „будетъ же помнить Боржевскій!“...

Но у людей слабонервныхъ и вспыльчивыхъ такое напряженное настроеніе можетъ легко исчезнуть при первомъ же поворотѣ къ лучшему. Въ ресторанѣ, за ужиномъ, все могло бы еще сладиться. Однако же, въ ресторанѣ дѣло ухуд-

шилось. Влюбленная парочка не стѣснялась. Боржевскій заказывалъ оркестру свои любимые романсы,—тѣ самые которые играла Марья Николаевна у себя дома, когда онъ пожиралъ ее глазами. Онъ и теперь обмѣнивался съ нею тѣми же взорами. Терпѣніе Тарновскаго истощалось. Онъ скрипѣлъ зубами.

Но и это еще не рѣшило катастрофы. Гнѣвъ Тарновскаго могъ бы обрушиться по пріѣздѣ домой только на жену, если бы, по крайней мѣрѣ, выходъ и отъѣздъ супруговъ изъ ресторана совершился благополучно, если бы по выходѣ въ переднюю, Боржевскій, наконецъ, раскланялся и отсталъ. Но онъ не отрывался отъ своей дамы... Онъ вышелъ зимою, во фракѣ, подсаживать ее въ сани. Онъ, при мужѣ, приблизилъ свои губы къ ея лицу—такъ, что нельзя было разобрать, нашептываетъ-ли онъ ей или цѣлуетъ ее...

Это было первымъ безстыдствомъ любовниковъ въ присутствіи мужа, ибо все предыдущее тщательно скрывалось отъ него прислугою, телефонными сигналами и т. д. Это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, „послѣднею каплею“.

Весь міръ завертѣлся въ глазахъ Тарновскаго. Онъ выстрѣлилъ... Боржевскій упалъ.

Долгія нестерпимыя муки Тарновскаго разрядились.

Когда раненнаго Боржевскаго вынесли обратно въ гостинницу, онъ взглянулъ влюбленными глазами на шедшую за нимъ Марію Николаевну и пробормоталъ по французски: „Это ничего... я все-таки счастливъ... я люблю тебя!“, на что Марія Николаевна рѣзко замѣтила: „не говорите мнѣ „ты“, васъ могутъ услышать“... И дѣйствительно—французъ метръ-д'отель слышалъ этотъ обмѣнъ фразъ.

И вотъ, я, такой же человѣкъ, какъ вы, я чувствую, что не могу винить Тарновскаго, по совѣсти. Все, послѣдовавшее за выстрѣломъ, еще болѣе утверждаетъ меня въ такомъ сужденіи. Здѣсь все ясно и безъ психіатріи.

Очнувшись послѣ выстрѣла, Тарновскій вдругъ увидѣлъ что онъ впалъ чуть ли не въ еще большее несчастіе, чѣмъ все, что онъ переносилъ до секунды самозабвенія. Онъ твердилъ окружающимъ: „думалъ ли я, что со мной случится что-либо подобное?“ „Я никого никогда въ жизни

не ударилъ—и вдругъ!“... „Я не знаю, что со мною случилось; какъ я могъ рѣшиться на подобный поступокъ!“... „Я рѣшительно ничего не помню“. Затѣмъ онъ бормоталъ: „убилъ“, „жена“, „Танечка“, „я долженъ умереть“, „все погибло“, причемъ то и дѣло твердилъ: „только бы онъ остался живъ“... Когда же узналъ, что Боржевскій живъ, то сталъ на колѣни и повторилъ много разъ: „Слава Богу! Слава Богу!“ *).

Все это вы знаете отъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Но если все это достовѣрно, то какъ же винить человѣка за то, чего онъ не желалъ, что совершилось помимо его воли, неисполненію чего онъ самъ, прежде другихъ, радовался, обращаясь съ неудержимою, глубокою благодарностью къ Богу?!...

Вашъ долгъ удалять изъ общества только дурныхъ, злонамѣренныхъ, вредныхъ, опасныхъ людей. Вы не сухіе юристы, вы—живые сердечные судьи совѣсти. И вы не осудите человѣка съ добрѣйшею душою, привязчиваго, искренняго, всѣми любимаго, но замученнаго двумя своими недругами до потери всякаго смысла...

Судъ присяжныхъ всегда пойметь истинное горе подсудимаго. Этотъ судъ всегда отличитъ человѣка несчастнаго и безвреднаго отъ виновнаго.

Тарновскій былъ оправданъ.

---

*) Пуля была извлечена изъ раны въ ту же ночь. Боржевскій такъ быстро оправился, что на третій день завтракалъ въ ресторанѣ, съ повязанной головой. Затѣмъ, онъ уѣхалъ съ Тарновской въ Крымъ, гдѣ велъ обычный образъ жизни. Однако на двадцатый день рана загноилась, и Боржевскій черезъ сутки скончался.

Дѣло Андреева.

Дѣло Андреева.

Убійство жены.

Гг. присяжные засѣдатели!

Убійство жены или любовницы, точно также, какъ убійство мужа или любовника, словомъ, лишеніе жизни самаго близкаго существа на свѣтѣ,—каждый разъ вызываютъ предъ нами глубочайшіе вопросы душевной жизни. Приходится изучать всесторонне его и ее. Вамъ необходимо постигнуть обоихъ и сказать о нихъ сущую правду, считаясь съ тѣмъ, что они другъ друга не понимали, потому что всегда и всюду „чужая душа потемки“. А въ супружествѣ, гдѣ, казалось бы, у мужа и жены одна душа и одно тѣло,—это общее правило подтверждается особенно часто.

Кстати, едва ли сыщется другая пара, столь благоустроенная по видимости, и столь разобщенная внутри, какъ Андреевъ и Зинаида Николаевна.

Посмотримъ же, какимъ образомъ сплелась ихъ судьба.

Начнемъ съ мужа.

Первымъ бракомъ Андреевъ женился еще на 23-мъ году. Бракъ былъ спокойный, безъ особеннаго увлеченія. Дѣвушка была изъ хорошей семьи, на три года моложе Андреева. Супруги зажили дружно. Андреевъ оставался вѣрнымъ мужемъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Разнообразія въ женщинахъ онъ не искалъ, не любилъ и даже не понималъ. Онъ былъ изъ породы „однолюбовъ“. Такъ длилось свыше десяти лѣтъ. Лишь на тридцать пятомъ году передъ Андреевымъ явилось искушеніе въ лицѣ Сарры Левиной. Помимо своей воли онъ былъ одурманенъ. Въ немъ заговорила, если хотите, „вторая молодость“, потому-что первая прошла незамѣтно. Это роковое чувство гораздо глубже и полнѣе

захватываетъ воздержнаго и не развратнаго человѣка, нежели первое, естественное влеченіе къ женщинѣ. Скромный мужчина, прозѣвавшій бурныя страсти юности, въ такихъ случаяхъ думаетъ себѣ: „Вотъ оно, наконецъ, то настоящее счастье, которое, кажется, всѣ знаютъ, а я еще никогда не испыталъ“...

Я назвалъ Андреева „однолюбомъ“, а теперь будто впадаю въ противорѣчіе... Какъ же „однолюбъ“, если „вторая молодость“?

Но люди вполнѣ чистые въ половомъ отношеніи весьма рѣдки. Т. е., конечно, есть на свѣтѣ безупречныя женщины, не знавшія никого, кромѣ своего мужа. Бываютъ и мужья, остающіеся вѣрными своимъ женамъ, вступая съ ними въ бракъ послѣ всяческаго дебоширства. Но едва ли когда-либо доселѣ была такая супружеская чета, которая и соединилась при обоюдной невинности, и осталась непорочною до гроба. Поэтому Андреевъ, знавшій въ теченіе тридцати лѣтъ всего двухъ женщинъ, можетъ быть названъ мужчиною цѣломудреннымъ, чистымъ,склоннымъ къ единолюбію.

Первая встрѣча Андреева съ своей „суженой“ произошла въ Лѣсномъ, на общественномъ гуляньѣ. Ему назвали ее, какъ общедоступную „барышню“, изъ швеекъ.

За нею ухаживали многіе любители развлеченій. Но вся она, съ головы до ногъ, какъ-то сразу ударила его по сердцу. Объяснить этого чувства нельзя... У каждаго есть своя предназначенная женщина, отъ которой никуда не спасешься... Такою была и Сарра Левина для Андреева. Съ каждой новой встрѣчею онъ увлекался больше и дальше. Онъ дѣлалъ ей подарки, выражалъ свои чувства. Она видимо приглядывалась къ нему и подавала надежды. Наконецъ, его нѣжность и увлеченіе сдѣлали свое дѣло. Она почуяла въ немъ нѣчто прочное—и отдалась... Она не была невинной. Какъ всегда въ этихъ случаяхъ, въ прошломъ любовницы оказалось что-то неопредѣленное: не то мимолетные романы, не то неосторожность. Андреевъ не углублялся и ничего знать не хотѣлъ. Первыя раскрытыя ему объятія рѣшили его судьбу. Онъ уже не могъ быть вѣрнымъ своей женѣ, онъ могъ быть вѣрнымъ только Левиной.

Пришлось объясниться съ женою. Началась ломка семьи. Жена не легко отдавала своего вѣрнаго мужа, тѣмъ болѣе, что соперница скандалила и всячески оскорбляла ее. Встрѣчаясь съ нею на улицѣ, Левина показывала ей языкъ. Заставъ у ея подъѣзда готовый экипажъ, Левина въ него садилась и приказывала кучеру везти ее, а не барыню. А г-жа Андреева только удивлялась, куда дѣвался ея экипажъ... Андреевъ былъ между двухъ огней. Сознавая себя невольнымъ грѣшникомъ, онъ мучился за причиняемыя женѣ оскорбленія и въ то же время не могъ винить Левину, видя въ ея скандалахъ доказательство ея ревности, ея взаимности, ея желанія соединиться съ нимъ нераздѣльно, къ чему онъ и самъ стремился всѣмъ сердцемъ. Тяжкое время переживалъ онъ...

Между тѣмъ, Левина забеременѣла. Андреевъ обрадовался, ибо увидѣлъ въ этомъ новое закрѣпленіе своей связи, такъ сказать, свыше. Положеніе обострялось, потому что жена, возмущенная наглостью Левиной, принимала свои мѣры, чтобы избавить отъ нея мужа. Она добилась того, что полиція „припугнула“ Левину... Ничего не подозрѣвавшій Андреевъ засталъ однажды свою беременную любовницу въ обморокѣ, съ повѣсткой о высылкѣ изъ Петербурга, Онъ экстренно пустилъ въ ходъ всѣ свои связи, и ему удалось парализовать высылку благодаря вмѣшательству въ дѣло градоначальника Грессера. Не желая впредь подвергать любимую женщину подобнымъ случайностямъ, онъ тотчасъ-же записалъ ее въ гильдію. Наконецъ жена подчинилась своей участи. Андреевъ вполнѣ обезпечилъ ее и ихъ маленькую дочь. Было рѣшено, что жена не будетъ препятствовать сожительству Андреева съ Левиной, но разводъ не состоится, пока дочь отъ перваго брака не выйдетъ замужъ. Съ величайшимъ трудомъ первая семья была устроена и фактически отпала. Какъ только у Левиной родилась дочь, она приняла православіе и назвалась Зинаидой. Крещеніе было необходимо для того, чтобы Андреевъ могъ узаконить новорожденную. Въ то же время, по настоянію Андреева, и онъ, и его подруга составили завѣщаніе въ пользу этого ребенка. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже 17 лѣтъ,

какъ видѣнная вами барышня является единственною наслѣдницею послѣ своихъ родителей.

И мы должны отдать справедливость обоимъ супругамъ перваго брака: каждый изъ нихъ свято оберегалъ интересы дѣтей.

И вотъ началась у Андреева новая семья. Казалось бы, пара была вполнѣ подходящая. Разница лѣтъ, двѣнадцать, очень хорошая. Оба изъ купеческой среды, не особенно образованные. Она уже помыкалась въ безденежьѣ, безъ опредѣленнаго заработка и ранѣе встрѣчи съ Андреевымъ рисковала, какъ говорится, „ходить по рукамъ“... Ей достался человѣкъ солидный, вѣрный, не чаявшій въ ней души, окруживший ее достаткомъ, любовью и нѣжными заботами. Чего бы кажется еще желать? И дѣйствительно, Андреевъ ничего больше не желалъ.

Въ печати, не зная дѣла, уже разсуждали объ этомъ союзѣ. Удивлялись, что биржевой маклеръ сдѣлался героемъ уголовнаго романа. Предполагали, что здѣсь проза заѣла поэзію, что эгоистичный, состоятельный торгашъ загубилъ порывистую женскую натуру и т. д.

Ничего подобнаго здѣсь не было. Андреевъ имѣлъ полное право считать себя счастливымъ мужемъ. Спросятъ: „Какъ, мужемъ? Да вѣдь Левина почти 14 лѣтъ была у него на содержаніи...“ Стоитъ-ли противъ этого возражать? Въ общежитіи, изъ лицемѣрія, люди придумали множество фальшиво-возвышенныхъ и фальшиво-презрительныхъ словъ. Если мужчина повѣнчанъ съ женщиной, о ней говорятъ: „супруга, жена“. А если нѣтъ, ее называютъ: „наложница, содержанка“. Но развѣ законная жена не знаетъ, что такое „ложе“? Развѣ мужъ почти всегда не „содержитъ“ свою жену? Истиннымъ бракомъ я называю такой любовный союзъ между мужчиной и женщиной, когда ни ей, ни ему никого другого не нужно, — когда онъ для нея замѣняетъ всѣхъ мужчинъ, а она для него всѣхъ женщинъ. И въ этомъ смыслѣ для Андреева избранная имъ подруга была его истинною женою.

Кстати, первая жена своевременно сдержала слово: послѣ замужества ея дочери состоялся разводъ, и за три

года до катострофы Зинаида Николаевна обвѣнчалась съ Андреевымъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что Андреевъ „безумно“ любилъ свою жену. Почему? Если для кого либо изъ васъ неясно, я вамъ помогу.

Возьмите всю жизнь Андреева. Вы увидите, что онъ работалъ безъ устали и работалъ успѣшно. Добывалъ очень хорошія деньги. Но деньгами не дорожилъ. Роскоши не понималъ. Убыточныхъ увлеченій не имѣлъ. Не игрокъ, не пьяница, не обжора, не сладострастникъ, не честолюбецъ. Въ сущности, вся работа уходила на другихъ. Онъ отдалъ большой капиталъ первой семьѣ. Помимо того, участвовалъ во всевозможныхъ благотворительныхъ обществахъ и заслужилъ разныя почетныя званія. Высшіе духовные интересы — наука, искусство — были ему чужды. Скажите: надо же было имѣть и этому хорошему человѣку что-либо такое, что бы составляло его личное счастье, его отдыхъ, его утѣшеніе. И его повлекло къ тому простому счастью, которое вложено въ насъ самой природой, — къ излюбленной женщинѣ, которая бы пополнила одиночество мужчины. Что бы тамъ ни говорили, но „не подобаетъ быть человѣку едину“. Это законъ жизни, основа всего міра. Какую бы дружбу мы къ ближнимъ ни испытывали, мы все-таки чувствуемъ себя отдѣленными отъ нихъ. Только въ существѣ другого пола мы находимъ какъ бы частицу своего сердца, которое стучитъ намъ навстрѣчу и сливаетъ насъ съ этимъ существомъ нераздѣльно. Эту высшую радость Андреевъ нашелъ въ своей второй женѣ. Онъ не зналъ, какъ отблагодарить ее... Исполнялъ всѣ ея прихоти. Отдавалъ ей все, что у него было. Уступалъ ея рѣзкостямъ, всегда умѣлъ оправдывать ея шероховатости.

По своимъ ощущеніямъ, онъ могъ бы поклясться, что эта женщина ни въ комъ другомъ не нуждается. И такъ какъ онъ никакой иной женщины не обнималъ, то онъ сросся съ женой, онъ видѣлъ въ ней и въ себѣ двѣ неразрывныя половины одного созданія Божія.

Не сомнѣваюсь, что Сарра Левина, благодаря своему легкому взгляду на мужчинъ и чувственному темпераменту, отдавалась своему здоровому супругу съ полнѣйшей для

него иллизіей горячей взаимности. Чего бы онъ могъ еще требовать? И въ такомъ заблужденіи онъ прожилъ, насколько возможно, счастливо, въ теченіе почти семнадцати лѣтъ... Какъ вдругъ!..

Но здѣсь мы оставимъ мужа и обратимся къ женѣ.

Тяжело говорить о мертвыхъ. Гнусно было бы лгать на нихъ, потому что они возразить не могутъ. Но такъ какъ „мертвые срама не имутъ“, то высказывать о нихъ правду не только возможно, но даже и необходимо, потому что каждый умершій есть поученіе для живыхъ.

Итакъ, присмотримся къ Саррѣ Левиной.

Связавшись съ Андреевымъ, приживъ отъ него ребенка и переманивъ его къ себѣ на правахъ мужа, Зинаида Николаевна сообразила, что она пріобрѣла семейное положеніе, и однако же нисколько не утратила своей свободы. Снаружи она все такъ обставила, что, какъ ей думалось, никогда и ничѣмъ не рисковала. Почти весь день былъ въ ея распоряженіи, такъ какъ мужъ работалъ въ городѣ съ утра до обѣда. Кромѣ того ей иногда удавалось ѣздить одной въ Михайловскій театръ, куда мужъ не заглядывалъ. Наконецъ, она усвоила привычку жить лѣтомъ въ Царскомъ, куда мужъ пріѣзжалъ только два раза въ недѣлю. Вездѣ, гдѣ она появлялась, она всегда производила своею эффектною наружностью впечатлѣніе на мужчинъ. Это ей нравилось. Легкость обращенія съ ними у нея осталась съ первой молодости. Мы знаемъ отъ инженера Фанталова, что добиться взаимности г-жи Андреевой было нетрудно. Возможно поэтому, что она не разъ обманывала мужа. Но насъ интересуетъ только одинъ ея романъ, вполнѣ доказанный и весьма длинный, съ генераломъ Пистолькорсомъ. Спѣшу, впрочемъ, добавить, что я разумѣю здѣсь романъ только со стороны генерала, который былъ дѣйствительно влюбленъ въ Андрееву.

А она?

Я не вижу въ ея жизни ни одного случая, гдѣ бы она любила кого-бы то ни было, кромѣ себя. И какъ бы это ни показалось прискорбнымъ для генерала Пистолькорса, слѣдуетъ сказать, что и его она не любила. Генералъ ате-

стуетъ покойную съ наилучшей стороны: „правдивая, честная, умная, скромная“... Такъ-ли это? „Правдивая“? Она ему солгала, что она замужемъ. „Честная“? Она еще въ 1903 г., живя въ довольствѣ, взяла отъ Пистолькорса, Богъ вѣсть за что, 50 тыс. рублей. „Умная“? Въ практическомъ смыслѣ, да, она была не-промахъ. Но въ смыслѣ развитія она была ужасно пуста и мелочно-тщеславна. Наконецъ, „скромная“... Объ этой скромности генералъ можетъ теперь судить по разсказамъ инженера Фанталова... Дѣло ясно: генералъ былъ очень влюбленъ и потому слѣпъ.

Безцеремонность Зинаиды Николаевны въ ея двойной игрѣ между любовникомъ и мужемъ прямо изумительна. Возьмите хотя бы ея бракосочетаніе съ Андреевымъ послѣ того, какъ она уже получила задатокъ отъ Пистолькорса. Вѣнчаніе происходитъ 18 апрѣля 1904 г. Религіозный, счастливый женихъ, Андреевъ, съ новехонькимъ обручальнымъ кольцомъ, обводитъ вокругъ аналоя свою избранницу. Онъ настроенъ торжественно. Онъ благодаритъ Бога, что наконецъ узаконяетъ предъ людьми свою любовь. Новобрачные, въ присутствіи приглашенныхъ, цѣлуются... А въ ту-же самую минуту блаженный Пистолькорсъ, ничего не подозрѣвающій объ этомъ событіи, думаетъ: „Конечно, самое трудное будетъ добиться развода. Но мы съ ней этого добьемся! Она непремѣнно развяжется съ мужемъ для меня...“ Неправда-ли, какъ жалки эти оба любовника Сарры Ле виной?

И однако же, если подумать, можемъ ли мы строго винить ее? Вспомните: она выросла и расцвѣла въ такой средѣ, гдѣ легкое поведеніе дѣвушки не считалось позорнымъ. Природа ей дала прекрасное тѣло. Она воспользовалась этимъ оружіемъ. Ей все давалось легко, и она вообразила, что кромѣ личныхъ удовольствій ей рѣшительно не о чемъ думать въ жизни. Она превратилась въ избалованную эгоистку, считавшую, что всякаго сорта ложь, грубости и капризы ей сойдутъ даромъ. Душа воспитывается только въ несчастіяхъ, а она ихъ никогда не знала и едва ли могла постигнуть чужое горе. Ея трагическій конецъ и причиненныя ею огорченія объясняются только тѣмъ, что

люди, одаренные душою, ее совсѣмъ, совсѣмъ не понимали...

Ей, напримѣръ, даже не приходило въ голову, что, закрѣпивъ свою связь съ Пистолькорсомъ и посуливъ ему замужество,—она тѣмъ самымъ разрушала всю жизнь своего несчастнаго мужа.

Ей казалось, что предстоитъ лишь самая обыкновенная сдѣлка относительно нея между двумя мужчинами—и ничего болѣе. Она даже додумалась до нелѣпости, что они оба будутъ одинаково рады, такъ какъ ей этотъ переходъ весьма выгоденъ и пріятенъ, и что ея теперешній мужъ даже подружится съ новымъ...

Всякая иная по-неволѣ бы затревожилась, предвидя страшную ломку долголѣтнихъ близкихъ отношеній къ вѣрному другу. Она бы постаралась смягчить ударъ. Можно было-бы напримѣръ въ письмахъ изъ-заграницы къ мужу пожаловаться на болѣзненную тоску, на неопредѣленное ожиданіе какого-то горя и т. п. Но для г-жи Андреевой все было „трынъ-трава“. За границей она смѣло держитъ себя съ Пистолькорсомъ, какъ невѣста. Передъ самымъ выѣздомъ въ Россію она беретъ отъ Пистолькорса браслетъ въ 1.200 марокъ. Временно разставаясь съ нимъ, она заставляетъ дочь сочинять ему влюбленныя телеграммы. Ея обрученіе съ нимъ должно состояться чуть-ли не тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ. А въ то же время мужу посылаютъ прежнія письма: „Милый Миша“, „Добрый Миша“. Въ этихъ письмахъ продолжаются требованія разныхъ суммъ на всякіе расходы... И въ самомъ послѣднемъ письмѣ говорится: „Мы сожалѣемъ, что ты не съ нами...“ Ну, гдѣ же тутъ было бѣдному Андрееву догадаться, что съ пріѣздомъ жены можетъ стрястись надъ нимъ ужаснѣйшая катастрофа?! О Пистолькорсѣ онъ только слыхалъ отъ жены, что она гдѣ-то, давно тому назадъ, съ нимъ познакомилась. Но самъ онъ съ Пистолькорсомъ разговаривалъ всего разъ въ жизни на какой-то выставкѣ, гдѣ ихъ познакомила жена. Въ домѣ у себя онъ его никогда не видѣлъ, и вообще все, что тянулось между Пистолькорсомъ и его женою уже около трехъ лѣтъ, было до такой степени отъ него скрыто,

что о Пистолькорсѣ онъ думалъ столько же, какъ о всякомъ прохожемъ на Невскомъ...

Наконецъ жена пріѣхала. И вотъ еще одна изумительная подробность: въ первую же ночь г-жа Андреева отдается своему мужу, будучи еще не совсѣмъ здоровою, непремѣнно требуя отъ него ласки!.. Я думаю, что этого ея поступка ни Пистолькорсъ, ни Андреевъ никогда въ жизни не поймутъ...

И въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь это новое и послѣднее сближеніе съ мужемъ неминуемо должно было удвоить его будущую ревность послѣ признанія жены. Этотъ любовный актъ былъ въ то же время и заочнымъ поруганіемъ чувствъ Пистолькорса. Но г-жа Андреева судила иначе. Она, вѣроятно, думала, что „послѣ этого“ Миша будетъ съ нею добрѣе и весьма легко на все согласится... Дѣйствительно, на слѣдующій же день, за утреннимъ чаемъ, развязно посмѣиваясь, она вдругъ брякнула мужу:

„А знаешь? Я выхожу замужъ за Пистолькорса“...

Гг. присяжные засѣдатели!

Все, что я до сихъ поръ говорилъ, походило на спокойный разсказъ. Уголовной драмы какъ будто даже издалека не было видно.

Однако же, если вы сообразите все предыдущее, то для васъ станетъ ясно, какая страшная громада навалилась на душу Андреева. Съ этой минуты собственно и начинается защита.

Въ жизни Андреева произошло нѣчто вродѣ землетрясенія, совсѣмъ какъ въ Помпеѣ или на Мартиникѣ. Чудесный климатъ, всѣ блага природы, ясное небо. Вдругъ показывается слабый бѣлый дымокъ. Затѣмъ черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вотъ уже и солнца не видать. Полетѣли камни. Разливается огненная лава. Гибель грозитъ отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужасъ. Наконецъ неожиданный подземный ударъ, трескъ, и—все погибло.

Все это, отъ начала до конца, продолжалось въ теченіе ужасныхъ 12 дней.

„А знаешь? Я выхожу замужъ за Пистолькорса“...

Въ первую минуту Андреевъ принялъ слова жены за самую вздорную шутку. Но она ихъ повторила. Онъ вытаращилъ глаза... Дальше-больше. Жена продолжаетъ развивать свои планы. Ея упорство обнаруживается яснѣе. Онъ все еще не хочетъ вѣрить. Но имя Пистолькорса все громче врывается въ его домъ, какъ имя человѣка, вытѣсняющаго его самого съ дороги. Жена открыто переговариваетъ съ Пистолькорсомъ по телефону. Наконецъ, дочь послѣ долгихъ колебаній сообщаетъ отцу о серьезныхъ намѣреніяхъ матери, раскрываетъ передъ нимъ ея давнишній романъ... Андреевъ начинаетъ чувствовать гибель. Онъ покупаетъ финскій ножъ, чтобы покончить съ собою. Пришлось купить ножъ, потому что на покупку револьвера требовалось разрѣшеніе, а приливъ отчаянія могъ наступить каждую минуту, и ему казалось, что если онъ будетъ имѣть при себѣ смерть въ карманѣ, то онъ сможетъ еще держаться на ногахъ, ему легче будетъ урезонивать жену, упрашивать, сохранить ее за собою...

Весь обычный порядокъ жизни исчезъ! Мужъ теряетъ жену. Онъ не спитъ, не ѣстъ отъ неожиданной бѣды. Онъ все еще за что-то цѣпляется, хотя и твердитъ своей дочери: „Я этого не перенесу“... Пока ему все еще кажется, что жена просто дуритъ. Соперникъ всего на одинъ годъ моложе его. Средствъ у самого Андреева достаточно. А главное: Зинаида Николаевна даже не говоритъ о любви. Она, какъ сорока, трещитъ только о милліонахъ, о высокомъ положеніи, о возможности попасть ко двору. Оставалась невольная надежда ее образумить.

Явился, наконецъ, къ Андрееву и самъ Пистолькорсъ съ предложеніемъ о разводѣ. Но Андреевъ и ему еще не говорилъ ни „да“, ни „нѣтъ“. „Дѣло серьезное, надо подумать“...

Между тѣмъ, раздраженная Зинаида Николаевна начинаетъ бить дочь за потворство отцу. Андреевъ тревожится за дочь, запираетъ ее отъ матери и все думаетъ, думаетъ... О чемъ онъ думаетъ? Онъ думаетъ, какъ ужасно для него отречься отъ женщины, которой онъ жертвовалъ всѣмъ; какъ безпросвѣтна будетъ его одинокая старость, а главное—онъ не понимаетъ, ради чего все это дѣлается...

Дѣйствительно. Если бы г-жа Андреева имѣла хоть чуточку женской души, если бы она въ самомъ дѣлѣ любила Пистолькорса, и если бы она сколько-нибудь понимала и цѣнила сердце своего мужа, она бы весьма легко распутала свое положеніе. Конечно, пострадалъ бы мужъ, но сама Андреева достигла бы желаемаго безъ малѣйшей катастрофы для себя.

Подготовивъ мужа издалека (о чемъ я уже говорилъ), она бы могла искренно и съ полнымъ правомъ сказать ему:

„Миша, со мною случилось горе. Я полюбила другого. Не вини меня. Вѣдь и ты пережилъ то же самое. Жена тебя простила. Прости же меня и ты. Я тебѣ отдала всѣ свои лучшіе годы. Не принуждай меня быть такою же любящею, какою ты меня зналъ до сихъ поръ. Это уже не въ моей власти. Счастья у насъ не будетъ. Отпусти меня, Миша. Ты видишь, я сама не своя. Что же я могу сдѣлать?..“

Неужели не ясно для каждаго, что такія слова обезоружили бы Андреева окончательно? Все было бы ясно до безнадежности. Онъ бы отстранился, и, вѣроятно, покончилъ съ собой.

Но г-жа Андреева ничего подобнаго не могла сказать именно потому, что вовсе не любила Пистолькорса. Она только бѣсилась, что мужъ осмѣливается перечить ея капризу.

И вотъ, утромъ 23 августа, она рѣшилась разрубить узелъ. Въ это время мужъ послѣ двѣнадцати безсонныхъ ночей, все еще на что-то надѣявшійся, уже собрался куда-то выйти по дѣлу и, какъ автоматъ, надѣлъ пальто. Зинаида Николаевна въ туфляхъ на босу ногу поспѣшила задержать его, чтобы сразу добиться своего.

Ни ей, никому въ домѣ, ни менѣе всего ея мужу не могло бы придти въ голову, что въ эти самыя мгновенія она прямо идетъ къ своей смертной казни и даже дѣлаетъ послѣдніе шаги въ жизни...

Она была слишкомъ самоувѣренна. Мужъ былъ слишкомъ тихъ и покоренъ.

Но она поступила, какъ дикое, тупое существо, забывшее о всемъ человѣческомъ. На безвиннаго и любящаго

мужа она накинулась съ яростною бранью... Она уже вообразила себя знатною дамою, съ властью Трепова въ рукахъ... Подбѣжавшая на шумъ дочь услыхала послѣднюю фразу матери: „Я сдѣлаю такъ, что тебя вышлютъ изъ Петербурга!..“

Эта женщина, спасенная Андреевымъ отъ ссылки, поднятая имъ изъ грязи, взлелѣянная, хранимая имъ, какъ сокровище, въ теченіе шестнадцати лѣтъ,—эта женщина хочетъ „скрутить его въ бараній рогъ“, истребить его безъ слѣда, раздавить его своей ногой!...

Тогда Андреевъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя пальто, со словами: „долго ли ты будешь оскорблять насъ?!“ схватилъ жену за руки, потащилъ въ кабинетъ—и оттуда, у самыхъ дверей, раздался ея отчаянный крикъ...

Въ нѣсколько секундъ все было кончено.

Андреевъ выбѣжалъ въ переднюю, бросилъ финскій ножъ и объявилъ себя преступникомъ.

Что совершилось въ его душѣ?

На этотъ вопросъ не можетъ быть того опредѣленнаго отвѣта, который необходимъ для судебнаго приговора, потому что при такомъ невыразимомъ душевномъ потрясеніи все въ человѣкѣ переворачивается вверхъ дномъ... Откуда-то изнутри въ Андреевѣ поднялась могучая волна, которая захлестнула собою и разумъ, и сердце, и совѣсть, и волю, и память о грозящемъ законѣ, и самую вѣру въ Бога...

Что здѣсь было? Ревность? Злоба? Запальчивость? Нѣтъ, все это не годится. Острая ревность была уже покорена, такъ какъ Андреевъ могъ дѣловито переговариваться съ своимъ соперникомъ. Злоба и запальчивость опять таки не вяжутся съ дѣломъ, потому что Андреевъ былъ добръ и выносливъ до послѣдней возможности.

Если хотите, здѣсь были ужасъ и отчаяніе передъ внезапно открывшимися Андрееву жестокостью и бездушіемъ женщины, которой онъ безвозвратно отдалъ и сердце, и жизнь... Въ немъ до бѣшенства заговорило чувство непостижимой неправды. Здѣсь уже орудовала сила жизни, которая ломаетъ все непригодное безъ прокурора и безъ суда... Уйти отъ этого неизбѣжнаго кризиса было некуда ни Андрееву, ни его женѣ...

Не обинуясь, я назову душевное состояніе Андреева „умоизступленіемъ“, — не тѣмъ умоизступленіемъ, о которомъ говоритъ формальный законъ (потому что тамъ требуется непремѣнно душевная болѣзнь), но умоизступленіемъ въ общежитейскомъ смыслѣ слова. Человѣкъ „выступилъ изъ ума“, былъ „внѣ себя“... Его ноги и руки работали безъ его участія, потому что душа отсутствовала...

Неужели собратья-люди этого не поймутъ?...

Какая глубокая правда звучитъ въ показаніи Андреева, когда онъ говоритъ: „крикъ жены привелъ меня въ себя!..“ Значитъ, *до этого крика* онъ былъ въ полномъ умопомраченіи...

Желалъ ли Андреевъ того, что сдѣлалъ? Нѣтъ, не желалъ, ибо на слѣдующій же день говорилъ своимъ знакомымъ: „Я, кажется, отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы этого не случилось“...

Наказывать кого бы то ни было за поступокъ, до очевидности безотчетный—нечеловѣчно, да и ненужно...

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

Я старался разъяснить предъ вами это дѣло на языкѣ вашей собственной совѣсти. По правдѣ говоря, я не сомнѣваюсь, что вы со мною согласитесь.

И вѣрьте, что Андреевъ выйдетъ изъ суда, какъ говорится, „съ опущенной головой“... На днѣ его души будетъ по прежнему неисцѣлимая рана... Его грѣхъ передъ Богомъ и кровавый призракъ его жены—во всемъ своемъ ужасѣ—останутся съ нимъ неразлучными до конца.

Андреевъ былъ оправданъ.

Отдѣлъ II.

РАЗНОРОДНЫЯ ДѢЛА.

Дѣло мировыхъ судей

Лагофета и Евскаго.

Дѣло мировыхъ судей Лагофета и Евскаго.

Превышеніе власти.

(Въ Харьковской судебной палатѣ).

Правительствующій Сенатъ нашелъ, что мировой судья Лагофетъ не имѣлъ законнаго основанія принимать къ своему разсмотрѣнію дѣло по заявленію, сдѣланному ему Можневскою и Ильинскимъ, такъ какъ оно вовсе не заключало въ себѣ спора или иска гражданскаго, и, по самому изложенію обстоятельствъ, внесенныхъ въ протоколъ 20-го марта 1877 года, ясно было, что вся цѣль обращенія къ нему этихъ лицъ состояла въ томъ, чтобы достигнуть признанія правъ Можневской на имущество, оставшееся послѣ смерти ея мужа, несмотря на утрату оставленнаго имъ завѣщанія. Цѣль эта, безъ всякаго сомнѣнія,—противозаконная и тѣмъ болѣе очевидная, что Лагофетъ прямо сознается въ томъ именно, что Можневская, до разбора дѣла, частнымъ образомъ просила его о признаніи наслѣдственныхъ ея правъ. Ильинскій же присоединилъ исковое требованіе въ 10 тыс. руб., уплаченныхъ Можневскою въ августѣ 1876 г., съ единственной лишь *цѣлью придать дѣлу такой характеръ, котораго лишено было домогательство Можневской*, не подлежащее вслѣдствіе этого, само по себѣ, разрѣшенію, но, несмотря на это, разрѣшенное и притомъ въ явное нарушеніе 131 ст. Уст. Гр. Суд., такъ какъ прямо выраженнаго требованія о признаніи правъ Можневской по завѣщанію заявляемо не было. При такихъ обстоятельствахъ, мировому судьѣ Лагофету не трудно было убѣдиться не только въ отсутствіи формальныхъ условій для принятія этого дѣла къ своему разсмотрѣнію, но и въ томъ, что лицами, къ нему обратившимися, руководило побужденіе уклониться отъ надлежащаго суда и достигнуть инымъ путемъ цѣли, несогласной съ закономъ. Такого рода соображенія обязывали обвиняемаго отказать въ требованіи этихъ лицъ; не сдѣлавъ же этого, а, напротивъ того, постановивъ упомянутое рѣшеніе, онъ совершилъ противозаконное дѣяніе, соотвѣтствующее законному понятію о превышеніи власти (341 ст. улож.), допущенномъ имъ, какъ онъ самъ

объяснилъ, съ цѣлью помочь Можневской въ полученіи завѣщаннаго ей имѣнія, несмотря на утрату завѣщанія ея мужа (374 ст.). Обращаясь, затѣмъ, къ обсужденію дѣйствій мирового судьи Евскаго, оказывается, что послѣдній, будучи, по собственному его сознанію, въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному Можневскому и къ вдовѣ его и коротко зная дѣла ихъ, очевидно, не могъ не знать, что предъявленный къ нему Ильинскимъ векселъ Можневской на 20 тыс. руб. былъ безденежный, и что, предъявляя его, Ильинскій и Можневская стремились лишь къ достиженію предположенной ими и вполнѣ извѣстной Евскому цѣли. Это подтверждается и тѣмъ, что по разобранному дѣлу Ильинскаго съ Можневскою, никакого спора между этими лицами не было, такъ какъ Можневская просила лишь сдѣлать ей уступку % и судебныхъ издержекъ, или же сдѣлать ей разсрочку въ платежѣ, и, слѣдовательно, уже одно это обстоятельство должно было служить указаніемъ Евскому, если бы онъ даже и не зналъ о безденежности векселя, на сомнительность дѣйствій обратившихся къ нему сторонъ, а вслѣдствіе этого и на необходимость устраниться отъ разбора дѣла по 30 ст. Уст. Гр. Суд. Посему и на Евскаго упадаетъ то же обвиненіе, какъ и на Лагофета, т. е. въ совершеніи дѣйствій, предусмотрѣнныхъ ст. 341 и 374 улож. Что касается до участія, принятаго Евскимъ въ продажѣ имѣнія Огарково, то объясненіе его, что запрещеніе 1061 ст. не можетъ къ нему относиться, неуважительно. Дѣйствительно, статья эта не называетъ непремѣннаго члена съѣзда—исправляя должность котораго, Евскій поручилъ судебному приставу торгъ—въ числѣ лицъ, не имѣющихъ права принимать въ немъ участія, но нельзя не остановиться и на томъ соображеніи, что на непремѣнномъ членѣ съѣзда, безспорно, лежатъ при торгахъ такія обязанности, которыя положительно лишаютъ его права являться на нихъ одновременно лицомъ должностнымъ и частнымъ. Такъ, по 1134 ст. Уст. Гр. Суд., въ случаѣ продажи имѣнія при мировомъ съѣздѣ, всѣ распоряженія, требующія судебнаго постановленія, дѣлаются непремѣннымъ членомъ, затѣмъ, по полученіи описи, онъ назначаетъ пристава для производства продажи (1139 ст.), и, наконецъ, онъ же постановляетъ опредѣленіе объ укрѣпленіи имѣнія за покупателемъ (1164). Хотя мировой судья Евскій исправлялъ должность непремѣннаго члена съѣзда лишь въ то время, когда онъ имѣлъ возможность осуществить первыя двѣ обязанности, тѣмъ не менѣе, и это вполнѣ достаточно для признанія того, что, участвуя въ торгахъ какъ лицо, пріобрѣтавшее продававшееся имѣніе, онъ нарушилъ 1051 ст., при чемъ ему не можетъ служить оправданіемъ объясненіе его, что онъ стремился лишь помочь Можневской и не имѣлъ корыстной цѣли, такъ какъ, каковы бы ни были отношенія его къ Можневской, онъ не имѣлъ права нарушать служебныя свои обязанности, хотя бы въ видахъ огражденія интересовъ Можневской.

Гг. присяжные засѣдатели! Въ настоящемъ дѣлѣ, касающемся преступленій по должности, я чувствую себя гораздо болѣе въ роли переводчика, чѣмъ въ роли защитника, такъ какъ служебный міръ имѣетъ свое нарѣчіе и свои понятія, не всегда доступныя для публики. На службѣ, кромѣ жизни и дѣла, существуютъ еще безчисленныя статьи нашего законодательства, которыя на языкѣ оффиціальномъ замѣняютъ не только отдѣльныя слова и понятія, но иногда и цѣлый рядъ причинъ и доводовъ. Поэтому, когда въ отвѣтъ на какое нибудь наше ходатайство мы получаемъ бумагу, въ которой говорится, что, на основаніи такихъ-то статей, состоялось извѣстное опредѣленіе, то самыя цифры статей, подобно вставкѣ на турецкомъ языкѣ, проглатываютъ для насъ самую интересную часть текста; намъ всегда бываетъ чрезвычайно любопытно знать, что именно въ тѣхъ статьяхъ написано, и всегда кажется—будто онѣ не совсѣмъ приходятся къ нашему случаю. Поэтому, слѣдуетъ признать, что правда статейная, бумажная, юридическая есть одна правда, а правда живая, правда человѣческая—другая. И, слѣдовательно, когда на судъ гражданъ передается обвиненіе исключительно формальное и доступное только для юристовъ, тогда нужно попробовать вдохнуть въ него жизнь съ точки зрѣнія общечеловѣческой справедливости, и если за всѣмъ тѣмъ оно останется мертвымъ, то слѣдуетъ отбросить его, какъ праздное измышленіе канцелярской философіи.

Мировые судьи, Лагофетъ и Евскій, не имѣютъ самаго простого преимущества подсудимыхъ—понимать, по крайней мѣрѣ, за что они преслѣдуются. Ихъ обвиняютъ въ „превышеніи власти“. Это слово, взятое изъ юридическаго лексикона, ровно ничего не говоритъ воображенію. Такихъ же фактовъ со стороны Лагофета и Евскаго, которые бы соотвѣтствовали обыкновенному понятію о винѣ, вовсе не приводится. Даже въ тѣхъ мѣстахъ сенатскаго указа, гдѣ, наконецъ, излагаются совершенныя Лагофетомъ и Евскимъ преступленія, для ясности, въ скобкахъ, поставлены статьи закона. Не будь этихъ цифръ, сенату было бы очень трудно выразить самую идею преданія суду, потому что никакое

сочетаніе словъ не даетъ возможности описать, что собственно предосудительное сдѣлано подсудимыми. Поневолѣ приходится быть истолкователемъ основной мысли указа, заслоненной юридической терминологіей. Скучно излагать предъ вами гражданское дѣло и вдаваться въ подробности гражданскаго процесса. Все это вамъ чуждо и неинтересно, но въ настоящемъ дѣлѣ намъ необходимо вести такую небывалую бесѣду. Вы, быть можетъ, первые и даже, навѣрно, первые русскіе присяжные, которымъ приходится провѣрять, правильно ли рѣшено судьями гражданское дѣло, соблюдены ли кассаціонныя рѣшенія и различныя процессуальныя формы, и—странно сказать—къ этимъ исключительнымъ задачамъ сводятся ваши обязанности въ отношеніи Лагофета и Евскаго. Нечего дѣлать—разберемся. Вы помните, что для г-жи Можневской было тяжкое время, когда въ канцеляріи г. Аладьина затерялось духовное завѣщаніе ея мужа, которымъ онъ отказалъ ей въ собственность свое имѣніе, а племянницѣ своей, Ильинской, 10,000 рублей. Воля покойнаго была извѣстна всему околотку, самое завѣщаніе показывалось въ подлинникѣ всѣмъ мѣстнымъ властямъ, и вдругъ—оно исчезло. Потеряны ли съ нимъ и права? Неужели это возможно? Неужели нѣтъ закона, который бы могъ изгладить ужасныя послѣдствія безсмысленной случайности? Можно ли себѣ представить у дверей гражданскаго суда просителя болѣе праваго, чѣмъ тотъ, который въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ ищетъ судебной охраны и защиты? Всѣ мы, съ половины нашей жизни, начинаемъ работать и копить достатокъ для любимыхъ и близкихъ. Но къ чему тогда гражданскій строй и охраненіе накопленнаго имущества, если тотъ актъ, въ которомъ я, наконецъ, объявлю, для кого я берегъ и работалъ, если этотъ актъ не будетъ спасенъ судомъ въ критическую минуту послѣ моей смерти, когда я буду беззащитенъ, и когда каждый слѣпой случай можетъ сдѣлать безплодными всѣ труды моей жизни? Нѣтъ! Въ каждомъ судьѣ должно быть естественно стремленіе охранить и спасти истинную, извѣстную ему, волю умершаго. Понятно, что г-жа Можневская должна была встрѣтить законное со-

чувствіе у тѣхъ мировыхъ судей, къ которымъ она обратилась. Нужно было только подыскать законъ,—а такой законъ непремѣнно долженъ былъ найтись—и вотъ мѣстные юристы довольно удачно направили г-жу Можневскую къ разбирательству мировыхъ судей по 30 ст. Уст. Гражд. Суд. Эта статья — центральный пунктъ дѣла. Прокуроръ ее читаетъ такъ: „мировой судья можетъ принять къ своему разсмотрѣнію всякій *споръ* и искъ гражданскій, если объ стороны согласны". А я измѣню ударепіе и прочту ее такъ: „мировой судья можетъ принять къ своему разсмотрѣнію *всякій* споръ и искъ гражданскій". Обвинитель ударяетъ на словѣ „споръ", а я на словѣ „всякій". Впослѣдствіи сенатъ разъяснилъ, что спорность дѣла—дѣйствительно, существенное условіе для примѣненія этой статьи. Но вѣдь, въ сущности, сенатъ сдѣлалъ открытіе: теперь для насъ съ прокуроромъ эта статья, кажется, и не можетъ имѣть иного объясненія, какъ сенатскаго, а вѣдь прежде могли быть сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было толковать эту статью такъ, что цѣль закона состояла въ томъ, чтобы всякая претензія, еще и не разыгравшаяся въ очевидный споръ, прекращалась въ ближайшемъ судебномъ убѣжищѣ? Но если требовать и необходимость спора, то въ дѣлѣ Можневской спорное состояніе вытекало изъ ея отношеній къ Ильинской. По завѣщанію слѣдовало Можневской получить имѣніе, а Ильинской 10,000 р.; между тѣмъ, завѣщаніе было представлено къ утвержденію одною Можневскою. Ильинская требуетъ у нея свои 10,000 р., Можневская говоритъ, что завѣщаніе потеряно; Ильинская не вѣритъ и подозрѣваетъ уклоненіе Можневской отъ платежа денегъ; тогда Можневская возстановляетъ сущность завѣщанія свидѣтельскими показаніями, и судья присуждаетъ съ нея въ пользу Ильинской 10,000 руб. Такое дѣло разбиралъ и рѣшилъ почетный мировой судья Лагофетъ: вы его здѣсь видите—человѣкъ самый прямой и открытый, какого только можно себѣ представить. Сенатъ говоритъ, что онъ колебался принять это дѣло къ разбору. Да! но онъ не краснѣетъ за свои колебанія: они вовсе не вытекали изъ боязни совершить преступленіе, котораго здѣсь нельзя было

и предвидѣть—слишкомъ честны были побужденія; но онъ не рѣшался взяться за дѣло по неопытности, вслѣдствіе неясности закона; совѣтовался съ юристами, наконецъ, заботился о томъ, чтобы его рѣшеніе имѣло дѣйствительную, законную силу, принесло пользу — и потому взвѣшивалъ, принять или не принять дѣло къ разсмотрѣнію. Обдумалъ, истолковалъ законъ по своему разумѣнію и совѣсти, — и рѣшилъ. Говорятъ, это — превышеніе власти, потому что законъ не ясенъ, а рѣшеніе постановлено „съ цѣлью оказать помощь“ Можневской въ ея затруднительномъ положеніи. Да всякое рѣшеніе по гражданскому дѣлу имѣетъ цѣлью оказать кому нибудь помощь: не платятъ по векселю —чтобы оказать помощь взыскателю, присуждаютъ уплату; причинили вредъ — чтобы оказать помощь потерпѣвшему, присуждаютъ убытки. Въ этомъ только и задача гражданскаго суда... Мировой судья Евскій разрѣшилъ по тойже — 30 ст. — самое заурядное дѣло между Ильинскимъ и Можневскою о взысканіи 20,000 р. по векселямъ. И въ этомъ дѣлѣ, говоритъ сенатъ, не было спора, т. е. споръ былъ, но слишкомъ маленькій. Можневская просила Ильинскаго только сбавить проценты... Нѣтъ, — *ужъ позвольте на это замѣтить*, что между строгимъ формализмомъ и сердечнымъ состраданіемъ не можетъ быть колебаній: или то, или другое. Съ той самой формальной точки зрѣнія, которой держится сенатъ, Евскій не имѣлъ никакого права отказаться отъ разбора дѣла: какъ ни былъ ничтоженъ споръ, не дѣло судьи раздувать его и не его дѣло говорить сторонамъ, что претензіи ихъ слишкомъ малы; эти претензіи могутъ быть значительны въ глазахъ спорящихъ, а между тѣмъ, за отказомъ судьи въ разбирательствѣ, тяжущіеся должны, по суммѣ иска, вмѣсто ближайшаго мирового судьи, обращаться въ далекій окружный судъ, имѣть тамъ повѣреннаго, вносить пошлины и т. д.—словомъ, терпѣть различныя неудобства, отъ которыхъ ихъ избавляетъ самъ законъ, предоставляя имъ порѣшить дѣло на мѣстѣ. Таково превышеніе власти, допущенное Евскимъ. Затѣмъ, Евскій имѣлъ безспорное гражданское право купить имѣніе Можневской. Соединенное присутствіе никакъ не можетъ отнять у Ев-

скаго этого формальнаго права, и если бы Евскій обжаловалъ отмѣну торговъ въ гражданскій департаментъ сената, то высшая кассаціонная инстанція непремѣнно бы охранила его права на пріобрѣтенное имѣніе. Хорошо еще, что Евскій купилъ имѣніе только ради услуги г-жѣ Можневской, а если-бы онъ дорожилъ купленною собственностью? Ну, какъ, посудите, могло бы тогда соединенное присутствіе, подъ предлогомъ служебно-педагогическихъ соображеній, стѣснить Евскаго въ его законномъ правѣ? И за что такая облава статей на человѣка? Я скажу открыто: онъ сдѣлалъ доброе, хорошее дѣло—спасъ, въ безвыходномъ положеніи, женщину на краю разоренія, не отступивъ отъ буквы закона. Поэтому я даже не нахожу, чтобы онъ въ чемъ нибудь оскорбилъ служебные предразсудки и служебную чопорность. Онъ просто поступилъ по человѣчески, и въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго, тѣмъ болѣе, что всѣ судьи—люди, и ужъ пусть лучше они будутъ хорошими людьми, такъ какъ они имѣютъ возможность быть и дурными.— Никто—ни сенатъ, ни обвинитель—не укоряютъ Лагофета и Евскаго въ личныхъ или корыстныхъ цѣляхъ, на это нѣтъ даже намека. Но тогда—за что же они судятся? Быть можетъ, здѣсь кроется такая мораль: нельзя мирволить знакомому, какъ бы ты близко ни зналъ чистоту дѣла, будь ровенъ для всѣхъ, соблюдай формы. Правило—очень мудрое и достойное, но въ примѣненіи къ настоящему дѣлу оно отдаетъ мертвымъ педантизмомъ. Не случалось ли вамъ, сидя въ публикѣ, сожалѣть, что судъ не знаетъ истинной подкладки дѣла, и сѣтовать на слишкомъ формальный приговоръ. А здѣсь, когда судьи самымъ ближайшимъ образомъ знали чистоту дѣла, такъ сказать, непосредственно своею совѣстью осязали непокрытую правду, ихъ укоряютъ въ томъ, что имъ было слишкомъ многое извѣстно въ дѣлѣ! Гдѣ же тогда тотъ случай, когда судья можетъ, наконецъ, постановить рѣшеніе—согласное съ справедливостью? Въ сенатскомъ разъясненіи 30 ст. мы читаемъ, что оно вызвано практикою московскихъ мировыхъ судей, которые всѣ примѣняли ее такъ же, какъ Лагофетъ и Евскій. Однако, всѣ эти судьи свободны, ихъ не обвиняютъ въ превы-

шеніи власти! Возьмите, наконецъ, и то, что Лагофетъ и Евскій, рѣшая дѣло Можневской, еще не имѣли въ рукахъ сенатскаго разъясненія. Въ самомъ дѣлѣ, это такъ, и прокуроръ съ нами въ этомъ согласенъ. Выходитъ, слѣдовательно, что подсудимые виновны въ недостаткѣ предчувствія къ имѣющимъ состояться разъясненіямъ сената? Это совершенно непостижимо...

Въ заключеніе, нельзя отказаться отъ обобщеній. Вамъ предстоитъ высокая честь творить судъ надъ судьями. Нужно многое взвѣсить прежде, чѣмъ сдѣлать судью подсудимымъ, и такія зрѣлища, какъ сегодняшнее, не могутъ часто повторяться въ странѣ, уважающей своихъ представителей важнѣйшей общественной власти. Я не отдѣляю подсудимыхъ отъ судебнаго вѣдомства, къ которому они принадлежатъ, и вижу въ этомъ обширный матеріалъ для защиты. Наши русскіе судьи честны и, отмѣтимъ въ нихъ съ гордостью эту національную черту, они—человѣчны. Ихъ трудъ тяжелый, ихъ жизнь небогатая. Первоначальный достатокъ, которымъ ихъ желалъ обезпечить законодатель, въ настоящее время не существуетъ, но высокія преданія передаются преемственно. Мы видимъ нашихъ судей за поздними огнями: они работаютъ въ душныхъ камерахъ, и все это не изъ-за отличій, которыхъ имъ не полагается, а изъ уваженія къ нашимъ несчастіямъ, для помощи въ нашихъ столкновеніяхъ. Сердечное имъ за это спасибо! За 17 лѣтъ существованія реформы, печать не роптала на одни суды! Дорожа своимъ судомъ, неизмѣннымъ среди упадка нравовъ и треволненій дня, Россія можетъ о немъ сказать словами поэта, что онъ „какъ свѣжій островъ, цвѣтетъ безвредно средь морей“, вѣрный своему идеалу. Тѣмъ болѣе осторожно слѣдуетъ относиться къ такому суду, въ особенности въ вопросахъ принципіальныхъ, дабы не осуществилась пословица: „ученаго учить—только портить“. Тѣмъ прискорбнѣе юридическое недоразумѣніе, породившее настоящій процессъ.

Инстанція, предавшая подсудимыхъ суду, повидимому, полагаетъ, что нельзя обходить законъ ни вправо, ни влѣво, и какъ бы громко ни требовала жизнь, какъ бы ясно

ни подсказывала совѣсть необходимость болѣе свободнаго толкованія, всегда будетъ преступленіемъ—удаляться отъ текста. Мы смотримъ иначе. Мы полагаемъ, что законъ нельзя обходить только въ лѣвую сторону, въ сторону неправды; поэтому, если вы его обойдете вправо, въ сторону наибольшей справедливости, по чистѣйшимъ внушеніямъ совѣсти, то вы его не обойдете, а только точнѣе исполните, ибо тѣмъ самымъ достигнете завѣтной цѣли законодателя. Подсудимые не дозволили себѣ даже такого отступленія. Они полагали, что въ ихъ служебныхъ дѣйствіяхъ законныя формы и требованія правды были вполнѣ согласованы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы, будучи представителями суда общественнаго, протянете имъ руку, какъ своимъ достойнымъ товарищамъ, и оправдаете ихъ. Своимъ отвѣтомъ вы скажете имъ, что, будь вы на ихъ мѣстѣ, вы бы, какъ судьи совѣсти, поступили бы точно такъ же, какъ поступили они. Великимъ утѣшеніемъ послужитъ для нихъ такой смыслъ вашего отвѣта. Даже въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, гдѣ они безусловно чисты, они испытываютъ волненіе. Такъ преданы своему дѣлу, такъ, замѣчу я, робки эти люди, обвиняемые въ превышеніи власти.

Вердиктъ присяжныхъ послѣдовалъ оправдательный обоимъ подсудимымъ.

Дѣло Келешъ.

Дѣло братьевъ Келешъ.

Поджогъ застрахованнаго имущества.

(Въ Тверскомъ Окружномъ Судѣ).

Сущность дѣла видна изъ рѣчи.

На долю братьевъ Келешъ выпало, гг. присяжные засѣдатели, большое несчастіе—быть подъ судомъ по тяжкому обвиненію. Я говорю „несчастіе“, потому что ударъ этотъ для нихъ случайный и рѣшительно ничѣмъ незаслуженный, въ чемъ вы легко убѣдитесь, если сколько нибудь спокойно отнесетесь къ дѣлу. Дѣло это представляетъ поучительный примѣръ того, сколько бѣды могутъ натворить сплетни, недоброжелательство и слѣпая людская подозрительность.

Здѣсь поставлено противъ братьевъ Келешъ обвиненіе въ поджогѣ съ корыстною цѣлью, ради страховой преміи. Каждое обвиненіе можно сравнить съ узломъ, завязаннымъ вокругъ подсудимаго. Но есть узлы нерасторжимые и узлы съ фокусомъ. Если защита стремится распутать правдивое обвиненіе, то вы всегда видите и замѣчаете, какія она испытываетъ неловкости, какъ у нея бѣгаютъ руки, и какъ узелъ, несмотря на всѣ усилія, крѣпко держится на подсудимомъ. Иное дѣло, если узелъ съ фокусомъ. Тогда стоитъ только поймать секретный, замаскированный кончикъ или петельку, потянуть за нихъ, и всѣ путы разматываются сами собою—человѣкъ изъ нихъ выходитъ совершенно свободнымъ.

Такой кончикъ торчитъ въ этомъ дѣлѣ довольно явственно—онъ даже почти не замаскированъ—я и ухвачусь прямо за него. Это вопросъ: да былъ ли еще самый поджогъ? Это—исторія самаго пожара. Если вы ее прослѣдите, то вы непремѣнно увидите, что здѣсь пожаръ могъ произойти только случайно, а затѣмъ уже—если не было

никакого преступленія, то нечего разсуждать и о виновникахъ.

16 января въ 6 ч. вечера табачная кладовая братьевъ Келешъ была заперта и запечатана контролеромъ Некрасовымъ. Въ 12 час. ночи внутри этой кладовой обнаружились признаки пожара. Спрашивается: какъ же онъ могъ произойти? Кто и какъ могъ туда проникнуть? Замокъ, отъ котораго ключъ хранился у контролера, оказался запертымъ и неповрежденнымъ. Приложенная печать задерживала дверь своимъ липкимъ составомъ и, слѣдовательно, не была снята. Другихъ ходовъ въ кладовую не существовало и проложено не было. Правда, г. Бобровъ, домовладѣлецъ, предлагаетъ намъ остановиться на предположеніи, что туда можно было проникнуть черезъ форточку, а до форточки на четвертый этажъ добраться по лѣстницѣ или по водосточной трубѣ. Но будемъ же разсуждать въ предѣлахъ возможнаго и не станемъ допускать сказокъ. Приставленной лѣстницы никто не видѣлъ, а для того, чтобы лазить по водосточной трубѣ до 4-го этажа, нужно быть обезьяной или акробатомъ—пріучиться къ этому съ дѣтства, а братья Келешъ—40-лѣтніе люди и гибкостью тѣла не отличаются. Наконецъ, вѣдь форточка въ четвертомъ этажѣ запирается изнутри: если бы она была оставлена при зимней стужѣ открытою, то контролеръ Некрасовъ, запирая кладовую, замѣтилъ бы это, да и всѣ окна успѣли бы оледенѣть Притомъ форточки дѣлаются не въ нижней витринѣ окна, а повыше, перегнуться черезъ нее тѣлу любого изъ Келешей мудрено—нужно было бы разбить окно, но всѣ окна при пожарѣ найдены цѣлыми. И такъ, если не допускать сказки, если не вѣрить, что кто нибудь изъ Келешей могъ забиться комаромъ въ щелочку или влетѣть въ кладовую черезъ трубу, какъ вѣдьма,—то нужно будетъ признать, что съ той минуты, какъ Некрасовъ заперъ кладовую, и до того времени, когда черезъ 6 часовъ обнаружился въ ней пожаръ, и кладовая попрежнему была заперта—никто въ нее не входилъ и не могъ войти. Отсюда одинъ возможный выводъ, что неуловимая, недоступная для глаза причина пожара, микроскопическая, но къ сожалѣнію, дѣйствительная, уже таилась въ кладовой въ ту

минуту, когда „пошабашили“, и когда Некрасовъ запиралъ кладовую. Выводъ этотъ ясенъ, какъ Божій день. Все, что мы находимъ въ дѣлѣ, подтверждаетъ его. Прежде всего, вспомните показанія Ѳ. Некрасова, одного изъ Муравьевскихъ свидѣтелей и, слѣдовательно, не склоннаго намъ потакать, вспомните его показаніе о томъ, что еще въ 10 ч. вечера, т. е. за цѣлыхъ два часа до того, какъ сильный запахъ гари и туманъ дыма вызвали настоящую тревогу—еще за цѣлыхъ два часа до этой минуты Ѳ. Некрасовъ уже чуялъ въ воздухѣ сосѣдняго двора тонкій запахъ той же самой гари, только послабѣе. Вспомните и то, что огня вовсе не было видно даже по пріѣздѣ пожарныхъ. Были только смрадъ и дымъ. Первое пламя занялось только тогда, когда выбили окна и впустили въ кладовую воздухъ. Что же все это значитъ? Все это именно значитъ то, что причина пожара была крошечная, дѣйствовавшая очень вяло, очень медленно, едва замѣтно—причина такая слабая, что она вызывала только перетлѣваніе, дымленіе, чадъ и не вызывала даже огня. Только пустякъ, только непотушенная папироска, запавшая искорка могла дѣйствовать такимъ образомъ. Отъ искорки гдѣ-то затлѣлся табакъ. Воздухъ сухой, въ кладовой, нажаренной амосовскою печью; табакъ тлѣетъ и тлѣетъ, дымитъ, пламени не даетъ, но жаръ переходитъ отъ одного слоя табаку къ другому; чѣмъ больше его истлѣло, тѣмъ больше просушились сосѣдніе слои—тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается. Надымило сперва рѣдкимъ дымомъ, а потомъ и погуще. Вотъ уже дыму столько, что его тянетъ наружу, потянулись струйки, черезъ оконныя щели на воздухъ, стали бродить надъ дворомъ фабрики, потянулись за вѣтромъ на сосѣдній дворъ, но еще ихъ мало, на морозномъ воздухѣ ихъ не расчуешь, да если и почуешь, то не обратишь вниманія. Но вотъ дымный запахъ крѣпчаетъ на фабричномъ и на сосѣднемъ дворѣ. Его уже довольно явственно слышитъ Некрасовъ. Но и тотъ не придаетъ ему значенія: мало ли, дескать, отчего и откуда, въ зимнюю пору, дымитъ можетъ. Еще два часа проходитъ, и гарь такъ постепенно, такъ медленно и неуловимо увеличивается, что только къ концу этого срока

жильцы двухъ сосѣднихъ дворовъ озаботились, наконецъ, и стали доискиваться причины. И даже въ это время собственно пожара, т. е. огня не было, все дымъ да дымъ валитъ, и не разберешь откуда.

Если, такимъ образомъ, вы вспомните, что послѣ того, какъ дымъ уже пробился наружу, прошло болѣе двухъ часовъ, прежде, чѣмъ онъ сталъ настоящимъ образомъ обращать на себя вниманіе, то вы, конечно, признаете, что для внутренняго процесса тлѣнія нужно положить также немалое и, во всякомъ случаѣ, еще большее количество часовъ, и для васъ станетъ ясно до очевидности, что въ 6 часовъ вечера кладовая была заперта контролеромъ Некрасовымъ уже съ невидимою, но готовою причиною будущаго пожара. Это была забытая папироска, запавшая искра, что нибудь такое маленькое—я въ точности не знаю что́ (вѣдь истинная причина большинства пожаровъ неизвѣстна)—но для меня не важенъ вопросъ: что именно? Для меня важенъ другой вопросъ: могъ ли прибѣгнуть къ такой причинѣ, къ такому медленному и невѣрному средству человѣкъ, который желаетъ, умышляетъ, заботится, устраиваетъ такъ, чтобы пожаръ произошелъ *непремѣнно?* Вотъ что важно для меня. И для меня отвѣтъ несомнѣненъ: нѣтъ, не могъ. Такія штуки выкидываетъ только случай, а не умыселъ. Попробуйте въ самомъ дѣлѣ зажженной папироской сдѣлать пожаръ—мудреное дѣло, а сколько пожаровъ именно происходитъ отъ неосторожно брошенной папиросы. Вотъ, положимъ вы курите и занимаетесь—кладете возлѣ себя зажженную папиросу или сигару, иногда бываетъ, что каждый разъ, какъ вы ее оставите, она потухнетъ, и все приходится ее вновь зажигать, а иной разъ запишетесь, зачитаетесь—глянь: а между тѣмъ, вся папироска до конца сгорѣла на пепельницѣ. Иной разъ табакъ горитъ успѣшно, иной—нѣтъ: дотлѣетъ до какого нибудь крутого корешка и—стой! попадется сырая ниточка и—кончено. И кому же лучше знать эти свойства табаку, какъ не табачному фабриканту? Онъ ли, бросивъ папиросу въ табакъ, можетъ себя считать обезпеченнымъ, что пожаръ непремѣнно произойдетъ? Ему должно быть извѣстно, что табакъ тлѣетъ медленно и недаетъ пла-

мени. Поджигатель бы непремѣнно взялъ себѣ въ союзники керосинъ, стружки и всякіе другіе горючіе матерьялы. Но ничего этого здѣсь не было. И не было не только потому, что якобы подозрительная куча мусору на мѣстѣ пожара была ничто иное, какъ истлѣвшій табакъ, бумага и папиросы (какъ говорили Саханскій и Ляпуновъ), но и потому, что до пріѣзда пожарныхъ, не было вовсе пламени, а горючіе матерьялы непремѣнно дали бы пламя. Поэтому, ужъ если не смазывать табакъ керосиномъ и не подкладывать горючихъ веществъ, то поджигателю неминуемо слѣдовало предвидѣть, что для успѣха горѣнія нужно сдѣлать тягу, дать доступъ воздуху, открыть гдѣ нибудь форточку или выбить окно—иначе далѣе чаду и тлѣнія дѣло не пойдетъ. Но и этого сдѣлано не было. Такимъ образомъ, вся исторія пожара громко говоритъ нашей совѣсти и ясно доказываетъ нашему уму, что пожаръ этотъ не задуманъ человѣкомъ, а вызванъ непредвидѣннымъ случаемъ. Здѣсь собственно и окончена моя защита; секретная петелька въ узлѣ поймана, весь узелъ распутывается: послѣ этого ясно установленнаго факта для меня не существуетъ въ дѣлѣ ничего важнаго и опаснаго. Никакой подозрительный намекъ, никакая сплетня, пущенная про подсудимыхъ меня не пугаютъ. И дѣйствительно, остаются одни пустяки и натяжки.

Какое послѣ этого намъ дѣло до страховой преміи. Еслибы даже было доказано, что пожаръ былъ выгоденъ подсудимымъ—развѣ изъ этого слѣдуетъ, что непремѣнно они его и вызвали? Если мой врагъ умеръ естественною смертью, то развѣ можно обвинять меня въ убійствѣ только потому, что я могъ желать его смерти? Конечно, нѣтъ. Но здѣсь и выгодъ отъ пожара не существовало. Фабрика была застрахована за 25 т. и застрахована не въ первый разъ въ этомъ году, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ, а страховалась и прежде. Застрахована, кажется, по чести—въ своей цѣнѣ; по крайней мѣрѣ, Михайловъ страховалъ, онъ лучше другихъ знаетъ и удостовѣряетъ это. А что другіе господа низко цѣнятъ фабрику—то вѣдь зато и какъ фантазируютъ—отъ тридцати до пятнадцати тысячъ, со всѣми промежутками, сколько кому угодно! А что же полу-

чили Келеши? Всего 8 тысячъ. А куда дѣвали ихъ? Спрятали? Нѣтъ, всѣ до копѣйки роздали за долги. Да еще въ тюрьмѣ сидятъ и торговлю прекратили. Нечего сказать—выгодная афера. Замѣтьте еще, что ничего ни изъ кладовой, ни изъ фабрики не спрятали, не вывезли. А дѣла были плохи. Ужъ если затѣвать поджогъ, такъ товаръ и обзаведеніе припрятать, а сжечь пустыя стѣны. Мало того: ужъ если поджигать, то не кладовую, въ которой находится сравнительно малоцѣнное имущество—(такъ оно по разверсткѣ и вышло, за кладовую всего 8 тысячъ), а поджигать самую фабрику, гдѣ было все подороже, да и гдѣ можно было безъ неудачи устроить поджогъ, потому что она незаперта, какъ кладовая, и находилась всегда въ полномъ распоряженіи братьевъ Келешъ.

Стоитъ ли мнѣ разбирать остальныя улики?

Сцена у воротъ... Какъ она искажена въ обвинительномъ актѣ! Будто Келешъ за пять минутъ до пожара подъѣхалъ, заперъ ворота и никого не пускалъ. Что же это онъ дѣлалъ? Поджигалъ? Или прятался? Къ чему ужъ ему тутъ было скрываться? А если за 6 часовъ не разгорѣлось, то и въ пять минутъ пожара не будетъ. То же надо сказать о запираніи и отпираніи дверей.

Но лучше всего—забитое окно... Какой въ немъ смыслъ? Чѣмъ оно служило для поджога? Въ дѣйствительности оказывается, что окно было забито не въ видахъ пожара, а для предупрежденія пожара, но пожара иного свойства—*отъ пламени страстей, потому что оно вело въ секретное* мѣсто для работницъ фабрики...

Двукратное дознаніе ничего изъ этого дѣла не сдѣлало. Ничего и не выйдетъ. Мокрое дѣло не можетъ возгорѣться, и да стыдно будетъ не Келешамъ—они не поджигали,—а тѣмъ инымъ поджигателямъ,—ихъ врагамъ, которые раздули это дѣло...

Братья Келешъ, содержавшіеся по этому дѣлу подъ стражею, были оправданы. Присяжные отвергли самый фактъ поджога.

Дѣло Цедербаума

съ Лютостанскимъ.

Дѣло Цедербаума съ Лютостанскимъ.

Оскорбленіе въ письмѣ *).

Въ камерѣ мирового судьи 13-го участка 24-го сентября слушалось дѣло редактора-издателя „Гамелицъ“ А. О. Цедербаума, обвинявшагося г. Лютостанскимъ въ оскорбленіи на письмѣ. Лютостанскій явился на судъ самъ, а Цедербаумъ, хотя присутствовалъ въ камерѣ, но веденіе дѣла поручилъ присяжному повѣренному Андреевскому.

Въ жалобѣ, поданной мировому судьѣ, назвавшійся на судѣ дворянином Ипполитомъ Осиповичемъ Лютостанскимъ заявилъ, что 31-го августа настоящаго года еврей Александръ Осиповичъ Цедербаумъ прислалъ къ нему съ неизвѣстными жидами оскорбительное письмо, почему онъ проситъ привлечь Цедербаума къ уголовной отвѣтственности. Въ виду этой жалобы дѣло назначено было къ слушанію на 20-е сентября, но наканунѣ дня, назначеннаго для разбора, Цедербаумъ, явясь въ камеру, просилъ по случаю субботы отложить разборъ дѣла до другого дня, и оно было отложено на 24-е сентября.

Г. Лютостанскій. Я желалъ бы представить документы, удостовѣряющіе мою личность.

Мир. судья. Это совершенно излишне.

Пр. пов. Андреевскій. Въ настоящемъ случаѣ не безъинтересно выяснить личность г. Лютостанскаго. Такъ какъ въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ санъ и званіе оскорбленнаго, на

---

*) Разбирательство происходило въ камерѣ извѣстнаго Петербургу покойнаго мирового судьи Трофимова.

основаніи 31 ст. Уст., играютъ важную роль, то я желалъ бы знать дѣйствительное его званіе. Разнорѣчіе заключается въ томъ, что по нѣкоторымъ слухамъ, пущеннымъ въ газетахъ, Лютостанскій именовался бывшимъ раввиномъ; по документамъ, которые удалось собрать редакціи „Разсвѣта“, онъ—католическій ксендзъ, исключенный за пороки и беззаконія; изъ справки же, полученной обвиняемымъ въ адресномъ столѣ, оказывается, что онъ протоіерей Ипполитъ Лютостанскій.

Г. Лютостанскій. Я желалъ бы представить копію съ герольдіи...

Мир. судья. Изъ справки адреснаго стола видно, что вы и то другое лицо, имѣющее то же имя, отчество и фамилію, имѣете званіе и санъ протоіерея,—скажите, кто вы такой?

Г. Лютостанскій. Для выясненія этой справки я просилъ бы на нѣсколько минутъ отложить дѣло для того, чтобъ я могъ сходить домой и принести документы о моей личности, которые я забылъ на столѣ.

Пр. пов. Андреевскій. Мы желаемъ знать, имѣетъ ли обвинитель духовный санъ, который, даетъ право на особое уваженіе.

Мир. судья. Вы не протоіерей?

Г. Лютостанскій. Какимъ образомъ можетъ быть это?

Мир. судья. Справка дана адреснымъ столомъ,—или то двойникъ вашъ? Я полагаю, если вы протоіерей православнаго исповѣданія, то гражданскій костюмъ немыслимъ. Я предлагаю вамъ дать отвѣтъ на справку адреснаго стола, представленную защитою!

Г. Лютостанскій. Еслибъ дали мнѣ 5 минутъ, я представилъ бы документы герольдій.—Я потомственный дворянинъ Ковенской губерніи, Ипполитъ Осиповичъ Лютостанскій, православнаго вѣроисповѣданія.

Пр. пов. Андреевскій. Я желалъ бы предложить вопросъ: состоялъ ли г. Лютостанскій въ католическомъ духовенствѣ?

Г. Лютостанскій. (Въ сильномъ смущеніи). Э...э, э...э. Я считаю это излишнимъ. Какъ обвинитель, я долженъ заявлять свое, а не подлежать отвѣту.

Пр. пов. Андреевскій. Я прошу занести въ протоколъ, что Лютостанскій отказался удовлетворить мою просьбу—отвѣтить, состоялъ ли онъ въ католическомъ духовенствѣ.

Миров. судья. Вы обвиняете г. Цедербаума въ оскорбленіи на письмѣ?

Г. Лютостанскій. Прежде всего, позвольте представить вамъ эти благодарности, полученныя мною...

Мир. судья. Мы не повѣряемъ этого. Позвольте просить васъ дать объясненіе вашего заявленія. Взвѣшивая ваше заявленіе, судъ находится въ недоумѣніи. Вы заявляете, что Цедербаумъ, 31-го числа, прислалъ вамъ съ неизвѣстными жидами оскорбительныя письма—приносители и письма были во множественномъ числѣ? Письма были принесены въ нѣсколько пріемовъ?

Г. Лютостанскій. Нѣсколько человѣкъ пришли и принесли письмо и газету, и, затѣмъ, одно письмо было прислано по почтѣ.—Я имѣю подозрѣніе, что все это писано однимъ лицомъ—одни чернила и одна бумага.

Мир. судья. Это замѣчаніе можетъ быть провѣрено лишь экспертизою. Письмо по почтѣ было прислано за подписью Цедербаума?

Г Лютостанскій. Нѣтъ, оно безъ подписи, но почеркъ на конвертахъ, чернила и бумага одни и тѣ же.

Мир. судья. Какое было нанесено вамъ оскорбленіе?

Г. Лютостанскій. На конвертѣ было написано: „Его Высокопреподобію протоіерею Ипполиту Лютостанскому".

Мир. судья. Протоіерей есть духовный чинъ, это не оскорбленіе.

Г. Лютостанскій. Въ одномъ конвертѣ было прислано письмо, а въ другомъ газета съ вызовомъ на диспутъ.

Мир. судья. Газета не есть письмо. Если вы оскорблены въ газетѣ—это будетъ оскорбленіе въ печати.

Г. Лютостанскій. Я нахожу оскорбленіе въ надписи на конвертахъ.

Предъявлено было письмо и конвертъ съ газетою. Г. Цедербаумъ призналъ, что оба конверта были посланы имъ, но не призналъ себя виновнымъ въ оскорбленіи.

Г. Лютостанскій. Затѣмъ, есть еще письмо съ угрозами.

Мир. судья. Подписано оно?

Г. Люстанскій. Нѣтъ, анонимное, но оно было прислано въ тотъ же день по городской почтѣ, такъ что теперь для безопасности я долженъ былъ обратиться къ градоначальнику и выхлопотать разрѣшеніе носить оружіе—кинжалъ и револьверъ (въ публикѣ смѣхъ).

Мир. судья. Почеркъ на письмѣ похожъ?

Г. Люстанскій. Почеркъ измѣненъ; письмо написано печатными буквами, но на конвертѣ одинъ и тотъ же.

Мир. судья. Потрудитесь сказать цѣль вашей жалобы—чего желаете?

Г. Люстанскій. Я желаю привлечь Цедербаума къ отвѣтственности за нанесеніе клеветы.

Мир. судья. Онъ уже привлеченъ. Клеветы на письмѣ не существуетъ; клеветою называется, если кому либо приписываются такого рода дѣянія, которыя порочатъ честь, достоинство и доброе имя. Какая ваша цѣль?

Г. Люстанскій. Я долженъ выяснить, что въ посылкѣ трехъ неизвѣстныхъ лицъ была, вѣроятно, злонамѣренная цѣль—меня хотѣли вызвать изъ квартиры на лѣстницу—для какой цѣли—это очень ясно. Но такъ какъ это было утромъ, я былъ не одѣтъ, то хозяйка приняла письма,—и неизвѣстные удалились.

Мир. судья. Цѣль неизвѣстна. Вы посланцевъ не видали? Объ этомъ нужно будетъ спросить хозяйку.

Пр. пов. Андреевскій. Я просилъ бы огласить содержаніе письма.

Мир. судья. Вы желаете, чтобъ были оглашены представленныя вами письма?

Г. Люстанскій. Я ссылаюсь на нихъ.

Мир. судья. Можетъ быть вы желаете объяснить, были ли вы ксендзомъ?

Г. Люстанскій. Я состоялъ ксендзомъ, потомъ принялъ православіе, но не былъ лишенъ сана и не былъ опороченъ. Это есть не болѣе, какъ жидовская клевета. Дѣло это будетъ разбираться въ окружномъ судѣ.

Пр. пов. Анреевскій. Я прошу позволенія ссылаться на газеты.

Мир. судья. Первое письмо въ конвертѣ съ надписью: „Его Высокопреподобію протоіерею Ипполиту Лютостанскому. Николаевская, № 52“ слѣдующаго содержанія: „Въ прилагаемомъ при семъ сегодняшнемъ № газеты „Новое Время“ вы найдете письмо мое, въ которомъ я имѣю честь пригласить васъ на публичный диспутъ, согласно указаннымъ въ этомъ письмѣ условіямъ. Вы будете такъ любезны что не откажетесь увѣдомить меня въ теченіе недѣли о выборѣ для этого дня и мѣста, при чемъ смѣю разсчитывать, что затѣмъ буду имѣть честь лично съ вами уговориться на счетъ дальнѣйшихъ условій. Въ надеждѣ скораго отвѣта, который буду съ нетерпѣніемъ ожидать имѣю честь пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Щедербаумъ“. Второе письмо на конвертѣ имѣетъ просто надпись: „г. Лютостанскому, Николаевская, № 52“, писано печатными буквами: „Не долго вамъ носить собачью жизнь— издохнешь скоро. Ты хочешь взять деньги, ты получишь ихъ по смерти твоей собачьей. Твой знакомый N“.

Со стороны обвинителя въ судъ была вызвана вдова капитана перваго ранга Колокольцова.

Пр. пов. Андреевскій. Нельзя ли спросить, была ли свидѣтельница подъ судомъ?

Г. Колокольцова. Была, но я оправдана.

Мир. судья. Въ чемъ обвинялись?

Г. Колокольцова. Въ подлогѣ векселей. Позвольте мнѣ сказать, этотъ вопросъ меня оскорбилъ. Я не только оправдана, но признана невинной.

Мир. судья. Конечно, оправданные не виновны (Лютостанскому). Что вы желаете, чтобы показала г-жа Колокольцова?

Г. Лютостанскій. Что она получила письма отъ посланнаго Щедербаума.

Мир. судья. (Колокольцовой). Не можете ли разсказать, какимъ образомъ вы получили письма, адресованныя Лютостанскому?—*О.* Я была дома.—*В.* Въ которомъ это было часу?—*О.* Не помню.—*В.* Дверь запирается?—*О.* Да.—*В.* Открытію двери предшествовалъ звонокъ?—Нѣтъ, я была въ кухнѣ, когда услыхала, что кто-то подходитъ къ двери. Я пошла и увидала, что одинъ человѣкъ входитъ въ ком-

нату, спрашиваетъ г. Лютостанскаго и держитъ въ рукѣ два конверта, не рѣшаясь подать мнѣ.—*В.* Вы помните форматъ?—*О.* Помню, одинъ большой, другой обыкновенный.—(Судья предъявляетъ конверты, свидѣтельница признаетъ ихъ).—*В.* Подающій письма желалъ узнать, тутъ ли живетъ то лицо, къ которому адресованы письма?—*О.* Я дословно не помню, но онъ спросилъ: тутъ ли живетъ Лютостанскій.— *В.* Такъ просто, Лютостанскій —не объяснивъ дворянинъ или кто?—*О.* Я не помню. Я говорю: тутъ, но, такъ какъ дверь была не совсѣмъ закрыта, то я видѣла на лѣстницѣ, около двери, людей съ курчавыми головами, и вспомнивъ, что Лютостанскій разсказывалъ, что у него были непріятности, сказала, что онъ уѣхалъ, и я передамъ ему письма по возвращеніи. Посланный ушелъ, и я затворила дверь. *В.* Разговоръ вы имѣли съ однимъ лицомъ?—*О.* Съ однимъ, но я видѣла и другихъ.—*В.* Почему вы полагаете, что стоявшіе на лѣстницѣ были съ нимъ вмѣстѣ?—*О.* Одинъ вошелъ, а другіе были на площадкѣ лѣстницы и интересовались знать, что было въ комнатѣ.—*В.* Можете указать тѣхъ лицъ, которыя были? — *О.* Я хорошенько не помню.

Г. Лютостанскій. Вы замѣтили типъ тѣхъ, которые были на лѣстницѣ?—*О.* На меня они сдѣлали впечатлѣніе типа еврейскаго: я видѣла курчавыя головы. Меня взволновало это, я видѣла, что они интересовались знать, что было за дверью.

Пр. пов. Андреевскій. Вы видѣли много курчавыхъ головъ?—*О.* Я не думала, что меня объ этомъ будутъ спрашивать.—*В.* Но люди эти были въ большомъ количествѣ?—*О.* Дверь была не совсѣмъ открыта.—*В.* Что же они дѣлали?—молчали?—*О.* Молчали и смотрѣли.—*В.* Къ вамъ не обращались?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Почему же вы думали, что они къ вамъ шли?—*О.* Потому, что я живу на верху, больше некуда идти. — *В.* Почему вамъ показалось, что это евреи? —*О.* Сколько могу судить, по типу—да и по говору.—*В.* Что же они, кричали?—*О.* Нѣтъ, они ожидали.—*В.* А письмо принесъ кто изъ этой толпы, или русскій принесъ его?—*О.* Я сказала, что письмо принесъ одинъ.—*В.* Отчего

вы сказали, что Лютостанскаго нѣтъ дома?—*О.* Потому что Лютостанскій говорилъ мнѣ, что евреи его окружали, дѣлали дерзости, угрожали его жизни, а я не желала, чтобъ въ моей квартирѣ былъ скандалъ.—*В.* Почему евреи?—*О.* Конечно, евреи, потому что онъ пишетъ, открываетъ факты, что они противъ нашей религіи.—*В.*—Это онъ вамъ говорилъ?—*О.* Я и сама читала эти книги. Я думаю, что убіеніе младенцевъ есть преступленіе. *В.*—Да, конечно! Вамъ не случалось видѣть Лютостанскаго, окруженнаго толпою? —*О.* Я не выходила съ нимъ вмѣстѣ.

Со стороны Цедербаума былъ представленъ разсыльный его типографіи, *русскій,* мѣщанинъ Ракитинъ.

Мир. судья. Ваша обязанность заключается въ разноскѣ? —*О.* Да.—*В.* Не посылалъ ли васъ Цедербаумъ въ Николаевскую, домъ № 52?—О. Могли посылать.—*В.* Не давали ли вамъ этихъ конвертовъ?—*О.* Я не знаю.—*В.* Не случалось ли вамъ разыскивать Лютостанскаго?—*О.* Можетъ быть.—*В.* Не помните ли вы встрѣчи съ г-жей Колокольцовой? —*О.* Я не знаю, но только помню, что, когда носилъ письмо, то отдалъ его не кухаркѣ, а барынѣ.—(Предъявляютъ Колокольцову). Можетъ быть онѣ, двѣ недѣли прошло, я хорошо не помню.

Г. Цедербаумъ. Посылалъ я васъ съ письмомъ?—*О.* Да мало ли я ношу писемъ.

Мир. судья. Случается вамъ одному ходить или въ обществѣ съ другими?—*О.* Я одинъ хожу.

Г. Лютостанскій. Я хочу обратить вниманіе: даже и теперь въ крови посланецъ еврейской типографіи пришелъ.

У Ракитина была небольшая царапина подъ ухомъ.

Пр. пов. Андреевскій. Г. Лютостанскій, вѣроятно, относитъ и это къ употребленію евреями христіанской крови? (Въ публикѣ веселый смѣхъ).

Г. Лютостанскій. Если въ крови, слѣдовательно, нетрезваго поведенія.

Г. Цедербаумъ. Человѣкъ этотъ служитъ у меня 8 лѣтъ и никогда не былъ пьянымъ.

Мир. судья. Былъ кто съ вами?—*О.* Нѣтъ, я одинъ хо-

дилъ.—*В.* Когда поднимались, былъ кто на лѣстницѣ?—*О.* Никого не было, я одинъ носилъ.

Мир. судья. Я предлагаю сторонамъ покончить дѣло примиреніемъ. За вами слово, г. Лютостанскій.

Г. Лютостанскій. Если Цедербаумъ дастъ документъ, что не будетъ присылать и дѣлать нападенія, я готовъ былъ бы простить.

Г. Цедербаумъ. Пусть судъ рѣшитъ дѣло.

Г. Лютостанскій. Значитъ, хочетъ еще евреевъ прислать и производить нападенія?

Г. Цедербаумъ. Я никогда не унижусь больше вступать въ корреспонденцію съ г. Лютостанскимъ. Онъ можетъ быть спокойнымъ.

Мир. судья. Вамъ принадлежитъ слово, г. Лютостанскій. Что вы желаете сказать противъ г. Цедербаума.

Г. Лютостанскій. Я покорнѣйше прошу на основаніи извѣстныхъ законовъ подвергнуть его отвѣтственности, потому что, хотя и была представлена справка изъ адреснаго стола, но я могу сказать, что этого нѣтъ, потому что въ Петербургѣ никого не называютъ ложнымъ названіемъ. Цедербаумъ есть мѣщанинъ, такъ онъ и записанъ, и хотя крещенъ не Александромъ, но такъ записанъ.

Пр. пов. Андреевскій. Позвольте мнѣ, г. судья, разсказать все по порядку, потому что источникъ этого дѣла, очевидно, кроется не въ сегодняшнемъ засѣданіи.

Г. Лютостанскій. Я просилъ бы предупредить, чтобы то, что относится къ письму, было бы допущено, но что касается клеветы, допущенной въ „Разсвѣтѣ“, то объ этомъ уже подана жалоба прокурору.

Мир. судья. Вы уже кончили ваше объясненіе, подписали его, послѣднее слово принадлежитъ обвиняемому и его защитнику.

Пр. пов. Андреевскій. Надѣюсь, меня больше не станутъ перебивать. Разобранное здѣсь обвиненіе до того странно, что его невозможно было бы себѣ объяснить, еслибъ нельзя было вдаваться въ предыдущія обстоятельства. Въ нихъ только можно найти разгадку и умыселъ обвиненія. Не знаю, г. судья, слыхали ли вы ранѣе о г. Лютостанскомъ. Его репутація на

книжномъ рынкѣ не особенно давняго происхожденія: лѣтъ около 6 тому назадъ Лютостанскій дебютировалъ своимъ произведеніемъ „Объ употребленіи евреями христіанской крови“. Эта книга расходилась, по преимуществу, между евреями, которые скупали ее, интересуясь наполняющей ее клеветой. Но полный расцвѣтъ авторской дѣятельности Лютостанскаго совпадаетъ съ извѣстнымъ кутаисскимъ процессомъ, когда книга о евреяхъ пріобрѣла особенный интересъ. Этотъ процессъ раскрылъ для Лютостанскаго его миссію: съ тѣхъ поръ онъ считаетъ себя ученымъ, талантливымъ юдофобомъ—ниспосланнымъ свыше бичемъ Израиля. Торговля его произведеніями пошла успѣшно: объемистые томы новыхъ сочиненій („Талмудъ и евреи“), стали выходить одинъ за другимъ. Въ угарѣ успѣха и, вѣроятно, связанными съ нимъ барышами, Лютостанскій уже начерталъ, быть можетъ, въ своемъ воображеніи безконечный путь дѣятельности въ томъ же направленіи: онъ напишетъ еще десятки книгъ, онъ будетъ богатъ и славенъ, онъ составитъ себѣ историческое имя правдиваго борца противъ неправеднаго еврейскаго племени. Успѣхъ манилъ, успѣхъ обманывалъ; все, казалось, благопріятствовало его извѣстности; его слава уже настолько прошумѣла, что онъ счелъ возможнымъ продавать свой портретъ, выставивъ его на окнахъ магазиновъ, гдѣ можно было видѣть фигуру Лютостанскаго въ задумчивой позѣ и въ загадочномъ одѣяніи. (Представляетъ карточку Лютостанскаго въ талисѣ и филактеріяхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой-то газетѣ былъ пущенъ слухъ, что Лютостанскій бывшій раввинъ, и эта молва придавала особенную пикантность его сочиненіямъ, его гоненіямъ на евреевъ, когда-то его родное и съ отвращеніемъ покинутое племя. Словомъ, все шло благополучно, но вдругъ съ весны настоящаго года звѣзда Лютостанскаго начала чадить и меркнуть. Гонимое и унижаемое еврейство не дремало; въ его средѣ нашлись люди, которые зорко слѣдили за каждой строкой Лютостанскаго, за каждымъ его извѣтомъ, все отмѣчали, все провѣряли, собирали факты, справки и свѣдѣнія. Однимъ изъ двигателей патріотической реакціи противъ Лютостанскаго былъ именно г. Цедер-

баумъ—его сегодняшній противникъ. Съ давнихъ лѣтъ посвятившій себя общественнымъ нуждамъ своего народа, соучастникъ при устройствѣ первой хоральной синагоги въ Россіи, преподаватель еврейскаго Закона Божія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ издатель въ теченіе 20 лѣтъ древне-еврейской газеты „Гамелицъ“, человѣкъ, заслуживший письменную благодарность отъ такихъ высокихъ лицъ, какъ нашъ славный ученый Н. И. Пироговъ—г. Цедербаумъ имѣетъ такое чистое имя и такое свѣтлое прошлое, что, если бы даже г. Лютостанскій, съ свойственными ему пріемами, попробовалъ перерыть до дна эту длинную жизнь, онъ бы не съумѣлъ въ ней найти ни малѣйшей пищи для злословія. Этотъ-то г. Цедербаумъ и явился зловѣщею тѣнью на ясномъ небѣ Лютостанскаго, какъ охранитель народной чести и религіи. Въ № 17 „Разсвѣта“ за нынѣшній годъ, появилась замѣтка, безпощадно и неотразимо разоблачавшая и недобросовѣстное обращеніе Лютостанскаго съ источниками, и его невѣжество. Было доказано, что въ переводѣ съ еврейскаго онъ дѣлаетъ такія ошибки: вмѣсто „путь прямой—путь жизни“, вмѣсто „сильная рука—сильная буря“; что Маймонида онъ относитъ вмѣсто XI вѣка къ XII; что онъ цитируетъ какого-то философа *Стагирена*, ему самому неизвѣстнаго, между тѣмъ какъ этотъ философъ никто иной, какъ Аристотель, уроженецъ Стагиры, причемъ Лютостанскій перевелъ выраженіе французскаго автора объ Аристотелѣ „philosophe Stagyrène“ (Стагирскій философъ) буквально: философъ Стагирени; было указано и еще много любопытнаго. Но рядомъ съ этимъ были опубликованы дѣйствительно ужасныя и притомъ оффиціальныя данныя о личности и прошломъ Лютостанскаго. Въ виду даннаго мнѣ разрѣшенія привожу ихъ.

І. Лютостанскій. Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Мир. судья. Вы уже имѣли это право.

Пр. пов. Андреевскій. Евреи узнали, что Ипполитъ Лютостанскій причислился къ духовному званію при Тельшевской римско-католической консисторіи подъ именемъ Фульгентія и 28 февраля 1864 г. былъ рукоположенъ въ іереи, но и въ этомъ санѣ онъ пробылъ недолго, потому что въ кан-

целярію Ковенскаго губернатора вдругъ поступило отъ Виленскаго генералъ-губернатора предписаніе о преданіи суду ксендза каѳедральнаго собора Лютостанскаго по обвиненію его въ развратѣ съ вдовою Елизаветою В. Ковенскій губернаторъ, отношеніемъ отъ 8 августа 1867 года за № 3496, увѣдомилъ объ этомъ Мельшевскую духовную римско-католическую консисторію. Въ періодъ времени съ августа 1867 г. по апрѣль 1868 г. обвиненіе противъ Лютостанскаго было провѣряемо духовною и свѣтскою властями, причемъ оно вполнѣ подтвердилось, и обнаружились еще другіе неблаговидные поступки Лютостанскаго. Вслѣдствіе этого 9-го апрѣля 1868 года въ консисторіи состоялось постановленіе слѣдующаго содержанія: „Лютостанскій, возненавидя иноческій свой санъ, вопреки произнесеннымъ имъ обѣтамъ, предался праздной жизни, неслыханнымъ беззаконіямъ, разврату съ Елизаветою В., подалъ ложный безыменный доносъ на Андрея В., съ цѣлью, въ случаѣ арестованія послѣдняго, захватить его деньги; кромѣ того, онъ уже въ теченіе четырехъ лѣтъ не исполнялъ обязанностей, на немъ лежащихъ, какъ на священникѣ и на христіанинѣ вообще, и предался разнымъ порокамъ, вслѣдствіе чего былъ прикосновенъ ко многимъ дѣламъ, отчасти уже сужденнымъ, отчасти находящимся въ разсмотрѣніи гражданскихъ властей. Поэтому, Тельшевская римско-католическая духовная консисторія постановляетъ: „Іеромонаха Фульгентія Лютостанскаго за вышеприведенныя преступленія и беззаконія лишить духовнаго сана и отдать въ распоряженіе гражданскихъ властей“. И все это за подлинными номерами. Таковъ-то оказался негодующій гонитель евреевъ. Послѣ такихъ разоблаченій, публицистъ „Голоса“, уже не стѣсняясь, пишетъ о Лютостанскомъ въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ. Лютостанскій, чувствительный къ вѣжливому письму г. Цедербаума, не оскорбился вотъ какими строками: „Лютостанскій не только не ученый мужъ, не боецъ за истину, не обличитель зла и порока, а завѣдомый пакостникъ, который на глазахъ у всѣхъ совершаетъ подлогъ“...

Г. Лютостанскій. Объ этомъ будетъ разбирательство въ Окружномъ Судѣ, а потому это только повтореніе.

Мир. судья. Вы въ настоящее время не должны говорить.

Пр. пов. Андреевскій. Г. Лютостанскій не оскорблялся и не печаталъ опроверженій. Дѣйствительно, ему осталось одно—молчаніе. Молчаніе было хитрѣе всего: могутъ подумать, что не прочелъ, другіе скажутъ, что презираетъ клевету, а всѣ вообще современемъ забудутъ; казалось бы, и Цедербауму можно было удовольствоваться уже сдѣланными разоблаченіями. Да, если бы у г. Лютостанскаго былъ стыдъ, и не было бы наглости послѣ всего этого, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать изданіе своихъ обличительныхъ книгъ. Что же осталось Цедербауму? Дарить его презрѣніемъ?—Конечно, это было бы удобно и спокойно, но едва ли патріотично: книжки вѣдь выходятъ и бродятъ по свѣту, на нихъ нѣтъ клейма о томъ, кто таковъ и въ какой степени заслуживаетъ довѣрія ихъ авторъ, а клевета, между тѣмъ, сѣетъ свои сѣмена. И вотъ, г. Цедербаумъ придумалъ послѣднее средство: онъ сдѣлалъ печатное заявленіе, что вызываетъ Лютостанскаго на диспутъ, въ присутствіи ученыхъ экспертовъ по выбору Лютостанскаго, и намѣренъ на этомъ диспутѣ разоблачить его незнаніе и искаженія. Это было, дѣйствительно, рѣшительное средство: на такомъ диспутѣ Лютостанскій не можетъ устоять. Послѣ этого вызова Лютостанскій впервые заметался и сталъ терять почву. Онъ возразилъ двумя заявленіями, однимъ, повидимому, приличнымъ, но крайне уклончивымъ, а другимъ шутовскимъ. Газеты оцѣнили эти возраженія и сдѣлали выводъ, что Лютостанскій затягиваетъ вопросъ, старается отдѣлаться отъ спора. Тогда—и вотъ источникъ настоящаго засѣданія—Лютостанскій рискнулъ послѣднимъ, эффектнымъ, но не безопаснымъ средствомъ: онъ придумалъ затѣять, изобрѣсть судебное дѣло, забить въ набатъ, что Цедербаумъ посягаетъ на его личность и чуть ли не на его жизнь, что этотъ человѣкъ преслѣдуетъ его, за его проповѣдь и за его идеи, бранью и палкой,—онъ попытался еще разъ показать публикѣ, будто онъ, Лютостанскій, опасенъ и грозенъ для іудейства, будто его гонятъ за правду, будто врагъ его приходитъ въ ярость отъ безсилія. Словомъ, г. Лютостанскій попытался въ послѣдній разъ уро-

нить своего противника послѣдней фальсификаціей. Онъ оповѣстилъ объ этомъ засѣданіи въ „Петербургской Газетѣ“, обвиняя Цедербаума въ томъ, что онъ присылаетъ къ нему цѣлый кагалъ на квартиру съ оскорбленіями и угрозами. Мы слышали уклончивое показаніе г-жи Колокольцовой объ этомъ молчаливомъ, странномъ и едва ли существовавшемъ кагалѣ. Кто были видѣнные свидѣтельницею люди, зачѣмъ они приходили, какое это имѣетъ отношеніе къ Цедербауму—все это осталось непонятнымъ. Да если бы кагалъ сдѣлалъ какія нибудь непріятности Лютостанскому, причемъ тутъ вызовъ Цедербаума на диспутъ? Если-бъ, напримѣръ, окружный судъ публиковалъ о розыскѣ конокрада для представленія его суду и примѣненія къ нему закона, а крестьяне бы его отыскали и избили до смерти, неужели законный вызовъ суда могъ бы считаться подстрекательствомъ крестьянъ на подобное преступленіе? Итакъ, разсказъ о кагалѣ оказался призракомъ воображенія г-жи Колокольцовой. Что же сказать о письмѣ г. Цедербаума? Оно изложено въ самомъ деликатномъ и сдержанномъ тонѣ; надпись на конвертѣ сдѣлана согласно съ полученной изъ адреснаго стола справкой. Матеріалъ для этой справки, вѣроятно, поступилъ въ адресный столъ отъ самого Лютостанскаго, и, слѣдовательно, онъ зналъ, что у Цедербаума былъ поводъ сдѣлать подобную надпись на конвертѣ. Онъ это зналъ, какъ знаетъ, о томъ, что никакой исторіи съ кагаломъ не было и, несмотря на все это, взвелъ на Цедербаума обвиненіе и привлекъ его къ суду. Такое обвиненіе называется недобросовѣстнымъ. Я прошу васъ, г. судья, признать это вашимъ приговоромъ. Пусть эта недобросовѣстность соединится съ именемъ Лютостанскаго, какъ характеристическая черта не только его судебныхъ ябедъ, но и его печатныхъ инсинуацій.

Мир. судья. Выслушавъ уголовное дѣло по обвиненію двор. Лютостанскимъ еврея А. Цедербаума въ оскорбленіи на письмѣ, я, не касаясь тѣхъ отношеній, которыя существовали у Лютостанскаго и Цедербаума до 31 августа и не выходя изъ рамки обвиненія, нашелъ, что представленное письмо отличается полной вѣжливостью и не имѣетъ

ничего оскорбительнаго; надпись на конвертѣ, въ которой Лютостанскій называется протоіереемъ, не можетъ быть признана оскорбительною, потому что Цедербаумъ имѣлъ справку адреснаго стола. Переходя, затѣмъ, къ письму анонимному, я не нахожу, чтобъ оно могло быть признано поводомъ къ обвиненію по одному сходству почерка надписи на конвертѣ. Обращая вниманіе, что при строгомъ анализѣ письма, въ немъ нѣтъ тѣни умышленнаго оскорбленія, а, напротивъ, письмо исполнено справедливости и достоинства, я нахожу въ жалобѣ Лютостанскаго недобросовѣстность, а потому, на основаніи 119 и 121 ст., постановляю: Цедербаума считать по суду оправданнымъ, а обвиненіе признать *недобросовѣстнымъ*.

Съѣздъ утвердилъ приговоръ Мирового Судьи, отвергнувъ только недобросовѣстность.

Дѣло Таганрогской таможни.

Дѣло Таганрогской таможни.

Защита Айканова.

(Въ Харьковской Судебной Палатѣ).

Этотъ громадный процессъ разбирался въ Харьковѣ съ 12 февраля по 8 марта 1885 года. Подсудимыхъ было 38. Присяжнымъ было предложено 1,300 вопросовъ. Совѣщаніе ихъ длилось трое сутокъ; провозглашеніе отвѣтовъ на вопросы продолжалось цѣлый день.

Подсудимый Айкановъ сознался во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Болѣе, чѣмъ въ другомъ дѣлѣ, я имѣю основаніе обращаться одновременно и къ судьямъ по закону, и къ судьямъ по совѣсти. Подсудимый Айкановъ сознался откровенно, съ раскаяніемъ. Онъ не только не избѣгаетъ наказанія, но ждетъ его съ полнымъ смиреніемъ. И нѣтъ у юриста обязанности болѣе важной и трогательной, какъ защита такихъ людей... Здѣсь усиліе суда короннаго и суда присяжнаго должны соединиться въ дружное стараніе, чтобы не превысилась мѣра содѣяннаго; а превысить ее весьма легко. Въ настоящемъ дѣлѣ невольное сравненіе напрашивается на языкъ. Теперь уже вы сами гг. присяжные засѣдатели, являетесь таможней. Мы, стороны, провозимъ черезъ васъ человѣческій товаръ и подаемъ отвѣсные листки. Но не всѣ подаютъ правильныя, откровенныя объявленія. И здѣсь можетъ проскочить контрабанда. Почти весь „частный“ товаръ неро-

вить, какъ бы мимо вашей таможни свернуть прямо домой. Изъ чиновниковъ только двое кладутъ повинныя головы, и между ними Айкановъ вручилъ вамъ полный списокъ своихъ прегрѣшеній. Жаль только, что тарифъ, т. е. списокъ наказаній, спрятанъ у гг. судей, и я не могу его показать вамъ. Еслибы это было возможно, тогда, быть можетъ, мы бы столковались съ вами очень скоро, и я бы не утомлялъ васъ защитой.

Впрочемъ, я и такъ надѣюсь не быть утомительнымъ. Не страшитесь цифръ и споровъ о мелочахъ. О всемъ этомъ необъятномъ для человѣческой памяти матеріалѣ, вы вѣроятно, вмѣстѣ съ нами невольно думаете словами пѣсни: „гдѣ мы были—ужъ забыли!..“ Да и не въ мелочахъ дѣло. Существенныя черты процесса обрисовались настолько рельефно, что объ нихъ можно говорить, не вдаваясь въ подробности. Притомъ моя защита будетъ посвящена довольно банальной темѣ о смягченіи участи сознавшагося подсудимаго. Все же я думаю, вы не откажете мнѣ въ вашемъ вниманіи.

Но прежде позвольте замѣтить, что въ послѣднее время мыслящіе люди какъ-то вообще разочаровались въ прежнихъ суровыхъ формахъ правосудія. Указъ покойнаго государя назвалъ нашъ судъ „милостивымъ“, и все идетъ къ тому, чтобы судъ не мстилъ преступнику, а только исправилъ его. И кажется, этимъ, именно, мыслямъ посвящена послѣдняя печатная статья недавно умершаго профессора уголовнаго права Кистяковскаго. Да и сами посудите: кто бы тамъ ни былъ—будь тамъ прокуроръ, или судья коронный, или присяжный—никому не сладко, никому не по-душѣ, когда подсудимому выпадаетъ тяжкая кара. Мнѣ скажутъ: то чувство человѣческое, а здѣсь обязанности судейскія. Положимъ такъ,—хотя это больше слова, чѣмъ доводъ, ибо судьи—тѣ же люди. Но вотъ что замѣчательно: чувство великодушія такъ просится наружу, опасность его такъ велика, что, дабы держать его въ предѣлахъ, придумано особое устройство суда. Приглядитесь къ этому устройству: вы обвиняете подсудимаго, но не знаете, какое выпадаетъ ему наказаніе; судъ примѣняетъ

наказаніе, но оно не лежитъ на его совѣсти, потому что поводъ къ наказанію дали уже вы, а наконецъ то третье лицо — тюремщикъ тамъ, или кто другой— кто исполняетъ приговоръ, тотъ и понятія не имѣетъ, кто и за что къ нему присланъ, виноватъ онъ или нѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ, болѣе или менѣе, умываютъ себѣ руки, и одинъ только подсудимый, соединяя на себѣ и обвинителей, и наказующихъ, и исполнителей приговора,— одинъ только онъ смутно сознаетъ, что, еслибы всѣ эти обязанности слить воедино, еслибы его главному судьѣ, судьѣ по совѣсти, нужно было своими руками исполнять надъ нимъ приговоръ—тогда—о! какъ часто бы тогда безсильно опускались руки, которымъ ввѣрено правосудіе. Все это я говорю къ тому, что, когда вина на лицо, и подсудимый не увертывается отъ возмездія, и ждетъ его, и кается, и все это дѣлаетъ искренно—тогда вы можете безбоязненно и съ открытымъ сердцемъ внимать усиліямъ защиты къ облегченію для виновнаго послѣдствій вашего приговора.

Прежде всего, о дѣлѣ. Важность этого дѣла отрицать нельзя, но оно важно вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято называть важными уголовныя дѣла, т. е. по особой крупности, уродливости и безнравственности преступленій. Напротивъ, съ этой стороны, какъ мы увидимъ ниже, таганрогское дѣло является если не совсѣмъ блѣднымъ, то во всякомъ случаѣ среднимъ. Оно важно по другой причинѣ. Оно знаменательно, со стороны судебной власти, какъ ея трудъ, искусство, энергія и хорошій починъ. Я пойду далѣе и скажу: оно важно, какъ перемѣна точки зрѣнія. Прежде считалось нормальнымъ и неискоренимымъ, что на таможняхъ обкрадываютъ казну. Признавалось, что соблазнъ слишкомъ великъ, что руки таможенныхъ чиновниковъ слишкомъ неудержимо, почти роковымъ образомъ липнутъ въ лакомствахъ, и что поймать виновныхъ невозможно. Всѣ знали или догадывались о преступленіяхъ, но было принято смотрѣть на дѣло сквозь пальцы. Съ настоящаго процесса сдѣланъ поворотъ. Судебная власть сказала себѣ: пусть меня ожидаютъ увертки, путанныя цифры,

непонятныя бумаги, люди неискренніе, закоренѣлые въ обманѣ—я на все пойду: вооружусь терпѣніемъ, запасусь экспертами, буду рыться, сидѣть, писать, распутывать — и открою. Эта рѣшимость увѣнчалась успѣхомъ. Вотъ чѣмъ процессъ этотъ замѣчателенъ. Но, привѣтствуя это успѣшное открытіе и обращаясь, затѣмъ, къ наличнымъ подсудимымъ, мы видимъ совсѣмъ другое. Именно потому, что все, ими сдѣланное, водилось издавна, что прежде и, быть можетъ, теперь, бокъ-о-бокъ съ ними, было и есть, только въ болѣе осторожной формѣ, то же обкрадываніе казны, — что подсудимые взяты первыми,—что они единственные изъ многихъ отвѣчаютъ за грязное наслѣдство старыхъ обычаевъ—именно поэтому—каждый судья, который вздумалъ бы слишкомъ замахнуться на нихъ своей карающей десницей— каждый такой судья непремѣнно почувствуетъ нѣкоторую неловкость...

Да и по самой суммѣ хищенія процессъ этотъ, въ сравненіи съ другими процессами о хищеніяхъ, незначителенъ.

Я не стану ссорить двухъ лагерей защиты и говорить, что каждый чиновникъ—Ева, а каждый купецъ—змій. Кто кого соблазнялъ, не знаю, и едва ли этотъ вопросъ можетъ быть ярко выясненъ и послѣдовательно проведенъ черезъ все дѣло. Думаю, что все это учрежденіе, именуемое таможней, вся эта мѣстность—гавань и пакгаузъ—все это живой разсадникъ соблазна. Здѣсь для злой воли почти нѣтъ борьбы и преградъ; она впадаетъ въ грѣхъ легко и незамѣтно, точно во снѣ. Взгляните на организацію таможни. Этотъ отдѣльный отъ города міръ чиновниковъ и купцовъ расположенъ въ глуши. Сюда, подъ эти крутые спуски, заслоняющіе таможню отъ внѣшняго міра, ежедневно пристаетъ роскошная богиня морской торговли съ своимъ трезубцемъ и рогомъ изобилія. Сравненіе это я могу назвать оффиціальнымъ, потому что истуканъ этой богини торчитъ почти предъ каждой биржей, близъ таможни. Богиня роняетъ богатства, сорить ими. Всѣ до нихъ лакомы. Вы слышали, что, когда просыпалась винная ягода, „ее подбирали и кушали“. Мнѣ разсказывали случай (впрочемъ не въ этой таможнѣ), гдѣ одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ выпросилъ у

купца цѣлую дюжину бутылокъ слабительной воды, безъ всякой надобности. Жадность разбираетъ. И надъ этимъ ежедневно вступающимъ и разливающимся богатствомъ, стражами отъ казны, для взиманія громадныхъ суммъ, поставлены люди съ ничтожнымъ жалованьемъ. Купецъ бы не рѣшился приставить къ такому дѣлу приказчика безъ щедрой награды за честность. И вотъ, эти предполагаемые противники—купецъ и чиновникъ—окруженные только моремъ и небомъ,—при ежедневныхъ встрѣчахъ, при постоянной совмѣстной работѣ, начинаютъ сближаться. Они почти вмѣстѣ живутъ. Весь берегъ покрытъ купеческими магазинами. Запираются они двумя замками: одинъ ключъ у купца, другой—у чиновника. Вскорѣ у этихъ людей образуются соединенные замки отъ совѣсти... И это дѣлается вовсе не такъ, какъ говорилось здѣсь,—какъ можетъ казаться намъ по бумагамъ или изъ кабинета. Намъ, со стороны, кажется, что вотъ, къ достойному и непреклонному чиновнику подкрадывается незнакомый ехидный приказчикъ и, переминаясь съ ноги на ногу, шопотомъ склоняетъ должностное лицо на злоупотребленіе. Намъ кажется (причемъ гнѣвъ и презрѣніе подымаются у насъ внутри), что чиновникъ, вмѣсто честнаго негодованія, съ пошловатымъ лицомъ, охотно продаетъ свою честь этому соблазнителю... А на дѣлѣ вовсе не такъ. Этотъ соблазнитель вовсе не чужой человѣкъ, вовсе не робкій и ехидный подстрекатель: это—человѣкъ свой, давнишній знакомый, почти пріятель, хорошій собесѣдникъ, готовый безкорыстно помочь въ тяжелую минуту. Съ нимъ, за чаемъ, въ клубѣ, на биржѣ часто бываютъ интимныя бесѣды. Въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ даетъ денегъ въ займы, будто по человѣчеству, не выговаривая себѣ за это ничего. Но вы понимаете, что разъ, это случилось, чиновникъ у него въ долгу, и не только деньгами, но и одолженіемъ. И вотъ, просто и естественно, будто иначе и быть не можетъ, наступаетъ расплата пошлиной... Расплата конечно, на первый разъ небольшая. Кажется: что натуральнѣе—услуга за услугу. Начинается съ мелочей, и чиновникъ почти не чувствуетъ, что съ этого перваго грѣха, который онъ самъ себѣ простилъ, какъ мелкій и единственный—

до другихъ частыхъ и крупныхъ грѣховъ переходъ дѣлается роковымъ образомъ, и что возврата уже нѣтъ. Установляется между купцомъ и чиновникомъ сближеніе на почвѣ позорной тайны. Языкъ у купцовъ и приказчиковъ развязывается, грязныя предложенія дѣлаются уже открыто, безъ обиняковъ—и развратъ идетъ и гуляетъ широкой дорогой. А кругомъ—тишь и благодать, свои почти всѣ замѣшаны и потому не донесутъ, деньги прибываютъ легко, и—что всего поощрительнѣе—нигдѣ не видишь потерпѣвшихъ, не знаешь и никогда не встрѣтишь тѣхъ лицъ, у которыхъ отнимаешь эти деньги. Ибо отнимаешь ихъ у казны, а казна—море.

Согласитесь, что здѣсь для паденія не нужно быть особеннымъ отверженцемъ и злодѣемъ. Достаточно быть среднимъ человѣкомъ. Такимъ и былъ Айкановъ; ко всѣмъ соблазнамъ у него прибавлялся и еще одинъ,—состоятельность его семьи. Повидимому здѣсь противорѣчіе, а между тѣмъ это его подталкивало, потому что онъ могъ разсчитывать, что, въ случаѣ бѣды, онъ расплатится и положитъ все присвоенное на мѣсто. Но ожиданія Айканова не сбылись. Наслѣдство перешло въ руки матери. Да и начетъ казны оказался такъ несообразно великъ (въ чемъ сознался и повѣренный казны), что о расплатѣ нечего было и думать. Цифру своихъ злоупотребленій Айкановъ вычислилъ до 30 тысячъ (это можно было бы и доказать), и въ этой суммѣ винится. Онъ въ ней грѣшенъ и готовъ за грѣхи отвѣтить.

Но сколько лжи, угрызеній совѣсти, страха, сколько длинной преступной работы потрачено на эти тридцать тысячъ! Для такой натуры, какъ Айкановъ, значительная доля возмездія заключается уже въ самомъ процессѣ преступленія—въ скрытности, рискованности и нечистоплотности пріемовъ. Айкановъ принадлежитъ къ хорошей дворянской семьѣ. Его братья—почтенные дѣятели, люди съ честнымъ именемъ. Отецъ его оставилъ по себѣ добрую память въ служебныхъ сферахъ Петербурга. Вообще, по связямъ родства и знакомства, Айкановъ примыкаетъ къ самому порядочному кругу людей. Слабый, добродушный,

безпорядочный и легкомысленный, Айкановъ глубоко палъ въ этомъ дѣлѣ; но совѣсть его не совсѣмъ уснула. Онъ заочно стыдился своихъ братьевъ, своей честной семьи, своихъ порядочныхъ знакомыхъ; онъ чувствовалъ, что пятнаетъ себя, что опускается отъ нихъ въ глубину, изъ которой не поднимаются, что ему больше не смотрѣть имъ прямо въ глаза, не протягивать руки, какъ равнымъ—и онъ заглушалъ свою совѣсть, вы знаете—чѣмъ: онъ сдѣлался пьяницей... А добытыя преступленіемъ деньги летѣли у него, куда попало: музыкантамъ 100 р., извозчику 50 р., взаймы безъ возврата досмотрщикамъ, щедрыми суммами всякому, кто обиралъ его подъ угрозой доноса и т. д., и т. д. И вотъ, теперь сравните этого чиновника, который все же вертѣлся, въ своемъ жалованьи, какъ бѣлка въ колесѣ, безъ случайныхъ доходовъ, и которому противозаконное богатство, когда онъ хлебнулъ его, стало такъ солоно и тошно, что онъ не зналъ, куда дѣвать его и куда дѣваться самому,—сравните этого чиновника съ другимъ казнокрадомъ, изъ служащихъ или купцовъ,—съ тѣмъ, кто прячетъ краденое подъ спудъ, ждетъ отъ него спокойныхъ прелестей жизни, кладетъ капиталы въ банки, въ земли, въ постройки, воздвигаемыя съ любовью... Сдѣлайте это сравненіе, тогда вамъ станетъ ясно, что у Айканова не потухала искра правды; что душа въ немъ осталась и понынѣ, душа, хотя и больная, но хорошая. А если вы это признаете, то, конечно, не откажете ему, или вѣрнѣе—мнѣ, въ такомъ смягченіи его участи, которое бы оставляло ему впереди нѣсколько слабаго свѣта.

Айкановъ, какъ чиновникъ, глубоко вѣритъ въ то, что онъ совершалъ подлоги. Это именно чиновничья точка зрѣнія, отъ которой люди формъ и обрядностей никакъ не могутъ отрѣшиться. Но я полагаю, что если размышленіе людей жизни коснется къ этому канцелярскому изобрѣтенію, то едва ли оно устоитъ.

Прежде всего, спросите себя просто: въ чемъ заключаются всѣ злоупотребленія? въ чемъ суть преступленія? Въ томъ, что чиновники, по уговору съ купцами, утаивали часть товаровъ и причитающуюся съ нихъ пошлину дѣлили между

собою. Вѣдь больше ни въ чемъ? Конечно, такъ. Что же все остальное, ими сдѣланное? Какое еще особое преступленіе они совершили? Прокуроръ говоритъ: они прятались, лгали, писали эту ложь. Да вѣдь это только способъ, только улики! Вѣдь иначе имъ и невозможно было дѣйствовать! Вѣдь если показать въ очисткѣ весь товаръ, то за весь придется и пошлину отдать. Какъ же иначе утаить? А разъ утаилъ, говорятъ: особое преступленіе—подлогъ! Я бы спросилъ обвинителей: какъ возможно обойтись въ настоящемъ преступленіи безъ канцелярской лжи? Можетъ быть, они придумаютъ. Правда, есть способъ: погрузить товары прямо въ вагоны, минуя таможню, увезти ихъ нагло, открыто. И представьте; да, это преступленіе будетъ легче, потому что тамъ не будетъ подлога. Но развѣ въ этомъ есть какая нибудь разумная мысль? Развѣ, вообще, преступленіе мыслимо безъ лжи? Жена, которая измѣняетъ мужу, должна сказать, что ѣдетъ въ церковь или къ знакомымъ, когда ѣдетъ въ Сокольники. Воръ, несущій шубу мимо городового, долженъ ему, на случай разспросовъ, соврать. И нельзя видѣть въ каждомъ случаѣ два преступленія: измѣну мужу и ложь передъ нимъ, кражу и ложь предъ начальствомъ.

Наконецъ, почти всѣ подлоги, сдѣланные въ настоящемъ случаѣ, обусловлены были тѣмъ, чтобы не вовлекать въ преступленіе лишнихъ досмотрщиковъ—этихъ простыхъ людей. И слѣдуетъ сказать спасибо подсудимымъ, что они оберегались соблазнять „малыхъ сихъ“. Лучше испортить казенную бумагу, чѣмъ испортить честнаго простолюдина.

Чѣмъ объяснить безпощадную откровенность о себѣ Айканова? Рисовкой? Нѣтъ, онъ слишкомъ незатѣйливъ. Самобичеваніемъ? Нѣтъ, онъ нисколько не драматиченъ. Или цинизмомъ? Но цинизмъ смакуетъ зло, щеголяетъ имъ, а Айкановъ повѣствуетъ спокойно, сдержанно и просто, какъ свидѣтель. Или, быть можетъ, онъ прислуживается передъ судомъ, чтобы съ нимъ обошлись помягче? И этого не видно, потому что нѣтъ никакихъ ухищреній—ни самовосхваленій, ни боязни передъ нѣкоторыми грозными пунктами обвиненія.

Что же это такое? Въ отвѣтъ имѣется одно слово: чи-

стосердечіе. Именно таково и должно быть покаяніе; не театральное, а простое и задушевное раскаяніе мытаря. Здѣсь именно слышится въ словахъ Айканова, что теперь сердце его чисто, что онъ очнулся отъ прошлаго, и о прежнихъ прегрѣшеніяхъ можетъ говорить съ тѣмъ невольнымъ спокойствіемъ, съ какимъ говорится обыкновенно о давнихъ покойникахъ! Айкановъ здѣсь обмолвился, что онъ религіозенъ. И это замѣтно: исповѣдниками своими считаетъ онъ своихъ судей. Онъ радъ случаю раскрыться. Потребность вывалить передъ судомъ весь свой грѣхъ безъ остатка поднялась въ его душѣ. Передъ разставаньемъ, быть можетъ, съ родными, съ друзьями, съ обществомъ,— онъ желалъ, чтобы всѣ видѣли, каковъ онъ былъ и какимъ онъ сталъ. И я думаю, всѣ согласятся, что онъ пришелъ сюда лучшимъ, ибо только послѣ долгой нравственной работы надъ собой можно отрѣшиться отъ преступленія до степени той простой правдивости, съ которою Айкановъ разоблачаетъ исторію своего паденія.

И вотъ, не за то, что Айкановъ сознался—это былъ его тяжелый гражданскій долгъ, и не за то, что онъ, быть можетъ, косвенно помогъ раскрыть это дѣло въ отношеніи другихъ — онъ объ этомъ вовсе не думалъ, потому что прежніе соучастники въ преступленіи теперь уже — товарищи по несчастью, а онъ ничьей бѣды не желаетъ. Нѣтъ! За то, что Айкановъ успѣлъ осудить свои проступки своимъ внутреннимъ судомъ, что онъ очистился отъ „всякія скверны“, что онъ уже достигъ важнѣйшей цѣли наказанія, исправленія, и предсталъ сюда лучшимъ,—во имя всего этого, я полагаю, вы не откажете уготовать Айканову и нѣсколько лучшее будущее.

Айканову дано было снисхожденіе и, дальнѣйшая участь, его была еще смягчена въ путяхъ Монаршаго милосердія.

Дѣло Назарова.

Дѣло Назарова.

Защита въ Кассаціонномъ Сенатѣ.

Гг. сенаторы! Перенося дѣло Назарова въ Правительствующій Сенатъ, я всего менѣе могъ опасаться, что бы всѣ мои кассаціонные доводы могли оказаться неуважительными. Я видѣлъ вокругъ себя въ этомъ дѣлѣ, отъ начала до конца, столько беззаконія и нарушеній формъ, что мнѣ уже не приходилось искать и придумывать, на чемъ бы построить кассацію. Я едва успѣвалъ записывать и перечислять нарушенія. Но помимо кассаціи, которую я считалъ обезпеченною по первому, любому изъ указанныхъ мною основаній, я задавался и другою цѣлью: мнѣ думалось, что это дѣло, въ которомъ всестороннія уклоненія отъ Устава дошли до крайнихъ предѣловъ, поставитъ, наконецъ, передъ Правительствующимъ Сенатомъ рядомъ, такъ сказать, въ комплектѣ, всѣ язвы судебной практики послѣднихъ лѣтъ и вызоветъ по цѣлому ряду принципіальныхъ вопросовъ принципіальные, руководящіе отвѣты высшаго судебнаго мѣста въ Имперіи.

Если, думая такимъ образомъ, я, быть можетъ, находился въ патетическомъ заблужденіи, то я предпочитаю въ немъ и остаться, но считаю нужнымъ объяснить, почему я такъ смотрѣлъ на этотъ процессъ. Въ самомъ дѣлѣ, пагубная односторонность судебныхъ слѣдователей, преимущественно—„по особо важнымъ дѣламъ“; безграничныя характеристики обвиняемаго, исходящія изъ правила: подавай все, что есть дурного, лишь бы очернить человѣка, хотя бы онъ и не былъ виноватъ; фантазерство и неудер-

жимая словоохотливость экспертовъ; гражданскіе истцы, не имѣющіе въ процессѣ никакого гражданскаго дѣла и только возбуждающіе присяжныхъ противъ подсудимаго,—развѣ всѣ эти уклоненія не составляютъ „злобы дня“, и развѣ всѣ они не соединились въ этомъ дѣлѣ съ такою силою, что можно и даже слѣдуетъ призадуматься надъ практикою самого Правительствующаго Сената, и пересмотрѣть ее, и еще разъ взвѣсить вопросъ: можетъ ли все такъ продолжаться?.. Вѣдь кто любитъ судъ присяжныхъ, кто имъ дорожитъ, тотъ не можетъ не видѣть, что всѣ подобныя явленія ставятъ этотъ дорогой намъ судъ на наклонную плоскость... И не министерскими циркулярами, которые принимаются судебными мѣстами только къ свѣдѣнію, и не законодательными починками Устава, которыя, отдаляясь отъ идеи первоначальнаго Зодчаго, будутъ только пестрить зданіе рѣзкими пятнами,—а только, мнѣ кажется, руководящими постановленіями Правительствующаго Сената, нормирующими практику, можно поддержать этотъ судъ. Исчисленныя мною заблужденія практики болѣе серьезны, чѣмъ это кажется. Всѣ эти уклоненія, т. е. пристрастіе и фальшь въ слѣдственныхъ актахъ, внесеніе въ процессъ возбраненныхъ характеристикъ для того, чтобы играть на впечатлѣніяхъ, наконецъ, допущеніе къ преніямъ непризнаваемыхъ закономъ ораторовъ,—все это могли бы привѣтствовать лишь тѣ юристы, которые всегда у насъ утверждали и говорятъ, что мы не дозрѣли до суда присяжныхъ. Они были бы въ правѣ сказать: на развитыхъ присяжныхъ все это не можетъ оказать никакого вліянія, они должны во всемъ разобраться, все отгадать по нюху; лишній ораторъ для нихъ ничего не значитъ; сквозь поддѣльные акты они должны прозрѣть истину; если это вершители судебъ, то они должны быть настолько мудры, что держать ихъ подъ колпакомъ нечего. А если все это можетъ ихъ смутить, то мы не дозрѣли до такого учрежденія... Мы не раздѣляемъ такого воззрѣнія, и хотя далеки отъ мысли, чтобы присяжныхъ слѣдовало держать подъ колпакомъ и оберегать ихъ отъ лишней бумажки, прочтенной изъ дѣла, но и не думаемъ, чтобы имъ можно было по-

казывать дѣло сквозь закопченное стекло. Мало того, мы полагаемъ, что нѣтъ такой страны, гдѣ бы люди были совершенно закалены отъ воспріятія невѣрныхъ впечатлѣній; поэтому самъ законодатель долженъ позаботиться о такой организаціи суда, чтобы для неправильныхъ впечатлѣній было какъ можно менѣе мѣста въ судебномъ засѣданіи... И нашъ Уставъ объ этомъ заботится...

Первоприсутствующій. Я долженъ напомнить вамъ, г. защитникъ, что о законодательной дѣятельности неумѣстно здѣсь распространяться, а также излишне было говорить и о заплатахъ, которыя въ настоящее время наложены на Судебные Уставы. Потрудитесь перейти къ дѣлу.

Присяжный повѣренный Андреевскій. Въ самомъ началѣ кассаціонной жалобы мною заявляется требованіе, которое можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ: требованіе уничтожить все слѣдственное производство. Но для того, чтобы дѣло Назарова могло когда бы то ни было правильно разрѣшиться, я не вижу другого исхода: пока всѣ эти рукописи, лежащія передъ вами, будутъ считаться тѣмъ предварительнымъ слѣдствіемъ, на основаніи котораго можетъ быть по закону наряженъ судъ надъ Назаровымъ, до тѣхъ поръ присяжные никогда не узнаютъ правды. Но на какомъ же основаніи это сдѣлать? Односторонность? Пристрастіе слѣдователя? Да вѣдь все это вопросы существа, внѣшняго повода никакого нѣтъ. Нѣтъ! есть, по-моему, чисто внѣшній поводъ. Кореннымъ правиломъ въ Уставѣ постановлено, что слѣдователь долженъ производить слѣдствіе съ „полнымъ безпристрастіемъ“ (ст. 265). Правительствующій Сенатъ, конечно, не можетъ прослѣдить, какъ слѣдователь подбиралъ факты, чтобы опутать Назарова, какъ онъ ихъ сортировалъ, и о всемъ, что было полезно обвиняемому, умалчивалъ, а все, что благопріятствовало потерпѣвшей—прикрашивалъ. Это, конечно, существо дѣла. Но если-бы, напримѣръ, мы встрѣтили такое дѣло, гдѣ бы въ самой срединѣ предварительнаго слѣдствія мы нашли формальный, законно-составленный актъ о томъ, что судебный слѣдователь, среди допроса, приколотилъ обвиняемаго? Неужели можно было бы говорить, что такой слѣдователь—

безпристрастенъ?.. Это уже не было бы существо дѣла! И вотъ, нѣчто совершенно аналогичное мы имѣемъ здѣсь. Здѣсь мы видимъ постановленіе г. Сахарова, въ которомъ онъ осыпаетъ Назарова ругательствами (вся эта брань приведена въ жалобѣ). Вѣдь все это не касается запретнаго для насъ существа и вовсе не затрогиваетъ вопроса о виновности или невиновности Назарова по отношенію къ Черемновой. Но вѣдь все это факты, преступные со стороны слѣдователя и настолько внѣшніе для дѣла, что самъ оберъ-прокуроръ ихъ выдѣляетъ и проситъ преслѣдованія. Слѣдовательно, это—факты, вполнѣ доступные контролю Правительствующаго Сената, какъ напримѣръ, родство слѣдователя съ одною изъ сторонъ, ибо эти собственноручно написанныя слѣдователемъ оскорбленія лежатъ здѣсь, передъ Сенатомъ, въ качествѣ вещественнаго доказательства. Кто ругается, того вѣдь ужъ никакъ нельзя назвать безпристрастнымъ: это—аксіома, доступная ребенку. Такъ какъ же послѣ этого не признать, что нашъ коренной законъ о томъ, что слѣдователь долженъ быть безпристрастенъ,—нарушенъ? Скажутъ: за этимъ должна была слѣдить палата. Да вѣдь она написала, что слѣдствіе правильно, и что заявленіе Назарова о пристрастіи г. Сахарова—будто бы „голословно“? Она не читала постановленія и не видѣла оскорбленій. А кто же надъ палатою? Одинъ Сенатъ. Но еще могутъ возразить: слѣдователь ругается, но свое дѣло знаетъ. Но такъ можно отзываться о мастеровомъ, а не о слѣдователѣ, ибо разъ онъ ругается—онъ пристрастенъ, и тогда, что же выходитъ? Выходитъ, что или 265 ст. о безпристрастіи слѣдователя есть звукъ пустой, и ее можно нарушать, или пристрастный человѣкъ не смѣетъ приказаться къ слѣдствію. Мы держимся послѣдняго воззрѣнія, потому что во многихъ случаяхъ на судѣ акты слѣдователя читаются (и здѣсь читались), какъ нѣчто безспорное и непогрѣшимое, а пристрастное лицо, по самой природѣ своей, неспособно составить подобныхъ достовѣрныхъ актовъ.

Возможно, впрочемъ, еще такое возраженіе: вѣдь это постановленіе слѣдователя съ оскорбленіями обвиняемаго

находится въ концѣ дѣла; можно-ли, поэтому, признать всѣ предыдущіе акты ничтожными? И на это есть ясный отвѣтъ. Постановленіе составляетъ цѣлый томъ въ 287 страницъ; физически невозможно его даже переписать, не отрываясь отъ работы, скорѣе, чѣмъ въ двѣ-три недѣли. Сознавая это, слѣдователь даже не обозначилъ времени его составленія. На немъ значится: „просмотрѣно и подписано 23—24 декабря“, т. е. слѣдователь на одно перечитываніе постановленія употребилъ два дня. Значитъ, опять-таки, не касаясь существа дѣла, а простою оффиціальною справкою мы удостовѣряемъ, что постановленіе сочинялось мѣсяцами, а между тѣмъ, уже на первой его страницѣ содержатся оскорбленія обвиняемаго. Поэтому слѣдователь, такъ сказать, въ своемъ дневникѣ, который онъ затѣмъ подписалъ и выдалъ обвиняемому, все время, отъ начала до конца слѣдствія, оскорблялъ его,—оскорблялъ своимъ перомъ, отъ своего лица!

Снилось ли составителямъ уставовъ и первымъ судебнымъ дѣятелямъ, что настанетъ время, когда рукописи такого своеобразнаго чиновника будутъ почитаться тѣмъ „безпристрастнымъ“ предварительнымъ слѣдствіемъ, которое одно только и можетъ лечь въ основу судебнаго засѣданія?

Но есть и другой поводъ къ уничтоженію слѣдствія, а именно, что всѣ, безъ исключенія, свидѣтели,—а ихъ было 136, и допрашивались они въ теченіе года,—что всѣ они допрошены въ отсутствіи обвиняемаго. По закону, какъ въ судебномъ засѣданіи (729 ст.), такъ и на предварительномъ слѣдствіи (446 ст.), допрашивать свидѣтелей въ отсутствіи обвиняемаго можно только въ видѣ исключенія, причемъ все, что произошло въ отсутствіи обвиняемаго, должно быть ему повторено. Въ Уставѣ прямо сказано (ст. 446): „свидѣтели допрашиваются порознь и, если окажется нужнымъ, то первоначально въ отсутствіи обвиняемаго“, и въ слѣдующей, 448 ст., добавлено: „допросъ, снятый въ отсутствіи обвиняемаго, прочитывается ему. Обвиняемый имѣетъ право просить слѣдователя о предложеніи свидѣтелю новыхъ вопросовъ“. Значитъ, во всякомъ случаѣ слѣдователь

можетъ только первоначально (на время) допросить свидѣтелей безъ бытности обвиняемаго, но, по его требованію, обязанъ вновь ихъ допросить. По 449 ст. „обстоятельства“, которыя обвиняемый приводитъ противъ свидѣтеля, могутъ быть провѣрены или нѣтъ—это зависитъ отъ слѣдователя, но „предложить свидѣтелю“, спрошенному въ его отсутствіи, новые „вопросы“, обвиняемый „имѣетъ право“, иначе объ этомъ правѣ нечего было бы и говорить въ 448 статьѣ. Да иначе и быть не можетъ. Нашъ процессъ—состязательный, а не инквизиціонный. Составители Устава думали даже допустить защиту на предварительномъ слѣдствіи, но, не рѣшившись на это, они, чѣмъ могли, гарантировали обвиняемаго настолько, что защитникъ ему почти не нуженъ. Къ такимъ гарантіямъ принадлежитъ право обвиняемаго видѣть свидѣтеля, допрошеннаго въ его отсутствіи, и предложить ему новые вопросы. Обвиняемый можетъ вѣрить слѣдователю и не потребовать передопроса; но если онъ не вѣритъ и требуетъ передопроса въ своемъ присутствіи и ему въ этомъ отказываютъ, то подобный протоколъ допроса теряетъ характеръ судебнаго доказательства: противъ него объявленъ споръ, его нельзя читать на судѣ, въ случаѣ неявки свидѣтеля. А таковы всѣ протоколы свидѣтельскихъ показаній г. Сахарова! Моя мысль объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ протоколовъ и о передопросѣ всѣхъ свидѣтелей—не одинока въ этомъ дѣлѣ. Я имѣю за себя авторитетъ товарища предсѣдателя московскаго окружного суда г. Ринка. Не только обвиняемый не вѣрилъ г. Сахарову, но самъ судъ ему не вѣрилъ. Въ отдѣльномъ мнѣніи своемъ по поводу просьбы Назарова о передопросѣ всѣхъ свидѣтелей (дѣло III отдѣленія московскаго окружного суда № 14,209 и 29) товарищъ предсѣдателя напоминаетъ суду, что судъ уже призналъ нѣкоторые допросы Сахарова недостовѣрными, ибо въ этихъ допросахъ слѣдователь не позволялъ, вопреки закону, писать грамотнымъ собственноручно ихъ показанія, предпочитая излагать таковыя собственнымъ языкомъ, какъ ему, слѣдователю, нужно, причемъ искажалъ эти показанія, чѣмъ и нарушилъ 408 и 409 ст. Устава. Поэтому товарищъ предсѣдателя полагалъ

уважить просьбу Назарова о передопросѣ всѣхъ свидѣтелей въ его присутствіи, по 406 и 408 ст. Устава. Теперь, какъ же не признать нарушеніемъ, что Назаровъ былъ лишенъ этого права до конца? Слѣдователь все время оскорбляетъ Назарова; слѣдователь за его спиной въ теченіе года собираетъ противъ него доказательства; все его существованіе перебирается; всѣ его враги вызваны на сцену, и Назаровъ не смѣетъ сунуться къ дѣлу, не смѣетъ посмотрѣть ни на одного свидѣтеля, хотя слѣдственные протоколы уже заподозрѣны самимъ судомъ,—Назаровъ лишается какого бы то ни было контроля до самаго конца слѣдствія, а въ концѣ получаетъ отъ слѣдователя постановленіе, полное ругательствъ, гдѣ ему заранѣе объявляется, что, какіе бы оправданія онъ ни приводилъ, ни одному его слову не повѣрятъ, ибо „ложь есть руководящее начало его жизни“!... Гдѣ же тутъ гуманныя начала Уставовъ о томъ, что и „молчаніе обвиняемаго не есть еще признаніе вины?“ Гдѣ, наконецъ, помимо гуманности,—о которой здѣсь и помину нѣтъ,—гдѣ то неотъемлемое право обвиняемаго, въ силу котораго онъ въ правѣ всѣ дѣйствія слѣдователя провѣрить своими глазами?

Понятно, что это слѣдствіе, этотъ гнилой фундаментъ надо разрушить, потому что никакія формы суда не въ состояніи уже оградить предстоящее за симъ судебное разбирательство отъ міазмовъ, проникающихъ изъ этого фундамента.

Покончивъ съ общимъ инквизиціоннымъ направленіемъ слѣдствія, обращаюсь къ одному изъ важнѣйшихъ элементовъ этого направленія,—къ „характеристикамъ“.

Живо помню, какъ предсѣдатель по дѣлу Назарова сказалъ въ своемъ резюме, что нашъ уставъ и наши судебные порядки не признаютъ „антеседановъ“ или, другими словами, не признаютъ французской системы откапывать все черное въ жизни подсудимаго. Дѣйствительно, таковъ принципъ устава, принципъ русскаго закона. Но авторы большихъ сенсаціонныхъ процессовъ нашли для себя болѣе эффектнымъ и благодарнымъ разрѣшить себѣ „антеседаны“ съ полнымъ безстѣсненіемъ. — Какъ бороться съ этимъ

зломъ?—Опять говорятъ: все это—существо дѣла. Сенатъ, однако, часто высказывалъ, что, если сущность свидѣтельскаго показанія нужна кассатору для его цѣлей, то слѣдуетъ занести въ протоколъ. Намъ бы пришлось въ этомъ дѣлѣ заносить $^3/_4$ судебнаго слѣдствія. Но изъ обвинительнаго акта видно, до чего расплывался слѣдователь въ характеристикѣ Назарова. Прочитано было на судѣ цѣликомъ показаніе Федюкина (которое поэтому и не нужно было заносить въ протоколъ)—и, обозрѣвъ это показаніе, Сенатъ можетъ видѣть, что оно касается прелюбодѣйной связи Назарова съ женой свидѣтеля, безъ малѣйшаго отношенія къ дѣлу Черемновой. Далѣе, занесенъ въ протоколъ вопросъ одного изъ присяжныхъ засѣдателей, послѣ показаній Гришина, Іонина и Попова: „кается ли Назаровъ въ обманной игрѣ въ карты?“ Если принимать этотъ вопросъ въ редакціи суда: „кается ли Назаровъ въ прошлой жизни“—то все вмѣстѣ—и показаніе Федюкина, и свѣдѣніе изъ обвинительнаго акта о свидѣтельскихъ показаніяхъ насчетъ карточной игры, и вопросъ присяжнаго,—все это вмѣстѣ должно установить передъ кассаціоннымъ судомъ разслѣдованіе на судѣ о личности подсудимаго внѣ всякихъ законныхъ предѣловъ. Законна ли эта программа судебнаго слѣдствія, начертанная слѣдователемъ и одобренная палатою? Я думаю- не законна, и въ этомъ протестѣ я опять не одинокъ въ настоящемъ дѣлѣ. Есть отдѣльное мнѣніе предсѣдателя департамента московской судебной палаты—мнѣніе авторитетное и прекрасно мотивированное—о томъ, что такіе вопросы о личности подсудимаго нельзя поднимать въ судѣ. Уважаемый авторъ этого мнѣнія не держится принципа, будто нашъ судъ предназначенъ судить личность обвиняемаго вообще, а держится воззрѣнія, что судъ нашъ имѣетъ цѣлью судить только дѣяніе привлеченнаго лица, а личность его—лишь настолько, насколько она проявилась въ дѣяніи. Тутъ же, въ этомъ мнѣніи, указывается и на то, что единственный способъ изслѣдованія личности, указанный въ законѣ, есть повальный обыскъ или дознаніе черезъ окольныхъ людей. Намъ возражаютъ, что, судя по мотивамъ къ уставу, дознаніе черезъ окольныхъ людей примѣнимо только

въ селахъ. Выводъ этотъ подкрѣпляютъ цитатами изъ мотивовъ о „дальнихъ разстояніяхъ“ въ нашемъ отечествѣ и самымъ обрядомъ обыска, состоящимъ въ обхожденіи „дворовъ“, причемъ, очевидно, разумѣются сельскіе дворы. Я полагаю, что отдѣлъ устава о повальномъ обыскѣ есть отдѣлъ принципіальный для всѣхъ судовъ и для всѣхъ дѣлъ имперіи, и, какъ таковой, этотъ отдѣлъ не можетъ допускать, по одной лишь презумпціи, примѣнимости его къ однимъ селамъ, съ оставленіемъ важнѣйшихъ центровъ судебной дѣятельности, большихъ городовъ, внѣ общаго правила. Такое предположеніе нельзя основывать на мотивахъ; такое важное изъятіе должно быть сказано въ законѣ, въ самомъ его текстѣ, тѣмъ болѣе, что законъ этотъ выдвинутъ на первый планъ и разработанъ въ цѣлый обширный отдѣлъ. Надо при этомъ вспомнить, какъ редактирована его первая, вступительная статья. Въ ней не безъ умысла, вѣроятно, пропущены слова „прошлая жизнь“ и „поведеніе“ обвиняемаго,—слова, которыя приводились въ заключеніи г. оберъ-прокурора. Тамъ, въ 454 ст., сказано: „если окажется необходимымъ для разъясненія дѣла собрать свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ (очевидно не амурныхъ, а другихъ) и образѣ жизни обвиняемаго“, то слѣдователь производитъ „особое“ дознаніе черезъ окольныхъ людей. Слѣдовательно, это единственный „особый“ способъ провѣрки этихъ обстоятельствъ. Мы разумѣемъ этотъ законъ такъ: повальный обыскъ должно дѣлать только тогда, когда безъ него дѣло неясно, т. е. убилъ, а не видно, почему убилъ, укралъ, а не понятно, для кого укралъ,—тогда ищутъ отвѣта на эти вопросы въ интимной обстановкѣ человѣка, безъ чего въ нее, по общему правилу, недозволительно заглядывать. Но совершенно недопустимо понимать эту статью такъ, что, когда не видно самой виновности, то слѣдуетъ смотрѣть, не дрянной ли человѣкъ вообще, и этимъ пополнять недостатокъ уликъ.

Въ послѣднее время Правительствующій Сенатъ подробно разработалъ весьма строгое ученіе о преслѣдованіи диффамаціи и клеветы въ печати. Теперь на очереди другой, еще болѣе жгучій вопросъ—о диффамаціи официальной, о диффамаціи, исходящей отъ самихъ органовъ судебной власти.

Что, въ самомъ дѣлѣ, какъ не диффамація—все то, что было, напримѣръ, разглашено по дѣлу Мироновича объ этомъ, нынѣ оправданномъ, подсудимомъ? Какое отношеніе имѣли къ убійству и къ изнасилованію, напримѣръ, взятки, проценты, взимаемые въ кассѣ, любовницы и незаконныя дѣти этого человѣка? Какое теперь отношеніе къ дѣлу Назарова съ Черемновой имѣетъ плутовство въ карточной игрѣ, тасканіе двугривенныхъ въ дѣтствѣ, альфонсизмъ Назарова, сообъ составленія имъ нотаріальныхъ актовъ и пр., и пр. Какую, наконецъ, узду и какимъ способомъ наложить на этихъ судебныхъ дѣятелей, не знающихъ границъ своему любопытству? Судебныя палаты считаютъ все это дозволеннымъ? Кто же возвратитъ дѣло къ нормальному теченію?—Вѣдь, если не задуматься надъ этимъ и не положить границъ, то мы доживемъ до такихъ порядковъ, что при обвиненіи въ какомъ угодно преступленіи будутъ разслѣдоваться всѣ рѣшительно прелюбодѣянія обвиняемыхъ, ихъ семейныя тайны, ихъ смѣшныя привычки—все, что напрасно мучитъ и позоритъ. Мало того: все будутъ выставлять мелькомъ, односторонне (какъ и здѣсь: спрашивали только оскорбленныхъ мужей, а не виновныхъ женъ), противъ всего этого обвиняемый и защищаться не станетъ, и затѣмъ, если, въ концѣ-концовъ, и получится оправданіе, то развѣ подсудимые не выйдутъ изъ суда диффамированными навсегда, устами всѣхъ газетъ (а не одной) и безъ всякаго возмездія, безъ всякаго даже права протестовать противъ такой диффамаціи!

Моя усердная просьба къ Правительствующему Сенату состоитъ въ томъ, чтобы границы такого надруганія надъ подсудимыми были принципіально установлены, по поводу настоящаго дѣла, для будущихъ процессовъ, и чтобы для этой инквизиціонной практики наступилъ вожделѣнный конецъ.

Что эта практика вредитъ правосудію, вліяетъ на присяжныхъ,—объ этомъ и говорить нечего. Лучшее доказательство—вопросъ, сдѣланный однимъ изъ присяжныхъ Назарову: кается ли онъ въ карточной игрѣ? Кается ли онъ въ прошлой жизни? Если судья спрашиваетъ о покаяніи,

значитъ онъ винитъ человѣка, а винитъ онъ его, какъ мы видимъ, не въ томъ, за что призванъ судить его. И этотъ маленкій уголокъ завѣсы, приподнятый надъ тѣмъ, что происходило въ совѣщательной комнатѣ, показываетъ намъ, до какой степени возможно, что отвѣтъ присяжныхъ вовсе даже не относится къ постановленному на ихъ разрѣшеніе вопросу, а относится къ другимъ вопросамъ, которые присяжные сами себѣ поставили, и взяли вопросъ суда только, какъ удобный предлогъ для того, чтобы дать выходъ накопившимся у нихъ дурнымъ чувствамъ противъ подсудимаго.

А эти дурныя чувства поддерживались въ настоящемъ дѣлѣ всѣми способами. Къ безспорнымъ и чисто формальнымъ нарушеніямъ я отношу чтеніе на судѣ бранныхъ свидѣтельскихъ показаній, записанныхъ слѣдователемъ. По адресу подсудимаго ругательства, самыя нецензурныя, въ изобиліи произносились поневолѣ секретаремъ суда, читавшимъ съ возвышенія слѣдственные акты. Молчаніе суда сопровождало это чтеніе. Это молчаніе, какъ и всегда, имѣло характеръ согласія. Присяжные внимали этимъ эпизодамъ мѣстами съ улыбкой, мѣстами съ недоумѣніемъ и, въ концѣ-концовъ, не могли не составить себѣ понятія о Назаровѣ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ всякой чести, заслужившемъ всеобщее презрѣніе, которое по отношенію къ нему съ толпою дѣлитъ и самъ судъ. Подсудимый все выслушивалъ, склоня голову... Развѣ мыслимо сказать, что все это неважно, что это, пожалуй, неловко и лучше, еслибы этого отступленія не было, но что рѣшеніе присяжныхъ все-таки состоялось при условіяхъ легальныхъ? Зачѣмъ же тогда существуетъ 611 ст. — законъ, воспрещающій оскорбленіе въ судебномъ засѣданіи? Намъ говорятъ, это—мѣра дисциплинарная, т. е. мѣра полицейская, мѣра внѣшняго благочинія. Да вѣдь и судъ безъ благочинія есть судъ не законный! Практика самого Правительствующаго Сената свидѣтельствуетъ, какое важное значеніе имѣетъ судебное благочиніе. Именно по тому дѣлу, на которое ссылался г. оберъ-прокуроръ, по убійству въ Люцинѣ, рѣшеніе присяжныхъ было кассировано по тому един-

ственному основанію, что стороны—прокуроръ и защита—вдались въ рѣзкую пикировку. Полагаютъ, что тотъ случай былъ важнѣе настоящаго собственно потому, что рѣзкость исходила отъ сторонъ. Я полагаю совершенно наоборотъ: здѣсь нарушеніе важнѣе—во 1-хъ, потому, что въ томъ дѣлѣ это былъ единственный поводъ кассаціи, а здѣсь—одинъ изъ безчисленныхъ, во 2-хъ, потому, что такое заявленіе въ Люцинскомъ дѣлѣ, какъ напримѣръ, что будто бы судебная палата предала суду „завѣдомо невиновныхъ", легко могло быть провѣрено и обсуждено присяжными послѣ судебнаго слѣдствія, и въ 3-хъ, потому, что невоздержность исходила только отъ сторонъ, и пикировка была утонченная, отдѣланная, а здѣсь—одинъ цѣлый потокъ невозможныхъ ругательствъ, да еще — отъ свидѣтелей, т. е. отъ лицъ, дающихъ непосредственный матеріалъ для приговора. Гдѣ же, спрашивается, отсутствіе благочинія и спокойствія ближе соприкасается съ возможностью неправильнаго приговора? Я не догадываюсь, чѣмъ можно оправдать въ этомъ дѣлѣ нарушеніе 611 ст. Уст. угол. суд., и не вижу возможности, послѣ этого, примирить практику Правительствующаго Сената въ разныхъ дѣлахъ по совершенно однороднымъ случаямъ.

Затѣмъ, кассація перечисляетъ рядъ сравнительно мелкихъ нарушеній. Всѣ они коренятся въ томъ же недобросовѣстномъ освѣщеніи дѣла, которымъ задалось предварительное слѣдствіе. Каковы протоколы показаній, таковы и осмотры: осмотръ Эрмитажа, проникнутый субъективнымъ „грустнымъ" настроеніемъ слѣдователя, осмотръ слѣдственнаго дѣла Огонь-Догановскаго, съ такимъ удостовѣреніемъ слѣдователя, что смерть жертвы Догановскаго, „несомнѣнно" сопровождалась криками. Откуда это „несомнѣнно"? Мы пересмотрѣли дѣло—и видимъ, что остается еще множество сомнѣній, кричала или не кричала задушенная Догановскимъ женщина. А слѣдователь поставилъ въ осмотръ это словечко „несомнѣнно"! Въ актахъ настоящаго, безупречнаго слѣдователя „несомнѣнно" то же, что „достовѣрно", ибо никакихъ споровъ противъ осмотра не допускается. Какъ же допускать такія умышленно-невѣрныя показанія

въ актахъ, противъ которыхъ по закону не допускается возраженій.?

Перехожу къ двумъ нарушеніямъ на судѣ. Одно изъ нихъ весьма важное, хотя и спорное: допущеніе отца Черемновой гражданскимъ истцомъ; другое, безспорное и капитальное въ этомъ дѣлѣ,—дозволеніе эксперту произносить обвинительную рѣчь противъ Назарова.

Гражданскіе истцы по обвиненіямъ безкорыстнымъ издавна и понемногу проникали въ судебную практику и, наконецъ водворились въ ней и вошли въ моду. Мы считали случай съ' гражданскимъ искомъ въ дѣлѣ Назарова настолько рельефнымъ, что рѣшились сдѣлать изъ него одинъ изъ главныхъ вопросовъ кассаціи. Часто въ громкихъ процессахъ послѣдняго времени общество, т. е. и спеціалисты, и публика, смотрѣли на гражданскаго истца, какъ на сфинкса. Всѣ задавались вопросами: „что? ему, въ самомъ дѣлѣ., нужны деньги? Неужели при этой трагической обстановкѣ въ немъ еще говоритъ корысть? Потребуетъ ли онъ чего нибудь и сколько потребуетъ, или благородно отречется?“ Въ большинствѣ случаевъ, послѣ выхода присяжныхъ, маска снималась; гражданскій истецъ или совсѣмъ къ этой минутѣ исчезалъ изъ суда, или отказывался отъ вознагражденія. Мы вправѣ все это назвать обходомъ закона,—неправильнымъ, а потому и нежелательнымъ, вмѣшательствомъ въ процессъ. Но скажутъ: какъ же это искоренить? Вѣдь право отреченія всегда существуетъ. Да, но стороны всегда знаютъ, когда оно завѣдомо и навѣрное воспослѣдуетъ, а потому надо прежде всего—всегда приводить гражданскаго истца къ откровенному требованію вознагражденія (не въ цифрѣ, но непремѣнно въ принципѣ), а за симъ—предоставить подсудимому разсчитываться съ нимъ въ какомъ угодно положеніи процесса. Но такіе безкорыстные гражданскіе истцы поняли, что уплата искомаго убытка для нихъ смерть, ибо имъ вовсе убытокъ и не нуженъ,—и стали проводить взглядъ, что подарковъ они не желаютъ, а хотятъ только того, что имъ дастъ судъ, и притомъ отъ осужденнаго, а такъ какъ до рѣшенія присяжныхъ неизвѣстно, будетъ ли еще подсудимый виновнымъ, то загадка покровительствуетъ

имъ до конца. Вотъ это намъ и кажется глубоко-фальшивымъ. Гражданскій искъ въ судѣ уголовномъ ничѣмъ не отличается отъ такового же въ судѣ гражданскомъ. Это уже послѣдовательно проведено Сенатомъ въ его рѣшеніяхъ. Въ судѣ гражданскомъ, если ищутъ денегъ, и ихъ взноситъ отвѣтчикъ, то никакой гоноръ истца не можетъ заставить судъ работать и разбирать, дѣйствительно ли отвѣтчикъ долженъ, или съ него взыскиваютъ неправильно. Неправильно требовали—про то сами знали: извольте брать, никакого разбирательства не будетъ, дѣло прекращается. Не то же ли самое и въ судѣ уголовномъ? Вѣдь у гражданскаго истца существуетъ же свое собственное убѣжденіе, долженъ ему подсудимый, или нѣтъ? Никто же его не тянетъ и не обязываетъ искать съ завѣдомо-невиннаго. А если онъ его считаетъ виновнымъ и подалъ на него искъ въ уголовномъ дѣлѣ, то исковое прошеніе должно исчезнуть изъ дѣла вмѣстѣ съ его авторомъ, какъ только искомая сумма будетъ внесена, или какъ только подсудимый обезпечитъ чѣмъ нибудь всѣ будущіе, заранѣе неопредѣленные убытки, заявивъ готовность ихъ уплатить. Таково право отвѣтчика, и не возможно отнимать это право помощью разныхъ ухищреній.

Итакъ, прежде всего, надо приводить гражданскаго истца къ откровенному требованію вознагражденія. Но почему? Потому, что законъ въ этомъ смыслѣ категориченъ. Ст. 6 говоритъ, что гражданскимъ истцомъ можетъ быть только лицо, заявившее требованіе о вознагражденіи; ст. 302 и 303 говорятъ, что гражданскіе истцы должны заявить вредъ и убытки и тогда имѣютъ право поддерживать искъ. Словомъ, подкладка—строго матеріальная.

Исковъ отвлеченныхъ въ уголовномъ дѣлѣ быть не можетъ, какъ и въ дѣлѣ гражданскомъ. Сентиментализма, который имѣетъ въ результатѣ отягощеніе участи подсудимаго, мы не раздѣляемъ; а горе, мстящее на судѣ, намъ не только не привлекательно, но представляется едва ли достойнымъ... Еще можно его, пожалуй, терпѣть въ такихъ дѣлахъ, гдѣ, отстоявъ свою честь, можно простить подсудимаго и снять съ него наказаніе; но присоединять свою

месть тамъ, гдѣ грозитъ безповоротная каторга,—такого моральнаго интереса отъ частнаго лица мы не уважаемъ и никогда бы не желали встрѣчать его на судѣ.

Какое же матеріальное основаніе иска въ дѣлѣ Черемновой? Отецъ проситъ убытковъ отъ преждевременной смерти своей дочери, когда въ причиненіи этой смерти Назаровъ не обвиняется; онъ ищетъ убытковъ отъ изнасилованія, когда изнасилованная умерла... Ровно никакой почвы не остается. Но вамъ-то что? спросите вы. Не все ли равно, сколько обвинителей? Вѣдь можетъ быть два прокурора по одному дѣлу: не то же ли самое прокуроръ и гражданскій истецъ? Нѣтъ! Прокуроры—обвинители отъ закона, а гражданскіе истцы — обвинители отъ личности; одни—объективны, другіе—неизбѣжно страстны, а если еще у нихъ отнять практическую почву требованій матеріальныхъ, то на почвѣ моральнаго негодованія рѣдкій изъ нихъ съумѣетъ совладать съ собою настолько, чтобы не обратиться въ настоящаго ругателя. И я говорю, что это просто лишній соблазнъ для присяжныхъ, лишняя, и притомъ противозаконная, помѣха для правильнаго теченія процесса. Да нужно, наконецъ, и приличія соблюдать въ судѣ, оберегать судъ отъ глумленія. Ну, развѣ не беззастѣнчивая шутка это требованіе съ Назарова „5 руб. на могилу Черемновой“? А кто виноватъ, что такъ смѣются надъ судомъ? Самъ судъ, допускающій завѣдомо безкорыстныхъ гражданскихъ истцовъ.

Наконецъ, самое капитальное нарушеніе на судебномъ слѣдствіи—экспертиза. Прежде всего, мы полагаемъ, что текстъ экспертизы, произнесенной въ судѣ, установленъ нами съ тою достовѣрностью, какая только мыслима, возможна и допустима въ этомъ труднѣйшемъ кассаціонномъ пріемѣ. Намъ удалось занести въ протоколъ цѣлое заключеніе. Я настаиваю, что получилъ въ самомъ судебномъ засѣданіи согласіе самого профессора Нейдинга и суда на пріобщеніе къ дѣлу рукописнаго текста экспертизы. Хотя судъ и пытается отнять у насъ это завоеванное для Сената доказательство, но самъ же судъ и выдаетъ себя. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ судъ пріобщилъ ру-

копись г. Нейдинга къ протоколу и даже не пытается заподозритъ вѣрность ея изложенія? Самъ экспертъ собственноручно свидѣтельствуетъ, что все, включенное въ этотъ документъ, онъ произносилъ въ засѣданіи, и судъ своимъ молчаніемъ поддерживаетъ достовѣрность нашего доказательства. Положимъ, я помню, что устная экспертиза была рѣзче по своему обвинительному направленію и пространнѣе по объему, но все же программа заключенія сохранилась.

Мы уже видѣли недавно одного эксперта, который за свое научное фантазерство въ одномъ важномъ процессѣ вызвалъ критику и порицаніе своихъ товарищей по наукѣ. Въ дѣлѣ Назарова профессоръ Нейдингъ въ научномъ отношеніи ничего фантастическаго не высказалъ, зато онъ расширилъ предѣлы своей компетенціи въ другую сторону и, покончивъ научное заключеніе свое, началъ, просто-напросто и весьма обстоятельно, разбирать улики по дѣлу Назарова, какъ непризванный юристъ. Это начинаніе надо пресѣчь въ самомъ корнѣ. Необходимо уничтожить этотъ незаконный и опасный пріемъ. Отвѣтивъ на всѣ научно-медицинскіе вопросы въ дѣлѣ, профессоръ Нейдингъ задается мыслью разрѣшить, кто изъ двухъ — Назаровъ или Черемнова—говоритъ правду о своемъ времяпрепровожденіи въ „Эрмитажѣ“? Я понимаю, еслибы къ этому вопросу были примѣшаны какія нибудь сомнѣнія, разрѣшаемыя только наукою; но нѣтъ ничего подобнаго. Назаровъ говоритъ, какія у него были цѣли, когда онъ приглашалъ Черемнову, чего требовалъ въ буфетѣ, что говорила Черемнова, какъ онъ себя держалъ, какъ онъ заснулъ и т. п. И профессоръ Нейдингъ начинаетъ усердствовать, чтобы доказать, что все, что говоритъ Назаровъ—ложь. Профессоръ справляется съ этой задачей, какъ можетъ; не особенно проницательно разбираетъ разсказъ Назарова, какъ и слѣдовало ожидать отъ кабинетнаго человѣка, но, однако же, говоритъ съ большимъ увлеченіемъ и заканчиваетъ свой разборъ такими словами: „всякому предоставлено вѣрить или не вѣрить подобному разсказу, но, по моему мнѣнію, онъ невѣроятенъ!“ Это мѣсто, эти собственныя слова профессора — лучшее

оружіе и противъ него самаго, и противъ всякаго, кто бы пытался защитить его. Именно потому, что „всякому предоставлено вѣрить, или не вѣрить подобному разсказу“, и что ученый тутъ вовсе не нуженъ,—ученый долженъ былъ молчать, а предсѣдатель, при первой попыткѣ эксперта заглянуть въ эту область, долженъ былъ его остановить. Затѣмъ, профессоръ Нейдингъ разбираетъ точно такъ же разсказъ Черемновой о пребываніи въ Эрмитажѣ, разсказъ, которому также всякій можетъ вѣрить или не вѣрить, по своему усмотрѣнію, — и заключаетъ: „я вполнѣ вѣрю Черемновой“. Ну зачѣмъ намъ все это знать? И развѣ дозволительно эксперту публично произносить передъ присяжными свой приговоръ, основанный на разборѣ уликъ чисто бытового характера? Экспертъ, наконецъ, разбираетъ вопросъ о томъ, каковъ трактиръ „Эрмитажъ“—своевременно ли въ немъ прислуга оказываетъ помощь, трущоба ли это, куда можно завлечь жертву, или солидная гостинница? Ну, причемъ тутъ медицина? И не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ выслушивать заключеніе натуралиста и книжника о порядкахъ, существующихъ въ эротической гостинницѣ „Эрмитажъ“?... Можно ли дозволить такія заключенія? Можно ли, напримѣръ, слесарю, призванному для изученія замковъ и подобранныхъ ключей, предоставить разбирать, былъ ли воръ на мѣстѣ преступленія, и правильно ли онъ доказывалъ свое alibi? Можно ли каллиграфу, призванному въ дѣлѣ о подлогѣ высказаться о сходствѣ почерковъ, предоставить, затѣмъ, обсуждать, насколько подсудимый говоритъ правду о своей имущественной состоятельности и о ненадобности для него подлога? Конечно, ни слесарю, ни каллиграфу нельзя предоставить обсужденіе этихъ вопросовъ. Это—истина безспорная. По закону (ст. 325), эксперты высказываются для разъясненія только такихъ обстоятельствъ, для уразумѣнія которыхъ нужны спеціальныя свѣдѣнія, а не для уразумѣнія такихъ объясненій, которымъ, по счастливому выраженію профессора Нейдинга, всякому предоставлено вѣрить, или не вѣрить. Рѣчи для разъясненія фактовъ послѣдняго рода могутъ произносить толко стороны, но отнюдь не эксперти (ст. 736). Вліяло ли это

неправильное заключеніе на рѣшеніе присяжныхъ? Конечно, вліяло, какъ лишняя, возлагаемая на подсудимаго тяжесть, какъ лишнее и неоправдываемое закономъ опасное впечатлѣніе. Надо при этомъ вспомнить, что и указанные нами, весьма важные, законы нарушены такимъ заключеніемъ. Никто не можетъ обвинять въ судѣ, кромѣ участниковъ процесса, названныхъ въ уставѣ, ибо въ противномъ случаѣ и секретарь, и судебный приставъ могутъ произносить обвинительныя рѣчи послѣ прокурора, и все это будетъ считаться неважнымъ. Недаромъ другой экспертъ въ дѣлѣ Назарова, приватъ-доцентъ Мержеевскій, высказалъ передъ судомъ свои принципіальные взгляды на экспертизу и заявилъ, что разборъ уликъ и фактовъ, лежащихъ внѣ науки, его не касается, и онъ удержался въ строгихъ предѣлахъ своей задачи, постоянно слѣдя за собою, ибо, какъ онъ самъ выразился, „хотя двери суда закрыты, но въ залѣ всегда есть щели, сквозь которыя отступленіе эксперта отъ своего долга можетъ дойти до суда общества“. Такъ оно и случилось съ профессоромъ Нейдингомъ, и я прошу Правительствующій Сенатъ возстановить истинное значеніе экспертизы на судѣ и пресѣчь на будущее время подобныя отступленія отъ устава.

Здѣсь кончаются мои объясненія. Дѣло это можно кассировать и по 265 ст., и по 611 ст., и по 446, и по 6, и по 302, и по 325—по какой угодно и по всѣмъ вмѣстѣ,—но, мнѣ кажется, труднѣе всего найти, что оно было ведено правильно, и притомъ такъ, что присяжные не подвергались никакому неправосудному вліянію. Моя кассаціонная жалоба на большинство производила впечатлѣніе разительныхъ нарушеній. И неужели въ этомъ дѣлѣ суждено будетъ восторжествовать ядовитому наставленію Талейрана: „никогда не слѣдуетъ поддаваться первому впечатлѣнію, потому что оно хорошее?“ Неужели, при, такъ называемомъ, „ближайшемъ разсмотрѣніи“, все это вопіющее цѣлое, распавшись на части, окажется не особенно важнымъ? Нѣтъ, мнѣ вѣрится, что Правительствующій Сенатъ дастъ возможность подсудимому еще разъ оспаривать грозное обвиненіе въ болѣе правомѣрной обстановкѣ. Если нельзя унич-

тожить слѣдствіе, то можно будетъ въ предстоящемъ судебномъ засѣданіи расширить власть предсѣдателя по 611 ст. устава, можно будетъ оградить Назарова отъ оскорбленій на судѣ, можно будетъ дать подсудимому спокойную и законную, а не обвиняющую и негодующую экспертизу, безъ всякаго вмѣшательства ея въ недоступные ей чисто-судебные вопросы, — и тогда подсудимый вздохнетъ свободнѣе, и тогда на его долю выпадетъ хотя часть благодѣтельныхъ гарантій, дарованныхъ судебными уставами.

Сенатъ опредѣлилъ: жалобу оставить безъ послѣдствій; дѣйствія судебнаго слѣдователя Сахарова разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи. Засимъ, по всеподданнѣйшему прошенію Назарова, Государь Императоръ замѣнилъ присужденное ему наказаніе—отдачею подъ надзоръ полиціи на пять лѣтъ съ ограниченіемъ лишь нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

Дѣло Сушкинскаго

Тульскаго банка.

Дѣло Сушкинскаго Тульскаго Банка.

Защита Ивана Ивановича Сушкина.

(Въ г. Тулѣ).

Это дѣло о банковой растратѣ, сперва перенесенное по указу Сената въ Москву, назначалось къ слушанію съ присяжными въ Москвѣ три раза, но, по разнымъ причинамъ, откладывалось и, наконецъ, подошло подъ дѣйствіе новаго закона объ изъятіи банковыхъ дѣлъ отъ суда присяжныхъ. Засимъ, оно слушалось въ Тулѣ, въ особомъ присутствіи Московской Судебной Палаты, съ сословными представителями. Палата обвинила всѣхъ подсудимыхъ (кромѣ ревизоровъ) и присудила съ обвиненныхъ цѣликомъ весь гражданскій искъ.

Странно, гг. судьи, теперь, по истеченіи трехъ лѣтъ, предъявлять вамъ ту защиту, которую намъ не дали высказать своевременно. Три раза стояли мы лицомъ къ лицу съ присяжными засѣдателями, но до нихъ не долетѣло наше слово... Для подсудимыхъ—*иныхъ* три года, а съ точки зрѣнія перемѣны нравовъ—*всего* три года,—и вотъ, почти нельзя узнать прежней эпохи. Вашъ новый судъ вызванъ къ жизни, чтобы искоренить банковое зло, а самое зло уже умерло... Вамъ и дѣлать-то почти нечего! И предъ вами теперь не живые дѣятели настоящей минуты, а только тѣни старомодныхъ типовъ. Для того, чтобы вы ихъ уразумѣли, вамъ надо вернуться къ тому времени, когда эти призраки были еще въ живыхъ,—къ недавнему, но уже трудно доступному времени. То было время банковой эпидеміи. Если бан-

ковые крахи считать эпидеміей, то вашъ судъ—карантинъ, въ которомъ выдерживаются (иногда по нѣсколько недѣль) люди, взятые съ мѣста банковой заразы, и затѣмъ, здоровые отпускаются на свободу, а больные прячутся. Сходство положеній настолько велико, что и здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, вы уже, вѣроятно, успѣли различить людей, которые судятся собственно за одну бытность въ заразномъ мѣстѣ, въ злополучномъ домѣ банка, безъ всякой внутренней порчи и безъ настоящей, дѣйствительной вины. Вы съумѣете оградить ихъ своею властью.

Нечего распространяться о томъ, какъ часто жизнь сгоняетъ въ одно стадо, подъ кровлю одного дома или одного учрежденія, самые противоположные нравственные типы, и какъ затѣмъ эта роковая близость мѣшаетъ намъ распознать иногда глубокую внутреннюю разницу между случайными сосѣдями. Говорятъ обыкновенно, что отъ такой бѣды легко уйти: надо своевременно выдѣлиться, покинуть общее дѣло, протестовать, донести. Нѣтъ! все это только кажется легкимъ—въ дѣйствительности же, злоупотребленія подкрадываются изподтишка, первые шаги на этомъ поприщѣ незамѣтны, долгіе годы сближаютъ людей, а затѣмъ довѣріе, жалость, слабость воли, отсутствіе власти—все это, по человѣчеству, такъ понятно и потому такъ простительно! Лишь бы человѣкъ самъ остался честнымъ, лишь бы онъ съумѣлъ отвѣтить самъ за себя, и тогда вы его спасете. Вы не перенесете впечатлѣній отъ всего дѣла на отдѣльныхъ лицъ. Вы не будете довольствоваться одною подписью директора чтобъ уже и видѣть каждый разъ вину. Вы посмотрите глубже. Будучи людьми закона, вы, однако, найдете для оправданія доводы, писанные въ томъ случаѣ, когда совѣсть ваша воспримете отъ насъ доводы жизненные.

По моему обращенію къ вамъ, гг. судьи, можно бы подумать, что, защищая Ив. Ив. Сушкина, я намѣренъ совсѣмъ открещиваться отъ его сосѣдей и считаю катастрофу Сушкинскаго банка, въ цѣломъ видѣ, катастрофой несомнѣнно преступнаго свойства. Далеко нѣтъ. Напротивъ: если глубже посмотрѣть на все дѣло, то и въ цѣломъ окажется весьма мало серьезнаго. И я только предваряю васъ,

что, во всякомъ случаѣ, цѣлое не слѣдуетъ смѣшивать съ его частями.

Мы привыкли къ банковымъ крахамъ и къ банковымъ процессамъ, и въ этой привычкѣ—если вдуматься—есть что-то ужасное. Поочередно, во всѣ губернскіе и уѣздные города, заходитъ судебная гроза, и вездѣ разбираются банковые крахи. И надо замѣтить, что бѣда есть положительно вездѣ,—скажемъ, почти вездѣ—но въ одномъ мѣстѣ ее прикрываютъ безъ суда, ликвидаціей или опекой правительства, а въ другомъ—учреждаютъ судьбище. Но намъ кажется, что воззрѣніе на банковыя крушенія съ точки зрѣнія непремѣнно воровства есть мнѣніе раздутое. Надо немножко отрезвиться. Не мѣшаетъ подумать и о самолюбіи народномъ, когда изъ конца въ конецъ клеймятъ страну позоромъ... Мы, вообще, склонны къ самобичеванію, но это уже клевета на Россію, потому что повсемѣстная безчестность при денежномъ дѣлѣ не только на Россію, но и на человѣчество не похоже. Вездѣ эти недозрѣлые банки разоряются, лопаются—это фактъ; но чтобы вездѣ было хищеніе—это не натурально. Вкладчики раздражены—это въ порядкѣ вещей. Но власть, вообще, и судебная, въ особенности, должна быть спокойнѣе, и она могла бы въ громадномъ большинствѣ случаевъ прочесть именно недозрѣлость къ веденію банковаго дѣла, полное непониманіе директорами своей роли—и больше ничего. Недаромъ же и присяжные засѣдатели по инымъ банковымъ процессамъ оправдывали рѣшительно всѣхъ подсудимыхъ, по другимъ—освобождали людей, очень скомпрометированныхъ молвою, по третьимъ—признавали только самую ничтожную отвѣтственность директоровъ,—и все это, замѣтьте, при страшномъ возбужденіи печати, при крайней ярости общества,—а не будь этихъ посторонникъ вліяній, приговоры были бы еще мягче, встрѣчалось бы еще больше оправданій. Все это показываетъ, что здѣсь, должно быть, кроются не тѣ кражи, о которыхъ сказано въ заповѣдяхъ Божіихъ, а просто—какія-то шальныя денежныя потери, громадные денежные пожары отъ неумѣлаго обращенія съ огнемъ кредита. И давно бы пора, какъ мы увидимъ ниже, взять эти учрежденія изъ неопытныхъ рукъ и устроить ихъ по-новому.

Хотя, затѣмъ, и принято говорить предъ коронными судьями сухо, я позволяю себѣ иллюстрировать настоящее дѣло Крыловской басней о котѣ и поварѣ. Была ли дирекція тѣмъ лакомымъ котомъ, которому поручили „съѣстное стеречи“, а онъ имъ для себя воспользовался? Если такъ, тогда можно сказать такой дирекціи, что она „плутъ и воръ“, что она „язва и чума, и порча здѣшнихъ мѣстъ“, и тогда „рѣчей не тратя попустому, придется власть употребить“. Но если дирекція ничего не тронула и оказалась не лакомымъ котомъ, а простоватымъ Полканомъ, у котораго, въ отсутствіе довѣрчиваго повара, все утащила подъ носомъ хищная лиса и убѣжала съ добычей въ лѣсъ,—тогда безполезно производить надъ такой дирекціей экзекуцію, потому что она была и останется только недогадливымъ Полканомъ.

И вотъ, напримѣръ, въ Сушкинскомъ банкѣ мы видимъ, что его номинальный глава, пожизненный директоръ Ив. Ив. Сушкинъ—по виду первый человѣкъ въ банкѣ—при крушеніи въ 1 милліонъ 600—800 тысячъ, за всѣ 14 лѣтъ своего служенія, ни одного рубля не тронулъ и не позаимствовалъ, и ничѣмъ рѣшительно не воспользовался. Другой братъ, Петръ Ивановичъ, тоже не укралъ, а *состоитъ должнымъ* 137 тысячъ—я это подчеркиваю, потому что по своему богатству—вамъ это каждый подтвердитъ—онъ можетъ вернуть весь свой долгъ до копѣйки. Такой долгъ тоже не преступленіе. Слѣдовательно, главные директоры „съѣстнымъ“ вовсе не поживились.

Дальше идутъ уже *не Сушкины*: товарищъ директора Перовъ—долженъ гораздо больше, 216 тысячъ, и уже несостоятеленъ, а потомъ ревизоры: Зотовъ—208 тысячъ, Коротковъ—153 тысячи, Торопчениновъ—131 тысячу, и, кажется, всѣ неоплатны. А ужъ на свободѣ должники банка: Васильковы—500 тысячъ, Мелинъ—112 тыс., кн. Оболенскій—255 тыс., Чистяковъ—120 тыс., Русаковъ—400 тыс.., и всѣ они не преступны. Не выходитъ ли, что у Сушкиныхъ все утащила лиса?..

Замѣтьте еще курьезъ. Говорятъ, Сушкины подкупали кредитомъ ревизоровъ, чтобы шашни ихъ были скрыты.

Но мы видѣли, что Сушкины (Иванъ во всякомъ случаѣ) для себя никакой пользы изъ банка не извлекли. И вдругъ, за прикрытіе—спрашивается: чего же?!..—они одолжаютъ ревизорамъ безвозвратно цѣлыхъ полмиліона! Ради чего же нужна имъ милость этихъ жадныхъ ревизоровъ!? Вотъ ужъ поистинѣ выходитъ, какъ говорятъ хохлы: „просты мене, моя мила, що ты мене била!“

Затѣмъ, — другая несообразность. Не извлекая личной пользы, Сушкины еще вносятъ въ банкъ: при основаніи 15 т., передъ ревизіей г. Платова жертвуютъ 93 тысячи своихъ вкладныхъ билетовъ на пополненіе кассы, послѣ ревизіи— еще 33 тысячи за недочетъ по вексельному портфелю. Шутка сказать: почти 150 тысячъ. Раззоряются на банкъ. И вотъ, послѣ этого намъ говорятъ, что Петръ Сушкинъ распоряжался кредитомъ банка для выгодъ своей торговли такимъ образомъ, что, кому ссудитъ деньги, того заставитъ купить у себя какую нибудь дрянь или дорого заплатить за товаръ. И насчитали нѣсколько такихъ барышей—на лошадяхъ, на быкахъ, на мукѣ и т. д. Но вѣдь всѣ эти барыши сводятся къ десяткамъ, сотнямъ рублей и никакъ не превзойдутъ одной тысячи. Если послѣ этого вы вспомните крупныя жертвы Сушкиныхъ, то къ чему эти мелкія выгоды? Къ чему же эта бызсмысленная работа:—одной рукой жестоко вымогать рубли, а другой—щедро сыпать десятки тысячъ по одному и тому же банковому дѣлу?.. Непостежимо. Пріискали еще новый мотивъ этихъ банковыхъ безурядицъ и своеволія: говорятъ — Петръ Сушкинъ хотѣлъ играть роль—кому дескать хочу, тому и раздаю банковыя деньги. Я, дескать,—персона! И все, говорятъ, больше раздавалъ своимъ пріятелямъ, или близкимъ, или людямъ, связаннымъ съ нимъ торговлею. Но и въ этомъ предположеніи, будто раздача денегъ всегда была пристрастная, есть громадныя натяжки: достаточно сказать, что почти всѣ крупнѣйшіе кредиторы Сушкинскаго банка пользовались такимъ же точно почетомъ и кредитомъ въ правительственномъ Александринскомъ банкѣ: значитъ, валить на Сушкиныхъ въ этомъ случаѣ совершенно несправедливо. И потомъ какія же связи? Русаковъ — сынъ экономки Сушки-

ныхъ. Но, неужели это предлогъ, чтобы за такую близость заплатить Русакову 500 тысячъ? Очевидно, вѣрили въ торговую способность этого человѣка.—Или говорятъ: давали деньги за торговыя сношенія. Да кто же не имѣлъ въ Тулѣ торговыхъ сношеній съ Сушкиными? Послѣ этого у какого нибудь булочника въ маленькомъ городкѣ не можетъ быть вовсе никакихъ безпристрастныхъ отношеній, ибо всѣ ѣдятъ его булки. Нѣтъ: и эти всѣ мотивы плохо, натянуто, ненатурально объясняютъ дѣло.—Но, съ другой стороны, гг. судьи, если Васильковы и прочіе крупные должники банка, не исключая и городского головы, утянувшіе большія суммы изъ банка, покрывали все время критическое положеніе дѣлъ банка въ думѣ и кричали: „благодарить Сушкина! Мы ему вѣримъ!“, и если этими криками они дѣйствительно возводили Сушкина въ персону и убаюкивали его обаяніемъ власти и почета — то поймите же, трагическое положеніе человѣка, покинутаго этими разбѣжавшимися должниками, когда теперь онъ за нихъ передъ вами принимаетъ кличку вора! „Превознесть-то превознесли“, думаетъ теперь Петръ Сушкинъ, „а вѣдь какъ надули! Я не кралъ, и я—воръ?“—Поймите и то, что идею власти внушить купцу было весьма легко, когда онъ служилъ въ банкѣ изъ почета, безъ жалованья, да еще и жертвовалъ туда свое богатство. Поймите это и тогда скажите: справедливо ли будетъ заносить казнящую десницу надъ Петромъ Сушкинымъ?..

Но я уклонился въ сторону. У Петра Сушкина свой защитникъ, очень сильный защитникъ...*) Въ мою программу входило только смягчить ваше воззрѣніе на все это дѣло, вообще...

Я, впрочемъ, обязанъ еще нѣсколько времени остановить ваше вниманіе на общемъ вопросѣ.

Было, по нашему мнѣнію, два условія, которыя подготовляли катастрофу съ самаго дня открытія банка: 1) совершенное невѣжество людей, образовавшихъ дирекцію, и 2) отсутствіе мѣстнаго запроса на такое широкое учре-

*) С. С. Шайкевичъ.

книжномъ рынкѣ не особенно давняго происхожденія: лѣтъ около 6 тому назадъ Лютостанскій дебютировалъ своимъ произведеніемъ „Объ употребленіи евреями христіанской крови“. Эта книга расходилась, по преимуществу, между евреями, которые скупали ее, интересуясь наполняющей ее клеветой. Но полный расцвѣтъ авторской дѣятельности Лютостанскаго совпадаетъ съ извѣстнымъ кутаисскимъ процессомъ, когда книга о евреяхъ пріобрѣла особенный интересъ. Этотъ процессъ раскрылъ для Лютостанскаго его миссію: съ тѣхъ поръ онъ считаетъ себя ученымъ, талантливымъ юдофобомъ—ниспосланнымъ свыше бичемъ Израиля. Торговля его произведеніями пошла успѣшно: объемистые томы новыхъ сочиненій („Талмудъ и евреи“), стали выходить одинъ за другимъ. Въ угарѣ успѣха и, вѣроятно, связанными съ нимъ барышами, Лютостанскій уже начерталъ, быть можетъ, въ своемъ воображеніи безконечный путь дѣятельности въ томъ же направленіи: онъ напишетъ еще десятки книгъ, онъ будетъ богатъ и славенъ, онъ составитъ себѣ историческое имя правдиваго борца противъ неправеднаго еврейскаго племени. Успѣхъ манилъ, успѣхъ обманывалъ; все, казалось, благопріятствовало его извѣстности; его слава уже настолько пропумѣла, что онъ счелъ возможнымъ продавать свой портретъ, выставивъ его на окнахъ магазиновъ, гдѣ можно было видѣть фигуру Лютостанскаго въ задумчивой позѣ и въ загадочномъ одѣяніи. (Представляетъ карточку Лютостанскаго въ талисѣ и филактеріяхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой-то газетѣ былъ пущенъ слухъ, что Лютостанскій бывшій раввинъ, и эта молва придавала особенную пикантность его сочиненіямъ, его гоненіямъ на евреевъ, когда-то его родное и съ отвращеніемъ покинутое племя. Словомъ, все шло благополучно, но вдругъ съ весны настоящаго года звѣзда Лютостанскаго начала чадить и меркнуть. Гонимое и унижаемое еврейство не дремало; въ его средѣ нашлись люди, которые зорко слѣдили за каждой строкой Лютостанскаго, за каждымъ его извѣтомъ, все отмѣчали, все провѣряли, собирали факты, справки и свѣдѣнія. Однимъ изъ двигателей патріотической реакціи противъ Лютостанскаго былъ именно г. Цедер-

баумъ—его сегодняшній противникъ. Съ давнихъ лѣтъ посвятившій себя общественнымъ нуждамъ своего народа, соучастникъ при устройствѣ первой хоральной синагоги въ Россіи, преподаватель еврейскаго Закона Божія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ издатель въ теченіе 20 лѣтъ древне-еврейской газеты „Гамелицъ“, человѣкъ, заслуживший письменную благодарность отъ такихъ высокихъ лицъ, какъ нашъ славный ученый Н. И. Пироговъ—г. Цедербаумъ имѣетъ такое чистое имя и такое свѣтлое прошлое, что, если бы даже г. Лютостанскій, съ свойственными ему пріемами, попробовалъ перерыть до дна эту длинную жизнь, онъ бы не съумѣлъ въ ней найти ни малѣйшей пищи для злословія. Этотъ-то г. Цедербаумъ и явился зловѣщею тѣнью на ясномъ небѣ Лютостанскаго, какъ охранитель народной чести и религіи. Въ № 17 „Разсвѣта“ за нынѣшній годъ, появилась замѣтка, безпощадно и неотразимо разоблачавшая и недобросовѣстное обращеніе Лютостанскаго съ источниками, и его невѣжество. Было доказано, что въ переводѣ съ еврейскаго онъ дѣлаетъ такія ошибки: вмѣсто „путь прямой—путь жизни“, вмѣсто „сильная рука—сильная буря“; что Маймонида онъ относитъ вмѣсто XI вѣка къ XII; что онъ цитируетъ какого-то философа *Стагирена,* ему самому неизвѣстнаго, между тѣмъ какъ этотъ философъ никто иной, какъ Аристотель, уроженецъ Стагиры, причемъ Лютостанскій перевелъ выраженіе французскаго автора объ Аристотелѣ „philosophe Stagyrène“ (Стагирскій философъ) буквально: *философъ* Стагирени; было указано и еще много любопытнаго. Но рядомъ съ этимъ были опубликованы дѣйствительно ужасныя и притомъ оффиціальныя данныя о личности и прошломъ Лютостанскаго. Въ виду даннаго мнѣ разрѣшенія привожу ихъ.

Г. Лютостанскій. Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Мир. судья. Вы уже имѣли это право.

Пр. пов. Андреевскій. Евреи узнали, что Ипполитъ Лютостанскій причислился къ духовному званію при Тельшевской римско-католической консисторіи подъ именемъ Фульгентія и 28 февраля 1864 г. былъ рукоположенъ въ іереи, но и въ этомъ санѣ онъ пробылъ недолго, потому что въ кан-

целярію Ковенскаго губернатора вдругъ поступило отъ Виленскаго генералъ-губернатора предписаніе о преданіи суду ксендза каѳедральнаго собора Лютостанскаго по обвиненію его въ развратѣ съ вдовою Елизаветою В. Ковенскій губернаторъ, отношеніемъ отъ 8 августа 1867 года за № 3496, увѣдомилъ объ этомъ Мельшевскую духовную римско-католическую консисторію. Въ періодъ времени съ августа 1867 г. по апрѣль 1868 г. обвиненіе противъ Лютостанскаго было провѣряемо духовною и свѣтскою властями, причемъ оно вполнѣ подтвердилось, и обнаружились еще другіе неблаговидные поступки Лютостанскаго. Вслѣдствіе этого 9-го апрѣля 1868 года въ консисторіи состоялось постановленіе слѣдующаго содержанія: „Лютостанскій, возненавидя иноческій свой санъ, вопреки произнесеннымъ имъ обѣтамъ, предался праздной жизни, неслыханнымъ беззаконіямъ, разврату съ Елизаветою В., подалъ ложный безыменный доносъ на Андрея В., съ цѣлью, въ случаѣ арестованія послѣдняго, захватить его деньги; кромѣ того, онъ уже въ теченіе четырехъ лѣтъ не исполнялъ обязанностей, на немъ лежащихъ, какъ на священникѣ и на христіанинѣ вообще, и предался разнымъ порокамъ, вслѣдствіе чего былъ прикосновенъ ко многимъ дѣламъ, отчасти уже сужденнымъ, отчасти находящимся въ разсмотрѣніи гражданскихъ властей. Поэтому, Тельшевская римско-католическая духовная консисторія постановляетъ: „Іеромонаха Фульгентія Лютостанскаго за вышеприведенныя преступленія и беззаконія лишить духовнаго сана и отдать въ распоряженіе гражданскихъ властей“. И все это за подлинными номерами. Таковъ-то оказался негодующій гонитель евреевъ. Послѣ такихъ разоблаченій, публицистъ „Голоса“, уже не стѣсняясь, пишетъ о Лютостанскомъ въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ. Лютостанскій, чувствительный къ вѣжливому письму г. Цедербаума, не оскорбился вотъ какими строками: „Лютостанскій не только не ученый мужъ, не боецъ за истину, не обличитель зла и порока, а завѣдомый пакостникъ, который на глазахъ у всѣхъ совершаетъ подлогъ“...

Г. Люпостанскій. Объ этомъ будетъ разбирательство въ Окружномъ Судѣ, а потому это только повтореніе.

Мир. судья. Вы въ настоящее время не должны говорить.

Пр. пов. Андреевскій. Г. Лютостанскій не оскорблялся и не печаталъ опроверженій. Дѣйствительно, ему осталось одно—молчаніе. Молчаніе было хитрѣе всего: могутъ подумать, что не прочелъ, другіе скажутъ, что презираетъ клевету, а всѣ вообще современемъ забудутъ; казалось бы, и Цедербауму можно было удовольствоваться уже сдѣланными разоблаченіями. Да, если бы у г. Лютостанскаго былъ стыдъ, и не было бы наглости послѣ всего этого, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать изданіе своихъ обличительныхъ книгъ. Что же осталось Цедербауму? Дарить его презрѣніемъ?—Конечно, это было бы удобно и спокойно, но едва ли патріотично: книжки вѣдь выходятъ и бродятъ по свѣту, на нихъ нѣтъ клейма о томъ, кто таковъ и въ какой степени заслуживаетъ довѣрія ихъ авторъ, а клевета, между тѣмъ, сѣетъ свои сѣмена. И вотъ, г. Цедербаумъ придумалъ послѣднее средство: онъ сдѣлалъ печатное заявленіе, что вызываетъ Лютостанскаго на диспутъ, въ присутствіи ученыхъ экспертовъ по выбору Лютостанскаго, и намѣренъ на этомъ диспутѣ разоблачить его незнаніе и искаженія. Это было, дѣйствительно, рѣшительное средство: на такомъ диспутѣ Лютостанскій не можетъ устоять. Послѣ этого вызова Лютостанскій впервые заметался и сталъ терять почву. Онъ возразилъ двумя заявленіями, однимъ, повидимому, приличнымъ, но крайне уклончивымъ, а другимъ шутовскимъ. Газеты оцѣнили эти возраженія и сдѣлали выводъ, что Лютостанскій затягиваетъ вопросъ, старается отдѣлаться отъ спора. Тогда—и вотъ источникъ настоящаго засѣданія—Лютостанскій рискнулъ послѣднимъ, эффектнымъ, но не безопаснымъ средствомъ: онъ придумалъ затѣять, изобрѣсть судебное дѣло, забить въ набатъ, что Цедербаумъ посягаетъ на его личность и чуть ли не на его жизнь, что этотъ человѣкъ преслѣдуетъ его, за его проповѣдь и за его идеи, бранью и палкой,—онъ попытался еще разъ показать публикѣ, будто онъ, Лютостанскій, опасенъ и грозенъ для іудейства, будто его гонятъ за правду, будто врагъ его приходитъ въ ярость отъ безсилія. Словомъ, г. Лютостанскій попытался въ послѣдній разъ уро-

нить своего противника послѣдней фальсификаціей. Онъ оповѣстилъ объ этомъ засѣданіи въ „Петербургской Газетѣ“, обвиняя Цедербаума въ томъ, что онъ присылаетъ къ нему цѣлый кагалъ на квартиру съ оскорбленіями и угрозами. Мы слышали уклончивое показаніе г-жи Колокольцовой объ этомъ молчаливомъ, странномъ и едва ли существовавшемъ кагалѣ. Кто были видѣнные свидѣтельницею люди, зачѣмъ они приходили, какое это имѣетъ отношеніе къ Цедербауму—все это осталось непонятнымъ. Да если бы кагалъ сдѣлалъ какія нибудь непріятности Лютостанскому, причемъ тутъ вызовъ Цедербаума на диспутъ? Если-бъ, напримѣръ, окружный судъ публиковалъ о розыскѣ конокрада для представленія его суду и примѣненія къ нему закона, а крестьяне бы его отыскали и избили до смерти, неужели законный вызовъ суда могъ бы считаться подстрекательствомъ крестьянъ на подобное преступленіе? Итакъ, разсказъ о кагалѣ оказался призракомъ воображенія г-жи Колокольцовой. Что же сказать о письмѣ г. Цедербаума? Оно изложено въ самомъ деликатномъ и сдержанномъ тонѣ; надпись на конвертѣ сдѣлана согласно съ полученной изъ адреснаго стола справкой. Матеріалъ для этой справки, вѣроятно, поступилъ въ адресный столъ отъ самого Лютостанскаго, и, слѣдовательно, онъ зналъ, что у Цедербаума былъ поводъ сдѣлать подобную надпись на конвертѣ. Онъ это зналъ, какъ знаетъ, о томъ, что никакой исторіи съ кагаломъ не было и, несмотря на все это, взвелъ на Цедербаума обвиненіе и привлекъ его къ суду. Такое обвиненіе называется недобросовѣстнымъ. Я прошу васъ, г. судья, признать это вашимъ приговоромъ. Пусть эта недобросовѣстность соединится съ именемъ Лютостанскаго, какъ характеристическая черта не только его судебныхъ ябедъ, но и его печатныхъ инсинуацій.

Мир. судья. Выслушавъ уголовное дѣло по обвиненію двор. Лютостанскимъ еврея А. Цедербаума въ оскорбленіи на письмѣ, я, не касаясь тѣхъ отношеній, которыя существовали у Лютостанскаго и Цедербаума до 31 августа и не выходя изъ рамки обвиненія, нашелъ, что представленное письмо отличается полной вѣжливостью и не имѣетъ

ничего оскорбительнаго; надпись на конвертѣ, въ которой Лютостанскій называется протоіереемъ, не можетъ быть признана оскорбительною, потому что Цедербаумъ имѣлъ справку адреснаго стола. Переходя, затѣмъ, къ письму анонимному, я не нахожу, чтобъ оно могло быть признано поводомъ къ обвиненію по одному сходству почерка надписи на конвертѣ. Обращая вниманіе, что при строгомъ анализѣ письма, въ немъ нѣтъ тѣни умышленнаго оскорбленія, а, напротивъ, письмо исполнено справедливости и достоинства, я нахожу въ жалобѣ Лютостанскаго недобросовѣстность, а потому, на основаніи 119 и 121 ст., постановляю: Цедербаума считать по суду оправданнымъ, а обвиненіе признать *недобросовѣстнымъ*.

Съѣздъ утвердилъ приговоръ Мирового Судьи, отвергнувъ только недобросовѣстность.

Дѣло Таганрогской таможни.

Дѣло Таганрогской таможни.

Защита Айканова.

(Въ Харьковской Судебной Палатѣ).

Этотъ громадный процессъ разбирался въ Харьковѣ съ 12 февраля по 8 марта 1885 года. Подсудимыхъ было 38. Присяжнымъ было предложено 1,300 вопросовъ. Совѣщаніе ихъ длилось трое сутокъ; провозглашеніе отвѣтовъ на вопросы продолжалось цѣлый день.

Подсудимый Айкановъ сознался во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Болѣе, чѣмъ въ другомъ дѣлѣ, я имѣю основаніе обращаться одновременно и къ судьямъ по закону, и къ судьямъ по совѣсти. Подсудимый Айкановъ сознался откровенно, съ раскаяніемъ. Онъ не только не избѣгаетъ наказанія, но ждетъ его съ полнымъ смиреніемъ. И нѣтъ у юриста обязанности болѣе важной и трогательной, какъ защита такихъ людей... Здѣсь усиліе суда коронnаго и суда присяжнаго должны соединиться въ дружное стараніе, чтобы не превысилась мѣра содѣяннаго; а превысить ее весьма легко. Въ настоящемъ дѣлѣ невольное сравненіе напрашивается на языкъ. Теперь уже вы сами гг. присяжные засѣдатели, являетесь таможней. Мы, стороны, провозимъ черезъ васъ человѣческій товаръ и подаемъ отвѣсные листки. Но не всѣ подаютъ правильныя, откровенныя объявленія. И здѣсь можетъ проскочить контрабанда. Почти весь „частный“ товаръ норо-

вить, какъ бы мимо вашей таможни свернуть прямо домой. Изъ чиновниковъ только двое кладутъ повинныя головы, и между ними Айкановъ вручилъ вамъ полный списокъ своихъ прегрѣшеній. Жаль только, что тарифъ, т. е. списокъ наказаній, спрятанъ у гг. судей, и я не могу его показать вамъ. Еслибы это было возможно, тогда, быть можетъ, мы бы столковались съ вами очень скоро, и я бы не утомлялъ васъ защитой.

Впрочемъ, я и такъ надѣюсь не быть утомительнымъ. Не страшитесь цифръ и споровъ о мелочахъ. О всемъ этомъ необъятномъ для человѣческой памяти матеріалѣ, вы вѣроятно, вмѣстѣ съ нами невольно думаете словами пѣсни: „гдѣ мы были—ужъ забыли!..“ Да и не въ мелочахъ дѣло. Существенныя черты процесса обрисовались настолько рельефно, что объ нихъ можно говорить, не вдаваясь въ подробности. Притомъ моя защита будетъ посвящена довольно банальной темѣ о смягченіи участи сознавшагося подсудимаго. Все же я думаю, вы не откажете мнѣ въ вашемъ вниманіи.

Но прежде позвольте замѣтить, что въ послѣднее время мыслящіе люди какъ-то вообще разочаровались въ прежнихъ суровыхъ формахъ правосудія. Указъ покойнаго государя назвалъ нашъ судъ „милостивымъ“, и все идетъ къ тому, чтобы судъ не мстилъ преступнику, а только исправилъ его. И кажется, этимъ, именно, мыслямъ посвящена послѣдняя печатная статья недавно умершаго профессора уголовнаго права Кистяковскаго. Да и сами посудите: кто бы тамъ ни былъ—будь тамъ прокуроръ, или судья коронный, или присяжный—никому не сладко, никому не по-душѣ, когда подсудимому выпадаетъ тяжкая кара. Мнѣ скажутъ: то чувство человѣческое, а здѣсь обязанности судейскія. Положимъ такъ,—хотя это больше слова, чѣмъ доводъ, ибо судьи—тѣ же люди. Но вотъ что замѣчательно: чувство великодушія такъ просится наружу, опасность его такъ велика, что, дабы держать его въ предѣлахъ, придумано особое устройство суда. Приглядитесь къ этому устройству: вы обвиняете подсудимаго, но не знаете, какое выпадаетъ ему наказаніе; судъ примѣняетъ

наказаніе, но оно не лежитъ на его совѣсти, потому что поводъ къ наказанію дали уже вы, а наконецъ то третье лицо — тюремщикъ тамъ, или кто другой— кто исполняетъ приговоръ, тотъ и понятія не имѣетъ, кто и за что къ нему присланъ, виноватъ онъ или нѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ, болѣе или менѣе, умываютъ себѣ руки, и одинъ только подсудимый, соединяя на себѣ и обвинителей, и наказующихъ, и исполнителей приговора,— одинъ только онъ смутно сознаетъ, что, еслибы всѣ эти обязанности слить воедино, еслибы его главному судьѣ, судьѣ по совѣсти, нужно было своими руками исполнять надъ нимъ приговоръ—тогда—о! какъ часто бы тогда безсильно опускались руки, которымъ ввѣрено правосудіе. Все это я говорю къ тому, что, когда вина на лицо, и подсудимый не увертывается отъ возмездія, и ждетъ его, и кается, и все это дѣлаетъ искренно—тогда вы можете безбоязненно и съ открытымъ сердцемъ внимать усиліямъ защиты къ облегченію для виновнаго послѣдствій вашего приговора.

Прежде всего, о дѣлѣ. Важность этого дѣла отрицать нельзя, но оно важно вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято называть важными уголовныя дѣла, т. е. по особой крупности, уродливости и безнравственности преступленій. Напротивъ, съ этой стороны, какъ мы увидимъ ниже, таганрогское дѣло является если не совсѣмъ блѣднымъ, то во всякомъ случаѣ среднимъ. Оно важно по другой причинѣ. Оно знаменательно, со стороны судебной власти, какъ ея трудъ, искусство, энергія и хорошій починъ. Я пойду далѣе и скажу: оно важно, какъ перемѣна точки зрѣнія. Прежде считалось нормальнымъ и неискоренимымъ, что на таможняхъ обкрадываютъ казну. Признавалось, что соблазнъ слишкомъ великъ, что руки таможенныхъ чиновниковъ слишкомъ неудержимо, почти роковымъ образомъ липнутъ въ лакомствахъ, и что поймать виновныхъ невозможно. Всѣ знали или догадывались о преступленіяхъ, но было принято смотрѣть на дѣло сквозь пальцы. Съ настоящаго процесса сдѣланъ поворотъ. Судебная власть сказала себѣ: пусть меня ожидаютъ увертки, путанныя цифры,

непонятныя бумаги, *люди неискренніе, закоренѣлые въ об*манѣ—я на все пойду: вооружусь терпѣніемъ, запасусь экспертами, буду рыться, сидѣть, писать, распутывать — и открою. Эта рѣшимость увѣнчалась успѣхомъ. Вотъ чѣмъ процессъ этотъ замѣчателенъ. Но, привѣтствуя это успѣшное открытіе и обращаясь, затѣмъ, къ наличнымъ подсудимымъ, мы видимъ совсѣмъ другое. Именно потому, что *все, ими сдѣланное, водилось издавна*, что прежде и, быть можетъ, теперь, бокъ-о-бокъ съ ними, было и есть, только въ болѣе осторожной формѣ, то же обкрадываніе казны, — что подсудимые взяты первыми,—что они единственные изъ многихъ отвѣчаютъ за грязное наслѣдство старыхъ обычаевъ—именно поэтому—каждый судья, который вздумалъ бы слишкомъ замахнуться на нихъ своей карающей десницей—каждый такой судья непремѣнно почувствуетъ нѣкоторую неловкость...

Да и по самой суммѣ хищенія процессъ этотъ, въ сравненіи съ другими процессами о хищеніяхъ, незначителенъ.

Я не стану ссорить двухъ лагерей защиты и говорить, что каждый чиновникъ—Ева, а каждый купецъ—змій. Кто кого соблазнялъ, не знаю, и едва ли этотъ вопросъ можетъ быть ярко выясненъ и послѣдовательно проведенъ черезъ все дѣло. Думаю, что все это учрежденіе, именуемое таможней, вся эта мѣстность—гавань и пакгаузъ—все это живой разсадникъ соблазна. Здѣсь для злой воли почти нѣтъ борьбы и преградъ; она впадаетъ въ грѣхъ легко и незамѣтно, *точно во снѣ. Взгляните на организацію таможни.* Этотъ отдѣльный отъ города міръ чиновниковъ и купцовъ расположенъ въ глуши. Сюда, подъ эти крутые спуски, заслоняющіе таможню отъ внѣшняго міра, ежедневно пристаетъ роскошная богиня морской торговли съ своимъ трезубцемъ и рогомъ изобилія. Сравненіе это я могу назвать оффиціальнымъ, потому что истуканъ этой богини торчитъ почти предъ каждой биржей, близъ таможни. Богиня роняетъ богатства, сорить ими. Всѣ до нихъ лакомы. Вы слышали, что, когда просыпалась винная ягода, „ее подбирали и кушали“. Мнѣ разсказывали случай (впрочемъ не въ этой таможнѣ), гдѣ одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ выпросилъ у

купца цѣлую дюжину бутылокъ слабительной воды, безъ всякой надобности. Жадность разбираетъ. И надъ этимъ ежедневно вступающимъ и разливающимся богатствомъ, стражами отъ казны, для взиманія громадныхъ суммъ, *поставлены люди* съ ничтожнымъ жалованьемъ. Купецъ бы не рѣшился приставить къ такому дѣлу приказчика безъ щедрой награды за честность. И вотъ, эти предполагаемые противники—купецъ и чиновникъ—окруженные только моремъ и небомъ,—при ежедневныхъ встрѣчахъ, при постоянной совмѣстной работѣ, начинаютъ сближаться. Они почти вмѣстѣ живутъ. Весь берегъ покрытъ *купеческими магазинами.* Запираются они двумя замками: одинъ ключъ у купца, другой—у чиновника. Вскорѣ у этихъ людей образуются соединенные замки отъ совѣсти... И это дѣлается вовсе не такъ, какъ говорилось здѣсь,—какъ можетъ казаться намъ по бумагамъ или изъ кабинета. Намъ, со стороны, кажется, что вотъ, къ достойному и непреклонному чиновнику подкрадывается незнакомый *ехидный приказчикъ* и, переминаясь съ ноги на ногу, шопотомъ склоняетъ должностное лицо на злоупотребленіе. Намъ кажется (причемъ гнѣвъ и презрѣніе подымаются у насъ внутри), что чиновникъ, вмѣсто честнаго негодованія, съ пошловатымъ лицомъ, охотно продаетъ свою честь этому соблазнителю... А на дѣлѣ *вовсе не* такъ. Этотъ соблазнитель вовсе не чужой человѣкъ, вовсе не робкій и ехидный подстрекатель: это—человѣкъ свой, давнишній знакомый, почти пріятель, хорошій собесѣдникъ, готовый безкорыстно помочь въ тяжелую минуту. Съ нимъ, за чаемъ, въ клубѣ, на биржѣ часто бываютъ интимныя бесѣды. Въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ даетъ денегъ въ займы, будто по человѣчеству, *не выговаривая себѣ* за это ничего. Но вы понимаете, что разъ, это случилось, чиновникъ у него въ долгу, и не только деньгами, но и одолженіемъ. И вотъ, просто и естественно, будто иначе и быть не можетъ, наступаетъ расплата пошлиной... Расплата конечно, на первый разъ небольшая. Кажется: что натуральнѣе—услуга за услугу. Начинается съ мелочей, и чиновникъ почти не чувствуетъ, что съ этого перваго грѣха, который онъ самъ себѣ простилъ, какъ мелкій и единственный—

до другихъ частыхъ и крупныхъ грѣховъ переходъ дѣлается роковымъ образомъ, и что возврата уже нѣтъ. Установляется между купцомъ и чиновникомъ сближеніе на почвѣ позорной тайны. Языкъ у купцовъ и приказчиковъ развязывается, грязныя предложенія дѣлаются уже открыто, безъ обиняковъ—и развратъ идетъ и гуляетъ широкой дорогой. А кругомъ—тишь и благодать, свои почти всѣ замѣшаны и потому не донесутъ, деньги прибываютъ легко, и—что всего поощрительнѣе—нигдѣ не видишь потерпѣвшихъ, не знаешь и никогда не встрѣтишь тѣхъ лицъ, у которыхъ отнимаешь эти деньги. Ибо отнимаешь ихъ у казны, а казна—море.

Согласитесь, что здѣсь для паденія не нужно быть особеннымъ отверженцемъ и злодѣемъ. Достаточно быть среднимъ человѣкомъ. Такимъ и былъ Айкановъ; ко всѣмъ соблазнамъ у него прибавлялся и еще одинъ,—состоятельность его семьи. Повидимому здѣсь противорѣчіе, а между тѣмъ это его подталкивало, потому что онъ могъ разсчитывать, что, въ случаѣ бѣды, онъ расплатится и положитъ все присвоенное на мѣсто. Но ожиданія Айканова не сбылись. Наслѣдство перешло въ руки матери. Да и начетъ казны оказался такъ несообразно великъ (въ чемъ сознался и повѣренный казны), что о расплатѣ нечего было и думать. Цифру своихъ злоупотребленій Айкановъ вычислилъ до 30 тысячъ (это можно было бы и доказать), и въ этой суммѣ винится. Онъ въ ней грѣшенъ и готовъ за грѣхи отвѣтить.

Но сколько лжи, угрызеній совѣсти, страха, сколько длинной преступной работы потрачено на эти тридцать тысячъ! Для такой натуры, какъ Айкановъ, значительная доля возмездія заключается уже въ самомъ процессѣ преступленія—въ скрытности, рискованности и нечистоплотности пріемовъ. Айкановъ принадлежитъ къ хорошей дворянской семьѣ. Его братья—почтенные дѣятели, люди съ честнымъ именемъ. Отецъ его оставилъ по себѣ добрую память въ служебныхъ сферахъ Петербурга. Вообще, по связямъ родства и знакомства, Айкановъ примыкаетъ къ самому порядочному кругу людей. Слабый, добродушный,

безпорядочный и легкомысленный, Айкановъ глубоко палъ въ этомъ дѣлѣ; но совѣсть его не совсѣмъ уснула. Онъ заочно стыдился своихъ братьевъ, своей честной семьи, своихъ порядочныхъ знакомыхъ; онъ чувствовалъ, что пятнаетъ себя, что опускается отъ нихъ въ глубину, изъ которой не поднимаются, что ему больше не смотрѣть имъ прямо въ глаза, не протягивать руки, какъ равнымъ—и онъ заглушалъ свою совѣсть, вы знаете—чѣмъ: онъ сдѣлался пьяницей... А добытыя преступленіемъ деньги летѣли у него, куда попало: музыкантамъ 100 р., извозчику 50 р., взаймы безъ возврата досмотрщикамъ, щедрыми суммами всякому, кто обиралъ его подъ угрозой доноса и т. д., и т. д. И вотъ, теперь сравните этого чиновника, который все же вертѣлся, въ своемъ жалованьи, какъ бѣлка въ колесѣ, безъ случайныхъ доходовъ, и которому противозаконное богатство, когда онъ хлебнулъ его, стало такъ солоно и тошно, что онъ не зналъ, куда дѣвать его и куда дѣваться самому,—сравните этого чиновника съ другимъ казнокрадомъ, изъ служащихъ или купцовъ,—съ тѣмъ, кто прячетъ краденое подъ спудъ, ждетъ отъ него спокойныхъ прелестей жизни, кладетъ капиталы въ банки, въ земли, въ постройки, воздвигаемыя съ любовью... Сдѣлайте это сравненіе, тогда вамъ станетъ ясно, что у Айканова не потухала искра правды; что душа въ немъ осталась и понынѣ, душа, хотя и больная, но хорошая. А если вы это признаете, то, конечно, не откажете ему, или вѣрнѣе—мнѣ, въ такомъ смягченіи его участи, которое бы оставляло ему впереди нѣсколько слабаго свѣта.

Айкановъ, какъ чиновникъ, глубоко вѣритъ въ то, что онъ совершалъ подлоги. Это именно чиновничья точка зрѣнія, отъ которой люди формъ и обрядностей никакъ не могутъ отрѣшиться. Но я полагаю, что если размышленіе людей жизни коснется къ этому канцелярскому изобрѣтенію, то едва ли оно устоитъ.

Прежде всего, спросите себя просто: въ чемъ заключаются всѣ злоупотребленія? въ чемъ суть преступленія? Въ томъ, что чиновники, по уговору съ купцами, утаивали часть товаровъ и причитающуюся съ нихъ пошлину дѣлили между

собою. Вѣдь больше ни въ чемъ? Конечно, такъ. Что же все остальное, ими сдѣланное? Какое еще особое преступленіе они совершили? Прокуроръ говоритъ: они прятались, лгали, писали эту ложь. Да вѣдь это только способъ, только улики! Вѣдь иначе имъ и невозможно было дѣйствовать! Вѣдь если показать въ очисткѣ весь товаръ, то за весь придется и пошлину отдать. Какъ же иначе утаить? А разъ утаилъ, говорятъ: особое преступленіе—подлогъ! Я бы спросилъ обвинителей: какъ возможно обойтись въ настоящемъ преступленіи безъ канцелярской лжи? Можетъ быть, они придумаютъ. Правда, есть способъ: погрузить товары прямо въ вагоны, минуя таможню, увезти ихъ нагло, открыто. И представьте; да, это преступленіе будетъ легче, потому что тамъ не будетъ подлога. Но развѣ въ этомъ есть какая нибудь разумная мысль? Развѣ, вообще, преступленіе мыслимо безъ лжи? Жена, которая измѣняетъ мужу, должна сказать, что ѣдетъ въ церковь или къ знакомымъ, когда ѣдетъ въ Сокольники. Воръ, несущій шубу мимо городового, долженъ ему, на случай разспросовъ, соврать. И нельзя видѣть въ каждомъ случаѣ два преступленія: измѣну мужу и ложь передъ нимъ, кражу и ложь предъ начальствомъ.

Наконецъ, почти всѣ подлоги, сдѣланные въ настоящемъ случаѣ, обусловлены были тѣмъ, чтобы не вовлекать въ преступленіе лишнихъ досмотрщиковъ—этихъ простыхъ людей. И слѣдуетъ сказать спасибо подсудимымъ, что они оберегались соблазнять „малыхъ сихъ“. Лучше испортить казенную бумагу, чѣмъ испортить честнаго простолюдина.

Чѣмъ объяснить безпощадную откровенность о себѣ Айканова? Рисовкой? Нѣтъ, онъ слишкомъ незатѣйливъ. Самобичеваніемъ? Нѣтъ, онъ нисколько не драматиченъ. Или цинизмомъ? Но цинизмъ смакуетъ зло, щеголяетъ имъ, а Айкановъ повѣствуетъ спокойно, сдержанно и просто, какъ свидѣтель. Или, быть можетъ, онъ прислуживается передъ судомъ, чтобы съ нимъ обошлись помягче? И этого не видно, потому что нѣтъ никакихъ ухищреній—ни самовосхваленій, ни боязни передъ нѣкоторыми грозными пунктами обвиненія.

Что же это такое? Въ отвѣтъ имѣется одно слово: чи-

Дѣло Кащеевыхъ.

Дѣло Кащеевыхъ.

Подстрекательство къ лжесвидѣтельству и подлогъ.

(Въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ).

Весною 1883 г. Н. М. Кащеевъ, въ качествѣ довѣреннаго отца, запродалъ самарскому купцу Гилянову 25,000 пуд. керосина по 70 коп. за пудъ, причемъ обязался, подъ страхомъ неустойки въ 8,000 рублей поставить товаръ на Самарскую пристань не позже 15-го сентября того же года. Гиляновъ, въ свою очередь, запродалъ керосинъ этотъ Мацлеру и другимъ торговцамъ, но своевременно отъ Кащеевыхъ его не получилъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ уплатить неустойки до 8,000 руб. 20-го сентября Гиляновъ предъявилъ въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ къ Кащеевымъ искъ въ 16,000 руб. за неисполненіе условія. Однако, въ искѣ этомъ ему было отказано, такъ какъ приказчикъ Кащеевыхъ Бердниковъ и водоливъ баржи № 4 Ильичевъ показали на судѣ подъ присягой, что керосина на Самарской пристани было достаточное количество для Гилянова, и что 14-го сентября прибыла въ гор. Самару баржа № 4, предназначенная для Гилянова, которая простояла нѣсколько дней ниже пристани, а 21-го сентября была подведена къ ней, что Гиляновъ 7-го и 10-го сентября взялъ съ баржи болѣе 500 пуд. и затѣмъ за керосиномъ не присылалъ болѣе. 30-го же апрѣля 1884 г. Бердниковъ подалъ на имя прокурора Самарскаго окружного суда заявленіе, въ которомъ объяснилъ, что онъ въ 1883 г., по подговору Кащеева, далъ на судѣ ложное показаніе о времени прибытія баржи № 4, которая на самомъ дѣлѣ прибыла позднѣе 14-го сентября, и что ярлыкъ на выгрузку керосина онъ выправилъ заднимъ числомъ, давши за это взятку письмоводителю начальника дистанціи Сидѣльникову. Гиляновъ показалъ, что его Бердниковъ извѣстилъ о дачѣ имъ ложнаго показанія письмомъ, но онъ не придалъ этому письму значенія и затерялъ его, тѣмъ болѣе, что дѣло было уже проиграно, и убытки до 23,000 руб. понесены. Впослѣдствіи оказалось, что Бердниковъ переда-

валъ о своемъ намѣреніи подать прокурору заявленіе Волкову и Корсакову, причемъ разсказывалъ имъ, что Кащеевы обѣщали ему за показаніе въ ихъ пользу пальто и деньги, а потомъ обманули и ничего не дали. Въ послѣднее время службы Бердниковъ пьянствовалъ на баржѣ Кащеевыхъ и всѣмъ говорилъ, что дѣлаетъ это съ разрѣшенія хозяевъ. Правдивость сознанія Бердникова доказывается еще слѣдующими данными. Кромѣ Гилянова, Кащеевъ запродалъ къ 7-му сентября 26,000 пуд. керосину Маликову, Михѣеву и Иванову. Въ предназначенной для нихъ баржѣ № 5 было всего 28,000 пуд., и послѣ отпуска съ этой баржи приказчику Гилянова Евстифѣеву 500—700 пуд. они просили больше не отпускать, что Бердниковъ и исполнилъ, причемъ онъ говорилъ, что до 20-го сентября керосину больше не будетъ. Слышалъ это свидѣтель Сидоровъ; а при Львовѣ и другихъ Бердниковъ приходилъ къ Гилянову уже 20—22 сентября съ извѣстіемъ, что баржа пришла—„можете завтра приходить за керосиномъ“. Баржа эта была приведена пароходомъ „Казанка“. Командиръ парохода и лоцманъ удостовѣрили, что баржа была прямо подведена къ пристани около 20-го сентября. Бисеровъ и Сидоровъ помнятъ, что баржа прибыла дня за 4—5 до прихода на нее судебнаго пристава для ареста керосина, а судебный приставъ приходилъ, какъ извѣстно, 25-го сентября. Наконецъ, приказчику Гилянова, Федорову, въ Астрахани, гдѣ тотъ находился отъ 13 до 19 сентября, сами Кащеевы говорили, что баржа вышла изъ Саратова 16-го числа и должна прибыть въ Самару 20-го. Довѣренный пароходовладѣльца Сметанинъ тоже утверждаетъ, что пароходъ долженъ былъ придти въ Саратовъ около 15-го, а въ Самару 21-го. По провѣркѣ трехъ книгъ начальника 1-й дистанціи Саратовскаго отдѣленія по Самарской пристани, оказалось, что ярлыки въ этихъ книгахъ о взносѣ $^1/_2$ и $^1/_4$% сбора за іюль — сентябрь 1883 г. не такой формы, какой были представлены Кащеевыми на судѣ, и не бѣлаго, какъ тѣ, а желтаго цвѣта. Означенный сборъ записанъ полученнымъ отъ Кащеева только одинъ разъ, а именно 28-го сентября — 7 р. 50 к. съ груза въ 15,000 пуд. Сбора же, будто бы полученнаго 16-го сентября, не значится вовсе. Кромѣ того, при дѣлѣ имѣется телеграмма, посланная 21-го сентября Бердниковымъ Кащееву, слѣдующаго содержанія: „Саратовъ — Кащееву. Баржи пришли ниже Самарки. Керосинъ дороже, сдано 18,000 нижній шаръ текшихъ много телеграфиро.., первой барку, Бердниковъ“. Спрошенный на слѣдствіи въ разъясненіе порядка полученія съ грузовъ процентнаго сбора и выдачи ярлыковъ, начальникъ 1-й дистанціи Салтанъ объяснилъ, что бѣлые ярлыки, какіе были предъявлены Кащеевыми на судѣ, въ книгу не записываются, а выдаются для того только, чтобы со стороны нижнихъ чиновъ дистанціи не было препятствій къ выгрузкѣ товара; кромѣ того, ни бѣлыми, ни желтыми ярлыками нельзя доказывать, что въ день уплаты сбора товаръ прибылъ и находился налицо. Изъ привлеченныхъ къ слѣдствію, въ

качествѣ обвиняемыхъ, Бердниковъ подтвердилъ всѣ вышеизложенные обстоятельства, Ильичевъ же, Сидѣльниковъ и Кащеевы виновными себя не признали и объяснили: Ильичевъ, что прибыла ли вторая баржа 14-го сентября, онъ не помнитъ, и говорилъ такъ на судѣ, потому что Бердниковъ показывалъ ему ярлыкъ на выгрузку этого числа, а впослѣдствіи подговаривалъ его перемѣнить показаніе въ пользу Гилянова. Сидѣльниковъ объяснилъ, что бѣлые ярлыки часто выдавались раньше желтыхъ. Михаилъ Кащеевъ, что онъ не знаетъ, когда прибыла баржа съ 15,000 пудами керосина, слышалъ о времени прибытія отъ Бердникова и къ ложному показанію на судѣ его не подговаривалъ. Вообще торговыми дѣлами занимается не онъ, а сынъ его, Николай Кащеевъ, и на предварительномъ слѣдствіи утверждалъ, что баржа прибыла 14-го сентября, что ярлыкъ отъ того же числа былъ Бердниковымъ выправленъ безъ его вѣдома и ранѣе его пріѣзда въ Самару; телеграммы отъ Бердникова онъ не получалъ. Керосину для Гилянова было достаточно, и если Бердниковъ отказывалъ въ отпускѣ его, то, можетъ быть, по просьбѣ другихъ покупщиковъ. Гиляновъ самъ, наконецъ, могъ отказаться отъ принятія керосина по 70 коп., потому что въ то время фирма бр. Федоровыхъ продавала по 39—45 коп. за пудъ. Однако, осмотромъ торговыхъ книгъ Федоровыхъ это послѣднее обстоятельство не подтвердилось, хотя нѣкоторые свидѣтели и удостовѣрили, что лѣтомъ 1883 г. имъ приходилось покупать въ Астрахани у разныхъ частныхъ лицъ керосинъ за эту именно цѣну. По ссылкѣ обвиняемыхъ были допрошены свидѣтели Дербеновъ, Лазаревъ и Лищмановъ въ подтвержденіе того, что будто бы Бердниковъ говорилъ имъ, что измѣнилъ показаніе въ пользу Гилянова за вознагражденіе отъ него. Но первые двое этой ссылки не подтвердили, а послѣдній показалъ только, что въ 1884 г. Гиляновъ, по словамъ Бердникова, не оставлялъ того и обѣщалъ ему „вродѣ рублей 100“.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ Кащеевы обвинялись въ подстрекательствѣ на лжесвидѣтельство и подлогъ, Бердниковъ и Ильичевъ въ лжесвидѣтельствѣ и подлогѣ, Сидѣльниковъ въ подлогѣ.

Ко дню засѣданія умерли: сперва Гиляновъ, а затѣмъ и Михаилъ Кащеевъ. На судѣ приняли на себя солидарную защиту Николая Кащеева, а также защиту гражданскихъ интересовъ его умершаго отца, петербургскіе присяжные повѣренные Утинъ и Андреевскій. Утинъ говорилъ первымъ и представилъ полный разборъ уликъ.

Мнѣ бы собственно, г.г. присяжные засѣдатели, и говорить нечего, но мнѣ почему-то кажется, что это вовсе даже не уголовное дѣло, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи Кащеевыхъ, и потому я хотѣлъ бы заключить защиту общимъ взглядомъ на этотъ процессъ. Въ каждомъ уголовномъ

дѣлѣ и вы, судьи, и мы, защитники, привыкли видѣть совсѣмъ другое. Тамъ всегда есть опредѣленное преступное дѣйствіе и связанная съ нимъ преступная цѣль. Преступное дѣйствіе всегда бываетъ яркое, рѣзкое; оно оставляетъ въ памяти невольную картину, которая возстановляетъ наши чувства противъ подсудимаго. Мы его представляемъ себѣ съ поднятымъ ножомъ въ убійствѣ, за подкладываніемъ огня въ поджогѣ, за поддѣлкою подписи и документа въ подлогѣ, у чужого сундука въ кражѣ и т. д., и мы говоримъ себѣ: „да, ты былъ гадокъ и дерзокъ въ эту минуту, но на тебя есть управа закона“. Но здѣсь эта преступная минута выходитъ какая-то блѣдная, неопредѣленная. Говорятъ: Кащеевы просили Бердникова ложно показать по ихъ гражданскому дѣлу съ Гиляновымъ, обѣщая за это пальто и сколько-то денегъ. Кащеевы „просили“! Но дали ли они что-нибудь впередъ или послѣ?—Ровно ничего. Какое же это подстрекательство?—Правда, въ воображеніи защитника Бердникова происходила цѣлая сцена соблазна. Я завидую юности моего товарища, который еще можетъ воображать, что въ дѣйствительной жизни все происходитъ точно такъ, какъ мы себѣ рисуемъ въ нашей головѣ. Онъ создалъ сцену искушенія. Въ этой сценѣ угловатый, еле ворочающій языкомъ Кащеевъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ „рисуетъ картины заманчиваго будущаго“ передъ Бердниковымъ,—и Бердниковъ, затаивъ дыханіе, слушаетъ этого змія и, наконецъ, теряетъ надъ собой волю и готовъ пойти на преступленіе. Это—Бердниковъ-то! Съ трудомъ говорящій Кащеевъ покорилъ этого завзятаго говоруна, который ораторствуетъ едва ли не лучше насъ всѣхъ. Возможна ли такая картина!—Итакъ, *если даже вѣрить* обвиненію (вамъ доказали, что этого вовсе не было), то все-таки остается одна просьба Кащеевыхъ, одни слова, одинъ разговоръ, безъ всякаго дѣйствія. Но *мало ли кто кого проситъ*?—развѣ это преступленіе?—Быть можетъ, строгіе юристы со мной не согласятся, но вы понимаете, что я хочу сказать. Я хочу сказать, что не случилось ничего такого, что бы отдѣлило Кащеевыхъ позорною чертою отъ прочихъ людей. О другихъ обвиняе-

мыхъ можно сказать: этотъ убилъ, поджогъ, обмошенничалъ, укралъ. А Кащеевъ? „Разговаривалъ“, хотя бы и о дурномъ дѣлѣ... и за это подлежитъ наказанію... Согласитесь, что здѣсь чего-то недостаетъ.

Не выходитъ преступнаго дѣйствія, и еще того болѣе не выходитъ преступной цѣли. Говорятъ, что Кащеевы подучили Бердникова и Ильичева показывать ложно для того, чтобы этимъ способомъ выиграть тяжбу противъ Гилянова. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что въ гражданской тяжбѣ по письменному договору можно выѣхать на словахъ свидѣтелей? Лучшій примѣръ обратнаго вы видите именно въ нашемъ дѣлѣ: судъ рѣшилъ его, не обращая никакого вниманія на то, что показывали Бердниковъ и Ильичевъ о срокѣ прибытія баржи, а когда Гиляновъ пожаловался въ палату и попросилъ выяснить новыми свидѣтелями вопросъ о срокѣ, т. е. доказать передъ палатою, что Ильичевъ и Бердниковъ говорили ложь, то палата прямо отвѣтила Гилянову въ своемъ рѣшеніи, что вопросъ этотъ нисколько не вліяетъ на исходъ дѣла, и осталась совершенно равнодушною къ тому,—правду или неправду показали Бердниковъ и Ильичевъ. Оно и понятно: судьи гражданскіе слышатъ ежедневно столько лжи отъ свидѣтелей по дѣламъ объ имуществѣ, и каждой сторонѣ о своемъ имуществѣ такъ свойственно лгать, что приходится махнуть рукою и пропускать эту ложь мимо ушей. Прислуга и хозяева составляютъ въ этомъ случаѣ одну сторону, и объясненіямъ ихъ почти никто не даетъ вѣры. Вѣрите ли вы, напр., дворнику, который вамъ показываетъ дачу? Вѣрите ли хозяину, когда онъ расхваливаетъ свою квартиру? Можно ли положиться на то, что говоритъ несостоятельный о своихъ средствахъ, что говоритъ наслѣдникъ о наслѣдствѣ, когда съ него взыскиваютъ пошлины; что говоритъ пассажиръ о своихъ вещахъ передъ таможней, когда переѣзжаетъ границу; что говоритъ самый неисправный контрагентъ о срокѣ, когда съ него взыскиваютъ по договору, и т. д.? Въ натурѣ человѣческой—уйти отъ пошлины, отъ штрафа, отъ взысканія. И прислуга, которая сжилась со своимъ хозяиномъ, и даже пріятели и хорошіе знакомые отвѣтчика всегда будутъ на его сторонѣ, — и вещи упрячутъ отъ судебнаго

пристава, и о срокѣ покажутъ въ защиту своего человѣка. Такъ ужъ водится въ жизни! Къ такой неправдѣ всѣ снисходительны. И даже мой уважаемый противникъ, г-нъ прокуроръ, въ этомъ же самомъ дѣлѣ встрѣчалъ и терпѣлъ такую же ложь отъ цѣлаго ряда свидѣтелей. Вы помните, что, когда появились показанія, благопріятныя Кащеевымъ, и прокуроръ въ нихъ сомнѣвался, то онъ не находилъ лучшаго средства дать вамъ почувствовать ложь въ показаніи свидѣтеля, какъ предложить такому свидѣтелю, въ концѣ его показанія, вопросъ: „вы, кажется, служите у Кащеева?“—Да.—„А!..“— и прокуроръ былъ спокоенъ, что вы скажете себѣ тоже: „а! это служащіе, — имъ вѣрить нельзя“. То же самое долженъ былъ подумать и всякій судъ о служащихъ Кащеевыхъ, еслибы Кащеевы разсчитывали установить свою исправность въ поставкѣ керосина показаніями своей прислуги. Кащеевы, и въ особенности ихъ повѣренный, должны были знать, что такія показанія никакой цѣны не имѣютъ. А потому Кащеевымъ и не могло быть надобности добывать такія показанія цѣною преступленія. — То же самое слѣдуетъ сказать и о яко-бы подложныхъ ярлыкахъ: всякому теперь ясно, что и срокъ прибытія судна, и вѣсъ товара пишутся въ этихъ ярлыкахъ на-слово (по заявленію прислуги), и что такіе ярлыки ровно ничего доказать не могутъ. И еслибы Гиляновъ мало-мальски опасался этихъ ярлыковъ въ своемъ спорѣ съ Кащеевыми, то онъ могъ бы тотчасъ же, вызвавъ кого угодно изъ служащихъ въ судоходной дистанціи, опровергнуть значеніе этихъ ярлыковъ. Но не въ томъ была сила, какъ вы сейчасъ увидите, для обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Дѣло было такъ. Гиляновъ закупилъ у Кащеевыхъ 25 т. пудовъ керосину, а забралъ съ баржи всего 600 пудовъ и уже несетъ жалобу въ судъ, что ему не сдали товара. Понятно, Кащеевы, прежде всего, возражаютъ: „да ты и не требовалъ больше; докажи, что тебѣ отказали, — тогда мы и будемъ неправы; а покамѣстъ неисправенъ по договору одинъ ты, потому что ты вилляешь и не берешь товара“. Да такъ оно и было въ дѣйствительности. Гиляновъ вилялъ

и хитрилъ. Бердниковъ говорилъ прежде, что Гилянову не отказывали въ керосинѣ, а теперь, перейдя на сторону Гилянова, показываетъ, будто у него былъ хозяйскій письменный приказъ не отпускать Гилянову товара. И вотъ, мы не вѣримъ ни Гилянову, ни Бердникову, потому что въ этомъ вопросѣ оба они должны были бы убѣждать насъ не словами, а документами. Если Гилянову дѣйствительно отказали, — онъ долженъ былъ бы тотчасъ заявить протестъ у нотаріуса; если Бердникову дѣйствительно запретили отпускать товаръ, — онъ долженъ былъ сохранить хозяйскій письменный приказъ и показать его намъ. А еслибы такой приказъ былъ,—то у такого приказчика, какъ Бердниковъ, онъ бы никогда не затерялся, потому что Бердниковъ хранитъ всякія засаленныя книжки, никому не нужныя и непонятныя, и ужъ, конечно, сберегъ бы такой важный документъ. Но этого документа быть не могло, потому что Кащеевымъ, имѣвшимъ баржу въ 38 т. пудовъ керосину, изъ котораго было запродано другимъ лицамъ по мелочамъ всего 25 т., не было никакого резона отказывать самому крупному покупщику Гилянову въ отпускѣ керосина изъ остальныхъ 13 т. пудовъ,—или даже хотя бы изъ пяти тысячъ пудовъ (какъ вычисляетъ гражд. истецъ), потому что этого керосина рѣшительно некуда было дѣвать. И вотъ, поставьте себя на мѣсто судей гражданскаго суда, рѣшавшихъ дѣло, Вообразите, что вы рѣшаете жалобу Гилянова. Въ чемъ она состояла? Гиляновъ говорилъ, что ему запродали 25 т. пудовъ керосина, изъ котораго онъ выбралъ самую малость, и претендовалъ... на что же? На то, что вторая баржа въ срокъ не пришла! Да какая же тутъ связь? Всякій судъ отвѣтилъ бы ему: „не радуйтесь неприбытію второй баржи,—вы-то еще сами не знаете, сколько было керосина на первой баржѣ; вѣдь вамъ не запродали непремѣнно вторую баржу, а съ первой вы почти ничего не взяли и больше не требовали, и на отказъ не жаловались, и уже суетесь за неустойкой! Нѣтъ, погодите; такъ нельзя“.—Вотъ что ему отвѣтилъ бы всякій судъ.

Однако, теперь мы слышали, что Бердниковъ (а не Ка-

щеевы) дѣйствительно отказалъ Гилянову, ссылаясь на приказъ своихъ хозяевъ. Но вотъ бѣда: приказа-то этого вовсе не было, и Бердниковъ его сочинилъ. А отказывалъ Бердниковъ Гилянову въ свою голову, надѣясь, что вторая баржа поспѣетъ къ сроку. А отказывалъ онъ Гилянову для своихъ цѣлей, потому что хотѣлъ услужить мелкимъ торговцамъ, которые бы успѣли раньше Гилянова продать свой керосинъ. Объ этомъ есть прямое показаніе Маликова, котораго Бердниковъ „отвелъ въ сторону“ и сказалъ, что „Гилянову больше не отпустятъ“. Зачѣмъ бы,—какъ справедливо замѣтилъ мой товарищъ,—отводить въ сторону, еслибы это былъ открытый хозяйскій приказъ, а не интрига самого Бердникова? Такимъ-то образомъ Бердниковъ роздалъ гиляновскій керосинъ другимъ, а когда вторая баржа пришла съ опозданіемъ, то первый прибѣжалъ къ Гилянову съ извѣстіемъ, что керосинъ для него готовъ, но уже Гиляновъ не захотѣлъ этого керосина, именно потому, что мелкіе торговцы перехватили его керосинъ и установили цѣну сами, а не онъ установилъ, какъ онъ разсчитывалъ: они сняли сливки, а не онъ,—и тогда уже онъ пожелалъ взять рубль за рубль, т. е. взять неустойку, равную задатку. Конечно, еслибы другіе не перехватили его товаръ, Гиляновъ сошелся бы съ Кащеевыми, а тутъ—нѣтъ; правъ не правъ, а пожелалъ сорвать неустойку, заупрямился. Рѣшеніе суда, какъ мы знаемъ, было не въ его пользу. И мораль этого рѣшенія для Гилянова такова: „коли ты хочешь быть строгимъ въ строгомъ договорѣ, то будь строгъ во-время; если ты хочешь поступать со своими компаньонами не по-товарищески, то заяви себя непреклоннымъ въ самомъ началѣ, т. е. тогда, когда тебѣ отказалъ приказчикъ; ибо, если бы ты въ то время пожаловался на него хозяевамъ, то они бы пресѣкли всякія злоупотребленія, и ты бы не понесъ ущерба. Теперь же мы тебѣ не вѣримъ“.

Такъ дѣйствовали Бердниковъ и Гиляновъ. А Кащеевы? Они прибыли въ Самару тогда, когда вторая баржа стояла уже на мѣстѣ. Ея прихода они своими глазами не видѣли и, слѣдовательно, не могли судить о времени ея прибытія, разслѣдуя событіе такъ же точно, какъ это дѣлаемъ теперь мы.

Обвинительная власть навела справки въ телеграфномъ вѣдомствѣ, и въ настоящее время передъ Кащеевыми выводятъ нѣсколько депешъ, когда-то ими полученныхъ, и корятъ ихъ въ томъ, что они по этимъ депешамъ все знали заранѣе. Но не такъ оно было въ дѣйствительности. Кащеевыми получалось тогда множество депешъ со всѣхъ концовъ ихъ торговли. Чиселъ отбытія судовъ нигдѣ не проставлено. Депеши читались и уничтожались. Слѣдить за второй баржей, думать о днѣ прибытія ея въ Самару — вовсе не приходилось; керосина на первой баржѣ было слишкомъ достаточно; срокъ пріема еще не начался; слѣдовательно, депеши, которыми теперь колятъ глаза Кащеевымъ, тогда нисколько ихъ не тревожили, не западали въ ихъ памяти. Въ отсутствіи Кащеевыхъ, Бердниковъ напуталъ и поссорилъ ихъ съ Гиляновымъ. Бердниковъ—малый шустрый и бойкій, сталъ юлить и выпутываться. Вѣроятно, онъ клялся, что баржа пришла въ срокъ, что виноватъ Гиляновъ, что Гиляновъ за товаромъ не прислалъ,—вѣроятно, показывалъ имъ и ярлыки. Но что бы тамъ ни было, Кащеевы безспорно видѣли одно: что Гиляновъ настойчиво не требовалъ керосина раньше, да и теперь керосина не желаетъ. Они видѣли, что, по совѣсти, они передъ Гиляновымъ не виноваты. Ихъ повѣренный, присяжный повѣренный Позернъ, объяснилъ имъ, что они не виноваты передъ Гиляновымъ и по формѣ, и по закону. По счастью, и все то, что пустилъ въ ходъ Бердниковъ, замазывая свои упущенія—и ложное его показаніе, и эти смѣшные ярлыки, — все это пролетѣло мимо и оказалось ненужнымъ. Судъ рѣшилъ дѣло независимо отъ этого сомнительнаго матеріала, на совершенно другихъ основаніяхъ. Дѣло было выиграно Кащеевыми и въ палатѣ. Но въ этомъ дѣлѣ партіямъ трудно было угомониться. Здѣсь были замѣшаны адвокатскія самолюбія; казусъ былъ интересенъ для юристовъ; спорили и предсказывали: „выиграетъ Гиляновъ,—выиграютъ Кащеевы“—и, конечно, спорили о толкованіи договора, а вовсе не о томъ, о чемъ мы теперь производимъ слѣдствіе, т. е., когда именно прибыла вторая баржа—до или послѣ 14-го сентября. Этотъ вопросъ былъ вовсе не важенъ. Судебныя мѣста согласились съ при-

сяжнымъ повѣреннымъ Позерномъ; обида пораженія крѣпко засѣла въ душѣ его противника. Нельзя ли ему что нибудь придумать?.. А тутъ вдругъ оказывается въ дѣлѣ Бердниковъ, свидѣтель сомнительной нравственности, склонный подвыпить, который подъ пьяную руку сталъ болтать, что онъ можетъ это дѣло „переворотить“. Секретъ его состоялъ въ томъ, что онъ солгалъ о срокѣ прибытія баржи. Теперь этотъ секретъ могъ принести Бердникову, прогнанному Кащеевыми за пьянство, большую выгоду, и онъ сталъ продавать этотъ секретъ Гилянову. Говорятъ: но Гиляновъ купилъ у Бердникова правду. Нѣтъ, и прежде была неправда въ показаніи Бердникова, и теперь есть. Но прежняя неправда—пустякъ. Всѣ и безъ того видѣли, что баржа опоздала, и, если Бердниковъ показалъ, что она прибыла 14-го, то отъ этой неправды всякій могъ, какъ отъ мухи, отмахнуться, и она никому не вредила. А въ теперешнемъ показаніи Бердникова—гораздо болѣе тяжкая и опасная ложь: онъ говоритъ, что къ этой неправдѣ его за деньги подучили Кащеевы; онъ взялъ на крюкъ неповинныхъ Кащеевыхъ; онъ влечетъ подъ судъ людей правыхъ. Эта неправда есть самый худшій видъ неправды. Но разобравъ это дѣло, мы видимъ, что бердниковская клевета совсѣмъ не пристаетъ къ Кащеевымъ, не пачкаетъ ихъ и не дѣлаетъ преступными. Ясно, что всѣ эти просьбы, наущеніе, приказаніе и подкупъ—все это рѣшительно насильно навязывается со стороны Бердникова Кащеевымъ.

Ничего подобнаго въ дѣлѣ не видно. Напротивъ, мы видимъ ясно и можемъ сказать смѣло, что Бердниковъ лгалъ въ свою волю и въ свою охоту, самъ напрашивался въ защитники передъ присяжнымъ повѣреннымъ Позерномъ, и никакого соблазна для этого не требовалось. Лучшее доказательство — примѣръ другого лжесвидѣтеля, Ильичева, котораго, конечно, вышколилъ къ показанію тотъ же Бердниковъ и никто другой, потому что Ильичевъ повторялъ за нимъ все, какъ попугай, а между тѣмъ Ильичевъ ни однимъ словомъ никогда не винилъ Кащеевыхъ. Вотъ вамъ даровой лжесвидѣтель, весьма покладистый, въ совращеніи котораго Кащеевы уже нисколько не участвовали.

Наконецъ, чтобы вполнѣ понять ненужность преступленія Бердникова для Кащеевыхъ, вспомните одно: вспомните, о чемъ же показываетъ этотъ Бердниковъ? О томъ, что баржа Кащеевыхъ прибыла въ Самару 14-го сентября. Да развѣ одинъ Бердниковъ зналъ о времени прибытія баржи?

Вѣдь это происходило на пристани, гдѣ кишитъ народъ; рѣшительно всякій свидѣтель могъ опровергнуть Бердникова. Вѣдь вотъ онъ показывалъ, что баржа прибыла 14-го сентября, а гиляновскіе рабочіе показывали, что 21-го. Почему же для суда Бердниковъ и Ильичевъ, съ ихъ ложью, могли имѣть преимущество передъ другими свидѣтелями? Что у нихъ—привилегія на вѣру есть, что ли? Развѣ судъ обязанъ убѣждаться только тѣмъ, что одни говорятъ, и не вѣрить всему тому, что скажутъ другіе? Да это просто смѣшно, чтобы Кащеевы не могли сообразить того, что всякій малый ребенокъ пойметъ, что слова Бердникова въ этомъ случаѣ гроша не стоютъ?!—Если самъ Бердниковъ захотѣлъ отличиться и поусердствовать, чтобы не быть въ отвѣтѣ за свои плутни, и, вопреки всякой очевидности, солгалъ,—это его дѣло; но чтобы Кащеевы для этого должны были обратиться въ подстрекателей на ложное показаніе, съ обѣщаніемъ денегъ,—это ни съ чѣмъ несообразно.

Повторяемъ: это—тяжба имущественная, и до сихъ поръ, кромѣ досады на неустойку, грызни изъ-за проиграннаго процесса, ничего въ этомъ дѣлѣ нѣтъ. Ваше правдивое слово сниметъ съ Кащеевыхъ опасную и каверзную клевету. Мы, вообще, полагаемъ, что едва ли есть виновные въ этомъ дѣлѣ. Я ужъ не говорю о Сидѣльниковѣ,—о немъ даже совсѣмъ забылъ и прокуроръ въ своей рѣчи. Но даже Бердниковъ? Правда, здѣсь будто боятся слишкомъ просить за него. Рѣдкій случай,—но, кажется, Бердникову выгоднѣе быть наказаннымъ, потому что вѣдь лишь тогда онъ получитъ деньги по векселю отъ Гилянова, и чуть ли не худшимъ наказаніемъ для Бердникова было бы оправданіе. Правда и то, что Бердниковъ переметная сума, и самъ же онъ о себѣ говоритъ, что онъ продаетъ себя и направо, и налѣво. Но мы уже доказали совершенную безвредность той лжи, на которую онъ такъ легкомысленно,

не сморгнувъ глазами, пустился вначалѣ. И вы слышали здѣсь показаніе одного неявившагося свидѣтеля, Шрейдера, который, по-моему, даетъ намъ драгоцѣнный образчикъ того, какъ народный голосъ относится къ тому, что сдѣлалъ Бердниковъ. Шрейдеру Бердниковъ сознавался въ лжесвидѣтельствѣ, какъ сознается теперь вамъ. И Шрейдеръ, не выслушивая никакихъ юристовъ, отвѣтилъ ему такимъ приговоромъ: „пойди, братъ, въ церковь, да принеси во всемъ покаяніе“. И правда: Бердниковъ согрѣшилъ передъ своимъ Богомъ, призвавъ Его имя въ свидѣтельство ложнаго показанія, и одинъ Богъ можетъ и покарать его, и разрѣшить ему этотъ грѣхъ. А времени для покаянія у него еще много: до конца жизни онъ можетъ замаливать и свою клятвенную неправду, и свой извѣтъ на прежнихъ хозяевъ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ теперь двѣ могилы—Гилянова и старика Кащеева—двухъ заправилъ и хозяевъ этой долгой тяжбы. Какъ судьи безпристрастные, вы можете поставить теперь крестъ и на всемъ этомъ дѣлѣ, сказавъ себѣ въ глубинѣ своей совѣсти: „здѣсь нѣтъ преступленія, здѣсь только повседневное сутяжёство“.

На разрѣшеніе присяжныхъ были поставлены вопросы о фактическомъ участіи въ преступленіи умершаго Михаила Кащеева и о виновности Николая Кащеева. На оба вопроса присяжные отвѣтили отрицательно. Бердниковъ признанъ виновнымъ въ лжесвидѣтельствѣ „безъ корыстной цѣли“. Ильичевъ, Сидѣльниковъ и Николай Кащеевъ оправданы.

Дѣло Гальперна.

Дѣло Гальперна.

Подлогъ векселей.

(Въ Ковно).

24-го января 1878 г. Гальпернъ, черезъ своего повѣреннаго, Шенмана, предъявилъ въ Варшавскомъ коммерческомъ судѣ искъ къ братьямъ Левинсонамъ и Рапопорту въ 90,000 руб., по векселю въ 100,000 талеровъ, выданному въ Мемелѣ 8-го января 1874 г., Левинсонами — Лейбѣ Рапопорту, на срокъ 18 (30) января 1878 г., причемъ мѣстожительство Левинсоновъ назначено въ г. Варшавѣ, въ домѣ подъ № 1776, у Мейера Добраго. На оборотѣ векселя имѣется передаточная надпись 12 (24) іюля 1876 г., Рапопорта и Гальперна. Вексель написанъ на иностранномъ бланкѣ, по-нѣмецки и въ установленномъ порядкѣ не свидѣтельствованъ. Повѣстки Варшавскаго коммерческаго суда на имя Левинсоновъ вручены женѣ Мейера Добраго—Гилѣ, подъ росписку Гитли Рамъ, повѣстка же на имя Рапопорта принята женой послѣдняго. Отвѣтчики въ судъ не явились, вслѣдствіе чего 15 (27) февраля 1878 г. состоялось заочное рѣшеніе суда, копію котораго для вученія Левинсонамъ получилъ Мейеръ Добрый подъ свою росписку, а Рапопортъ принялъ лично. Согласно этому рѣшенію, повѣренному Гальперна Шенману выданъ судомъ исполнительный листъ. Левинсоны подали заявленіе о подложности векселя 11-го сентября 1878 г. въ коммерческій судъ, а въ 1884 г. прокурору Ковенскаго окружного суда. Въ послѣдствіи они прямо обвиняли Гальперна и Рапопорта. Въ виду сего и возбуждено слѣдствіе.

Показаніями Левинсоновъ установлено, что между ними и Гальперномъ съ 1870 г. существовали отношенія по лѣсной торговлѣ. Въ 1875 г. когда они приступили къ разсчету, то оказалось, что 43,881 прусскихъ талеровъ вовсе не были внесены въ книги Гальперна, а 53,826 руб. 32 коп. онъ остался должнымъ Левинсонамъ, но отъ уплаты ихъ отказался. Левинсонъ предъявилъ къ Гальперну въ Ковенской палатѣ уголовнаго

и гражданскаго суда искъ, который признанъ правильнымъ, но Сенатъ отмѣнилъ опредѣленіе палаты, предписавъ войти въ новое разсмотрѣніе денежныхъ отношеній Левинсоновъ и Гальперна. Такое дѣло находится въ производствѣ суда, по распоряженію котораго наложено запрещеніе на недвижимое имущество Гальперна и арестъ на движимое въ суммѣ 43,881 талера. Послѣ этого Гальпернъ предъявилъ искъ по упомянутому векселю, но затѣмъ выдѣлилъ Рапопорта и заявилъ въ судѣ, что ищетъ всю сумму съ Левинсоновъ.

По словамъ Левинсоновъ, они Мейера Добраго вовсе не знаютъ и никакихъ векселей Лейбѣ Рапопорту не выдавали. Гальперну хорошо извѣстно, что они постоянно проживаютъ въ одномъ съ нимъ городѣ Ковнѣ.

Далѣе, въ маѣ 1885 г., Танхель Левинсонъ заявилъ судебному слѣдователю 1 уч. г. Ковны, что Гальпернъ предъявилъ къ нему въ Варшавскомъ коммерческомъ судѣ еще искъ по подложному же заграничному векселю въ 25,000 руб.

Дальнѣйшими слѣдственными дѣйствіями установлены данныя, послужившія основаніемъ для предъявленія противъ Гальперна обвиненія если не въ составленіи, то въ употребленіи для своихъ дѣлъ и выгодъ завѣдомо подложныхъ домашнихъ обязательствъ, составленныхъ отъ имени Левинсоновъ. При дѣлѣ имѣется оффиціальная справка о томъ, что Левинсоны въ гор. Варшавѣ, въ домѣ подъ № 1776, никогда не проживали. Хотя при сличеніяхъ почерковъ Левинсоновъ на опороченныхъ векселяхъ съ несомнѣнными ихъ подписями, произведенныхъ въ Варшавѣ 26-го февраля 1887 г. и 23-го декабря 1888 г., эксперты нашли сходство, но при производствѣ экспертизы сличенія векселя въ 100,000 талеровъ, произведенной въ Ковнѣ 24-го февраля 1884 г., эксперты дали заключеніе, что подпись Танхеля Левинсона на векселѣ не имѣетъ положительно никакого сходства съ несомнѣнною его подписью, подпись же Самуила Левинсона на векселѣ имѣетъ сходную лишь одну букву „а“.

Спрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Гальпернъ, не признавая себя виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи, объяснилъ, что предъявленныхъ ему векселей на 100,000 талеровъ и 25,000 руб. онъ ранѣе вовсе не видѣлъ. Въ Варшавѣ у него съ давнихъ поръ былъ агентъ по коммерческимъ предпріятіямъ Лейба Рапопортъ, которому онъ довѣрялъ большія суммы до 200 тысячъ рублей, и который могъ отъ себя эти суммы выдавать другимъ лицамъ взаймы, причемъ обязанъ былъ, по заведенному обычаю, брать векселя на свое имя и затѣмъ переказывать ихъ по передаточнымъ подписямъ ему, Гальперну. Когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ упомянутые векселя получены были Рапопортомъ отъ Левинсоновъ, онъ не знаетъ, но получивъ свѣдѣніе, что Рапопортъ выдалъ Левинсонамъ большія суммы денегъ, онъ поручилъ зятю своему Михаилу Эттингеру прогнать Рапопорта и принять отъ него дѣла. Въ числѣ дѣлъ Эттингеръ принялъ отъ Рапопорта и упомянутые два векселя. Когда наступили сроки платежа по

нимъ, то Эттингеръ прислалъ ему довѣренности на имя присяжнаго повѣреннаго для предъявленія исковъ въ коммерческомъ судѣ, которыя онъ и подписалъ. Никакихъ формальностей при передачѣ имъ денегъ Рапопорту не соблюдалось, и у него не осталось никакихъ письменныхъ документовъ о существовавшихъ между нимъ и Рапопортомъ отношеніяхъ. Что касается указанныхъ въ векселяхъ юридическихъ мѣстожительствъ Левинсоновъ, то объ этомъ обстоятельствѣ ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ самъ лично съ Левинсонами дѣлъ не велъ, хотя Левинсоны и пользовались кредитомъ до 150,000 руб. Никакихъ книгъ варшавской его конторы за время управленія ею Рапопортомъ въ настоящее время у него не имѣется.

Это объясненіе обвиняемаго является, по мнѣнію прокуратуры неправдоподобнымъ въ виду, во 1-хъ, того, что такія крупныя денежныя сдѣлки едва ли могли быть совершаемы простымъ приказчикомъ Гальперна, получавшимъ ограниченное содержаніе, и во-2-хъ, опровергаются показаніемъ свидѣтеля Абрама Богдановскаго, удостовѣрившаго, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ повѣреннымъ Гальперна по поставкѣ провіанта для войскъ, причемъ Рапопортъ только контролировалъ дѣйствія Богдановскаго и записывалъ въ книгу поступавшія къ нему деньги, но за полученіемъ денегъ Гальпернъ пріѣзжалъ въ Варшаву лично и самъ получалъ таковыя.

Кромѣ того, слѣдствіемъ установлено, что, не смотря на такую, допущенную Рапопортомъ, крайне не выгодную для Гальперна сдѣлку съ Левинсонами, которые, по словамъ самого Гальперна, не въ состояніи уплатить должной ему суммы, Рапопортъ все-таки продолжалъ, до самой своей смерти, заниматься дѣлами Гальперна.

Вслѣдствіе сего, Гальпернъ, 65 л., обвиняется, во-1-хъ, въ томъ, что 24-го января 1878 г., черезъ повѣреннаго своего, представилъ въ судъ, для взысканія въ свою пользу, вексель на 100,000 тал., составленный необнаруженнымъ слѣдствіемъ лицомъ отъ имени братьевъ Левинсоновъ на имя Рапопорта, а послѣднимъ переказанный ему, Гальперну, причемъ вексель этотъ составленъ отъ имени Левинсоновъ и подписанъ ихъ именами и фамиліями безъ вѣдома и согласія ихъ, о чемъ онъ Гальпернъ, зналъ при предъявленіи векселя ко взысканію, и, во-2-хъ, въ томъ, что 11-го января 1877 г., черезъ того же повѣреннаго, представилъ въ судъ для взысканія въ свою пользу такой же вексель отъ 25-го апрѣля 1873 года въ 25,000 руб., составленный и подписанный отъ имени Танхеля Левинсона, безъ вѣдома и согласія его, другимъ, необнаруженнымъ слѣдствіемъ, лицомъ, что ему, Гальперну, было извѣстно при предъявленіи векселя ко взысканію.—Преступленія эти предусмотрѣны 1692 и 1697 ул. о наказ.

Допрошено было свыше 30-ти свидѣтелей, 11 экспертовъ, и изслѣдована масса векселей и банкирскихъ книгъ. Показанія свидѣтелей, служащихъ у Левинсона и Гальперна, отличались такимъ разнообразіемъ, что стороны на нихъ мало и ссылались; по мнѣнію экспертовъ,

секретарей всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, по большинству голосовъ подписи на векселяхъ въ 4,000 и 25,000 руб. сомнительны, а на векселѣ въ 90,000 очень схожи.

Давно это было, гг. присяжные засѣдатели, очень давно!.. Векселя эти появились около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Легко назвать эту цифру „15 лѣтъ“, а попробуйте оглянуться—вообразить себѣ этотъ громадный промежутокъ времени. Вѣдь, это, значитъ, во время перваго векселя едва только начинали въ Россіи щипать корпію для болгаръ! А потомъ уже была турецкая война: она возгорѣлась, длилась и кончилась; потомъ пошли страшныя внутреннія потрясенія въ Россіи; сколько треволненій, сколько новыхъ законовъ, — потомъ новое царствованіе, почти цѣлыхъ 10 лѣтъ новаго царствованія!—сколько героевъ, полководцевъ было и сплыло, сколько красавицъ сдѣлались старухами...

И вотъ, съ того давняго времени, когда еще собирались у насъ щипать корпію для болгаръ, притѣсняемыхъ турками,—съ того времени, когда многіе изъ насъ еще были такъ молоды,—завелись между Левинсонами и Гальперномъ тяжебныя бумаги. Эти бумаги сочинялись, писались, подавались, пересылались, желтѣли въ полицейскихъ управленіяхъ, въ старыхъ и новыхъ судахъ, въ старомъ департаментѣ сената--и все длилась эта кляуза. Объявлялись рѣшенія, приносились жалобы; то одна сторона выигрывала, то другая. Левинсоны цѣлыхъ 90 тыс. хотѣли отсудить у Гальперна,—тянули, тянули и совсѣмъ проиграли, совсѣмъ оказались неправы. Но споръ еще и теперь не конченъ; Левинсоны ждутъ еще и сегодня: неужели Гальперну придется еще что нибудь съ нихъ получать? Казалось бы, пора выдохнуться всѣмъ этимъ стародавнимъ интересамъ. Нѣтъ, еще волнуются обѣ стороны, еще не до-сыта наспорились...

Но, вотъ, видите ли, еслибы мы и сегодня, какъ во всѣхъ прежнихъ случаяхъ, стояли въ прихожей полицейскаго управленія или стараго сената—и ждали бы резолю-

ціи о томъ, чья взяла,—можно было бы спокойно смотрѣть на этихъ давнихъ спорщиковъ: для нихъ это, пожалуй, еще было бы интересно, потому что люди втягиваются въ долговѣчныя тяжбы,— и для нихъ новая объявленная бумага, въ своемъ родѣ, событіе. А мы, со стороны, могли бы о нихъ подумать: жалкіе чудаки! пора бы, наконецъ, чтобы кто нибудь васъ расцѣпилъ...

Но не такъ равнодушно мы можемъ смотрѣть на сегодняшній споръ. Послѣ долгаго, въ сущности, невиннаго, т. е. безрезультатнаго бумагомаранія, — сегодня, въ концѣ концовъ, дѣло поставлено совсѣмъ иначе: тягались, тягались, обмѣнивались титулами и цунктами, да вдругъ черезъ 14 лѣтъ сегодня впервые кровью запахло, цѣлая жизнь, все будущее стараго человѣка на карту поставлено. Этимъ шутить нельзя. Поэтому, я прошу васъ съ нѣкоторымъ страхомъ отнестись къ вашимъ обязанностямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ довѣріемъ и вниманіемъ выслушать защиту. Я убѣжденъ, что этотъ старикъ опутанъ кляузой, и что въ подозрѣваемыхъ здѣсь подлогахъ онъ рѣшительно не при чемъ.

По ходу преній и по тѣмъ вопросамъ, которые вамъ будутъ предложены, задача этого дѣла распадается на двѣ части: подложны ли самые векселя? Если подложны, то виновенъ ли подсудимый? Первая часть этой задачи еще до сихъ поръ интересуетъ тяжущихся: въ нихъ еще не угомонились старые счеты. Я же долженъ сознаться откровенно, что въ эту часть спора я не могу внести никакого особеннаго одушевленія; я, конечно, скажу все, что считаю нужнымъ и справедливымъ сказать. Но если взглядъ вашъ будетъ другой, — если по давности и запутанности счетовъ и пререканій между сторонами вы не найдете возможнымъ ясно разобраться въ этомъ вопросѣ, не дадите намъ выиграть гражданскаго дѣла противъ Левинсоновъ,— ну что же дѣлать! и время виновато, и приказчики виноваты, и неполныя книги, и кляузы да изверты въ старыхъ учрежденіяхъ,—повторяю: что же дѣлать? И хотѣлось бы вытащить правду изъ всего этого, опровергнуть всѣ извѣты, всѣ до единаго — но удастся, или не удастся это

намъ: да совершится правосудіе! Пусть будетъ, какъ будетъ.

Но я бы испытывалъ неизгладимый внутренній упрекъ, еслибы я не съумѣлъ выяснить передъ вами въ нашу пользу второй части обвиненія, т. е. что въ умышленномъ составленіи этихъ векселей подложно, или въ завѣдомомъ пользованіи этими векселями, какъ подложными, Гальперинъ рѣшительно не виноватъ. Казалось бы, это безсмысленно. Если векселя сомнительны или подложны, то кто же виноватъ въ этомъ, какъ не тотъ, въ чью пользу идетъ взысканіе. Но представьте, что это вовсе не такъ безсмысленно, какъ это кажется: во-первыхъ, потому, что самъ законъ раздѣляетъ эти вопросы, находя, что документъ можетъ быть подложенъ, а тотъ — въ чью пользу онъ составленъ—не виноватъ, и во-вторыхъ, это дѣло—дѣло Гальперна—даетъ намъ, именно, лучшій примѣръ того, какъ эти два вопроса могутъ не только распадаться, но и расходиться въ совершенно противоположныя стороны.

Стоитъ только обратиться къ первому дѣлу — къ векселю въ 4,000 р. Векселъ этотъ, несомнѣнно, невѣрный, не имѣющій силы, потому что писанъ заднимъ числомъ на бумагѣ будущаго года и подписи должниковъ (въ особенности одного изъ нихъ Танхеля Левинсона) не имѣютъ совершенно никакого сходства съ ихъ подлиннымъ почеркомъ. Значитъ, этого векселя признать нельзя. Значитъ вы можете признать доказаннымъ фактъ подлога.

Но вотъ теперь и посмотрите, возможно ли какимъ нибудь способомъ объяснить себѣ, чтобы этотъ подлогъ сдѣлалъ или внушилъ другому, или, вообще, — чтобы этимъ подлогомъ могъ быть заинтересованъ самъ взыскатель, т. е. подсудимый Гальпернъ?

Подлогъ дѣлается съ цѣлью подражать подлиннику, а здѣсь нѣтъ ни подражанія, ни сходства. Подлогъ дѣлается съ цѣлью достигнуть корыстнаго обмана, взыскать то, чего не слѣдуетъ, а здѣсь и эта цѣль не могла быть достигнута, потому что такой, очевидно, несхожій векселъ всегда предъявляется въ полиціи должнику, и должникъ, несомнѣнно, откажется отъ платежа, отказавшись отъ своей подписи,

доказавъ (какъ здѣсь и было сдѣлано) ея полное несходство. Слѣдовательно, Гальпернъ не могъ идти на такое явно нелѣпое преступленіе. Онъ не могъ сдѣлать такого промаха, потому что имѣлъ всѣ средства его избѣгнуть: 1) потому что этотъ сомнительный вексель предъявленъ въ цѣлой пачкѣ подлинныхъ векселей, съ которыхъ Гальпернъ могъ копировать подписи или, по крайней мѣрѣ, подражать имъ; 2) даже по объясненіямъ противниковъ нашихъ выходитъ, что у Гальперна оставалось въ то время еще на 40 т. ихъ подлинныхъ бланковъ и, слѣдовательно, онъ могъ любой изъ этихъ бланковъ заполнить, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ подлогу; 3) Левинсоны были уже и въ то время плохіе плательщики и рисковать очень тяжкимъ преступленіемъ для весьма ничтожной суммы, которую и взыскать едва ли было возможно, было бы со стороны Гальперна совершенно непонятно; наконецъ, 4) повторяю, преступленіе это со стороны Гальперна было бы явно безцѣльнымъ, потому что несходство подписей на векселѣ было слишкомъ очевидное и разсчитывать на полученіе платежа по нему было бы такъ же неосновательно, какъ еслибы кто разсчитывалъ расплатиться въ лавкѣ, за товаръ, среди бѣлаго дня, ярлыкомъ съ бутылки, вмѣсто пяти-рублевой бумажки.

Нелѣпыхъ преступленій, кромѣ сумасшедшихъ, никто не дѣлаетъ, и, слѣдовательно, нелѣпыя преступленія невозможны. Поэтому и невозможно приписать появленіе этого векселя намѣренію Гальперна. Но тогда: чьему-жъ намѣренію? Вполнѣ вѣроятно, или, по крайней мѣрѣ, неизмѣримо вѣроятнѣе: намѣренію Левинсоновъ.

Дѣло въ томъ, что, защищаясь отъ взысканій Гальперна, Левинсоны дѣйствовали крайне увертливо, объяснялись разнорѣчиво и даже завѣдомо ложно. Вѣдь всю пачку векселей въ 22 т. они видѣли въ полиціи, пересматривали нѣсколько разъ и въ теченіе многихъ лѣтъ не разглядѣли въ этой небольшой пачкѣ, при всей своей придирчивости, одного рѣзко фальшиваго векселя. Возможно ли это? Не ясно ли, что было такое время, когда, вмѣсто этого поддѣльнаго векселя, въ пачкѣ лежалъ настоящій? Это дока-

зывается лучше всего первыми возраженіями Левинсоновъ противъ всѣхъ векселей: сразу они признали всѣ свои подписи подлинными и только пытались увѣрить, что Гальперн злоупотребилъ ихъ бланками. Эта выдумка Левинсоновъ была проиграна;—напущено было въ дѣло нѣсколько ложныхъ свидѣтелей, но возраженіе это не удалось и было отвергнуто судебными мѣстами. Тогда Левинсоны пошли на другой фортель и заявили, что, „приглядѣвшись къ векселямъ“ (значитъ, много присматривались), они объясняютъ всѣ свои подписи подложными, ибо не умѣютъ сами отличить своихъ настоящихъ подписей. Но и въ то время (въ 1878 г.) еще не появляется извѣта Левинсоновъ противъ векселя въ 4 т. Только въ 1883 г. дѣлается этотъ извѣтъ. Какъ же послѣ этого не повѣрить тому, что именно сами Левинсоны сдѣлали подмѣнъ векселя? Съ ихъ стороны это и вполнѣ понятно, и возможно. Понятно потому, что они всячески, не брезгая никакими средствами, отдѣлывались отъ взысканія; понятно потому, что подмѣнить всю пачку, съ которой они такъ долго не могли сладить, было бы слишкомъ рисковано, а подмѣнить одинъ векселъ было и легче, и натуральнѣе, да и къ тому же этотъ подмѣнъ порождалъ недовѣріе ко всей пачкѣ. А возможно это было потому, что пачка не была прошнурована и пронумерована въ полиціи, и что, погружаясь, на законномъ основаніи, въ многократное обозрѣніе этой пачки, въ полицейскомъ управленіи, гдѣ снисходительный надзоръ протоколиста могъ быть купленъ за малую сумму,—Левинсоны имѣли полнѣйшую возможность принести въ карманѣ эту заготовленную штуку — векселъ съ несхожими подписями на бумагѣ будущаго года—и, тихо шелестя бумагой, выпустить изъ пальцевъ этотъ сюрпризъ въ вексельную пачку, изъ которой тѣ же осторожные пальцы могли извлечь подлинный векселъ...

Обсудивъ все это, приходится сказать, что подлогъ на 4 т. со стороны Гальперна совершенно непонятенъ, а подсовъ этой штуки со стороны Левинсоновъ вполнѣ правдоподобенъ—и, потому надо принять вѣроятное и отвергнуть невозможное. И вотъ почему Гальпернъ не виноватъ по дѣлу о 4 тыс.

Ознакомивъ васъ съ нашими противниками, Левинсонами, по дѣлу о 4 тыс., мы надѣемся, что теперь вы будете относиться съ нѣкоторою осторожностью и къ объясненіямъ ихъ въ дѣлѣ о 25 тыс.

При самомъ возникновеніи этого обвиненія возбудился вопросъ: съ какою цѣлью могъ Гальпернъ составить на Левинсоновъ подложные векселя на довольно крупныя суммы, когда, въ сущности, ему должно было быть извѣстно, что Левинсоны едва ли имѣютъ средства по нимъ платить? Тогда подобрано было такое объясненіе, это эти поддѣльные векселя были задуманы Гальперномъ и пущены имъ въ ходъ съ намѣреніемъ защититься ими противъ большихъ судебныхъ взысканій съ него Левинсоновъ. Указывалось, между прочимъ, и на то, что эти взысканія Левинсоновъ были до того серьезны, что одно время даже движимое имущество Гальперна было по нимъ описано и подвержено запрещенію. Такъ вотъ, якобы, чтобы парализовать эти взысканія, и появились подложные векселя.

Но теперь, я думаю, въ такой мотивъ преступленія со стороны Гальперна едва ли кто повѣритъ. Передъ вами выяснилось, что запрещеніе было очень кратковременное, что оно было быстро снято по указу сената, безъ всякаго пособія со стороны этихъ преступныхъ векселей,—словомъ, что запрещеніе это было неопасное. Вы знаете также, что былъ очень короткій промежутокъ, когда Гальпернъ проигралъ было по суду Левинсонамъ всего только 43 т., но что и эта часть процесса окончательно выиграна Гальперномъ въ сенатѣ. Опасаться этого временнаго проигрыша Гальперну также было нечего: 1) потому что рѣшенія старыхъ палатъ, при обжалованіи, не приводились въ исполненіе, а 2) потому что весь выигрышъ Левинсоновъ былъ основанъ на ихъ ложномъ отказѣ отъ полученія съ Гальперна платежей, которые были доказаны Гальперномъ, въ сенатѣ, книгою счетовъ, полученныхъ Левинсонами Поэтому сенатъ такъ легко и отказалъ Левинсонамъ. И слѣдовательно, Гальпернъ, имѣя такое превосходное оружіе для самозащиты отъ временнаго успѣха Левинсоновъ, не нуждался ни въ какихъ подлогахъ.

Слѣдовательно, мотива для подлога, который воображали, въ дѣйствительности не оказывается. Его не было.

Тогда возбуждается сомнѣніе противъ векселей другими способами. Говорятъ, напримѣръ, что векселя выданы въ Мемелѣ, а Левинсоны и Рапопортъ въ то время въ Мемелѣ не были. Но это, конечно, вздоръ, потому что векселя написаны на прусской гербовой бумагѣ, которая дешевле русской, и потому выдача ихъ могла быть для этой цѣли означена въ Пруссіи, а въ дѣйствительности—произойти въ Россіи. Говорятъ также, что векселя эти не проведены по книгамъ Гальперна. Но и это не возраженіе, потому что законъ не отнимаетъ силы у векселей, не проведенныхъ по книгамъ; да у Гальперна въ книгахъ и не записывались никакіе векселя, кромѣ переводныхъ; наконецъ, мы видимъ изъ этого же дѣла случаи безспорнаго присужденія Гальперну съ Левинсоновъ, Файнберга и др. по векселямъ, также не записаннымъ въ книги,—и значитъ, этотъ фактъ не дѣлаетъ векселей подложными. Еще желаютъ сильно скомпрометировать векселя, указывая на способъ взысканія по нимъ. Весьма подозрительно относятся къ тому, что взысканіе производилось въ Варшавѣ, по случайнымъ фиктивнымъ адресамъ, когда Гальперну было извѣстно, что Левинсоны живутъ въ Ковнѣ. Въ этомъ, говорятъ, видно желаніе дѣйствовать за спиною отвѣтчиковъ, чтобы они не успѣли заявить спора,—чтобы можно было получить исполнительный листъ и произвести взысканіе по подложнымъ векселямъ. Но подобными доводами можно смущать развѣ только людей, имѣющихъ самое младенческое понятіе о вексельныхъ взысканіяхъ. Вѣдь, все это не такъ, все это не вѣрно. Производилось взысканіе въ Варшавѣ, потому что тамъ былъ назначенъ платежъ, и тамъ былъ коммерческій судъ, который былъ неизмѣримо лучшій судъ, чѣмъ старыя полицейскія управленія, гдѣ неизбѣжны были волокиты и взятки; адресы Дикерта и Добраго были вставлены, ради формы, по обычаю, самими должниками — ибо кто даетъ на себя векселъ въ мѣстѣ нахожденія коммерческаго суда, тому остается только у себя записать срокъ и знать, что, если не заплатишь, то никакихъ возраженій не

примутъ и быстро присудятъ. Поэтому адреса отвѣтчиковъ тутъ не имѣютъ значенія; весьма часто пишутся адреса какіе попало, и къ этому въ Варшавѣ привыкли и въ полученіи повѣстокъ расписываются, не спрашивая откуда и почему. Расписываются кухарки, сторожа, слуги въ гостинницахъ. И въ то время, когда гражданскій истецъ вышучивалъ этотъ способъ взысканія, я слышалъ, какъ мой кліентъ шепнулъ: „Наполеонъ виноватъ“... И, дѣйствительно, это дѣлается по кодексу Наполеона. Да и, наконецъ, самое главное то, что адреса проставлены были въ векселяхъ самими должниками и, слѣдовательно, если подпись подъ этими адресами настоящая (а къ этому вопросу мы перейдемъ ниже),—то фиктивность адреса цѣликомъ падаетъ на должниковъ, подписавшихъ векселя, а не на взыскателя. Теперь, говорятъ, что взысканіе въ Варшавѣ „за спиною“ мѣшало заявить споръ о подлогѣ. Ничуть не бывало; заявить этотъ споръ никогда не поздно, даже по полученіи исполнительнаго листа, а вѣдь исполнительный листъ непремѣнно дойдетъ рано или поздно къ должнику. И мы видимъ, что, дѣйствительно, Левинсоны, по обыкновенію, отказались отъ векселя и тотчасъ же заявили споръ о подлогѣ, т. е., что собственно эти векселя можетъ быть и подлинные, но какихъ-то другихъ Левинсоновъ!

А замѣчательно въ этой увертюрѣ вотъ что. Заявленіе о подложности векселей Левинсоны подали еще въ томъ же 1878 г., но Гальперна въ подлогѣ не обвиняли. „Не наши подписи“—да и только. Казалось бы тогда, по горячимъ слѣдамъ, все можно было раскрыть,—можно было ясно доказать, какъ Гальпернъ фабриковалъ эти векселя съ Рапопортомъ. Тогда еще былъ живъ Рапопортъ. Онъ умеръ только годъ спустя. Но Левинсоны предпочли пока не трогать этой исторіи—и вотъ черезъ цѣлыхъ 6 лѣтъ, когда уже и Рапопортъ умеръ, и его вдова дважды вышла замужъ и даже куда-то совсѣмъ скрылась (чуть ли не въ Америку)—Левинсоны, вмѣсто указанія на живыхъ лицъ, живо помнящихъ дѣло, начинаютъ орудовать—письмомъ Рапопорта, неизвѣстно къ какому лицу относящимся, и письмомъ какой-то дамы, вовсе намъ неизвѣстной, которую называютъ

вдовой Рапопорта. И даже въ этихъ письмахъ все-таки Левинсоны не добились, чтобы кто либо назвалъ ихъ подписи подложными, такъ какъ та же m-me Ниссенсонъ пишетъ о заполненіи ея мужемъ левинсоновскихъ бланковъ, но о поддѣлкѣ подписей — ни слова.

Нужно ли мнѣ, возможно ли серьезно останавливаться на такихъ доказательствахъ, какъ сомнительное и ничего не говорящее письмо г-жи Ниссенсонъ и окружающіе это письмо сомнительные свидѣтели?

Свидѣтели Розенблюмы и Шахновскій разсказываютъ, будто покойный Рапопортъ имъ сознавался, что, по приказанію Гальперна, онъ вписалъ на Левинсоновъ большіе векселя въ привезенные Гальперномъ бланки Левинсоновъ и сдѣлалъ себя жирантомъ на этихъ векселяхъ; что затѣмъ, будто бы совѣсть его такъ замучила, что онъ передъ смертью говорилъ, что онъ умираетъ отъ этого безчестнаго поступка. Одинъ изъ Розенблюмовъ даже представилъ письмо покойнаго Рапопорта, но къ сожалѣнію, въ этомъ письмѣ не только ничего о покаяніи не говорится, но даже имя Гальперна вовсе не упоминается, а говорится о какомъ-то г. Г. р. д. г. (почему это долженъ быть Гальпернъ?—непостижимо). Зато г-жа Ниссенсонъ (прежняя Рапопортъ), по требованію отца, прислала, неизвѣстно откуда, сочиненное спеціально для настоящаго дѣла письмо, въ которомъ вполнѣ поддерживаетъ розсказни свидѣтелей и также относитъ смерть своего мужа къ мученіямъ совѣсти. Что же можно извлечь изъ этихъ свидѣтелей и этихъ писемъ? Ровно ничего благопріятнаго для Левинсоновъ. Выходитъ, что были левинсоновскіе бланки, значитъ, подписи,—какъ слѣдуетъ. Вписать текстъ въ бланкъ, переданный кредитору самимъ должникомъ, не только не преступленіе, но даже и не грѣхъ, ибо кто даетъ свой бланкъ, тотъ беретъ на себя и долгъ на этотъ бланкъ. Значитъ, мучиться Рапопорту было не изъ-за чего. Да и потомъ никто рѣшительно на свѣтѣ отъ мученій совѣсти не умираетъ! Такой смертельной болѣзни вовсе не существуетъ. Знаменитый Іуда испыталъ наибольшія мученія совѣсти, да и тотъ отъ нихъ непосредственно не умеръ, а вынужденъ былъ повѣситься, чтобы

умереть. Отъ мученій совѣсти лишаютъ себя жизни, быть можетъ—съ ума сходятъ, но прямо въ постели не умираютъ. Значитъ, все это жалкая и неискусная выдумка, клевета на покойнаго, выставленная на видъ съ разсчетомъ, что, авось, разжалобятся и повѣрятъ, а на покойнаго, ради прибыли, т. е. ради того, чтобы не понести законнаго ущерба, валить—не грѣшно. Ни чему этому рѣшительно нельзя повѣрить!

Все это не только не годится, какъ доказательство подлога, но даже и въ спорѣ о безденежности не могло бы имѣть значенія. По вопросу о безденежности выставляются еще такія улики: говорили, что Рапопортъ получалъ всего 40 руб. жалованья у Гальперна, и что, слѣдовательно, онъ не могъ распоряжаться такими суммами, какъ 125 тыс. талеровъ, да еще быть жирантомъ, надписателемъ за свой страхъ на подобныхъ векселяхъ. Осмѣиваютъ варшавскую контору. Поэтому, говорятъ, векселя сомнительны. Но и это невѣрно. Рапопортъ былъ и приказчикомъ, и повѣреннымъ Гальперна въ его варшавскомъ дѣлѣ. А дѣло тамъ было, потому что тамъ былъ нарочитый постоянный кассиръ. Свидѣтель Этингеръ показалъ, что Рапопорту довѣрялись очень крупныя суммы; да иначе и быть не можетъ, потому что онъ одинъ былъ мѣстнымъ агентомъ Гальперна. Какъ довѣрялись Рапопорту такія суммы?—это другой вопросъ. Безъ довѣрія къ приказчику невозможно вести заочное дѣло. Рапопортъ, по общему отзыву, былъ человѣкъ хорошій, честный. Гальперну зналъ, кому онъ довѣряетъ. Сверхъ того, для контроля и обезпеченія, Гальперну, именно, требовалъ отъ своего приказчика его собственнаго жиро, его собственнаго ручательства на принимаемыхъ отъ кого либо векселяхъ. Этимъ и объясняется, почему на этихъ векселяхъ есть подпись Рапопорта. Суммы, одолженныя Рапопортомъ Левинсонамъ, если вычесть проценты, вовсе не такъ крупны. Притомъ, изъ цѣлаго ряда показаній конторщиковъ мы знаемъ, что долги по такимъ векселямъ накоплялись исподволь, по мѣрѣ того, какъ забирались деньги отдѣльными, не особенно большими получками; въ концѣ такихъ заборовъ долгъ и квитовался век-

селемъ. У Левинсоновъ съ Гальперномъ были давніе и большіе взаимные счеты; Рапопортъ могъ одолжить ихъ безъ особенныхъ колебаній: Рапопортъ, вѣроятно, поздно спохватился, что они, пожалуй, не смогутъ разсчитаться. Вотъ почему, быть можетъ, убѣдили и г-жу Ниссенсонъ—вдову удаленнаго Рапопорта,—перейти на сторону Левинсоновъ, стращая ее тѣмъ, что жиро, надпись на векселяхъ ея мужа, можетъ вызвать взысканіе Гальперна съ нея и ея дѣтей.

Но всѣми этими мало идущими къ дѣлу вопросами мы, въ сущности, занимаемся ради чрезмѣрнаго потворства навѣтамъ гг. Левинсоновъ. Пора обратиться къ главному и *единственному вопросу* въ *долговомъ документѣ*: а *каковы же* подписи гг. Левинсоновъ на этихъ векселяхъ? Точно ли онѣ поддѣльныя? Или онѣ ихъ собственныя и безспорныя?—тогда, что же мы такъ долго и понапрасну утруждаемъ свою голову и выслушиваемъ сплетни?

Вотъ въ томъ-то и горе, что подписи ихъ собственныя. Въ обвинительномъ актѣ объ этомъ вопросѣ сказано оригинально: „хотя экспертиза 1887 и 1888 годовъ въ Варшавѣ нашла сходство подлинныхъ подписей Левинсоновъ съ ихъ подписями на векселяхъ, но экспертиза 1884 года не усмотрѣла никакого сходства“. Если не вдумываться въ цифры годовъ, то эта фраза можетъ показаться убѣдительною; можно подумать, что эксперты *сперва* находили сходство, но когда ихъ *впослѣдствіи* провѣрили другіе, то обнаружилось несходство. Но оказывается, что было какъ разъ наоборотъ; что первая экспертиза была введена въ заблужденіе; что ее затѣмъ провѣрили, одна за другою, двѣ послѣдующія экспертизы и обнаружили, почему эта первая заблуждалась; оказалось, что первая экспертиза сличала векселя съ однимъ единственнымъ матеріаломъ—съ подписями Левинсоновъ на слѣдственномъ протоколѣ, и что на этомъ протоколѣ Левинсоны дали поддѣльный матеріалъ для сличенія, что Танхель Левинсонъ, по выраженію экспертовъ, „внѣ всякаго сомнѣнія“ старался скрыть на этомъ протоколѣ свой настоящій почеркъ! Такъ вотъ какъ дѣйствовали наши противники. Вѣдь это—прямой подлогъ: умышленно измѣнить свой настоящій почеркъ въ оффиціальномъ документѣ,

который будетъ подвергаться сличенію—это подлогъ, такъ какъ, по разъясненію сената, „кто измѣнитъ умышленно свою руку, подписывая вексель, чтобы впослѣдствіи отказаться отъ платежа—тотъ совершаетъ подлогъ". А здѣсь не то же ли самое? Не на векселѣ измѣняютъ руку, а на томъ документѣ, который будетъ сличаться съ векселемъ—и опять-таки для того, чтобы отказаться отъ платежа.

А что же сказали эти двѣ послѣднія экспертизы о подписяхъ Левинсоновъ на векселяхъ? Онѣ сказали вовсе не то, что приведено въ обвинительномъ актѣ, будто онѣ нашли *только сходство подписей*. Нѣтъ! И въ экспертизѣ 28-го февраля 1887 года, и въ экспертизѣ 23-го декабря 1888 года, эксперты сказали одними и тѣми же словами, что подписи на этихъ векселяхъ проставлены Левинсонами „собственноручно". Собственноручно! Тутъ уже нѣтъ никакого колебанія. Подлиннѣйшія, самыя настоящія подписи.

Эти двѣ экспертизы *имѣютъ то преимущество* передъ сегодняшней, что въ нихъ участвовали исключительно одни техники—учителя чистописанія, знакомые съ буквами и черками до тонкостей, знающіе штрихи, петельки, усики, загибы и проч. А сегодня, среди большинства молодыхъ секретарей, былъ всего одинъ учитель чистописанія. Да и то большинство изъ цѣлыхъ *одиннадцати* экспертовъ высказалось за подлинность самаго опаснаго векселя въ 100,000 т.! А если ужъ тотъ вексель подлинный, то, имѣя такой документъ на Левинсоновъ, не было и смысла поддѣлывать вексель въ 25,000 руб.

Итакъ, вексель въ 4,000 руб.—поддѣльный—не по винѣ Гальперна, а векселя въ 100,000 талеровъ и въ 25,000 руб.—подлинные.

Разсудите же теперь, гг. присяжные засѣдатели, въ чемъ виновенъ Гальпернъ? Виновенъ ли онъ, что натолкнулся на такихъ увертливыхъ противниковъ, которые ни передъ чѣмъ не останавливаются въ своихъ спорахъ? Что было дѣлать Гальперну? Говорить въ угоду гг. Левинсонамъ то, чего не было? Или отпираться, подъ угрозою уголовнаго суда, отъ того, что было по правдѣ? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ: какъ ему было отвѣчать на эти споры? Какъ ему было сознаваться, что онъ

затѣялъ подлогъ 4-хъ тысячнаго векселя, когда векселя у него принимаютъ кассиры, когда въ этомъ подлогѣ онъ не могъ быть заинтересованъ, когда предъявлены были самые настоящіе векселя цѣлой пачкой, когда сами Левинсоны эти векселя пересматривали и къ нимъ не придирались, и когда потомъ, вдругъ—между ними очутился подложный? Или что ему оставалось говорить въ другомъ дѣлѣ? Преклониться передъ сплетнями и лжесвидѣтельствами и отпереться отъ несомнѣнныхъ векселей, за которые сами эксперты вступаются, единодушно называя ихъ собственноручными векселями Левинсоновъ? Да какъ же принимать на себя вину, въ которой не виноватъ?

Я рѣшительно не вхожу въ вопросъ о томъ, какъ, изъ какихъ счетовъ образовались векселя въ 100,000 талеровъ и въ 25,000 руб.? Оставалось ли въ то время что либо за Гальперномъ въ долгу въ пользу Левинсоновъ? Сквитованы или несквитованы были ихъ счеты, и на чьей сторонѣ оказался, въ концѣ концовъ, неправый переборъ? Всего этого я не знаю и знать не могу, и вы не можете. Но что лежащіе здѣсь векселя на 125,000 подлинные, я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь; не сомнѣваюсь и въ томъ, что гг. Левинсоны по нимъ платить не желаютъ, да и едва ли могутъ; съ величайшимъ вѣроятіемъ допускаю, что и самая тяжба на 30,000 руб., нынѣ проигранная, была затѣяна Левинсонами, чтобы забѣжать впередъ и поднять противъ Гальперна свою претензію, въ сознаніи, что за ними есть у Гальперна и своевременно появится противъ нихъ значительный вексельный долгъ. Но я повторяю то, что сказалъ и вначалѣ: какъ вы порѣшите съ гражданскою стороною этого дѣла,—я не знаю; но за уголовную—я стою до конца,—я предостерегаю, я прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, не дѣлать несправедливости.

Еслибы мы не имѣли столь ясныхъ доказательствъ правоты Гальперна, еслибъ въ виновности его можно было сомнѣваться,—то даже и тогда я бы могъ сказать вамъ, что за такія давнія дѣла сердце и совѣсть не позволяютъ человѣческому суду высказать слово осужденія, дать мѣсто наказанію. Что бы ни было сдѣлано—черезъ пятнадцать лѣтъ

впервые отвѣтить человѣку за его проступокъ наказаніемъ—это что-то противное нашей природѣ! Нельзя, господа, такъ тянуть дѣла! Я могу сказать правосудію: „бери, хватай, наказывай меня во-время, но не отнимай у меня цѣлой четверти моей жизни въ выжиданіи твоего отвѣта! Я страдаю, я, наконецъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ дѣлаюсь,—ты караешь уже не того, кто виновенъ,—ты караешь другого". Посмотрите каждый на себя за пятнадцать лѣтъ тому назадъ и сознайтесь, что каждый изъ васъ теперь уже другой.

Впрочемъ, эти соображенія—излишняя роскошь, потому что Гальперну вовсе не дѣлалъ того, что ему приписываютъ. Иногда злоба, нелюбовь къ человѣку въ мѣстномъ обществѣ дѣлаютъ судей пристрастными, готовыми осудить его по одному намеку, хорошенько не добиваясь и не вглядываясь, правъ онъ или нѣтъ. Я совсѣмъ не знаю Гальперна. Но знаю, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ дѣлать изъ суда, изъ этого священнѣйшаго мѣста въ нашей обыденной жизни—мѣсто неправаго отмщенія! Нѣтъ и не можетъ быть такихъ побужденій, во имя которыхъ усатми присяжныхъ засѣдателей можно было бы изречь неправду подсудимому, ожидающему истины. Куда еще ни шло ударить человѣка по карману, хотя бы за него были и самъ законъ, и формальная очевидность; и это уже—несправедливость но, такъ сказать,—несправедливость малая. Но перенести, свое раздраженіе на внутренній міръ человѣка, откуда идутъ высшія людскія злодѣянія, и приписать ему такія злодѣянія, когда онъ ихъ не совершалъ—это большая, слишкомъ большая несправедливость!

Присяжные засѣдатели признали векселя: въ 4,000 р. и 25,000 р. подложными, а въ 90,000 р.—подлиннымъ, Гальперна же—невиновнымъ въ этихъ подлогахъ.

Дѣло о кражѣ

изумрудной брошки.

Дѣло о кражѣ изумрудной брошки.

24-го ноября 1892 года, проживавшая въ г. С.-Петербургѣ, по Дмитровскому переулку, въ домѣ № 13, жена дворянина Марія Елагина не нашла положенной ею на своемъ туалетномъ столѣ брошки съ изумрудами и брилліантами, которую она передъ тѣмъ въ послѣдній разъ надѣвала 8-го того же ноября. Подозрѣвая, что брошка эта была кѣмъ-либо похищена, мужъ потерпѣвшей, Сергѣй Ростиславовъ Елагинъ, заявилъ объ этомъ похищеніи сыскной полиціи, которая немедленно сообщила приметы помянутой брошки всѣмъ торгующимъ золотыми вещами. Вслѣдствіе этого объявленія въ управленіе сыскной полиціи явился 5-го декабря того же года владѣлецъ магазина ювелирныхъ издѣлій въ домѣ № 66 по Невскому проспекту, купецъ Лутугинъ, и, представивъ брошку съ приметами похищенной у Елагиныхъ, заявилъ, что брошку эту продала ему за 350 рублей, около 12 часовъ дня 16-го ноября 1892 года, неизвѣстная ему до того времени дама, брюнетка, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, одѣтая въ коричневую кофточку съ широкими рукавами, опушенную чѣмъ-то, и назвавшаяся Ольгой Перфильевою. По объясненію Лутугина, дама эта сначала просила за брошку 500 рублей, но затѣмъ уступила ее за 350 и, по требованію Лутугина, написала росписку, удостовѣряющую фактъ продажи его брошки. Росписку эту она подписала „Ольга Перфильева“. По словамъ Лутугина, росписку эту, назвавшаяся Перфильевою, писала съ видимою неохотою. Послѣ продажи брошки, на вопросъ Лутугина о ея адресѣ, помянутая дама объявила, что она живетъ по Вознесенскому проспекту въ домѣ № 60, и Лутугинъ тогда же, на ея росписки записалъ помянутый адресъ и въ тотъ же день послалъ своего прикащика, Суслова, удостовѣриться, дѣйствительно ли Ольга Перфильева живетъ въ указанномъ ею домѣ, но по справкѣ оказалось, что ни какой Перфильевой тамъ не было. Помянутая росписка подписанная „Ольга Перфильева“ была передана Лутугинымъ сыскной полиціи и пріобщена къ дѣлу.

Представленная Лутугинымъ брошка оказалась принадлежащею Маріи Елагиной и была оцѣнена на предварительномъ слѣдствіи экспертомъ ювелиромъ Томасомъ Пальвинень въ 450 рублей.

Производившій дознаніе о кражѣ брошки у Елагиной, служащій въ управленіи с.-петербургской сыскной полиціи коллежскій регистраторъ Просняковъ, узнавъ отъ потерпѣвшей, что примѣты описанной Лутугинымъ дамы, совершенно подходятъ къ примѣтамъ знакомой Елагиныхъ, жены отставного штабъ-ротмистра Ольги Федоровой М—вой, взялъ у Елагиныхъ фотографическую карточку М—вой, и, по предъявленіи той карточки Лутугину и Суслову, оба признали,3 что дама, продавшая брошку очень похожа на фотографическое изображеніе М—вой. Послѣ того Лутугинъ и Сусловъ были приглашены полиціею къ Елагинымъ, въ то время, когда у нихъ находилась Ольга М—ва, и они оба признали, что она поразительно похожа на даму, продавшую первому брошку, похищенную у Елагиной.

Затѣмъ въ управленіи сыскной полиціи М—ва вновь была предъявлена Лутугину и Суслову, которые какъ на дознаніи полиціи, такъ затѣмъ и на предварительномъ слѣдствіи удостовѣрили, что она по лицу и манерамъ имѣетъ поразительное сходство съ дамой, продавшей 16-го ноября брошку Лутугину.

На предварительномъ слѣдствіи почеркъ росписки, выданной Лутугину 16-го ноября назвавшеюся Ольгою Перфильевою, былъ сличенъ экспертомъ-литографомъ Эрнестомъ Егоровымъ Аргольдъ съ несомнѣннымъ почеркомъ Ольги М—вой, и по сличеніи экспертъ пришелъ къ заключенію, что помянутая росписка отъ имени Перфильевой несомнѣнно писана М—вой. Къ такому же заключенію привело эксперта, фотографа Буринскаго, фотографическое сличеніе несомнѣннаго почерка Ольги М—вой съ почеркомъ вышепомянутой росписки, подписанной именемъ Ольги Перфильевой. По мнѣнію эксперта, несомнѣнность факта, что росписка отъ 16-го ноября 1892 г., подписанная Ольгою Перфильевою, написана М—вой, доказывается: 1) полнымъ сходствомъ построенія буквъ и строкъ, 2) сходствомъ всѣхъ безъ исключенія буквъ по ихъ рисунку и 3) невозможностью совпаденія всѣхъ особенностей почерковъ двухъ разныхъ лицъ.

Спрошенная на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ обвиняемой въ тайномъ похищеніи у Маріи Елагиной брошки, стоющей болѣе 300 руб., жена отставного штабъ-ротмистра Ольга Федорова М—ва виновною себя въ этомъ преступленіи не признала и показала: 1) что 16 ноября она съ утра до самаго вечера изъ дому не выходила, 2) что съ 8 по 16 ноября она у Елагиныхъ не была и 3) что коричневой кофточки съ широкими рукавами, опушенной мѣхомъ и перьями, у нея никогда не было. Въ подтвержденіе того, что она 16-го ноября съ утра до вечера не выходила изъ дому, Ольга М—ва сослалась на свидѣтелей, изъ коихъ кухарка Моника Лигнугарисъ и Ефросинья Федотова удостовѣрили, что 16-го ноября у М—вой были гости, и съ утра до самаго обѣда Ольга М—ва была занята приготовленіемъ къ пріему гостей и никуда изъ дому не отлучалась. По показанію Федотовой она сама все утро провела дома и отлучалась только около 2 часовъ, когда, по порученію М—вой

относила отвѣтное письмо на Мѣщанскую улицу къ женѣ полковника, Аннѣ Баумгартенъ, отъ которой около 12 часовъ дня получено было М—вой письмо.

Кромѣ того, Федотова также удостовѣрила на предварительномъ слѣдствіи, что у М—вой никогда не было коричневой кофточки съ широкими рукавами и мѣховою опушкою.

Вышеприведенныя объясненія М—вой и показанія спрошенныхъ по ея ссылкѣ свидѣтелей Лигнугарисъ и Федотовой были на предварительномъ слѣдствіи опровергнуты нижеслѣдующими свидѣтельскими показаніями:

1) По показанію служившихъ у Елагиныхъ въ ноябрѣ 1892 года Авдотьи Лещенковой и Татьяны Илларіоновой, нынѣ по мужу Николаевой, М—ва, въ періодъ времени съ 8 по 16 ноября, приходила къ Елагинымъ во время отсутствія ихъ изъ дому, при чемъ въ первый разъ, долго пробыла одна въ спальнѣ, гдѣ находился туалетный столъ, съ котораго похищена была брошка. Въ другой разъ, по показанію Татьяны Николаевой, М—ва, придя въ отсутствіи Елагиныхъ, разспрашивала свидѣтельницу, не озабочена ли чѣмъ-либо Марія Елагина, и не случилось ли чего-нибудь въ домѣ.

2) Объясненіе Федотовой, что она 16 ноября до 2-хъ часовъ дня была дома и что она носила отвѣтъ М—вой на письмо Анны Баумгартенъ, опровергается показаніемъ послѣдней, удостовѣрившей, что 16-го ноября въ 11 часовъ утра горничная М—вой принесла ей письмо, и что отвѣтъ на письмо она, Баумгартенъ, передала черезъ ту же горничную. По показанію самой Федотовой она имѣетъ очень плохую память, и обстоятельство это можетъ служить объясненіемъ противорѣчія между показаніями ея и Анны Баумгартенъ.

3) По показанію свидѣтеля коллежскаго регистратора Проснякова, Моника Лигнугарисъ, во время производства имъ дознанія, 11-го декабря 1892 года сама безъ всякаго напоминанія ей о примѣтахъ верхняго платья Ольги М—ой, сказала, что у послѣдней была коричневая кофта съ широкими рукавами, которую она подарила кому-то, не находившемуся во время дознанія въ С.-Петербургѣ.

На основаніи вышеизложеннаго, жена отставного штабсъ-ротмистра Ольга Федорова М—ва, 34 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что въ періодъ времени между 8 и 16 ноября 1892 года въ г. С.-Петербургѣ, въ домѣ № 13, по Дмитровскому переулку, тайно похитила у жены дворянина Маріи Ивановой Елагиной брошку, стоющую 450 рублей.

Означенное преступленіе, предусмотрѣно 3 ч. 1655 ст. улож. о наказ.

Особенный интересъ въ публикѣ обыкновенно возбуждаютъ такія дѣла, въ которыхъ прокуроръ и защитникъ между собою діаметрально расходятся, когда одинъ не сом-

нѣвается въ виновности, а другой не сомнѣвается въ невинности подсудимаго. Таково именно и настоящее дѣло. Для меня, напримѣръ, совершенно ясно, что г-жа М—ва никакой брошки у Елагиной не похищала. А затѣмъ, вопросъ о томъ, кто-же собственно укралъ эту брошку — меня нисколько не интересуетъ. Это вопросъ дѣйствительно важный, но только не для меня, а для полиціи и для обвиненія. Но полиція и обвиненіе его совсѣмъ не выяснили. И вотъ, я собственно защищаю М—ву не столько отъ обвиненія въ кражѣ, сколько отъ подозрѣнія въ томъ, будто ея личность мѣшала преслѣдующей власти видѣть въ этомъ дѣлѣ иного виновника, кромѣ нея одной. Нѣтъ! На это подозрѣніе мы смѣло возражаемъ, что тѣ двѣ улики, которыя были сочтены сыскною полиціею за неопровержимыя доказательства виновности М—ой, совершенно ничтожны для каждаго осторожнаго ума, не ослѣпленнаго вѣрою въ свою непогрѣшимость.

Было всего-на-всего два обстоятельства: сходство лица и сходство почерка. М—ва походила на даму, продававшую украденную брошку; ея почеркъ походилъ на почеркъ записки, оставленной дамою въ магазинѣ. Будемъ справедливы. Скажемъ, что *для одного подозрѣнія* этого, пожалуй, было уже довольно. Но тутъ-же и слѣдуетъ запомнить: *только для подозрѣнія*, но ужъ никакъ не для скороспѣлаго рѣшенія: взять съ неповинной женщины деньги для уплаты ювелиру за воровъ и для признанія этого случая справедливо и безповоротно разрѣшеннымъ разъ навсегда. Это ужъ было слишкомъ...

Дѣйствительно, до поры до времени все основывалось только на сходствѣ. Что значитъ сходство? Я понимаю, что напримѣръ въ Петербургѣ, выходя изъ концерта во время сильнаго дождя и не найдя своихъ калошъ, можно удовольствоваться *подходящими*, сходными калошами, которыя вамъ предлагаетъ измученный и затормошившійся швейцаръ. Но можно ли отдать подъ судъ *подходящаго* виновника вмѣсто *настоящаго*?.. А вѣдь у полиціи была въ ту пору только подходящая, но далеко еще не настоящая виновница кражи!

Остановимся на сходствѣ личности. Если въ ювелирный магазинъ на Невскомъ проспектѣ, куда ежедневно входитъ множество дамъ, войдетъ какая-нибудь дама средней комплекціи и среднихъ лѣтъ, подъ вуалеткой, и останется въ магазинѣ около четверти часа, то возможно-ли, чтобы ювелиръ впослѣдствіи призналъ такую даму среди всякихъ другихъ дамъ, почти черезъ мѣсяцъ, *безошибочно?* Полагаю, что это довольно мудрено. Затѣмъ, таинственная дама, приходившая къ Лутугину, имѣла, между прочимъ, двѣ примѣты: 1) коричневую кофточку, довольно длинную, съ широкими рукавами, опушенную мѣхомъ или перьями и 2) акцентъ, „вродѣ малороссійскаго“. Первая примѣта, то есть, примѣта по кофточкѣ, пожалуй гораздо болѣе рѣзкая, чѣмъ вторая, потому что кофточка была не ординарная, имѣющая своихъ три отдѣльныхъ примѣты: цвѣтъ, фасонъ и отдѣлку. Но акцентъ „вродѣ малороссійскаго“ можетъ обозначать только провинціалку вообще, потому что всѣ уроженки Петербурга отличаются отъ провинціалокъ совершенно безцвѣтнымъ говоромъ. Опредѣлить-же изъ какой именно провинціи дама: изъ Бѣлоруссіи, съ Литвы, изъ Малороссіи или съ Кавказа—въ этомъ вопросѣ уже не разберешься. Однако-же, примѣта по кофточкѣ совсѣмъ и окончательно не подошла къ М—ой: у нея никогда подобной кофточки не бывало и позаимствовать подобную кофточку ей было не у кого. Что-же касается акцента, то вѣдь по акценту подошла къ неизвѣстной и другая дама изъ знакомыхъ Елагиной.

Сходство наружности М—ой съ незнакомкою опять таки ничтожно. Ювелиру Лутугину показали деревенскую самодѣльную, можно сказать, нелѣпую фотографію г-жи М—ой, въ какомъ-то опухшемъ видѣ, фотографію, въ которой и близкій человѣкъ затруднился-бы узнать ее, и Лутугинъ уже былъ готовъ найти сходство. Показали ему М—ву на вечерѣ у Елагиныхъ, безъ шляпки,—онъ опять соглашается, что похожа. Почему-же и не сказать, что похожа? Вѣдь это не значитъ: та самая. И вся эта улика цѣликомъ уничтожилась, когда черезъ четыре мѣсяца Лутугину показали совсѣмъ другую даму, и онъ точно также заявилъ, что и

эта дама годится въ продавщицы брошки, и что онъ рѣшительнымъ образомъ ни ту, ни другую не выбираетъ...

Таковы данныя о сходствѣ личности.

И кто же бы осмѣлился сказать, что при такихъ данныхъ, никакая ошибка въ выборѣ именно г-жи М—ой, какъ виновницы, невозможна?

Еще ничтожнѣе улика по сходству почерковъ. Въ экспертизу *сходства* почерковъ я никогда не вѣрилъ—ни въ чистописательную, ни въ фотографическую, потому что признаніе сходства почерковъ есть рѣшительно дѣло вкуса. Мнѣ кажется, что почеркъ похожъ, а другому что—нѣтъ, и мы оба правы. Я иногда получалъ письма отъ неизвѣстныхъ мнѣ людей, которыя мнѣ казались написанными моей собственной рукою. Совсѣмъ иное *разница почерковъ*, поддѣлка печати: вотъ тутъ, *если не чистописаніе, то во всякомъ* случаѣ фотографія могутъ быть очень полезны, во первыхъ потому, что *разница*, по своей природѣ, легче поддается опредѣленію нежели *сходство*; а во-вторыхъ, потому что, при увеличеніи посредствомъ фотографіи, несовпаденіе, напримѣръ, снимковъ печатей—дѣлается настолько очевиднымъ, что спорить о подложности спорнаго оттиска дѣлается уже невозможнымъ.

Что-же мы встрѣчаемъ здѣсь? Нашли сходными наклонъ письма и нѣсколько буквъ. А между тѣмъ, если взглянуть на записку по-просту, безъ затѣй, то выйдетъ, почеркъ, рѣшительно неизвѣстно кому принадлежащій. Вѣдь возможны два предположенія относительно дѣйствительной продавщицы брошки: или она писала своимъ натуральнымъ почеркомъ, въ убѣжденіи, что ее никто никогда не найдетъ—и тогда этотъ почеркъ до смѣшного чуждъ писанію г-жи М—ой; или же продавщица рѣзко измѣняла свой почеркъ—и тогда: *первое*, къ чему прибѣгла-бы всякая женщина, измѣняющая свою руку—она измѣнила-бы обычный наклонъ своихъ буквъ: пишущая косо начала-бы писать стоймя и наоборотъ; ибо рѣшительно нѣтъ другого болѣе вѣрнаго пріема отдѣлаться отъ своей руки. Но въ такомъ случаѣ, опять таки выходитъ, что, еслибы спорную записку писала М—ва, то она могла допустить всякое иное сход-

ство со своею рукою, кромѣ одного,—то есть общаго наклона буквъ—и потому не могла бы начертать подобной записки своимъ обычнымъ наклономъ письма.

Если же въ настоящемъ дѣлѣ эксперты вторили обвиненію, то произошло это по очень простой причинѣ: они давали свое заключеніе вдоволь начитавшись объ уликахъ. Власть подсознаго чтенія на нашу мысль можетъ быть безгранична: благодаря ей, весьма легко увидишь то, чего никогда не бывало. Въ такомъ случаѣ экспертъ попадаетъ въ рабство къ своему собственному предустановленному взгляду, который затѣмъ помыкаетъ имъ точно такъ же, какъ принцъ Гамлетъ помыкалъ министромъ Полоніемъ. Принцъ говоритъ: видишь это облако? Точно верблюдъ. Министръ отвѣчаетъ: клянусь, совершенный верблюдъ.—Или хорекъ!—Спина, какъ у хорька...—Или какъ у кита?—Совершенный китъ!

То же самое и здѣсь.

А между тѣмъ, чей именно почеркъ на запискѣ все-таки остается неизвѣстнымъ.

Есть еще одно психологическое соображеніе, окончательно уничтожающее эту экспертизу. Когда г-жа М—ва, неудовлетворенная помилованіемъ сыскной полиціи, пожелала сама вновь поднять это дѣло и явилась къ адвокату, то, главнымъ образомъ, она домогалась, чтобы онъ объяснилъ ей: можетъ-ли экспертиза безошибочно и научно опредѣлить на судѣ—ея рукою или чужою написана записка въ магазинѣ Лутугина, или-же этотъ вопросъ и на судѣ останется въ зависимости отъ случайнаго мнѣнія сличающихъ, которые снова могутъ оставить хотя-бы тѣнь подозрѣнія на ней, М—ой? Адвокатъ отвѣтилъ (г. Брафманъ слѣпо вѣруетъ въ фотографическую экспертизу)—что рѣшеніе экспертовъ будетъ точное и безспорное. Тогда г-жа М—ва съ радостью взялась за дѣло возстановленія своей чести. Было-ли бы это возможно, еслибы къ Лутугинской запискѣ прикасалась ея собственная рука?—Нѣтъ! Тогда, конечно, она-бы поняла опасность; она-бы нашла предлогъ замедлить возбужденіе жалобы. Но если, услыхавъ этотъ отвѣтъ, она сразу рѣшилась, то дѣло ясно: на Лутугинской запискѣ нѣтъ ея почерка.

Я знаю такой случай. Въ одномъ уѣздномъ городѣ была совершена кража со взломомъ. Похититель разбилъ окно и, оцарапавшись, оставилъ на стеклѣ слѣды крови. Становой приставъ заподозрилъ въ этомъ преступленіи одного воришку, неоднократно уже судившагося за кражи, и еще болѣе убѣдился въ его виновности, когда нашелъ у него оцарапанные пальцы. Другихъ уликъ не было, и обвиняемый запирался. Но догадливый полицейскій прибѣгъ къ такой хитрости. Онъ показалъ обвиняемому обломки стекла съ запекшеюся кровью и сказалъ: „А это что?—Видишь эту кровь,—такъ вотъ, мы позовемъ доктора, и онъ скажетъ намъ: твоя она или чужая?“—Тогда обвиняемый упалъ приставу въ ноги и сознался.—И хотя здѣсь мы видимъ особенную наивность и невѣжество обвиняемаго, но случай этотъ показываетъ, какъ вообще виновные роковымъ образомъ суевѣрно относятся къ экспертизѣ. Для г-жи М—ой вопросъ о всемогуществѣ фотографической экспертизы въ распознаваніи почерка былъ также теменъ, какъ вопросъ о всемогуществѣ врача въ распознаваніи крови на стеклѣ былъ теменъ для того воришки. Но тамъ угроза экспертизою привела къ сознанію, а здѣсь—къ немедленному протесту о невиновности.

Итакъ, сходство лица и почерка принадлежатъ къ самымъ легковѣснымъ и самымъ несерьезнымъ доказательствамъ.

Далѣе мы имѣемъ уже не улики, а сплетни Елагинской прислуги и розсказни самихъ Елагиныхъ. Я не могу иначе называть всѣхъ этихъ показаній. Дѣйствительно, какую цѣну можно придавать разсказамъ горничной и мамки о томъ, будто въ періодъ отъ 8 до 16 ноября 1892 г., то есть, какъ-разъ когда пропала брошка, М—ва дважды заходила къ Елагинымъ въ отсутствіи хозяевъ и въ первый разъ, была одна въ спальной, а во второй—разспрашивала кормилицу, „не тужитъ-ли о чемъ-нибудь барыня?“. Достаточно сказать, что объ эти свидѣтельницы впервые показывали въ концѣ февраля 1893 года о томъ, что случилось въ ноябрѣ 1892 г., то есть почти черезъ четыре мѣсяца. Я думаю, что даже черезъ три недѣли послѣ какого нибудь дня уже

нельзя съ увѣренностью вспомнить на той или другой недѣлѣ онъ приходился; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ это уже положительно невозможно. И если горничная или мамка ошиблись недѣлею, то всѣ ихъ объясненія никуда не годятся. Въ этой ошибкѣ (и не на одну, а на цѣлыхъ двѣ недѣли) и заключается разгадка этой нелѣпой путаницы. Г-жа М—ва, дѣйствительно, была у Елагиныхъ, въ ихъ отсутствіи, и дѣйствительно, узнавъ о болѣзни ребенка, разспрашивала кормилицу, тревожится-ли барыня, но все это было *до* кражи брошки. И это всего лучше подтверждается признаніемъ самой Елагиной; Елагина, уличенная М—ми, согласилась, что за нѣсколько дней до М—го обѣда, бывшаго 16 ноября, она дѣйствительно съ ними встрѣтилась на Владимірской и упрекала, что они очень давно у нея не были, что было-бы совершенно невозможно, если бы въ теченіе недѣли между 8 и 16 ноября М—ва дважды заходила къ Елагиной, о чемъ прислуга неминуемо должна была ей сообщить.

Вспомните, затѣмъ, розсказни Елагиныхъ насчетъ прошлаго М—ой, т. е. насчетъ того, будто-бы она была вообще небрежна къ чужой собственности. Это доказывалось тѣмъ, что М—ва якобы присвоила: старую ситцевую юбку Елагиной, настолько дрянную, что въ нее заворачивали мясо, платокъ, данный для прикрытія клѣтки съ попугаемъ, и порванную, никуда негодную соломенную шляпку! Всѣ эти присвоенія случились въ деревнѣ у матери Елагиной, куда М—ву зазывали самыми нѣжными письмами даже на слѣдующее лѣто послѣ этихъ мнимыхъ присвоеній, и гдѣ, дѣйствительно, М—ва, разъѣзжая по пыльнымъ дорогамъ съ матерью Елагиной, надѣвала старую юбку и шляпку, и откуда ей дали, при отъѣздѣ, сѣрый платокъ для охраненія попугая!.. Даже оффиціальный обвинитель не рѣшился пользоваться такими гадкими извращеніями прежнихъ добрыхъ отношеній между этими людьми для того, чтобы прибавить лишнюю улику противъ М—ой; эти ссылки Елагиныхъ не попали даже въ обвинительный актъ. Но г-жа Елагина, посылавшая прежде М—ой влюбленныя письма, съ подписью „Мурочка“—когда дѣло зашло о ея брошкѣ—

всѣми этими безобразными обвиненіями, какъ купоросомъ, облила свою подругу. Вотъ ужъ, по истинѣ дамская дружба!

И однако-же, г-жа М—ва все-таки никакъ не годится въ похитительницы брошки. Нужно-ли напоминать вамъ, что М—ву въ этомъ дѣлѣ будто нѣкій ангелъ-хранитель защищаетъ на протяженіи цѣлаго дня 16 ноября (день пропажи брошки), ибо цѣлый сонмъ свидѣтелей доказываетъ, что въ этотъ именно день у М—ой былъ обѣдъ, и она съ утра до вечера не отлучалась изъ дому. Даже недоразумѣніе между служанкой Лигнугарисъ и г-жей Баумгартенъ насчетъ 11 часовъ утра этого дня — теперь уже устранились: не могла быть г-жа М—ва въ этотъ день у ювелира Лутугина, никакъ не могла...

Но этого мало. Разнообразнѣйшіе свидѣтели рисуютъ намъ эту женщину, съ полнымъ единодушіемъ, въ такомъ свѣтѣ, что становится совершенно безсмысленнымъ приписать ей такой поступокъ, какъ похищеніе брошки. Эта женщина совсѣмъ не такой „человѣкъ“ (какъ выражаются русскіе интеллигентные люди), чтобы совершить кражу. Не только начальникъ Спб. сыскной полиціи г. Вощининъ, но даже знаменитый парижскій Лекокъ тотчасъ же бы отбросилъ въ сторону всѣ свои остроумныя догадки о виновности М—ой, какъ только-бы онъ узналъ все ея прошлое, всю ея натуру. Есть натуры, къ которымъ никакъ не примѣшаешь обвиненіе въ кражѣ, какъ нельзя смѣшать масло съ водою, натуры отъ которыхъ подобныя обвиненія отскакиваютъ, какъ отрицательное электричество отъ положительнаго. Такова именно М—ва. Она совсѣмъ безкорыстна. Она о деньгахъ всего меньше думаетъ. У нея есть недополученное наслѣдство, о которомъ она даже никогда не справляется. Жила она всегда по средствамъ; никакихъ убыточныхъ вкусовъ не имѣетъ; сама она весьма часто одолжала Елагиныхъ деньгами, но никогда у нихъ не занимала; ни малѣйшаго повода польститься на брошку у нея не было; кокетство ей совершенно чуждо; ея дѣти отъ перваго брака устроены прекрасно и не требуютъ никакихъ расходовъ; ея второй мужъ ей ни въ чемъ не отказываетъ; обольщать кого-нибудь другого она никогда и не помышляла; романовъ у

нея нѣтъ, ни на какія приключенія она неспособна, никакихъ сомнительныхъ дѣлъ въ ея жизни не бывало. Это натура чистая и милая въ самомъ душевномъ смыслѣ этого слова. Ради чего-же, во имя какой логики—мы будемъ чернить этотъ чистый образъ?—Ради великихъ открытій науки чистописанія или еще болѣе великихъ догадокъ сыскной полиціи?..

Отрезвимся-же отъ этихъ бумажныхъ привидѣній! Или еще лучше: вспомнимъ, что мы трактуемъ здѣсь, какъ воровку, женщину, дѣйствительно ни въ чемъ неповинную—и войдемъ въ ея положеніе, пожалѣемъ ее, защитимъ ее, отдадимъ справедливость ея характеру, посѣтуемъ о несовершенствѣ нашихъ слѣдственныхъ порядковъ...

Преслѣдующая власть потому обязана быть осторожною, что всякая власть должна быть благороднѣе тѣхъ, кто ей подвластенъ. Неосторожныя обвиненія поощряютъ низость заурядной публики, которая всегда относится злорадно ко всякой клеветѣ, ко всему, что чернитъ людей. А что средній человѣкъ именно всегда грязно думаетъ о своемъ ближнемъ (и въ этомъ его слѣдуетъ исправлять, а не развращать еще больше)—тому мы видимъ удивительный примѣръ въ нашемъ дѣлѣ.

Елагина подружилась съ М –ою, будучи почти ребенкомъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ между этими женщинами установились настоящія родственныя отношенія: М—ва, можно сказать, была членомъ Елагинской семьи. Свиданія были почти ежедневныя; радости и горе—все дѣлилось вмѣстѣ; вмѣстѣ пировали на свадьбѣ, вмѣстѣ тревожились, когда кто-нибудь былъ боленъ, а когда бывали въ разлукѣ, то постоянно обмѣнивались письмами и записками и подписывались уменьшительными прозвищами. И вдругъ, когда послѣ пропажи брошки, сыщикъ заявилъ Елагиной, что подозрѣніе падаетъ на эту именно М—ву, и что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса Елагиной нужно будетъ предательски позвать М—ву къ себѣ на вечеръ, и показать ее, въ щелочку, тѣмъ лицамъ, которыя будутъ приведены для подглядыванія,—то г-жа Елагина на это согласилась и это устроила...

Понимала-ли Елагина, что она дѣлала! Вѣдь Елагина не принадлежитъ къ полиціи и должна имѣть обыкновенныя человѣческія чувства къ своимъ друзьямъ. Для нея М—ва была не простая подсудимая, не безличный арестантъ за извѣстнымъ номеромъ,—а Ольга Ѳедоровна, теплая душа, всегда дорогая гостья, близкая женщина, одѣвавшая ее къ вѣнцу, няньчившая ея ребенка, жена порядочнаго человѣка, мать двухъ дѣтей... Неужели Елагина не почувствовала сразу, какая пропасть раскрывается передъ ея другомъ, какое великое несчастіе грозитъ ей? Прежде всего, Елагина обязана была не повѣрить возможности подобнаго подозрѣнія, потому что вѣдь отъ дырявой ситцевой юбки, въ которую заворачивали масло, и которая не составляла ровно никакого имущества, сдѣлать громадный скачокъ къ изумрудной брошкѣ и увѣровать въ корысть Ольги Ѳедоровны Елагина, конечно, не могла. Но затѣмъ, если бы молоденькая Елагина, какъ мудрый старецъ, и допускала на минуту превратность всѣхъ земныхъ привязанностей, то все-таки она должна была стать въ тупикъ передъ подобнымъ поступкомъ М—вой! Поступокъ этотъ былъ необъяснимъ; Елагина (если она смутилась и на минуту повѣрила) должна была, по крайней мѣрѣ, предположить какую-нибудь катастрофу въ дѣлахъ М—вой, чтобы допустить ея рѣшимость на такое дѣло. Значитъ, здѣсь было замѣшано какое-то горе близкихъ людей. Необходимо было тотчасъ-же горою вступиться за М—ву передъ полиціей, защитить ее до полной неприкосновенности, отказаться на-отрѣзъ отъ всякаго предательства—и затѣмъ, поспѣшить къ той-же М—вой, объясниться, сказать, что, если все это вызвано временною нуждою, то вѣдь они—свои люди, можно будетъ сосчитаться, можно будетъ загладить, а потомъ, пожалуй, разойтись,—но сдѣлать это просто и достойно, хотя-бы въ благодарность за прежнюю, ничѣмъ незапятнанную дружбу; потому что благодарность къ М—вой за прошлое и чувство привязанности, въ виду этого прошлаго, должны были еще оставаться живыми въ сердцѣ Елагиной, если только у нея было сердце.

Вотъ почему, я повторяю, что легкомысленныя обвиненія

безнравственны. Къ тому-же всякій понимаетъ, что не столько полиція и тюрьмы поддерживаютъ общественный порядокъ, сколько добрыя наши чувства другъ къ другу, терпимость, довѣріе, участіе и человѣчность.

И вотъ—обвиненіе въ кражѣ брошки самымъ нелѣпымъ образомъ ударило въ М—ву, которая, какъ говорится „ни сномъ, ни духомъ“ не была въ этомъ виновна. Начальникъ сыскной полиціи былъ удивленъ, что М—ва не только не винилась, но совершенно прямо смотрѣла ему въ глаза. Онъ даже увидѣлъ въ этомъ нахальство; онъ сказалъ М—вой: „да вы бравируете!“ Предоставляю вамъ судить, кто былъ въ этомъ случаѣ храбрѣе: женщина-ли, виноватая, какъ мы съ вами, и потому самоувѣренная, или ея обличитель, который свои банальныя фантазіи считалъ такою истиною, что передъ ними должна была застыдиться и сложить голову сама невинность...

Понятно, что супруги М—вы не могли помириться съ такого рода домашнимъ прекращеніемъ дѣла въ сыскной полиціи. Они потребовали всесторонняго разслѣдованія дѣла о брошкѣ. Говорятъ: жена осталась этимъ довольна, но ея мужъ, поневолѣ, долженъ былъ такъ поступить, потому что его уволили изъ полиціи, да и впредь бы туда никогда не приняли, такъ какъ при немъ состоитъ неразлучно жена, склонная къ воровству. Неправда! Болѣе всего волновалась сама г-жа М—ва, которая даже укоряла мужа за уплату Лутугину и вообще за его податливость. Наконецъ—въ ту пору, супруги М—вы не могли даже и мечтать, что при новомъ разслѣдованіи, откроются сюрпризы, которые покажутъ во всей его скороспѣлости и безпочвенности первоначальное рѣшеніе негласнаго суда о виновности въ кражѣ М—вой.

Вы слышали и знаете, что нашлась другая личность, въ десять разъ болѣе подходящая (и опять таки — только подходящая) къ роли похитительницы, нежели г-жа М—ва, хотя обвиненію и угодно было возложить эту роль все-таки на г-жу М—ву.

Нашлась другая дама, съ которою совпадаетъ множество признаковъ похитительницы, не подходящихъ къ

М—вой и пополняющихъ все то, чего въ такомъ изобиліи не достаетъ для обвиненія М—вой. А именно: сходство этой дамы съ продавщицею брошки точно также признано Лутугинымъ; акцентъ у этой дамы, точно также, малороссійскій; дама эта точно также принадлежитъ къ знакомымъ Елагиныхъ, и притомъ—менѣе близкимъ, изъ чего и слѣдуетъ, что подобный поступокъ могъ быть для нея менѣе мучительнымъ, чѣмъ для М—вой. Мало того, открылось, что эта дама нуждалась въ деньгахъ и часто занимала у Елагиныхъ; что изъ дома, которымъ завѣдуетъ мужъ этой дамы, безвѣстно скрылась одна подозрительная жиличка по фамиліи Перфильева, т. е. женщина съ той самой фамиліей, которою расписалась неизвѣстная продавщица брошки въ лавкѣ Лутугина; что у этой дамы была кофточка, сходная съ кофточкою продавщицы, и наконецъ, что эта дама получала изъ аптеки Руссова облатки въ точно такой коробочкѣ, въ какой продавщица брошки принесла поличное въ магазинъ Лутугина,—тогда какъ М—ва ни откуда и никоимъ образомъ не могла добыть подобной коробочки...

Довольно, гг. присяжные засѣдатели! Я вовсе не желаю топить эту вторую женщину и даже не хочу произносить ея фамиліи. Говорятъ, что ея почеркъ не похожъ на расписку, оставленную въ магазинѣ Лутугина, или что у нея былъ боленъ корью ребенокъ во время кражи, и она не бывала у Елагиныхъ. На это я возражу—во 1-хъ, что я по принципу, не вѣрю въ экспертизу почерковъ и что, тѣмъ не менѣе, вижу у этой дамы почеркъ рѣзко *стоячаго* типа, такъ, что, измѣняя свою руку, она должна была непремѣнно перейти къ наклонному письму, сразу истребляющему сходство, то есть именно къ тому письму, которымъ начертана расписка, и во 2-хъ, что, такъ какъ за эту даму хватились почти черезъ пять мѣсяцевъ послѣ кражи, то съ увѣренностью говорить о періодѣ, когда былъ боленъ ея ребенокъ уже нельзя. Да я, наконецъ, и не настаиваю на ея виновности; это вовсе не мое дѣло. Я никогда-бы не хотѣлъ повредить ей—и конечно не повредю, но такъ какъ она свободна отъ всякаго горя, то я только привѣтствую

въ ней модель, на которой я могу вамъ ясно показать всю ничтожную близорукость уликъ, навязанныхъ сыскною полиціею г-жѣ М—ой.

Кто-же укралъ брошку?—Повторяю: этотъ вопросъ меня нисколько не интересуетъ. Быть можетъ—полотеры; быть можетъ, брошка даже вовсе не была украдена, и Елагина ее просто потеряла *на балу или въ извощичьей каретѣ*, потому что, если она не помнитъ, куда положила брошку—спрятала въ ящикъ или бросила на комодѣ, то почему-бы *ей кстати уже не забыть и того, нашла-ли она на себѣ* брошку вообще, по возвращеніи съ бала? Вѣдь Елагина была уставши; раздѣвалась, какъ автоматъ, и легко могла *прозѣвать* изчезновеніе брошки. А что брошку продавала дама, такъ это было уже неизбѣжно,—кто-бы ни нашелъ, кто-бы ни укралъ ее,—потому что сбывать женскую принадлежность, не возбуждая подозрѣнія, можетъ только женщина.

За участь М—ой я спокоенъ. Я спокоенъ уже потому, что у васъ постоянно будетъ двоиться въ глазахъ: „М—ва или другая?“—и сколько-бы вы ни сидѣли въ совѣщательной *комнатѣ, изъ этого недоумѣнія* вы не выйдете. Нельзяже вамъ, въ самомъ дѣлѣ, взять двѣ бумажки, написать на нихъ двѣ фамиліи, зажмурить глаза, помочить пальцы—*и если къ пальцу* пристанетъ бумажка съ фамиліей М—ой—обвинить М—ву, а если пристанетъ другая бумажка—оправдать.

Итакъ, вы оправдаете М—ву. Но пусть-же ваше оправданіе сослужитъ и другую службу. Пускай сыскное отдѣленіе хотя немножко *отучится отъ своей прямолинейности*, отъ своей прыти, отъ этой ѣзды въ карьеръ, потому что, хотя со стороны и красиво смотрѣть, какъ ретивый конь *стрѣлою несется отъ Аничкина моста* прямо къ Адмиралтейству, но при этомъ часто бываетъ, что онъ давитъ ни въ чемъ неповинныхъ прохожихъ. Точно также въ этомъ дѣлѣ *сыскное отдѣленіе* придавило и М—ву. Когда вина подсудимаго ясно доказана, тогда мы готовы отдать его въ карающія руки; но когда, какъ здѣсь, обвиненіе основывается на однихъ предположеніяхъ и притомъ очень шат-

кихъ,—тогда, наши лучшіе защитники, то есть судьи, всегда скажутъ тому, кто посягнетъ на свободу М—ой: руки прочь! эта женщина неприкосновенна! Такой приговоръ вы постановите спокойно и достойно, для поддержанія вѣры въ чистоту нравовъ, ибо основное правило, на которомъ должно утверждаться уголовное правосудіе, всегда останется однимъ и тѣмъ-же: довѣріе выше подозрѣнія.

М—ва была оправдана при громкомъ сочувствіи публики.

Дѣло Е. И. Маркова

и редактора „Новаго Времени“

Ѳ. И. Булгакова.

Дѣло Е. И. Маркова и редактора „Новаго Времени“ Ѳ. И. Булгакова.

Обвиненіе въ диффамаціи и оскорбленіи.

Дѣло дворянъ Е. И. Маркова и Ѳ. И. Булгакова, обвинявшихся по 1039 ст. Улож. о нак.

27-го іюля 1893 г., въ № 6253 газеты „Новое Время“ въ фельетонѣ появилась статья Е. Маркова, озаглавленная „Курьезный судебный процессъ. Письмо въ редакцію“. Въ статьѣ этой авторъ въ кратк хъ словахъ излагаетъ сущность разбиравшагося весною того же года въ курскомъ окружномъ судѣ процесса, въ которомъ въ качествѣ подсудимаго фигурировалъ помѣщикъ Щигровскаго уѣзда, обвинявшійся въ поджогѣ собственной риги, съ цѣлью полученія страховой преміи, а въ качествѣ защитника профессоръ Харьковскаго университета Владиміровъ. Содержаніе дѣла передавалось съ точки зрѣнія личныхъ впечатлѣній, автора, присутствовавшаго на процессѣ. Смыслъ письма сводился, главнымъ образомъ, къ указанію несостоятельности уликъ, въ силу которыхъ предъявлялось обвиненіе въ поджогѣ: при оцѣнкѣ уликъ авторъ приходилъ къ убѣжденію, что судебное слѣдствіе разрушило все обвиненіе. „Послѣ единодушныхъ показаній свидѣтелей, говорится въ статьѣ, и публикѣ и суду стало ясно, что дальнѣйшаго процесса быть не можетъ: что авдокатамъ нечего тратить понапрасну своего краснорѣчія, что обвиненный уже и теперь блистательно оправданъ“. Свое личное мнѣніе авторъ приписывалъ и представителю обвинительной власти, и коронному суду, и всѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ. „Товарищъ прокурора, говоритъ авторъ, призналъ свое оффиціальное обвиненіе съ такимъ, какъ мнѣ казалось, тяжелымъ внутреннимъ чувствомъ, что нервы публики страдали за него. Еще болѣе замѣтно было настроеніе членовъ суда, возмущавшихся непостижимою пустотою обвиненія и отсутствіемъ въ немъ всякаго юридическаго содержанія“. По увѣренію корреспондента, присяжные засѣдатели, разумѣется, безъ малѣйшаго раздумья, отвѣ-

тили единогласно на вопросъ суда, что фактъ поджога не доказанъ, и устранили вопросъ о виновности подсудимаго.

Высказывая свое негодованіе по поводу того обстоятельства, что оправданный подсудимый привлекался безъ всякихъ уликъ, Марковъ указывалъ причину такого явленія. Причиною являлась „систематическая предвзятость, съ которою судебный слѣдователь производилъ предварительное слѣдствіе, обнаружившаяся на публичномъ засѣданіи суда". Чтобы подтвердить выгоду, которую подсудимый получитъ отъ поджога, въ актѣ осмотра суд. слѣдователемъ мѣста преступленія размѣры риги были предусмотрительно уменьшены на третью часть, т.-е. вмѣсто дѣйствительной ея длины въ 72 арш., она была показана въ 51 арш. и соотвѣтственно съ этимъ убавлены ширина и высота, такъ-что являлась возможность оцѣнить такую ригу значительно дешевле, чѣмъ она была застрахована. По утвержденію Маркова, онъ бы не повѣрилъ, чтобы въ нашихъ судебныхъ актахъ могли быть допускаемы „подобныя искаженія истины съ цѣлью убѣдить въ винѣ обвиняемаго, если бы самъ лично не присутствовалъ на процессѣ". Стороннему зрителю, сидѣвшему на судѣ, поневолѣ казалось, что онъ слушаетъ не объективный и безпристрастный актъ правосудія, для котораго дорога только истина, а какой-то страстный партійный памфлетъ, стремящійся всякими возможными и невозможными натяжками смѣшать „съ грязью личность подсудимаго и убѣдить всѣхъ въ его преступности". Далѣе указывалось, что подсудимый послѣ оправданія, подавалъ прокурору судебной палаты жалобу на слѣдователя, въ которой говоритъ, что будто бы слѣдователь еще до заарестованія подсудимаго, держалъ съ однимъ врачемъ пари въ томъ, что „засадитъ въ тюрьму, хотя бы только на два часа вышеозначеннаго помѣщика". Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ по адресу слѣдователя: „такимъ образомъ, подобные господа обращаютъ грозное орудіе закона въ пріятельскую забаву и ради выигрыша пари играютъ честью и судьбою людей, во всякомъ случаѣ не менѣе почтенныхъ, чѣмъ они сами".

Въ томъ же № „Нов. Вр." помѣщена была замѣтка отъ редакціи, озаглавленная: „Возмутительное дѣло". Въ ней обращалось вниманіе читателей на корреспонденцію г. Маркова о возмутительномъ поведеніи одного изъ членовъ судебнаго вѣдомства. „Какой-то судебный слѣдователь, на основаніи легкомысленнаго пари съ пріятелемъ, заключаетъ богатаго помѣщика дворянина въ острогъ; обвиненіе поддерживается прокуратурой на судѣ только для очистки совѣсти, какой бы то ни было, „даже слѣдовательской", говорится въ статьѣ. Далѣе указывается на невозможность допустить, чтобы такое положеніе создавалось всякимъ встрѣчнымъ, благодаря тому только, что онъ облеченъ званіемъ судебнаго слѣдователя. „Эти господа, — говоритъ авторъ, — вообще у насъ довольно плохи, а тотъ, о которомъ рѣчь идетъ, не можетъ быть терпимъ на своемъ мѣстѣ ни одного дня". Въ заключеніе, указывается на необходимость создать гарантіи противъ подобныхъ „злоупотребленій" и „издѣвательствъ" надъ личностью русскихъ гражданъ.

Въ жалобѣ, поданной прокурору с.-петербургской судебной палаты и. д. судебнаго слѣдователя 2-го уч. Щигровскаго уѣзда, А. Родиславскій заявилъ, что объ статьи газеты „Новое Время“ имѣютъ въ виду дѣло по обвиненію дворянина П. Хмѣлевскаго въ поджогѣ, что предварительное слѣдствіе производилъ онъ по этому дѣлу, почему не можетъ не признать содержаніе статей позорящимъ его доброе имя и проситъ привлечь къ отвѣтственности какъ автора статей, такъ и редактора газеты „Новое Время“.

г. Булгаковъ на судъ не явился и поручилъ защиту себя прис. повѣр. С. А. Андреевскому, Е. И. Макаровъ защищался самъ.

Защита почти исчерпана тѣми благородными и прекрасными объясненіями, которыя вы сейчасъ выслушали. Но я еще долженъ сказать, что сегодня вы рѣшаете дѣло чрезвычайно важное, потому что жалоба г. Родиславскаго рѣзко ставитъ передъ вами такой вопросъ: возможно ли смѣшивать печатную критику *дѣйствій должностного лица*, хотя бы самую безпощадную, съ посягательствомъ на его *честь и доброе имя*? И возможно ли, подъ этимъ предлогомъ, навсегда зажать ротъ публицистамъ, исходя изъ того положенія, что, если чиновникъ плохо сдѣлалъ свое дѣло, то уже одно разглашеніе его упущеній должно почитаться оскорбленіемъ власти?—Нѣтъ! Съ такимъ взглядомъ невозможно согласиться. Нельзя сливать мундиръ съ человѣкомъ до такой степени, чтобы принимать сукно и нашивки за самую кожу. Нужно все-таки помнить, что это только платье, и что подъ этимъ платьемъ есть живой человѣкъ, который, быть-можетъ, самъ по себѣ прекрасенъ, но который сдѣлался бы еще лучше, еслибы избралъ не такую-то, а какую нибудь другую—форменную или даже просто партикулярную одежду...

Произведенное г. Родиславскимъ слѣдствіе о Хмѣлевскомъ никуда не годится: объ этомъ не можетъ быть спора. Кто искренно любитъ нашъ судъ, тотъ несомнѣнно обязанъ выставлять на показъ передъ обществомъ подобныя произведенія людей, занимающихся важнымъ дѣломъ собиранія матеріаловъ для правосудія. Это необходимо для того, чтобы оградить отъ напрасныхъ страданій многое множество другихъ неповинныхъ обвиняемыхъ, чтобы предостеречь дру-

гихъ судебныхъ слѣдователей отъ такой же опрометчивости и неумѣлости,—для того, наконецъ, чтобы самъ авторъ подобнаго произведенія воочію убѣдился въ своихъ промахахъ и, *по возможности*, посильнѣе и поглубже ихъ почувствовалъ. И я не понимаю, почему г. Родиславскій опустилъ руки передъ первою, вполнѣ заслуженною критикою? Нужно вѣрить въ свое будущее, а не только въ свою непогрѣшимость. Можно еще исправиться и воспользоваться уроками опытнаго наставника...

Но нѣтъ! г. Родиславскій подалъ жалобу на клевету и диффамацію.

Здѣсь нѣтъ, однако, ни клеветы, ни диффамаціи, потому что и то, и другое обвиненіе падаетъ, когда авторъ статьи представляетъ факты и документы, подтверждающіе справедливость напечатаннаго. Это и сдѣлалъ г. Марковъ. Онъ указалъ, на какихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ или письменныхъ объясненіяхъ онъ обосновалъ малѣйшій изъ своихъ упрековъ противъ г. Родиславскаго. Онъ далъ полный отчетъ передъ судомъ и передъ обществомъ. Прослушавъ оправданіе г. Маркова, немыслимо уже и заикаться о томъ, чтобы онъ писалъ о г. Родиславскомъ что-либо *завѣдомо-ложное*. Напротивъ, онъ былъ и остается свято-убѣжденнымъ, что онъ былъ правъ. Если быть придирчивымъ, то во всей этой статьѣ можно развѣ остановиться лишь на тѣхъ строкахъ, гдѣ сказано, что въ актѣ осмотра размѣры риги были „предусмотрительно уменьшены“. Здѣсь какъ бы указывается на умышленный служебный подлогъ со стороны слѣдователя. Но что въ осмотрѣ была рѣзкая неправда—это доказано. Ложь въ официальномъ актѣ есть подлогъ. Осмотръ сдѣланъ съ необъяснимымъ невниманіемъ. Осмотръ ограничивается буквально слѣдующими словами: „судя по обгорѣлому мѣсту, длина риги была 51 аршинъ“—и болѣе ничего. Въ виду неграмотности понятыхъ, актъ подписанъ однимъ слѣдователемъ. Что значитъ это выраженіе „судя“? Кто и какъ судилъ это обгорѣлое мѣсто? Руководствовался ли слѣдователь однимъ глазомѣромъ, однимъ взоромъ, брошеннымъ на темное пятно? Кто и какъ опредѣлилъ крайнія черты этого пространства? Гдѣ сказано, чтобы здѣсь проис-

ходили какія бы то ни было измѣренія? И почему здѣсь упомянута только длина обгорѣлаго мѣста, а не его ширина? Вѣдь это плоскость, а не линія; у плоскости есть два измѣренія, а не одно.—И вдругъ, на судѣ, размѣры риги выростаютъ непознаваемо, сравнительно съ этимъ осмотромъ. Значитъ, въ немъ была фальшь! А если это такъ, то затѣмъ уже всякій свободенъ высказывать свои предположенія о происхожденіи подобной неправды. И все-таки, г. Марковъ предположилъ въ данномъ случаѣ мотивъ односторонности слѣдователя, его предвзятости—мотивъ увлеченія мыслью о виновности, то есть мотивъ непростительнаго служебнаго легкомыслія, а не какихъ-нибудь позорныхъ личныхъ свойствъ г. Родиславскаго, въ родѣ корысти, мести, злобы и т. д.

Затѣмъ, г. Родиславскій видитъ диффамацію въ томъ, что г. Марковъ напечаталъ жалобу на него подсудимаго Хмѣлевскаго, который, послѣ оправданія на судѣ, доносилъ прокурору палаты, что слѣдователь держалъ съ однимъ докторомъ пари, что засадитъ его, Хмѣлевскаго, подъ стражу. Г. Родиславскій говоритъ: „я такого пари не держалъ; это—ложь, которая меня позоритъ, а г. Марковъ ее огласилъ“.

Но существованіе жалобы не ложь, а фактъ. У насъ нигдѣ въ законахъ не содержится запрещенія оглашать въ печати официально подаваемыя на кого-либо жалобы. Это самый заурядный матеріалъ газетной хроники: такой-то ищетъ съ того-то столько-то, такой-то привлекаетъ къ суду такого-то, такой-то принесъ на такого-то жалобу. Рѣшенія суда и начальства составляютъ въ этихъ случаяхъ законную защиту для тѣхъ, на кого заявляются подобныя претензіи, а газета отвѣчаетъ только за вѣрность извѣстій. Въ нашемъ дѣлѣ вѣрность этого извѣстія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вообще я думаю, что, когда судится такой уважаемый писатель и безупречный человѣкъ, какъ г. Евг. Марковъ, за обличеніе общественныхъ неправдъ, тогда невозможно относиться къ его статьѣ слишкомъ формально, а нужно читать въ его душѣ и оцѣнивать его намѣренія. Его намѣренія были не только чистыя, но возвышенныя. Онъ

трактовалъ г. Родиславскаго, какъ совершенно ему неизвѣстную и безконечно-малую величину сравнительно съ тою широкою и важною задачею, которую онъ преслѣдовалъ съ увлеченіемъ гражданина, добивающагося для общества лучшихъ порядковъ. Поэтому г. Родиславскій обрисовался въ статьѣ г. Маркова, какъ слѣдователь, который невѣрно понимаетъ свое призваніе и легкомысленно относится къ своимъ обязанностямъ. И все, что сказалъ въ этомъ отношеніи г. Марковъ, есть сущая правда.

Такимъ образомъ, обвиненіе г. Маркова падаетъ. Тѣмъ болѣе падаетъ обвиненіе „Нов. Времени“, которое еще дальше отстоитъ отъ всякой опасности. Газета не могла не довѣрять такому честному и авторитетному писателю; редакторъ былъ готовъ положить руку въ огонь за то, что все, написанное этимъ человѣкомъ, всегда будетъ опираться на достовѣрныхъ обстоятельствахъ, тщательно обслѣдованныхъ. И мы теперь вполнѣ убѣдились, что редакція не ошиблась. Она безъ всякихъ колебаній, помѣстила статью и даже обратила на нее вниманіе своихъ читателей.

За эту особую замѣтку, г. Родиславскій предъявляетъ къ газетѣ и особое обвиненіе, доказывая, что въ замѣткѣ были непочтительные отзывы о немъ, какъ о слѣдователѣ.

Но если газета вѣрила фактамъ, сообщеннымъ г. Марковымъ, то скажите, по совѣсти, могла ли она не напечатать тѣхъ горячихъ строкъ, за которыя она теперь судится? Вѣдь факты были возмутительные,—поэтому и замѣтка носитъ заглавіе: „Возмутительное дѣло“. Газета сочла своимъ долгомъ забить по этому поводу въ набатъ. Но развѣ возможно бить въ набатъ... тихо? Развѣ возможно негодовать... нѣжно! Конечно, здѣсь нуженъ былъ страстный языкъ. Въ иныхъ случаяхъ печать бываетъ обязана, какъ пророкъ, „глаголомъ жечь сердца людей“. И это былъ именно такой случай. Г. Родиславскій находитъ въ этихъ строкахъ неуваженіе къ званію судебнаго слѣдователя. Какое печальное недоразумѣніе! Да здѣсь званіе судебнаго слѣдователя поставлено на такую высоту, до которой дай Богъ когда-нибудь дорости г. Родиславскому! Правда, въ статьѣ жестоко порицаются тѣ, кто недостойно носитъ это званіе.

Но развѣ это—оскорбленіе власти? Въ подобномъ воззрѣніи опять-таки проглядываетъ то же смѣшеніе человѣка съ мундиромъ, о которомъ я уже говорилъ. Конечно, отдѣльное лицо, не соотвѣтствующее своему назначенію, представляется здѣсь въ неблагопріятномъ свѣтѣ; но это неизбѣжно, потому-что такое отдѣльное лицо неминуемо должно упасть глубоко внизъ сравнительно съ тѣмъ высокимъ уровнемъ, на которомъ, по-прежнему, остается его почтенная должность.

Какія же выраженія газеты считаются преступными?—„*Какой-то судебный слѣдователь*“... но редакція должна была такъ сказать, потому-что не знала ни его фамиліи, ни участка.—„*Эти господа вообще у насъ плохи*“... но это голосъ всего общества, всѣ объ этомъ говорятъ, пишутъ и знаютъ.—„*Прокуроръ не отказался отъ обвиненія для очистки совѣсти, если только тутъ можно говорить о совѣсти какой бы то ни было, даже слѣдовательской*“. Мысль понятна: даже совѣсть обыкновеннаго смертнаго не могла бы дозволить того, что было сдѣлано, а совѣсть слѣдовательская должна быть еще болѣе отвѣтственною, въ виду громадной власти этого должностного лица. Наконецъ, особенно оскорбительными считаются слѣдующія строки: „*Можно ли допустить, чтобы такое положеніе создавалось всякимъ встрѣчнымъ, благодаря тому только, что онъ облеченъ званіемъ судебнаго слѣдователя*“? Слова „всякій встрѣчный“ коробятъ г. Родиславскаго. Но обсуждая эту замѣтку, вы должны быть одновременно и судьями, и литературными критиками. Вамъ нужно истолковать побужденіе писателя. Здѣсь публицистъ, очевидно, входитъ въ положеніе того населенія, которое подвластно подобному судебному слѣдователю. Понятно, что никогда не судившійся и безвинный человѣкъ, сталкиваясь впервые съ юношею, который, не внемля никакимъ его оправданіямъ и не имѣя въ рукахъ ровно никакихъ противъ него доказательствъ, прямо сажаетъ его въ тюрьму,—понятно, говорю я, что такой человѣкъ сочтетъ своего преслѣдователя за какую-то стихійную силу, за случайное лицо, неправильно присвоившее себѣ власть, за выходца изъ толпы,—словомъ, за *перваго встрѣчнаго*—другого

выраженія даже подыскать нельзя. Никакими иными словами нельзя вѣрнѣе передать того чувства, которое долженъ испытывать обвиняемый, переносящій на себѣ всѣ непонятныя распоряженія подобнаго слѣдователя. Зато какимъ уваженіемъ къ правосудію и его высокимъ задачамъ проникнуты заключительныя строки статьи!

Какъ хотите, но весь тонъ этой замѣтки „Новаго Времени“ таковъ, что ему невольно сочувствуешь отъ всей души. Да и что же съ нами сталось бы, если бы печать не вмѣшивалась въ подобныя дѣла? Вѣдь неумѣлые исполнители предначертаній правительства такъ вредятъ нашей жизни! И если сама печать отступится, если у насъ нельзя будетъ критиковать должностныхъ лицъ даже за ихъ вполнѣ доказанныя упущенія, тогда всѣ мы на безконечныя времена останемся безпомощными пресмыкающимися.

Я полагаю, что, по закону и совѣсти, „Новое Время“ должно быть оправдано въ этомъ дѣлѣ.

Оба подсудимые оправданы.

Дѣло Е. И. Кедрина.

Дѣло Е. И. Кедрина, обвиняемаго въ клеветѣ.

---

23 гласныхъ С.-Петербургской городской думы обвиняли Е. И. Кедрина въ оклеветаніи ихъ по дѣлу о постройкѣ Троицкаго моста: а) въ разговорѣ съ гласнымъ Александровымъ; б) въ статьѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и в) въ рѣчи, произнесенной въ Думѣ 24 августа 1895 г. Повѣреннымъ всѣхъ обвинителей выступилъ присяжный повѣренный Раппопортъ.

Гг. судьи! Я долженъ выставить предъ вами то взаимное принципіальное непониманіе, которое существуетъ между мною и моимъ противникомъ. Не знаю, какъ это вышло, но только между нашими воззрѣніями на это дѣло образовалось такое же разстояніе, какъ между тѣми временами, когда еще въ миргородскомъ повѣтовомъ судѣ судились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ за оскорбленіе словомъ „гусакъ“—и тою эпохою, когда судъ формальный былъ замѣненъ судомъ совѣсти, когда въ Россіи появились гласность, городское общественное самоуправленіе и прочіе прогрессивные порядки, которыхъ, должно быть, мы до сихъ поръ не понимаемъ, потому что неудержимо возвращаемся къ старому взгляду на вещи.

Дѣйствительно, посмотрите, какъ ставитъ это дѣло обвинитель? Послѣ легкой справки о думскихъ интересахъ и о томъ, что жалобщики защищаются, какъ общественные дѣятели, обвинитель, затѣмъ, весьма быстро понижаетъ тонъ, переходитъ къ личнымъ счетамъ и къ разбору взаимныхъ несогласій между сторонами. Да и въ самой жалобѣ чувствуется какъ бы добродушная досада, что такіе хорошіе

люди между собою поссорились... И вотъ, это-то именно миролюбіе низводитъ все дѣло на степень мелкаго, частнаго спора.

А между тѣмъ, какъ только мы дотронемся до фактовъ дѣла, то открывается нѣчто, совершенно несообразное съ такой идилліей. Оказывается, что Кедринъ и его противники дѣйствительно столкнулись не какъ частныя лица, а какъ *служебные органы одного и того же* общественнаго учрежденія; что гласный Кедринъ, по долгу присяги, указывалъ Думѣ на признаки служебнаго злоупотребленія въ милліонномъ городскомъ подрядѣ, но Дума, въ отвѣтъ на горячіе доводы своего члена, не сказала ни да, ни нѣтъ,—не опровергла заявителя и не оградила тѣхъ, кто могъ быть заподозрѣнъ, т. е. не прибѣгла къ судебной власти для разъясненія этого прискорбнаго и темнаго случая, пятнавшаго всю ея коллективную дѣятельность,—оставила всю эту загадку въ неприкосновенномъ видѣ и предоставила противникамъ, буде они того пожелаютъ, судиться въ окружномъ судѣ... за обиду! И, конечно, все дѣло получило фальшивое направленіе.

Но видано ли гдѣ-нибудь, чтобы общественный дѣятель, *преслѣдовавшій только одно общественное злоупотребленіе*, безъ всякаго указанія на лицъ, его совершившихъ,—судился впослѣдствіи за оклеветаніе тѣхъ людей, которые сами себя заподозрѣли въ совершеніи этого злоупотребленія?! И не ясно ли для васъ, гг. судьи, изъ подобнаго оборота настоящаго дѣла, что нашею жизнью не усвоена еще самая азбука представительныхъ порядковъ? Вѣдь здѣсь мы имѣемъ частичку самоуправленія. Самоуправленіе можетъ держаться лишь въ томъ случаѣ, если оно способно своими внутренними силами отбрасывать отъ себя всѣ пороки, возможные въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ. Поэтому оно неизбѣжно должно само критиковать себя. Для полной и откровенной критики дана гласность. Мало того, самые элементы и органы Думы названы „гласными“, т. е. людьми, которые обязаны громко заявлять обо всемъ, что мѣшаетъ дѣлу идти, какъ слѣдуетъ. И вдругъ, наша Дума, разношерстная, случайная по своему составу, поставленная въ ближайшую связь съ

хитрымъ торгашествомъ,—наша Дума, прежде всего, усваиваетъ совершенно неподходящую къ ея природѣ презумпцію, будто она во всемъ своемъ составѣ непогрѣшима! Такъ, въ засѣданіи 16-го іюля 1895 года, чуть только гласный Кедринъ заикнулся намекнуть на злоупотребленіе въ батиньольскомъ подрядѣ, городской голова тотчасъ же остановилъ его слѣдующими словами:

„Я просилъ бы васъ не уклоняться къ разнымъ *предположеніямъ*, которыя могутъ быть оскорбительны и обидны для кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе для цѣлаго присутствія“.

Я понимаю, что нельзя допускать въ думскихъ преніяхъ личныхъ оскорбленій. Но не допускать указаній на злоупотребленія... Какъ же это? Иное дѣло, напримѣръ, вы, г. предсѣдатель: вы обязаны остановить защитника, позорящаго *непривлеченныхъ къ дѣлу лицъ*. Но здѣсь, въ судѣ, совсѣмъ другія отношенія: вы управители, мы управляемые. А вѣдь тамъ, въ Думѣ—самоуправленіе. Тамъ всѣ равны, всѣ контролируютъ другъ друга. И, однако же, воспрещается даже предполагать что-либо обидное для другого. Тогда: какая же критика возможна? Небрежность, бездѣйствіе власти, растрата, взятки, подлоги исполнительныхъ органовъ Думы—все это обидно. Значитъ, обо всемъ этомъ и говорить нельзя? Вотъ вамъ и самоуправленіе! И на повѣрку выходитъ, что и здѣсь водворяется та же бюрократія, то же отношеніе къ равнымъ, какъ къ подданнымъ, и, подъ предлогомъ совершенно неумѣстной вѣжливости, стѣсняется всякая свобода сужденій о важнѣйшихъ вопросахъ для городского дѣла.

Такимъ образомъ, въ самомъ зачаткѣ настоящаго процесса коренится то недоразумѣніе, что, во взаимныхъ пререканіяхъ по дѣламъ городского хозяйства, гласные Думы находятся въ положеніи не частныхъ, а должностныхъ лицъ. Поэтому заявленіе одного гласнаго Думы, въ ея открытомъ засѣданіи, о злоупотребленіяхъ другихъ гласныхъ есть не обида, а законное и формальное обвиненіе, столь же авторитетное для маленькаго государства Думы, какъ обвиненіе прокурорское, заявляемое въ судѣ, авторитетно для

всего общества. Ни за тѣмъ, ни за другимъ изъ этихъ обвиненій никогда и не предполагается узкой, личной цѣли, потому что первое изъ нихъ всегда дѣлается отъ имени интересовъ города, а второе во имя всего государственнаго строя.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій, посмотримъ, какъ занимался Кедринъ батиньольскимъ дѣломъ.

Подрядъ „Батиньоля“ на постройку Троицкаго моста, отъ самаго своего рожденія, для многихъ казался подозрительнымъ. Гласный Максимовичъ открыто говорилъ въ Думѣ, что дѣятельность первой мостовой комиссіи можно сравнить только съ „игрою въ крапленыя карты“. Такой видный и почтенный человѣкъ, какъ покойный Кази, отказался отъ предсѣдательствованія во второй мостовой комиссіи лишь потому, что никакъ не могъ сломить непонятной для него внѣконкурсности батиньольскаго проекта. Первое же подозрѣніе въ продажной дѣятельности Думы по этому подряду заронилъ въ Кедрина никто другой, какъ самъ городской голова. Въ интимной бесѣдѣ съ Кедринымъ, у себя на дачѣ, голова сказалъ ему, что общество „Батиньоль“ умѣло заинтересовать нѣкоторыхъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ мостовой комиссіи, что городъ Петербургъ переплатилъ этому обществу не менѣе одного милліона, но что онъ, голова, не будетъ въ состояніи ничего сдѣлать, кромѣ подачи отдѣльнаго мнѣнія. Городской голова отказывается отъ такой бесѣды съ Кедринымъ, и мы оставляемъ этотъ отказъ на его совѣсти. Однако же, выборъ между показаніями Кедрина и показаніемъ головы принадлежитъ вамъ. Быть-можетъ, взвѣсивъ дипломатическую роль головы въ столь жгучемъ вопросѣ, вспомнивъ, что голова и гласному Дехтереву говорилъ, что „дѣло съ „Батиньолемъ“ предрѣшено“, — что Кедринъ передавалъ свой разговоръ съ головою свидѣтелю Багницкому задолго до возникновенія настоящаго процесса, что, наконецъ, голова дѣйствительно остался въ меньшинствѣ по вопросу о сдачѣ моста Батиньолю,—быть-можетъ, говорю я, вы и повѣрите Кедрину, какъ я ему вѣрю.

Но дѣло не въ томъ. Такъ или иначе, Кедринъ горячо

заинтересовался батиньольскимъ подрядомъ и занялся его изученіемъ. При ближайшемъ вниманіи, оказалось вполнѣ достаточно матеріаловъ для подозрѣній даже въ самой, такъ сказать, преступной наружности этого дѣла. Прежде всего, этотъ подрядъ, какъ я уже сказалъ, былъ неправильно поставленъ внѣ конкурса. Затѣмъ, Кедринъ увидѣлъ изъ документовъ Думы, что Батиньоль уже было уступилъ городу постройку моста за 5,800,000, и еще обѣщалъ понизить эту плату, но, несмотря на это, соединенное присутствіе платитъ Батиньолю за мостъ 5,870,000, т.-е. на 70 тысячъ больше противъ его собственной цѣны, безъ всякаго объясненія причинъ. Эти причины и здѣсь не были выяснены. Городской голова старался мотивировать приплату 70 тысячъ тѣмъ, что Батиньоль видѣлъ, насколько его проектъ понравился городу и потому возвысилъ цѣну. Но это вовсе не объясненіе. Городъ не имѣлъ никакого права поддаваться безграничному шантажу со стороны Батиньоля. Въ дѣлахъ Думы уже хранилось его обязательство, и городъ имѣлъ полнѣйшую возможность понудить Батиньоля къ его исполненію. Эта надбавка, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, была неправильнымъ дѣйствіемъ соединеннаго присутствія. Наконецъ, сравнивъ проектъ Батиньоля съ проектомъ Minor, Кедринъ открылъ нѣчто прямо поразительное. Оказалось, что Minor, дающій городскому мосту на 4,000 кубовъ болѣе каменной кладки противъ Батиньоля, проситъ за мостъ почти ту же цѣну, какъ и Батиньоль. А 4,000 кубовъ каменной кладки, по цѣнѣ, принятой комиссіей, составляютъ разницу въ строительныхъ издержкахъ между этими двумя проектами не болѣе, не менѣе, какъ *1,800,000 р.!* Итакъ, городъ переплачиваетъ Батиньолю болѣе полутора милліоновъ... Какимъ образомъ? За что?—Непостижимо.

Всѣ эти необъяснимыя льготы, выпавшія на долю батиньольскаго проекта, уже сами по себѣ составляли то, что мы называемъ внѣшними признаками преступленія. Это то же самое, что трупъ съ проломаннымъ черепомъ. Когда мы видимъ такой человѣческій трупъ, то, конечно, мы допускаемъ, что покойникъ, быть-можетъ, и самъ расшибся,

или что поврежденія нанесены ему послѣ смерти, но первое и самое естественное предположеніе все-таки—въ пользу убійства. Поэтому хоронить подобный трупъ, безъ вскрытія и разслѣдованія, нельзя. Такъ и здѣсь. Каждый добросовѣстный представитель города обязанъ былъ возбудить сомнѣніе Думы насчетъ законности столь подозрительнаго подряда: схоронить своихъ подозрѣній подъ спудомъ онъ не могъ.

Итакъ, вы видите, насколько логично складывалось искреннее убѣжденіе Кедрина въ нечистотѣ батиньольскаго дѣла. Отъ „нечистоты дѣла“ прямой переходъ къ взяткѣ. Конечно, взятка неуловима. Впрочемъ, прежде она жила среди насъ довольно откровенно: во времена Гоголя, на крыльцѣ присутственныхъ мѣстъ ежедневно оставались слѣды приношеній, растерянныхъ по неосторожности просителей. Но съ тѣхъ поръ взятку пристыдили, и она спряталась. Гранитное крыльцо нашей Думы стоитъ у всѣхъ на виду, съ своими голыми, чистыми ступенями. Но взятка и въ нее проникла, въ усовершенствованной формѣ, не оставляющей никакихъ слѣдовъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ наше самое либеральное время, петербургская Дума была уличена въ томъ, что ея распоряженія покупаются промессами. Значитъ, почему же — и даже тѣмъ болѣе—нельзя было предположить этого теперь? Притомъ, какъ нарочно, соединенное присутствіе Думы, отдавшее постройку моста Батиньолю, заключало въ себѣ значительный элементъ стародумской партіи, которую нашъ популярный писатель и въ то же время гласный Думы, Н. А. Лейкинъ, охарактеризовалъ здѣсь тѣмъ, что „она плотно группировалась путемъ посула и раздачи платныхъ мѣстъ въ городскомъ самоуправленіи“,—т. е. группировалась тоже путемъ взятки, но такой патріархальной, что всѣ къ ней приглядѣлись и уже начали смѣшивать ее съ обычаемъ. Вы знаете, какъ успѣшно боролся Кедринъ съ этими нравами... Далѣе, объ отдѣльныхъ лицахъ этого присутствія Кедринъ собралъ справки насчетъ ихъ прежней неблаговидной дѣятельности. Хотя эти справки не имѣютъ, по мнѣнію суда, прямого отношенія къ дѣлу и не вполнѣ оформлены, но

содержаніе ихъ не отрицается моимъ противникомъ, а неблаговидность указанныхъ Кедринымъ дѣяній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Благодаря всему этому, подозрѣнія Кедрина возрастали. Онъ слышалъ вокругъ себя намеки на взятку въ мостовомъ дѣлѣ и молву о ней. Наконецъ, свидѣтель Петровскій прямо сообщилъ Кедрину, что повѣренный Батиньоля, комиссіонеръ Вахтеръ, нисколько не скрываясь, говорилъ ему, что за батиньольскій проектъ придется заплатить большія суммы покровителямъ этого дѣла и даже назвалъ инженера Смирнова, которому обѣщано 2% вознагражденія со стоимости подряда.

Здѣсь укоряли Кедрина въ томъ, что онъ легкомысленно положился на слова Петровскаго—тѣмъ болѣе, что Петровскій былъ своего рода конкурентомъ Батиньоля по путиловскому и брянскому проектамъ моста. Но вѣдь Кедринъ не покровительствовалъ этимъ проектамъ, не проводилъ ихъ въ Думѣ и не дружилъ съ г. Петровскимъ. Для Кедрина важнѣе всего было то, что г. Петровскій, занимающій очень видное положеніе въ Петербургѣ, независимый по своему богатству, принятый во всѣхъ слояхъ общества, что такой человѣкъ, за своею личною отвѣтственностью, сообщаетъ ему такое опредѣленное и въ высшей степени важное свѣдѣніе. Для Кедрина было необходимо только удостовѣриться: не отопрется ли г. Петровскій отъ своихъ словъ, если бы Кедринъ официально, какъ гласный, сослался на него? И вы знаете, что г. Петровскій изъявилъ готовность дать Кедрину собственноручное письмо въ подтвержденіе сказаннаго. Чего же больше?...

Вѣдь далѣе г. Петровскаго Кедрину некуда было идти. Не допрашивать же ему Вахтера. А что Кедринъ не былъ сообщникомъ г. Петровскаго въ какихъ бы то ни было замыслахъ противъ Батиньоля—это видно уже изъ того, что Кедринъ счелъ необходимымъ заручиться письменнымъ документомъ. Если бы они были друзьями, то въ письмѣ не было бы никакой надобности. И когда Кедринъ бралъ въ руки это письмо, то онъ сознавалъ себя законнымъ представителемъ города, исполняющимъ свою прямую обязанность. Онъ бралъ его, какъ слѣдователь или судья, по

долгу службы, въ видахъ разъясненія истины. И напрасно стараются здѣсь уменьшить значеніе этого доказательства. За г. Петровскимъ, въ глазахъ Кедрина, скрывалось цѣлое предварительное слѣдствіе. Да оно такъ и было. Вѣдь вотъ вчера открылось, что разговоръ Вахтера съ Петровскимъ слышалъ и князь Тенишевъ—человѣкъ, еще гораздо болѣе крупный въ Петербургѣ, нежели г. Петровскій. Значитъ, у Кедрина было полное основаніе повѣрить г. Петровскому.

Такова была цѣпь доводовъ, приведшая Кедрина къ убѣжденію въ существованіи подкупа по дѣлу о сдачѣ моста Батиньолю. Въ дѣлахъ съ косвенными уликами, а тѣмъ болѣе въ такомъ, скользящемъ между пальцами, обвиненіи, какъ взяточничество, трудно встрѣтить программу преслѣдованія, болѣе скрѣпленную внутреннею логикою, чѣмъ тѣ доводы, соображенія и факты, которые сгруппировалъ Кедринъ. Конечно, это была только программа. Но вѣдь и Кедринъ—не правительственный прокуроръ, вооруженный обысками и тюрьмою, а только гласный Думы, у котораго, кромѣ горячей ретивости къ общественному дѣлу, никакого другого авторитета не было. И неужели эту сложную и внимательную критическую работу Кедрина по изслѣдованію батиньольскаго подряда возможно, хотя бы въ отдаленнѣйшемъ смыслѣ, сравнивать съ работою клеветника?! Нѣтъ! Общество само себя обокрадетъ, если будетъ держаться подобной точки зрѣнія...

Теперь посмотримъ, какъ Кедринъ обращался со своимъ обвинительнымъ матеріаломъ?

Несмотря на свою репутацію увлекающагося человѣка, Кедринъ поступалъ въ дѣлѣ Батиньоля очень сдержанно. Онъ еще помнитъ упреки! за то, что онъ пересолилъ въ дѣлѣ Пухерта. Но вѣдь тогда увлекся не одинъ Кедринъ, увлеклись и прокуроръ, и слѣдователь; Пухертъ даже въ тюрьмѣ посидѣлъ, и, все-таки, дѣло окончилось „отсутствіемъ состава преступленія“. Поэтому, въ дѣлѣ Батиньоля Кедринъ ограничился только ближайшими цѣлями городского общественнаго управленія, т. е. хозяйственными; онъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, вырвать подрядъ у Батиньоля и тѣмъ спасти городъ отъ милліоннаго убытка.

Съ этою цѣлью партія Кедрина подала въ Думу требованіе объ отобраніи постройки моста отъ Батиньоля, вопреки состоявшемуся постановленію соединеннаго присутствія, т. е. объ отмѣнѣ этого постановленія. Соображенія же и доказательства насчетъ взятки Кедринъ держалъ про запасъ, на случай, если бы защитники Батиньоля слишкомъ укрѣпились въ своей позиціи.

И вотъ, противники по этому знаменитому подряду начали сражаться въ думскомъ засѣданіи 13-го іюля 1895 года. Засѣданіе это затянулось до поздняго времени. Соединенное присутствіе защищалось такими юридическими доводами и такъ упорно отстаивало безповоротность своего рѣшенія, что дѣло еще находилось въ опасности. Но Кедринъ, во все это засѣданіе, ни однимъ словомъ не заикнулся о взяткѣ, хотя письмо Петровскаго уже хрустѣло у него въ карманѣ. Только въ самый послѣдній моментъ преній Кедринъ, повидимому, рѣшился сдѣлать смѣлый шагъ въ слѣдующемъ субботнемъ засѣданіи Думы. Онъ заявилъ, что представитъ въ субботу „новыя доказательства, которыя могутъ освѣтить дѣло съ новой стороны“. Эти слова произвели сенсацію. Поднялся неистовый крикъ. Среди этого крика, Кедринъ сказалъ сидѣвшему рядомъ гласному Александрову, что новыя данныя, о которыхъ онъ намѣренъ говорить, состоятъ въ подкупѣ соединеннаго присутствія обществомъ „Батиньоль“. Гласный Александровъ пессимистически отвѣтилъ Кедрину: „бросьте это дѣло!“ Въ это время гласный Христіанъ Христіановичъ Крюгеръ, замѣтивъ разговаривающихъ, подошелъ къ нимъ, чтобы узнать о чемъ они толкуютъ, и когда узналъ, то посовѣтовалъ Кедрину: „заявите, заявите, а я васъ поддержу“... Тогда только, посмотрѣвъ на Крюгера, Кедринъ призадумался... Да такъ и въ слѣдующемъ засѣданіи не сдѣлалъ своего заявленія.

Теперь спрашивается: какъ слѣдуетъ намъ квалифицировать этотъ разговоръ Кедрина съ Александровымъ? Гласный Лермонтовъ прекрасно опредѣлилъ его значеніе въ слѣдующихъ словахъ: „что говоритъ одинъ гласный другому конфиденціально, то не можетъ быть предметомъ публичнаго обсужденія. Иначе въ нашихъ бесѣдахъ нужна будетъ

такая осторожность, какъ будто въ Думѣ присутствуетъ сыскная полиція". Это совершенно справедливо. Прибавлю отъ себя, что это былъ разговоръ по службѣ,—все равно, какъ еслибы одинъ слѣдователь сообщилъ другому о своемъ намѣреніи привлечь кого-нибудь въ качествѣ обвиняемаго.

Но частный обвинитель считаетъ этотъ разговоръ именно началомъ клеветы и дѣлаетъ отъ него громадный скачокъ прямо къ 10-му августа, на мѣсяцъ впередъ, когда бесѣда Кедрина съ Александровымъ о подкупѣ появилась въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ". Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, будто Кедринъ не только первый заговорилъ о подкупѣ въ интимной бесѣдѣ съ товарищемъ, но и первый огласилъ свое мнѣніе о взяткѣ въ печати. Но это—военная хитрость нашего противника, которую мы сейчасъ разрушимъ. Дѣло происходило какъ разъ наоборотъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи Думы, черезъ три дня послѣ своего разговора, Кедринъ ни слова не сказалъ о подкупѣ; но за то Христіанъ Христіановичъ Крюгеръ, при самомъ открытіи засѣданія, въ присутствіи стенографовъ и репортеровъ, обратился къ Кедрину съ публичнымъ запросомъ насчетъ этого разговора и, такимъ образомъ, несомнѣнно, первый огласилъ и пустилъ въ печать то позорящее для него обстоятельство, на которое онъ теперь жалуется. Онъ первый пропечаталъ о подкупѣ въ Думѣ. И такъ какъ клевета въ печати состоитъ изъ двухъ неразрывныхъ элементовъ, во-первыхъ, изъ позорящаго вымысла, а во-вторыхъ, изъ его распространенія въ печати, то мы имѣемъ въ настоящемъ дѣлѣ тотъ небывалый случай, когда одну половину преступленія совершаетъ подсудимый, а другую—самъ потерпѣвшій.

Въ засѣданіи 16-го іюля, о которомъ мы сейчасъ говорили, партія Кедрина одержала полную побѣду: отдача Троицкаго моста Батиньолю была кассирована со всѣми послѣдствіями. Городъ былъ избавленъ отъ полуторамилліоннаго убытка. Побѣда отрадная. И если кто-нибудь найдетъ эту цифру сбереженія преувеличенною, то мы можемъ представить суду другую цифру, уже безспорную: вчера здѣсь было доложено, что Батиньоль, вмѣсто 5,870,000, предложенныхъ къ уплатѣ ему соединеннымъ присутствіемъ,

теперь согласился построить мостъ за 5,500,000. Вотъ вамъ 370 тысячъ, отвоеванныхъ Кедринымъ—не себѣ въ карманъ, а въ карманъ городу. Что-жъ! И это недурно. За это можно и пострадать.

Итакъ, партія Батиньоля понесла пораженіе. Къ тому же разговоръ о подкупѣ, опубликованный г. Крюгеромъ, не переставалъ волновать публику. Всѣ допытывались у Кедрина, кто подкупленъ, чѣмъ это доказано и т. д. Нигдѣ ему не давали прохода. Газеты постоянно возвращались къ этимъ вопросамъ—и, наконецъ, репортеръ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ г. Багницкій добился интервью съ Кедринымъ и снялъ съ него допросъ. Помѣщеніе этого интервью въ газетѣ считаютъ вторымъ моментомъ клеветы со стороны Кедрина. Но я никакъ не могу догадаться, въ чемъ тутъ клевета? Быть можетъ, эта бесѣда Кедрина съ репортеромъ была невоздержна, съ точки зрѣнія строгой служебной корректности; быть можетъ, она многимъ не понравилась въ виду нашей непривычки къ широкой гласности въ общественныхъ вопросахъ; все это можетъ быть. Мало того, въ этой бесѣдѣ можно видѣть признаки диффамаціи. Но вѣдь здѣсь ни о безтактности Кедрина, ни о диффамаціи мы не говоримъ. Мы говоримъ только о клеветѣ, а клевета есть прежде всего ложь. Но гдѣ же вы видите ложь въ этой газетной замѣткѣ? Въ ней сказано, что Кедринъ дѣйствительно разговаривалъ съ Александровымъ о подкупѣ; что у Кедрина есть письмо о раздачѣ взятокъ; что ему даже называли лицо, получившее взятку. Но развѣ все это вымышлено? Все это, отъ начала до конца, справедливо; все это подтверждено предварительнымъ слѣдствіемъ.

Но когда эта замѣтка появилась, тогда-то 23 гласныхъ и подали свою жалобу на Кедрина, несмотря на то, что все содержаніе интервью было уже давно извѣстно и Думѣ, и публикѣ послѣ отчета о засѣданіи 16-го іюля. Замѣтка „Биржевыхъ Вѣдомостей“ не внесла въ этотъ вопросъ ничего новаго. И эта жалоба 23 гласныхъ замѣчательна тѣмъ, что ранѣе, чѣмъ Кедринъ кого-либо изъ жалобщиковъ назвалъ взяточникомъ, всѣ они вмѣстѣ уже называютъ его клеветникомъ. Они произносятъ противъ Кедрина и первое

ругательство, и первую клевету. И я не знаю, какое изъ этихъ двухъ обвиненій позорнѣе, ибо взяточникъ имѣетъ передъ судомъ, по крайней мѣрѣ, то смягчающее вину обстоятельство, что онъ дѣйствовалъ по преданію, подъ вліяніемъ окружающей среды, а клеветникъ, кромѣ своей природной низости, ничего не можетъ предложить вниманію суда.

Кедринъ встрѣтилъ эту жалобу въ газетахъ ранѣе, чѣмъ увидѣлъ ее въ Думѣ. Онъ вскипѣлъ и въ тотъ-же день, 24-го августа, произнесъ въ Думѣ рѣчь, полную рѣзкихъ оскорбленій для обвинителей. Кедринъ этого нисколько не отрицаетъ, но онъ утверждаетъ, что и въ этой рѣчи никакой клеветы не содержится. И если мы ее спокойно обсудимъ, то должны будемъ съ этимъ согласиться.

Намѣреніе оратора, несмотря на его разгоряченное состояніе, совершенно ясны. Въ рѣчи Кедрина видны три мотива: негодованіе на жалобщиковъ за то, что они называютъ его клеветникомъ; недоумѣніе, почему именно эти 23 гласныхъ изъ всего состава Думы отозвались на его разговоръ о подкупѣ, и, наконецъ, требованіе, чтобы дѣло о подкупѣ было непремѣнно передано въ руки судебной власти. Къ этому конечному результату клонится все предыдущее. Въ началѣ рѣчи Кедринъ спрашиваетъ, почему на слово „подкупъ“ отозвались именно эти люди, и дѣлаетъ совершенно логическое предположеніе, что, вѣроятно, онъ имъ попалъ въ самое сердце, потому что остальные 87 гласныхъ молчатъ. Это—не клевета, а естественный выводъ, который-бы пришелъ въ голову каждому. Далѣе онъ заявляетъ, что среди обвинителей 21 человѣкъ были дважды забаллотированы. И это не клевета, а только непріятное напоминаніе,—грустная, но достовѣрная справка. Затѣмъ идетъ фраза, которая составляетъ драгоцѣннѣйшее оружіе въ рукахъ моего противника: „клеймо взяточничества на васъ наложено, и вы ничѣмъ его не сотрете, потому что населеніе васъ оцѣнило“. Эти три строчки составляютъ вершину обвиненія. Ссылаясь на нихъ, обвинитель чувствуетъ себя настолько удовлетвореннымъ, какъ будто-бы обвинительный приговоръ былъ уже у него въ портфелѣ. Однако-же,

по совѣсти говоря, эта фраза опять-таки не заключаетъ въ себѣ клеветы. Прежде всего, она ужъ никоимъ образомъ не относится къ дѣлу Батиньоля, изъ-за котораго только противники наши и подали въ Думу жалобу на Кедрина. Это ясно изъ того, что здѣсь говорится о клеймѣ взяточничества уже наложенномъ населеніемъ, а населеніе Петербурга еще ни разу не баллотировало противниковъ Кедрина послѣ дѣла Батиньоля. Значитъ, здѣсь подразумѣвается прежняя дѣятельность стародумцевъ, до ихъ столкновенія съ Кедринымъ по батиньольскому подряду. Словомъ, Кедринъ назвалъ въ этомъ случаѣ „взяточничествомъ“ посулы и раздачу платныхъ мѣстъ, практиковавшіеся между всѣми стародумцами. Это обвиненіе Кедрина подтверждено свидѣтелемъ Лейкинымъ, да и сами обвинители наши его не отрицаютъ. Значитъ, это правда, и только самое слово будто слишкомъ сильно для подобныхъ фактовъ. Но это кажется лишь потому, что продажные выборы вкоренились въ думской жизни, вошли въ обычай. Намъ возражали: да, мѣста раздавались, но жалованье было такое незначительное, что изъ-за него никто бы не сталъ кривить душою. Но здѣсь вовсе не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что самымъ избирательнымъ голосомъ немыслимо торговать ни подъ какимъ видомъ, ни за самую малую цѣну. Его нужно подавать только по убѣжденію совѣсти. И кто этого не соблюдаетъ, тотъ принимаетъ подарки по службѣ, т. е. беретъ взятки. По уложенію о наказаніяхъ тутъ всѣ признаки преступленія налицо. И если вмѣсто словъ „клеймо взяточничества“ вы поставите „клеймо посула и раздачи платныхъ мѣстъ“, что разумѣлъ Кедринъ, то и въ этой опаснѣйшей фразѣ не окажется ровно никакой клеветы. Что-же касается виновности кого-либо изъ 23 по дѣлу Батиньоля, то Кедринъ не только никого изъ 23 не обвинялъ во взяткѣ, но прямо заявилъ, что до изслѣдованія дѣла судебною властью онъ даже не считаетъ виновнымъ то лицо, которое ему назвали другіе, ибо только послѣ рѣшенія судебнаго мѣста виновникъ можетъ обнаружиться. Поэтому Кедринъ приглашалъ Думу обратиться къ суду. И это называется клеветою!

Могутъ сказать, что безъ указанія Кедринымъ лица, по-

дозрѣваемаго во взяткѣ, Дума не могла обратиться къ прокурору. Но это лишь мнѣніе головы, а Дума вовсе не обсуждала жалобы 23-хъ. Были, однако же, и другіе способы добиться откровенности отъ Кедрина. Онъ сказалъ, что покажетъ письмо только прокурору, по иниціативѣ Думы, и онъ не такой человѣкъ, который бы отказался отъ своего слова. Городской голова могъ, вмѣстѣ съ Кедринымъ, съѣздить къ прокурору и тамъ, въ его кабинетѣ, Кедринъ, конечно-бы, все высказалъ. Всѣ вмѣстѣ они обсудили бы доводы и доказательства, и, по крайней мѣрѣ, голова и Кедринъ добились бы дознанія. Наконецъ, какія бы юридическія затрудненія ни существовали для того, чтобы заставить Кедрина разговориться, все-таки невозможно, ради удовлетворенія любопытства, обвинять его въ клеветѣ, т. е. въ томъ, чего онъ не дѣлалъ.

Еще упрекаютъ Кедрина въ томъ, что онъ, скрывая подозрительное лицо, названное ему Петровскимъ, игралъ въ мистификацію и напрасно позорилъ остальныхъ. Я думаю, что Кедринъ не имѣлъ никакого права поступать иначе. Въ самомъ дѣлѣ: онъ зналъ, что Вахтеръ назвалъ Петровскому Смирнова, какъ главнаго, но тотъ же Вахтеръ, не называя лицъ, говорилъ, что у него были разные сотрудники. Самъ городской голова держался того мнѣнія, что тутъ были многіе. По какому же праву Кедринъ могъ опозорить одного г. Смирнова? Что бы изъ этого вышло? Имя г. Смирнова попало бы въ стенографическій отчетъ о засѣданіи Думы, а дальше?.. Вѣдь Дума не уполномочена допрашивать г. Петровскаго. И могъ ли Кедринъ ограничивать предѣлы будущаго процесса одною личностью г. Смирнова? А что, какъ Вахтеръ бы разговорился?.. Вѣдь Кедринъ—не государственное правосудіе.

Затѣмъ—это непонятное количество жалобщиковъ! Что дѣлать съ ними Кедрину? Откуда эта присущая всѣмъ имъ способность читать въ чужой душѣ и знать чужія тайны? Почему они ручаются не только за себя, но и за другихъ? Между ними есть добрые люди, всегда готовые расписываться за добросовѣстность своихъ знакомыхъ. Когда они, вмѣстѣ съ прочими, обозвали Кедрина клеветникомъ

и, благодаря своей непрошенной обидчивости, выступили преслѣдовать его, то они поставили Кедрина въ безвыходное положеніе. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ сдѣлать? Какъ и кого могъ онъ выгородить? Напримѣръ, въ ряду обвинителей находится г. Брейтфусъ, котораго бы Кедринъ желалъ отдѣлить отъ прочихъ. Какъ же это сдѣлать, когда самъ Кедринъ не знаетъ, зачѣмъ г. Брейтфусъ, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу Батиньоля, записался въ обвинители? И потомъ, если бы Кедринъ его вычеркнулъ, то сейчасъ всѣ остальные сказали бы: а мы то чѣмъ хуже? И чѣмъ большее число лицъ вычеркивалъ бы Кедринъ, тѣмъ напряженнѣе дѣлалось бы озлобленіе остальныхъ: „значитъ ужъ мы—несомнѣнные виновники?!“ А Кедринъ никого изъ нихъ не обвинялъ... И такъ пришлось бы выпустить всѣхъ до единаго. На это Кедринъ не имѣетъ никакого нравственнаго права.

Послѣ всего сказаннаго, я недоумѣваю, ради чего была подана настоящая жалоба? Развѣ обвинители могли надѣяться, что они докажутъ этимъ путемъ свою правоту? Вѣдь судятъ не ихъ, а Кедрина... Или они разсчитывали, что, подъ угрозою суда, Кедринъ извинится; возьметъ свое подозрѣніе назадъ? Но, во-первыхъ, и это не помогло бы, потому что Кедринъ—не судъ, и снятіе имъ подозрѣнія еще ничего не доказываетъ, а во-вторыхъ, никакія угрозы, ни даже самое наказаніе не отнимутъ у Кедрина убѣжденія, что батиньольское дѣло не чисто. Или же, наконецъ жалобщики впали въ заблужденіе, будто судъ надъ Кедринымъ равносиленъ суду надъ ними? Но каждый юристъ могъ разсѣять ихъ непониманіе. Дѣло въ томъ, что процессы о клеветѣ принадлежатъ къ весьма невѣрнымъ способамъ возстановленія чести. Законъ, правда, предлагаетъ, кому угодно, этотъ способъ огражденія своего имени, какъ онъ предоставляетъ, напримѣръ, требовать денежное вознагражденіе за личную обиду; но все-таки обвиненія въ клеветѣ рѣдко приводятъ къ чему нибудь ясному. Происходитъ это вслѣдствіе того, что само государство не вмѣшивается въ преслѣдованіе лицъ, обвиняемыхъ въ клеветѣ. Поэтому и судебная власть, въ процессахъ частнаго обви-

ненія, остается совершенно пассивною; она сама ровно ничего не ищетъ; она ограничивается тѣмъ, что представляютъ стороны; она вполнѣ равнодушно относится къ свидѣтелямъ, нисколько не интересуясь противорѣчіями и недомолвками въ ихъ показаніяхъ. Поэтому, напримѣръ, главные свидѣтели по настоящему дѣлу гг. Петровскій и Вахтеръ показывали на предварительномъ слѣдствіи, какъ имъ вздумалось. Г. Петровскій весьма прозрачно забывалъ факты, которыхъ онъ никакъ не могъ забыть; г. Вахтеръ безцеремонно отказался назвать лицъ, которымъ онъ платилъ; у г. Кедрина даже не потребовали къ дѣлу важнѣйшей улики, т.-е. письма г. Петровскаго, потому что Кедринъ не хотѣлъ его показывать. Но развѣ бы все это было возможно, если бы дѣло велось такъ, какъ того требовалъ Кедринъ въ Думѣ, т.-е. прокурорскою властью? Понятно, что тогда и Петровскій и Вахтеръ очутились бы въ совсѣмъ иномъ положеніи, чѣмъ теперь. Теперь г. Петровскому нѣтъ никакого смысла являться, такъ сказать, невольнымъ доносчикомъ на лицъ, не привлекаемыхъ къ суду. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: теперь, пожалуй, свалятъ всю вину на него и переложатъ на него обузу судиться съ тѣми же 23-мя, или хотя бы съ однимъ-изъ нихъ! Точно также и Вахтеръ чувствуетъ себя неуязвимымъ: не хочу называть, кому платилъ—и кончено. А вѣдь, будь это прокурорское разслѣдованіе, такъ г. Вахтера заставили бы назвать рѣшительно всѣхъ его сотрудниковъ, перечислить всѣ его издержки, да еще бы, не выпуская его изъ камеры, внезапно, по телефону, вызвали названныхъ имъ лицъ и провѣрили каждую статью его расходовъ. И Богъ вѣсть еще, что бы изъ этого вышло!..

Но нѣкоторые могутъ подумать, что, если бы обвиненіе Кедрина противъ Думы было солидное, то прокурорскій надзоръ, по своей иниціативѣ, вмѣшался бы въ это слѣдствіе. А почемъ мы знаемъ, что прокурорскій надзоръ не вмѣшается? Вѣдь время далеко еще не потеряно... Прокурорскій надзоръ весьма основательно можетъ разсуждать такъ: „пускай они сперва погрызутся въ частномъ спорѣ, а я со стороны посмотрю, есть ли тутъ такія настоящія

улики; съ которыми можно бы было, наконецъ, „атаковать Думу послѣ прежняго неудачнаго приступа“? Впрочемъ, вѣроятно, и теперь прокуратура отчаявается... Но развѣ это опять-таки доказываетъ, что Кедринъ виноватъ? Я увѣренъ, что обвинители государственные, глядя на Кедрина, видятъ въ немъ своего убѣжденнаго собрата, проигравшаго честную битву,—одну изъ тѣхъ, какія случалось и имъ проигрывать, когда они вѣрили въ свое обвиненіе.

Въ концѣ-концовъ, жалоба повѣреннаго частныхъ обвинителей представляется мнѣ своего рода проектомъ моста отъ скандала въ Думѣ—къ уложенію о наказаніяхъ. Но мнѣ кажется, что съ помощью такой постройки эти два берега не могутъ быть соединены, а потому и самый проектъ долженъ быть отвергнутъ. Я не привожу извѣстныхъ вамъ, прекрасныхъ соображеній Правительствующаго Сената по дѣлу Дорна, въ силу которыхъ Сенатъ пришелъ къ заключенію, что устраненіе возможности для общественныхъ представителей, подъ страхомъ обвиненія въ клеветѣ, заявлять предположительныя данныя о злоупотребленіяхъ въ томъ дѣлѣ, которому они служатъ,—было бы равносильно лишенію ихъ средствъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. То же—и здѣсь. Надо сказать правду, что въ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросахъ мы такъ безконечно молчимъ, такъ влюблены въ безмолвіе, что было бы жаль совсѣмъ искоренить даже слабые зачатки протеста и заглушить независимый голосъ такихъ людей, какъ Кедринъ. Неужели обузданіе должно идти такъ далеко, чтобы, даже въ скромномъ дѣлѣ городского хозяйства, никто не могъ высказать того, въ чемъ онъ убѣжденъ по совѣсти, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ высказать?.. Самъ Кедринъ не отрицаетъ, что онъ человѣкъ увлекающійся, кипучій, быть можетъ даже дерзкій, и онъ готовъ бы былъ перенести всевозможныя дисциплинарныя мѣры, направленныя на эти свойства его характера; но мы въ то же время знаемъ, что Кедринъ человѣкъ благородный, полезный и, главное,—честный. А клевета—дѣяніе безчестное, и онъ въ ней не виновенъ.

Окружной Судъ призналъ Кедрина виновнымъ въ клеветѣ въ рѣчи, произнесенной 24 августа 1895 г., и приговорилъ его къ семидневному аресту.

Судебная Палата утвердила приговоръ Суда, но засимъ приговоръ Палаты былъ кассированъ Правительствующимъ Сенатомъ. Въ этой стадіи дѣла стороны помирились.

Дѣло Тальмы.

Дѣло Тальмы.

Убійство генеральши Болдыревой.

Засѣданіе 3-го отдѣленія уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената 13-го января было посвящено разсмотрѣнію кассаціонной жалобы защитниковъ отставного унтеръ-офицера — мѣщанина А. Л. Тальмы, прис. пов. Грушевскаго и помощника прис. пов. Кальмановича на приговоръ пензенскаго окружного суда по обвиненію Тальмы въ убійствѣ и поджогѣ.

Подробный и обстоятельный докладъ сенатора Н. С. Таганцева сводится къ слѣдующему: 28-го марта 1894 г., въ городѣ Пензѣ, въ домѣ полковника Тальмы, произошелъ пожаръ, который вскорѣ потушили и въ тоже время обнаружили убійство генеральши Болдыревой и ея служанки Савиновой, причемъ въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ покойными оказались слѣды грабежа, ясно указывавшіе, что поджогъ совершенъ съ цѣлью скрыть преступленіе. Въ началѣ слѣдствія виновныхъ не было обнаружено, затѣмъ къ дѣлу привлекалось нѣсколько лицъ, но суду преданъ лишь одинъ А. Л. Тальма по обвиненію въ двойномъ преумышленномъ убійствѣ съ ограбленіемъ и въ поджогѣ съ цѣлью скрыть слѣды въ этомъ преступленіи.

Дѣло разсматривалось въ пензенскомъ окружномъ судѣ съ 24-го сентября по 2-е октября прошлаго года, и признанный присяжными засѣдателями виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, Тальма приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ.

На этотъ приговоръ принесена кассаціонная жалоба, въ которой защита ходатайствуетъ объ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, приговора суда и самого преданія суду. Прежде всего и главнымъ образомъ указывается на то, что обвинительный актъ, утвержденный саратовской судебной палатою, основанъ на недостаточныхъ данныхъ, что предварительное слѣдствіе вложило въ дѣло много излишествъ, собравъ матеріалъ, не относящійся къ событію преступленія, который не только затемнилъ дѣло, но, вмѣстѣ съ симъ, былъ направленъ къ тому, чтобы

личность подсудимаго выставить въ весьма непривлекательномъ видѣ. Такъ, не довольствуясь метрическимъ свидѣтельствомъ о законности рожденія, судебный слѣдователь занялся разслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи Тальмы и занесъ въ протоколы показанія свидѣтелей, основанныя на слухахъ о томъ, что А. Л. Тальма прижитъ полковникомъ въ ужасномъ кровосмѣшеніи съ родною матерью, и эти показанія были оглашены на судѣ по требованію прокурора. Не взирая на формальные документы о прекрасномъ поведеніи подсудимаго, на судѣ было оглашено показаніе Боржима о томъ, что Тальма былъ удаленъ изъ полка за разгульную и развратную жизнь. Указывая на прежнюю судимость Тальмы, слѣдователь заносилъ въ протоколы показанія свидѣтелей о томъ, что Тальма проявлялъ разнаго рода жестокости, подстрѣливалъ людей и убивалъ ихъ желѣзной перчаткой; предварительное слѣдствіе не задумалось устанавливать факты алчныхъ мотивовъ Тальмы къ вступленію въ бракъ и даже нанесенія имъ побоевъ женѣ — обстоятельствъ, не имѣющихъ и самаго отдаленнаго отношенія къ дѣлу. Въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ къ дѣлу пріобщены переписка и частное письмо подсудимаго къ своей воспитательницѣ о томъ, что судъ въ Кобринѣ, за нѣсколько дней до посылки письма, приговорилъ къ каторгѣ какихъ-то разбойниковъ, скрывшихъ слѣды своего преступленія поджогомъ жертвъ своихъ. Этимъ старались намѣтить, что форма сокрытія слѣдовъ путемъ поджога давно была извѣстна Тальмѣ. Въ обвинительный актъ занесено письмо Тальмы съ весьма оскорбительными отзывами о жителяхъ города Пензы (изъ коихъ иные вошли въ составъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу его), о которыхъ Тальма выразился, какъ о вертепѣ благовоспитанныхъ людей, находящихся въ родствѣ съ обезьянами и попугаями. Къ дѣлу приложено два кинжала, отобранные у подсудимаго, о которыхъ само предварительное слѣдствіе установило, что они не могли быть орудіемъ преступленія и даже не были отточены, между тѣмъ положивъ эти кинжалы на столъ вещественныхъ доказательствъ, Тальму показали присяжнымъ во внушительномъ видѣ кинжальщика.

То же предварительное слѣдствіе, оставивъ почти не выясненными финансовыя отношенія Болдыревой къ подсудимому, которыя одни только могли служить мотивомъ преступленія, главное свое вниманіе посвятило раскрытію такихъ обстоятельствъ изъ прежней жизни покойной, которыя дѣлаютъ ее презрѣнной и ненавистной каждому слушателю собранныхъ слѣдственною властью фактовъ и слуховъ. Такъ, напримѣръ, говорится, что она была лишена всѣхъ особыхъ правъ за мошенническую сдѣлку, тогда какъ по дѣлу установлено, что приговоръ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, не приведенъ въ исполненіе; собраны сплетни о томъ, какъ дурно она жила съ покойнымъ мужемъ, какъ поддѣлывала ключи къ его денежнымъ ящикамъ, какъ вела себя съ его любовницей, и проч., и проч. Наконецъ, указывается на занятіе ея ростовщичествомъ, что она сводня и т. д.,—все это сдѣлано въ томъ разсчетѣ, чтобы сдѣлать въ-

роятнымъ присвоеніе Болдыревой денегъ Тальмы и обосновать вражду и злобу, какія питалъ будто бы къ ней подсудимый. Этотъ стыдъ и позоръ, которыми покрыли Болдыреву, должны были лечь густою тѣнью на Тальму, бывшаго въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей внукомъ, можетъ быть, сыномъ этой ужасной женщины. Не ограничиваясь и этимъ, ближайшій свидѣтель отношеній подсудимаго къ Болдыревой, наиболѣе заинтересованный въ томъ, чтобы виновники этого ужаснаго убійства были обнаружены, полковникъ А. О. Тальма, поставленъ предварительнымъ слѣдствіемъ прямымъ участникомъ преступленія, и притомъ до такой степени рѣзко, что нѣтъ возможности понять, какимъ образомъ могли оставить его не привлеченнымъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Не пощадили и жены подсудимаго, раскрывъ ея незаконное происхожденіе и обнаруживъ внѣбрачное сожитіе ея съ генераломъ Болдыревымъ. Всею массою перечисленныхъ доказательствъ и многихъ другихъ удалось сдѣлать изъ подсудимаго какого-то отверженца по характеру, кровосмѣсительному происхожденію и родству, окружить его кинжалами и клеветническими слухами, лишить довѣрія его свидѣтелей, сдѣлать вѣроятною его ненависть къ Болдыревой и передать его въ видѣ многократнаго преступника, готоваго на все. Наконецъ, въ обвинительномъ актѣ встрѣчаются искаженія буквальнаго текста цитируемыхъ писемъ, облегчающія полученіе впечатлѣнія въ обвинительномъ смыслѣ.

Съ другой стороны, указывается на неполноту слѣдствія оставленіемъ безъ разслѣдованія многихъ обстоятельствъ дѣла. На первомъ же осмотрѣ двора Тальмы было установлено, что у забора, отдѣляющаго дворъ отъ переулка между флигелями Тальмы и Возницыной, близъ помойной ямы, находился остовъ отъ дрогъ, на передней подушкѣ котораго и на концѣ лѣвой дрожины замѣчается восемь засохшихъ кровяныхъ пятенъ. Анализа этой крови сдѣлано не было, и если бы она оказалась человѣческою, то слѣды ея служили бы прямымъ указаніемъ, что убійцы скрылись черезъ заборъ; мало того—дроги и кровяныя на нихъ пятна совсѣмъ выброшены изъ дѣла и не пріобщены къ списку вещественныхъ доказательствъ. Не изслѣдованъ фактъ, что въ третьемъ часу ночи на усадьбѣ де-Фріу былъ сильный лай собакъ, что отъ забора, отдѣляющаго эту усадьбу отъ монастырскаго сада, была оторвана доска, и у ней замѣченъ слѣдъ большой ноги. Не разслѣдовано показаніе Артемовой, что въ 12-мъ часу ночи убійства она видѣла Савинову съ солдатомъ, дѣвушкою и еще однимъ мужчиною на Поперечно-Покровской улицѣ; это показаніе, ничѣмъ не опровергнутое и совершенно категорическое, не послужило поводомъ даже къ тому, чтобы разыскать этихъ трехъ лицъ, бывшихъ съ Савиновой за нѣсколько часовъ до ея смерти. Не разслѣдованы обстоятельства смерти нѣкоего Коробова и его предсмертное признаніе о томъ, что онъ знаетъ убійцъ Болдыревой и можетъ быть—самъ участникъ преступленія, признаніе, имѣвшее громадное значеніе въ виду дѣйствительнаго проживанія Коробова въ Пензѣ во время совершенія преступленія,—оно было обслѣдовано крайне неполно: ограничились полицейскимъ дознаніемъ и допросомъ нѣсколькихъ свидѣтелей, а затѣмъ объявили Коробова сумасшедшимъ, а разсказъ его—ложнымъ.

Закончивъ этотъ отдѣлъ кассаціонной жалобы, г. докладчикъ счелъ своею обязанностью довести до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, что составители ея въ способахъ изложенія допустили въ трехъ мѣстахъ крайне несоотвѣтствующія выраженія какъ по отношенію къ лицамъ, производившимъ слѣдствіе, такъ и къ тѣмъ судебнымъ учрежденіямъ, которыя разсматривали предварительное слѣдствіе.

Что касается процессуальной стороны дѣла, то въ этомъ отношеніи, прежде всего указывается, на нарушеніе судомъ 549 ст. у. у. с. невозвращеніемъ дѣла въ судебную палату, несмотря на вновь открывшіяся обстоятельства. Нарушены также 626, 612, 629, 687, 801 и др. ст. у. у. с. Когда дѣло назначено было къ слушанію въ первый разъ, то судъ, въ виду неявки свидѣтелей, относительно нѣкоторыхъ постановилъ считать показанія ихъ несущественными и не имѣющими препятствій къ слушанію дѣла, которое, однако, было отложено по другимъ причинамъ; когда же оно было вновь назначено, то показанія всѣхъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и этихъ несущественныхъ, были прочитаны. Свидѣтельницѣ Рѣшетниковой не былъ предъявленъ камзолъ, въ который былъ одѣтъ Тальма въ ночь убійства. Неправильно отказано въ оглашеніи двухъ телеграммъ, полученныхъ подсудимымъ изъ Петербурга отъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя выражали ему свое сожалѣніе о его участи; не прочитано письма отъ члена казанскаго военно-окружного суда Панкратова, отъ оглашенія котораго зависѣла, можетъ быть, судьба обвиняемаго Тальма. Безъ ходатайства сторонъ на судебномъ слѣдствіи оглашены нѣкоторые документы, въ томъ числѣ письмо порнографическаго свойства, и, наконецъ, указывается на погрѣшности предсѣдателя въ его заключительномъ словѣ къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Докладъ сопровождался ссылками на протоколъ судебнаго засѣданія и краткимъ оглашеніемъ документовъ. Это, собственно говоря, не было сухое перечисленіе имѣющихся данныхъ, а живой, талантливый разсказъ, строго основанный на обстоятельствахъ дѣла, которое, во всякомъ случаѣ, займетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ уголовныхъ процессовъ.

Помощникъ прис. пов. Кальмановичъ, ссылаясь на нѣкоторыя рѣшенія Сената, въ дополненіе къ доводамъ жалобы высказалъ лишь нѣсколько соображеній.

Противъ кассаціонной жалобы можетъ быть сдѣлано то общее возраженіе, что она, по преимуществу, старается вовлечь Правительствующій Сенатъ въ существо дѣла. На этомъ вопросѣ я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Какъ-то еще очень давно, въ одномъ изъ первыхъ рѣшеній кассаціоннаго Сената, 5 ст. учрежденія судебныхъ

установленій была случайно цитирована не въ ея точномъ значеніи, а въ приблизительномъ смыслѣ. Но эта недомолвка, сразу не объясненная, съ теченіемъ лѣтъ породила цѣлую традицію, которая вкоренилась въ практикѣ Правительствующаго Сената, какъ незыблемая истина. И какъ только въ кассаціонной жалобѣ подсудимый говорилъ что-либо о своей невиновности, то Правительствующій Сенатъ ограждалъ себя отъ всякаго касательства къ этимъ мѣстамъ жалобы, ссылаясь на 5 ст. учр. суд. установл. Сложилась даже формула: „Правительствующій Сенатъ не входитъ въ существо дѣла". Между тѣмъ, всѣ мы прекрасно знаемъ, что въ дѣйствительности это не такъ, да и 5 ст. учр. суд. уст. говоритъ совсѣмъ другое. Въ ней только сказано, что Правительствующій Сенатъ „*не рѣшаетъ* дѣлъ по существу", но нигдѣ рѣшительно не говорится, чтобы Сенатъ *не входилъ* въ существо дѣла.

Поэтому 5-я ст., по ея точному смыслу, могла бы быть приведена лишь въ тѣхъ случаяхъ, если бы подсудимый въ своей кассаціонной жалобѣ просилъ Правительствующій Сенатъ оправдать его, или, если бы прокуроръ въ своемъ протестѣ просилъ Сенатъ подвергнуть подсудимаго наказанію. Тогда только было бы умѣстно отвѣтить и подсудимому, и прокурору, что, за силою 5 ст., такія домогательства невозможны, потому что Сенатъ не рѣшаетъ дѣлъ по существу.

Но совсѣмъ иное—*рѣшать* дѣла по существу или же *входить*, хотя бы косвенно, въ существо дѣла. Отъ этого послѣдняго побужденія Правительствующій Сенатъ не только не имѣетъ законнаго повода, но едва ли даже имѣетъ человѣческую возможность воздерживаться. Что нѣтъ у Сената *законнаго повода* отъ этого воздерживаться—въ томъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ весьма наглядныхъ соображеній.

Прежде всего, на основаніи 1 п. 919 ст. уст. уг. суд., докладъ дѣла Сенату содержитъ въ себѣ изложеніе *обстоятельствъ дѣла*, относящихся къ предмету жалобы, безъ какого бы то ни было ограниченія относительно свойства этихъ обстоятельствъ—лишь бы только они относились къ предмету жалобы. И мнѣ самому сплошь и рядомъ прихо-

дилось слышать въ докладахъ Сенату подробнѣйшія выдержки изъ обвинительнаго акта, въ которыхъ вполнѣ обрисовывалась степень виновности подсудимаго.

Далѣе, еслибы Сенату вовсе возбранялось входить въ существо дѣла, то, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ было бы постановлено, чтобы и документы предварительнаго слѣдствія не препровождались въ Сенатъ, подобно тому, какъ никакіе документы не передаются въ комнату присяжныхъ. Кромѣ того, еслибы судъ Сената былъ исключительно формальный, то въ 912 ст. было бы указано, *какія* нарушенія могутъ быть признаны *существенными*, и какія нѣтъ. Между тѣмъ, по обоимъ этимъ пунктамъ Правительствующему Сенату предоставлена полная свобода: вы можете сколько угодно читать предварительное слѣдствіе у себя въ совѣщательной комнатѣ, дѣлиться впечатлѣніями, спорить и, такъ сказать, насыщаться цѣликомъ существомъ дѣла. А затѣмъ вы никому не даете отчета и въ томъ, какіе поводы вы находите существенными и какіе маловажными. Какъ же послѣ всего этого не заключить, что существо дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ неминуемо должно вліять на вашу готовность допустить новое разбирательство или оставить приговоръ въ силѣ!

Мало того, посмотрите на самую организацію защиты въ уголовномъ кассаціонномъ Сенатѣ. Вѣдь здѣсь подсудимые вовсе не имѣютъ казеннаго защитника. Они могутъ являться сами или выбирать кого угодно, такъ что, съ точки зрѣнія устава, обычными ходатаями передъ Сенатомъ должны были бы выступать люди изъ простонародья,—большею частью оборванцы, отъ которыхъ требовать юридическихъ объясненій было бы злѣйшею ироніей. Поэтому даже мы, присяжные повѣренные, являясь въ уголовный кассаціонный Сенатъ, перестаемъ быть юристами и должны становиться въ ряды тѣхъ простыхъ челобитчиковъ, обиженныхъ неправосудіемъ, которые стараются доказать высшему судебному учрежденію въ Имперіи, что въ ихъ дѣлѣ пострадала справедливость, что надъ ними нужно назначить новый судъ, что вотъ какіе законы, по крайнему разумѣнію просителей, нарушены, но что не въ нихъ сила, а сила въ не-

правдѣ, ибо, если, повидимому, правда соблюдена, то и крупныя нарушенія будутъ найдены *въ данномъ случаѣ* неважными, а если усматривается возможность ошибки, то и самая малая крупинка переполнитъ чашку вѣсовъ въ пользу пострадавшей стороны, эта чашка перетянетъ,—и тогда дѣло будетъ кассировано.

Вотъ какъ надо разумѣть, по моему глубокому убѣжденію, защиту въ кассаціонномъ Сенатѣ. Мы выступаемъ передъ вами, гг. сенаторы, главнымъ образомъ, для того, чтобы выразить горе подсудимыхъ, чтобы, просто-на-просто, умолять васъ о справедливости. А затѣмъ уже вы, съ законами въ рукахъ, какъ врачи, вооруженные наукою, рѣшаете: поправима ли наша бѣда, возможно ли намъ еще на что-либо надѣяться, или нѣтъ.

Послѣ всего мною сказаннаго, я полагаю, что и жалоба моего товарища, и все то, что онъ сейчасъ представилъ въ ея подкрѣпленіе, должны имѣть важнѣйшее значеніе, именно какъ *импульсъ* къ отмѣнѣ приговора. Ибо при такомъ содержаніи и такой обстановкѣ дѣла, какіе мы встрѣчаемъ въ процессѣ Тальмы, все дѣлается тревожнымъ и существеннымъ для совѣсти каждаго, въ томъ числѣ и для кассаціоннаго судьи.

Обращаясь къ технической сторонѣ кассаціоннаго производства, я вижу одно нарушеніе чрезвычайной важности, даже независимо отъ обстоятельствъ дѣла. Въ рѣшеніи по дѣлу Палемъ Сенатъ, какъ бы тамъ ни было, призналъ свой контроль надъ слѣдствіемъ. Мнѣ помнится образное выраженіе оберъ-прокурора, который находилъ, что все зданіе судебнаго процесса подлежитъ провѣркѣ Сената, и что нельзя ограничиваться крышей или бель-этажемъ, когда порча находится въ фундаментѣ. Мы жалуемся именно на фундаментъ. Нарушеніе, о которомъ я говорю, состоитъ въ небываломъ еще доселѣ пріемѣ, употребленномъ впервые въ настоящемъ дѣлѣ судебнымъ слѣдователемъ и обвинительною камерою,—пріемѣ, состоящемъ въ томъ, что для одного изъ свидѣтелей по дѣлу, ради цѣлей обвиненія, была избрана совершенно особая роль въ процессѣ, не соотвѣтствующая никакому разряду лицъ, допрашиваемыхъ на судѣ по уставу уголовнаго судопроизводства.

Судебные уставы знаютъ только три категоріи лицъ, допрашиваемыхъ на предварительномъ слѣдствіи и судѣ: обвиняемые, свидѣтели и эксперты. Объ экспертахъ распространяться нечего, потому что роль ихъ исключительная, да и не въ каждомъ дѣлѣ они бываютъ. Поэтому остановимся на обвиняемыхъ и свидѣтеляхъ. Въ законѣ весьма рельефно обозначено совершенно противоположное отношеніе судебной власти къ той и другой категоріи этихъ лицъ. Обвиняемому непремѣнно предъявляется вполнѣ формулированное обвиненіе въ опредѣленномъ преступленіи. Свидѣтелю же не только никакихъ обвиненій не предъявляется, но его честь ограждена отъ самой возможности предлагать ему подобные вопросы. Всякое посягательство на его доброе имя должно быть отстранено на судебномъ разбирательствѣ. Свидѣтель даетъ свое показаніе совершенно изолированно отъ всѣхъ другихъ данныхъ дѣла, и если свидѣтель, ранѣе своихъ объясненій, услышитъ чужое показаніе по тому же дѣлу, то онъ уже считается орудіемъ испорченнымъ, непригоднымъ для правосудія. Напротивъ, того, обвиняемый можетъ быть лишь на время допрошенъ въ отсутствіи другихъ лицъ. Но затѣмъ, въ концѣ слѣдствія, всѣ показанія должны быть непремѣнно ему предъявлены или прочитаны, и противъ каждаго изъ нихъ онъ имѣетъ право сдѣлать свои возраженія. Интимная жизнь и прошлое свидѣтеля—неприкосновенны для судебной власти, между тѣмъ какъ привлеченный къ дѣлу обвиняемый долженъ раскрыть передъ слѣдователемъ всѣ свои ящики, долженъ выдать всѣ свои самыя завѣтныя письма и не смѣетъ роптать даже тогда, когда слѣдствіе станетъ искать зачатки его преступленія въ наиболѣе дорогомъ для его сердца дѣтскомъ возрастѣ. Вотъ до какой степени противоположно поставлены эти лица на слѣдствіи.

Строгое соблюденіе этого важнаго различія между обвиняемымъ и свидѣтелемъ настолько существенно, что судебное производство, въ основу котораго было положено сознательное забвеніе этого различія должно быть признано матеріаломъ, не способнымъ привести къ истинѣ, и потому—должно быть уничтожено.

Въ дѣлѣ Тальмы мы встрѣчаемъ яркій примѣръ того, какія пагубныя послѣдствія можетъ повлечь за собой столь существенный порокъ предварительнаго слѣдствія. Обѣ стороны—обвиненіе и защита—должны быть равны, какъ на слѣдствіи, такъ и на судѣ. Но въ нашемъ случаѣ судебный слѣдователь совершенно обезправилъ главнаго показателя со стороны подсудимаго мѣщанина Тальмы, а именно—свидѣтеля полковника Тальму. Онъ обезправилъ полковника Тальму тѣмъ, что обрисовалъ его въ дѣлѣ, какъ подстрекателя къ убійству и укрывателя преступленія, причемъ собралъ всѣ до единой улики, обличающія полковника Тальму въ этихъ злодѣяніяхъ, и тѣмъ не менѣе оставилъ его вовсе не привлеченнымъ къ дѣлу, препоручивъ прокурору доказывать на судѣ виновность привлеченнаго Тальмы—виновностью другого Тальмы, оставленнаго на свободѣ... А судебная палата санкціонировала этотъ пріемъ.

И что же вышло? Полковникъ Тальма, не допрошенный ни по какому обвиненію, понятно, ни въ чемъ и не оправдывался. Подсудимый же Тальма, читая въ обвинительномъ актѣ объ уликахъ противъ полковника Тальмы, конечно, никоимъ образомъ не могъ организовать его защиты путемъ свидѣтельскихъ показаній, во-первыхъ, потому, что только самъ полковникъ Тальма могъ бы обсудить, чѣмъ ему слѣдуетъ оправдываться, предварительно ознакомившись со всѣмъ матеріаломъ обвиненія, а во-вторыхъ — потому, что подобныя оправданія полковника Тальмы неминуемо были бы устранены на судѣ, такъ какъ полковникъ ни въ чемъ не обвинялся.

Положеніе безвыходное!

Намъ скажутъ, что это нисколько не мѣшало правильному разрѣшенію дѣла, ибо мы довольно часто встрѣчаемъ въ уголовныхъ процессахъ, болѣе или менѣе, скомпрометированныхъ свидѣтелей,—напримѣръ, тѣхъ, преслѣдованіе которыхъ было прекращено по тому же самому дѣлу, и что такая же точно роль выпала здѣсь поневолѣ и на долю полковника Тальмы.

Но это возраженіе здѣсь не примѣнимо. Иное дѣло быть только скомпрометированнымъ, а иное дѣло—быть прямо

изобличаемымъ въ преступленіи. А затѣмъ, громадная разница, когда человѣка привлекаютъ, даютъ ему возможность противъ всего возразить и дѣло о немъ прекращаютъ, или же когда отъ него никакихъ оправданій не требуютъ и никакого дѣла о немъ не производятъ. Разница въ томъ, что прекращенное дѣло выключается совсѣмъ изъ обвинительнаго акта, и прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи уже не можетъ усердствовать надъ возбужденіемъ подозрѣнія присяжныхъ противъ освобожденныхъ палатою лицъ.

А здѣсь? Въ обвинительномъ актѣ прямо говорится, что полковникъ Тальма присылалъ подсудимому загадочныя телеграммы передъ самымъ убійствомъ, что онъ скрылъ отъ судебной власти орудіе преступленія, что онъ подстрекалъ Коробова къ ложному принятію вины на себя и т. д. А между тѣмъ, палата и не предала полковника Тальму суду, и не освободила его отъ преслѣдованія, такъ что о виновности этого Тальмы можно было говорить что угодно, не слыша отъ него никакого протеста... И это былъ главный свидѣтель защиты!

Въ состязательномъ процессѣ каждое судебное засѣданіе есть въ сущности поединокъ между обвиненіемъ и защитою. Законъ всячески заботится о томъ, чтобы орудія обѣихъ сторонъ были достойныя и равныя. Но съ чѣмъ же сравнить тотъ слѣдственный пріемъ, благодаря которому самый драгоцѣнный свидѣтель оправданія былъ отнятъ у подсудимаго Тальмы? Этотъ пріемъ можно сравнить только съ тѣмъ, какъ еслибы секунданты одного изъ дерущихся вынули незамѣтнымъ образомъ пули изъ пистолета его противника.

534 ст. уст. уг. суд. предписываетъ судебной палатѣ непремѣнно отдѣлять неправильно-заподозрѣнныхъ отъ явно-изобличенныхъ, и передавать дѣло на судъ въ чистомъ видѣ, съ обличеніемъ опредѣленнаго лица въ опредѣленномъ преступленіи; и эта статья была существенно нарушена судебною палатою.

Судите полковника Тальму рядомъ съ мѣщаниномъ Тальмой или же прекратите дѣло о полковникѣ Тальмѣ—и тогда вычеркните изъ обвинительнаго акта весь матеріалъ, касаю-

щійся преступной дѣятельности этого свидѣтеля. Иного положенія быть не можетъ, ибо теперешняя постановка дѣла всегда и неминуемо должна привести къ абсурду. Полковникъ Тальма ровно ничего не имѣетъ противъ того, чтобы его привлекли къ дѣлу. По крайней мѣрѣ, тогда онъ представитъ оправданія. И онъ, конечно, сможетъ сослаться въ свою защиту на такихъ уважаемыхъ свидѣтелей, которые *заставятъ слѣдственную власть отказаться отъ всякаго уголовнаго злословія насчетъ его личности.*

Развиваемый мною процессуальный вопросъ имѣетъ громадное значеніе для будущей слѣдственной практики. Онъ требуетъ непремѣннаго отвѣта и указаній отъ Правительствующаго Сената. Но, спрашивается, будетъ ли этотъ вопросъ предметомъ вашихъ совѣщаній, а главное: какъ онъ будетъ вами формулированъ? Отъ *постановки вопроса* весьма часто зависитъ и его разрѣшеніе.

Я полагаю, что многіе изъ домогательствъ защиты были бы выиграны, если бы установили такой порядокъ, чтобы программа предстоящихъ разсужденій Правительствующаго Сената вырабатывалась здѣсь же въ публичномъ засѣданіи, и если бы Правительствующій Сенатъ удалялся въ совѣщательную комнату, уже связанный этою программою. Я не фантазирую и не сочиняю никакихъ поправокъ къ закону. Напротивъ, я именно опираюсь на точный законъ, который, по непостижимой причинѣ, остается безъ всякаго примѣненія вотъ уже въ теченіе болѣе 30-ти лѣтъ со дня изданія уставовъ!

Дѣйствительно, въ уставѣ уголовн. судопр. есть законъ, который почему-то остался мертвымъ почти со дня своего рожденія. Есть *цѣлыхъ три статьи,* относящихся именно къ кассаціонному производству, которыя за всю мою память ни разу еще не примѣнялись Правительствующимъ Сенатомъ. А всѣхъ-то статей о кассаціонномъ разбирательствѣ имѣется только *двадцать двѣ,* со включеніемъ сюда четырехъ новыхъ статей, вошедшихъ въ уставъ послѣ 1864 года.

Вотъ эти три статьи, никогда не видѣвшія свѣта Божія:

922. По выслушаніи объясненій сторонъ и заключенія

оберъ-прокурора, докладывающій сенаторъ предлагаетъ проектъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію. По дѣламъ несложнымъ не предлагается проекта вопросовъ.

923. Оберъ-прокуроръ и лица, участвующія въ дѣлѣ, могутъ обратить вниманіе Сената и на другіе, сверхъ предложенныхъ сенаторомъ, вопросы.

924. Окончательно вопросы постановляются Сенатомъ и провозглашаются первоприсутствующимъ.

Итакъ, публичная постановка Правительствующимъ Сенатомъ вопросовъ, опредѣляющихъ программу предстоящихъ его совѣщаній, обязательна для Сената *въ видѣ общаго правила* по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ лишь дѣлъ несложныхъ. Но такъ какъ ни по одному изъ самыхъ сложныхъ дѣлъ, извѣстныхъ всей Россіи, едва ли кто-нибудь запомнитъ постановку Сенатомъ вопросовъ и обсужденіе ихъ сторонами, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что практика, самою силою вещей, предала эти статьи закона окончательному и безвозвратному забвенію.

Тѣмъ не менѣе, этотъ важный и категорическій законъ, составляющій наше драгоцѣнное наслѣдство отъ незабвенныхъ создателей реформы, существуетъ и по сей день. И мы почтительно настаиваемъ на его примѣненіи, хотя бы въ первый разъ послѣ тридцати лѣтъ.

Правительствующій Сенатъ, конечно, не сочтетъ дѣло Тальмы несложнымъ. Достаточно для этого сослаться хотя бы на то, что, вопреки обычаю отдѣленій Сената, гдѣ разсматривается въ одинъ день до 70 дѣлъ, на сегодня назначено къ слушанію лишь одно это дѣло. Значитъ, на точномъ основаніи 922 ст. уст. уголов. суд., долженъ быть выработанъ проектъ вопросовъ по дѣлу Тальмы.

Но такъ какъ мы должны будемъ примѣнять законъ, почти нетронутый, то могутъ возникнуть затрудненія въ самомъ редактированіи вопросовъ. Можетъ явиться сомнѣніе: какъ ихъ писать? По конкретнымъ фактамъ дѣла или въ видѣ общихъ положеній? Мнѣ думается, что вопросы Правительствующаго Сената должны быть излагаемы въ видѣ общихъ положеній, извлекаемыхъ изъ обстоятельствъ дѣла, по примѣру тезисовъ, печатаемыхъ издателями сенатскихъ

разъясненій подъ статьями закона. Поэтому, формулируя защищаемое мною положеніе, я ходатайствую передъ Правительствующимъ Сенатомъ о постановкѣ на свое разрѣшеніе по дѣлу Тальмы, между прочимъ, слѣдующаго вопроса:

„*Можетъ ли судебная палата оставить въ обвинительномъ актѣ цѣлый рядъ уликъ, изобличающихъ одного изъ свидѣтелей по дѣлу въ томъ же преступленіи, за которое судится подсудимый, — не потребовавъ предварительнаго изслѣдованія виновности этого свидѣтеля,—въ тѣхъ видахъ, дабы впослѣдствіи или предать этого свидѣтеля суду совмѣстно съ подсудимымъ, или же дѣло о немъ прекратить, выключивъ изъ обвинительнаго акта весь матеріалъ, касающійся виновности означеннаго свидѣтеля?*“

Такъ или иначе, мы увѣрены, что Правительствующій Сенатъ вынесетъ намъ проектъ вопросовъ по настоящему дѣлу, и тогда, по оглашеніи ихъ, мы еще будемъ имѣть случай представить свои объясненія, на основ. 923 ст. уст. уголов. суд.

Вообще же, въ виду соображеній, высказанныхъ мною въ началѣ, я думаю, что дѣло Тальмы должно побудить Правительствующій Сенатъ къ допущенію вторичнаго разбирательства. Все русское общество осталось въ недоумѣніи передъ приговоромъ, котораго даже не смогъ прочитать рыдавшій отъ волненія старшина присяжныхъ засѣдателей. Никто ничего не понялъ изъ обстоятельнѣйшаго судебнаго отчета. Осталось непоправимое впечатлѣніе о возможности судебной ошибки, а подобная ошибка есть, въ сущности, отрицаніе юстиціи. Осужденіе невиннаго ложится болѣе тяжкимъ упрекомъ на судъ, нежели самыя страшныя желѣзнодорожныя катастрофы—на вѣдомство путей сообщенія, потому что эти катастрофы непоправимы, а для такихъ случаевъ, какъ дѣло Тальмы, есть еще Правительствующій Сенатъ. Притомъ, ссылка въ каторгу сомнительнаго убійцы, казалось бы, не составляетъ никакого пріобрѣтенія для государства... Не лучше ли повременить съ этою мѣрою и успокоить общество, направивъ дѣло къ законному изслѣдованію, по уничтоженіи неправильнаго пре-

данія Тальмы суду, которое никогда и не могло привести къ справедливому рѣшенію.

Поэтому, за нарушеніемъ 534 ст. уст. уг. суд. рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и самое преданіе Тальмы суду подлежитъ отмѣнѣ.

Сенатъ никакого проекта вопросовъ по этому дѣлу не вынесъ и оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

Нѣсколько лѣтъ спустя открылся настоящій убійца Болдыревой.

Дѣло П. М. Зеленки.

Дѣло П. М. Зеленки.

Обстоятельства этого дѣла по обвинительному акту состоятъ въ слѣдующемъ.

У генералъ-маіора Василія Павловича Попова, одного изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ Таврической губерніи, было 2 сына, старшій Юрій и младшій Павелъ. Кромѣ сыновей, жившихъ вмѣстѣ съ отцомъ въ родовомъ имѣніи, Васильево, въ домѣ Попова жила гувернантка его дѣтей и незаконная его дочь Марія. Генералъ Поповъ былъ извѣстенъ за человѣка, обладающаго суровымъ и деспотическимъ характеромъ, требовавшаго отъ всѣхъ окружающихъ безусловнаго повиновенія и подчиненія, такъ что всѣ, проживавшіе въ его домѣ, испытывали въ его присутствіи чувство невольнаго страха и приниженности. Этотъ домашній гнетъ отразился очень замѣтно на характерахъ дѣтей, развивъ въ нихъ преждевременную впечатлительность и нервность; особенно поддалась этому гнету болѣе слабая натура старшаго сына Юрія въ которомъ уже въ юношескомъ возрастѣ бросалась въ глаза крайняя робость, слабость воли, отсутствіе всякой самостоятельности и готовность чрезвычайно легко подчиняться постороннему вліянію. Ю. Поповъ вышелъ изъ Петербургскаго университета, не окончивъ курса, и, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, отправился въ 1888 году въ Парижъ, гдѣ и началъ лечиться отъ нервнаго разстройства въ гидротерапевтическомъ заведеніи доктора Келлера. Въ началѣ осени того же года В. П. Поповъ, проживая въ Вѣнѣ, получилъ отъ одного изъ своихъ служащихъ телеграмму о томъ, что сынъ его, Павелъ, тайно повѣнчался въ Харьковѣ съ дочерью одного изъ управляющихъ его имѣніями. Это извѣстіе глубоко потрясло старика: рѣшивъ во что бы то ни стало разстроить бракъ сына, совершенный безъ его согласія, генералъ Поповъ послалъ въ Россію бывшаго съ нимъ въ Вѣнѣ управляющаго Сѣрикова, приказавъ ему, не жалѣя денегъ, попытаться устроить разводъ сына съ женою. Хлопоты Сѣрикова не привели, однако, ни къ какимъ результатамъ, и

В. П. Поповъ, вернувшись въ Россію, возбудилъ въ Харьковскомъ окружномъ судѣ противъ сына Павла дѣло, по обвиненію его во вступленіи въ бракъ безъ разрѣшенія отца, вслѣдствіе чего окружной судъ, заочнымъ рѣшеніемъ, вступившимъ въ законную силу, приговорилъ Павла Попова, на основаніи ст. 1566 Улож., къ аресту и лишенію права наслѣдовать по закону въ родовомъ и благопріобрѣтенномъ имуществѣ отца.

Генералъ Поповъ былъ до такой степени недоволенъ своевольной женитьбой сына Павла, что запретилъ домашнимъ даже упоминать его имя, а когда въ 1891 году, Павелъ рѣшился пріѣхать въ имѣніе Васильево и, явившись къ отцу, сталъ на колѣняхъ умолять его о прощеніи, то отецъ выгналъ сына и приказалъ передать ему, что, если онъ не разведется съ женою, то онъ его знать не хочетъ. П. Поповъ, въ тотъ же періодъ времени, жилъ въ Петербургѣ и проходилъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, находясь въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ. До генерала Попова доходили иногда слухи о лишеніяхъ, которыя приходилось испытывать Павлу, и въ такія тяжелыя минуты онъ хотя и оказывалъ ему денежную помощь, но при этомъ пересылалъ ему деньги такимъ способомъ, чтобы сынъ не зналъ, отъ кого онъ ихъ получаетъ: всякія попытки близкихъ людей вымолить прощеніе сыну оставались тщетными. Юрій Поповъ, помогая брату изъ своихъ личныхъ средствъ, долженъ былъ скрывать это отъ отца.

Спустя нѣсколько лѣтъ, В. П. Поповъ заболѣлъ чахоткой и въ августѣ 1894 г., почувствовавъ приближеніе смерти, пригласилъ къ себѣ Кронштадтскаго протоіерея о. Іоанна Сергіева. Отецъ Іоаннъ, прибывъ въ имѣніе Васильево, получилъ отъ Павла, находившагося въ то время въ Волынской губ., телеграмму съ просьбою повліять на отца и исходатайствовать ему прощеніе и благословеніе. Съ этою телеграммою о. Іоаннъ отправился къ В. Попову и сталъ уговаривать его простить сына. Больной сначала не соглашался, но, уступая настоятельнымъ увѣщаніямъ о. Іоанна, наконецъ, по словамъ обвинительнаго акта, отвѣтилъ: „благословляю и прощаю, остальное онъ долженъ заслужить“, а на просьбу о. Іоанна удѣлить что-нибудь Павлу и обезпечить его, больной замѣтилъ, что это—его дѣло, и онъ еще подумаетъ объ этомъ *).

На слѣдующій день о. Іоаннъ отправилъ П. Попову телеграмму слѣдующаго содержанія: „просилъ отца вашего, онъ прощаетъ и благославляетъ“.

Черезъ три дня, 30 августа, В. Поповъ скончался.

По разсказамъ свидѣтелей, покойный все время, до начала агоніи, былъ въ полномъ сознаніи и послѣ отъѣзда о. Іоанна еще подписывалъ самъ нѣкоторыя бумаги и телеграммы и потому, если бы

---

*) На судѣ о. Іоаннъ, допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, заявилъ, что В. Поповъ передъ смертью „всецѣло“ простилъ Павла, такъ что, по мнѣнію свидѣтеля, въ это прощеніе вошло и возстановленіе въ наслѣдственныхъ правахъ.

желалъ, то имѣлъ полную возможность выразить въ письменной формѣ дарованное сыну Павлу прощеніе. Такъ какъ письменнаго акта, требуемаго ст. 1566 Улож., въ бумагахъ покойнаго не было найдено, то единственнымъ наслѣдникомъ по закону ко всему имуществу, оставшемуся послѣ смерти В. П. Попова, являлся старшій сынъ его, Юрій, по оцѣнкѣ котораго наслѣдственнаго имущества осталось всего на сумму около 6 милліоновъ рублей. Считая себя нравственно обязаннымъ обезпечить лишеннаго наслѣдства брата Павла, Юрій Поповъ поручилъ прис. пов. Корецкому узнать у брата, какое именно имущество изъ состава наслѣдства онъ желалъ бы получить, чтобы считать себя удовлетвореннымъ и обезпеченнымъ, причемъ уполномочилъ Корецкаго оформить надлежащимъ образомъ это соглашеніе.

Во время переговоровъ о выдѣлѣ П. Поповъ заявилъ Корецкому, что покойный отецъ не успѣлъ выразить въ письменной формѣ дарованное ему прощеніе, и что въ настоящее время онъ считалъ бы себя совершенно удовлетвореннымъ, если бы Юрій выдѣлилъ ему два имѣнія и половину оставшагося послѣ смерти отца наличнаго капитала. Юрій Поповъ безъ всякаго колебанія согласился на просьбу брата, выразивъ это согласіе въ письмѣ, которое и вручилъ Корецкому для передачи Павлу; однако, Павелъ до полученія письма уѣхалъ въ Кронштадтъ къ о. Іоанну, желая подробно выяснить, въ какой именно формѣ выразилъ его покойный отецъ свое прощеніе. По просьбѣ Павла Попова, о. Іоаннъ выдалъ ему свидѣтельство слѣдующаго содержанія: „Симъ удостовѣряю, что отставной ген.-маіоръ В. П. Поповъ въ августѣ сего 1894 г. пригласилъ меня въ свое имѣніе, въ мѣстечкѣ Васильево, Таврической губ., гдѣ, по его желанію, я исповѣдывалъ его 26 августа и причастилъ животворныхъ таинъ. При исповѣди онъ заявилъ мнѣ, что сына своего Павла прощаетъ во всемъ и благословляетъ, и чрезъ это, по моему мнѣнію, онъ возстановилъ его въ правахъ наслѣдства, котораго лишилъ его передъ тѣмъ, во гнѣвѣ своемъ, судебнымъ порядкомъ. По слабости своего здоровья и крайняго изнеможенія онъ не могъ выразить свою волю письменно. Кронштадтскій протоіерей Іоаннъ Сергіевъ, 23-го сентября 1894 года“.

Съ этимъ удостовѣреніемъ П. Поповъ поѣхалъ въ Петербургъ къ повѣренному своему, прис. пов. Шефтелю, который, ознакомившись съ содержаніемъ привезеннаго документа, заявилъ ему, что, хотя въ силу удостовѣренныхъ о. Іоанномъ обстоятельствъ права его на наслѣдство и имѣютъ нѣкоторое основаніе и могутъ быть защищаемы передъ судомъ, но судебный процессъ соединенъ съ рискомъ и неудобствомъ и выгоднѣе окончить дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Во время пребыванія въ Петербургѣ, П. Поповъ получилъ изъ Симферополя телеграмму отъ Корецкаго по поводу начатыхъ переговоромъ о выдѣлѣ, въ отвѣтъ на которую просилъ Корецкаго пріѣхать, для окончательнаго соглашенія въ Москву, куда онъ выѣзжаетъ со своимъ повѣреннымъ Шефтелемъ. Въ Москвѣ были выработаны сообща всѣ условія выдѣла, на которыя

Ю. Поповъ выразилъ телеграммою свое полное согласіе, а 30-го сентября 1894 г. въ Симферополѣ былъ заключенъ, согласно этимъ условіямъ, нотаріальный договоръ между П. Поповымъ и Корецкимъ. Этимъ договоромъ П. Поповъ, отказываясь отъ всякихъ правъ на наслѣдство, обязался въ теченіе трехъ дней заявить окружному суду о своемъ отреченіи. Юрій же Поповъ принималъ на себя обязательство выдать брату своему, Павлу, наличныхъ денегъ 150.000 руб., 2 заемныхъ письма на 360.000 руб., и кромѣ того, переукрѣпить безденежно, по купчимъ крѣпостямъ, имѣнія Караджа и закавказскія. Цѣнность всего имущества, которое Юрій Поповъ обязался по этому договору выдать брату своему Павлу, достигала около милліона руб. 30 сентября 1894 г. П. Поповъ получилъ заемныя письма на сумму 360.000 руб., и тогда же имъ подано было въ Симферопольскій окружной судъ заявленіе объ отреченіи отъ правъ наслѣдства послѣ покойнаго отца, причемъ опредѣленіемъ окружного суда отъ 4-го октября того же года заявленіе это было принято къ свѣдѣнію. Вслѣдъ засимъ, 25-го октября, послѣдовало утвержденіе Ю. Попова въ правахъ наслѣдства, а въ ноябрѣ Корецкій перевелъ П. Попову въ Петербургъ подлежавшіе уплатѣ по документу 150.000 руб. и купчія крѣпости на уступленныя Павлу по тому же договору имѣнія.

Послѣ утвержденія въ правахъ наслѣдства, Ю. Поповъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ вновь поступилъ въ лечебное заведеніе д-ра Келлера, а П. Поповъ, послѣ раздѣла съ братомъ, вернулся въ Петербургъ. Въ первое время послѣ раздѣла П. Поповъ былъ доволенъ сдѣлкою съ братомъ, а потомъ однако заявилъ повѣренному своему Шефтелю, что многіе знакомые указываютъ ему на возможность добиться полученія всей законной доли наслѣдства: но Шефтель заявилъ ему, что въ виду заключеннаго договора съ братомъ, онъ долженъ довольствоваться полученной долей и не предъявлять дальнѣйшихъ требованій.

Въ декабрѣ 1894 г. П. Поповъ случайно встрѣтилъ въ Петербургѣ полковника К. Н. Меранвиля де-Сентъ-Клера, занимавшаго мѣсто старшаго адъютанта штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Меранвиль-де Сентъ-Клеръ, служившій прежде въ Таврическомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи хорошо зналъ семью Поповыхъ, но съ П. Поповымъ встрѣчался въ Потербургѣ очень рѣдко и до послѣдней встрѣчи не видалъ его года полтора. Узнавъ изъ разговора съ Поповымъ о его раздѣлѣ съ братомъ, Меранвиль выразилъ удивленіе, назвалъ поступокъ Ю. Попова несправедливымъ и, намекнувъ на возможность исправить дѣло путемъ подачи прошенія на Высочайшее имя, обѣщалъ зайти къ Попову поговорить по этому поводу и оказать ему свое содѣйствіе. Спустя нѣсколько дней, Меранвиль дѣйствительно явился къ Попову и, указавъ ему на своего хорошаго знакомаго, бывшаго присяжнаго повѣреннаго Зеленко, посовѣтовалъ повидаться съ послѣднимъ, замѣтивъ, что Зеленко выведетъ П. Попова изъ непріятнаго положенія. Слѣдуя совѣту Меранвиля, П. Поповъ отправился черезъ нѣкоторое время, вмѣстѣ съ нимъ, къ Зеленко, который, выслушавъ его, заявилъ, что

онъ можетъ добиться выдѣла половинной части наслѣдства судебнымъ порядкомъ, увѣряя его въ томъ, что отреченіе его отъ своихъ правъ значенія не имѣетъ. Несмотря на это, П. Поповъ категорически отказался начать судебный процессъ съ братомъ и высказалъ желаніе ограничиться подачею прошенія на Высочайшее имя; при этомъ П. Поповъ, по требованію Зеленко, выразилъ готовность выдать ему довѣренность, но подъ непремѣннымъ условіемъ не возбуждать противъ брата Юрія никакого дѣла судебнымъ порядкомъ. Тогда же Зеленко изложилъ П. Попову тѣ условія, на которыхъ онъ готовъ былъ бы взяться за веденіе его дѣла. Поповъ согласился на эти условія. Принимавшій большое и дѣятельное участіе въ переговорахъ, Меранвиль взялъ на себя хлопоты по изготовленію довѣренности и договора о вознагражденіи Зеленко, причемъ эти акты были совершены при его участіи у нотаріуса. Выданною Зеленко довѣренностью П. Поповъ уполномочивалъ его ходатайствовать по всѣмъ его дѣламъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, кромѣ „судебныхъ учрежденій". Сущность обязательства о вознагражденіи сводилась къ слѣдующему: П. Поповъ, довѣривъ Зеленко веденіе дѣла о полученіи имъ законной части наслѣдственнаго имущества, оставшагося послѣ смерти отца, обязался: 1) уплатить Зеленко 10% съ капитала и стоимости недвижимой собственности, которые будутъ получены Поповымъ изъ наслѣдства сверхъ имущества, уступленнаго ему по договору съ братомъ Юріемъ отъ 30-го сентября 1894 г.; 2) если до окончанія веденія этого дѣла Зеленко, Поповъ уничтожитъ выданную ему довѣренность или окончитъ дѣло миромъ „помимо участія и содѣйствія Зеленко и на условіяхъ, установленныхъ безъ его вѣдома и согласія", — то онъ обязанъ уплатить Зеленко 200,000 руб.; 3) въ счетъ вознагражденія, указаннаго въ первомъ пунктѣ, Поповъ уплачиваетъ Зеленко, по мѣрѣ возможности, 10,000 руб. на расходы по веденію дѣла.

Получивъ отъ Попова довѣренность и обязательство, Зеленко, однако, медлилъ составленіемъ прошенія на Высочайшее имя, ссылаясь на то, что еще не всѣ необходимые для этого документы готовы. Въ то же время Поповъ, считая себя обязаннымъ Меранвилю за принятіе участія въ дѣлѣ, предложилъ ему денежное вознагражденіе, отъ котораго Меранвиль сначала отказался, но затѣмъ согласился принять 50,000 руб. „для своихъ бѣдныхъ родственниковъ", вслѣдствіе чего Поповъ выдалъ ему обязательство, безъ срока, на эту сумму въ формѣ письма. Въ концѣ января 1895 г. Меранвиль высказалъ однажды Попову, что онъ могъ бы поѣхать въ Парижъ отъ его имени для переговоровъ съ Ю. Поповымъ, такъ какъ онъ, Меранвиль, желалъ бы, путемъ справедливаго раздѣла наслѣдства между братьями, возстановить репутацію Юрія, будто-бы пошатнувшуюся въ виду перваго, обиднаго для Павла, раздѣла. П. Поповъ колебался принять предложеніе Меранвиля, не желая вести переговоры съ братомъ чрезъ постороннее лицо, но потомъ согласился, и тогда Меранвиль просилъ написать на его имя вѣрительное

письмо, съ которымъ онъ могъ бы обратиться къ Юрію по пріѣздѣ въ Парижъ. Находя необходимымъ посовѣтоваться относительно редакціи этого письма съ Зеленко, Меранвиль отправился къ нему, и текстъ письма былъ выработанъ, по порученію Зеленко, близкимъ его знакомымъ, присяжнымъ повѣреннымъ Рейнботомъ, а затѣмъ исправленъ самимъ Зеленко. Съ Рейнботомъ Зеленко еще въ декабрѣ 1894 г. совѣщался по вопросу о правахъ Попова на наслѣдство, а въ февралѣ обращался къ нему съ вопросомъ, согласится ли онъ съѣздить въ Парижъ, если между братьями Поповыми состоится соглашеніе, и явится надобность таковое оформить, на что Рейнботъ отвѣтилъ утвердительно. Вышеозначенное составленное Рейнботомъ отъ имени П. Попова письмо было переписано, подписано послѣднимъ и вручено Меранвилю. Въ письмѣ этомъ, помѣченномъ 7-мъ февраля 1895 г., П. Поповъ, излагая обстоятельства, сопровождавшія лишеніе его покойнымъ отцомъ правъ на наслѣдство, смерть отца и дарованное имъ прощеніе, высказываетъ увѣренность, что все поведеніе брата Юрія послѣ смерти отца, чуждое надлежащаго родственнаго чувства по отношенію къ нему, Павлу, объясняется нравственнымъ воздѣйствіемъ на него, Юрія, лицъ, окружавшихъ его въ то время, и что только этими недоброжелателями Павла и могли быть продиктованы Юрію условія совершеннаго имъ 30-го сентября 1894 г. выдѣла части наслѣдственнаго имущества. Не имѣя права рисковать матеріальнымъ положеніемъ своей семьи, онъ, Павелъ, не довѣряя случайности исхода судебнаго процесса, вынужденъ былъ согласиться на условія раздѣла, разсчитывая впослѣдствіи объясниться съ братомъ. Не имѣя, однако, возможности ѣхать въ настоящее время къ брату, Павелъ проситъ Меранвиля принять на себя трудъ съѣздить въ Парижъ, повидаться съ братомъ Юріемъ, указать ему, однако не въ формѣ угрозы, на соображенія и заключенія юристовъ о возможности для него, Павла, вести дѣло о полученіи половины наслѣдства судебнымъ порядкомъ и высказать Юрію его желаніе „получить отъ брата не въ подарокъ, а законную долю наслѣдственнаго имущества, которое принадлежитъ ему по законамъ нравственнымъ и юридическимъ“.

Получивъ это письмо, Меранвиль въ началѣ февраля выѣхалъ въ Парижъ. По пріѣздѣ туда, онъ совершенно неожиданно явился въ гидротерапевтическое заведеніе доктора Келлера къ Ю. Попову, который не встрѣчался съ нимъ въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ. По словамъ Юрія Попова, Меранвиль съ первыхъ же словъ заявилъ ему, что пріѣхалъ въ Парижъ спеціально къ нему переговорить по очень важному дѣлу и предупредить о грозящей ему большой непріятности. Такъ какъ Меранвиль настойчиво требовалъ немедленныхъ переговоровъ, то Ю. Поповъ отправился съ нимъ въ одинъ изъ ресторановъ; здѣсь М. предъявилъ Юрію вѣрительное письмо П. Попова отъ 7-го февраля 1895 г. и, ознакомивъ его со значеніемъ своего служебнаго положенія въ Петербургѣ, какъ старшаго адъютанта штаба корпуса жандармовъ, Меранвиль сообщилъ Юрію, будто въ высшихъ административныхъ сферахъ Петербурга

крайне недовольны тѣмъ, что Юрій обидѣлъ брата Павла, не выдѣливъ ему всей законной доли наслѣдства, и будто-бы генералъ-адьютантъ Рихтеръ и начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Мезенцевъ, принимаютъ горячее участіе въ судьбѣ Павла и не одобряютъ въ то же время проживательства Юрія за-границею, такъ какъ всѣ дворянскія имѣнія въ Россіи находятся подъ строгимъ надзоромъ жандармскаго управленія. По увѣренію Меранвиля, П. Поповъ совѣтовался по вопросу о своихъ правахъ на наслѣдство съ лучшими петербургскими юристами, которые пришли къ единогласному заключенію, что договоръ о выдѣлѣ, заключенный братьями 30-го сентября 1894 г., никакого значенія не имѣетъ и не лишаетъ Павла права отыскивать законную долю наслѣдства, почему онъ, Павелъ, и выдалъ довѣренность на веденіе дѣла судебнымъ порядкомъ бывшему присяжному повѣренному Зеленко. Затѣмъ, Меранвиль, упомянувъ о выданномъ П. Поповымъ Зеленко обязательствѣ, заявилъ Юрію, будто-бы онъ присланъ Павломъ предупредить его о томъ, что, если дѣло о раздѣлѣ не будетъ теперь же окончено путемъ мирового соглашенія, и примиреніе между братьями состоится лишь послѣ возбужденія судебнаго процесса, то Зеленко, согласно обязательству П. Попова, будетъ имѣть право взыскивать съ послѣдняго 500,000 руб. неустойки; при этомъ Меранвиль увѣрялъ Юрія, что отказъ его отъ добровольной уступки брату половины всего наслѣдственнаго имущества повлечетъ за собою Высочайшее повелѣніе не только объ отобраніи у него въ пользу Павла слѣдующей послѣднему части наслѣдства, какъ это предрѣшено уже въ Канцеляріи прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя, но и о полной конфискаціи полученнаго имъ, Юріемъ, наслѣдства.

Заявленіе Меранвиля подѣйствовало самымъ удручающимъ образомъ на Ю. Попова, человѣка очень робкаго характера, житейски весьма мало опытнаго и совершенно не свѣдущаго въ юридическихъ вопросахъ. Будучи до крайности возбужденъ услышаннымъ и находясь, по собственному его выраженію—„какъ-бы въ туманѣ“, благодаря разсказу Меранвиля, каждому слову котораго, какъ жандармскаго офицера, онъ вѣрилъ вполнѣ, Ю. Поповъ обратился къ нему съ просьбою дать время обдумать предложеніе. Съ этихъ поръ Меранвиль сталъ ежедневно посѣщать Юрія, продолжая настойчиво требовать выдѣла Павлу части наслѣдства и видя, что Юрій колеблется, заявилъ, что въ случаѣ отказа ему могутъ угрожать серьезныя непріятности, такъ какъ жандармы пользуются громаднымъ вліяніемъ въ Россіи, лично же онъ, Меранвиль, занимаетъ въ Петербургѣ очень видный служебный постъ съ широкими полномочіями и даже разсчитываетъ вскорѣ быть Петербургскимъ градоначальникомъ. Съ цѣлью дать понять Ю. Попову, что и за-границей онъ не можетъ считать себя въ полной безопасности, Меранвиль указалъ ему на свои пріятельскія отношенія къ находившемуся въ Парижѣ чиновнику Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Рачковскому, который, по словамъ Меранвиля, пользуется будто-бы бо́льшимъ вліяніемъ и значеніемъ въ Парижѣ, чѣмъ русскій посолъ.

Переговоры Меранвиля съ Ю. Поповымъ продолжались около двухъ недѣль. Въ теченіе этого времени Ю. Поповъ неоднократно обращался за совѣтами и поддержкою къ своимъ знакомымъ, которые единогласно убѣждали его не соглашаться на требованіе Меранвиля. По словамъ этихъ лицъ, Юрій, котораго они знали за человѣка крайне нервнаго, слабохарактернаго и робкаго, „боящагося даже собственной тѣни",— вообще старался избѣгать всякихъ затрудненій и готовъ былъ, въ такихъ случаяхъ, на самыя крайнія мѣры; теперь, подъ вліяніемъ требованій и угрозъ Меранвиля, Ю. Поповъ казался совершенно подавленнымъ, былъ нервно разстроенъ, взволнованъ. Жалуясь на свое тяжелое нравственное состояніе, вызванное требованіемъ Меранвиля, къ которому Юрій, видимо, былъ очень не расположенъ, онъ высказалъ своимъ знакомымъ въ Парижѣ опасеніе, что его могутъ не только лишить наслѣдства, но и признать психически больнымъ на томъ основаніи, что онъ одно время лечился отъ нервнаго разстройства.

Подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій и угрозъ Меранвиля, въ серьезности и осуществимости коихъ онъ былъ увѣренъ, Юрій Поповъ выразилъ наконецъ согласіе на новый выдѣлъ брату части наслѣдства и телеграфировалъ Павлу Попову, прося его пріѣхать въ Парижъ для переговоровъ. Съ этого времени Меранвиль сталъ сообщать телеграммами о ходѣ дѣла Зеленко и общей ихъ знакомой г-жѣ Лопатиной, которая впослѣдствіи вышла за него за-мужъ. По пріѣздѣ Павла Попова въ Парижъ были выработаны, при участіи Меранвиля, условія договора о новомъ выдѣлѣ Павлу Попову части наслѣдства, при чемъ изготовленіе проекта договора было поручено юрисконсульту россійскаго посольства Барковскому, которому Меранвиль вручилъ письмо Зеленко. Юрій Поповъ хотѣлъ было объяснить Барковскому, почему онъ согласился на заключеніе этого договора, но Меранвиль замялъ этотъ разговоръ. Въ присутствіи Барковскаго, братья Поповы заспорили по поводу договора, при чемъ Юрій заявилъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ давать что-либо Павлу. Проектъ договора былъ изготовленъ въ трехъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ взялъ себѣ Меранвиль. На слѣдующій день, въ Парижъ пріѣхалъ другъ дѣтства Юрія Попова, управлявшій тогда его имѣніями, Эдмундъ Галеа, которому онъ разсказалъ о переживаемыхъ имъ тревогахъ и непріятностяхъ и о предстоящемъ окончательномъ обсужденіи проекта договора, причемъ Юрій Поповъ просилъ Галеа присутствовать при этомъ. Меранвиль, узнавшій о предстоящемъ пріѣздѣ Галеа, старался уже заранѣе подорвать къ нему довѣріе, разсказывая, что онъ имѣетъ право выслать его, какъ скомпрометтированнаго въ политическомъ отношеніи, въ 24 часа изъ Россіи. Когда въ тотъ же день при обсужденіи договора, въ присутствіи Павла Попова, Меранвиля и Галеа, Юрій Поповъ сталъ возражать противъ нѣкоторыхъ его пунктовъ, то Галеа, замѣтивъ неудовольствіе Юрія и зная отъ него, что онъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ по принужденію, предложилъ вызвать въ Парижъ, для обсужденія условій договора, повѣрен-

наго Ю. Попова, Корецкаго, но Меранвиль энергично возсталъ противъ этого предложенія и заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ и П. Поповъ вызовутъ съ своей стороны Зеленко, а между тѣмъ ему, Меранвилю, необходимо возможно скорѣе покончить съ дѣломъ Поповыхъ и спѣшить въ Ниццу. Затѣмъ, въ отвѣтъ на возраженіе Ю. Попова, Меранвиль добавилъ, что хотя онъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ братьевъ по дружбѣ къ нимъ, но въ то же время не слѣдуетъ забывать, что онъ посланъ въ Парижъ для умиротворенія Поповыхъ — „полуофиціально“ генералами Рихтеромъ, Мезенцовымъ и Черевинымъ, которые, въ случаѣ несогласія Ю. Попова, обратятся къ Государю Императору, и тогда послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе объ отобраніи отъ Ю. Попова въ пользу П. Попова—половины наслѣдства. Кромѣ этого, Меранвиль упомянулъ о полной готовности о. Іоанна ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ въ пользу П. Попова и подтвердить, что покойный В. Поповъ предъ смертью простилъ сына. Несмотря на эти угрозы Меранвиля, Ю. и П. Поповы рѣшили вызвать въ Парижъ, для консультаціи, Корецкаго, послѣ чего П. Поповъ ушелъ; за нимъ послѣдовалъ чрезъ нѣкоторое время и Ю. Поповъ съ Галеа, но какъ только они вышли въ корридоръ, Меранвиль окликнулъ изъ своего номера Ю. Попова, попросилъ его вернуться, такъ какъ онъ долженъ сказать ему что-то по секрету. Галеа остался ждать Юрія во дворѣ гостинницы, и, приблизительно, чрезъ часъ времени Юрій, выйдя отъ Меранвиля, сказалъ ему, что все измѣнилось, что Корецкаго они не будутъ вызывать, и договоръ будетъ подписанъ на другой день. На вопросъ пораженнаго этою неожиданностью Галеа, Ю. Поповъ отвѣчалъ, что Меранвиль сталъ вновь угрожать ему гнѣвомъ Государя Императора и убѣждать его этимъ путемъ измѣнить первоначальное свое рѣшеніе. 26 февраля 1895 г. договоръ былъ дѣйствительно подписанъ П. и Ю. Поповыми и, по требованію Юрія, въ качествѣ свидѣтеля,—Меранвилемъ. Затѣмъ, въ присутствіи Меранвиля же, въ россійскомъ генеральномъ консульствѣ, Юріемъ подписаны векселя, которые онъ обязался по договору, выдать П. Попову, послѣ чего, по желанію Юрія, всегда отличавшагося религіозностью, всѣ трое отправились въ русскую церковь, гдѣ и былъ отслуженъ молебенъ. По поводу этого молебна Ю. Поповъ, впослѣдствіи, высказался, что онъ чувствовалъ потребность поблагодарить Господа за то, что окончились, наконецъ, сравнительно благополучно, всѣ пережитыя имъ въ послѣднее время непріятности и треволненія.

Послѣ подписанія договора, Меранвиль сообщилъ Ю. Попову, что будетъ немедленно телеграфировать о благополучномъ исходѣ переговоровъ въ Петербургъ генералъ-адъютанту Рихтеру, съ которымъ онъ, Меранвиль, находится, будто-бы, въ дружескихъ, сердечныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи оказалось, что хотя, 26 февраля, Меранвилемъ дѣйствительно была отправлена телеграмма въ Петербургъ, но не на имя генерала Рихтера, а на имя Зеленко. Телеграмма эта была слѣдующаго содержанія: „Не пріѣзжай, дѣло кончилось очень хорошо, ѣду въ Монако, прибуду Петербургъ 5. Привѣтъ. Константинъ“.

Договоръ, совершенный братьями Поповыми 26 февраля 1895 г., заключалъ въ себѣ такія положенія: В. Поповъ, прощая передъ смертью сына своего Павла, возстановилъ тѣмъ самымъ права его на законную долю наслѣдства, и, П. Поповъ, считая, поэтому, приговоръ Харьковскаго окружного суда не имѣющимъ никакого значенія, находилъ, что за нимъ сохранилось равное съ братомъ его, Юріемъ, право на наслѣдованіе въ отцовскомъ имуществѣ. Ю. Поповъ, въ свою очередь, не входя въ соображеніе юридическаго свойства упомянутаго приговора Харьковскаго окружного суда и понуждаемый единственно нравственнымъ долгомъ исполнить предсмертную волю отца, изъявляетъ готовность учинить съ братомъ раздѣлъ наслѣдства поровну, почему въ окончаніе всѣхъ разсчетовъ по наслѣдству и дальнѣйшихъ взаимныхъ претензій на оное, братья пришли къ миролюбивому соглашенію на слѣдующихъ основаніяхъ: въ дополненіе къ выдѣлу части наслѣдственнаго имущества, произведенному Юріемъ по договору отъ 30 сентября 1894 г., онъ обязуется уплатить брату Павлу еще 1.336.000 руб. слѣдующимъ образомъ: черезъ шесть недѣль послѣ подписанія договора наличными деньгами въ Петербургѣ 200.000 руб.; выдать два векселя—одинъ на 500.000 руб. срокомъ на 9 мѣсяцевъ, другой—594.000 руб. срокомъ на одинъ годъ и 9 мѣсяцевъ, укрѣпить за Павломъ безденежно, по купчимъ крѣпостямъ, также чрезъ 9 мѣсяцевъ, дома въ Симферополѣ въ суммѣ 35.000 руб. и имѣніе Мухолатку, Ялтинскаго уѣзда, въ суммѣ 7.000 руб. Весь расходъ по исполненію договора дѣлится между братьями пополамъ, уплату же гербоваго сбора за самый договоръ П. Поповъ принимаетъ на себя; точное исполненіе договора гарантируется по отношенію къ Юрію неустойкою въ 1.336.000 руб. Павелъ же, въ случаѣ заявленія какихъ-либо новыхъ претензій по наслѣдству, обязанъ возвратить все полученное по этому договору и, сверхъ того, уплатить неустойку въ размѣрѣ 1.000.000 руб.

Послѣ заключенія договора П. Поповъ обратился къ брату съ предложеніемъ вознаградить Меранвиля за участіе его въ дѣлѣ, на что Юрій, замѣтилъ, что считаетъ это неудобнымъ, такъ какъ Меранвиль безпрестанно повторялъ, что принимаетъ участіе въ ихъ дѣлѣ совершенно безкорыстно, какъ должностное лицо, исполняющее служебное порученіе, и что поэтому всякое вознагражденіе имѣло бы, при такихъ условіяхъ, характеръ взятки.

Когда сущность принятыхъ на себя Ю. Поповымъ обязательствъ по парижскому договору стала извѣстна въ Россіи его родственникамъ и близкимъ знакомымъ, то всѣ они были возмущены этимъ, какъ фактомъ вопіющей несправедливости по отношенію къ Ю. Попову, причемъ, зная хорошо слабохарактерность Юрія, присущую ему робость и полную неопытность въ дѣлахъ, они высказывали глубокую увѣренность въ томъ, что Юрій могъ заключить подобный, крайне убыточный для себя, договоръ исключительно лишь подъ вліяніемъ принужденія или угрозъ, которымъ онъ придавалъ слишкомъ серьезное значеніе; въ то же время эти лица не допускали мысли, чтобы угрозы и принужденія были предприняты съ вѣдома Павла Попова.

Съ заключеніемъ договора въ Парижѣ Юрій Поповъ, по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ его дѣлъ, очутился въ стѣснительномъ матеріальномъ положеніи, главнымъ образомъ потому, что ему предстояло выплатить брату наличными деньгами въ сравнительно короткіе сроки—1.294.000 руб., что, при общемъ упадкѣ въ Россіи сельскохозяйственной производительности, сопряжено съ непреодолимою трудностью, и поэтому для срочнаго погашенія платежа П. Попову неизбѣжно предстояло заложить имѣніе Васильево. Въ этомъ отношеніи положеніе Юрія Попова было худшее, чѣмъ положеніе Павла Попова.

Вернувшись въ мартѣ 1895 г. въ Одессу, Юрій Поповъ, спустя нѣкоторое время, разсказалъ тестю своему, г. Скалону, всѣ подробности заключеннаго договора и ознакомилъ его съ той ролью, какую игралъ при этомъ Меранвиль. Выслушавъ Юрія, г. Скалонъ объяснилъ ему, что во всѣхъ разсказахъ Меранвиля, которыми тотъ, очевидно, старался запугать его, не можетъ быть ни малѣйшей доли правды, что Меранвиль ни въ какомъ случаѣ не могъ быть официально уполномоченъ на вмѣшательство въ раздѣлъ наслѣдства между братьями, и что Ю. Поповъ, несомнѣнно, сдѣлался жертвою обмана.

Между тѣмъ, по договору, 9 апрѣля Ю. Поповъ долженъ былъ уплатить П. Попову 200,000 р. наличными деньгами. Къ этому именно сроку совершенно неожиданно для всѣхъ пріѣхалъ въ Одессу Меранвиль, и черезъ нѣсколько дней Юрій получилъ отъ него письмо, въ которомъ Меранвиль напоминалъ, что, подписывая парижскій договоръ исключительно по просьбѣ Юрія, онъ заявляетъ ему, что считаетъ себя „нравственно обязаннымъ интересоваться, насколько таковой сторонами свято исполняется“; далѣе Меранвиль писалъ: „мнѣ извѣстно, что у Павла Васильевича имѣется крупный срочный платежъ, и что онъ разсчитывалъ получить 200 тыс. руб. до 9 апрѣля. Лично я уполномоченъ П. М. Зеленко окончить его разсчетъ съ Павломъ Васильевичемъ, получивъ причитающуюся ему по ихъ договору сумму съ неустойкою, и такъ какъ для перевода слѣдуемыхъ съ васъ по договору 200 тыс. руб. мнѣ ѣхать въ Симферополь не имѣетъ смысла, то я позволяю себѣ просить васъ, дорогой Юрій Васильевичъ, въ личное мнѣ одолженіе, не задержать перевода брату вышеозначенныхъ денегъ. Не могу ли я быть полезенъ вамъ при полученіи здѣсь, безъ квитанціи, вашихъ вкладовъ, а также въ Петербургѣ въ Дворянскомъ банкѣ на случай, ежели бы вы пожелали получить долгосрочную, съ погашеніемъ, ссуду“. Предложеніе Меранвиля оказать содѣйствіе въ полученіи изъ банка вкладовъ Юрія безъ квитанціи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Ю. Поповъ забылъ квитанціонную книжку въ имѣніи Васильево и поэтому просрочилъ взносъ П. Попову перваго платежа въ 200,000 руб., чѣмъ и вызвано было приведенное письмо Меранвиля. На это письмо Ю. Поповъ отвѣтилъ запискою, въ которой изъявлялъ готовность уплатить брату деньги, по полученіи ихъ изъ банка.

Встрѣчаясь въ то же время въ Одессѣ съ генер. Скалономъ, Ме-

раннвиль рѣшился и его увѣрять въ томъ, что, хотя онъ ѣздилъ въ Парижъ примирять братьевъ Поповыхъ изъ дружбы къ ихъ покойному отцу, тѣмъ не менѣе поѣздка эта имѣла характеръ официальнаго порученія, исходомъ котораго интересовался ген. Рихтеръ, и что въ Канцеляріи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, все было уже предрѣшено въ пользу П. Попова; изъ бесѣды съ Мераннвилемъ ген. Скалонъ вынесъ, по его словамъ, полное убѣжденіе въ томъ, что условія парижскаго договора Поповыхъ были предначертаны П. Зеленко, который и былъ несомнѣнно единственнымъ руководителемъ Мераннвиля въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, въ разговорѣ съ Одесскимъ градоначальникомъ, генер. Зеленымъ, къ которому Мераннвиль являлся въ тотъ же свой пріѣздъ въ Одессу, онъ заявилъ, что, хотя поѣздка его въ Парижъ и была вызвана исключительно желаніемъ примирить братьевъ Поповыхъ, съ покойнымъ отцомъ которыхъ онъ былъ очень близокъ, но что, устраивая это примиреніе, онъ никогда не упоминалъ имени генер. Рихтера, и никакихъ порученій отъ послѣдняго не получалъ. Такъ какъ генер. Зеленый, въ разговорѣ съ Мераннвилемъ, указалъ ему на распространенный въ городѣ слухъ о полученіи имъ и Зеленко громадной суммы денегъ за устройство раздѣла между Поповыми, то Мераннвиль поспѣшилъ разувѣрить генерала, утверждая, что слухи эти совершенно ложны и что за примиреніе Поповыхъ онъ и Зеленко должны получить лишь 25,000 руб.

По приглашенію Ю. Попова, Мераннвиль заходилъ къ нему на домъ для переговоровъ относительно предстоявшаго платежа, причемъ убѣждалъ его поторопиться уплатою слѣдуемыхъ Павлу денегъ, указывая на пропускъ Юріемъ срока перваго платежа, и какъ-бы вскользь упомянулъ объ угрожающихъ Юрію неустойкахъ.

Въ то же время Павелъ Поповъ обратился къ повѣренному Юрія, Корецкому, съ просьбою уговорить послѣдняго уплатить въ апрѣлѣ, сверхъ слѣдуемыхъ 200,000 р., еще 150,000 р. въ счетъ ноябрьскаго платежа, причемъ Павелъ Поповъ и присутствовавшій при этомъ Мераннвиль упомянули о пропускѣ Ю. Поповымъ срока платежа и о правѣ Павла на взысканіе неустойки. Юрій Поповъ на эту просьбу согласился и 17 апрѣля выдалъ П. Попову 350,000 р., причемъ послѣдній согласился отсрочить еще на одинъ годъ платежъ по векселю въ 500,000 р. Изъ Одессы, какъ и изъ Парижа, Мераннвиль сообщилъ о ходѣ дѣла телеграммами въ Петербургъ Зеленко и Лопатиной.

Когда П. Поповъ получилъ отъ брата 350,000 руб., Мераннвиль заявилъ ему, что Зеленко требуетъ съ Павла, согласно условію, неустойку въ размѣрѣ 200,000 руб., такъ какъ примиреніе между братьями послѣдовало, будто-бы, помимо воли Зеленко. П. Поповъ, не входя ни въ какія пререканія по этому поводу, 17 апрѣля вручилъ Мераннвилю 210,000 руб. для передачи Зеленко, въ томъ числѣ 10,000 руб., которые онъ долженъ уплатить Зеленко, согласно обязательству, на расходы по дѣлу, и 50,000 руб. для самого Мераннвиля, соласно своему письменному обѣщанію. При полученіи денегъ Мераннвиль передалъ П. Попову приве-

зенное имъ съ собою подлинное обязательство о вознагражденіи, выданное Поповымъ Зеленко 29 декабря 1894 г., а также и заранѣе заготовленное Зеленко удостовѣреніе слѣдующаго содержанія: „Симъ удостовѣряю, что по договору, заключенному дворяниномъ Павломъ Васильевичемъ Поповымъ 29 декабря 1894 г., получилъ полное удовлетвореніе и никакихъ претензій по разсчетамъ, истекающимъ изъ сего договора, не имѣю и имѣть не буду. Коллежскій ассесоръ Петръ Михайловичъ Зеленко, 27 марта 1895 года". По окончаніи разсчета, Меранвиль сталъ высказывать П. Попову, что гораздо справедливѣе было бы уплатить Зеленко лишь 10% съ суммы, полученной Павломъ по парижскому договору выдѣла, т. е. 129,000 руб., такъ какъ примиреніе между братьями состоялось вовсе не помимо Зеленко; по словамъ Меранвиля, онъ съ вѣдома и согласія Зеленко ѣздилъ въ Парижъ и принималъ всѣ дальнѣйшія мѣры къ примиренію братьевъ и, такъ какъ на долю его выпало несравненно болѣе трудовъ, чѣмъ на долю Зеленко, то правильнѣе было бы, чтобы онъ, Меранвиль, изъ полученныхъ денегъ, большую часть оставилъ себѣ. 17 апрѣля Меранвиль перевелъ въ Петербургъ на свое имя 260,000 руб. и тотчасъ же телеграфировалъ Зеленко: „Все окончилъ благополучно, буду пятницу. Обнимаю. Константинъ". 21-го апрѣля Меранвиль получилъ въ Петербургѣ изъ упомянутаго банка переведенные имъ 260,000 руб.

Послѣдній пріѣздъ Меранвиля въ Одессу, совпавшій съ наступленіемъ срока перваго платежа по договору братьевъ Поповыхъ, отъ 26 февраля 1895 г., слишкомъ энергичное участіе его въ ускореніи разсчета между двумя братьями и, наконецъ, полученіе Меранвилемъ отъ П. Попова громадной суммы денегъ, все это окончательно убѣдило Юрія въ томъ, что вмѣшательство Меранвиля въ его дѣло съ братомъ вызвано исключительно корыстными побужденіями, а отнюдь не возвышеннымъ чувствомъ дружбы къ покойному отцу. Въ то же время для Ю. Попова стало несомнѣнно, что всѣ угрозы и запугиванія, къ которымъ прибѣгалъ Меранвиль въ Парижѣ, убѣждая его подписать договоръ съ братомъ, были имъ вымышлены и что, такимъ образомъ, отразившееся крайне тяжело на его собственныхъ имущественныхъ интересахъ согласіе на вторичную уступку брату очень значительной части наслѣдства было вынуждено у него, путемъ обмана. Находя образъ дѣйствій Меранвиля и ближайшаго его руководителя Зеленко явно преступнымъ, Ю. Поповъ 8 іюля 1895 г. подалъ прокурору Одесской судебной палаты письменное заявленіе, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ былъ имъ заключенъ въ Парижѣ договоръ съ братомъ Павломъ отъ 26 февраля 1895 г.

Это заявленіе послужило основаніемъ къ производству предварительнаго слѣдствія, на которомъ изъ сообщенія Канцеляріи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, выяснилось, что ни въ Императорской главной квартирѣ, ни въ Канцеляріи Его Императорскаго Величества никакой переписки по поводу раздѣла наслѣд-

ственнаго имущества между братьями Павломъ и Юріемъ Поповыми никогда не производилось; это подтвердилъ и командующій Императорскою главною квартирою, генер.-адъютантъ Рихтеръ, заявившій, кромѣ того, что о произведенномъ въ Парижѣ раздѣлѣ наслѣдства между братьями Поповыми и объ участіи въ этомъ дѣлѣ Меранвиля ему ровно ничего неизвѣстно, и самого Меранвиля онъ не видѣлъ лѣтъ десять.

Бывшій начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ, генер. Мезенцевъ, также удостовѣрилъ, что по дѣлу П. и Ю. Поповыхъ никакого производства въ штабѣ корпуса не было. Изъ сообщенія штаба видно, что на Меранвиля никогда никакого порученія по этому дѣлу не возлагалось.

По вопросу объ отношеніяхъ Меранвиля къ Зеленко установлено существованіе между ними тѣснѣйшей дружбы и общности интересовъ, причемъ выяснено, что они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживали въ одномъ домѣ, пріобрѣтенномъ ими сообща. Имущественная состоятельность Меранвиля, указывавшаго Корецкому на свое милліонное состояніе,—оказалась далеко не въ блестящемъ положеніи; по объясненію Корецкаго, имѣвшаго возможность ближе ознакомиться съ дѣлами Меранвиля, когда послѣдній состоялъ на службѣ въ Таврическомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи,—самъ онъ средствъ не имѣлъ, а жена его принесла ему въ приданое не болѣе 20,000 руб. Въ Петербургѣ Меранвиль пользовался незначительнымъ денежнымъ кредитомъ въ Русскомъ для внѣшней торговли банкѣ. По заявленію Лопатиной, полученное Меранвилемъ отъ П. Попова вознагражденіе поправило его денежныя дѣла; онъ расплатился съ долгами и купилъ на имя своего отца домъ въ Кіевѣ.

Объясненія Меранвиля сводились къ слѣдующему. Онъ былъ очень близокъ къ семьѣ Поповыхъ и пользовался дружескимъ расположеніемъ покойнаго Попова. Въ концѣ 1894 г., когда Меранвиль встрѣтилъ въ Петербургѣ П. Попова, то послѣдній, разговорившись съ нимъ, возмущался образомъ дѣйствій брата своего Юрія по отношенію къ нему и заявилъ, что произведенный 30 сентября 1894 г. выдѣлъ наслѣдства, онъ считаетъ лишь временнымъ и намѣревается добиться полученія законной доли наслѣдства. По просьбѣ П. Попова, Меранвиль указалъ ему для означенной цѣли на Зеленко, который затѣмъ увѣрилъ П. Попова, что, право его на наслѣдство несомнѣнно, и что такое дѣло можно выиграть, какъ при веденіи его судебнымъ порядкомъ, такъ и путемъ подачи прошенія на Высочайшее имя. Поручивъ Зеленко заняться этимъ дѣломъ, Павелъ выдалъ ему довѣренность и обязательство о вознагражденіи, размѣръ котораго Зеленко опредѣлилъ самъ. По составленнымъ Зеленко черновикамъ этихъ документовъ, Меранвиль поручилъ Петербургскому нотаріусу Анисимову изготовить подлинные, которые и получилъ потомъ для передачи Зеленко. Самъ Меранвиль также взялъ при этомъ отъ П. Попова, въ видѣ благодар-

ности за участіе въ дѣлѣ, обязательство, въ формѣ письма, на 50,000 р. Предварительно возбужденія дѣла, П. Поповъ считалъ необходимымъ переговорить лично съ братомъ и собрался съ этою цѣлью въ Парижъ, куда въ то время нужно было ѣхать и ему, Меранвилю, по своимъ частнымъ дѣламъ. П. Поповъ отложилъ, однако, свою поѣздку, и Меранвиль собрался ѣхать одинъ. Тогда Зеленко, воспользовавшись его предстоящею поѣздкой, подалъ Павлу мысль дать Меранвилю письмо съ порученіемъ вступить съ Ю. Поповымъ въ переговоры о раздѣлѣ имущества, причемъ черновикъ этого письма былъ составленъ самимъ Зеленко, по совѣщаніи съ какимъ-то другимъ лицомъ. 8 или 9 февраля Меранвиль выѣхалъ въ Парижъ, причемъ Зеленко вручилъ ему записку къ своему близкому знакомому, юрисконсульту россійскаго посольства, Барковскому. Прибывъ въ Парижъ, подсудимый черезъ нѣсколько дней явился къ Ю. Попову, который самъ заговорилъ о братѣ и о вопросахъ, связанныхъ съ правомъ послѣдняго на наслѣдство, причемъ признался, что выдѣлилъ брату по договору 30 сентября 1894 г. часть наслѣдства, меньшую половины, лишь по совѣту окружавшихъ его въ то время недоброжелателей Павла и что, имѣя въ виду во всякомъ случаѣ раздѣлить съ братомъ наслѣдство поровну, онъ готовъ былъ бы сейчасъ ѣхать, съ этою цѣлью, къ Павлу, но его останавливаетъ лишь необходимость окончить курсъ леченія у Кеммера. По совѣту Меранвиля, Юрій тогда же рѣшилъ вызвать Павла телеграммою въ Парижъ для дополнительнаго раздѣла; Меранвиль былъ пораженъ такой уступчивостью Юрія и лично не употреблялъ мѣръ для склоненія его къ примиренію съ братомъ, не прибѣгалъ ни къ угрозамъ, ни къ обманнымъ увѣреніямъ и даже не упоминалъ о генер. Рихтерѣ и Мезенцевѣ. По пріѣздѣ П. Попова въ Парижъ, братья начали переговоры о раздѣлѣ, причемъ окончательныя условія послѣдняго были выработаны безъ всякаго съ его стороны участія; проектъ договора былъ выработанъ Барковскимъ, къ которому Меранвиль отправился предварительно одинъ, съ запиской отъ Зеленко. Въ то время въ Парижъ пріѣхалъ Галеа, о которомъ Юрій, въ разговорѣ съ Меранвилемъ, отозвался очень дурно. По поводу этихъ отзывовъ Меранвиль сообщилъ Ю. Попову, что имѣетъ весьма неодобрительныя свѣдѣнія о Галеа отъ ген. Мезенцева, слышавшаго о немъ отъ ген. Попова. Галеа принялъ участіе въ переговорахъ братьевъ, и при этомъ между нимъ и Меранвилемъ произошли очень рѣзкія объясненія по поводу сообщенныхъ подсудимымъ Юріо дурныхъ отзывовъ о Галеа; послѣ этихъ объясненій, происшедшихъ въ номерѣ гостиницы, занимаемомъ Павломъ, Поповы и Галеа ушли, но Юрій тотчасъ вернулся и сталъ извиняться предъ Меранвилемъ за Галеа. Изготовленный Барковскимъ договоръ былъ подписанъ Поповыми 28 февраля, и, по настоянію Юрія, этотъ договоръ подписанъ и Меранвилемъ; о ходѣ переговоровъ о раздѣлѣ онъ нѣсколько разъ телеграфировалъ Зеленко. По возвращеніи въ Петербургъ, Меранвиль сообщилъ Зеленко всѣ подробности переговоровъ

между Поповыми и передалъ ему конію заключеннаго ими договора, причемъ Зеленко замѣтилъ, что Барковскій прекрасно справился со своею задачею. Въ концѣ марта Меранвиль собрался ѣхать по своимъ дѣламъ винодѣлія въ Одессу и имѣлъ въ виду проѣхать въ Симферополь, почему Зеленко просилъ его кстати покончить разсчетъ съ П. Поповымъ и съ этою цѣлью вручилъ ему для передачи удостовѣреніе въ полученіи полнаго удовлетворенія по обязательству, причемъ онъ не проставилъ намѣренно цифры вознагражденія, не зная навѣрное, какую сумму Павелъ найдетъ возможнымъ выплатить ему. Прибывъ въ Одессу, Меранвиль нѣсколько разъ видѣлся съ Юріемъ и съ тестемъ послѣдняго, ген. Скалономъ, съ которымъ имѣлъ, между прочимъ, непріятное объясненіе по поводу участія его, Меранвиля, въ раздѣлѣ наслѣдства между братьями Поповыми, причемъ Скалонъ замѣтилъ, что сомнѣвается въ дружбѣ Меранвиля къ семьѣ Поповыхъ, кольскоро онъ отдалъ Павла „во власть такой акулы, какъ Зеленко“. Въ Одессѣ Корецкій обратился къ П. Попову съ предложеніемъ измѣнить нѣкоторыя части парижской сдѣлки для облегченія Юрія, на что тотъ и согласился, и чрезъ нѣсколько времени Павелъ получилъ отъ Юрія 350,000 руб. и, узнавъ, что Зеленко уполномочилъ Меранвиля разсчитаться съ нимъ, вручилъ послѣднему 260,000 руб., въ числѣ которыхъ 210,000 руб. для Зеленко и 50,000 руб. для самого Меранвиля; передавая эти деньги, Павелъ просилъ Меранвиля разсчитаться съ Зеленко, какъ они найдутъ нужнымъ, и замѣтилъ при этомъ, что „львиная доля въ этомъ вознагражденіи должна причитаться Меранвилю, какъ потрудившемуся, главнымъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ“. Тогда же онъ, Меранвиль, выдалъ Павлу удостовѣреніе Зеленко въ полученіи вознагражденія и подлинное обязательство Павла, а полученныя деньги онъ перевелъ въ Петербургъ на свое имя. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Меранвиль поспѣшилъ повидаться съ Зеленко, который заявилъ ему, что изъ денегъ, выданныхъ П. Поповымъ, онъ желаетъ получить лишь 60,000 р., предоставляя все остальное въ пользу Меранвиля. Выдавъ Зеленко чекъ на эту сумму, Меранвиль, по его словамъ, находилъ, что и это вознагражденіе Зеленко получилъ ни за что. По объясненію Меранвиля, въ дѣлѣ Поповыхъ онъ принималъ участіе совершенно безкорыстно, исключительно изъ расположенія къ ихъ семьѣ, и 190,000 р. получилъ отъ Павла просто въ видѣ подарка.

Зеленко объяснилъ, что онъ ни физическаго, ни интеллектуальнаго, ни нравственнаго участія въ заключеніи парижскаго договора между братьями Поповыми не принималъ, но и помимо этого условія о виновности его не можетъ быть и рѣчи потому, что договоръ этотъ нельзя признать убыточнымъ для Ю. Попова, такъ какъ послѣдній по обоимъ договорамъ выдѣлилъ брату лишь ту часть наслѣдства, на которую Павелъ имѣлъ право по закону, въ виду прощенія его покойнымъ отцомъ. Если даже отрицать за Павломъ существованіе такого права и игнорировать это прощеніе, то и тогда наслѣдство, оставшееся послѣ

смерти генерала Попова, ни въ какомъ случаѣ не могло перейти всецѣло къ Юрію, и половина его должна была считаться принадлежащей дѣтямъ П. Попова по праву представительства, такъ какъ никакіе акты объ отреченіи послѣдняго отъ наслѣдства не могутъ отражаться на правахъ его дѣтей. Вопросъ о поѣздкѣ Меранвиля по означенному дѣлу въ Парижъ рѣшенъ былъ безъ всякаго участія его; Зеленко узналъ объ этомъ лишь тогда, когда Меранвиль попросилъ его продиктовать ввѣрительное письмо отъ имени П. Попова; никакихъ инструкцій по этому предмету онъ не давалъ и проекта соглашенія не составлялъ, а указалъ лишь Меранвилю, что въ случаѣ надобности онъ можетъ обратиться въ Парижѣ къ Барковскому. Между нимъ и Меранвилемъ дѣйствительно существуютъ самыя близкія, дружескія отношенія, и онъ вѣритъ Меранвилю, какъ самому себѣ, но въ то же время Зеленко заявилъ, что Меранвиль, вернувшись изъ Одессы въ Петербургъ, скрылъ отъ него, что получилъ отъ П. Попова 260,000 р., и онъ, Зеленко, былъ увѣренъ, что П. Поповъ выдалъ Меранвилю лишь 120,000 р., изъ которыхъ 9,000 руб., по разсчету Зеленко, Меранвиль долженъ былъ оставить себѣ на пополненіе расходовъ на поѣздку, а остальные Зеленко и Меранвиль должны были раздѣлить между собою поровну, какъ это было условлено между ними раньше. Поэтому онъ, Зеленко, находилъ такой разсчетъ совершенно правильнымъ, и лишь въ февралѣ 1896 г. Меранвиль сознался ему, что получилъ отъ П. Попова для него, Зеленко, 210,000 р. и, кромѣ того, 50,000 р. для себя лично. Относительно поѣздки Меранвиля въ Одессу въ мартѣ 1895 г. Зеленко удостовѣрилъ, что поѣздка эта была предпринята Меранвилемъ именно съ цѣлью присутствовать при разсчетахъ братьевъ Поповыхъ по парижскому договору; полученное имъ отъ П. Попова вознагражденіе онъ признаетъ дѣйствительно большимъ, такъ какъ ему почти не пришлось заниматься по этому дѣлу.

По поводу объясненій Зеленко о дѣлежѣ между нимъ и Меранвилемъ денегъ, полученныхъ отъ П. Попова, выяснилось, между прочимъ, изъ показаній прис. повѣр. Рейнбота, что Меранвиль, сознавшись въ февралѣ 1896 г., что онъ получилъ отъ П. Попова не 120,000 р., а 260.000 руб., просилъ Зеленко показать на слѣдствіи, что вся эта сумма была получена полностью имъ, Зеленко, такъ какъ для него, какъ адвоката, который можетъ получить какой угодно гонораръ,—это безразлично.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Меранвиль и Зеленко обвинялись въ томъ, что по взаимному между собою уговору, изъ корыстныхъ видовъ, воспользовавшись болѣзненнымъ ослабленіемъ воли дворянина Ю. Попова, происшедшимъ отъ нервной болѣзни, побудили послѣдняго 26 февраля (10 марта) 1895 года въ Парижѣ совершить на имя его, Ю. Попова, невыгодную по имуществу сдѣлку на сумму 1.336.000 руб., для совершенія чего Меранвиль, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ адъютанта штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ, съ вѣдома и согласія Зеленко, ложно увѣрилъ Ю. Попова въ томъ, что онъ присланъ

къ нему въ Парижъ офиціально командующимъ Императорскою главною квартирою ген. адъют. Рихтеромъ и начальникомъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ генер.-маіор. Мезенцевымъ для того, чтобы предложить ему немедленно же войти въ соглашеніе съ П. Поповымъ объ уравненіи наслѣдственной доли послѣдняго въ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти отца ихъ ген.-маіора В. Попова, угрожая при этомъ отъ имени генер.-адъют. Рихтера, что, въ случаѣ его несогласія, дополнительный раздѣлъ наслѣдства будетъ произведенъ по Высочайшему повелѣнію Канцеляріею по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и имущество его, Ю. Попова, будетъ конфисковано, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 3 ч. 1688 ст. улож. о наказ.

Вы представить себѣ не можете, гг. присяжные засѣдатели, какое это трудное и даже странное занятіе—защищаться противъ обвиненія, въ которомъ не видишь никакихъ основаній. Это все равно, какъ если бы васъ ввели въ пустую комнату и заставили въ ней драться съ воображаемымъ противникомъ. Иное дѣло, когда на васъ нападаетъ живой человѣкъ: тогда вы знаете, въ какое мѣсто нужно его ударить, когда слѣдуетъ пригнуться, когда выпрямиться, когда увильнуть, когда наброситься. Но когда въ комнатѣ никого нѣтъ—попробуйте-ка тогда размахивать руками, сжимать кулаки и вообще продѣлывать воображаемую драку въ пустомъ пространствѣ... Это, дѣйствительно, трудно. Между тѣмъ, кромѣ шутокъ, защита Зеленко находится въ такомъ же положеніи, и вы, я думаю, сейчасъ со мною согласитесь.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ поставлено обвиненіе? Обвиненіе утверждаетъ, будто Меранвиль, будучи въ Парижѣ, понудилъ Юрія Попова къ невыгодной сдѣлкѣ путемъ угрозъ, обмана, присвоенія не принадлежащаго званія и т. д. Такъ ли это было или нѣтъ,—это дѣло Меранвиля и его защитника, и, казалось бы, защитникъ Меранвиля, достаточно выяснилъ, что, пожалуй, даже и парижская исторія есть не болѣе, какъ корыстная тяжебная сплетня, раздутая Юріемъ Поповымъ, по наущенію лицъ, его окружающихъ. Но если бы это была и правда, то при чемъ тутъ, спрашивается, Зеленко, находившійся все время безотлучно въ Петербургѣ? А при томъ—скажутъ намъ—что Меранвиль и Зеленко были друзья, что Зе-

ленко велъ это же самое дѣло между братьями Поповыми, и что послѣ сдѣлки, устроенной Меранвилемъ въ Парижѣ, Зеленко получилъ вознагражденіе, какъ за благополучный исходъ процесса. Совершенно согласенъ, что, если уже повѣрили Юрію Попову и даже привлекли Меранвиля, то могли бы заподозрить и Зеленко, и для этого слѣдовало провѣрить степень прикосновенности Зеленко къ парижскимъ происшествіямъ. Такъ и было сдѣлано. Но когда открыли совершенно ясно, что Зеленко, никоимъ образомъ не могъ знать обо всемъ томъ, что разсказываетъ Юрій Поповъ, когда собрали убѣдительнѣйшія доказательства невиновности Зеленко въ угрозахъ и во всемъ прочемъ, то за что же предали его суду? Хотите, я вамъ сразу перечислю эти доказательства невиновности Зеленко? Извольте.

Прежде всего, вы имѣете ввѣрительное письмо отъ Павла Попова къ Меранвилю, составленное Зеленко передъ отъѣздомъ Меранвиля въ Парижъ, и въ этомъ письмѣ Зеленко рекомендуетъ Меранвилю вести переговоры съ Юріемъ Поповымъ отнюдь не „въ видѣ угрозы“, т. е. вести ихъ способомъ, совершенно обратнымъ тому, который приписывается Меранвилю. Далѣе, была вскрыта вся телеграфная корреспонденція между подсудимыми, и оказалось, что ни одного совѣта, ни одного подозрительнаго намека, даже болѣе того—ни одной депеши отъ Зеленко Меранвиль въ Парижѣ не получилъ. Самъ же Меранвиль телеграфировалъ Зеленко такія вещи, что я удивляюсь, какъ на судѣ замалчиваются эти фразы въ депешахъ Меранвиля, вполнѣ оправдывающія Зеленко. Во второй депешѣ изъ Парижа Меранвиль говоритъ Зеленко: „Съ Юріемъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ“. Остановитесь же на этомъ! Одно изъ двухъ: или это было дѣйствительно такъ, или Меранвиль обманывалъ Зеленко, потому что, если бы Зеленко подозрѣвалъ, что Меранвиль запугиваетъ Юрія, то что же онъ долженъ былъ подумать объ этой фразѣ? Онъ, конечно, сказалъ бы себѣ: „Знаю я, какія у васъ тамъ хорошія отношенія!... Вѣроятно, у Юрія зубъ на зубъ не попадетъ отъ разговоровъ съ тобою“. Или же нужно предположить вещь невѣроятную, что между подсудимыми было условлено вы-

ражаться на выворотъ, т. е., если сказано: „хорошія отношенія“, то значитъ Юрій запуганъ, а если „дурныя“, то значитъ онъ добровольно соглашается. Но ради чего же бы Меранвиль давалъ въ руки Зеленко такія драгоцѣнныя доказательства его незнанія объ угрозахъ въ то время, когда никакого уголовнаго дѣла не предполагалось? Затѣмъ, есть еще одна депеша, въ которой Меранвиль прямо предупреждаетъ Зеленко, чтобы тотъ не пріѣзжалъ въ Парижъ, въ виду того, что его присутствіе, какъ посторонняго, можетъ помѣшать соглашенію между братьями. Значитъ, Меранвиль отстранялъ Зеленко. Наконецъ, обнаружено, что Меранвиль получилъ втрое большее вознагражденіе противъ Зеленко, т. е. считалъ себя хозяиномъ дѣла, и, главное, что Меранвильъ не увѣдомилъ Зеленко о такой повышенной оплатѣ своихъ услугъ, и, такимъ образомъ, ясно для каждаго, что всѣ подробности парижской исторіи исчезаютъ для Зеленко въ полнѣйшемъ туманѣ.

Не знаю, какъ можно было предавать Зеленко суду послѣ всѣхъ этихъ разоблаченій, сдѣланныхъ еще до суда? Какъ можно и теперь, несмотря на всѣ эти данныя, настаивать на томъ, будто бы именно Зеленко внушилъ Меранвилю тѣ способы исторгнуть согласіе Юрія, на которыхъ построено обвиненіе? Я ждалъ хоть отъ кого-нибудь справедливости по отношенію къ Зеленко на судѣ... И я былъ на минуту обрадованъ. Мой товарищъ, Плевако, въ своей рѣчи сказалъ, что въ началѣ засѣданія онъ даже готовъ былъ отказаться отъ обвиненія Зеленко. Я тотчасъ же записалъ у себя эту фразу и сталъ прислушиваться, чтобы узнать, почему же впослѣдствіи это намѣреніе не осуществилось. Но такъ и не узналъ... А между тѣмъ, судебное засѣданіе было точной копіей предварительнаго слѣдствія. Поэтому я прошу моего товарища или сознаться въ неискренности его великодушнаго, хотя мимолетнаго, заявленія насчетъ Зеленко или же, въ его репликѣ, довершить отказъ отъ обвиненія Зеленки. Вспоминая рѣшительно всѣ мелочи судебнаго засѣданія, касавшіяся Зеленки, я нахожу всего одну подробность, которая, въ глазахъ г. Плевако, могла показаться несоотвѣтствующею образу дѣйствій Зе-

ленки на предварительномъ слѣдствіи. Дѣло вотъ въ чемъ: на слѣдствіи Зеленко показалъ, что, по своему условію съ Павломъ Поповымъ, онъ предназначалъ себѣ только 5% вознагражденія, а остальные 5% пообѣщалъ Меранвилю, какъ водится сплошь и рядомъ, за рекомендацію дѣла. Это показаніе Зеленки нисколько не могло вредить Меранвилю на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ самъ Меранвиль признавалъ этотъ фактъ и притомъ въ то время Зеленко еще не вѣрилъ, чтобы Меранвиль попалъ подъ судъ. Въ обвинительный актъ эта часть показанія Зеленки не попала, и вотъ, на судѣ, г. Плевако поинтересовался узнать, повторитъ ли Зеленко тоже самое теперь? Спросили Зеленко и онъ уклонился отвѣтить на вопросъ г. Плевако. Произошло это потому, что Зеленко не пожелалъ, ради своего спасенія, сбросить хотя бы пылинку лишней тяжести на плечо сосѣда, ибо на судѣ такой способъ оправданія считается жестокостью. Такъ неужели Плевако этого не понялъ? Неужели эта подробность, говорящая о благородномъ характерѣ и добромъ сердцѣ Зеленки, перевернула все дѣло до такой степени, что г. Плевако, вмѣсто отказа отъ обвиненія, сталъ поддерживать это обвиненіе въ полномъ объемѣ? Я разъяснилъ, такимъ образомъ, единственное недоразумѣніе, которое могло бы помѣшать моему товарищу отказаться отъ обвиненія Зеленко, и я надѣюсь, что въ своей репликѣ онъ признаетъ прямоту моего обращенія къ его искренности.

Но, впрочемъ, не отъ г. Плевако, а отъ васъ, гг. присяжные засѣдатели, зависитъ участь Зеленки, и я полагаю, что всего того, что я до сихъ поръ сказалъ, уже достаточно, чтобы признать защиту исчерпанною. Неужели, однако, этимъ можно ограничиться въ такомъ шумномъ дѣлѣ, т. е. сказать нашимъ противникамъ: „вы дѣлаете явную несправедливость, привлекая Зеленко“, и затѣмъ умолкнуть? Но что же еще сказать? Въ этомъ отношеніи меня выручаетъ обвинительный актъ и, вообще, вся система обвиненія. Обвиненіе это построено такимъ образомъ, что Зеленкѣ какъ бы ставится въ вину все, а въ сущности—ничего. Въ концѣ обвинительнаго акта изложены тѣ оправданія, которыми защищался

Зеленко, и вслѣдъ затѣмъ сказано, что всѣ эти оправданія „безусловно опровергаются всѣмъ вышеизложеннымъ“. Извольте искать въ этомъ вышеизложенномъ, чѣмъ именно онѣ опровергаются? Ищемъ—и ничего не находимъ. Поэтому-то я и могу выбрать въ этомъ дѣлѣ какой угодно вопросъ и говорить о немъ, хотя бы, по моему мнѣнію, онъ и не относился къ защитѣ Зеленко. И вотъ я останавливаюсь на споръ между братьями Поповыми изъ-за наслѣдства, такъ какъ этотъ вопросъ, дѣйствительно, мнѣ кажется интереснымъ.

Исторія этого спора весьма замѣчательна. Вы видите передъ собою старика милліонера и двухъ его сыновей. Отецъ очень любитъ своихъ дѣтей; братья находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ. Вдругъ одинъ изъ сыновей, неожиданно для отца, женится на дочери его управляющаго. Гнѣвъ старика былъ ужасенъ, хотя никакой разумной или достойной сочувствія причины для этого гнѣва подыскать нельзя. Здѣсь могли дѣйствовать и деспотизмъ, и капризъ, и даже совсѣмъ не отеческія побужденія, о которыхъ не хочу говорить, чтобы не тревожить памяти покойнаго. Если бы намъ на это возразили, что старикъ желалъ для своего сына болѣе блестящей партіи или опасался за послѣдствія слишкомъ ранняго брака, то мы на это имѣемъ ясное опроверженіе: спустя два года, старикъ Поповъ согласился на бракъ столь-же юнаго другого своего сына Юрія съ госпожею Скалонъ, дѣвушкой незнатной и небогатой. Поэтому гнѣвъ Попова противъ его сына Павла казался для всѣхъ окружающихъ такою же стихійною и случайною грозою, какъ громъ изъ тучи. Между тѣмъ, отецъ не унимался. Онъ предлагалъ сыну и его молодой женѣ большія деньги за расторженіе брака, но ничто не помогало. Новобрачная жена Павла благородно отвѣтила управляющему Попова, который склонялъ ее къ разводу даже отъ имени ея собственнаго отца: „какъ же я на это соглашусь? Вѣдь тогда скажутъ, что я вышла замужъ изъ-за денегъ“, и такимъ образомъ, расторженіе брака не удалось. Тогда отецъ примѣнилъ къ сыну такой законъ, котораго еще ни одинъ родитель не рѣшался примѣнить къ своимъ дѣтямъ со времени суще-

ствованія судебной реформы. Онъ лишилъ Павла наслѣдства по суду за вступленіе въ бракъ безъ родительскаго согласія.

Всѣ знали о возбужденной Поповымъ жалобѣ на сына, но никто отцу не препятствовалъ. Даже сынъ Павелъ не явился на судъ защищать себя, не желая дѣлать отцу лишняго огорченія. Братъ Юрій тогда же успокоилъ Павла, что, въ случаѣ кончины отца, это лишеніе наслѣдства останется пустымъ звукомъ, и что братья, все-таки, подѣлятся поровну. Такимъ образомъ, эта траги-комедія родительскаго гнѣва всѣми поддерживалась въ послѣдніе годы жизни старика Попова, и даже онъ самъ въ ней участвовалъ, ибо помогалъ сыну деньгами, требуя только, чтобы Павелъ не зналъ, откуда онъ ихъ получаетъ. Между тѣмъ, прежняя близость между братьями стала ослабѣвать вслѣдствіе женитьбы Юрія, подпавшаго вліянію своей новой семьи. А тѣмъ временемъ наступила и предсмертная болѣзнь старика.

Тогда Павелъ,—человѣкъ привязчивый, чувствительный, да и, кромѣ того, человѣкъ гордый, нежелавшій считаться съ новою роднею Юрія при раздѣлѣ наслѣдства,—Павелъ пожелалъ получить прощеніе отъ своего родителя при посредствѣ о. Іоанна Кронштадтскаго, который былъ приглашенъ къ больному для молитвы и напутствія въ торжественныя минуты кончины. И отецъ простилъ сына вполнѣ.

Конечно, послѣ этого ясно, что братья должны были подѣлиться поровну. Но братьямъ не удалось повидаться. Съ перваго обмѣна извѣстій, на Павла повѣяло холодомъ отъ Юрія. Впрочемъ, Юрій тогда же извѣстилъ брата, что онъ готовъ дать ему такой выдѣлъ наслѣдства, при которомъ бы Павелъ считалъ себя „вполнѣ обезпеченнымъ“. Такимъ образомъ, Павлу пришлось имѣть дѣло не съ братомъ, а съ его повѣреннымъ. Состоялась сдѣлка, благодаря которой Павелъ получилъ весьма щедрый выдѣлъ отъ Юрія и отрекся отъ дальнѣйшихъ претензій. По этому поводу обвиненіе восхищается Юріемъ, который, будучи „единственнымъ наслѣдникомъ“, поступилъ такъ великодушно.

Но симпатіи обвиненія къ Юрію едва ли многимъ изъ присутствующихъ придутся по сердцу. Какой же, въ са-

момъ дѣлѣ, Юрій—„единственный наслѣдникъ!“ Чѣмъ тутъ восхищаться? Развѣ только тѣмъ, что, если бы отцомъ была подписана бумага о прощеніи, то Павлу бы никто и перечить не посмѣлъ,—но такъ какъ вмѣсто этой бумаги имѣется только о. Іоаннъ Кронштадтскій, то нельзя не умиляться передъ благородствомъ Юрія!.. Но въ правѣ гражданскомъ существуютъ такія формальныя права, которыми неловко, которыми просто стыдно пользоваться. Таково было и право Юрія. Кромѣ того, вы знаете изъ блестящей разработки процесса между братьями, сдѣланной моимъ товарищемъ Герардомъ, что у Павла оставались еще и весьма солидныя юридическія основанія для того, чтобы добиваться половины наслѣдства.

Но я теперь обращаюсь только къ совѣсти братьевъ. Вы видѣли этихъ двухъ молодыхъ людей. Скажите же: чѣмъ Юрій лучше Павла, и чѣмъ Павелъ обидѣлъ Юрія?

Я прямо скажу: оба брата—порядочные люди. Но Павелъ порядоченъ самъ по себѣ и всегда, а Юрій болѣе всего порядоченъ тогда, когда ничье постороннее вліяніе не мѣшаетъ ему внятно слышать голосъ сердца и совѣсти. Говорятъ, что парижская сдѣлка была подписана Юріемъ только потому, что злоупотребили его безхарактерностью и запугали его разными небылицами. Вопросъ этотъ меня вовсе не касается, потому что парижскія событія составляютъ для нашей защиты область совершенно невѣдомую. Но я думаю, что, если только играть на безхарактерности Юрія, то въ такомъ случаѣ всякія дѣла и сношенія съ нимъ нужно будетъ причислять къ преступленіямъ... Впрочемъ, я воздержусь распространяться на эту тему.

Павелъ не такой человѣкъ. Онъ крѣпче волею и гораздо глубже сердцемъ, нежели Юрій. Юрій привыкъ только тратить готовыя деньги и ни въ чемъ иномъ себя не проявилъ. А Павелъ не объ однѣхъ деньгахъ думалъ. Онъ отказывался отъ богатства, когда ему предстояло дѣлать выборъ между удобствами жизни и сердечнымъ влеченіемъ. Онъ любилъ и науку. Онъ въ самыхъ трудныхъ условіяхъ окончилъ курсъ университета по математическому факультету, а затѣмъ довершилъ образованіе въ институтѣ инжене-

ровъ путей сообщенія. Онъ имѣлъ въ жизни здравыя задачи, а въ душѣ благородныя чувства. Онъ былъ вообще болѣе удачный сынъ, нежели Юрій, и въ дѣлѣ есть указаніе Тромщинскаго, что старикъ считалъ Павла „своею гордостью“, что онъ, въ сущности, и любилъ-то его еще болѣе, чѣмъ своего первенца, а потому, мнѣ кажется, и преслѣдовалъ его по пословицѣ: „кого люблю, того и бью“.

Но главное для меня вовсе не въ преимуществѣ одного брата передъ другимъ. Главное и самое дорогое то, что оба они—хорошіе люди. И вотъ, по этому именно ни одинъ изъ нихъ никогда не могъ и впредь не сможетъ успокоиться, пока наслѣдство не будетъ раздѣлено поровну, ибо только въ этомъ исходѣ оба они найдутъ справедливость. Когда присяжные повѣренные Корецкій и Шефтель ублаготворили Павла всякими щедротами отъ имени Юрія, и Павелъ даже отрекся отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій, то все-таки онъ не переставалъ мучиться. Онъ говорилъ себѣ: „Все это прекрасно... Однако же все это только однѣ подачки—точно милость какая-то! Неужели братъ не понимаетъ, что тутъ всякая милость безсмысленна и оскорбительна? Чѣмъ я хуже! Онъ прекрасно знаетъ, что это богатство наше общее, что винить меня не за что, что мой бракъ ничѣмъ не преступнѣе и не ниже, а, пожалуй, еще и выше—его брака! Кромѣ того, Юрій увѣрялъ, что отцовскій гнѣвъ между ними, братьями, никакихъ послѣдствій имѣть не будетъ. Такъ что же это онъ теперь важничаетъ и даетъ мнѣ, черезъ другихъ какое-то „обезпеченіе“? Точно я пенсіонеръ или нахлѣбникъ у богатаго покровителя, а не братъ моего брата, не сынъ моего отца!.. Или, въ самомъ дѣлѣ, Юрій воображаетъ, что бракъ съ любимой дѣвушкой есть неизгладимый позоръ, несмываемое пятно? Отъ куда эти взгляды? Это, наконецъ, больно, это просто гадко! Конечно, того, что мнѣ далъ Юрій, болѣе, чѣмъ слишкомъ достаточно для такъ-называемаго „обезпеченія“. Но вѣдь здѣсь вовсе не въ томъ дѣло. Вѣдь всѣ люди кругомъ, вѣдь мои собственныя дѣти, когда они выростутъ,—всѣ и всегда будутъ удивляться, почему это я на всю жизнь долженъ оставаться „менѣе богатымъ“ Поповымъ, нежели

мой братъ? И Юрій это терпитъ! Да этого быть не можетъ! Я въ этомъ не узнаю ни его мнѣній, ни его чувствъ. Нѣтъ! Я добьюсь равенства...“

Совершенно также, съ другой стороны, и Юрій, именно потому, что онъ порядоченъ, будетъ всегда мучимъ своею совѣстью (въ тѣ минуты, когда она будетъ свободна отъ посторонняго давленія) и не успокоится, пока у него въ рукахъ останется хотя бы какой-нибудь крупный избытокъ противъ доли Павла. Онъ всегда будетъ знать въ глубинѣ души своей: „Это не мое, это я захватилъ“.

Словомъ, братскія отношенія между Юріемъ и Павломъ во вѣки вѣковъ не возстановятся, пока дѣлежъ между ними наслѣдства на двѣ, совершенно равныя, половины не сдѣлается окончательнымъ и безповоротнымъ, подобно тому, какъ коромысло вѣсовъ не перестаетъ колебаться и не успокоится, пока вы не положите на обѣ чашки совершенно равныя, математически одинаковыя тяжести. Вотъ почему парижская сдѣлка въ главномъ своемъ принципѣ, т. е. въ принципѣ половиннаго дѣлежа наслѣдства, представляется мнѣ единственнымъ справедливымъ исходомъ братскаго спора. Въ этомъ договорѣ Павелъ впервые былъ поднятъ на подобающую ему высоту и какъ-то поневолѣ жаль сбрасывать его съ этой высоты. До сихъ поръ все время Юрій смотрѣлъ на Павла сверху внизъ, и Павлу постоянно приходилось выпрашивать у Юрія. Пусть Юрій хоть однажды сдѣлаетъ то же, и Павелъ охотно дастъ ему все желаемое, по-братски. Правда, теперь проектированъ третейскій судъ, но въ немъ выступятъ снова повѣренные. Если бы можно было ихъ какъ-нибудь отогнать, если бы можно было какъ нибудь сохранить парижскую сдѣлку... Но я вмѣшиваюсь вовсе не въ свое дѣло. Что же дѣлать! Ужъ такъ поставленъ этотъ процессъ, что приходится говорить о вещахъ, совершенно постороннихъ нашей задачѣ.

Однако, я совсѣмъ забылъ о Зеленкѣ. Такъ вотъ это именно дѣло между братьями Поповыми и поступило къ нему. Оно пришло къ Зеленкѣ совершенно естественно черезъ его пріятеля Меранвиля, близко знавшаго и старика Попова, и его сыновей. По поводу обращенія Павла съ этимъ

дѣломъ къ Зеленкѣ здѣсь было выставлено нѣсколько—не уликъ, а нечистыхъ намековъ или, какъ говорится, „инсинуацій“ противъ подсудимаго, почерпнутыхъ отъ единственнаго свидѣтеля, неодобрительно относившагося къ Зеленкѣ,—генерала Скалона. Генералъ даже обругалъ Зеленко „акулою“ (сравненіе съ животными считается бранью) и затѣмъ хорошо сдѣлалъ, что извинился на судѣ въ своей неосторожности. Впрочемъ, люди невоздержанные и раздражительные еще и не такъ ругаются, когда дѣло касается ихъ собственнаго или, что то же, ихъ семейнаго кармана. Свое сравненіе генералъ объяснилъ тѣмъ, что Зеленкѣ случалось получать большіе гонорары во время его адвокатской практики въ Одессѣ.

Удивительно вѣрно сказалъ Щедринъ, что „любятъ у насъ посмотрѣть, какъ на судѣ связаннаго человѣка бьютъ“. Дѣйствительно бьютъ и дѣйствительно связаннаго, потому что вѣдь подсудимый ни на что роптать не можетъ. И замѣчательно, что всякая удача въ прошлой жизни подсудимаго встрѣчается на судѣ всеобщимъ злорадствомъ и порицаніемъ. Если бы кому-нибудь довелось случайно разбогатѣть,—напримѣръ, выиграть на биржѣ,—и затѣмъ попасть подъ судъ, то къ этому обстоятельству непремѣнно отнесутся подозрительно. Подсудимаго спросятъ: „какое вы имѣли собственное состояніе?“—Десять тысячъ.—А затѣмъ сколько у васъ оказалось?—Полтораста тысячъ.—Откуда же вы ихъ достали?—Выигралъ.—Гдѣ?—На биржѣ.—Въ какой же промежутокъ времени?—Въ три недѣли.—Въ три недѣли! Сто сорокъ тысячъ! И все это на биржѣ?!—Что-жъ дѣлать! Извините... повезло.

Точно также повезло и Зеленкѣ, но не даромъ, а за его работу—среди его одесскихъ кліентовъ. Самъ генералъ Скалонъ, быть-можетъ, противъ воли, объяснилъ намъ, отъ кого именно Зеленко могъ имѣть хорошій заработокъ. Онъ назвалъ такихъ довѣрителей Зеленки, какъ Маразли, Ралли—общеизвѣстные милліонеры. Немудрено, что эти люди щедро платили Зеленкѣ, а обращались къ нему, по всей вѣроятности, потому, что находили его знающимъ юристомъ и порядочнымъ человѣкомъ. Послѣ одесской практики у Зеленки обра-

зовалось хорошее состояніе; онъ переѣхалъ въ Петербургъ и купилъ домъ, въ которомъ небольшая доля принадлежала и Меранвилю.

Но такъ какъ Зеленко при этомъ сложилъ съ себя званіе присяжнаго повѣреннаго, то генералъ Скалонъ причислилъ его къ „дѣльцамъ“, а гражданскіе истцы, воспользовавшись этимъ, недоумѣваютъ, какія-такія дѣла могъ вести человѣкъ, покинувшій сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и почему именно къ такому человѣку могъ обратиться Павелъ Поповъ, помимо „славныхъ именъ петербургской адвокатуры“. Но вѣдь вы слышали отъ присяжнаго повѣреннаго Рейнбота перечисленіе тѣхъ дѣлъ, которыми занимался Зеленко. И неужели мои противники не знаютъ, что весьма многіе присяжные повѣренные, покинувъ сословіе, не перестаютъ заниматься дѣлами. Они даютъ консультаціи, направляютъ дѣла, передовѣряютъ ихъ другимъ, составляютъ прошенія и т. д., причемъ получаютъ и вознагражденіе за свой трудъ, а иногда, если дѣло ихъ очень заинтересуетъ, то берутъ даже для одного какого-нибудь засѣданія свидѣтельство частнаго повѣреннаго и выступаютъ въ судебномъ засѣданіи. Такого рода дѣятельностью, послѣ выхода изъ присяжныхъ повѣренныхъ, занимались даже достойнѣйшіе наши адвокаты. Конечно, все это извѣстно гражданскимъ истцамъ.

Но г. прокуроръ отъ того же единственнаго свидѣтеля Скалона добылъ еще нѣчто болѣе ужасное о Зеленкѣ. Онъ спросилъ ген. Скалона: „значитъ, вы полагали, что, если здѣсь участвуетъ Зеленко, то уже о *дружбѣ* и рѣчи быть не можетъ“. И генералъ Скалонъ отвѣтилъ утвердительно: „Если участвуетъ Зеленко, то уже о *дружбѣ* и рѣчи быть не можетъ“. Бѣдный Зеленко! Точно кроликъ, у котораго вырѣзано полушаріе мозга: у него отнято безъ остатка одно изъ самыхъ простыхъ человѣческихъ чувствъ... Богъ знаетъ, до чего договариваются!

Но я полагаю, что всѣ эти инсинуаціи и самый свидѣтель Скалонъ съ его „акулою“ должны быть поглощены моремъ забвенія. Надо судить по тому, какъ дѣло происходило въ настоящемъ случаѣ. А происходило оно слѣдую-

щимъ образомъ: выслушавъ претензію Павла Попова, Зеленко нашелъ ее правою и съ нравственной, и съ юридической точки зрѣнія. Какъ опытный цивилистъ, онъ увидѣлъ, что, несмотря на предыдущее соглашеніе между братьями, процессъ Павла съ Юріемъ можетъ быть выигранъ на судѣ. При этомъ Зеленко, по словамъ Павла, предпочиталъ вести дѣло именно судебнымъ порядкомъ, т.-е. совершенно открыто, на основаніи разъясненій Сената, мнѣній юристовъ и т. д. Но Павелъ, не желая огласки, потребовалъ, чтобы это семейное дѣло было направлено въ Комиссію прошеній. Замѣчательно еще и то, что не только въ лицѣ Зеленки не предполагался какой-либо особенно вліятельный дѣятель, распоряжавшійся будто бы, какъ у себя дома, въ Комиссіи прошеній, но, напротивъ того, самъ Павелъ Поповъ обнадежилъ Зеленко, что вслѣдствіе личнаго знакомства ген.-адъют. Рихтера съ его покойнымъ отцомъ, настоящая его просьба будетъ встрѣчена сочувственно въ Комиссіи прошеній. Тѣмъ лучше! Но для Зеленки было рѣшительно все равно, гдѣ вести дѣло, такъ какъ его работа и въ томъ, и въ другомъ случаѣ была бы одинаковою: нужно было составить прошеніе, изложить споръ, привести законы, доказательства и т. д. Поэтому Зеленко охотно подчинился желанію Павла. Гражданскіе же истцы и здѣсь инсинуируютъ будто въ Комиссіи прошеній невозможна помощь юриста. Все это несправедливо: хотя личной и устной защиты для присяжныхъ повѣренныхъ въ Комиссіи прошеній и не существуетъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда на разсмотрѣніе Комиссіи представляется споръ гражданскій, вслѣдствіе интимности дѣла или вслѣдствіи несогласуемости формальныхъ требованій съ требованіемъ справедливости, — тогда проситель всегда обратится къ юристу, и тогда составленіе всеподданнѣйшей просьбы потребуетъ отъ юриста такой же работы, какъ написаніе искового прошенія.

Выработавъ юридическое основаніе для того, чтобы поддерживать претензію Павла Попова къ его брату Юрію, Зеленко написалъ проектъ условія о вознагражденіи по такому же шаблону, по какому пишется множество адвокатскихъ условій, и, оставивъ пустыя мѣста для цифръ, отдалъ

этотъ проектъ Меранвилю для передачи Павлу. На словахъ, Зеленко предполагалъ назначить 10% съ выиграннаго рубля и 200 т. чисто формальной неустойки, которая, въ сущности, соотвѣтствовала тѣмъ-же 10%, такъ какъ недополученная доля Павла простиралась, по его мнѣнію, до двухъ милліоновъ. Объ этой неустойкѣ я еще скажу впослѣдствіи. Вообще Зеленко просилъ Меранвиля не спорить съ Павломъ о цифрахъ. Въ милліонныхъ дѣлахъ не торгуются, потому что, въ случаѣ выигрыша, всѣмъ достанется много, хватитъ на всѣхъ. Вознагражденіе же въ 10% вовсе не считается особенно крупнымъ, и это, казалось бы, лучше всего могли бы засвидѣтельствовать такіе маститые практики, какъ наши противники гг. гражданскіе истцы... Всѣ условія Зеленки были приняты Павломъ Поповымъ безъ малѣйшихъ возраженій.

Важность услуги, оказанной Павлу Попову Зеленкою состояла въ томъ, что Зеленко разработалъ законность спора, который другими уже считался потеряннымъ. Вѣдь всѣ эти книжки, изъ которыхъ читалъ вамъ отрывки г. Герардъ, всѣ эти кассаціонныя рѣшенія были подобраны къ дѣлу Павла Попова именно Зеленкою еще въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшился взяться за это дѣло. Подобная услуга такъ же велика, какъ помощь врача, который берется лечить больного, когда всѣ другіе врачи уже отказываются: нѣтъ, кажется, достаточныхъ денегъ, чтобы отблагодарить за *такое ободряющее поддержаніе надежды*.

Недовѣрчиво относятся къ тому, что Зеленко не торопился начинать дѣло. Но, во-первыхъ, онъ былъ боленъ; во-вторыхъ, такія дѣла никогда быстро не поднимаются, и, наконецъ, самое главное, Зеленко поджидалъ въ Петербургъ кого-либо изъ управляющихъ Поповыхъ (ему обѣщанъ былъ пріѣздъ Сѣрикова), чтобы разспросить о составѣ наслѣдства, о цѣнности имѣній, обо всей матеріальной основѣ ходатайства.

Но не успѣлъ еще Сѣриковъ явиться въ Петербургъ, какъ совершенно неожиданно для Зеленки, Меранвиль собрался ѣхать въ Парижъ. Меранвиль понадѣялся, что въ Парижѣ, куда, какъ онъ говорилъ, онъ долженъ отпра-

виться по своимъ собственнымъ дѣламъ, ему удастся помирить братьевъ и безъ суда. Павелъ Поповъ одобрилъ эту мысль; Зеленко находилъ вполнѣ вѣроятнымъ, что Меранвиль, знавшій братьевъ Поповыхъ еще дѣтьми, сможетъ выполнить эту задачу. Тогда Зеленко составилъ ввѣрительное письмо къ Меранвилю отъ имени Павла съ изложеніемъ основаній спора и, кромѣ того, далъ Меранвилю записку къ своему знакомому въ Парижѣ, юрисконсульту тамошняго россійскаго консульства г. Барковскому, на случай если бы примиреніе братьевъ состоялось, и потребовалась бы помощь юриста для оформленія сдѣлки. Не знаю, почему г. прокуроръ изобразилъ г. Барковскаго, нашего уважаемаго дѣятеля при парижскомъ консульствѣ, просто-напросто въ видѣ члена разбойничьей шайки. Если виновность г. Барковскаго въ соучастіи съ подсудимыми въ дѣлѣ Юрія Попова такъ очевидна, какъ утверждаетъ г. прокуроръ, то что же мѣшало обвинительной власти потребовать выдачи этого уголовнаго преступника: Франція не могла бы въ этомъ отказать. И я начинаю сочувствовать неявкѣ г. Барковскаго. Въ самомъ дѣлѣ: что же бы вышло изъ его показанія на судѣ? Онъ бы показалъ передъ судомъ чистѣйшую правду— а его все-таки отпустили бы отсюда, „окативши ушатомъ помоевъ“.

Итакъ, Меранвиль отправился въ Парижъ. Всѣ четыре телеграммы Меранвиля изъ Парижа къ Зеленкѣ имѣютъ самое невинное содержаніе и въ наилучшемъ свѣтѣ выставляютъ Зеленко. Чего, кажется, было проще со стороны Меранвиля, впервые поѣхавшаго заграницу, какъ извѣстить своего пріятеля и сожителя, что онъ прибылъ въ Парижъ и остановился въ такой-то гостинницѣ? Или телеграфировать Зеленкѣ объ окончаніи дѣла Поповыхъ, которое Зеленко на себя принялъ? Такъ нѣтъ-же! Одинъ изъ гражданскихъ истцовъ назвалъ эти депеши „отчетомъ приказчика“... Вотъ такъ всегда: придумаютъ какое-нибудь названіе, совершенно искажающее живыя отношенія, а затѣмъ уже и пускаютъ его въ ходъ, какъ новую улику.

Результатъ поѣздки Меранвиля оказался превосходнымъ: братья помирились. Ни откуда никакихъ заявленій о чьемъ-

либо недовольствѣ Зеленко не получалъ. Вскорѣ послѣ того, кто-то изъ братьевъ Поповыхъ вызвалъ Меранвиля въ Одессу для присутствованія при исполненіи парижскаго договора. Передъ отъѣздомъ Меранвиля въ Одессу, Зеленко отдалъ ему свое условіе съ Павломъ Поповымъ и передалъ, кромѣ того, свою заранѣе составленную и въ Петербургѣ же подписанную расписку о полученіи полнаго удовлетворенія. Изъ этого можно только заключить, какъ безгранично довѣрялъ Зеленко Меранвилю: вѣдь Меранвиль могъ разорвать условіе, могъ уступить Павлу Попову расписку Зеленки за самую ничтожную сумму—и Зеленко, конечно, ни на что бы не претендовалъ. Зеленкѣ никогда и не воображалось, чтобы онъ имѣлъ какое бы то ни было право на неустойку въ 200 т. подъ тѣмъ предлогомъ, будто примиреніе между братьями состоялось помимо него. Какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, помимо него? Вѣдь онъ изложилъ въ письмѣ къ Меранвилю программу будущаго процесса, если бы примиреніе не состоялось; онъ выработалъ эту программу; онъ рекомендовалъ юриста для написанія сдѣлки. Все это, быть можетъ, не стоило ему большого труда, но несомнѣнно выражало собою его участіе въ примиреніи.

По возвращеніи изъ Одессы, Меранвиль передалъ Зеленкѣ, пятипроцентное вознагражденіе съ выигрыша, доставшагося Павлу. Во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ мировое соглашеніе считается равносильнымъ выигрышу по суду, но кліенты рѣдко соглашаются признавать это равнозначущимъ и всегда нѣсколько скупятся на расплату. Поэтому Зеленко нашелъ расплату Павла Попова весьма щедрою. На многократные распросы, какую сумму считалъ онъ себя въ правѣ получить отъ Павла Попова, Зеленко, съ непритворною настойчивостью, повторялъ: „я-бы удовольствовался всякою суммою, какую бы мнѣ ни назначилъ Павелъ Поповъ“. И неужели 60 т. вознагражденія въ милліонномъ процессѣ, по истинѣ, кажется моимъ противникамъ преступно великою цифрою? Неужели въ громадныхъ наслѣдственныхъ дѣлахъ, при незначительномъ физическомъ трудѣ, въ случаѣ примиренія сторонъ или при производствѣ дѣла въ охранительномъ порядкѣ, имъ же самимъ, нашимъ противникамъ, ни

разу не довелось получать суммъ, весьма близкихъ къ этой цифрѣ?

Итакъ, не имѣя на совѣсти никакого упрека, Зеленко считалъ дѣло двухъ братьевъ Поповыхъ оконченнымъ. Когда затѣмъ поднялись толки о претензіяхъ Юрія, то Зеленко продолжалъ быть увѣреннымъ въ невиновности Меранвиля. И онъ искренно писалъ ему въ то время, что, еслибы Меранвилю пришлось пойти въ Сибирь, то онъ, Зеленко, вмѣстѣ съ прежнею женою Меранвиля, какъ друзья, не покинутъ его. Зеленко человѣкъ одинокій; онъ добрый товарищъ и онъ бы, конечно, съ величайшимъ участіемъ отнесся ко всякой невзгодѣ, которая бы могла постигнуть Меранвиля: онъ бы сопровождалъ его въ ссылку, навѣщалъ бы его тамъ. И вы ясно видите изъ этого письма, до какой степени Зеленко относительно самого себя не допускалъ даже мысли, чтобы его могли привлечь къ настоящему дѣлу, потому что, если бы можно было вскрыть его мозгъ и сердце для нахожденія въ нихъ слѣдовъ его виновности, то и тамъ бы нашлось только полное незнаніе Зеленки обо всемъ томъ, что разсказываетъ Юрій Поповъ. Однако же, Зеленку все-таки привлекли.

Вотъ и все дѣло. Вы мнѣ скажете, что, заявивъ въ началѣ моей рѣчи объ отсутствіи матеріаловъ для защиты, я, тѣмъ не менѣе, подъ конецъ, представилъ вамъ обстоятельную защиту Зеленки. Но развѣ это защита? Я возражалъ только противъ намековъ на Зеленко, противъ голословнаго порицанія его личности, но я не имѣлъ случая разобрать хотя бы одно доказательство. Обвиненіе представляетъ изъ себя неопредѣленный разсказъ, изъ котораго со стороны могло показаться, будто Зеленко въ чемъ-то замѣшанъ, а я вамъ разсказалъ вполнѣ опредѣленно и вполнѣ правдиво, какъ все происходило въ дѣйствительности. И вы, конечно, вмѣстѣ со мною спросите: въ чемъ же виноватъ Зеленко?

Я недоумѣваю, за что измученъ этотъ человѣкъ, который вотъ уже два года днемъ и ночью, во снѣ и на яву, только и дѣлаетъ, что переворачиваетъ въ своей головѣ на всѣ лады имена и фамиліи Меранвиля и братьевъ Поповыхъ и склоняетъ ихъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ, лишенный

всякой возможности говорить или думать о чемъ-либо другомъ. Въ послѣдніе дни судебнаго засѣданія этотъ бредъ Зеленки дошелъ до величайшаго напряженія, доводя его почти до состоянія столбняка. Пора дать Зеленкѣ вздохнуть. Я, конечно, всегда сочувствовалъ пользѣ общественной, но я никогда не соглашусь съ тѣмъ, чтобы ради нея можно было наказывать по суду человѣка, не сдѣлавшаго никакого преступленія. Будьте же хоть вы справедливы.

Зеленко былъ оправданъ.

Дѣло графа Милевскаго.

Дѣло графа Милевскаго.

Въ Варшавскомъ Съѣздѣ Мировыхъ Судей.

Графъ Милевскій имѣлъ процессъ съ нѣкіимъ Пусловскимъ. Въ здѣшней газетѣ „Варшавскій Курьеръ“ былъ напечатанъ отчетъ объ этомъ дѣлѣ, который графъ нашелъ исполненнымъ всяческихъ инсинуацій и позорящимъ его честь. По приговору суда, редакторъ этой газеты, Францъ Ольшевскій, былъ признанъ виновнымъ въ опозореніи графа Милевскаго и приговоренъ къ извѣстному наказанію. Это не пріостановило нападокъ газеты на графа, и онъ явился въ сопровожденіи своего повѣреннаго прис. пов. Бялы, въ редакцію газеты, чтобы объясниться, какого нецъ, по этому поводу. Къ нему вышелъ другой редакторъ газеты, г. Фризе, къ которому графъ обратился съ слѣдующими словами: „не подозрѣваю васъ ни въ злой вѣрѣ, ни въ подкупѣ, въ чемъ увѣренъ относительно Ольшевскаго, котораго подкупилъ графъ Плятеръ“. Г. Фризе попросилъ графа взять свои слова обратно, но тотъ на это не согласился и удалился изъ редакціи. Вслѣдъ затѣмъ г. Ольшевскій возбудилъ дѣло о клеветѣ. Варшавскій мировой съѣздъ оправдалъ графа Милевскаго, но Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ этотъ приговоръ единственно потому, что не былъ приглашенъ переводчикъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые свидѣтели объяснялись по-польски.

Мнѣ кажется, гг. судьи, что въ настоящее время единственнымъ подсудимымъ въ этомъ дѣлѣ остался только я, ибо я одинъ провинился въ незнаніи нѣсколькихъ польскихъ словъ и за это теперь несу наказаніе, въ видѣ необходимости сызнова произносить защиту, съ соображеніями которой уже согласились ваши предшественники, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ дѣла. Предстоящій трудъ мнѣ кажется напраснымъ. Я нахожу его напрас-

нымъ вовсе не вслѣдствіе смѣшного прощенія Ольшевскаго (ибо мы относимся къ этому прощенію съ нескрываемою брезгливостью), а потому, что Правительствующій Сенатъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ, кассируя дѣло, всегда предуказывалъ, отъ какого именно нарушенія могъ произойти ошибочный приговоръ, а здѣсь наоборотъ: Сенатъ говоритъ, что, хотя-бы и судьи, и всѣ участники дѣла вполнѣ знали польскій языкъ, и, слѣдовательно, никакой ошибки въ приговорѣ не допустили, все таки подобный приговоръ будетъ формально незаконенъ, если при разбирательствѣ дѣла кто-нибудь показывалъ по-польски, а переводчика не было. Иными словами, Сенатъ говоритъ: продѣлайте и напишите то же самое, но только при участіи переводчика, и вашъ приговоръ будетъ узаконенъ.

Мы произвели судебное слѣдствіе, обстоятельства дѣла ни въ чемъ не измѣнились и, слѣдовательно, вы можете воспользоваться готовымъ приговоромъ, но мнѣ еще разъ предстоитъ говорить въ защиту графа Милевскаго. Я буду кратокъ.

Графъ Милевскій обвиняется въ клеветѣ. Мѣстомъ преступленія былъ редакторскій кабинетъ г. Фризе. Преступленіе совершилось въ одну секунду и состояло изъ недоконченной фразы только что вошедшаго графа Милевскаго, которую прервалъ самъ Фризе. Послѣ того собесѣдники тотчасъ же разошлись.

Никогда еще въ мірѣ клевета не совершалась такимъ образомъ! Эта сцена со всею очевидностью рисуетъ намъ какое-то моментальное и полнѣйшее недоразумѣніе между сторонами, точно графъ Милевскій ошибся дверью или напалъ не на того человѣка, котораго искалъ; все равно, какъ если бы графъ позвонилъ въ квартиру своего искренняго друга и вдругъ бы увидѣлъ, что въ ней живетъ злѣйшій ябедникъ.

Словомъ, какую бы фразу ни произнесъ при такой обстановкѣ графъ Милевскій, несомнѣнно одно: что въ данномъ случаѣ эту фразу услышали вовсе не тѣ уши, для которыхъ она предназначалась. Случилась явная ошибка въ *качествѣ* того лица, съ которымъ говорили, а потому и *на-*

мнѣніе того, кто говорилъ съ этимъ лицомъ, теперь совершенно извращено. Но судъ не можетъ основать свой приговоръ на извращенномъ умыслѣ обвиняемаго.

Обстоятельства, предшествовавшія этой странной сценѣ, состоятъ въ слѣдующемъ: графъ Милевскій былъ совершенно измученъ тѣми наглыми оскорбленіями, которымъ онъ въ послѣднее время постоянно подвергался въ варшавскихъ газетахъ. Эти оскорбленія наносились ему подъ предлогомъ печатанія судебнаго отчета по его дѣлу съ Пусловскимъ. При этомъ всѣ клеветы противъ графа (за которыя Пусловскій былъ осужденъ въ двухъ инстанціяхъ) приводились цѣликомъ, въ видѣ серьезныхъ фактовъ, а всѣ данныя, убѣдившія судъ въ лживости этихъ обвиненій, пропускались и умалчивались. Зачинщикомъ такой поддѣлки судебныхъ отчетовъ былъ редакторъ „Варшавскаго Курьера“, г. Ольшевскій. Другія газеты заимствовали изъ „Варшавскаго Курьера“ статьи, въ которыхъ графъ Милевскій открыто назывался ростовщикомъ, фальсификаторомъ, грабителемъ и т. п. уголовными прозвищами. Все это было по истинѣ отвратительно. Графъ, будучи педантическимъ законникомъ, обратился къ защитѣ судебной власти противъ Ольшевскаго точно также, какъ онъ ранѣе того обращался къ правосудію противъ Пусловскаго. И здѣсь графъ, опять таки, оказался правымъ. И здѣсь, по приговору двухъ инстанцій, Ольшевскій былъ признанъ диффаматоромъ, т. е. обвиненъ въ томъ, что онъ злонамѣренно, съ цѣлью повредить графу Милевскому, публиковалъ о немъ невѣрные судебные отчеты, преисполненные умышленнымъ и лживымъ злословіемъ.

Спрашивается: что долженъ былъ думать графъ Милевскій объ Ольшевскомъ? Могъ-ли графъ думать, что Ольшевскій, какъ убѣжденный публицистъ, считаетъ его дѣйствительно виновнымъ во всѣхъ тѣхъ гадостяхъ, которыя о немъ печатаетъ? Нѣтъ. Ибо въ такомъ случаѣ Ольшевскій непремѣнно бы критиковалъ оправдательные доводы суда и боролся съ ними, а онъ поступалъ какъ разъ наоборотъ, т. е. замалчивалъ эти доводы, значитъ,—боялся ихъ, значитъ,—писалъ неправду. Или, скажутъ, что Ольшевскій,

вслѣдствіе личной дружбы съ противниками графа, могъ искренно увлечься ихъ внушеніями? Но и этого нельзя было предположить, потому что Ольшевскій вовсе не былъ знакомъ съ противниками графа. Тогда какую же причину слѣдовало допустить? Или природную низость Ольшевскаго, или подкупъ. Не знаю, что изъ двухъ лучше? Графъ посмотрѣлъ на дѣло практически и заподозрилъ подкупъ. Да, подкупъ. Графъ такъ думалъ, но никакихъ доказательствъ не имѣлъ. Будь у него доказательства противъ Ольшевскаго, графъ Милевскій бросилъ бы ему это обвиненіе въ лицо. Графъ, вообще, настолько прямой человѣкъ, что не сталъ бы сплетничать на Ольшевскаго за его спиной. Да и возможно-ли было графу сколько-нибудь отомстить Ольшевскому этимъ способомъ? Вѣдь въ рукахъ у Ольшевскаго была пресса, а пресса—это колоссальный, чуть-ли не всемірный трубный оркестръ. Возможно-ли заглушить этотъ оркестръ тѣмъ, что, слушая его, станешь разговаривать съ двумя-тремя сосѣдями?!

Графу нужно было другое. Онъ надѣялся, что найдетъ, наконецъ, какого-нибудь честнаго журналиста, который бы угомонилъ остальныхъ. Черезъ художника Жмурко графъ узналъ, что такимъ журналистомъ можетъ быть Фризе, съ которымъ и слѣдуетъ переговорить.

И вотъ графъ Милевскій отправился къ редактору „Курьера Поранняго“ Фризе, запасшись, впрочемъ, свидѣтелемъ Бялы. Вошелъ въ кабинетъ и закрылъ дверь, какъ того требовала интимность объясненія. Но здѣсь, едва только графъ Милевскій раскрылъ ротъ, едва только онъ произнесъ вступительную фразу, изъ которой даже нельзя было понять, зачѣмъ онъ пришелъ,—едва только графъ произнесъ: „не подозрѣвая васъ ни въ злой вѣрѣ, ни въ подкупѣ, какъ я подозрѣваю Ольшевскаго“,—какъ Фризе тотчасъ же оборвалъ графа чисто юнкерскимъ требованіемъ: „возьмите свои слова назадъ, вы оскорбляете моего товарища“.

Графъ былъ ошеломленъ. Обѣщанный ему миролюбецъ оказался первостатейнымъ ссорщикомъ... Графъ увидѣлъ, что не туда попалъ, и, сухо отвѣтивъ: „никакихъ словъ на-

задъ не беру", сейчасъ же вышелъ изъ кабинета Фризе. А Фризе немедленно передалъ все происшедшее по телефону Ольшевскому,—и вотъ какимъ образомъ состряпали обвиненіе въ оклеветаніи Ольшевскаго!

Недобрую славу для Ольшевскаго и Фризе составила эта мизерная жалоба на графа Милевскаго. Здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ ябеды и ловушки. И притомъ Фризе такъ поторопился захлопнуть ловушку, что даже не далъ графу ни времени, ни возможности совершить какое бы то ни было преступленіе противъ чести. Дѣйствительно, вся инкриминируемая фраза состоитъ только еще изъ вводныхъ предложеній: „не подозрѣвая васъ ни въ злой вѣрѣ, ни въ подкупѣ" (первое вводное предложеніе), „какъ я подозрѣваю Ольшевскаго" (второе вводное предложеніе, т. е. еще болѣе отдаленное отъ главной мысли), и затѣмъ—конецъ! Фраза такъ и осталась недоконченною, вовсе не дойдя до главнаго предложенія. Что же хотѣлъ сказать Милевскій? Фризе не далъ ему говорить. А мысль графа была вотъ какая: „я вамъ вѣрю и ставлю васъ внѣ тѣхъ подозрѣній, которыя имѣю противъ другихъ. Поэтому считаю себя вправѣ быть съ вами откровеннымъ. Выслушайте меня и, если можете, помогите. А если не можете, то, конечно, все, о чемъ мы будемъ говорить, останется между нами".

Но Фризе обманулъ довѣріе графа, а Ольшевскій сдѣлалъ изъ Фризе лицо, черезъ котораго, будто бы, графъ *распространялъ* о немъ клевету, тогда какъ графъ говорилъ съ Фризе объ Ольшевскомъ именно въ увѣренности, что бесѣда ведется самая *интимная*.

Итакъ, предыдущій съѣздъ былъ вполнѣ правъ, когда онъ высказалъ, что весь ходъ этого дѣла исключаетъ возможность клеветы со стороны графа Милевскаго. Что касается подробностей и обстановки свиданія между сторонами, то ваши предшественники, гг. судьи, вполнѣ основательно остановились по этому вопросу съ особымъ довѣріемъ на показаніи уважаемаго адвоката и достойнаго человѣка—присяжнаго повѣреннаго Бялы. Но въ кассаціонной жалобѣ своей нашъ противникъ находитъ такое сужденіе съѣзда неправильнымъ, въ виду того, что г. Бялы ведетъ

нѣкоторыя другія дѣла графа Милевскаго и потому, будто бы, не можетъ показать правды по настоящему дѣлу... Но даже въ законѣ нѣтъ отвода присяжныхъ повѣренныхъ отъ свидѣтельскаго показанія по такого рода мотиву. А между тѣмъ, Ольшевскій, будучи самъ присяжнымъ повѣреннымъ, предлагаетъ теорію, въ силу которой, будто бы, адвокатъ, получивъ за что-либо деньги съ своего довѣрителя, послѣ того уже непремѣнно изъ усердія и благодарности долженъ будетъ кривить для него душою въ каждомъ дѣлѣ... Я думаю, что адвокатъ не долженъ кривить душою ни въ какомъ дѣлѣ, что уклоненіе отъ этого правила чести должно преслѣдоваться презрѣніемъ и всего общества, и нашей корпораціи—и ужъ никакъ не изъ нашей среды можетъ исходить воззрѣніе, будто неправда должна предполагаться въ устахъ адвоката, какъ нѣчто прирожденное его профессіи.

Такимъ образомъ выходитъ, что, если только нужно написать кассаціонную жалобу, то и собственная профессія топчется въ грязь и даже родной языкъ выставляется, какъ басурманское нарѣчіе... Нельзя не подивиться такому ослѣпленію сутяжества! Я желалъ бы вѣрить, что г. Ольшевскій не таковъ въ дѣйствительности, какимъ онъ рисуется во всѣхъ своихъ писаніяхъ и что такого рода помраченіе находитъ на него только въ минуты невмѣняемости, подъ вліяніемъ тяжебнаго задора. Но самый этотъ задоръ поддерживается и питается въ немъ такими отталкивающими изворотами и придирками, что пора-бы проучить г. Ольшевскаго и поскорѣе вырвать съ корнемъ всѣ его ябеды противъ графа Милевскаго.

Съѣздъ послѣ непродолжительнаго совѣщанія вторично оправдалъ графа Милевскаго.

Дѣло Ефимьева.

Дѣло Ефимьева.

Подстрекательство къ лжесвидѣтельству.

Гг. присяжные засѣдатели! Споръ о наслѣдствѣ Бибиковой между Ефимьевымъ и Митусовымъ принялъ такой оборотъ, что дѣло пришло, наконецъ, на судъ уголовный, на вашъ судъ. И вамъ предстоитъ не только отвѣтить на вопросъ, виновны-ли подсудимые, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшить судьбу самого наслѣдства.

Повидимому, въ наслѣдствѣ и заключается весь интересъ этого дѣла. Ибо съ уголовной стороны едва-ли здѣсь предвидится какая-либо опасность для защиты. Какъ-то ужъ чувствуется, что въ тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ вы судите, вы не увидите преступниковъ... Дѣйствительно, вѣдь Ефимьевъ узналъ о тайнѣ своего происхожденія отъ женщины, замѣнившей ему мать. Этой святой женщинѣ онъ не могъ не вѣрить. Покойная Вѣра Карловна Ефимьева не только сообщила самому Павлу, что онъ ея природный сынъ, но она это писала въ оффиціальныхъ бумагахъ, она это говорила своей сомнѣвавшейся прислугѣ, въ такихъ выраженіяхъ, которыя можно назвать крикомъ сердца: „никто не стоялъ у моихъ ногъ, когда я его родила!..“ Всѣ доказательства происхожденія, всѣ свидѣтели, кромѣ Веретьевскаго, выбраны и указаны еще самой покойницей. Подсудимый Павелъ Ефимьевъ, по самой природѣ вещей, ни выбирать, ни указывать ихъ не могъ. Какимъ же образомъ послѣ этого можетъ онъ быть подстрекателемъ ко лжи?!

Онъ былъ и есть только убѣжденный защитникъ правды въ своемъ дѣлѣ... А они, эти свидѣтели? Какъ вы ихъ осудите, когда тутъ же, предъ вами, другіе свидѣтели (Карауловъ и Шарухинъ), не обвиняемые въ лжесвидѣтельствѣ, говорятъ тоже самое? Какъ назовете вы ихъ лжесвидѣтелями, когда безупречный старый священникъ Сахаровъ, знавшій Вѣру Карловну, бесѣдовавшій съ нею по этому дѣлу, изслѣдовавшій происхожденіе Павла въ самой Устюжнѣ, нашелъ два одинаково крѣпкихъ преданія, что Павелъ пріемышъ и что Павелъ кровный сынъ. Какъ теперь, по истеченіи полувѣка, разобраться въ этихъ преданіяхъ и бросить обвиненіе во лжи въ ту или другую сторону?..

Значитъ, не виноватъ участникъ процесса Ефимьевъ, не виноваты и его свидѣтели, за которыхъ вы, впрочемъ, еще услышите особое слово защиты.

Вотъ почему здѣсь, главнымъ образомъ, остается только споръ о наслѣдствѣ.

Представители интересовъ Митусова такъ и ведутъ свое дѣло. Они видятъ, что едва-ли гг. присяжные засѣдатели будутъ склонны покарать этихъ старцевъ-свидѣтелей и этого трагическаго наслѣдника. Гражданскіе истцы готовы согласиться, что всѣхъ этихъ людей можно отпустить, потому что они могли вѣрить въ отстаиваемую ими правду. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ мило-дорого одно: чтобы все то, что эти люди показали, было выдѣлено въ особый вопросъ, и чтобы вся, защищаемая ими исторія происхожденія Павла была признана ложною, независимо отъ ихъ виновности. Такимъ-то путемъ и выиграетъ г. Митусовъ наслѣдство Бибиковой.

А я васъ прошу, чтобы вы такого перехода дѣла не допустили, и чтобы на вопросъ о томъ, доказана-ли ложь, отвѣтили: *нѣтъ, не доказана.*

Конечно, я прошу объ этомъ, прежде всего, потому, что ложь дѣйствительно не доказана. Наши противники совершенно превратно понимаютъ вопросъ о доказанности. Они полагаютъ, что, если происхожденіе Павла сомнительно, то они уже и должны выиграть дѣло, ибо наслѣдство можетъ принадлежать только безспорному наслѣднику. Но они за-

бываютъ, что мы теперь судимся въ судѣ уголовномъ, а здѣсь, наоборотъ, каждое сомнѣніе, какъ въ общихъ вопросахъ, такъ и въ подробностяхъ, истолковывается въ пользу защиты. А прійти къ несомнѣнному выводу о происхожденіи Павла вы не можете, потому что, сколько бы вы ни перебирали факты дѣла, у васъ всегда останется въ памяти присяжная клятва покойной Вѣры Карловны, что Павелъ—ея сынъ, и эта клятва всегда покроетъ собою весь прочій матеріалъ дѣла. Совѣсть ваша не можетъ спокойно зачеркнуть это свидѣтельство, и вы должны будете допустить, по крайней мѣрѣ, возможность тайны. Слишкомъ смѣло было бы утверждать, что въ этомъ вопросѣ никакія колебанія неумѣстны.

А затѣмъ, гражданскіе истцы, по моему, слишкомъ увлекаются вопросомъ: которая, собственно, изъ двухъ женщинъ—Екатерина Баранова или Вѣра Карловна—зачала этого спорнаго Павла отъ его безспорнаго отца, помѣщика Ефимьева? Гражданскіе истцы совершенно равнодушны къ тому, которая изъ нихъ была для Павла истинною матерью, въ томъ лучшемъ смыслѣ, въ какомъ понимается роль матери въ общежитіи. Это для нихъ не важно. Неинтересно и то, что кровный отецъ Павла, помѣщикъ Ефимьевъ, и его законная жена Вѣра Карловна относились къ этому ребенку, съ его младенческихъ лѣтъ, какъ къ родному дитяти; что это дитя соединило супруговъ; что изъ-за него, жена простила мужу его распутства, а мужъ оцѣнилъ въ женѣ заботливую воспитательницу ихъ общаго сокровища; что вся жизнь Павла протекла подъ сѣнью этихъ любящихъ родителей; что оба они ходатайствовали передъ Государемъ объ оформленіи ихъ связи съ этимъ сыномъ, и что, если-бъ Ефимьевъ дожилъ до 1891 года, то усыновленіе состоялось бы безспорно, безъ участія Высочайшей власти, посредствомъ опредѣленія суда; что оба родителя поочередно передали Павлу, по завѣщанію, всѣ свои средства; что, такимъ образомъ, со дня рожденія Павла по день смерти Вѣры Карловны, т. е. въ теченіе цѣлыхъ 35-ти лѣтъ, мы наблюдали, въ соединеніи этихъ трехъ лицъ, самый настоящій семейный союзъ. Все это нисколько

не трогаетъ нашихъ противниковъ или по крайней мѣрѣ, не трогаетъ ихъ настолько, чтобы они призадумались и поколебались передъ громадною нравственною силою этихъ фактовъ... Нѣтъ! Для нихъ превыше всего этого и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только вопросъ о механической фабрикаціи Павла, какъ будто всѣ споры въ нашемъ дѣлѣ сводились къ тому, въ какой собственно аптекѣ приготовлена эта микстура, именуемая Павломъ?

Простите гг. присяжные засѣдатели, но я никакъ не могу проникнуться важностью этого вопроса. И въ самомъ дѣлѣ! Если микстура исполнила свою роль, если она уврачевала то, что должна была врачевать, то къ чему эти розыски? Какое въ нихъ значеніе? Какой человѣческій смыслъ?

А смыслъ,—говорятъ намъ, тутъ большой. Правда,—не человѣческій смыслъ, но зато формальный. Дѣло въ томъ, что, если помѣщикъ Ефимьевъ прижилъ своего сына Павла отъ законной жены, то Павелъ наслѣдникъ послѣ Бибиковой, а если это дитя откуда-нибудь съ вѣтру, то наслѣдникъ не Павелъ, а Митусовъ. Таковъ непреклонный законъ. За этотъ законъ и стоятъ наши противники. Они твердятъ одно: законъ, законъ, законъ.

Прекрасно. Итакъ, поговоримъ о природѣ и свойствахъ той силы, которая именуется закономъ. Считаю нужнымъ коснуться этого вопроса предъ вами потому, что, вѣдь, вы не юристы, а простые члены общества, рѣшающіе дѣло по совѣсти, не стѣсняясь никакими формальностями, а между тѣмъ здѣсь къ вамъ предъявляютъ самыя формальныя требованія.

Каждый законъ, при его изданіи, всегда руководствуется самыми лучшими цѣлями. Даже тѣ законы, которые уже отжили свой вѣкъ и кажутся намъ теперь просто дикими, въ свое время задавались благими намѣреніями. Возьмите настоящее дѣло, обнимающее почти полстолѣтіе, считая со дня рожденія Павла Ефимьева. Сколько законовъ за это время не только разрушено жизнію, но и покрыто недоброю памятью! Вѣдь Павелъ Ефимьевъ родился еще при крѣпостномъ правѣ! Крѣпостное право—это былъ законъ...

И въ основѣ этого закона когда-то предполагалась хорошая задача. Нужно было сплотить государство. Казалось, что *люди* могутъ быть счастливы только подъ крѣпкою властью, а для крѣпкой единой власти казалось цѣлесообразнымъ наплодить множество мелкихъ властителей, подчиненныхъ своему главѣ... И только долгіе годы, нѣсколько столѣтій доказали, сколько изувѣрства и горестей создала эта мнимая мудрость законодателя... Затѣмъ, вспомните другое законодательное событіе въ предѣлахъ нашего процесса: судебная реформа. Прежде разбирательство дѣла было закрытое и письменное; теперь—публичное и устное. Прежде законъ позволялъ судьямъ пользоваться только извѣстными доказательствами, а теперь—какими угодно. И въ самыхъ важнѣйшихъ дѣлахъ объявлена свобода судебнаго рѣшенія, по убѣжденію совѣсти, безъ всякаго письменнаго отчета. „Да“ или „нѣтъ“—и ничего больше... Наконецъ, ближайшій нашему дѣлу вопросъ,—вопросъ о сомнительныхъ дѣтяхъ—и этотъ вопросъ совсѣмъ перевернулся. Теперь каждый можетъ усыновить кого угодно. Казалось бы: чего-же больше? Вѣдь теперь уже въ самое законодательство проникло полное сочувствіе къ тому, о чемъ супруги Ефимьевы хлопотали всю жизнь. Они только не дожили до этихъ лучшихъ дней.

Изъ всего сказаннаго вы можете заключить, что всѣ законы, формальные и временные, стараются приблизиться къ законамъ единымъ и вѣчнымъ,—къ тому понятію о благѣ и справедливости, которое коренится въ нашей душѣ и совѣсти.

Остановимся-же теперь на законахъ о наслѣдствѣ, на тѣхъ самыхъ статьяхъ, съ помощью которыхъ наши противники такъ убѣжденно защищаютъ свои права.

Здѣсь я невольно вспоминаю бесѣду покойнаго профессора гражд. права Кавелина съ бывшимъ предсѣдателемъ нашего адвокатскаго сословія Арсеньевымъ, который тогда служилъ товарищемъ Оберъ-Прокурора въ Гражд. Кассаціонномъ Департаментѣ Сената. Кавелинъ говорилъ Арсеньеву: „Какъ прекрасно идетъ примѣненіе къ жизни законовъ уголовныхъ въ судѣ присяжныхъ. А что-же у

васъ дѣлаютъ съ гражданскими законами? Что-то какъ будто все по прежнему мертво“... Арсеньевъ, сконфуженно улыбаясь, отвѣтилъ: „у насъ это ужасно трудно; слишкомъ большую роль играютъ формы; но мы стараемся, стараемся...“

Постараемся-же и мы вдуматься въ статьи о наслѣдованіи по закону, съ живой точки зрѣнія, соотвѣтствующей естественной справедливости.

Первая и важнѣйшая форма изслѣдованія есть наслѣдованіе по завѣщанію. Законодатель предоставляетъ каждому распорядиться, на случай смерти, своимъ имуществомъ, какъ ему заблагоразсудится, не стѣсняясь никакимъ родствомъ. Ибо привязанность, благодарность и любовь могутъ слагаться въ сердцѣ человѣка, совершенно помимо кровныхъ узъ и вдалекѣ отъ нихъ. По закону, можно совсѣмъ обойти жену и дѣтей и завѣщать все свое состояніе постороннему близкому лицу, или симпатичному учрежденію. И такая воля умершаго будетъ свято исполнена.

Но сплошь и рядомъ бываетъ, что люди не пишутъ никакого завѣщанія, потому что вовсе не желаютъ думать о смерти. И вотъ тогда только является наслѣдованіе по закону, тогда только законодатель старается загладить оплошность умершаго. Спрашивается: кому-же отдать его собственность? Какимъ способомъ угадать симпатіи покойнаго? Если допустить *посмертное изслѣдованіе этихъ симпатій*, то послѣ каждой кончины объявляются неизчислимые близкіе люди; судъ не будетъ въ состояніи между ними разобраться; кляузы будутъ тянуться чуть-ли не цѣлыя столѣтія; никто никому не уступитъ и спорное имущество, пожалуй останется ничьимъ. Вотъ почему, на случай чьей либо беззавѣщательной смерти, законодатель составляетъ особую таблицу родственниковъ, которые допускаются къ наслѣдству въ извѣстной очереди. Ибо за невозможностью найти и опредѣлить, кто изъ желательныхъ для покойнаго людей долженъ наслѣдовать послѣ него, законъ принимаетъ въ соображеніе наружный признакъ близости къ умершему — кровную связь, и отдаетъ этимъ условнымъ близкимъ людямъ то имущество, которое никому не назначено волею покойнаго.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло.—Понятно, какъ благородно и мудро поступаетъ законодатель. Намѣренія его совершенно ясны. И возможно-ли хоть на минуту усумниться въ томъ, что, если-бы, благодаря какимъ-нибудь исключительнымъ обстоятельствамъ, самъ законодатель убѣдился, что для даннаго дѣла его система породила слишкомъ явную несправедливость,—то онъ-бы не пожелалъ, чтобы судъ правдный согласовалъ его общія начертанія съ вопіющею о правдѣ жизнью дѣйствительною?! О, еслибы законъ могъ захватить въ одну чашу всѣ человѣческія несчастія, распри и обиды и затѣмъ возвратить каждому, по каплѣ, ту долю справедливости, которая ему необходима въ его личномъ дѣлѣ — то, конечно, законъ не предписалъ бы въ дѣлѣ Ефимьева, той мнимой справедливости, которую отыскиваетъ г. Митусовъ. Я думаю, по крайней мѣрѣ, что иначе нельзя понимать законъ и нельзя его истолковывать.

Теперь: что же выходитъ въ дѣлѣ Ефимьева?

Мы видимъ, что въ 1884 году, въ Петербургѣ, умираетъ, безъ завѣщанія, вдова генералъ-маіора Бибикова, оставляющая послѣ себя капиталъ въ 100 т. руб. Пришлось примѣнять законодательную таблицу, чтобъ опредѣлить кому-же слѣдуетъ отдать эти деньги? Всѣ ближайшіе родственники вокругъ Бибиковой уже вымерли. Поэтому наслѣдство подлежало выдачѣ, по истинѣ говоря, такимъ родственникамъ, что уже и „десятая вода на киселѣ“ кажется выраженіемъ слишкомъ слабымъ... „Сыну родного брата *бабки* Бибиковой и еще — *племяннику* этого сына родного брата бабки“,—т. е. тому г. Митусову, который и понынѣ остается единственнымъ противникомъ нашимъ въ этомъ спорѣ, ибо, узнавъ о претензіи Павла Ефимьева, дядя г. Митусова предоставилъ ему одному вести это дѣло за свой счетъ и пользу, а самъ отрекся отъ денегъ...

И вотъ, въ то время, когда законодательная таблица безплодно искала наслѣдниковъ въ боковыхъ линіяхъ, а затѣмъ *поднялась* въ восходящія и тамъ снова нашла только боковыя, да и въ этихъ линіяхъ запуталась между двумя отдаленными семействами,—оказывается, что бокъ-о-бокъ съ покойною Бибиковою еще доживаетъ свой вѣкъ

самая близкая ей семья. Еще были живы родной племянникъ Бибиковой и вдова ея родного брата. Мы застаемъ въ этой семьѣ истинную трагедію — неоформленнаго сына Павла. Жизнь этого сына запечатлѣна непонятнымъ проклятіемъ. Онъ самъ не знаетъ, кто онъ. Онъ видѣлъ, зналъ и любилъ своихъ родителей, но не зналъ ихъ имени. Онъ получилъ воспитаніе дворянина. Его, совсѣмъ юнаго, 21-го года, женили на дворянкѣ. У него родилось 11 душъ дѣтей, изъ которыхъ десять живы. Хотя онъ унаслѣдовалъ отъ отца и матери, по дворянски, все, что они имѣли, но дѣти его остались мѣщанами. А расплодившаяся семья, при возрастающей дороговизнѣ, обѣднѣла настолько, что ему пришлось зарабатывать деньги тяжелымъ трудомъ караульщика на морозѣ... И вдругъ, богачи Митусовы—наслѣдники послѣ его родной тетки! Еслибъ его отецъ пережилъ свою сестру, то ни о какихъ Митусовыхъ не было бы и рѣчи,—все перешло-бы къ отцу, а отъ отца, по завѣщанію, опять-таки, къ нему, какъ и все прочее, что имѣлъ отецъ. Вѣдь это безспорно...

„Мало ли что“, скажутъ намъ; „еслибы отецъ былъ живъ при смерти Бибиковой! Да въ томъ-то и бѣда, что онъ умеръ раньше“. Но позвольте! Вѣдь это только вопросъ срока, а не вопросъ внутренней справедливости. Есть случаи, когда неловко, нехорошо пользоваться сроками... Возьмите такой примѣръ. Нѣкій богатый человѣкъ одолжилъ своему другу въ трудную минуту, подъ росписку, 10 тысячъ рублей. Долгіе годы, по безпечности и довѣрію, онъ не спрашивалъ своихъ денегъ. Но вотъ онъ умеръ, а его осиротѣлая семья впалавъ бѣдность. Между тѣмъ, его должникъ разбогатѣлъ. И сироты просятъ его уплатить по роспискѣ. А онъ защищается давностью: „прошло десять лѣтъ, какіе тутъ разсчеты?“ И то вѣрно. Онъ можетъ не платить! Но какой же судъ по совѣсти не пожелалъ-бы оказать справедливаго пособія сиротамъ?

А въ дѣлѣ Ефимьева выходитъ еще хуже. Тамъ было хоть формальное право,—здѣсь и такого права нѣтъ. Вѣдь вы знаете, что въ споръ о наслѣдствѣ Бибиковой вступили Корсаковы. Вотъ тѣ имѣли формальное право! Они были,

правда, въ очень отдаленномъ родствѣ съ Бибиковой, но все-таки по *мужской линіи*, а Митусовы *по женской*. А женская линія, при существованіи мужской, совсѣмъ никакихъ правъ не имѣетъ. Т. е. ровно никакихъ правъ,—иначе говоря, такія же права, какъ вы или я!.. Мы знаемъ, что Митусовъ поторопился откупиться отъ этихъ безспорныхъ соперниковъ и все-таки взялъ деньги—чужія, ни въ какомъ отношеніи не принадлежавшія ему деньги. Одновременно съ этимъ Митусовъ узналъ всю исторію брата Бибиковой и его жены, всѣ ихъ мольбы за сына и заботу о жалкихъ внукахъ, но съ этими людьми ему, взявшему незаконныя деньги, и въ голову не приходило мириться. Напротивъ—онъ спорилъ съ ними до послѣдней крайности.

Послѣ выигрыша дѣла Павломъ Ефимьевымъ въ судѣ гражданскомъ, Митусовъ добивается того, что возбуждаютъ уголовное слѣдствіе, его противника сажаютъ въ тюрьму, держатъ его подъ стражею 9 мѣсяцевъ, и Митусовъ желаетъ отстоять свои деньги, рискуя осужденіемъ истца, осужденіемъ четырехъ старцевъ, лишеніемъ званія десяти дѣтей.

Фактическая сторона этого дѣла такъ внимательно и прекрасно разработана моимъ товарищемъ *), что повторять его доводы я не стану. Вы ихъ помните. Я хотѣлъ только вооружиться противъ лицемѣрнаго, по моему убѣжденію, разъединенія виновности подсудимыхъ отъ судьбы наслѣдства. И то, и другое слилось неразрывно. Предъ судомъ совѣсти, наслѣдство Бибиковой принадлежитъ Павлу Ефимьеву, а не Митусову.

Быть можетъ, то, что я высказалъ, соотвѣтствуетъ и вашему собственному взгляду на этотъ печальный споръ. Желаю вамъ въ этомъ дѣлѣ побольше простой, житейской справедливости.

Присяжные отвергли самый фактъ лжесвидѣтельствъ.

---

*) М. Л. Гольдштейномъ.

Дѣло ксендза Бѣлякевича.

Дѣло ксендза Бѣлякевича.

Г.г. присяжные засѣдатели! Послѣ всего сказаннаго, мнѣ остается добавить немногое. Но для того, чтобы вы меня поняли, я должень ввести васъ за кулисы защиты.

Когда мой товарищъ, Спасовичъ, пожелалъ имѣть мое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, и я, уважая его имя, не читая документовъ, за глаза обѣщалъ ему мое сотрудничество, то Спасовичъ, уходя отъ меня, сказалъ: „Мы подѣлимъ роли такимъ образомъ: я буду разумъ, вы—чувство". Я отвѣчалъ „извольте", полагая, что ему, какъ старшему, виднѣе, къ чему я пригоденъ.

Но изъ такого соглашенія, заранѣе можно было предвидѣть будущій, хотя-бы чисто внѣшній расколъ. Мы часто говоримъ: „разумъ долженъ побѣждать чувство". Отсюда слѣдуетъ съ одной стороны, что чувство имѣетъ свойство противиться разсудку, возмущаться противъ него, а съ другой—если говорятъ, что разумъ долженъ побѣждать чувство, то, вѣроятно, роль его выше. Но и это не совсѣмъ такъ, потому что, по убѣжденію Карлейля, „сердце видитъ дальше головы", и, кромѣ того, на курсѣ богословія, въ Харьковскомъ Университетѣ, меня учили, что высшій духовный органъ есть сердце, такъ какъ только въ немъ можетъ корениться вѣра, ибо ни разумъ, ни даже совѣсть не годятся для общенія человѣка съ Богомъ.

Но теперь спрашивается: на чемъ-же долженъ быть основанъ вашъ приговоръ? По закону: „на убѣжденіи совѣсти"—значитъ, не на одномъ только разумѣ. А рядомъ съ

этимъ, съ высоты престола, сказано: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ нашихъ“. А милость—это сердце.

Вотъ почему я и подумалъ, что, быть можетъ, я не буду излишнимъ въ дѣлѣ Бѣлякевича и во всякомъ случаѣ не повредю подсудимому.

Всѣ обстоятельства дѣла уже разобраны, всѣ факты приведены въ порядокъ и квалифицированы не только по закону, но по кассаціоннымъ рѣшеніямъ. Объ уликахъ и свидѣтеляхъ говорить почти нечего, и, конечно, строже того взысканія, которое допускаетъ Спасовичъ, нельзя требовать для Бѣлякевича... Но я иду гораздо дальше моего товарища въ смягченіи участи подсудимаго. И вотъ почему.

Если мы окинемъ широкимъ взглядомъ все это дѣло, то въ результатѣ получится нѣчто несравненно менѣе важное, нежели то грозное, близкое къ убійству, обвиненіе въ истязаніи, которое предъявлено къ Бѣлякевичу.

Чрезвычайно много сдѣлано прикрасъ для достиженія этой цѣли. На сцену выведены люкъ и подвалъ съ мертвецами. Но въ этомъ подвалѣ провела ночь и видѣла гробы только самая младшая и, слѣдовательно, наиболѣе впечатлительная изъ духовныхъ дочерей Бѣлякевича, Констанція Симоновичъ. Однако-же, она не только никогда не жаловалась на Бѣлякевича, но говорила, раньше, говоритъ и теперь, что видъ гробовъ смутилъ ее только въ первую минуту, и что, подъ конецъ, ей сдѣлалось въ склепѣ „даже пріятно“. Прокуроръ этому не довѣряетъ и съ ироніею называетъ это яко-бы пріятное чувство „улыбкой мученицы“. Прокуроръ при этомъ навязываетъ Констанціи Симоновичъ такія высокія мысли и мелодраматическія чувства, которыхъ она никогда не имѣла. Вся эта сантиментальная психологія обвинителя, созданная его воображеніемъ, нисколько не примѣнима къ данному случаю. Дѣло было гораздо проще. Послѣ вѣчно-позорной кровати, на которой Констанція Симоновичъ продавала каждому встрѣчному свое тѣло, она вдругъ очутилась передъ нетлѣнными мощами святой монахини-бернардинки. Это зрѣлище сразу подѣйствовало на нее сильнѣе всякихъ увѣщаній,—оно благотворно оживило ея одеревенѣлую душу. Бѣлякевичъ понималъ, что онъ

употребляетъ средство героическое, что молодая женщина можетъ слишкомъ испугаться, и онъ приказалъ, чтобы къ ней, вскорѣ послѣ заключенія, навѣдались, и чтобы ее вывели изъ подвала, если она не захочетъ въ немъ остаться. Но и родители Симоновичъ, и прислуга костела согласно показываютъ, что Констанція Симоновичъ не пожелала выйти изъ склепа. Она съ убѣжденіемъ отвѣтила: „мой грѣхъ—мое покаяніе“. Она высидѣла всю ночь, а затѣмъ молилась и постилась цѣлую недѣлю, проводя ее въ другихъ помѣщеніяхъ костела, послѣ чего исповѣдалась ксендзу въ грѣхахъ и удостоилась причащенія. Съ тѣхъ поръ она покинула прежнюю жизнь, занимается честною работою и довольна своею участью. Слѣдовательно, подвалъ съ мертвецами, какъ средство мученія, не можетъ быть выставляемъ въ этомъ дѣлѣ, потому что никто другой не страдалъ отъ него. Потерпѣвшая Жуковская была спущена въ него на самое короткое время, въ полнѣйшихъ потемкахъ, и даже не подозрѣвала о нахожденіи въ немъ мертвецовъ, такъ какъ впервые узнала о стоявшихъ въ подвалѣ гробахъ только изъ полицейскихъ протоколовъ, составленныхъ уже послѣ возбужденія жалобы противъ Бѣлякевича. Эта Жуковская, равно какъ и другая главнѣйшая жертва Бѣлякевича, Бернатовичъ,—содержались не въ склепѣ, а въ каморкѣ, гдѣ ровно ничего ужаснаго нѣтъ: столъ отъ катафалка представляетъ изъ себя мебель очень красиваго рисунка, а голова чорта, которою играли дѣти, какъ мячомъ, не чувствуя къ ней ни малѣйшаго страха,—конечно, не могла испугать такую бывалую и развязную женщину, какъ Жуковская. Да кстати, она и сама не замѣтила этой головы. Мнѣ показалось гг. присяжные, что когда мой товарищъ говорилъ вамъ о ничтожности для дѣла этой чертовой головы, то вы неодобрительно относились къ его доводамъ. Но невозможно не довѣрять тому, что очевидно. Мальчикъ Ягвинъ показывалъ объ этой головѣ съ дѣтскою правдивостью. По счастью, его слова нашли себѣ неопровержимое подтвержденіе. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что, во время игры, дѣти выбили чорту зубы. Въ одинъ изъ перерывовъ засѣданія я подошелъ къ столу вещественныхъ доказа-

тельствъ и нашелъ у этой почернѣвшей отъ времени головы свѣжіе, бѣлые надломы зубовъ и носа. Вы сами ихъ видѣли. Но допустилъ-ли бы это Бѣлякевичъ, если-бъ онъ приготовилъ чертову голову для запугиванія прихожанъ?!. Онъ-бы скорѣе удлинилъ зубы и увеличилъ носъ дьявола, а ужъ никакъ не сталъ-бы ихъ разрушать. Словомъ, этого черта необходимо выбросить вонъ изъ дѣла, потому что онъ приплетенъ сюда искусственно.

Есть еще и другая искусственная мелочь, которою стараются смутить и васъ, и насъ. Это—настойчивое упоминаніе въ обвинительномъ актѣ и обвинительной рѣчи о человѣческихъ испражненіяхъ, найденныхъ въ разныхъ подвальныхъ и служебныхъ помѣщеніяхъ костела. Хотятъ васъ убѣдить, что эти испражненія появились потому, что Бѣлякевичъ не выпускалъ заключенныхъ для отправленія естественныхъ надобностей и, такимъ образомъ, загрязнилъ храмъ... Но и это явно несправедливо. Заключенные никогда не терпѣли подобнаго угнетенія. Всѣ ихъ потребности удовлетворялись. Имъ давали пищу; ихъ выпускали, когда угодно. Бернатовичъ отказалась отъ пищи, со злости. Жуковская загрязнила только каморку и то лишь потому, что была пьяна. Во всѣхъ прочихъ помѣщеніяхъ испражненія завелись потому, что погреба костела не имѣли никакихъ запоровъ. При чемъ-же тутъ Бѣлякевичъ? Какъ онъ могъ это предупредить? Каждый, кто всходилъ на крышу очаровательнаго миланскаго собора, знаетъ, что тамъ переступать трудно, не пачкаясь въ испражненіяхъ. Я думаю, и вы постоянно видите, какъ бронзовыя головы самыхъ гордыхъ монументовъ облиты бѣлыми струями птичьихъ испражненій. Никакое величіе не защищено отъ житейской грязи. И всѣ эти приводимыя обвиненіемъ нечистоты рѣшительно не относятся къ винѣ Бѣлякевича.

Итакъ, если мы отбросимъ испражненія, чертову голову и гробы, какъ обстоятельства, вовсе не говорящія о мученіяхъ, то затѣмъ останутся лишь грубоватыя, но заурядныя мѣры исправленія. Такъ ли еще исправляютъ домашними или полицейскими мѣрами людей порочныхъ и преступныхъ! Вы видѣли, что всѣ потерпѣвшіе здоровы. Главныя муче-

ницы, Жуковская и Бернатовичъ, пострадали гораздо менѣе, нежели страдаютъ пьяные и распутные простолюдины подъ властью, напримѣръ, волостныхъ правленій. Но предъ нами восклицаютъ: вѣдь это дѣлалъ священникъ, христіанскій пастырь!.. Не гадко-ли это?.. Согласенъ, что это некрасиво, некультурно и въ особенности, это—въ высшей степени нелиберально. Г. Прокуроръ говоритъ съ укоризной, что ксендзъ Бѣлякевичъ „принизился до своей паствы“. А я думаю, что ксендзъ Бѣлякевичъ никогда не падалъ, потому что никогда и не возвышался надъ своими прихожанами. Онъ, въ сущности, всегда оставался равнымъ той народной средѣ, изъ которой былъ взятъ въ священники. Здѣсь и пастырь, и паства были люди простые; потому-то они такъ понимали и такъ любили другъ друга. Попытаемся-же заглянуть въ простое сердце этого пастыря.

Настоящее дѣло было-бы чрезвычайно ясно, если-бы въ немъ не былъ замѣшанъ Богъ: но въ этомъ, именно, и есть главное затрудненіе. „Ты мнѣ говори прямо“, какъ вопрошаетъ въ одномъ мѣстѣ Достоевскій: „есть Богъ, или нѣтъ Бога“?! И я къ вамъ обращаюсь съ тѣмъ-же вопросомъ...

„Богъ есть“, отвѣчаетъ ваша присяга, потому что вы клянетесь Его именемъ. „Богъ есть“, говоритъ наша религія.

Ну, въ такомъ случаѣ все сразу мѣняется. Если есть Богъ, то есть и жизнь за гробомъ. Тогда вся наша земная жизнь, все, насъ окружающее, есть только прахъ и тлѣнъ, потому что все это случайно и преходяще, и всѣ наши помыслы должны быть направлены къ тому, чтобы намъ было уготовано мѣсто въ раю, ибо только послѣ смерти начинается жизнь вѣчная... Не знаю, кто и какъ къ этому относится, но знаю и ручаюсь, Бѣлякевичъ во все это вѣруетъ всѣмъ своимъ существомъ.

Поднимемтесь-же нѣсколько выше человѣческихъ испражненій и даже гораздо выше, даже безконечно выше: поднимемтесь къ самому небу!

Римско-католическую церковь основалъ Св. Апостолъ Петръ, ученикъ Христовъ, тотъ самый, у котораго нынѣ находятся ключи отъ рая. Какъ православная, такъ и католическая церковь одинаково вѣруютъ, что Таинство При-

чащенія было установлено на послѣдней Вечери Христовой и что предъ Вознесеніемъ Своимъ на небо Господь оставилъ ученикамъ своимъ божественную благодать, т. е. власть духовную вершить дѣла земныя. Въ катехизисѣ Филарета мы читаемъ: „Священство есть таинство, въ которомъ Духъ Святый правильно избраннаго черезъ рукоположеніе Святительское, поставляетъ совершать таинства и пасти стадо Христово“. И вотъ, Апостолъ Петръ, передавшій божественную благодать первому римскому папѣ, черезъ возложеніе рукъ на его голову, сдѣлалъ тѣмъ самымъ эту благодать неумирающею въ лонѣ католической церкви. Съ тѣхъ поръ, отъ папъ къ епископамъ, отъ епископовъ къ священникамъ, та-же самая, подлинная священная благодать передается всѣмъ священникамъ, до самаго послѣдняго деревенскаго пастыря церкви... Поэтому я съ полнымъ правомъ говорю вамъ: на головѣ этого подсудимаго есть печать Святаго Духа!..

Посмотрите-же, какая выходитъ странность. Бѣлякевичъ судится не какъ священникъ, а какъ заурядный преступникъ. Въ виду этого, по закону въ вашемъ составѣ могутъ быть и католики. Въ нынѣшнемъ очередномъ спискѣ даже и значился католикъ, но онъ, кажется, заболѣлъ или уволенъ,—словомъ исчезъ. Но если-бы этотъ присяжный засѣдатель сидѣлъ теперь среди васъ, и ему въ экстренномъ случаѣ понадобилась помощь церкви, то подсудимый Бѣлякевичъ имѣлъ-бы высшее, исключительное право отпустить грѣхи своему судьѣ...

Теперь представьте себѣ священника не такого, который, опуская мѣдныя монеты въ свой широкій карманъ, оканчиваетъ каждую свою исповѣдь равнодушными словами: „прощаю и разрѣшаю“, а такого, который, сознавая себя земнымъ орудіемъ самого Духа Святаго, считаетъ себя прежде всѣхъ другихъ отвѣтственнымъ передъ Богомъ за грѣхи своей паствы... Вообразите себѣ пастыря, который не ограничивается благочестивыми вздохами, вспоминая своихъ безчисленныхъ овецъ, съѣденныхъ волками, а который денно и нощно терзаетъ свою совѣсть возможностью предотвратить погибель каждой своей овечки... Ка-

кое трудное, какое мрачное поприще! Вокругъ священника—дикое простонародье, а онъ — ближайшій зритель всѣхъ бѣдствій и безобразій этой толпы. Иногда бываетъ, что вся плебанія полна плачущихъ, избитыхъ, обнищалыхъ: окровавленная жена, поруганная дѣвушка, брошенныя дѣти... Будь для всѣхъ и защитникомъ, и судьею, и наставникомъ!.. Вѣдь всякія человѣческія силы имѣютъ предѣлы. Случается, что самый кроткій врачъ, работающій въ холерномъ баракѣ, изнемогаетъ и свирѣпѣетъ... Бываетъ, что наилучшій сельскій учитель, выведенный изъ терпѣнія, хватитъ по загривку мальчика, портящаго всю школу... Легко быть воздержаннымъ тому, кто не поставленъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ-звѣремъ, и кто не принялъ на себя муки его исправленія.

Между-тѣмъ, чрезвычайно порочная паства досталась Бѣлякевичу. Его горячая забота о водвореніи добрыхъ нравовъ однимъ пастырскимъ словомъ не всегда приводила къ цѣли. Его уже брало отчаяніе. „Кто Бога не боится, устрашится-ли тотъ законной власти?“, пишетъ онъ въ своемъ признаніи. И вѣдь это вѣрно! Если не страшенъ Богъ, владѣющій жизнью самихъ царей, то почему-же могутъ быть страшны исполнители царской власти? Эта мысль вѣрна не только въ отношеніи простого народа, но и въ отношеніи образованныхъ классовъ. Разница лишь въ томъ, что для этихъ классовъ понятіе Бога замѣняется понятіемъ „идеала“. Кто не страшится за свое человѣческое достоинство, — испрашивать-ли того карательные законы?.. Бѣлякевичъ зналъ, что прихожанинъ падаетъ къ его ногамъ и покоряется его слову только потому, что въ немъ самомъ чувствуетъ присутствіе невидимаго Бога. Но вотъ Бѣлякевичу приходится увѣщевать пьянаго. Подсудимый заявляетъ, что лучше было-бы бесѣдовать со стѣной, чѣмъ съ подобнымъ человѣкомъ, превращеннымъ водкою въ „настоящее животное, не понимающее себя“. Или онъ наталкивается на неисправимую проститутку. Ничто не можетъ оторвать ее отъ разврата—ни мольбы родителей, ни вмѣшательство полиціи. Тогда онъ поневолѣ дѣлается строгимъ, изображая изъ себя гнѣвъ Божій. Онъ покоряетъ ее родителямъ. Онъ изо-

брѣтаетъ для нея родъ временнаго постриженія въ монахини. Онъ обрекаетъ ее на неволю въ храмѣ, надъ которымъ витаетъ Богъ; онъ заставляетъ ее каяться въ созерцаніи смерти; онъ погружаетъ ее въ чтеніе молитвъ, готовитъ ее къ исповѣди и, наконецъ, очищенную отъ грѣховъ, допускаетъ ее къ принятію Св. Тайнъ, и она была исцѣлена навсегда...

Или, Бѣлякевичъ встрѣчаетъ въ бойкихъ глазахъ какой-нибудь распущенной бабы скрытое неуваженіе къ Богу, она дерзаетъ говорить противъ Него... Тогда онъ повелительно ударяетъ ее веревкою и отсылаетъ заточить ее въ предѣлахъ церковной ограды. Онъ все это дѣлаетъ, какъ сдѣлалъ-бы то-же самое отецъ, поймавшій своего ребенка на чемъ-нибудь отвратительномъ, за что онъ его бьетъ, въ невольномъ раздраженіи, или ставитъ его въ уголъ,—словомъ, „любя наказуетъ“... И все это казалось Бѣлякевичу настолько естественнымъ и справедливымъ, что только теперь, словно очнувшись отъ сна, онъ уже заднимъ числомъ начинаетъ соображать, что, быть можетъ, не слѣдовало такъ поступать. И однако-же, онъ видитъ, что до этой минуты отрезвленія, онъ ни на одинъ мигъ не считалъ себя въ чемъ-либо виновнымъ...

Дѣйствительно, какъ-же Бѣлякевичъ станетъ оправдываться? Вѣдь между нимъ и его судьями—цѣлая бездна! Какимъ образомъ докажетъ онъ теперь, что онъ былъ правъ? Онъ желалъ добра... Но кто за него вступится? „Бога никто же видѣ нигдѣ же, ниже видѣти можетъ“, говоритъ апостолъ. И Богъ за Бѣлякевича не вступается... Подсудимый апеллируетъ къ небу, но небо безмолвствуетъ. И потому Бѣлякевичъ кажется виновнымъ...

Сдѣлаемъ сравненіе. Насколько счастливѣе, нежели Бѣлякевичъ, поставлены другіе доброжелатели человѣчества. Возьмите, напримѣръ, хирурговъ. Какія терзанія причиняютъ они своимъ паціентамъ! Есть операціи, при которыхъ нельзя давать хлороформа, и нужно руководствоваться одними криками больного, чтобы знать, въ надлежащее-ли мѣсто направляется инструментъ. Я знаю случай, когда послѣ одной подобной операціи больной, еще лежа въ клиникѣ, говорилъ, что онъ

проклиналъ день своего рожденія за то, что рѣшился отдаться хирургу. Но прошло время, раны зажили, больной окрѣпъ, и когда онъ возвратился къ жизни, то готовъ былъ цѣловать ноги тому хирургу, который истязалъ его... Да, хирурговъ защищаетъ земной опытъ. Но какими доказательствами опыта можетъ Бѣлякевичъ оправдать свои сравнительно ничтожныя мѣры строгости противъ своихъ прихожанъ? Вѣдь для этого онъ долженъ былъ-бы поднять завѣсу ада, гдѣ происходитъ мука вѣчная, безъ перерыва, безъ облегченія, безъ помилованія, безъ освобождающей смерти... Но спрашивается: можетъ-ли онъ показать вамъ родныхъ сестеръ по духу Бернатовичъ и Жуковской, сгорающихъ нынѣ въ геенѣ огненной, и торжествующе воскликнуть: „смотрите—вотъ отъ чего я спасъ моихъ духовныхъ дочерей. Что-же мнѣ за это слѣдуетъ: суровая кара или заступничество Божіе за то, что я спасалъ чужія души?!“ Но Бѣлякевичъ сдѣлать этого не можетъ...

Здѣсь мы находимся въ самомъ центрѣ защиты. Какъ-бы тамъ ни было, но въ настоящемъ дѣлѣ нельзя усмотрѣть ничего иного, кромѣ самоуправства священника, превышенія власти священника,—запомните это, священника, а не обывателя и гражданина. Но намъ скажутъ: это уже не преступленіе священника, здѣсь уже общеуголовное преступленіе—истязаніе. А я спрашиваю: какое же истязаніе? На потерпѣвшихъ найдены слѣды только пятнадцати ударовъ веревки,—слѣды легкихъ побоевъ. Изъ этихъ ударовъ развѣ только три-четыре нанесены Бѣлякевичемъ; остальные, какъ говорятъ потерпѣвшія, и какъ должно было быть въ дѣйствительности, причинены усердными сторожами и, вообще, лицами, отводившими задержанныхъ въ костелъ. Поэтому, если быть справедливымъ, то здѣсь нельзя найти ничего иного, кромѣ простого самоуправства и насилія, наказуемыхъ по мировому уставу. Но и это обвиненіе падаетъ, потому что сами потерпѣвшія въ настоящее время не желаютъ преслѣдовать подсудимаго. Откуда-же выходитъ истязаніе? Опять таки лишь изъ того, что подсудимый—священникъ. Болѣе просвѣщенные товарищи Бѣлякевича дѣйствительно говорили, что христіанство всегда кротко и миролюбиво.

Но Бѣлякевичъ не былъ въ академіи, и онъ вѣруетъ точно такъ же, какъ его необразованные прихожане. А для простого народа христіанство должно казаться не совсѣмъ такимъ... Вѣдь мы вѣруемъ въ Святую Троицу, т. е. въ Отца и Сына и Св. Духа. Но вы знаете, что въ Ветхомъ Завѣтѣ мы встрѣчаемся со всемірнымъ потопомъ за грѣхи, что Богъ-Отецъ ниспослалъ намъ, грѣшнымъ, свои заповѣди при громѣ и молніи. Вы видите, что Архистратиги небесные изображаются на иконахъ вооруженными мечами. Святое Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Христосъ изгналъ торговцевъ изъ храма ударами веревки. Наконецъ, всѣ мы ожидаемъ Страшнаго Суда... Слѣдовательно, небеса нашей религіи сіяютъ надъ нами не безъ угрозы... И вотъ, всѣ прихожане Бѣлякевича видѣли въ налагаемыхъ имъ наказаніяхъ, въ ударахъ его веревки, во временномъ заточеніи при костелѣ— ничто иное, какъ заслуженный гнѣвъ Божій! Они боялись неба, они каялись, они исправлялись. И всѣ были довольны. И такъ длилось, пока... Бѣлякевичъ не натолкнулся на Бернатовичъ. Эта женщина, занимавшаяся сводничествомъ, дѣйствительно была его главнымъ врагомъ. Врагъ этотъ былъ вооруженъ сильной протекціей. Мы здѣсь узнали, что Бернатовичъ была интимно дружна съ одной молодой женщиной, госпожей Чайковской: „мы всегда другъ къ дружкѣ ходили,—то я къ барынѣ, то она ко мнѣ“, говорила Бернатовичъ. А между тѣмъ, за этой барыней ухаживалъ частный приставъ Авдѣевъ—и настолько ухаживалъ, что послѣ возбужденія настоящаго дѣла женился на ней, и госпожа Чайковская уже явилась на судъ въ качествѣ госпожи Авдѣевой. Вотъ какими административными связями обладала Бернатовичъ! Понятно поэтому, что, когда Бѣлякевичъ заключилъ ее въ каморку, то Бернатовичъ кричала оттуда: „когда я отсюда уйду, то ксендзу будетъ плохо... Я его съѣмъ“. И въ самомъ дѣлѣ, Бернатовичъ, уже привыкшая къ своей непоправимой задолженности передъ адомъ, очевидно, махнула рукой на будущую жизнь. Она уже исповѣдуетъ просвѣщенный скептицизмъ и немножко смекаетъ въ тѣхъ неприкосновенныхъ правахъ общежитія, которыя такъ дороги моему уважаемому товарищу Спасовичу. Она разсудила, что Бѣлякевичъ слишкомъ стѣсняетъ ея удобства, что у него

руки стали слишкомъ длинны, что такъ нельзя—что вѣдь на то есть и полиція... Она чуяла, что, благодаря своимъ знакомствамъ, она сможетъ сокрушить самую гидру католицизма. И она побѣдила!

Заблужденіе Бѣлякевича состояло въ томъ, что онъ не распозналъ, что въ лицѣ Бернатовичъ онъ, въ сущности, оказался за предѣлами своей паствы. Онъ считалъ ее равною себѣ по вѣрѣ,—по той простой вѣрѣ, которая видитъ величайшее благо во всякомъ исцѣленіи отъ земной нечисти.

Онъ ошибся. Но ошибся опять-таки, какъ священникъ.

Послѣ всего, что я сказалъ, я, по примѣру моего товарища, обращусь также къ закону, но только къ такому, на который онъ не ссылался.

Ст. 1017 уст. уг. судопр. говоритъ:

„Лица, принадлежащія къ духовенству одного изъ христіанскихъ исповѣданій, за нарушеніе обязанностей ихъ званія, установленныхъ церковными правилами и другими, дѣйствующими по духовному вѣдомству, положеніями,—подлежатъ суду духовному“.

И я думаю совершенно такъ же, какъ эта статья. Я думаю, что Бѣлякевичъ не подлежитъ вѣдѣнію мірского суда. Онъ долженъ отвѣчать передъ своею церковью. Вы слышали мудрое и прекрасное заключеніе Ковенскаго епископа, который относится съ строжайшимъ порицаніемъ къ предосудительному, по его мнѣнію, физическому воздѣйствію ксендза Бѣлякевича на своихъ прихожанъ, въ видахъ исправленія ихъ нравственности, и полагаетъ подвергнуть Бѣлякевича церковному наказанію. Дѣйствительно, по самому свойству поступковъ Бѣлякевича, къ нему только и мыслимо примѣнить наказаніе церковное—я не знаю, въ чемъ оно можетъ состоять: удаленіе на многіе годы отъ пастырства, строгое заключеніе въ монастырѣ или даже лишеніе сана,—но, повторяю, только съ такимъ наказаніемъ можетъ помириться совѣсть судьи, призваннаго рѣшить участь ксендза Бѣлякевича. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, приравнять его къ обычнымъ подсудимымъ, сидящимъ на этой скамьѣ—къ ворамъ, мошенникамъ, разбойникамъ и, вообще, къ злоумышленникамъ и душегубцамъ. Нельзя назвать злоумышленникомъ того, кто умышлялъ добро и душегуб-

цемъ того, кто спасалъ душу ближняго... Бѣлякевичъ желалъ водворенія той-же нравственности, о которой заботится и судъ свѣтскій,—но только онъ преслѣдовалъ случаи безнравственности болѣе тонкіе и глубокіе, нежели тѣ, которые предусмотрѣны въ законѣ, и наказывалъ ихъ несравненно легче, чѣмъ судьи законные. Онъ самъ былъ безупречно чистъ и требовалъ полной чистоты отъ своей паствы. Онъ не прощалъ ни супружеской измѣны, ни всякихъ видовъ внѣбрачнаго сластолюбія, ни даже—опьяненія. Не знаю, многіе-ли изъ присутствующихъ подойдутъ подъ такую высокую мѣрку морали?... И вотъ, я себя ставлю на ваше мѣсто: кто же изъ васъ, по совѣсти, скажетъ, что онъ душою чище Бѣлякевича? А васъ заставляютъ осудить его...

Нѣтъ, ужъ пусть его судитъ церковь. Католическая церковь находится у насъ въ вѣдѣніи Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Пусть этотъ Департаментъ пресѣчетъ своими мѣрами всякія излишества пастырскаго усердія и всякіе нецивилизованные пріемы въ обузданіи грѣховъ, къ которымъ прибѣгаютъ такіе, вышедшіе изъ народа священнослужители, какъ Бѣлякевичъ. Все это—вопросы обще-церковные, вопросы государственной политики, а не тѣ обывательскіе вопросы, которые вы призваны обсудить. Отстранитесь отъ этого. Вы видите, что Бѣлякевичъ ратовалъ за своего Бога. Быть можетъ, онъ безразсудно понялъ значеніе и предѣлы своей власти, но все-таки это было съ его стороны только пастырскимъ грѣхомъ, а не общимъ преступленіемъ передъ свѣтомъ.

Вамъ будутъ поставлены о виновности Бѣлякевича многіе вопросы,—вопросы первой и второй категоріи,—сообразно съ различными статьями закона и разъясненіями Сената. Но я бы на вашемъ мѣстѣ, на всѣ эти вопросы, безъ различія, отвѣтилъ: „нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ,—передъ нами, міряне, этотъ монахъ неповиненъ... Не нашъ судъ можетъ судить его“.

Такъ я смотрю на это дѣло, такъ я его понимаю и только такой приговоръ я нашелъ-бы внутренно-правильнымъ.

Остальное—въ вашихъ рукахъ.

Бѣлякевичъ былъ осужденъ, но, по просьбѣ его отца, помилованъ Государемъ и переведенъ ксендзомъ въ Тирасполь.

Дѣло

Екатеринославскаго Банка.

Дѣло Екатеринославскаго Банка.

Защита Бразоля.

Гг. судьи! Гг. сословные представители!

Боюсь, что у васъ, при наилучшихъ намѣреніяхъ, уже установилась въ сердцѣ формальная безнадежность по отношенію къ Бразолю... Я какъ бы слышу: „говори тамъ себѣ, что хочешь, а отъ закона уйти нельзя!“ Прошу васъ хоть на время освободиться отъ такого настроенія! Вы знаете римское изреченіе: „не все, что дозволено—честно“. Этотъ афоризмъ имѣетъ гораздо болѣе интересную изнанку: „не все, что запрещено—безчестно“, ибо въ каждомъ обвиненіи приходится отдѣльно обсуждать, представлялось ли въ данномъ случаѣ, для этого человѣка, съ точки зрѣнія его собственныхъ интересовъ, запрещенное—безчестнымъ? И если при такой постановкѣ вопроса, Бразоль откроетъ передъ вами свою душу, свои чистыя намѣренія,—то вы придете ему на помощь!

Бразоль принадлежитъ къ обширному и очень извѣстному въ Малороссіи дворянскому роду. Всѣ Бразоли издавна составили себѣ репутацію людей добрыхъ, сердечныхъ, порядочныхъ. Въ этомъ отношеніи Ив. Никоновичъ Бразоль ни въ чемъ не разошелся съ основными чертами своихъ родичей. И теперь, по выслушаніи этого дѣла, всѣ скажутъ о немъ: человѣкъ, быть можетъ, простоватый и слишкомъ уступчивый, а все-таки—самъ по себѣ хорошій человѣкъ, неспособный сознательно пожелать кому-нибудь зла или

сдѣлать его. И вотъ, если этотъ основной тезисъ моей защиты не возбудитъ у васъ недовѣрія ни на минуту и до конца, то я не отчаяваюсь за Бразоля. .

Въ Екатеринославскомъ банкѣ Бразоль работалъ цѣлыхъ 25 лѣтъ. Роковымъ образомъ крахъ банка совпалъ съ его юбилеемъ... Но это вовсе не значитъ, что юбилейный годъ сорвалъ, наконецъ, маску съ этого лицемѣра, которому такъ долго и такъ напрасно вѣрили. Напротивъ, Бразоль можетъ доказать, что онъ заслужилъ это довѣріе. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ его дѣятельность въ банкѣ не даетъ никакихъ поводовъ къ судебному преслѣдованію. Этотъ періодъ и характеризуетъ собственно Бразоля такимъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, какимъ его Богъ создалъ. Во всѣ эти годы, онъ былъ свободенъ, онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему повелѣвали его собственный разумъ, совѣсть и воля.

Но съ 1891 г. на Бразоля налетѣлъ вихрь постороннихъ вліяній, съ которыми онъ рѣшительно не въ силахъ былъ совладать. Человѣкъ скромный, весьма склонный признавать надъ собою чужое превосходство, Бразоль только широко раскрылъ глаза передъ тѣмъ, что неожиданно стало твориться въ завѣдуемомъ имъ банкѣ. Онъ недоумѣвалъ. Внутренно его коробило отъ всѣхъ этихъ новшествъ, но перечить онъ стѣснялся, полагаясь на чужой талантъ, на чужія широкія затѣи, которымъ—какъ знать!—быть можетъ, суждено было увѣнчаться большимъ финансовымъ успѣхомъ.

Предсѣдателемъ правленія былъ избранъ Любарскій-Письменный. Этотъ человѣкъ, представлялся Бразолю денежною силою громадною и незыблемою, какъ Лондонскій банкъ. Впрочемъ, Любарскій взглянулъ на Екатеринославскій банкъ, какъ на второстепенную отрасль своихъ обширныхъ операцій. Онъ остался жить въ Харьковѣ, повелѣвалъ издалека и посадилъ въ правленіе Екатеринославскаго банка, въ качествѣ своего alter ego,—нѣкоего Макарова. Не берусь объяснить, какимъ образомъ такой низкопробный авантюристъ, какъ Макаровъ, вкрался въ безграничное довѣріе такого барина, какъ Любарскій, и получилъ надъ нимъ какую-то волшебную силу... Но фактъ на-лицо! Макаровъ въ Екатеринославѣ сдѣлался воплощеніемъ распоряженій

и желаній самого Любарскаго. Каково же было Бразолю отнынѣ директорствовать и сидѣть бокъ-о-бокъ съ этимъ всемогущимъ Макаровымъ? Онъ былъ совершенно сбитъ съ толку и потерялъ всякую возможность критики.

Наступила эпоха нарушеній устава, неправильностей, подлоговъ и проч., о чемъ уже подробно и прекрасно говорилъ мой товарищъ *). Фактическая сторона защиты Бразоля въ этомъ отношеніи исчерпана.

Наружная сторона приписываемыхъ Бразолю дѣяній описана въ обвинительномъ актѣ, какъ будто и вѣрно. И однако же, если бы мы вообразили себѣ 16 преступленій Бразоля, въ видѣ отдѣльныхъ фигуръ,—то я бы сказалъ, что всѣ эти фигуры до единой—не живыя лица, а куклы. Дѣйствительно: за чертою 1891 г., мы вдругъ наблюдаемъ, что по книгамъ, по текущимъ счетамъ, по вексельнымъ и другимъ операціямъ, по балансамъ и отчетамъ личность Бразоля измѣняется до полной неузнаваемости. Кажется, Богъ вѣсть, чѣмъ сталъ заниматься этотъ человѣкъ, Богъ вѣсть, во что онъ превратился! Но, по счастью, все это произошло только на бумагѣ, все это—лишь обманъ зрѣнія. На самомъ же дѣлѣ, Иванъ Никоновичъ остался точнехонько такимъ, какимъ былъ отъ рожденія. Книги и отчеты, дѣйствительно, испортились, но самъ Бразоль не перемѣнился.

Черезъ всю свою довольно продолжительную службу въ банкѣ Бразоль пропелъ, какъ существо по природѣ честное. Были, правда, и до 1891 г. нѣкоторыя формальныя отступленія отъ устава, совершавшіяся, конечно, не по идеѣ Бразоля, потому что онъ вовсе не финансистъ, но всѣ эти погрѣшности были сглажены Майданскимъ, богатымъ и смышленнымъ членомъ правленія, и дѣла банка снова пришли къ такой нормѣ, что за этотъ періодъ прокуратура не можетъ сформулировать никакого обвиненія. Съ появленіемъ же Письменнаго и Макарова, все прошлое идетъ на смарку. Начинается спекуляція и отчаянная игра на биржѣ. При чемъ тутъ Бразоль?

---

*) М. Л. Гольдштейнъ.

Передъ Бразолемъ появляются люди сильные деньгами, авторитетомъ, волею и характеромъ. Они говорятъ: „да что вы тутъ лапти плетете! Развѣ такъ можно сдѣлать что нибудь путное? Вотъ что и вотъ что нужно“...

И началось...

Все дальнѣйшее вы знаете.

Посмотрите же, что такое совершилъ Бразоль?

Вѣдь безъ злого умысла нѣтъ преступленія. Итакъ, былъ ли злой умыселъ со стороны Бразоля во всемъ, что творилось послѣ вступленія въ банкъ Любарскаго и Макарова? Легче легкаго доказать съ полнѣйшею добросовѣстностью: нѣтъ, не было.

Правду истинную выложилъ Бразоль передъ судебнымъ слѣдователемъ, когда онъ говорилъ: „игра на биржѣ велась противъ моего желанія! Мнѣ трудно было бороться съ Макаровымъ, и когда онъ мнѣ доказывалъ, что все дѣлаетъ съ вѣдома Любарскаго, то я ему отвѣчалъ: дѣлайте, какъ хотите; я свое мнѣніе высказалъ. Фиктивный счетъ колонистовъ я считалъ помойною ямою, куда Макаровъ сваливалъ все, что ему было нужно. Я велъ отдѣльную книжку о всевозможныхъ векселяхъ, учитываемыхъ Макаровымъ, для того, чтобы имѣть возможность ткнуть ее въ носъ Макарову во всякое время и напомнить ему тѣ гадости, которыя онъ творилъ“...

Всѣ эти объясненія—не увертки преступника, а крикъ сердца дѣйствительно честнаго человѣка, попавшаго во власть разнузданнаго и крѣпкаго своею протекціею авантюриста. Возможно-ли послѣ этихъ правдивыхъ словъ, говорить о солидарности Бразоля съ Макаровымъ, объ ихъ дружескихъ совѣщаніяхъ въ кабинетѣ и характеризовать ихъ отношенія казеннымъ терминомъ „предварительнаго соглашенія“?! Да вѣдь Бразоль тутъ виденъ весь, какъ безсильный врагъ Макарова. Онъ велъ свою книжку... Для кого? Для чего?—Неужели, какъ документъ „предварительнаго соглашенія“?! Ужъ это—ни въ какомъ случаѣ. Единственно-возможное объясненіе: онъ велъ ее для самооправданія. Но передъ кѣмъ? Передъ Страшнымъ Судомъ? Передъ своею совѣстью? Это неизвѣстно... И однако же,

ясно, что это были замѣтки не сообщника, а противника, таившаго въ своемъ карманѣ угрозу противъ Макарова на случай, если-бы кто-нибудь сталъ когда-нибудь приписывать самому Бразолю то, что дѣлалъ одинъ Макаровъ. Какая нелѣпая самозащита! А вотъ, подите-же: она въ высшей степени трогательна. Она дѣтски проста. Она лучше всякихъ свидѣтелей убѣждаетъ насъ въ томъ, что Бразоль внутренно ненавидѣлъ политику Макарова и уступалъ ей лишь потому, что она была выше его собственнаго таланта, выше его личной воли. Онъ очутился въ безвыходномъ положеніи...

Дѣйствительно, что могъ сдѣлать Бразоль?

Мы превосходно знаемъ отвѣтъ, созданный мудростью законовѣдовъ. Эта мудрость повторяетъ всѣмъ директорамъ и членамъ правленій банковъ одинъ и тотъ же абстрактный отвѣтъ: „Если вамъ предлагаютъ нарушить уставъ, отказывайте и протестуйте. А если вы согласитесь, то будете наказаны, какъ преступникъ“.

Разсуждая академически, это наставленіе, пожалуй, и вѣрно. За то, въ примѣненіи къ жизни, оно сплошь и рядомъ можетъ оказаться совершенно непригоднымъ, пагубнымъ, жестокимъ. Придерживаясь подобнаго взгляда, можно исказить до явной несправедливости личность, волю и дѣянія судимаго человѣка.

И это подтверждается на Бразолѣ.

Въ смиренномъ Бразолѣ природа начертала съ особенною ясностью свою нравственную аксіому, раздѣляемую, впрочемъ, и юристами: „каждый отвѣчаетъ только за себя“. Быть можетъ, Бразоль держался за нее слишкомъ узко, но противъ строгости къ себѣ, къ своимъ собственнымъ нравственнымъ побужденіямъ онъ никогда не погрѣшалъ.

Поэтому-то Бразоль, съ полнымъ убѣжденіемъ, относитъ всю биржевую игру, противъ которой онъ всячески возставалъ,—не къ своей отвѣтственности, а къ винѣ Макарова.

Заведенная Макаровымъ въ банкѣ биржевая игра тревожила Бразоля. Онъ возражалъ Макарову, спорилъ съ нимъ, ѣздилъ жаловаться на него въ Харьковъ Любарскому—ничто не помогало. Вѣроятно, ему дали понять, что

онъ не знаетъ, какъ слѣдуетъ зарабатывать деньги... Онъ уступилъ очень модному въ то время авторитету—голосу Харькова, финансовой столицы юга,—и принялся за весьма странное занятіе: слѣдить за внѣшнею правильностью отчетовъ и книгъ. Вы называете это подлогами, обманомъ акціонеровъ и публики. Но представьте себѣ, что Бразолю ни на минуту не приходило это въ голову! Ему внушили, что, напротивъ, совершается нѣчто, хотя и противууставное, но въ высшей степени выгодное для акціонеровъ въ будущемъ. И Бразоль дошелъ до совершенно дикаго взгляда, что разглашать этого финансоваго секрета нельзя. Какъ это ни удивительно, но Бразоль вполнѣ искренно высказалъ эту мысль бывшему члену правленія Майданскому, даже сослался на 47 параграфъ устава, обязывающій служащихъ въ банкѣ хранить тайну его дѣлъ... Слыхали ли вы когда нибудь ранѣе такое мудреное толкованіе закона отъ директора банка! Выходитъ, что въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ банкъ, по уставу, даже какъ бы обязанъ прибѣгать къ подлогамъ... Вотъ что получается въ результатѣ, когда законъ сталкивается въ жизни съ такимъ рѣдкостнымъ чудакомъ, какъ Иванъ Никоновичъ Бразоль. И что же мы видимъ? Дѣйствительно, Бразоль работаетъ неустанно, слѣдитъ зорко за книгами и отчетами, дабы они попрежнему были въ порядкѣ, тщательно примѣняетъ прежнюю правильную бухгалтерію къ совершенно неправильнымъ дѣйствіямъ и, скрѣпя сердце, съ недоумѣніемъ ждетъ, выйдетъ ли изъ этого, наконецъ, то обѣщанное благо для акціонеровъ, которое ему сулили... Проигрышъ увеличивается, но совѣсть Бразоля спокойна: „Во всемъ этомъ я неповиненъ. Другіе это затѣяли, другіе и отвѣтятъ“. И вдругъ —катастрофа. Макаровъ неожиданно скрылся... Въ банкъ явился городовой... Бразоль похолодѣлъ отъ головы до ногъ. Описывая этотъ ужасный моментъ, Бразоль сказалъ мнѣ: „только въ эту минуту я сообразилъ: „такъ тебѣ, дураку, и надо“!—Какъ видите, Бразоль назвалъ себя дуракомъ, но ему никогда и не воображалось, что онъ былъ преступникомъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, нельзя же серьезно говорить о томъ, будто Бразоль былъ способенъ согласиться на явно-

преступную дѣятельность, ради жалованія директора, или „изъ боязни лишиться мѣста“. Эта послѣдняя фраза, очевидно, попала въ протоколъ перваго допроса, вслѣдствіе автоматическаго поддакиванія Бразолемъ на тѣ предположенія, которыя высказывалъ самъ судебный слѣдователь. Бразоль стоялъ передъ слѣдователемъ на этомъ допросѣ совсѣмъ больной, подавленный, ошеломленный. Тогда онъ еще самъ себѣ не далъ отчета во всемъ случившемся. И мы видимъ теперь изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, что боязнь лишиться мѣста со стороны Бразоля была бы въ данномъ случаѣ просто недопустима. Напротивъ, репутація Бразоля стояла въ екатеринославскомъ обществѣ такъ высоко, что Любарскій, отъ котораго все зависѣло, долженъ былъ держаться за него обѣими руками, вкрадываться въ его довѣріе и, затѣмъ, до самой послѣдней минуты успокаивать его обаяніемъ своего финансоваго престижа, дабы онъ не тревожился и только не снималъ съ банка своего флага. И если бы Бразоль имѣлъ въ крови хоть каплю хищническихъ инстинктовъ, онъ съумѣлъ бы очень и очень выгодно продать этимъ пришлымъ реформаторамъ банка свою незыблемую репутацію, заработанную долгими трудами.

Но онъ объ этомъ не думалъ, какъ не думалъ, конечно, и томъ, что жалованье директора выдается ему будто бы только за подлоги, а не за что либо иное. Я уже разъяснилъ его своеобразные взгляды на отчетность. Бразоль, по совѣсти, считалъ, что за исходъ операцій, невѣрно проводимыхъ по бумагамъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ отвѣтѣ, потому что онъ ихъ не желалъ и не онъ ихъ выдумалъ. И вы имѣете въ дѣлѣ превосходное указаніе на дѣйствительнаго виновника: этотъ виновникъ бѣжалъ, а ослѣпленный и потому безстрашный Бразоль остался, чтобы дать отвѣтъ передъ правосудіемъ. Вообще, можно ли говорить о корысти къ жалованію со стороны человѣка, съ усердіемъ прослужившаго въ учрежденіи 15 лѣтъ, достигшаго при появленіи Любарскаго 60-ти-лѣтняго возраста, имѣвшаго уже въ сущности право на пенсію... Несмотря на свои почтенные годы, Бразоль, однако, не переставалъ ра-

ботать, онъ хлопоталъ, занимался перепискою, отсиживалъ всѣ служебные часы, ѣздилъ въ Харьковъ за разъясненіями, безпокоился всевозможными вопросами... Словомъ, онъ оставался въ банкѣ, потому что къ своей службѣ привыкъ, полюбилъ ее.

И неужели онъ—преступникъ?

Но вотъ еще одно очень важное соображеніе.

Всѣ мы имѣемъ громадное и въ то же время несправедливое преимущество надъ подсудимыми. Мы смотримъ на вещи, имѣя передъ собою уже открытую „книгу судебъ“, которая для нихъ оставалась въ тайнѣ. Мы знаемъ превосходно, что крахъ банка наступилъ. А они, когда имъ приходилось дѣйствовать, этого и во снѣ не видѣли. Не лиши себя жизни Алчевскій, помоги ему во-время министръ финансовъ,—екатеринославской катастрофы не случилось бы. Теперь-то легко, давать наставленіе каждому, какъ бы слѣдовало ему поступать, а—тогда?!...

Конечно, Бразоль бы не судился, если бы при первомъ же нарушеніи устава ушелъ. И вотъ я прошу васъ подумать: а что бы произошло, если бы Бразоль ушелъ?

Во-первыхъ, тотчасъ же бы найденъ былъ директоръ, который безпрекословно повиновался бы Любарскому-Письменному и Макарову,—настоящій homme de paille, подставное лицо, съ готовымъ жалованіемъ и безъ всякой работы.

Во-вторыхъ, при такомъ директорѣ никакого бы удержу биржевой игрѣ не было, а „Успенское“, которое его заставили бы купить, было бы продано во всякую минуту безъ всякой церемоніи еще задолго до побѣга Макарова и было-бы проиграно.

А что получилось вслѣдствіе того, что Бразоль остался на мѣстѣ?

Биржевая игра, по мѣрѣ возможности, задерживалась вслѣдствіе постоянныхъ пререканій съ Бразолемъ. Ее пускали въ ходъ преимущественно лишь тогда, когда онъ уѣзжалъ заграницу. „Успенскаго“ такъ-таки и не удалось прокутить, потому что Бразоль не позволилъ бы отдать его никому, кромѣ банка. Долги Янцена и племянниковъ Макарова были урегулированы и обезпечены только благодаря

настойчивымъ хлопотамъ и стараніямъ Бразоля. Въ общемъ итогѣ, скромная работа Бразоля въ это смутное время сберегла банку до 400 т. руб., когда все таяло вокругъ, когда все цѣнное погибало неудержимо какъ на пожарѣ. И неужели необходимо покарать за отступленіе отъ устава, человѣка, который, оставаясь на своемъ посту въ эпоху нарушенія уставовъ, тѣмъ самымъ принесъ акціонерамъ, въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, эту несомнѣнную пользу?..

Да! Поневолѣ скажешь: какъ мы склонны сбиваться съ толку, подчиняясь готовымъ формуламъ права! Какъ, вообще, близорука наша справедливость!..

Я почти у берега, почти все высказалъ. Но мнѣ предстоитъ еще самое главное. Я долженъ позаботиться о томъ, чтобы вашъ приговоръ такъ или иначе воспринялъ мои доводы, проникся ими, повѣрилъ имъ и попытался бы сойтись, съ ними въ окончательномъ выводѣ. *)

Несомнѣнно одно—продолжалъ ораторъ—что вы, гг. сословные представители—не юристы, а потому я вправѣ обратиться къ вамъ, какъ къ людямъ жизни, и просить васъ о подачѣ вашихъ мнѣній по соображеніямъ чисто житейскимъ и человѣческимъ. Не смущайтесь формами и держитесь крѣпко своего внутренняго голоса.

А теперь я могу приступить къ заключительнымъ объясненіямъ и обращаюсь ко внутреннему голосу всего уважаемаго присутствія.

Допустимъ, что объективный фактъ преступленій Бразоля въ томъ видѣ, какъ они предначертаны юристами въ законѣ, существуетъ, и что они были дѣяніемъ Бразоля. Но остается еще третій, важнѣйшій вопросъ: можно ли ихъ вмѣнить подсудимому? Вы знаете, что вопросъ о вмѣненіи также безграниченъ, какъ все непостижимое разнообразіе

---

*) Здѣсь г. Андреевскій представилъ подробную критику сенаторскаго взгляда на судъ сословныхъ представителей, выяснилъ истинную роль этихъ представителей и утверждалъ, что, вопреки толкованію Сената, приговоры особаго присутствія ни въ какой письменной мотивировкѣ не нуждаются.

вселенной. Песчинка на песчинку, листъ на листъ не похожи. Тѣмъ болѣе для насъ должно быть понятно до какой степени каждый человѣкъ отличается отъ другого. Въ мартѣ настоящаго года оберъ-прокуроръ Сената Щегловитовъ, съ чрезвычайною осторожностью и достойной уваженія мудростью, въ томъ же смыслѣ высказался по этому вопросу. Каждому человѣку слѣдуетъ вмѣнять или не вмѣнять то, что онъ сдѣлалъ, совершенно независимо отъ общихъ правилъ.

И я вижу, что Бразолю невозможно вмѣнить того, что имъ совершено. Какъ это выразить, какъ передать — не знаю... Я это чувствую. Вѣроятно, чувствуете и вы. Вспомните только все то, что я уже сказалъ. Вспомните показаніе Поюровскаго, екатеринославскаго сторожила, человѣка, пользующагося общимъ уваженіемъ, — мало того, нашего противника, т. е. члена ликвидаціонной комиссіи. И Поюровскій готовъ былъ высказаться за то, чтобы къ Бразолю не предъявлять иска, чтобы его вовсе не преслѣдовать. Онъ чуялъ своею совѣстью, что Бразоль здѣсь ни въ чемъ неповиненъ. Человѣкъ этотъ никогда чужого гроша не присвоилъ, никакими излишествами не прельщался, былъ чуждъ корысти, старался сдѣлать добро каждому, скромно и усердно работалъ въ предѣлахъ своего пониманія. Ко времени появленія Любарскаго Бразоль находился въ возрастѣ, когда люди уже не мѣняются, а теперь—глубокій старикъ!.. И неужели возможно отправить такого человѣка въ арестантское отдѣленіе...

Неужели васъ могутъ ослѣпить тѣ формальные подлоги, происхожденіе которыхъ я уже объяснилъ. Но вѣдь они держатся только на поверхности Бразоля. Внутри — онъ чистъ и незатронутъ. Такъ, однажды, у одного близкаго мнѣ человѣка появились на кожѣ громадные участки темныхъ пятенъ съ нарывами. Опасаясь за его жизнь, я обратился къ врачу по внутреннимъ болѣзнямъ, но тотъ адресовалъ меня къ спеціалисту по накожнымъ, сказавъ, что никакой внутренней болѣзни нѣтъ. И представьте, врачъ накожныхъ болѣзней точно также объяснилъ мнѣ, что это пустякъ, простое разстройство питанія, прописалъ какой-то порошекъ

съ магнезіей, и въ двѣ недѣли все прошло безслѣдно. О Бразолѣ можно сказать, что онъ лечится неизмѣримо долѣе двухъ недѣль и магнезіи получилъ достаточно... Это дѣло обратило послѣдніе годы его жизни въ непрерывное нравственное мученіе. И если бы вамъ пришлось прибавить къ этимъ мученіямъ Бразоля еще формальную кару закона, то, мнѣ кажется, самъ законъ, въ данномъ случаѣ, пересталъ бы быть справедливымъ...

Но допустимъ, что въ данномъ случаѣ формальныя препятствія неустранимы. Тогда я прошу васъ, гг. сословные представители, заявить свое желаніе, какъ это нынче рекомендуется присяжнымъ засѣдателямъ, чтобы Бразолю было испрошено Монаршее милосердіе. И Государь помилуетъ этого простоватаго и безвольнаго, но честнаго и хорошаго старика.

Особое присутствіе осудило Бразоля, безъ ходатайства о смягченіи. Но Государь, по всеподданнѣйшему прошенію Бразоля, отмѣнилъ наказаніе оставивъ только ограниченіе правъ.

Дѣло газеты „Русь“.

Дѣло газеты „Русь“.

Самое трудное время для суда это—время, когда все незыблемое зыблется.

Въ *сентябрѣ* я защищалъ передъ суд. палатою важнаго политическаго преступника, главу большого и сложнаго процесса. Я просилъ зачесть ему тюремное заключеніе въ 2 года. Палата не согласилась со мной и приговорила его къ ссылкѣ на поселеніе. А въ *октябрѣ* онъ уже былъ амнистированъ!!...

И вотъ, снова цѣлый рядъ обвиненій печати съ грознымъ наказаніемъ и съ совершенно мертвымъ матеріаломъ. Все это происходитъ потому, что мы переживаемъ эпоху временную. У насъ и правительство, и законъ временные. Всѣ новые законы такъ и называются „временныя правила“. А судъ привыкъ дѣйствовать на основаніи началъ незыблемыхъ.

Отъ такого положенія вещей справедливость, свойственная суду, неимовѣрно страдаетъ, ибо при такихъ перемѣнчивыхъ обстоятельствахъ легко выдать передъ судомъ за преступленіе то, что, по совѣсти говоря, при данныхъ условіямъ было дозволено...

Вотъ хотя бы взять это поголовное преслѣдованіе журналистовъ.

Вѣдь если въ самые послѣдніе дни революція какъ будто спряталась, то въ ноябрѣ она не только была вся наружу, но и почти захватила власть въ свои руки. Всѣ до очевидности убѣждались, что есть два правительства:

совѣтъ рабочихъ депутатовъ, съ одной стороны, и совѣтъ министровъ—съ другой. Публика съ величайшею тревогою слѣдила за извѣстіями изъ обоихъ лагерей. Граждане Россійской имперіи, которыхъ обязанъ охранять судъ, были доведены до такого смятенія, что не знали, какой изъ воинствующихъ партій со дня на день придется имъ подчиниться. Всѣ, отъ мала до велика, отъ обывателя до сановника, были охвачены однимъ и тѣмъ же жуткимъ чувствомъ. И насколько въ то время растерялось правительство, видно уже изъ того, что 23 октября союзъ союзовъ пригрозилъ ему насиліемъ,—„вооруженною схваткою“, о чемъ было опубликовано почти во всѣхъ газетахъ, но ни одинъ прокуроръ почему-то не рѣшался еще въ ту минуту прибѣгнуть къ закону и обратиться къ вамъ для подавленія революціонной дерзости. Всѣмъ и каждому было ясно, что писанные законы не дѣйствуютъ и сданы куда-то въ архивъ до появленія новыхъ.

Между тѣмъ, печать, призванная по своей природѣ быть хроникеромъ событій, считала своею обязанностью сообщать публикѣ все самое значительное, что дѣлается на лѣвомъ и правомъ флангахъ. Всѣ резолюціи: почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ, совѣта рабочихъ депутатовъ и союза союзовъ, съ 21 ноября по 2 декабря печатались безпрепятственно, не только безъ настойчиваго вмѣшательства главнаго управленія по дѣламъ печати, но даже при любезномъ заискиваніи правительства передъ всѣми партіями. Премьеръ-министръ особенно интересовался этими резолюціями, вѣроятно, съ любопытствомъ человѣка, изучающаго развитіе революціи и пріемы своего противника.

Однако же, перевѣсъ популярности въ обществѣ переходилъ уже на сторону совѣта рабочихъ депутатовъ. И каждый обыватель чувствовалъ, что ближайшій для него, такъ сказать, „шкурный“ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, почтѣ, телеграфѣ, освѣщеніи и даже лѣкарствахъ—зависитъ уже отъ этого совѣта, а не отъ правительства. Какъ же могла печать не удовлетворять естественнаго любопытства со стороны запутаннаго читателя, чего ему ожидать въ ближайшіе дни? Читатель, помимо всѣхъ извѣстій, искалъ,

прежде всего, тѣхъ строкъ, гдѣ говорилось о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ. Затаивъ дыханіе, онъ ждалъ: что скажетъ эта власть? Онъ ждалъ этихъ извѣстій, какъ тяжущійся ждетъ рѣшеній по своему дѣлу.

24 ноября вышелъ новый временный законъ о печати. Но все шло по старому. 27 и 30 ноября „Русь“, какъ и другія газеты, продолжали печатать воззванія, телеграммы и постановленія революціонныхъ союзовъ. Правительство не вмѣшивалось.

И вдругъ 2 декабря, за „манифестъ рабочихъ депутатовъ“, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило преслѣдованіе, судебная палата (въ другомъ составѣ, чѣмъ сегодня) пріостановила изданіе „Руси“, и прокуроръ составилъ обвинительный актъ.

Послѣ этого „сигнала“ прокурорскій надзоръ уже отъ себя пересмотрѣлъ старые нумера „Руси“, и поднялъ обвиненіе противъ прежнихъ листовъ изданія, которые повидимому, ранѣе поднятой тревоги, не представлялись, по личному воззрѣнію прокурора, преступными.

Конечно, теперь, когда законъ „выведенъ на справку“, никто невѣдѣніемъ этого закона не можетъ оправдываться. Но если законы, вообще, находились въ такомъ хаотическомъ состояніи, что даже ихъ блюстители утратили сознаніе воспрещеннаго, то какъ же вы можете вмѣнить частному лицу такой поступокъ, который и ему, грѣшному, представлялся дозволеннымъ?!

Ясно, что 2 декабря совершился какой то поворотъ въ политикѣ высшей администраціи. Сказано было: „Довольно! Теперь преслѣдуйте!“

Гг. судьи! Основная мысль судебной реформы Императора Александра II—независимость суда отъ администраціи. Судебное вѣдомство — неизмѣримо выше администраціи. Войско и судъ—единственная опора государства. Но если судебное вѣдомство бездѣйствуетъ, если прокурорскій надзоръ самостоятельно не преслѣдуетъ, а прислушивается и оживляется только по сигналу свыше, то дѣло опять-таки сводится къ одному произволу, а вовсе не къ законности. Въ вашихъ рукахъ громадная сила противъ всѣхъ насъ,

граждань. Нельзя эту силу держать въ сторонѣ или пускать въ ходъ—„по усмотрѣнію“. Должны быть ясные и твердые законы. Если законы возобновлены въ своей силѣ, надо, по крайней мѣрѣ, предупредить, что они вновь дѣйствуютъ. Вѣдь и войско, если оно выступаетъ противъ граждань, должно трубить прежде, чѣмъ стрѣлять...

Итакъ, для всей прессы необходимо было предвареніе со стороны правительства, что отнынѣ начнутся преслѣдованія.

Во многихъ другихъ случаяхъ правительство такъ и поступало. Такъ, напримѣръ, когда оно рѣшилось пресѣчь національную революцію въ Польшѣ, то рѣшительнымъ тономъ объявило, что *впредь* оно не допуститъ мятежа въ этомъ направленіи, но виновниковъ прежнихъ, преступныхъ, по его мнѣнію петицій не преслѣдовало. Точно такъ же, не карая почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ, сплотившихся въ союзъ, правительство заявило, что *впредь* оно ихъ будетъ преслѣдовать, такъ какъ подобные союзы служащихъ съ точки зрѣнія дисциплины, не могутъ быть терпимы. Полагаю, что правительство должно было сдѣлать такое же предупрежденіе и дѣятелямъ прессы. Но напасть на журналистовъ неожиданно, ударивъ ихъ сзади по головѣ заржавѣвшимъ отъ бездѣйствія закономъ, — это было и неправильно и несправедливо, а что несправедливо, то не можетъ быть законнымъ.

Домогались свободы печати, а теперь выходитъ, что при цензурѣ было куда-лучше... по крайней мѣрѣ, знали, чѣмъ рискуютъ... Вѣдь вотъ „Слово“ сознательно воспротивилось приказанію министра Булыгина—ничего не печатать о московскомъ съѣздѣ земскихъ дѣятелей, и напечатало все, что происходило въ этомъ „революціонномъ засѣданіи“, какъ въ немъ вышутили полицію и т. д. Казалось-бы, тутъ и сопротивленіе властямъ и смута.. Но все обошлось по домашнему. Пріостановили газету на двѣ недѣли и только. А вотъ Суворинъ судится, какъ тяжкій революціонеръ...

Нельзя осудить Суворина и за механическое размноженіе прокламацій, за содѣйствіе революціонерамъ въ ихъ

распространеніи. Революція вовсе не нуждалась въ его услугахъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ имѣлъ свою газету, которую онъ печаталъ, завладѣвая для того чужими типографіями. Онъ даже имѣлъ столкновеніе съ Суворинымъ за поправки въ его резолюціяхъ и грозилъ не давать ему дальнѣйшихъ свѣдѣній о своихъ засѣданіяхъ.

Суворинъ только сообщалъ достовѣрные революціонные факты, какъ это и подобаетъ дѣлать издателю свободной, общественной газеты, въ такое время, когда каждому необходимо знать о развитіи и направленіи освободительныхъ теченій въ странѣ, переживающей кризисъ.

И я прошу оправдать его. Я настаиваю, что правительство обязано было предупредить печать о предстоящихъ преслѣдованіяхъ, и о своемъ намѣреніи прибѣгнуть къ силѣ законовъ, самимъ же правительствомъ временно парализованныхъ. Оправдывая Суворина, я прямо бы сказалъ объ этомъ въ приговорѣ. Такой приговоръ поддержалъ бы въ странѣ распшатанное чувство законности, поднялъ бы уваженіе къ суду, доказалъ бы его независимость.

Но если бы вы не смогли во всемъ согласиться со мною и не рѣшились оправдать Суворина, то конечно онъ можетъ подлежать лишь минимальному наказанію и даже внѣ предѣловъ закона...

Особое присутствіе судебной палаты, послѣ почти двухчасового совѣщанія, приговорило А. А. Суворина къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ, но принимая во вниманіе смягчающія обстоятельства, постановило ходатайствовать чрезъ министра юстиціи предъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ этого наказанія трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ крѣпости.

Приложенія.

Отрывки.

...Еще недавно одинъ публицистъ *) дерзнулъ назвать судъ присяжныхъ „улицей“. Но вопреки намѣреніямъ автора, я вижу въ этомъ словѣ не униженіе или поруганіе суда присяжныхъ, а такую характеристику его, въ которой мѣтко соединены едва ли не самыя дорогія черты этого суда. И правда: пусть вы—улица! Мы этому рады. На улицѣ свѣжій воздухъ; мы бываемъ тамъ всѣ, безъ различія, именитые и ничтожные; тамъ мы всѣ равны, потому что на глазахъ народа чувствуемъ свою безопасность; передъ улицей никто не позволитъ себѣ безстыдства: вспомнимъ и похороны, о которыхъ говорилъ вчера прокуроръ: когда вы по улицѣ провожаете близкаго покойника, незнакомые люди снимутъ шапку и перекрестятся... На улицѣ помогутъ заболѣвшему, подадутъ милостыню нищему, остановятъ обидчика, задержатъ бѣгущаго вора! Когда у васъ въ домѣ бѣда—грабежъ, убійство, пожаръ—куда вы бѣжите за помощью? На улицу. Потому, что тамъ всегда найдутся люди, готовые служить началамъ общечеловѣческой справедливости. Вносите къ намъ, въ наши суды эти начала... Приходите судить съ улицы, потому что самъ законодатель пожелалъ брать своихъ судей именно оттуда, а не изъ кабинетовъ и салоновъ...

(Изъ Кронштадтскаго Вѣстника).

---

*) Катковъ.

Почти каждое дѣло, которое вы разбираете, представляетъ изъ себя подобіе картинки съ загадкою. Мнѣ вспоминается одна изъ такихъ картинокъ: нарисованъ лѣсъ; черныя вѣтки перепутались; ничего, кромѣ деревьевъ, не видно. Внизу подписано: „а гдѣ человѣкъ?“. Вы недоумѣваете, поворачиваете картинку во всѣ стороны и ничего, кромѣ лѣса, не находите. Наконецъ, гдѣ-то въ углу, въ просвѣтѣ вѣтвей,—дѣйствительно примѣчаете совершенно ясное очертаніе человѣческаго лица—и тогда уже не можете взглянуть на картинку, чтобы тотчасъ не увидѣть его.

Такъ часто бываетъ и на судѣ. Обвинительный актъ со статьями уложенія; эстрада съ краснымъ судейскимъ столомъ; рѣшетка, отдѣляющая васъ отъ подсудимаго; стража за его спиной,—вѣдь все это лѣсъ, заслоняющій отъ васъ простую человѣческую душу преслѣдуемаго лица. Но чуть только эта душа въ чемъ-либо предъ вами обозначится—въ искреннемъ-ли словѣ подсудимаго, или въ его неожиданно-спокойномъ взорѣ, или въ его неподдѣльномъ недоумѣніи передъ какимъ-нибудь формальнымъ упрекомъ,—тогда кончено: тогда вы уже не отдѣлаетесь отъ своей человѣческой близости къ нему!.. И ни разстоянія этого зала, ни золото на мундирахъ, ни сабля за плечами подсудимаго ничего тутъ не подѣлаютъ.

(Дѣло Козлова).

Мы часто читаемъ въ газетахъ, что тотъ или другой застрѣлился, повѣсился или бросился въ воду, вслѣдствіе нужды и неимѣнія средствъ къ жизни. Наша помощь этимъ людямъ оказывается позднею и невозможною. Это люди гордые, идеальные. Есть другая категорія бѣдняковъ и неудачниковъ. Мы видимъ ихъ въ сумеркахъ на улицахъ Петербурга: они, будучи съ виду прилично одѣтыми, робко, почти шопотомъ просятъ о подаяніи. Мы и этимъ людямъ не помогаемъ, думая про себя: быть можетъ, это тунеядцы и обманщики... еслибы можно было узнать, изслѣдовать ихъ дѣйствительное положеніе—мы бы не отказали имъ въ помощи...“ И мимо этихъ мы проходимъ безучастно. Но вотъ,

эти люди попадаютъ на судъ, гдѣ мы уже ясно, какъ на ладони, видимъ ихъ бѣдственное прошлое. Тогда мы говоримъ: „да, но вы сюда пришли путемъ преступленія, а преступленіе должно быть наказано“—и опять отъ нихъ отворачиваемся. Послѣ этого спрашиваю я васъ, гг. присяжные засѣдатели, гдѣ-же то мѣсто, то учрежденіе, въ которомъ бы наконецъ житейскія невзгоды, неудачи и печали могли быть оцѣнены, взвѣшены и приняты къ сердцу? Неужели его нѣтъ, и тяжелая исповѣдь объ изнурительныхъ бѣдствіяхъ жизни нигдѣ не можетъ быть принята съ полнымъ состраданіемъ, безъ всякихъ отговорокъ?..

(Дѣло Имберха).

Рѣчь на юбилеѣ В. Д. Спасовича 31 мая 1891 г.

Владимірь Даниловичь! Я бы могь вь васъ привѣтствовать все, что угодно,—только: не юбиляра. Простите мнѣ мою ненависть къ времени! Вы глава нашей адвокатуры, славный ученый, большой художникъ, вѣчно-памятный дѣятель,—лично для меня: дорогой другъ и человѣкъ,—все, что хотите,—но только не завоеватель двадцатилѣтней пряжки, не чиновникъ-юбилярь! Упаси Боже! Вы вовсе не то... И если я могу говорить въ сегодняшній день, то лишь потому, что онъ мнѣ даетъ каламбуръ, именно противъ времени. Когда-то, 31-го мая, вы были первымъ крестникомъ совѣта по принятію въ адвокатуру, первымъ адвокатомъ корпораціи—да такъ и остались *первымъ* навсегда... Какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, такъ вы остановили нумеръ первый... Честь вамъ и слава—и довольно объ этомъ Время, Сатурнъ,—если не для другихъ присутствующихъ, то, во всякомъ случаѣ, для васъ—не долженъ существовать, не существуетъ вовсе! Поэтому дѣлать черту и подводить вамъ итогъ я ни за что не стану. И что такое „итогъ“? Я нахожу это слово незаконнымъ. Должно быть, какой нибудь кассиръ или бухгалтеръ взялъ союзъ „и“ да мѣстоимѣніе „того“, безграмотно слилъ эти два слова, поставленныя рядомъ, воедино, написалъ „итого“, отсѣкъ живое окончаніе родительнаго падежа, поставилъ твердый знакъ—и вышелъ „итогъ“. Безсмысленное слово... И никакого итога вамъ не полагается! Вы всегда и на предбудущее время человѣкъ живой, интересный, важный во всякую минуту, безъ всякаго итога вашему прошлому.

Говорятъ, будто я умѣю концентрировать мою мысль... Но Утинъ уже сказалъ, что вы человѣкъ широкій и васъ трудно сжать... И однако же, если бы понадобилось отмѣтить въ васъ нѣчто неумирающее, самое дорогое, то я бы сказалъ, что ваше самое сильное орудіе: непроизвольное художество, поэзія. Имъ вы все дѣлали и всегда будете дѣлать! Вы—поэтъ уже потому, что у васъ главная радость жизни—самая безтѣлесная, самая воздушная, какую можно себѣ представить: книги. Всѣ книги, всѣ роды литературы: стихи, драмы, учебники, новыя теоріи, новые романы, законы, политика—все, что великая мысль человѣческая бросаетъ времени, все духовное творчество міра. Вы этимъ живете—и когда васъ послушаешь, то въ каждой вашей бесѣдѣ, въ каждой рѣчи, все, чѣмъ вы прониклись изъ этой духовной пищи, что вы имѣете сказать отъ себя, изъ своихъ наблюденій жизни,—все это окрашивается въ незабываемые образы. Образы—вотъ ваше могущество, и вы этого не замѣчаете: „Ты, Моцартъ,—богъ, и самъ того не знаешь!..“ Вашъ сильный, проникнутый умомъ и страстью, языкъ поучалъ, побѣждалъ, творилъ, запечатлѣвался въ умахъ, но спрашивается: чѣмъ?—Все тѣми же самобытными, вамъ одному свойственными, яркими образами вашей чудесной музы. Ваши слова западали въ чужое сердце, какъ капли кипящаго сургуча; они сверкали и освѣщали вашу мысль, какъ брилліанты и молнія...

И въ прозаической обстановкѣ этого обѣда, среди кувертовъ и блюдъ, надъ всѣми нашими профессіональными и непрофессіональными головами, надъ всею нашею толпою, — хотя и подрумяненною виномъ, но не особенно яркою,—я вижу нѣчто истинно-блестящее, прекрасное и вѣчное, что принадлежитъ только вамъ одному. Помните ли вы превосходную скульптурную группу въ память Мишле? Надъ бюрократическою головою историка взлетаетъ къ небу очаровательная юная женщина и прелестною рукою пишетъ свою лѣтопись... На это воздушное видѣніе нельзя наглядѣться, отъ него нельзя оторвать глазъ, которые лишь иногда обращаются къ бритому, серьезному лицу профессора—съ отрадою и удивленіемъ, что эти два существа,

столь непохожія другъ на друга,—всегда жили одно въ другомъ, всегда были, въ сущности, одно и тоже! Такъ и теперь за вами, надъ вами, въ васъ самихъ—и вижу вашу музу. Къ ней, къ этой неувядаемой богинѣ, я простираю свой бокалъ; ее цѣлую съ восторгомъ и наслажденіемъ, и ей говорю я,—какъ бы и самъ я находился на Олимпѣ:—„да, безсмертная! Выпьемъ этого нектара и забудемъ о юбилеяхъ!..“

Спасовичъ.

(Рѣчь въ торжественномъ собраніи адвокатуры для чествованія памяти Спасовича).

Столь яркій и сильный человѣкъ не нуждается въ некрологахъ, ни въ скороспѣлыхъ воспоминаніяхъ. Его жизнь принадлежитъ исторіи, его имя должно быть извѣстно всѣмъ образованнымъ русскимъ. И если бы мы сегодня не сказали о Спасовичѣ ни слова, его слава отъ этого ни чуточку не уменьшилась бы. *Пускай* теперь не до него.. „Пускай шумитъ волна морей, утесъ гранитный не повалитъ“!.

Спасовича справедливо называли „королемъ адвокатуры“. Но съ его смертью нельзя воскликнуть: „король умеръ, да здравствуетъ король!“ Другого не будетъ. Въ немъ нѣтъ надобности. Отнынѣ борьба съ отживающимъ порядкомъ по естественнымъ законамъ переходитъ къ народнымъ представителямъ. Адвокатура превратится въ „республику свободныхъ искусствъ“.

Но во времена Спасовича намъ нуженъ былъ глава и вождь для борьбы. Спасовичъ насъ организовалъ, онъ неизмѣнно занималъ отвѣтственное мѣсто впереди всѣхъ. Въ трудныя минуты нельзя было выдвинуть никого другого. Вся администрація—министры, сенаторы и прокуроры—поневолѣ смотрѣли на него снизу вверхъ. Громадный научный запасъ, культура, суровая честность и чудесныя краски художника всегда давали ему возможность, если не побѣдить, то низвести до смѣшного своихъ противниковъ. Я

настаиваю на суровой честности Спасовича, не взирая на язвительныя выходки противъ него Достоевскаго, за дѣло Кронеберга. Достоевскій еще разъ кольнулъ Спасовича, пародировавъ его фамилію въ лицѣ Егозовича, защитника Мити Карамазова. Рѣчь Егозовича преисполнена адвокатскихъ софизмовъ. Все это невѣрно. Нашъ великій мистикъ и сердцевѣдъ, передъ которымъ я первый преклонился въ критикѣ, роковымъ образомъ всегда бывалъ ниже своего генія, когда пускался въ журнальные памфлеты противъ лицъ ему нелюбезныхъ (Спасовичъ, Тургеневъ). Спасовичъ былъ неизмѣнно искренень и твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ вопросахъ адвокатской этики онъ былъ до щепетильности разборчивъ. Сверхъ того, природа юриста настолько надъ нимъ властвовала, что онъ всегда оставался законникомъ. Будучи большимъ скептикомъ въ юриспруденціи, я какъ-то заспорилъ съ нимъ по одному дѣлу въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, находя проектируемое рѣшеніе несправедливымъ. Онъ не возражалъ и только воскликнулъ: „Да. Но что же мы можемъ, когда эта статья, *какъ волъ*, здѣсь стоитъ? Нельзя!“ Этотъ „волъ“ и это твердое „нельзя“ меня обезоружили.

Какъ на образчикъ пріемовъ Спасовича въ политическихъ защитахъ, укажу на его участіе въ дѣлѣ Германа Лопатина, недавно освобожденнаго шлиссельбургскаго узника. Именемъ Лопатина, называется процессъ объ убійствѣ начальника петербургской сыскной полиціи Судейкина, хотя въ этомъ убійствѣ онъ и не участвовалъ. Но Лопатинъ считался главою центральнаго революціоннаго комитета, уцѣлѣвшаго послѣ 1 марта 1881 года. Вокругъ убійства Судейкина было сгруппировано все, что осталось отъ революціи предыдущаго царствованія. Тутъ были и убійства почтальоновъ съ „конфискаціей почтъ“, и приготовленіе бомбъ, и тайныя типографіи. Спасовичъ защищалъ сокретаря въ редакціи центральной подпольной газеты, извѣстнаго поэта Якубовича (Мельшина). И вотъ какъ онъ взялся за свою задачу.

Природный талантъ историка подсказалъ Спасовичу необходимость связать дѣло Лопатина со всѣми революціон-

ными процессами при Александрѣ II. Съ авторитетностью профессора, онъ началъ свою лекцію... Длинно и кропотливо онъ связывалъ дѣла Вѣры Фигнеръ, Чемодановой, Соловьева, мартистовъ и т. д. Всѣ мы забыли о судѣ и углубились въ исторію. А лекція продолжалась. Почувствовавъ, что въ аудиторіи уже установилось объективное настроеніе, Спасовичъ перешелъ черезъ 1 марта и вступилъ въ періодъ Александра III. Онъ сказалъ: „Главные дѣятели были казнены, лучшіе бойцы были переловлены,—власть валялась въ пыли“!.. Заинтересованные развитіемъ широкой исторической картины, слушатели уже забыли, что дѣло идетъ о крамолѣ. „Власть валялась въ пыли“,—вѣдь это была власть революціи, но объ этомъ какъ-то вовсе не думалось, и оставалось только смутное неудольствіе, что вся война оппозиціи была проиграна. Такимъ образомъ получилось общее смягчающее впечатлѣніе для всего процесса. Затѣмъ Спасовичъ доказывалъ, что никакой организованной революціи не было, и что все велось „на авось“. Онъ воскликнулъ: „Говорятъ о кружкахъ. Но какіе-же это кружки, состоящіе изъ трехъ, двухъ и даже одного человѣка? Невозможно кружиться вокругъ самого себя!“—Наконецъ, относительно Якубовича, какъ секретаря газеты, Спасовичъ привелъ такое сравненіе: „Якубовичъ только редактировалъ революціонную литературу. Его невозможно отнести къ боевымъ силамъ. Вѣдь даже въ лицахъ, принадлежащихъ къ войску, есть такія, которыя непричастны къ войнѣ: напримѣръ, полковой священникъ“...

Что же вы скажете о такой защитѣ? Развѣ это софизмы, а не доводы глубокаго ума, не взгляды просвѣщеннаго и правдиваго историка?

Своеобразныя и привлекательныя странности Спасовича, какъ оратора, всѣмъ извѣстны. Рѣпинъ увѣковѣчилъ его привычную позу и характерный жестъ правой руки съ раскрытою ладонью и подвижными пальцами. Такъ онъ всегда держался передъ судьями, когда убѣждалъ, просилъ, доказывалъ. Говорилъ онъ по преимуществу тономъ лекціи. Его глубокій, мужественный басъ обличалъ его крѣпкое убѣжденіе. Но живой темпераментъ и воодушевленіе постоянно волновали его голосъ, Спасовичъ часто взвизгивалъ и за-

икался, какъ бы отыскивая слово, хотя каждая рѣчь его всегда была написана заранѣе и лежала передъ нимъ на листкахъ клѣтчатой почтовой бумаги, облюбованной имъ разъ навсегда для всѣхъ его работъ и переписки. Въ трогательныхъ и щекотливыхъ мѣстахъ, звукъ его рѣчи заглушался и дрожалъ отъ ускореннаго дыханія. Когда Спасовичъ затрагивалъ нѣчто истинно-нѣжное, лицо его искажалось гримасой, которую онъ старался сгладить улыбкою. Тогда онъ терялся, всхлипывалъ и на глазахъ его проступали мгновенныя слезы. Но тотчасъ-же, сконфузившись, онъ переходилъ,—иногда весьма комично,—въ усиленныя басовыя ноты. Нерѣдко онъ выбѣгалъ изъ-за пюпитра, роняялъ замѣтки и вообще своею неловкостью развлекалъ зрителей. Въ дѣлѣ ксендза Бѣлякевича былъ такой пассажъ. Бѣлякевичъ обвинялся въ истязаніи своихъ порочныхъ прихожанокъ, которыхъ онъ для раскаянія заточалъ въ подвалы костела, гдѣ стояли гробы съ покойниками, и, между прочимъ, находилась голова дьявола отъ статуи, нѣкогда прикрѣпленной къ церковной стѣнѣ. Дойдя въ своей рѣчи до объясненій о дьяволѣ, Спасовичъ началъ свою фразу такъ: „Этотъ чортъ“.., и вдругъ запнулся, видимо забывъ продолженіе. Онъ быстро нагнулся къ своимъ замѣткамъ, поднялъ на лобъ очки, сталъ пробѣгать исписанные листки, бормоча въ полголоса: „этотъ чортъ... этотъ чортъ...“—и наконецъ воскликнувъ „ага!“—торжественно объявилъ: э т о т ъ ч о р т ъ о т н о с и т с я к ъ XVI с т о л ѣ т і ю!“...

Кафедра и трибуна только внѣшнимъ образомъ содѣйствовали популярности Спасовича. Но столько же, если не больше, онъ сдѣлалъ на иныхъ поприщахъ,—литературномъ и политическомъ. Едва ли вскорѣ будетъ по справедливости оцѣнено, въ какой мѣрѣ Спасовичъ помогъ сближенію Россіи съ Польшей. Несмотря на его неизмѣнную и страстную преданность родинѣ, мы всѣ, русскіе, готовы признать его славу нашей собственной. И мы найдемъ единственное примиреніе въ этомъ вопросѣ, сказавъ, что Спасовичъ былъ вообще „большой славянинъ“, въ самомъ лучшемъ и прогрессивномъ значеніи этого слова. Трагедія русско-польскаго вопроса заключается въ томъ, что поляки,

составляя передовой постъ Востока, врѣзались чуть не въ самую середину Европы. Они несравненно культурнѣе насъ. Варшавянинъ никогда не говоритъ, какъ мы, что онъ ѣдетъ „за границу", а всегда—„въ Европу". Петръ Великій имѣлъ полную возможность присоединить всю Польшу къ Россіи, но онъ этого не сдѣлалъ, понимая, что Россія еще слишкомъ необразована для владычества надъ соплеменнымъ народомъ. Культъ Петра повсюду, какъ свѣточъ, горитъ въ произведеніяхъ Спасовича. Когда онъ желалъ сдѣлать наибольшій комплиментъ Россіи, онъ называлъ ее „родиной Петра". Любимой грезой Спасовича въ нашемъ историческомъ прошломъ была встрѣча и бесѣда Пушкина съ Мицкевичемъ у памятника Петра Великаго. Онъ постоянно возвращается къ этой картинѣ, онъ ее комментируетъ, онъ ею очарованъ. Нельзя лучше иллюстрировать всю дѣятельность Спасовича, какъ если представить себѣ въ облакахъ образъ Петра, а внизу двухъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ, протягивающихъ другъ другу руки... Выводъ отсюда ясенъ: только образованная и свободная Россія сольется съ Польшей.

Въ отличіе отъ большинства своихъ сверстниковъ, Спасовичъ былъ кровнымъ романтикомъ. Въ самую утилитарную эпоху (начало 70-хъ годовъ) онъ занялъ первенствующее мѣсто въ „Шекспировскомъ кружкѣ", гдѣ сохранялось преклоненіе передъ высшими образцами всемірной поэзіи, и продолжалось ихъ изученіе. Почти всѣ свои замѣчательные этюды онъ сообщилъ намъ въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, куда не допускалось свыше пятнадцати членовъ. Спасовичъ педантически соблюдалъ неписанный уставъ кружка, составлялъ какіе-то протоколы, поощрялъ всѣхъ къ работѣ и т. д. Однажды осенью, только что возвратившись изъ за границы, онъ зашелъ ко мнѣ справиться, нѣтъ ли у меня чего либо готоваго для доклада, и сѣтовалъ, что необходимо уже сбирать матеріалы для занятій, а изъ членовъ кружка онъ засталъ въ городѣ одного Кони. Я справился: „Ну, что-жъ онъ?" Спасовичъ съ добродушною улыбкою сообщилъ мнѣ: „Онъ бальзамируетъ Ровинскаго"... Спѣшу, впрочемъ, сказать, что сенаторъ Ровинскій, помимо

литературныхъ заслугъ въ археологіи лубочной живописи, былъ идеальный человѣкъ съ гуманными взглядами на правосудіе, и я отношу его къ рѣдкимъ жемчужинамъ, такъ называемаго, „правительствующаго сената“. Но прекрасная работа А. Ф. Кони въ данномъ случаѣ не вполнѣ подходила къ программѣ нашихъ бесѣдъ, и Спасовичъ досадовалъ.

Очерки Спасовича, относящіеся къ великому расцвѣту романтизма, превосходны. Гете, Шиллеръ, Байронъ (котораго онъ связывалъ съ ученіемъ Руссо), Пушкинъ, Лермонтовъ — всѣ эти характеристики проникнуты глубиною мысли и новизной освѣщенія. Таковы же историческія монографіи Спасовича и его статьи о польскихъ писателяхъ. Вездѣ виденъ крупный человѣкъ и смѣлый художникъ. Спасовичъ писалъ самобытнымъ слогомъ, который можно было бы назвать „братскимъ языкомъ“. Это была смѣсь русскаго съ польскимъ и даже съ церковно-славянскимъ. Въ его изложеніи попадаются милыя чудачества и курьезы. Я ихъ не разыскивалъ, но, напримѣръ, у меня застряла въ головѣ одна фраза. Гдѣ то, говоря о веснѣ, Спасовичъ пишетъ: „*Въ ту пору, когда соловей своей соловьиць строитъ куры...*“ Не знаю, при переводѣ на польскій языкъ останется ли здѣсь забавный птичій каламбуръ... Однако же, все это забавное только увеличиваетъ неподражаемую цѣнность яркаго „спасовическаго языка“. Я и теперь повторю то же, что сказалъ на юбилеѣ Спасовича. „Его сильный, проникнутый умомъ и страстью языкъ—поучалъ, побѣждалъ, творилъ, запечатлѣвался въ умахъ самобытными, ему одному свойственными образами его художественнаго дарованія. Его слова западали въ чужое сердце, какъ капли кипящаго сургуча. Они сверкали и освѣщали его мысль, какъ брилліанты и молнія!“

Спасовичъ любилъ повторять афоризъ: „человѣчество состоитъ не только изъ живыхъ, но и изъ умершихъ“. И ему выпало на долю подтвердить на себѣ это изреченіе. Благодаря своему художественному дару, выдающейся дѣятельности и замѣчательнымъ книгамъ, умершій Спасовичъ остается въ живомъ человѣчествѣ.

Надъ могилой князя А. И. Урусова.

Благодарю васъ, товарищи, что вы предоставили мнѣ говорить первымъ, какъ ближайшему другу покойнаго. Не думалъ я, чтобы мнѣ, когда бы то ни было, пришлось произносить надгробное слово, но вотъ что случилось.

Когда послѣ кончины Жуковскаго, я выходилъ изъ его квартиры, многіе меня спрашивали: буду ли я произносить рѣчь? Я возразилъ, что совсѣмъ не понимаю надгробнаго краснорѣчія, что передъ величіемъ смерти невольно уста нѣмѣютъ... Со мной согласился бывшій тутъ же Куперникъ. Онъ сказалъ: „Дѣйствительно, можно было бы говорить, если бы только знать, что слѣдуетъ въ такомъ случаѣ сказать!“ Всю эту бесѣду я однажды передалъ Урусову. Онъ высказалъ: „Да. Но было бы какъ-то странно и грустно, еслибы надъ человѣкомъ, вся жизнь котораго была посвящена слову, не было сказано ни слова!“ По выраженію его глазъ (Урусовъ былъ уже тогда больной) я понялъ, что онъ завѣщаетъ мнѣ исполнить эту обязанность....

И вотъ, я подавляю личныя чувства, сознавая важность настоящей минуты.

Мы теряемъ лицо историческое—изъ тѣхъ, которыя остаются жить среди людей и послѣ своей смерти. Въ истекающемъ столѣтіи Урусовъ оставилъ свое незабвенное имя, какъ воплощеніе могучаго русскаго дарованія. Но исторія имѣетъ свои непроходимые туманы, въ которыхъ всякая тропа можетъ затеряться для потомства, если современники въ должную минуту не освѣтятъ этой тропы факелами.

Такіе факелы должны мы, собравшіеся здѣсь, зажечь теперь надъ этой могилой. Мы должны освѣтить личность покойнаго и сказать во всеуслышаніе, что мы хоронимъ *первосоздателя русской уголовной защиты*,—перваго защитника подсудимаго въ реформированной Россіи. Другія громкія имена возникали въ адвокатурѣ и раньше Урусова, и послѣ него. Такъ, прежде него выступили Спасовичъ и Лохвицкій. Спасовича на его юбилеѣ я назвалъ первымъ по Петербургу и первымъ по главенству въ адвокатурѣ, потому что этотъ человѣкъ со своимъ талантомъ, обширнымъ умомъ, образованностью, трудолюбіемъ и количествомъ всего имъ сдѣланнаго рѣшительно подавляетъ всѣхъ. Но и Спасовичъ и Лохвицкій, взявшись за судебное дѣло послѣ каѳедры, остались немножко профессорами и на трибунѣ. На нашей же трибунѣ первый типъ защитника подсудимаго созданъ Урусовымъ. Онъ первый далъ образецъ защиты живой, человѣческой, общедоступной. Мы помнимъ, какимъ дѣйствительно весеннимъ громомъ пронеслось надъ Россіей это молодое, чудесное имя. Каждая фраза, сказанная Урусовымъ, читалась въ газетахъ, какъ новое слово. Онъ былъ не изъ тѣхъ адвокатовъ, которые дѣлаются извѣстными только тогда, когда попадаютъ въ громкое дѣло. Нѣтъ, онъ былъ изъ тѣхъ, которые самое заурядное дѣло обращали въ знаменитое однимъ только прикосновеніемъ своего таланта. Оригинальный умъ, изящное слово, дивный голосъ, природная ораторская сила, смѣлый, громкій протестъ за каждое нарушеніе правъ защиты, плѣнительная шутливость, тонкое остроуміе—все это были такія свойства, передъ которыми сразу преклонились и заурядная публика, и самые взыскательные цѣнители.

Слава твоему имени, Александръ Ивановичъ! Слава Москвѣ, подарившей тебя Россіи!

Я кончилъ рѣчь... Но развѣ это надгробное слово? Надгробное слово осталось у меня въ сердцѣ, застряло въ душѣ и никогда изъ нея не вылетитъ.

Прощай, мой милый! Когда я къ тебѣ обращаюсь, то мнѣ кажется, что ты еще живъ, потому что еще задолго до твоей смерти мой голосъ уже не достигалъ до твоего

слуха, какъ и теперь; съ тобой приходилось разговаривать записками. Разница только въ томъ, что теперь ни на голосъ, ни на записку ты уже никогда ничего не отвѣтишь...

У Пушкина есть стихотвореніе „Эхо“, выражающее глубокую трагедію человѣчества. Въ немъ говорится, что эхо отзывается на всѣ явленія въ жизни природы, но само уже не получаетъ отъ природы никакого отзыва. „Таковъ—сказано въ концѣ,—и поэтъ“. Ты всегда любилъ поэтовъ, искалъ ихъ общества... Знай же, что никогда такое множество, такая толпа поэтовъ не окружаетъ человѣка, какъ именно въ ту минуту, когда его опускаютъ въ могилу! Теперь всѣ здѣсь собравшіеся, всѣ мы—поэты, потому что каждый изъ насъ, вмѣстѣ съ поэтомъ, мучительно сознаетъ безотвѣтность для душъ нашихъ той великой природы, которая тебя взяла и не вернетъ никогда...

Прощай!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія. Объ уголовной защитѣ 3

ОТДѢЛЪ I.

Преступленія противъ жизни.

стр.

Дѣло Зайцева. Убійство въ мѣняльной лавкѣ. 43
Дѣло Августовскаго. Побѣгъ изъ ссылки и убійство кухарки. . . 57
Дѣло Евдокіи Вольфрамъ. Покушеніе на отравленіе мужа 79
Дѣло Мироновича. Убійство Сарры Беккеръ. 95
Дѣло Ольги Афанасьевой. Покушеніе на утопленіе мужа. 181
Дѣло Иванова. Убійство невѣсты. 193
Дѣло Богачева. Покушеніе на убійство жены. 233
Дѣло Наумова. Убійство слугою своей госпожи 257
Дѣло Тарновскаго. Убійство Боржевскаго. 267
Дѣло Андреева. Убійство жены 279

ОТДѢЛЪ II.

Разнородныя дѣла.

Дѣло мировыхъ судей Лагофета и Евскаго. Превышеніе власти . . 297
Дѣло братьевъ Келешъ. Поджогъ застрахованнаго имущества. . . 309
Дѣло Цедербаума съ Лютостанскимъ. Оскорбленіе на письмѣ. . . 317
Дѣло Таганрогской таможни. Защита Айканова 333
Дѣло Назарова. Защита въ Кассаціонномъ Сенатѣ. 345
Дѣло Сушкинскаго Тульскаго Банка. Защита И. И. Сушкина. . 365
Дѣло гг. Василевскаго (Буквы) и Нотовича. Оскорбленіе должностного лица въ печати. 381
Дѣло Кащеевыхъ. Подстрекательство къ лжесвидѣтельству и подлогъ. 391
Дѣло Гальперна. Подлогъ векселей. 405
Дѣло о кражѣ изумрудной брошки. 425
Дѣло Е. И. Маркова и редактора „Новаго Времени“ Ѳ. И. Булгакова. Обвиненіе въ диффамаціи и оскорбленіи. 443
Дѣло Е. И. Кедрина, обвиняемаго въ оклеветаніи гласныхъ Думы. 453
Дѣло Тальмы. Убійство генеральши Болдыревой. Защита въ Сенатѣ. 473
Дѣло П. М. Зеленки. Вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку. 489
Дѣло Графа Милевскаго. Клевета 526
Дѣло Ефимьева. Подстрекательство къ лжесвидѣтельству 533
Дѣло ксендза Бѣлякевича 545
Дѣло Екатеринославскаго Банка. Защита Бразоля 559
Дѣло газеты „Русь“ 573

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отрывки. 581
Рѣчь на юбилеѣ В. Д. Спасовича 31 мая 1891 г. 584
Спасовичъ (очеркъ) 587
Рѣчь на могилѣ Урусова 593